М. КУЗМИН

Дневник

1905

1906

1907

М. КУЗМИН

Дневник

1905

1906

1907

М. КУЗМИН

Дневник 1905–1907

Предисловие, подготовка текста и комментарии
Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИВАНА ЛИМБАХА / САНКТ-ПЕТЕРБУРГ / 2000

УДК 882
ББК Ш5(2=Р)53-4 Кузмин
КУ389

Федеральная архивная служба России

Российский государственный архив литературы и искусства

Кузмин М. А. Дневник 1905—1907 / Предисл., подгот. текста
КУ389 и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. — 608 с.

ISBN 5-89059-025-1 (в пер.)

УДК 882
ББК Ш5(2=Р)53-4 Кузмин

© Н. А. Богомолов, С. В. Шумихин,
предисловие, подготовка текста, комментарии, 2000
© Д. М. Плаксин, С. Д. Плаксин,
художественное оформление, макет, 2000
© Российский государственный архив
литературы и искусства, 2000
ISBN 5-89059-025-1
© Издательство Ивана Лимбаха, 2000

Предисловие

ДНЕВНИК Михаила Алексеевича Кузмина принадлежит к числу тех явлений в истории русской культуры, о которых долгое время складывались легенды и о которых даже сейчас мы знаем далеко не всё. Многие современники автора слышали чтение разных фрагментов и восхищались услышанным (но бывало, что и негодовали). После того как дневник был куплен Гослитмузеем, на долгие годы он оказался практически выведен из обращения, хотя формально никогда не находился в архивном «спецхране», и немногие допущенные к чтению исследователи почти никогда не могли представить себе текст во всей его целостности. Относительной популярностью пользовался лишь текст первой тетрадки, перепечатанный на машинке еще в двадцатые годы, да и то потому, что сохранилась его копия в другом архиве[1], охранявшаяся не столь бдительно. Поэтому лишь отдельные сведения, содержащиеся в дневнике, были до начала девяностых годов известны историкам литературы и культуры. И вот теперь читатель, а прежде всего исследователь, получает в руки первый том полного текста многолетнего труда Михаила Кузмина. Казалось бы, остается лишь радоваться, что наконец-то есть возможность использовать сохранившиеся сведения о жизни поэта и его окружения на протяжении двадцати пяти лет — с 1905 по 1931 год...

Однако сам по себе текст еще не является самодостаточным без серьезного истолкования, которое невозможно в рамках краткого предисловия, а требует целостных исследований и, может быть, даже монографий.

Дело в том, что жизнь человека — а человека искусства в особенности — не может быть зафиксирована каким-то одним текстом, сколь бы обширен и откровенен он ни был. Автопортрет рисуется

всей совокупностью порождаемого, но и помимо него остается некий смысловой запас, нечто «невыразимое», попытаться уловить которое стремится в конечном счете тот, кто пытается воссоздать хоть сколько-нибудь цельный облик человека предшествующего времени. Читатель должен отдавать себе отчет, что любой дневник, и дневник Михаила Кузмина в том числе, не может показать человеческую личность как объективную реальность.

Тому есть ряд существеннейших причин, и прежде всего та, что для многих, как и для самого Кузмина, дневник был художественным произведением. Впервые произнес это, очевидно, Вяч. Иванов, знавший некоторые фрагменты дневника в чтении автора[2]. Не слишком трудно обнаружить, что Кузмин время от времени переносил эпизоды из дневника в свою прозу и стихи, подвергая лишь самым незначительным изменениям[3]. Очень характерен в этом отношении пример с повестью «Картонный домик». Читатель дневника, который сопоставит записи осени и зимы 1906 года с текстом повести, заметит, что какие-то фрагменты перенесены в «Картонный домик» практически без изменений, а это в кругу друзей Кузмина должно было приобретать особую окраску: некоторые читатели повести, несомненно, знали и дневник. Но вносимые изменения оказываются весьма показательными. В первую очередь относится это к характерам главных персонажей. «Картонный домик» построен главным образом на сюжетных переплетениях, которые сами по себе должны свидетельствовать о переживаниях героев, тогда как дневник — и это невозможно не признать необычным — в гораздо большей степени раскрывает психологию действующих лиц не через поступки, а через рассуждения (ср., например, дневниковую запись от 5 ноября 1906 года, где Судейкин рассказывает о своей жизни, с текстом «Картонного домика», где ничего подобного мы не найдем. Конечно, можно посчитать, что это является частью художественного замысла, желания изобразить Мятлева/Судейкина как человека, неспособного к психологическому самоанализу и вообще к сознательным поступкам. Однако ведь и Демьянов/Кузмин оказывается точно так же лишен сложности переживаний, ему оставлена лишь шокирующая хладнокровность поведения в конце страст-ного любовного увлечения).

Таким образом, дневник более, чем проза, свидетельствует о психологической эволюции Кузмина. В комментарии (см. с. 480) приведено письмо Вяч. Иванова к Кузмину, отправленное летом 1906 года, где старший поэт пытается выделить доминанту характера (а соответственно, и творчества) своего младшего сотоварища. Иванов, которому нельзя отказать в редкостной проницательности, видит Кузмина по преимуществу поэтом гармонии и призывает его и в частной, интимной жизни вернуться к этой гармонии, обрести ее

ценой сколь угодно решительной борьбы с собственными страстями и переживаниями. Тот путь к духовной уравновешенности, на который он пытается обратить друга, мыслится как путь самоограничения, оберегающего от крайностей восторга и отчаяния.

Но внимательному читателю поэзии и прозы Кузмина, даже самых ранних вещей, должно быть очевидно, что подобная гармония у него если и возникает, то не как самоограничение, а наоборот — как узкая перемычка между двумя пропастями: трагизма и восторга, мрачного отчаяния, доходящего до стремления к самоубийству, и солнечного просветления. Дневник подтверждает эту особенность творческого самосознания, наглядно демонстрируя, что гораздо чаще душой поэта овладевало именно первое состояние. Иногда, конечно, оно бывало мимолетным, рассеиваясь от погожего денька, от любой «жалкой радости», но иногда тянулось неделями и даже месяцами. Понятно, что настроение далеко не является определяющим для художника, что творчество есть непременное преодоление мимолетного. Однако понять, что́ из произведений Кузмина в каком душевном состоянии создавалось, бывает чрезвычайно полезно.

Дневник важен не только психологическими подробностями, но и сведениями о круге художественных впечатлений Кузмина, оказываясь иногда единственным источником для проникновения в смысловую структуру его произведений. Конечно, нельзя полагаться только на дневник, ибо множество фактов не нашло в нем никакого отражения, но и без его свидетельств оказывается невозможно обойтись. Таковы, например, страницы, посвященные «любви этого лета», без которых связь поэзии и правды в ранних стихотворениях Кузмина не может быть понята с необходимой степенью отчетливости. Таковы записи конца 1907 и начала 1908 года, дающие возможность осознать реальную основу мистических переживаний третьей части книги «Сети». Для исследователей, до сих пор имевших возможность опираться только на сам текст, эти четыре цикла являются квинтэссенцией абстрактных чувствований поэта, вознесенных в горние выси надбытового мирочувствования[4]. Однако дневник показывает теснейшую связь всех стихотворений как с любовью Кузмина к В. А. Наумову во всех ее перипетиях (разве что постоянно фиксируемая дневником ревность к В. Ф. Нувелю в них не попадает), так и с мистическими переживаниями, всячески культивируемыми А. Р. Минцловой и другими регулярными посетителями обители Вяч. Иванова. Эти переживания выливаются в реальные видения, которые впоследствии воплощаются в стихах едва ли не с полной документальностью, и это меняет всю перспективу прочтения стихотворений, кажущихся столь далекими от «прекрасной ясности».

В исследовательской литературе уже соотносились дневниковые записи Кузмина двадцатых годов с его тогдашними стихами, что позволяет до известной степени расшифровать то, к чему, казалось бы, почти невозможно подобрать ключи[5].

Особенно важно это в тех случаях, когда речь идет о многочисленных впечатлениях Кузмина от произведений искусства, не входящих в круг обычного внимания литературоведов. Одной из особенностей художественного сознания Кузмина было вполне органическое сопряжение в нем реакции не только на творчество Гёте или Шекспира, но и на заурядные оперетки, домашние романсы, душераздирающие кинодрамы и тому подобное. Дневник дает возможность понять, какие именно явления следует ввести в круг рассмотрения. И это — не говоря даже о том, что только дневник является документальным свидетельством чтения Кузминым Фрейда (и отношения к его теории) или уже в двадцатые годы осведомленности его о Дж. Джойсе. Чтение и изучение дневника, таким образом, дает исследователю и внимательному читателю Кузмина возможность воссоздать круг его художественных интересов намного точнее, чем если бы мы опирались только на опубликованные произведения.

Но не только о творчестве должна здесь идти речь, поскольку за фиксацией повседневных впечатлений просматривается вообще отношение творца к действительности, претерпевающей за те годы, когда он вел дневник, глобальные изменения. Кузмин не так часто писал о собственно политических своих впечатлениях (разве что о событиях революции 1905 года и реакции на них рассказано более или менее подробно), но за прихотливыми изгибами его настроений все-таки просматривается некая система, говорить о которой с полной уверенностью было бы преждевременно, хотя некоторые ее черты все же могут быть сформулированы.

В одном из писем 1907 года Кузмин говорил: «...я совершенно чужд политики, а в редкие минуты небезразличия сочувствую правым»[6]. Такое сочувствие отчетливо просматривается в дневниковых записях ранних лет (вплоть до фиксации вступления в «Союз русского народа», что стало предметом довольно оживленного, хотя и не касающегося сути дела обсуждения[7]). На самом же деле, как это увидит читатель дневника, вполне утопическое сочувствие правым для Кузмина было внутренне оправдано тем, что в его представлении именно они выражали чувства самого коренного, патриархального, православного (в том числе и придерживающегося правил «древлего благочестия») русского народа. В одном из ранних писем к Г. В. Чичерину Кузмин формулировал: «Твердая вера, неизменный обряд, стройность быта — и посреди этого живое земное дело — вот осязательный идеал жизни и счастья <...> и посреди этого быта, этой среды, воспринятой как истинная, тихое и мирное дыхание сво-

его непременно живого дела. <...> Когда есть быт, вера, жизнь (с тайнами рождения, любви и смерти), природа и дело, то чего же еще? Все прочее лишь слова, художественное безумие, журнализм, шарлатанство, политические и иные авантюры»[8]. Нам неизвестно, как Кузмин видел эту сторону жизни в более позднее время, ибо ни в дневниках, ни в письмах нет каких бы то ни было деклараций, позволяющих более или менее адекватно представить эту сторону его мировоззрения, но как кажется, именно дневник дает возможность реконструировать те принципы, которые он клал в основание своих представлений об общественном устройстве современной России. При всем разнообразии своего отношения к происходящим переменам (например, отчетливо прослеживающейся эволюции в оценке Октября 1917-го — от едва ли не ликующей восторженности до повествования об откровенной контрреволюционности), Кузмин все же остается тверд в отстаивании того, что представляется ему истинной сутью его самого не только как художника, но и как русского человека, обладающего широкими космополитическими воззрениями, часто погруженного в атмосферу самых разнообразных цивилизаций, но в то же время отчетливо осознающего себя частью того народа, живая история которого длится по своим собственным законам, далеко не совпадающим с западными образцами. Важнейшей составной частью этого комплекса является (восходящее, возможно, к Константину Леонтьеву) понимание того, что внешнее стеснение предоставляет человеку колоссальную свободу для внутреннего саморазвития. Отказываясь от внешнего, он развивает внутреннее, и именно в духовном существовании обретает истинный смысл его частная жизнь, а вместе с тем — и жизнь его как человека общественного, так или иначе участвующего в бытии всех остальных своих соотечественников.

Именно это, по всей видимости, объясняет отказ Кузмина от эмиграции и его способность существовать в советской действительности не только двадцатых годов, но и гораздо более жестоких тридцатых[9]. Конечно, ему, как и всем людям его поколения, приходилось переживать лишения и унижения, но все же он был избавлен не только от тюремно-лагерной судьбы, но даже и от высылки из Ленинграда в «кировском потоке». И вряд ли тут вступила в силу протекция Г. В. Чичерина (тот и сам в те годы уже был отодвинут на задний план) или кого-нибудь из высшего чекистского руководства — даже дебютировавший как писатель вместе с Кузминым в «Зеленом сборнике» (1905) В. Р. Менжинский не изъявлял, сколько нам известно, особого желания помогать в трудных ситуациях[10], а уж после его смерти поиски заступничества и вообще стали невозможны. Кузмин сумел уйти с арены литературной жизни столь бесповоротно, что в тогдашнем Ленинграде его просто-напросто было некому

из власть имеющих вспомнить. Но и тогда духовная жизнь, художественные искания, интерес к мировой культуре оставались столь интенсивными, что поражали молодых собеседников поэта своей уникальностью. В то время как мемуаристы русской эмиграции видели в Кузмине человека давно ушедшей в прошлое эпохи, угасающего «в черном бархате советской ночи», искусствовед В. Н. Петров, часто навещавший его в те годы, оставил нам портрет человека, чья интеллектуальныя жизнь шла на глубине, очень часто недоступной его собеседникам, особенно людям советской генерации[11].

Таким образом, свидетельства дневника оказываются совершенно бесценными как для интересующегося Кузминым читателя, так и для историка, воссоздающего облик эпохи. Но чтобы верно проникнуть в его суть, надо обладать определенным ключом или ключами, ибо далеко не на все интересующие читателя вопросы текст отвечает прямо и недвусмысленно. Скорее, наоборот: довольно часто попадаются непонятные, зияющие провалы. Целые недели, если не месяцы, оказываются пропущенными или заполненными записями о мелочах повседневной жизни. Некоторые упоминаемые люди скрыты так, что «вычислить» их личность почти не представляется возможным. Чаще всего к минимуму сведены суждения о литературе и искусстве. Порой приходится лишь догадываться о том, что Кузмин в том или ином случае имеет в виду, и далеко не всегда эти моменты поддаются точному комментированию: слишком многого о жизни Кузмина мы не знаем.

Прежде всего, конечно, это касается событий, происходивших до того момента, с которого дневник до нас дошел, но оказывавших влияние на всю последующую жизнь. Уж, казалось бы, сведения о спутнике Кузмина по путешествию в Египет «князе Жорже» найти должно быть легко: офицер Конного (так чаще всего называли Конногвардейский) полка, на несколько лет старше, умер от болезни сердца в Вене, причем дата смерти устанавливается без труда... Но ни просмотр газетных некрологов, ни поиски в приказах по армии, фиксирующих всякие перемены в списках, в том числе увольнение или смерть, не дали ничего. Стало быть, в личности этого человека есть некоторая загадка, не поддающаяся пока разрешению. То же относится к годам увлечения Кузмина старообрядчеством: долгие годы считалось, что он сам был старообрядцем (иногда даже говорилось и о старообрядчестве его родителей, что решительно невозможно). Кажется, после чтения дневника не остается сомнений, что в раскол он действительно не входил, но круг его общения той эпохи остается загадочным, так же как очень многие — и важные! — обстоятельства итальянского путешествия и его ближайших последствий[12]. Но не меньше загадок оставляют нам и годы, когда дневник уже существовал. Откуда, например, взялся в жизни Кузмина Юрий

Юркун, его многолетний спутник? Можно только догадываться. Как Кузмин познакомился с Гумилевым или с Вагиновым? Что скрывается за фразой С. Ю. Судейкина, обращенной к актрисе В. В. Ивановой: «Я бы вам дал пощечину» (фраза эта попала и в повесть «Картонный домик»[13])? Что означают критические замечания о споре, в результате которого появилось стихотворение Анненского «Моя тоска» (запись от 11 ноября 1909 года)?

Подобные примеры можно множить. Отвечая на ряд вопросов, дневник М. А. Кузмина ставит не меньше новых. Поэтому читатель дневника должен не только читать сам текст и комментарии к нему, но и знать основные поэтические и прозаические произведения Кузмина, так как только соположение текста автокоммуникативного (каким является дневник) с различными художественными даст возможность увидеть образ автора. Совершая мысленный путь от дневника к прозе и поэзии, а от них снова возвращаясь к дневнику, читатель обретает возможность воссоздать тот текст жизни, который оставил нам М. Кузмин.

Идея издать дневник либо продать его коллекционеру рукописей обдумывалась Кузминым начиная с 1918 года, когда он делил с Ю. И. Юркуном и матерью Юркуна В. К. Амброзевич полунищенское существование. Обсуждалась эта мысль, в частности, с коллекционером С. А. Мухиным[14] и с книготорговым кооперативом (впоследствии издательством) «Петрополис», в правление которого входил Кузмин[15]. Вероятно, в то время была сделана машинописная копия с первой тетради дневника, о которой мы уже говорили и экземпляры которой хранятся в РНБ и в РГАЛИ[16]. Однако проектам издания не суждено было осуществиться. Более того, можно предположить, что в результате неудачных коммерческо-издательских попыток были утеряны две тетради дневника — а именно VII (29 октября 1915—12 октября 1917) и IX (28 июля 1919—27 февраля 1920). Впрочем, это предположение совсем не безоговорочно: вполне возможно, скажем, что в тетради IX были упоминания о дезертирстве Юркуна, подделавшего документы, дабы избежать мобилизации в Красную Армию, и Кузмин, опасаясь за своего спутника, сам мог уничтожить тетрадь перед продажей дневника московскому Государственному литературному музею (о чем будет сказано ниже).

В дальнейшей судьбе дневника Кузмина, по-своему драматичной, отразились многие характерные черты эпохи, когда бумаги, рукописи, документы стали играть в жизни человека роль неизмеримо более важную, нежели прежде, зачастую превращаясь в вещественные доказательства.

В ночь с 13 на 14 сентября 1931 года сотрудники ЛенОГПУ поднялись на пятый этаж дома 17 по улице Рылеева и произвели в комнатах Кузмина и Юркуна обыск и то, что на их профессиональном жаргоне называлось «выемкой». Формально обыск был связан с Юркуном, хотя неясно, что же ему инкриминировалось. Чекисты изъяли коллекции Юркуна, его рукописи и рисунки, а также три последних по времени тетради дневника Кузмина (XX, XXI и XXII — с 29 июня 1929 по 13 сентября 1931).

На следующий день Кузмин начал тетрадь XXIII своего дневника с упоминания о прошедшем накануне обыске. На сей раз дневник представлял собой стопку непереплетенных листков формата записной книжки или маленькой тетрадки. Записи были предельно лаконичны, возможно, сознательно «затемнены» от постороннего взгляда[17]. Одновременно Кузмин активизировал попытки продать свой дневник, так как основания для опасений, что его могут просто изъять, были более чем вескими.

В конце 1933 года эти попытки увенчались полным успехом, какого Кузмин, кажется, даже не ожидал (судя по тональности его благодарственных писем директору Государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевичу). Гослитмузей в Москве, через своего представителя в Ленинграде Ю. А. Бахрушина, по предложению художника Н. В. Кузьмина, приобрел дневник и ряд рукописей Кузмина, причем за дневник Кузмин получил огромную для себя сумму — 20 000 руб., в то время как за прочие рукописи архива ему выплатили всего 5 000 руб. 17 декабря 1933 года писатель сообщал Ю. А. Бахрушину о получении денег: «Дорогой Юрий Алексеевич, я послал расписки в получении денег Владимиру Дмитриевичу <Бонч-Бруевичу>. Дошло все благополучно, хотя почтовое отделение и было потрясено, и мы ходили дважды с чемоданами получать мои тысячи, как в старом кино „Ограбление Виргинской почты". Да, значит: архив ушел, деньги уйдут, но, надеюсь, приобретенные при этом хорошие отношения останутся»[18]. В письме к В. Д. Бонч-Бруевичу Кузмин писал, что продает дневник «с правом обнародования после моей смерти, а если при жизни, то всякий раз с моего разрешения»[19].

В ответном письме Кузмину от 28 ноября 1933 года Бонч-Бруевич пообещал: «О тех трех томах Вашего сборника, которые у Вас исчезли, я буду хлопотать и надеюсь, что мы их в конце концов добудем»[20]. Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что здесь подразумеваются именно изъятые ГПУ три тетради дневника Кузмина. (К слову: подобная наивная «конспирация» — довольно характерная черта в переписке директора ГЛМ, время от времени оказывавшегося в щекотливом положении, когда его интерес в отношении той или иной рукописи пересекался со специфическим интересом репрессивных органов к ее автору или владельцу.) Однако и по сегодняшний день

эти части дневника Кузмина отсутствуют в открытых архивах, из чего следует, что предпринятые Бонч-Бруевичем меры по их розыску и возвращению из ОГПУ—НКВД оказались недостаточными.

Более того, уже 1 февраля 1934 года помощник начальника Секретно-политического отдела ОГПУ М. С. Горб запросил к себе «для изучения» архив и дневник Кузмина, а также воспоминания бывшего начальника Корпуса жандармов и министра внутренних дел В. Ф. Джунковского, незадолго до того приобретенные Гослитмузеем. Вероятно, музей информировал соответствующие службы ОГПУ о составе своих приобретений, — иначе нельзя объяснить осведомленность Горба. Но об этом чуть ниже, когда пойдет речь о попытках директора музея Бонч-Бруевича добиться возвращения архивных материалов с Лубянки.

28 апреля 1934 года специальная комиссия Культурно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б) проверяла работу Гослитмузея. Особенное внимание было обращено на расходование музеем средств на приобретение рукописей. Не видя самого дневника, который находился у М. Горба, комиссия лишь на основании сдаточной описи и платежной ведомости резко отрицательно расценила приобретение дневника, дав также заочную оценку содержанию всего архива писателя. О характере докладной записки, направленной в Политбюро ЦК ВКП(б), можно до некоторой степени судить по письму Бонч-Бруевича наркому просвещения А. С. Бубнову от 20 мая 1934 года:

«Дорогой Андрей Сергеевич, считаю необходимым дать Вам точное объяснение по поводу известной Вам бумаги, направленной в Политбюро[21], и приложить к моим объяснениям исчерпывающие документы.

1. На 2-й странице говорится, что нами „куплен архив поэта Кузмина за 25 000 рублей. Архив содержит в себе записи, по преимуществу, на гомосексуальные темы, музейной и литературной ценности не представляет".

Вы уже знаете из моего письма к Ягоде, которое я Вам передал, что все это совершенно неверно. Прежде всего, этот архив представляет собой большую музейную и литературную ценность, так как в него входят неопубликованные рукописи самого Кузмина. <...> Кроме того, Вы найдете в описи № 500, при сём Вам прилагаемой, 19 томов дневника самого Кузмина[22], где, конечно, много всевозможных литературных сведений. Дневник наполнен также и гомосексуальными мотивами, как и вообще все творчество Кузмина и его школы, но, повторяю, есть много ценного и важного для изучения <и> понимания того направления левого символизма, к которому Кузмин принадлежал и которое является ярким выражением разложившегося нашего буржуазного общества в конце 19-го и особенно начале 20-го века»[23].

Вряд ли Кузмин догадывался о степени «интереса» к его дневнику зловещих органов, о высоких рангах советских сановников, в той или иной степени причастных к возне вокруг его рукописных томиков: дневник «изучался» в ОГПУ на протяжении целых шести лет. Представится ли когда-нибудь возможность выяснить, в какой степени те или иные аресты либо чекистский шантаж на основании извлеченных «компрометирующих сведений» основывались на его содержании? Вместе с тем то, что его дневник опасен (а для 1930-х годов — опасен смертельно), Кузмин не знать не мог. И вот, уставший от постоянного безденежья, он собственноручно вручает «домашнюю энциклопедию целой литературной эпохи» представителям государственного учреждения. О сущности этого государства ни малейших иллюзий у Кузмина не было, и тем не менее... «Не стал ли Кузмин убийцей (в метафизическом, разумеется, смысле) своего любимого друга и многих других подававших надежды прозаиков и поэтов? И вероятно, уже никто не узнает, сколько таких косвенных убийств лежит на совести этого изящного человека, в котором совсем не хочется видеть — в унисон с ахматовской концепцией „Поэмы без героя" (где он выведен в маске сеющего зло Калиостро) — посланника Ада, толкующего о „страсти нежной" и увлекательной дружбе-любви...» — пишет А. Г. Тимофеев[24]. Думается, версию о том, что на основании дневника были произведены десятки арестов, документально подтвердить или опровергнуть никогда уже не удастся, но известные методы, которыми действовали органы НКВД, делают такое предположение вполне вероятным.

28 июня 1939 года Бонч-Бруевич, обеспокоенный судьбой приобретенных материалов, обратился к недавно назначенному наркому внутренних дел Л. П. Берия с таким письмом:

«Дорогой Лаврентий Павлович, еще 1-го февраля 1934 г. следователь, пом<ощник> нач<альника> СПО ОГПУ М. Горб, ведя какое-то дело, заинтересовался архивом поэта, писателя и переводчика Кузмина, который находился в нашем Музее, а также воспоминаниями В. Ф. Джунковского и просил ему доставить эти материалы на просмотр, что я, конечно, сейчас же и сделал. В получении этих материалов он выдал мне следующую расписку, подлинник которой сохраняется у меня в сейфе в с<екретной> переписке:

Архив М. А. Кузмина по описи № 500, всего 17942 листа, а также архив Джунковского за № 1233, четыре папки, мною получен и из Лит. Музея от тов. Бонч-Бруевича получил.

ПОМ. НАЧ. СПО ОГПУ

М. ГОРБ

11/II—1934

Так как этот архив и воспоминания числятся у меня на балансе, то мне неоднократно указывалось руководящими органами, что я

должен выяснить судьбу этих материалов и просить их как можно скорее вернуть в архив. Я много раз звонил по всевозможным телефонам и, в том числе, в былое время этому М. Горбу, просил вернуть эти материалы, или дать официальную расписку в том, что эти материалы задержаны ОГПУ для своих надобностей. Мне все время было обещано, что вот-вот эти материалы будут возвращены, но до сих пор их так и не вернули. <...>

Очень прошу Вас приказать сделать это возможно скорее, так как я совершенно обязан перед контролирующими органами в течение 3-го квартала этот вопрос выяснить и исчерпать его до конца, чтобы дать отчет по этому вопросу вышестоящим над нашим Музеем контролирующим органам»[25].

Однако ждать возвращения дневника и архива Кузмина в Гослитмузей пришлось до 5 марта 1940 года, причем вернули не все: 32 единицы хранения, общим объемом в 339 листов, пришлось списать как безвозвратно утраченные.

Тем временем Кузмин продолжал вести дневник и после 1933 года. Судьба этих тетрадей оказалась трагична: они были конфискованы НКВД после ареста и расстрела Ю. И. Юркуна (арестован 19 марта, казнен 21 сентября 1938 года) и смерти его матери В. К. Амброзевич вместе со всеми бумагами и книгами, остававшимися как от Кузмина, так и от Юркуна. О. Н. Арбенина пыталась выручить книги и рукописи через Бонч-Бруевича. Она писала ему 10 октября 1938 года:

«...оставшиеся после смерти Кузмина рукописи были переданы решением суда проживавшей с ним в одной квартире В. К. Амброзевич (она была в течение многих лет его домохозяйкой и иждивенкой), а душеприказчиком был назначен ее сын, писатель Юрий Юркун. <...> Сейчас положение такое: Юркун был арестован в феврале этого года; мать его умерла; в данное время он выслан и имущество его конфисковано[26] <...>. Разрешите мне перечислить хоть приблизительно то, что, по моим сведениям, было вывезено из квартиры вместе с библиотекой:

1). Рукопись мемуаров Кузмина[27].

2). Рукопись исторической драмы «Нерон» и целый ряд ненапечатанных стихов и прозы и черновиков.

3). Часть кузминского архива (письма, рецензии, фотографии).

4). Рукописи Юркуна (воспоминания о Маяковском, о Кузмине, пьесы и рассказы).

5). Музыкальные произведения Кузмина, а также ряд дневников неизвестных лиц, имеющих исторически-бытовое значение.

К сожалению моему, мне неизвестно, куда все это имущество было направлено и какова будет его дальнейшая судьба. <...> Конфискация библиотеки и архива была произведена 8 октября 1938 года»[28].

21 апреля 1939 года Бонч-Бруевич направил в Управление НКВД Ленинграда следующее письмо:

«Я получил в конце 1938 года письмо от одной из почитательниц умершего поэта М. А. Кузмина, что библиотека и архив М. А. Кузмина, которые перешли после его смерти Ю. Юркуну (адрес: Ленинград, Дзержинская линия, ул. Рылеева, 17, кв. 9), был<и> конфискован<ы> ввиду того, что этот Юркун оказался прохвостом и был изъят из обращения органами НКВД.

Поэт М. А. Кузмин принадлежал к упаднической школе литераторов конца 19 — начала 20 <века>. Но целый ряд его работ, особенно переводных, очень интересны и значительны. Мне сообщают, что среди рукописей, которые были конфискованы, находились: рукописи — мемуары Кузмина, историч<еская> драма „Нерон", до сих пор не напечатанные, и целый ряд неопубликованных стихотворений и прозы, а также его черновики; письма Кузьмина; рукопись с воспоминаниями о Маяковском; рисунки современных и старых художников, гравюры и литографии; большое количество материалов по быту, театру, цирку, виды русской провинции, старого Петербурга, материалы по революции; оригиналы рисунков, а также фотографии и пр., и т. п.

Ввиду того, что в нашем Государственном литературном музее имеется довольно значительное количество материалов умершего поэта Кузмина, нам бы очень хотелось, чтобы и этот фонд также был прислан нам для воссоединения его с тем, что у нас уже имеется. Если Вы находите возможным это сделать и если эти материалы не имеют никакого значения для НКВД как такового, то я очень просил бы не отказать эти материалы нам прислать или почтой, или железной дорогой, смотря по их объему. Если же Вы находите нужным, чтобы для этого приехало особое уполномоченное лицо для приемки их, то прошу нам об этом сообщить, и мы такое лицо командируем в Ленинград.

С коммунистическим приветом.

ДИРЕКТОР ГОСЛИТМУЗЕЯ Влад. Бонч-Бруевич»[29].

Ответа на письмо директора Гослитмузея не последовало. Но о сгинувших в недрах кровавого ведомства тетрадях дневника продолжали ходить легенды. 8 декабря 1938 года Э. Ф. Голлербах передавал в своем дневнике содержание разговора с А. Д. Радловой:

«Сокрушение о пропавших дневниках К<узмина> за последние годы (позже я узнал, что пропала только одна тетрадь, остальные были в свое время скопированы на машинке и где-то сохранились, как и большая часть других рукописей К<узми>на»)[30].

По наиболее правдоподобной версии, часть рукописей вывалилась на лестнице из прорвавшегося мешка, в котором уносили бумаги Юркуна вместе с остатками архива Кузмина, и таким образом

сохранилась у О. Н. Арбениной — с тем чтобы погибнуть в блокаду, за немногим исключением (вероятно, отдельные тетради были скопированы еще до ареста Юркуна). Уцелевшие фрагменты воспроизводились в публикациях последнего времени[31]. Однако есть сведения, что еще в 1970-е годы исследователям были доступны и другие части дневника, а стало быть, не исчезает надежда обнаружить новые страницы этого уникального документа.

Н. А. Богомолов, С. В. Шумихин

Примечания

1. *РНБ.* Ф. 625. Ед. хр. 718. Частично опубликован Ж. Шероном: Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1986. Bd. 17. S. 397—436.

2. См.: Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 749—750.

3. Подробнее см.: *Богомолов Н. А.* Автобиографическое начало в раннем творчестве М. Кузмина // Н. А. Богомолов. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С. 117—150.

4. См.: *Гаспаров М.* Художественный мир писателя: Тезаурус формальный и тезаурус функциональный (М. Кузмин, «Сети», ч. 3) // Проблемы структурной лингвистики: 1984. М., 1988. С. 125—136 (то же — в кн.: *Гаспаров М. Л.* Избранные труды: В 3 т. М., 1997. Т. 2. С. 416—433); *Harer K.* Michail Kuzmin: Studien zur Poetik der fruhen und mittleren Schaffensperiode. Munchen, 1993. S. 58—81.

5. См.: *Богомолов Н. А.* Вокруг «Форели» // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С. 206—211 (далее это издание обозначается: *МКиРК*); *Ратгауз М. Г.* Кузмин — кинозритель // Киноведческие записки. М., 1992. Вып. 13. С. 52—82.

6. Письмо к В. Я. Брюсову от 6 октября 1907 г. // *РГБ.* Ф. 386. Карт. 91. Ед. хр. 12. Л. 22.

7. См.: *Селезнев Л.* Вступал ли Михаил Кузмин в «Союз русского народа»? // Литературная Россия. 1991. 17 мая (с купюрами идеологического характера); То же // Литературное обозрение. 1992. № 3—4 (пол.).

8. *РНБ.* Ф. 1030. Ед. хр. 22. Л. 56—56 об.

9. О его жизни того времени наиболее существенные свидетельства представлены в дневнике 1934 г., недавно опубликованном (СПб., 1998).

10. См., впрочем, упоминание о визите Кузмина к Менжинскому осенью 1931 г. с просьбой освободить Ю. Юркуна от вербовки в осведомители ОГПУ (Новое литературное обозрение. 1994. № 7. С. 189. Запись в дневнике от 30 ноября 1931 г.). Встреча, по-видимому, была устроена при посредстве Лили Брик.

11. См.: *Петров В.* Калиостро: Воспоминания и размышления о М. А Кузмине / Публ. Г. Шмакова // Новый журнал. 1986. № 163. С 81—116; то же (в сокращ.): *Петров В. Н.* Из «Книги воспоминаний» // Панорама искусств. М., 1980. Кн. 3. С. 128—161.

12. С. Гардзонио поделился с нами сведениями о том, что в результате интенсивных поисков во флорентийских архивах ему не удалось обнаружить никаких следов каноника Мори, с которым Кузмин находился в длительном контакте.

13. Запись от 30 декабря 1906 г.

14. Упоминания об этом встречаются в записях зимы и весны 1918 г.

15. См. об этом в статье А. Г. Тимофеева «Михаил Кузмин и издательство "Петрополис"» (Русская литература. 1991. № 1. С. 190—191). Там же опубликован договор об издании дневника 1905—1920 гг., заключенный в феврале 1921 г. между Кузминым, Я. Н. Блохом и А. С. Каганом. Отметим, что издание автором дневника, да еще столь интимно-откровенного, в котором многие современники могли бы прочесть о себе довольно нелицеприятные вещи, было бы беспрецедентным и скандальным актом, вряд ли имевшим реальные шансы на осуществление. Скорее всего, дневник предполагалось опубликовать с сокращениями и с серьезной авторской редактурой.

16. Пункт о копировании дневника за счет «Петрополиса» есть в издательском договоре. Перепечатан был не только первый том, но и предшествовавшие записи (с 22 августа по 1 сентября 1905 г.). По-видимому, они были сделаны на отдельных вкладных листках и впоследствии утрачены.

17. XXIII тетрадь опубликована С. В. Шумихиным в журнале «Новое литературное обозрение» (1994. № 7. С. 170—193).

18. *ГЦТМ.* Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 206. Л. 1. Здесь цит. по: *Тимофеев А. Г.* Семь набросков к портрету М. Кузмина // М. Кузмин. Арена. СПб., 1994. С. 33—34.

19. *РГАЛИ.* Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 1349.

20. *РГБ.* Ф. 869. Карт. 167. Л. 4 об.

21. Речь идет о докладе Я. С. Агранова Сталину от 16 апреля 1934 г. «О центральном музее художественной литературы, критики и публицистики», размноженном 22 апреля того же года «по поручению тов. Сталина» и с грифом «совершенно секретно» разосланном членам и кандидатам в члены Политбюро. Кроме упоминаний о приобретении мемуаров Джунковского, рукописей Андрея Белого, а также сведений о сотрудниках Гослитмузея и цитирования их высказываний, в докладе говорится (курсивом выделено подчеркнутое Сталиным):

«Имеющиеся в ОГПУ данные о музее свидетельствуют *о превращении его в базу по оказанию материальной помощи бывшим людям, церковникам, политссыльным и белоэмигрантам за счет государственных средств*, отпущенных для приобретения литературных материалов.

Так, музеем куплен за 20 000 руб. архив поэта Кузьмина <так!>. Архив содержит в себе записи преимущественно на гомосексуальные темы. Музейно-литературной ценности не представляет» (Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 212. Приносим благодарность А. Ю. Галушкину за указанную цитату).

22. Бонч-Бруевич пишет о девятнадцати томах, тогда как на деле тетрадок было всего семнадцать, имея в виду, очевидно, их номера по авторской нумерации — с I по XIX. Тетрадь XXIII поступила значительно позднее уже в ЦГАЛИ.

23. *МКиРК.* С. 141—142.

24. *Кузмин М.* Арена. С. 35. Резкую полемику с такой точкой зрения см.: *Морев Г.* По поводу петербургских изданий М. Кузмина // Новое литературное обозрение. 1995. № 11. С. 331—332.

25. *МКиРК.* С. 142—143.

26. После расстрела приговоренных родственникам и близким объявляли о их якобы «высылке на 10 лет без права переписки». До конца 1940-х гг. О. Н. Арбенина сохраняла надежду, что Юркун жив.

27. Скорее всего, под мемуарами Кузмина подразумевается его дневник последних лет.

28. *МКиРК.* С. 144—145.

29. *РГАЛИ.* Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 3258. Л. 38.

30. *МКиРК.* С. 230.

31. По копии с хранившейся у Арбениной машинописи пьеса «Смерть Нерона» была опубликована в третьем томе мюнхенского «Собрания стихов» (1977), а по самой машинописи — в третьем томе «Театра» (*Кузмин М.* Театр: В 4 т. (в 2 кн.). Berkeley, [1994]. Кн. 1. С. 322—380); прозаический текст «Пять разговоров и один случай» по машинописи был напечатан Ж. Шероном (Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1984. Bd. 14. S. 372—382; этот же текст воспроизведен в кн.: *Кузмин М.* Проза. Berkeley, 1990. [Т.] IX. С. 377—394), а затем, уже после поступления рукописи на государственное хранение, более исправно — Г. Моревым (Митин журнал. 1997. № 54. С. 277—287). Наконец, по машинописи, ранее принадлежавшей Арбениной, а ныне хранящейся в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, дневник 1934 г. опубликован Г. Моревым (*Кузмин М.* Дневник 1934 года. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1998; ср. рец.: *Лавров А. В.* «Секрет приятного стиля» // Новый мир. 1999. № 5. С. 221—224). В последнем из названных изданий отметим подробный анализ упоминаний о существовании других фрагментов позднего дневника (С. 181—182).

Дневник

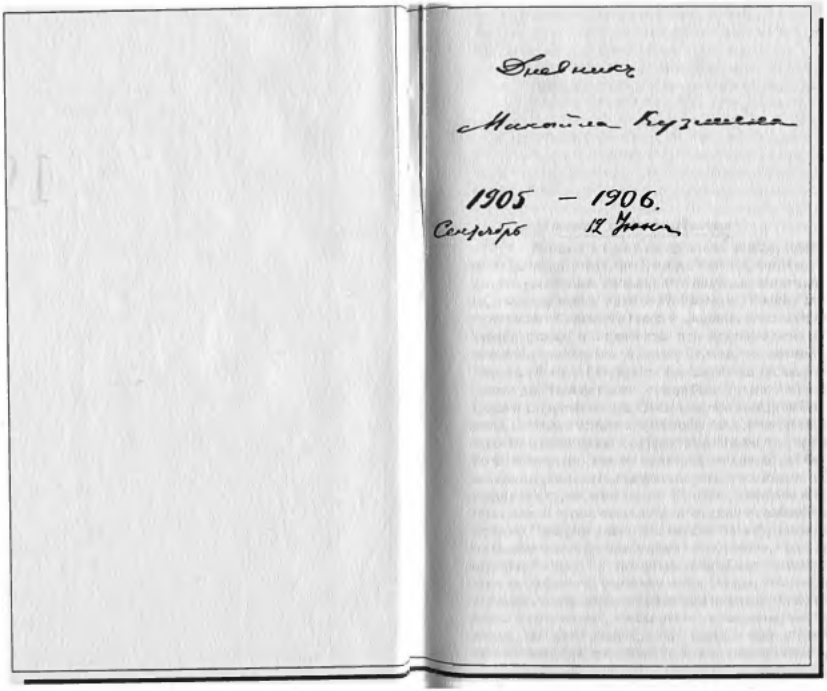
1905

1906

1907

1905

Титульный лист первой тетради дневника М. Кузмина. Автограф



22 августа 1905 года. Удельная*.

Когда я в среду на прошлой неделе, приехав на городскую квартиру, узнал, что Гриши с Успенья, когда мы с ним довольно сухо расстались, не было, то я подумал, что это отчасти развязка, и мне сделалось легко от этой мысли. Поэтому, когда я в субботу приехал с Сережей в город и дворник, отдав мне письма от Чичерина, сказал, что ключ взят и на квартире меня дожидаются, я несколько растерялся. Я сказал Сереже, что должен остаться, постараюсь быть у Екатерины Аполлоновны до часу и неизвестно, приеду ли. Чека не было[1], у меня было только несколько серебра с Гришей до понедельника. Оказалось, что в среду он был тотчас после меня, ночевал с четверга на пятницу один, весь залеж булок подъел, керосин и свечу пожег и оставил мне письмо, где, право, трогательно было описано, как он приходил несколько раз без меня, ночевал один, приходил под вечер смотреть, не освещено ли у меня окно, уходил на Остров, «поплакав». Конечно, в письмах все выходит трогательнее. Я тотчас послал его за булками и колбасой; денег совсем не было. Чичерин писал, что «нужно быть суровым к себе, вспомни бедствования франц<узских> эмигрантов, такое время, близок страшный суд» и т. д. Гриша места не нашел, но было очень весело пить чай и болтать, особенно когда, увидав, что денег всего 25 к., я придумал пойти закладывать ложки и кольца. Я уже вытащил их из ларца и приготовил, чтобы нести; в ожиданьи мы легли побаловаться, как вдруг звонок; почти голый я взял у почтальона через цепь письмо. Ура! чек. Гриша сидел еще совсем голый на своей крас-

* Записи с 22 августа по 1 сентября 1905 г. сохранились только в машинописной копии.

ной рубашке, как Нарцисс, болтая ногами, на сундуке. Я помчался в банк, потом к Петрову за покупками. Вернувшись, мы пошли обедать в Мариинскую[2], потом я поехал к Ек<атерине> Ап<оллонов-не>, не застав которой пришел на новую квартиру распорядиться и справиться об обоях. На обратном пути зашел к Казакову в магазин, отдал долг и пил чай с яблоками; было как-то уютно, и я не без удовольствия вспомнил, как я жил с ними. Он уговаривал меня не продавать книг Большакову или Макарову, а лучше обратиться к Скроботову или Академиям[3]. Обещал достать мне денег рублей 300—400 между 26-<м>—2-<м>. Просил, чтобы я заправил их лампадки, причем добавил, что без меня его жена зажигала и мои, «без различия веры». Меня это очень насмешило. Но мне давно не было так уютно; беспечность этого человека феноменальна и действует очень ободряюще, притом, из каких не знаю целей, он расположен ко мне. Гриша уже ждал меня, приготовил самовар, собрал белье, и мы поехали в бани, что в Апраксином переулке. Это прямо какие-то Петербургские трущобы, по узкому темному двору идти чуть ли не полверсты, все старо, грязновато, но жарко до прелести, и мы отлично выпарились, и вымылись, и напились отвратительного кваса. Масло уже было принесено Сергеем, керосин, свечи куплены; мы зажгли все лампады, развели самовар, зажгли свечи, лампу, и было очень приятно, никого не стесняясь, сидеть вдвоем, слушая поучительные рассказы Григория об их посетителях. Гриша лег спать, раздевшись, без всяких гримас, но, в общем, мне было спать неудобно, потому что по-прежнему он ночью бормотал, брыкался и прижимал меня локтями к стене. Проснувшись утром, я удивился, почувствовав, что под моей головой чья-то рука, и, только увидав его лицо совсем близко, я сообразил, где я. Одетый, и особенно на улице, нельзя предположить, как он хорош голый или совсем близко. Первое, что меня поразило, — это красота его тела и особенная сладострастность лица (я помню, как подумал: «Вот педерастическая красота»), хотя, конечно, он слегка мордаст и похож на татарина. Утром был туман, после чая мы играли в карты. Милая квартирка, и комнаты, и вид на Исакий, — мне, право, жаль ее и Казаковых. Оставаясь с ними, я мог бы поселить Григория с собой; он так просится в слуги, но это положительно невозможно. Я довез его до Невского и, несколько раз оборачиваясь, видел его обернувшееся лицо с улыбкой. В Удельной ничего нового. Побаливают зубы. Написал слова «Алекс<андрийских> песен». Читал «Pierre Nozière»[4]. Очень хорошо. Дело отложено, самое скорое, до декабря[5]. Достанет ли Казаков?

24

Вчера Варя с ребятами отправились на Успенское кладбище, а я в город. На квартире нашел письмо от Григория, что ве-

чером он будет; от Юши письмо, хотя с наставлениями, но благоприятное[6]. Дворник спрашивал, прописывать ли Гришу, и говорил, что тот ночевал накануне, а что когда он (дворник) был на квартире у Казакова, тот ему ничего особенного не говорил; я боюсь, нет ли тут подвоха, что Георгий Мих<айлович> так долго не меняет книги. С Георг<ием> Мих<айловичем>, который взял у меня в долг 25 р. «до завтра», и Ив<ан> Ив<ановичем>. Захаровым мы пошли обедать в Мариинскую. Ив<ан> Ив<анович> мне больше прежнего понравился, хотя говорит слишком витиевато-деликатно. В гостинице сидели 2 уморительно пьяные купца, из которых один заявлял: будь у него 100 000 рублей, он не сидел бы на яйцах, а какую угодно норму развел, между тем как второй твердил, что норму показать нужно тоже уменье. На заре был проливной веселый дождь с градом; сквозь...* желтело небо, и я весело, с провизией, добрался до дома. Мне жалко вида из нашего окна на Петербург под вечерней зарею; тут впечатление большого стихающего города, какой-то Александрии, и печаль от него. Я зажег лампы, лампады, затопил печку в спальне, поставил самовар и решил, переменив подушки и белье, лечь на казаковской постели. Часов в 10 явился Гриша, выпивши, но веселый и возбужденный; он поступает в Казачий и завтра уже идет на место с вещами. Он сейчас же сбегал за вареньем и водкой. Сначала вспомнил, с кем дрался, потом все жаловался на Михайлу и грозился его побить и вдруг заснул. Я не мог представить, чтобы человек мог так моментально заснуть. Потом говорил, что пиво с водкой нельзя мешать, что он не предполагал такого результата, что его мутит, пошел елеле под кран мочить голову и улегся, открыв все окна, на деревянный диван в кухне. «Как только очнусь, обязательно приду на постель и разбужу вас, меня живо ветром обдует». Я потушил лампы и при свечке стал читать «Лимонарь»[7], но настроения не было; я стал без сапог ходить по комнатам: везде лампады, в спальне тепло, тихо, Гриша, лежа ничком, похрапывает: будто Пасха. Потом повел его, немного очнувшегося, в спальню, раздел и лег рядом, долго не засыпая. Потом он попросил пить и отвечал на мои исканья. Утром он уехал. Да, в тот же день утром, будучи у зубного врача, чтобы вырвать зуб, я заметил, какой чудный, пьянящий вид у крови. Казаков отдал только 3 рубля, просил не говорить, что я уезжаю, что он уезжает, и, когда я проезжал мимо, он продолжал задумавшись стоять на крыльце своего магазина, как вышел меня провожать. Ох, плоха что-то надежда. Как-то все устроится? Варя сегодня уже поехала перевозиться; как-то я, получу ли деньги в субботу? Дело наше не так уже безнадежно, в долгий

* Пропуск в машинописи.

ящик. Вечером был дождь, и я играл «Аиду»[8] и Шуберта у Кудрявцевых. Ничего особенного. Гриша обещал приходить хоть каждое воскресенье: решительно не знаю, как буду его принимать.

25

Варя поехала перевозить часть мебели. Сережа в гимназии, и я остался один с ребятами; день был чудный, и я не так скучал, как предполагал. Но в город страшно хочется. Сережа привез «Фигаро»[9]: такой, право, милый мальчик. Вечером ходили к Балуевым. У них ужасная суматоха, масса каких-то теток и просто барынь, поцелуи, крики, охи, целое столпотворение. На даче, которую я заметил, никого уже не было; там вдали есть дачи с лесом, спускающимся к шоссе, которые напоминали более привольное житье большими семьями, с веселыми детьми, играми и довольством. Вечером, разбирая письма, Сережа показал мне мое прощальное письмо к Алеше[10], как это было давно! Люблю ли я его еще? Если бы я его встретил, рад ли был бы я? Может быть. Но все это как сон. Скоро в город. Я думаю, что это будет уютно.

26

Сегодня смутный, теплый и тяжелый день; утром, раньше, чем я вышел сверху, Варя попросила у меня, не могу ли я ей отдать часть денег, так как ей нужно до приезда мужа. Так как денег у меня не было, я не мог исполнить ее просьбы. Она сказала, что все равно обойдется, но всегда отказывать ей мне тяжелее, чем другим, так <как> просить не в ее обычае и характере. Потом она говорила, что у нее часто не хватает денег, что Прокофию Степановичу деньги за комнату и должные можно подождать, что она заложила ложки, которым срок истек 17 августа, и они пропали, и всего за 3 рубля, и потом почти под дождем пошла с ребятами за грибами. Мне стало необыкновенно тоскливо. Сергей все прикладается, м<ожет> б<ыть>, ему нездоровится. После завтрака отправился все-таки в город с тетей. Тетя увлечена писаньем дела, с распущенными седыми, уже недлинными волосами, вроде Louise Michel или Ж. Санд. Она мне вдруг показалась такой милой, близкой, и я почувствовал нежность, какую минутами чувствовал к маме, думая, что вот и она умрет, и я не буду видеть этих глаз через очки, этой ветхой выгорелой кофточки, милой пыльной шляпы, и мне хотелось нежно-нежно дотронуться до нее, сказать что-нибудь, поцеловать ее платок. Казаков во Пскове, денег в кассе 14 р., я взял 5, они рассчитывали получить сегодня более 100, сдав заказ, но не получили. Сергей предлагал взять все 12, обещанные на сегодня утро, но я не хотел его подводить. С квартирой все уладится. От Гриши письма не было, было от Юши, где он востор-

женно пишет о «кустах в цвету» и «Ра-Гелиос»[11]; у меня явились мысли к 2-м следующим «Александринам». Похвалы этого человека — лучшая мне шпора. В Петербурге я разгулялся. Был в парикмахерской, я очень люблю, чтобы с моим телом что-нибудь проделывали, осторожно касаясь, поворачивали, трогали. Когда у человека лицо так близко, поневоле его разглядываешь. У мастера, всегда меня стригущего, безусое лицо серого цвета, белокурые, прямо торчащие волосы, серые глаза и красивый рот. Глаза и губы в лице — то, что наиболее волнует и влечет, хочется как-то их выпить, другого выражения не подберу. Очень редко у человека бывает красивый рот, прежде у меня его хвалили даже незнакомые; у сестры он главное, что молодит и красит ее лицо. Рты у Кудрявцевых вроде устриц или портмоне, приклеены поверх лица, — как их целовать?! А рты выпяченные, слюнявые, как пирожки, обвисшие, — как их и целовать? Я вечером на вокзале закусывал и пил кофе и думал с удовольствием ехать, как встретил Лену Кудрявцеву и пошел с нею в третий класс. Она типично пошла. Мама была у Кудр<явцевых>, Сережа у Якобсон, дети метались по площадке, дул знойный ветер, разгоняя низкие тучи, в разрывах которых светились звезды. Неожиданно приехал Пр<окопий> Ст<епанович> с корзиною помидоров; возбужденный, он рассказывал свои приключения, но их хватило минут на 20. Сережа все убегал к Якобсон и теперь, пиша дневник, все прислушивается к визгу бегающих девиц.

27

Сегодня с утра отправился с Варей и Прокоф<ием> Степ<ановичем> в город; на квартире писем не было. Новое помещенье мне очень нравится; обои в детской и моей комнате очень милы; у меня очень поместительно и, кажется, прекрасный резонанс. Я жадно жду расставить по полкам An. France, играть Debussy и Massenet и жить по мере сил на башне из слоновой кости в изящном одиночестве. Я был опечален, что деньги можно будет надеяться получить только в среду, но меня увлеклохожденье по городу за покупками и делами, хотя бы и не своими. Меня печалит и мне неприятно, что отношение Мошковых к тете не перворазрядной идеальности, иногда мне кажется, что Варя и Пр<окопий> Ст<епанович> несколько пренебрежительно относятся к тете, иногда, что она, тетя, смотрит на них как на несовершеннолетних недосмыслков. Тетю, в сущности, очень легко настраивать, и в ее характере много детского и очень легкого, хотя она бестолкова. Как человеческие щеки похожи на плоды, когда на них смотришь близко и не отдаешь отчета, что это лица. Иногда трудно удержаться, чтобы не поцеловать совершенно незнакомое лицо, как укусил бы пер-

сик. Как я хотел бы передать людям все, что меня восторгает, чтобы и они так же интенсивно, плотью, пили малейшую красоту и через это были бы счастливы, как никто не смеет мечтать быть. Я был бы блажен, передав это. Часто я думаю, что иметь друга, которого любил бы физически и способного ко всем новым путям в искусстве, эстета, товарища во вкусах, мечтах, восторгах, немножко ученика и поклонника, путешествовать бы по Италии вдвоем, смеясь, как дети, купаясь в красоте, ходить в концерты, кататься и любить его лицо, глаза, тело, голос, иметь его — вот было бы блаженство. Я не имею в виду никого определенного, конечно. Общество Алкивиада, друзей Ромео, все веселые, привольные компании Боккаччио, имели ли они ту пошлость и, в сущности, скучность, как современные веселящиеся молодые люди? Я думаю, отчасти да, и, конечно, не имели самопостижения такого, как мы, эпигоны, об них имеем. И нам доступнее, понимая, трепеща и любя, стремиться к жизни и отворачиваться при виде ее действительно пошлых сторон, чем жить не думая, быть деятелем, кавалером, хозяином без понимания красоты своего бытия. И не убивает ли прозренье красоты действа самой дееспособности? Дело наше сложно. Мне неприятно, когда смеются над его волокитой, эфемерностью и тетиной путаницей, хотя, конечно, это глупо. Достанет ли мне Казаков? День чудный, но болит голова и довольно кисел в общем.

28

С трудом я вспоминаю сегодняшний день и, обозревая его, не нахожу, на чем остановиться. Была Ек<атерина> Ап<оллоновна>, ходили к Балуевым, Пр<окопий> Ст<епанович> говорил, что будущим летом думает жить в Василе. Тетя была у Ник<олая> Ник<олаевича> Мясоедова; ее рассказы о том, как она его застала только что переехавшим на новую квартиру, сидящим посреди пустой комнаты, без сюртука, на диване, — мне живо напомнили не особенно любимую эпоху, когда я ходил к Мясоедовым, Северовым и т. д. С удовольствием жду, как завтра поеду в город, мне бы даже хотелось, чтобы Гриша был именно завтра свободен. Что-то будет до весны? Осенью отыщу всех знакомых обязательно, но что-то мне говорит, что добра от этой зимы и вообще не будет; вздор, конечно.

29

Сегодня отчаянная погода, но ветер с ночи разогнал тучи, и они бегут мимо яркой луны романтично и оперно. Несмотря на погоду, я отлично и бодро настроен; квартира мне более и более нравится, теперь уже не только как парадная, светлая и современная, но и как уютная для большой семейной жизни. Против окон в столовой в квартире было видно, как вставали или переодевались

большие мальчики, в подтяжках поверх рубашек, дрались, как бы фехтуя, и потом сели заниматься за большой стол. От этого почему-то на меня повеяло поэзией больших семей, больших квартир, более или менее открытой жизни. От Ек<атерины> Ап<оллоновны> узнал, что Мария Михайловна со всей семьей Акуловых переедут в Петербург и будут жить на Петерб<ургской> стороне. Она в ужасе, но это может оказаться и не без приятности. Я очень люблю Ек<атерину> Ап<оллоновну> за ее искреннее расположение, стремление по мере сил понимать, что следует, и за благоговейную какую-то привязанность к вещам. Дома были письма, но не от Григория, и почему-то был этим раздосадован, хотя и хотел бы ведь этого. К<атерина> Ап<оллоновна> показывала мне карточки Собинова: интересное лицо — в «Миньоне» и «Pêcheurs de perles»[12], в общем же, конечно, мелкие черты со слишком коротким носом полуребенка, полу-petit maître*. Строить планы переезда, распределять мебель меня очень увлекает. Вечером пришел Сережа с прощанья у Романовых, оживленный и будто довольный, читал мне свой новый отрывок; мне показалось, что удачнее прочих. Завтра переезд Мошковых, послезавтра мой и — vita nuova.

30

С утра хмурый день разгулялся сильным ветром, и, читая новеллы Ласки Граццини, я ходил по аллее взад и вперед, как Гамлет, читающий «слова, слова и слова». Наши уехали, меня задержала тетя, чтобы подписать прошение, потом обед у Кудрявцевых, насилу выбрался к пятому часу. Квартира все более и более мне нравится. Вечером пошел ночевать на старую квартиру, но ключа не было, так как старший дворник ушел. Вернувшись в магазин, я поехал было с Казаковым по его делам прокатиться, как вдруг был окликнут Григорием. Я сошел, и пошли домой; все еще заперто. Поехали в Мариинскую, но Гриша не очень хотел есть, и скоро мы уехали. Сидя напротив, я смотрел, хорош ли он; вчера был очень интересен, побледневший, с большими серыми глазами, понятливыми, ласковыми и чувственными. Милые прошлые глаза, сколько вас любимых, то обладаемых, то только желанных, — и карие глаза Столицы, князя Жоржа и Луиджино, и серые добела, невинные и развратные глаза Кондратьева, и мутно-голубые, трусливые и сантиментальные глаза Болеслава, и зеленоватые глаза Алеши, и опять серые глаза Григория Муравьева, а какие глаза у того немчика, у Володьки с вокзала? Не помню, не помню. Гриша лег, не дожидаясь Казакова; после наслажденья, краткого и сильнейшего, будто выходишь из собственной кожи,

* Любовник (*франц.*).

всегда, кроме законной усталости, чувствуешь печаль, какое-то разочарование и почти нелюбовь к предмету своей страсти, и к любви, и отчасти ко всему, так что я вполне понимаю, что великие чувственники были и величайшие пессимисты, и все лица итальянского Ренессанса такие жестокие, чувственные и печальные. Я лег на сундуке, светила луна. И я, глядя на Спаса, ждал, когда захрапит Казаков в спальне, чтобы перейти на кровать, где спал Григорий; потом я опять вернулся и проснулся на сером утре, часов под шесть, чтобы выпустить Гришу, торопившегося на работу; бледный, с сердитым, каким-то нероновским поквадратевшим лицом, он одевался, а я в одной рубашке, штанах и туфлях на голом теле ждал, сидя на ларе в кухне, когда он уйдет, чтобы запереть дверь, не будя Сергея. Было туманное утро, и все это будто было когда-то: и сердитое лицо, холод босых, не выспавшихся на жестком сундуке ног, и шепот, и бесшумный, молча, поцелуй на прощанье. Адреса я позабыл дать. Когда я заснул крепко уже в постели, возчики уже приехали; все было упаковано скоро, перевезли к 11 часам. Сколько ни убираю, все первобытный хаос, но будет очень хорошо. Заказал занавеси, но подожду с пьянино; положу на аналой Данте перед «Primavera»[13] с желтой свечой. Купил у букиниста Voyage d'H ...*; переезд, устройство и новая квартира меня несколько пьянит.

Сентябрь

1

Спешу только запротоколить этот день, так как приехал я слишком поздно. Главные черты моей теперешней жизни — довольство помещением, приятные хлопоты об устройстве и дума, скоро ли достану денег. Обойщик не пришел; был у Чичериных; они очень милы; от Юши при мне письмо: «Все продавайте, пользуйтесь удобным случаем, пусть банк и остается с его бумагами, это будет заслуженно»[1]. Смешно, как-то не верится. Я взял картины; их всегда особенно любезный швейцар крикнул извозчика и подсадил, и я поехал мимо Таврического сада по широким, славным улицам. Была бабушка, дело будет пересматриваться 7-го. Перевезли пьянино, прекрасный резонанс, но играть не игралось. Я могу очень много заниматься в этой комнате. Вечером был у Каратыгина, были: Верховский**, Конради, Дюклу и Мирра Бородина; ругают Дебюсси насчет Бейера, играли Dukas, читал роман[2]; барышни слушали с напряженным вниманием, в критические ми-

* Пропуск в машинописи

** В машинописи ошибочно: «Верховенко».

нуты корчась и падая на диван, и резюмировали: «Столько таланта на это?» Дура! О сюжете с этической стороны не было и речи, предъявляли только некоторые претензии в мелочах. Дюклу наиболее поддерживал меня. Конради заявил, что больше, чем кому бы то ни было, мне следует писать, только удивился, что у меня манера писать полу-французская, полу-Пшибышевского. Возвратясь во втором часу, я нашел оставленную котлету и даже стакан с водою, меня это тронуло.

*2**

Вставши утром, я увидел золотистый отблеск солнца на моих обоях, и мне стало весело рано встать, и весь день мне представлялся рядом приятностей. Вот [и прекрасная квартира] и большая семья, и возможность иметь знакомых. Утром пробовал писать музыку, но не писалось, днем ходил к Крафту[3] и зашел к Ек<атерине> Апол<лоновне>. У нее видел свою племянницу, дочь Ивана Аполлоновича, с первого вида ничего интересного, но мила и, повидимому, воспитанна. Повесили занавески, я очень доволен своей комнатой; я встаю, ложусь, сижу и хожу, думая: «Как хорошо». Нехорошо только, что денег у меня совсем нет. После обеда приходил Анжакович, между прочим, рассматривая мои вещи, очень заинтересовался Дантом. Играли в винт, потом после ужина брали ванну, еще не совсем наладившуюся. Нужно непременно выработать программу дневных занятий, но прежде всего надо добыть денег.

3

С утра солнечный день перешел в хмурый и дождливый, и я уже под мелким дождем дошел до Казакова; он сказал мне, что в среду, приехавши из Пскова, даст мне окончательный ответ о деньгах. Из окон видна частица Невы, церкви и деревья на Охте и далекий горизонт, именно то, чего недоставало мне на Острове — сознанья, что дальше идет дорога и связь с другими городами и людьми. Но всякий горизонт и дали наводят какую-то мечтательную, хотя не без приятности, печаль. И Охта с заведомо там находящейся поморской моленной, и даль к Ладожскому озеру будят во мне мысли и воспоминания, живучести которых, не знаю, радоваться мне или страшиться. Ресурс или опасность, что я могу однажды опять стать на прежнюю точку зрения, но неискоренимы во мне и потребность в легкой земной жизни, всемирности, культуре и солнце. О, блаженное, святое легкомыслие: едва выскребши гроши из того, что обойщик меньше взял за работу, без калош, с протаптывающимися ботинками, с несделанными пломбами, я, узнавши вечером с Сережей

* Начало автографа тетради I дневника в РГАЛИ.

репертуар, хочу идти на «Лоэнгрина»[4]! На конке, на Невском, в Пассаже мне было весело, как иногда по ночам в незнакомых городах с товарищами, хотелось шалить, бегать, кричать. Сережа может понимать настроение дикой резвости и истерической шаловливости, но он скоро устает и раскисает, и надоедает ему одно и то же, и часто хочет спать. А то бы он был прелестным товарищем. Я сам себя поймал на мысли, что я думаю о Грише, об его лице, глазах, голосе, теле. Это для меня несколько неожиданно. Теперь, сквозь тюль окна, все освещено луной, будто спальня Дездемоны или комната XVIII века.

4

Сегодня мои стремления менялись с каждым поворотом солнца. Заказав книги по Египту в библиотеке, я взял Жюссеран<а> об Англии[5], и вот Возрождение меня снова охватило своими родными руками. Мы поехали к Анджиковичу; открытая конка медленно тащила нас по незнакомым темным улицам с освещенными трактирчиками, где через открытые окна были видны простые посетители, светила луна, и все почему-то напоминало мне Италию, Шекспира и Мюссе. О, города летом, в ясную ночь, с открытыми окнами, какое поле, какой лес сравнится с вами! Сережа остался дома, проводив нас до Литейного; компания Романовых, не напоминает ли она комп<ании> Гинце, Сенявиных и пр., и не казались ли они мне тогда повесами Ромео и Мюссе? О, юность! У Анджиковича книги итальянские, английские, немецкие, польские, франц<узские> и латинские; будто свой человек. Взял у него редкого Aretino. Я целый день мучусь за свое отношение к Григорию; я позабыл дать свой адрес, — он хотел прийти в воскресенье, и я от трусости, не знаю отчего, побаивался этого. Нужно бы послать адрес и сговориться, а я этого не сделал. А я его хочу и думаю о нем весь день; не идеализируя, а так, как он есть, он и милее, и жалче, и дороже: стесняющийся, некрасивый с первого взгляда на улице, бедный, бедный. Как теперь с Египтом и с Италией; что захватывает само, то всегда действительнее. «Ах, покидаю я тебя, Александрия»[6].

5

Ничего особенного: днем несколько хандрил и мог заниматься только библиографией. Ходил в библиотеку, где достал только «Livre des morts»[7], заказал итальянцев. От Юши ничего нет известий, скорей бы за работу. Уехал Прок<опий> Степ<анович>. Отличные ночи, лунные, ясные, ходить бы веселой гурьбой в такие ночи по узким улицам или вдвоем, втроем по незнакомым трущобам, смеясь и смотря друг на друга. Нева, видная из окна, оказалась в бинокль серой железной крышей, что, конечно, лишило

вид части поэзии, но леса и песчаный берег несомненны. Скорей бы работать, но что? столько планов, но все еще неясно. [Ave Italia bella!]

6

Комната почти приведена в порядок, дело только за пьянино. Утром после завтрака ходил пешком в театр, билетов подходящих не достал, но Невский, Морская, при солнце, днем, меня опьянили и напомнили мне блаженные времена, когда я разгуливал с Сенявиным и комп<анией>. Почему эти именно воспоминания об этом времени меня преследуют? и почему, когда я вечером узнал адрес Костриц, он мне показался тоже почти воспоминанием молодости? Неужели нет еще году с 9-го января, с моих имянин, когда мама была жива, все крепко стояло на трех китах? Или переезд с Острова, где я провел всю юность, так влияет? Гриша сегодня ждал меня, наверно, бедный. Достанет ли завтра денег Казаков? Вечером был у Чичер<иных> по приглашению, вечер и ночь роскошны; о, Шекспир. Играл свои вещи; как они разочарованно прелестны [но отличаются от <всех иных?>; какая безнадежность в этом порханьи]. Написать письмо Грише, что ли? Приехал Костриц и Варв<ара> П<авловна>, это меня очень радует. Думаю о «Гармахисе и Клеопатре»[8]. А все-таки мне кажется, что Чичерины както иначе смотрят на меня, хотя, конечно, это м<ожет> б<ыть> одна подозрительность. Солнце и милая Морская, дамы с цветн<ыми> вуалями, офицеры и студенты, собаки на цепочках, нюхающиеся и визжащие под ногами, [мамка с безобразным ребенком и рядом высокий тонкий гимназист с крепким, смугловатым, свежим лицом, будто символ бесплодия] экипажи, магазины, все жесты запоминаются, как в фотографии. Солнце, солнце! Как я люблю все это! И книги, и милые старые миры, и грядущий век. И как жалко все это покинуть, а между тем ни почти привязанности, ни любви, и молодость [почти] уже уходит, и что впереди? но покуда бронза отливает при свете свечей, я буду любить жизнь.

7

Моя душа скорбна до слез: только бы не малодушие! и подумать, какие малости и какие пустяки могут угнетать. Конечно, Казаков ничего не сделал, болтал какие-то пустяки, совал мне какие-то ассигновки, чтобы осведомить, почему он опоздал в магазин, обещал другую комбинацию к воскресенью; наверно надует; денег у меня до конца месяца 1 $^1/_2$ рубля, не считая долга. Дело наше так, что мне придется утверждаться в мамином наследстве, это страшно долго. Адреса Боровского мы сегодня не узнали, т. к. Варвара Павловна только что переехала на Петерб<ургскую> сто-

рону и [адрес] № дома ее неизвестен. Приехала тетя; после обеда пошел с Сергеем в библиотеку, там мне все дали, что я просил, и я забылся, погрузившись на время в Albert и Piovano Arlotto. Мне все приходит на ум Мюссе, легкая любовь, слегка байронизм, бездельные донжуанствующие и резонирующие герои, обожание Италии. Если бы было время читать каждый день Шекспира, я был бы вдвое бодрее. Зарыться бы теперь в какую-нибудь дыру, никого не слышать, не видеть и лежать целый день на кровати без сапог. А как долго я не видел Гриши, не чувствовал его скул и челюстей под щеками, когда их целуешь. Обратно мы ехали на верхушке конки; двое пьяных скандалили всю дорогу с солдатом, сначала было смешно, вроде Чехова, но потом пошли пьяные выкрикиванья с надрывом, какая-то достоевщина. Пьяного высадили, он опять через минуту влез, его отправили в участок, и я дал свой адрес, чтобы, в случае нужды, меня вызвали свидетелем. Какой-то человек обрушился на меня, заподозревая, что я себя выдаю за другого, и что я еврей, и разные пустяки, и он пошел за нами и все ворчал, и, когда мы вошли в подъезд, он еще раз крикнул: «Жидовская морда». Меня столько раз принимали за еврея, что мне это все равно, но я понял мое отвращение от блестящих грязью улиц Петербурга под зажженными фонарями, от Подъяческих и т. п. Это именно достоевщина, психоз, надрыв, Раскольников, полупьяная речь, темнота, безумие, самоубийство. Это то, от чего я содрогаюсь и чего не хочу и не понимаю; и мокрая грязная панель вечером на узкой с пьяными и рабочими улиц<е> Петербурга — это символ. Темная вода Невы, какой ужас; представляется бултыханье тела, участок, утопленник, все грубое, темное, грязное и в нелепости трагическое, и ненужное, и лживое. Тогда уже Бальзак или Мюссе. Нет, день — мой вождь, утро и огненные закаты, а ночь — так ясная, с луной и из окна. Письмо от Юши; если бы я не был в таком стесненном положении, оно бы очень порадовало меня. И сегодня я очень кстати начал писать «Гармахиса».

8

Сегодня целый день дождь, у нас тетя, Варя скучает, но я не очень. После обеда было вполне уютно и хорошо, я мог бы здесь очень много заниматься. Играл Сереже «Снегурочку» и «Manon»[9]; к первой я достаточно охладел, но вторая меня пленяет, как и прежде. Днем ближе к сроку, назначенному Казаковым, но я, как ребенок, будто не знаю, что ничего не выйдет. Но я не могу искоренить в себе ни надежды, всегда до сих пор оправдывавшиеся, на какое-то чудо, ни легкости мыслей. [В моем положении я ничего не стал бы, пожалуй, менять, я им более чем доволен и могу быть так же бодр, как в «Метрополе» в Москве.] Были в библиотеке. Написал

письма к Казакову и Грише; я все думаю о нем, а было время, что я мечтал о нем, как о чем-то невозможном, и я отлично помню, как на Верейской мы оба стояли у окна и он рассказывал, почему Тимофей не уходит с места: «Может быть, он влюблен в своего барина». — «А может быть, я в вас влюблен, Григорий». — «Все может быть, — бегло и весело взглянув, сказал он. — Если бы вы сами не сказали, я бы написал вам об этом». Как это было давно. К тому же у меня до вечера болела голова и все время ноги.

9

Мне, вероятно, нездоровится; долго не мог заснуть, но так приятно, тепло, тело горит и все как разбитое. Далеко ходил гулять по Невскому и Морской, будто во времена 95<-го> года, так что даже заболела голова, потом проходила, потом опять заболевала, что уже не так приятно, и потом какая-то производительная прострация. Это стыд, разве я не «scialti di tutte qualitate amanti», как говорит Петрарка[10]? Оживился ли бы я, если б получил денег? Я думаю; но теперь у меня так болит голова, что, по правде сказать, я ничего не думаю. Дело наше все отлагается, так что я почти теряю надежду. И как долго я не видел Гриши; раньше чем получишь деньги, не хочется ничего делать, никого отыскивать.

10

Сегодня утром было очень свободно писать, т. к. я встал, когда все уж ушли, даже тетя и Варя, но я больше смотрел в окно на прохожих и на леса за Охтой; я обратил внимание на группы пашковских служащих[11], где Прок<опий> Степ<анович>; то же лицо, только несколько молодцеватее, славнее. Тогда они жили в Нижнем, Лидия Степановна была в полной своей поэзии, казалось так светло и уютно. Отчего так многое в прошлом кажется залитым таким не ожидающимся в будущем солнцем, и Саратов, и Нижний, лето в Черном, Василе и даже столь недавняя поездка с Казаковым в Олон<ецкую> губернию? А другое не кажется, напр<имер>, первое время в Петербурге, и потом время, когда я посещал Варины вечеринки, одно из самых тяжелых и мрачных почему-то воспоминаний. При всей легкомысленности и жажде наслаждений у меня есть какая-то совсем не русская, очень буржуазная потребность порядка, выработанной программы занятий и нелюбовь вечеров вне дома. Я счастлив, когда это налаживается, т. е. я могу только так быть продуктивным, иначе и предвкушения и воспоминания меня значительно лишают покоя, нужного для нити творчества. Собственно говоря, спокойнее, счастливее и уютнее всего мне было в мою раскольничье-русскую полосу. И притом это — всего дешев-

ле, имея исходной точкой, что все — грех и тщета. Но это Standpunrt*, хотя к которому и призывает иногда малодушие, давно превзойденный. Но утром мне было печально. Пошел посмотреть об магазин<е?> Большакова, чтобы написать ему, чтобы он пришел посмотреть книги. Заходил к Казакову, он завтра приедет из Москвы, что мне дает некоторую надежду. В парикмахерской стригли какого-то ребенка, который все вопил, и я заметил: «И чего он так боится?» — «Не знает, вот и боится». — «Да и большие многого боятся только потому, что не знают». — «Я вот тоже многого боюсь, потому что не знаю», — значительно проговорил стригущий, но мне лень было продолжать разговор, и я только совсем некстати проговорил: «А потом будет поздно узнавать, так и останетесь». — «Что же это за вещи такие, что поздно может быть узнавать?» — «Мало ли какие». Я даже не знаю, зачем я заношу такие пустяки. В библиотеке иногда мне интересно просто наблюдать за публикой или фиксировать понравившиеся мне физиономии. У Ивановых не был. Вечером, смотря из окна на соседние столовые, видели, как какой-то юнкер пил что-то, запрокидывая голову, между тем как хозяйка в соседней комнате сидела у кровати ребенка, и мне стало скучно, почему у Вари никого не бывает вроде юнкеров. Такие пустяки лезут в голову.

11

Сегодня я был на Острове. Как-никак там я провел всю юность, и каждая пядь связана с воспоминаниями. Здесь я возвращался из гимназии, набережная, где я гулял, строя планы, обдумывая новые вещи, Киевское подворье — арена моих богомолений, лавки, куда ходила мама, парикмахерская, где меня стриг Павлуша Коновалов, к которому одно время я был слегка неравнодушен, ресторан, где бывал я с Сенявиным и Репинским, и даже лихач вроде, если не сам, Никиты, который возил меня к князю Жоржу. И странно, что идешь не домой, что не встречаешь Л. М. Костриц с белым воротником, что не обгоняешь Лизы с провизией, тараторящей у ворот, что не ждет мама, милая мама, и не в старой, с солнцем, комнате за прежним роялем пишешь свои вещи. И там же, далеко на краю поляны, и могилы отца и мамы. Я не могу не чувствовать души неодушевленных вещей. Костриц я не нашел; был у Верховских, приехал Юраша с женою, и были Глеб и Дюклу. Было довольно мрачно и скучно, но Ал<ександра> Павл<овна> очень мила и тепла по-прежнему. Казаков, приехавши, через 10 м<инут> ускакал в Петергоф; не знаю, достанет ли он мне ко вторнику. С тех пор как я написал Большакову, я не так уже жду от Георгия Михай-

* Точка зрения (*нем.*).

лов<ича>, хотя это почти необход<имо> и денег у меня прямо чуть не 8 коп. Когда же я увижу Гришу и когда все устроится, буду иметь пьянино и возможность бывать в театре и гостях? Написал «Ал<ександрийскую> песню», слова; я думаю начать роман с тем багажом, что имею, выработав только идейный план.

12

Вот и еще день. Получил от Григория письмо, что он может прийти в среду и ждет ответа. Что мне ему ответить без денег? А между тем я почти до ясновидения представляю его у себя в комнате, и первую встречу, и чай, и разговоры. Не знаю, что будет дальше, завтра, что Казаков; дело наше все отдаленнее. Сегодня были у Ек<атерины> Ап<оллоновны>, и потом она у нас весь вечер; в таких больших дозах она все-таки тяжеловата; хоть бы у нее денег попросить, что ли? да ведь не даст. «Клеопатрой» потихонечку увлекаюсь, но в общем какой-то пропавший и вычеркнутый день.

13

Написал Грише, чтоб он не приходил завтра. К Казакову шел очень бодро, еще бы — я ведь еще не вполне был удостоверен, что денег он не достанет, я еще имел их в будущем. В сущности, я очень долго существую копеек на 8, теперь осталось 3. Конечно, ничего не вышло, надеется на Тихомирова, который приедет к 20-му, предлагал мне вексель, но кто же учтет его вексель? Отложили до понедельника, но надежда плоха. Придется обратиться к Пр<окопию> Степ<ановичу>, хотя мне этого очень не хотелось бы, а наше дело ближайшее через 7 месяцев. Попробую завтра опять попросить у Чичериных. Это отличная школа терпения, хотя его у меня и так достаточное количество. Сегодня видел, как из трактирчика вышвырнули пьяного на мостовую, как тюк, он схватился за нос и посмотрел руку, не в крови ли, и так с простертой рукой и остался сидеть молча на мостовой, не видя зевак, ни извозчиков, а там, внутри, наверно, скандалил и шумел. Я понимаю, что может быть предел, после которого уже не стыдно и не страшно никого и только живут примитивнейшие и глубочайшие инстинкты. И тогда можно лечь спать под лошадей, ничего не думая и т. п. Бродяги, пьяницы, юродивые, святые — именно люди этой категории; и в этом есть какое-то безумие и какое-то прозрение. Но меня страшит это, будто верстовой столб. Была Варв<ара> Павл<овна>, она очень мила, будто из комедии Marivaux, но несколько головна. В библиотеке читал «Итальянское Возрожд<ение> в Англии»[12], именно то, что оба меня окрыляет. И вечером мы с Сережей хотим читать Шекспира. Но отчего я так светел? Не знаю.

14

У Чичериных играл квартет Debussy. Вот чудо! и страстно, и морбидно*, и ново до безумия. Был у них их двоюродный брат, и денег я не спросил. С большим удовольствием читаю «Ромео и Джульетту». Дома узнал, что два раза заходил Гриша, никак не могу себе простить, что не видел его, а он, бедный, шел такую даль. Я бы мог его видеть, трогать, слышать, мог бы быть une folle journée**[13]. Оставив ему письмо, на случай он придет вечером, поехали к Костриц; они всё такие же, оживленные и простые. Варя с жаром нападала на тенденцию моей повести и миропостижение «Александр<ийских> песень», с таким жаром, будто она боится моего влияния на Сережу, что ли. Кажется, в этом отношении у нее нет никакой почвы для опасений. Но мне показался вечером и сам Сережа как-то холодней. Ночью была лихорадка и жар, очень болели ноги.

15

Приехавший сегодня утром Пр<окопий> Степ<анович> обещал мне на днях устроить дело; тетя нашла справку, и дело продвинулось более, чем все это время; написал письма Грише и Чичериным; читал Лонга «Дафнис и Хлою»; видел днем солнце, и в минуты темности ветер говорил об ее кратковременности, писал «Гармахиса», читал своих итальян<цев> в библиотеке; но бедный Сережа совсем не понимает точки зрения Евлогия An. France и толкует об апатии. Мне бы нужно перо Гольдони, чтобы передавать сегодняшние настроения. Итак, в путь! Читая «Дафниса», я ясно вижу, насколько у меня выйдет не то, и радуюсь и приветствую это.

16

Сегодня, сбрив усы и бороду, был встречен гомерическим смехом ребят и неодобряющим сожалением взрослых. Сам я еще не привык к своему новому лицу, в нем есть что-то и очень пожившее и очень молодое в глазах, и виден рот, прежняя моя слава, теперь какой-то сжатый, неискренний, насмешливый и вместе с тем свежий и не раскисший[14]. Был Иов от Большакова, ему запродал свои рукописи. От Чичериных просят до понедельника. Написал еще раз Грише, зовя его в воскресенье. Играли с Сережей «Евлогия и Аду» и «Грех да Беду»[15]. [Все-таки это полно блеску и светлой жизненности. Вот что нужней всего! Жизненность во всем.] Английские мои вещи меня очень трогают. Теперь за «Клеопатру»! ...***

---

* Болезненно (от *франц.* «morbide»).

** Безумный день *(франц.)*.

*** Два слова густо зачеркнуты

17

Сегодня целый день дождь, гадость и слякоть, но меня занимает мой новый вид, и мне просто приятно ходить по улицам в новом виде. Сегодня все утро я сам привыкал к своему новому лицу и до такой степени привык, что мне нужно отвлечение ума, чтобы представить, какой я был прежде. И я нахожу изящество какого-то сухого, высшего разбора в бритом лице и странную стертость возраста и пола. А у Самойлова, например, вовсе не было, несмотря на бритость, впечатления англичанина, и рот был кустом и с русской бесформенностью. На днях примусь за писанье. Во вторник пойдем на «Самсона», хотя я и не люблю ходить в ложу; наверно, нашим не понравится к тому же. Читали «Бурю»[16] с Сережей, был Инжакович, так что к В<арваре> П<авловне> не пошли. Мне очень жалко, что я не мог позвать Гриши иначе как завтра, а завтра Сережино рожденье, но что же делать? когда он свободен только по праздникам. Но непременно надо быть более писательным, как в позапрошлую зиму, когда я стремился к деятельности Ренессанса и Аннунцио. Необходимо написать Юше. О жизнь, разве ты все-таки не прекрасна?

18

Первое, что нужно сделать по получении денег, — это завести умывальник в комнате; бегать умываться в кухню при всякой надобности или в ванну, не иметь под рукой каждую минуту воды прямо невозможно. После довольно смутного утра, когда дома осталась только Варя, младшие дети и кухарка, пришел Гриша; кухарка была не дома, и дверь заперта снаружи, и я кричал через дверь, что она сейчас придет, как Женя и пришла. Варя даже предложила мне варенья к чаю. Гриша был очень мил за чаем; долгая ли разлука, чувство ли, что он в гостях, большая ли привычка ко мне, но он был и нежен, и весел, и деликатен. Все — и маленький столик, и шутки, слегка скользкие, и поцелуи, и холод, и изящная комната, все говорило мне про какой-то XVIII век и было несравненно менее халатно и грязновато, чем на Верейской. Занятно, что сегодня впервые Григорий заявил, что он меня любит и даже скучал и ходил к дому, да не смел зайти, хотя последнее, я думаю, уже привиранье. Очень интересовался, когда будет напечатан мой роман, чтобы прочитать, и на вопрос, «какие лица он любит», отвечал, не без дипломатии, — «а такие, вроде англичан ярославских». Никто не предположит, как он грациозен и шутлив в ласках, и, когда я отворял дверь и потом из окна смотрел, как он садился в конку, он мне и со стороны показался не без красоты, конечно условной, но глаза, и брови, и лицо у него очень милые, а тело несравненно; и теперь он отгорел и похудел. Он ушел часов в пять, чтобы не задер-

живать меня к обеду. После обеда ходили за Катериной Апол<лоновной>, которой я утром забросил записку франц<узскими> каракулями с приглашением на обед и на «Самсона»; она лежала в темноте на диване и неведомо что делала. Говорит, что больна. Вечером читали «Троил и Крессиду»[17] и я занимался. Не сегодня ли начинается «vita nuova»? Как я себя помню 19-ти лет, но мои вещи тогда были гораздо бесформенней, невероятней, и только задатками большого, с ребячески смешным незнанием, чем вещи Сережи. Положим, это было в области музыки. Многие из последних вещей племянника мне теперь такому, как я есмь, нравятся без всякого пристрастия. Интересно, как отнеслась публика к посещению Гриши и что было слышно в детскую и коридор? Гриша у меня спрашивал, красивая ли Лидия Павловна, и, когда я сказал, что, «право, не знаю», он прибавил: «Ну, если б это лицо было у мальчика, могло бы оно вам понравиться?» Я отвечал, что нет, п<отому> что такого лица не могло бы быть у мальчика. Составил план повести.

19

Почему от Юши так долго нет писем? Не понимаю. И в Целендорфе ли он? и я не знаю, почему я это пишу, будто это главное, что меня занимает. Я в полном ренессансе, мне хочется писать, писать и писать, как Вебстер, или какой, не помню, из тех перлов создания англ<ийского> Ренессанса. Принес от Чичериных «Самсона»; несмотря на некоторую театральность, французистость и внешность, как классично, блестяще и отчеканено. Но как не исчерпан Вавилон, святой, с жрицами в черных покрывалах в городах, темнеющих в вечерних дымящихся зорях пустыни весной, и Ваалами. Когда Чичерины говорили о своем двоюродном брате, он мне стал нравиться, потому что они его бранили, и за то, за что они его бранили. Когда Казаков увидел меня бритым, он, как говорит, «очумел». Варя, оказывается, вчера говорила, что у меня «таинственный посетитель». Сегодня грязь, временами дождь, но вечером, когда я возвращался мимо Таврического сада, я видел большую ясную звезду.

20

Сегодня был в дурном настроении, во-первых, потому, что Пр<окопий> Ст<епанович> объявил мне, что денег зараз теперь доставать не стоит, а что по приезде он даст мне 10 рублей, потом еще 100 и в ноябре еще 100. Что же я, буду по частям все истрачивать и ничего не делаю. Во-вторых, потому, что от Большакова не пришли за рукописями, в-третьих, потому, что у меня возобновилась старая история с бородою, волосы жесткие, а кожа слишком

тонка, воспаляется и кровянит от малейшего прикосновения и волосы легко не сбриваются. Гриша в воскресенье спрашивал: «Вы обрились, чтобы походить на того англичанина, которого сослали?» (т. е. Уайльда). И еще: «Что вы, видаетесь с А. Б.?» — «Каким А. Б.?» — «Которому посвящены ваши стихи»[18]. Я потому вспоминаю про Григория и как он был мил и нежен в свой последний визит, что, будучи сегодня на «Самсоне и Далиле», думал, что идеальные героические страсти бедны легкостью и веселостью XVIII в. и греков времен упадка. В опере было недурно, но я предпочитаю быть в местах, хотя бы одному; балет в последней картине по обыкновению нелепо поставлен. Какая же это «оргия»[19]? Я помню, как доктор давно сказал: «Очень редко бывает такая чувствительная эпидерма». Может быть, это влияет и вообще на восприимчивость?

21

Сегодня просидел дома, немного занимаясь, и только вечером отправился с Сережей в библиотеку. Когда наладятся мои дела? думаю, когда вполне обставлюсь, т. е. когда получу деньги. Купил пьесы Marivaux; читали «Троила и Крессиду»; выбрал место, куда поселю своих героев. Может быть, все наладится и устроится; я все не могу понять, отчего Гриша был совсем другой и гораздо милее в последний раз. Получил от Юши письмо.

22

Сегодня утром я так скучал, как редко, почти до слез, и все думал о прошлом. Потом, пройдясь и выбрившись, воспрянул несколько духом. Почти никогда я так не привлекался к XVIII веку, и, когда вечером m-me Кострич нашла, что у меня вид Casanov'ы или Калиостро, это была лучшая для меня похвала. Но что со мною? разве вернулась весна? разве запах увядающих листьев похож на аромат распускающихся почек? Почему я так неотступно думаю о Грише, жду его, будто влюбленный, и все вспоминаю его жесты, улыбку, тело? Или оттого, что он никогда почти не был так мил, как прошлый раз? Я рассчитал, что, как ни вертись, мне не будет хватать моих денег на месяц, и не знаю, как быть. Ну, эту зиму проживу, ожидая наследства, в долг, а там видно будет. О, деньги! Сегодня читал Marivaux, Диогена Лаэрция и был приведен в расположение лучшее, чем утром. Вечером поехал к Кострич; неполная луна, пересеченная розовым облаком, над черной водой с фонарями, напоминала юг, но было холодно. У Лид<ии> М<ихайловны> были гости, и я читал свои «Крылья». Л<идия> М<ихайловна> меня зарисовывала углем и в виде виньетки. Нат<алья> Андр<еевна> находит, что так лицо интереснее своею загадочностью.

23

Хотя я утром сегодня и занимался, но, в общем, кисну и к вечеру, никуда не выходя целый день, совсем захандрил. У Сережи болела голова, он пришел посидеть ко мне, и я стал, прочитав дневник, жаловаться ему на скуку и потом без туфель танцовать по полутемной комнате, как пришел Юраша Верховский и сидел у меня до третьего часа, слушая роман. В конце концов, Юраша тяжеловат, как нахожу, что Лидия Михайловна значительно поглупела; вообще я злюсь на всех и кисну, но не могу представить, чего бы я хотел. Меня теперь, пожалуй, не привлекли бы и журналы, и покупки. А может быть? Но что думать, раз их нет.

24

Сегодня солнце, и я гулял до Морской, после парикмахерской. Когда я в магазине увидел свое лицо в зеркало, я старался взглянуть как на постороннее и действительно увидел [джентльмена] господина с черными глазами за золотыми пэнснэ, с бритым подпудренным подбородком, свежим, не раскисшим, а суховатым ртом, [не вульгарно элегантным] с какой-то скрытой подозрительностью, лицо, которое что-то таит и скрывает, идеальный аскетизм или порочность, новое учение или шарлатанство. Ничего подобного не было видно с бородкой, тогда просто [интересный для дам] адвокат или корреспондент; с большой винчиевской бородой еще лучше бы. [Я знаю, что это подлежит чтению Сережи и я могу показаться пустейшим суетником в его глазах, что мне не все равно, но пишу откровенно то, что действительно меня занимает.] Вечером были у Варвары Павловны, там было уютно, но гости были не перворазрядного интереса. Возвращались пешком до Михайловской; на Невском на меня нашло то кальсонное настроение, как часто вечером на Невском, какой-то развязности, веселой, смешливой и истерической. О деньгах что-то мало думаю.

25

Сегодня с утра ребята были возбужденно-игривы, и я возился с ними в моей комнате. Было шумно и возбужденно, и это отпечаталось как-то на всем дне. После опять полного смехом завтрака мы поехали с Сережей за билетом на «Германию»[20]. Пошли по Морской и Мойке под мелким осенним дождем, после которого мечтаешь в темноватой столовой с горящим камином кушать рябчиков с маринованными сливами. Приехавши, я узнал, что заходил Гриша. Дочитывал «Как вам будет угодно»[21]. Приехала Ек<атерина> Ап<оллоновна> к обеду, сейчас же после которого пришел Муравьев, и я удалился пить чай в комнату. Мне несколько мешало, что он пришел сегодня, а не завтра, очевидно не получив моего письма, но

ему самому я был очень рад. Его посещения получили какое-то право гражданства, и Варя даже ничего не спрашивает. Приехали Кострицы и потом Сиверс, из которых муж все-таки лучше: он, как Сережа говорит, «хоть ест сыр и пьет Peach-brandy». Почему-то меня звали к себе. Играл много из себя. Мне приятно, что было уютно в Сережины имянины, и что ему было приятно, и что это было отчасти потому, что я живу с ними.

26

Сегодня предполагалось после завтрака идти в библиотеку, а вечером на портретную выставку[22], но был такой дождь, что мы с Сережей добрались только до парикмахера, где он ассистировал меня при бритье. У нас была тетя, так что я мало читал, хотя с утра и писал. От Юши получил прекрасные снимки с «Primavera» и 2 Burn Jonse'a. Это меня крайне тронуло. В такое время, вовсе не имея лишних денег, он вспомнил про Botticelli и англичан, моих слабостях[23]. Выставка крайне интересна, но ее нужно смотреть десять раз подробнейшим образом; но я нахожу все-таки увлечение Боровиковским и Левицким раздутым, есть какая-то доморощенность, а заезжие иностранцы Лебрен и Каравак — придворные вылощенные льстецы и полулакеи. Интереснее всего Никон с клиром XVII в. (лучшая сатира, притом невольная), Павел раб<оты> Тончи, лицо Сумарокова-Эльстона раб<оты> Серова, в которое можно влюбиться и которое очень подозрительно, и роскошь для глаз, роскошь красок, платьев, лиц — небольшой Бенар, волшебное и сладкое опьянение; Васнецов, Ге, Крамской — как это устарело! В общем, я очень бодр; и наш XVIII в. какой-то все-таки грубый, лакейский.

27

Какой сегодня чудный день! какой вечер, румяный на желтеющем западе, луна и звезды! Так хорошо было идти после обеда с Лидкой и Прок<опием> Степ<ановичем> к Гаевск<ому>, Книгге и пр.[24] Утром я ходил за билетами на «Фиделио»[25] и к Юргенсону[26]. «Фиделио» очень классично, сдержанно и прозрачно, некоторая сухость и, на современный вкус, бедность и инструментальность мелодических контуров не слишком мешает. Но два из ранних романсов Debussy меня прямо восторгают. Положительно, он делается для меня тем, чем был когда-то Берлиоз и потом Massenet. В «Fidelio» есть романтичность, и пафос, и ребяческое содержание, но дуэт Рокко с Леонорой шекспировски великолепен. Варя больна, бонна ушла, к Чичериным, куда меня приглашали обедать, не пошел, предпочитая дома играть «Фиделио». Не знаю сам, зачем я спросил Сережу, хотел ли бы он увидеть Муравьева.

Он сказал, что «скорее да, чем нет, или все равно», это было бы очень легко, но мне казалось бы как-то неприличным и недобросовестным по отношению к Сереже показывать ему Гришу, хотя и очень бы этого хотелось. Когда сегодня утром мне было очень грустно и я, сидя на окне в гостиной, думал о Василе, Казакове и староверах, мне стало ясно, что о Грише я думаю не только как о любовнике, но как о милом близком человеке, с которым в простейших вещах я мог бы быть откровенен, которого не стесняюсь и без стыда могу приласкаться попросту, и знаю, что не встречу ни досады, ни насмешки, ни шокировки, ни отвращения. Это я знаю и это я ценю, помимо влечения тела, и я верю ему, когда он на мой вопрос (довольно глупый и несправедливый), что, если б у меня не было и не имелось быть денег, ходил ли бы он ко мне, он ответил: «А то как же? Разве я вас не люблю?» — и потом, совсем потом, после других разговоров, без вопроса, стыдливо заметил: «Я же вас только и знаю». Писал крошечку «Клеопатры», но когда же будет повесть, от нее торчит маленький хвостик, чтобы удержать ее от погруженья в бездну, и нужно бы обязательно пользоваться временем. Как же еще с деньгами? Я ни о чем не думаю и верю, что это лучшее, что я могу делать.

28

Сегодня чудесный день, но мне очень скучно, потому, вероятно, что доставанье денег через Прокофия Степановича так же медленно и неопределенно, как и через Казакова; того адвоката (Тишин, что ли?) он еще не видал и увидит лишь на днях. Был у Казак<ова>. Там вернулся Степан, который меня не узнал. Казаков не видел еще Тихомирова, который приехал дня четыре, так что надежда еще не потеряна; обещал в пятницу утром сообщить мне по телефону, так что, когда после обеда меня вызвали вниз, я подумал, не он ли мне сообщит благоприятное известие. Оказалось, приглашение на имянины Каратыгина. Я оделся, чтобы из библиотеки ехать на Остров, но потом страшно не захотелось, и я остался. Мне никуда не хочется ходить, никого видеть, хочется заниматься, гулять, быть в театрах и видать людей, кроме лично близких, только мельком при встречах или днем. И почему меня влекут к себе скучные люди, мне почти хочется к Ивановым, напр<имер>. Снова пересматривал свой бюджет. Он положительно не совпадает с моими средствами и самой легкой статьей уменьшения — именно стол и помещение, но на этот год это не подлежит обсуждению.

29

Сегодня спал тревожно и проснулся весь в поту, хотя было холодно, поздно, когда сквозь занавески солнце желтым све-

том падало на стену и детей в столовой за закрытой дверью не было слышно. Было около 9 часов, не хотелось вставать долго-долго, быть больным, выздоравливать, чтобы время тянулось бесконечно. У моей чашки на столе лежало письмо от Гриши, где он пишет, что приедет в субботу после 2-х и какой-то вздор о шапке; в конце условный треугольник с надписью «сто раз». Конечно, написать можно что угодно. Письма к Чичерину и Муравьеву, где я просил приходить не в субботу, а в воскресенье, уже были запечатаны, и я не стал менять их содержания. Заходил к Большакову, но никого не было, завтра напишу ему опять. Сегодня, мне кажется, я начал работать и в библиотеке и дома, не знаю, откуда это впечатление, но оно есть. По Rossi[27] очень удобно составить программу систематического изучения Quattrocento. После обеда Прок<опий> Ст<епанович> отправился к адвокату, но результат еще совсем не известен. Когда я шел домой по узкой темной улице, я думал, что красоту и прелесть жизни я лучше всего постигаю в Возрождении и XVIII в., но сложные, смутные настроения при дымных закатах в больших городах, до слез привязанность к плоти, печаль кончившихся вещей, готовность на лишения, какая-то пророческая веселость, вакхика, и мистика, и сладострастие — все это представляется мне или в древних культурах смешанных — Рим, Александрия, — или почти в еще будущей современности. Итальянцы же Возрождения, несмотря на Лоренцато, на Цезаря Борджиа, все-таки чуточку слишком уравновешенны, просты и односложны. Англичане и Шекспир — другое дело, но у Шекспира есть все. Это, конечно, не мешает мне любить Италию больше всего. Сегодня утром, глядя на проходящих совсем простых людей, я думал, не лучше ли мне было бы быть прежним, хотя это и невозможно и нежелательно. Утром, лежа еще в постели, я слушал, как за стеной пел маляр, как в «Faustin» Гонкуров[28], и это мне, вместо того чтобы напомнить Нижний, напомнило именно этот роман и Гришу, будто лежащим около меня; вот странная связь идей.

30

Сегодня больше занимался, чем всегда; узнал, что деньги получатся Бог знает еще когда и еще не все, просто беда! у самого Пр<окопия> Ст<епановича> 10 рублей в кармане. Попросил у Казакова на эти дни, он обещал к завтраму днем; придется заехать, неизвестно еще, сколько он даст и когда, т. е. в какой день недели получатся другие, но я совсем об этом не думаю. Были с Сережей на «Fidelio», было очень приятно и уютно и даже оживленно. Конечно, увертюра «Eleonora № 3» понадоела, но Ершов был трагически великолепен в Флорестане.

Октябрь

1

Сегодня думал поехать к Казакову, но от него пришел Степан с известием, что сам Г<ригорий> М<ихайлович> уехал, а деньги у них будут только завтра. Варя поехала в Лесное, а Мар<ья> Ник<олаевна> сама после панихиды Трубецкого[1] пришла к нам с Сережей, и мы ее принимали, равно как и Чичериных, пришедших еще при ней. При Чичериных мне прислали от Юши партитуру Reger'a, симфониэтты, наверно к рожденью, меня это очень тронуло, так же как и посещение Чичериных; будь деньги, разве я не стал бы бывать у всех? а то куда же двинешься, когда нет ни гроша? Вечером были у Сиверс; несмотря на снобизм и фасончики, у них хорошо и хорошо кормят. Сережа был на «Германии». Судя по его словам, я могу вполне представить себе этот продукт веризма стиля Пуччини. Вечер был чудный и ясный.

2

Сегодня с утра, поздно встав, даже не занимался. У Казакова ничего не было, ждать нельзя было, да потом оказалось и бесполезным, т. к. после 1 ч. хотел прийти Муравьев. В магазине был Степан и Козлов, и, стоя у двери, дожидаясь Футина от заказчика, мы все вспоминали прошлую весну, Пасху. Будто 10 лет прошло с тех пор. Это удивительно, как привыкаешь к людям, с которыми живешь, и как кажется диким, что не видишь их, что эти же глаза, щеки, голос где-то инде, не при нас; и как на каждый прошедший месяц прошлое набрасывает прелесть какой-то лучезарности, не ожидающейся еще в будущем. Когда сегодня провозили мимо нас Трубецкого, случилось какое-то замешательство и толпа в панике, в ужасе бросилась бежать, на извозчиках, просто так, в лавки, и сверху это совершенно производило впечатления картины какого-то англичанина «Манифестация»[2]. На Невском были какие-то волнения, но более или менее обычного типа. Когда я приехал, Гриша уже дожидался меня, но сегодня мне было немножечко не до него, да и он сам сначала был какой-то нелюбезный, может быть, он вчера праздновал и еще не выспался. От Юши длинное и не совсем обычное письмо обо мне, об моем намерении писать «Гармахиса», очень хорошее, и будто прежние его письма, и оно возбудило много во мне вопросов, на которые нужна смелость ответить и самому себе[3]. Заниматься бы больше: это первое!

3

Редко я бывал почему-то так противен сам себе, как сегодня утром; я не знаю отчего, может быть, похождения с Григори-

ем, не имея никаких препятствий, входя в какой-то обиход, в привычку, делаются очень буржуазными, вроде «постельной гимнастики», как выражался император Домициан[4]. И если и есть в этом остаток поэзии, то очень невысокого полета, какого-то хулигански-содержанского. М<ожет> б<ыть>, я просто встал с левой ноги, м<ожет> б<ыть>, письмо Юши меня настроило на более возвышенный лад, но нужно признаться, что эта авантюра, м<ожет> б<ыть>, одна из самых спокойных, но и из наиболее низменных. Собственно говоря, вполне совпадали интересы и культурность и вкусы только с князем Жоржем. Сегодня утром писал ответ Юше, и покрывать нетронутый лист английской бумаги строчками об эстетических вопросах было истинное наслаждение, и мне захотелось брать холодные ванны, быть чистым, заниматься, быть гладко выбритым, читать по-английски и быть деятельным, т. е. готовить в тиши и воздержании что-нибудь великое, не поступаясь для внешней видимой деятельности[5]. Вечером был у Чичериных, у них мне всегда вспоминается Лесков, его прекраснодушные, чудаковатые, славные русские люди, и светские дамы, и архиереи, и сектанты, что-то милое, теплое и петербургское. На обратном пути все напевал мотив, будто кода к первой части симфонии или серенады. Нужно вспомнить эпоху шекспир<овских> сонетов[6]. Юша прислал Н<иколаю> В<асильевичу> иллюстрированный каталог Берлинской выставки со Штуком, <Жоли?>, Лейстиковым, Климтом и т. д. Был молодой Чичерин и Александр Феликсович; молодой Чичерин напомнил мне Юшу и наше время гимназистами, очень мне дорогое, и мне стало светлее и веселее. Завтра бы новую жизнь. О дееспособность, чистота, легкость — где вы?

4

Конечно, я или клеветал на себя, или льстил себе, когда писал, что никогда не был себе так противен, как теперь, и что меня тяготит связь с Григорием. Конечно, во мне совершается какой-то перелом, отношения к Муравьеву осложняются безденежьем; я несколько более возвышенно настраиваюсь, вновь вспомнив о культурных центрах и о своем искусстве, но, смотря в окно, на улицу, разве я не ищу глазами линий стройного тела, волнующих лиц, светлых, как ручей или омут, глаз; разве у меня не замирает сердце, когда я слышу звонок, возвещающий об его приходе? но не было ли бы это и со всяким, кто был бы мне привлекателен сколько-нибудь физически и доступен? И почему лица интеллигентные менее часто бывают чувственно волнующи (у нас, у русских, конечно)? Простые лица часто бывают глупы и без мысли, а у интеллигентов как-то оскоплено все страстное, или просто серые, некрасивые, верблюжьи лица. Юша прислал мне партитуры Mahler'a и symphonia

Domestica[7], собственно — все новинки немецкого сезона 1904/5 года. Меня трогает и радует это внимание и какой-то поворот в нем. Придя из библиотеки, застал Никитиных; они какие-то допотопные, притом несколько кикиморо- и тюреобразные, так что я выполз только к чаю. Брал ванну, завтра отправлюсь к Вяжлинскому и еще куда-нибудь с визитами.

5

Сегодня, как и собирался, был у Вяжлинских и Ивановых. У первых было мило, но несколько постарели и поскучнели. Ел<ена> Митрофановна несколько позлословила и пожаловалась; к Бразу не пошел, а поехал к Ивановым; я их все-таки люблю, как очень давнишних знакомых и, м<ожет> б<ыть>, расположенных ко мне людей; но писать было мало времени, я играл «Meistersinger»[8], потом пришел Анжакович, и потом Екат<ерина> Аполлоновна, очень разговорчивая, но сегодня почему-то меня раздражавшая. Но все-таки писал пролог. От Юши письмо. Завтра мое рожденье, но я как-то совсем не настроен.

6

Против ожидания рожденье прошло гораздо лучше, чем я предполагал; первое — что Пр<окопий> Ст<епанович> обещал дать в тот же день 50 р., потом, написав нужные письма, я несколько успокоился. Вечером приехал Медем и взял слово, что я буду у «современников»[9], там была обычная компания; несмотря на обычные словечки Нурока, они все живо заинтересовались новой серией «Александр<ийских> песень», находя их почему-то виртуозными [и, несмотря на полную необычайность их <напева?>, нашли логичным...*]. Возвращался я с Покровским, и опять он все время говорил о моей музыке, в сущности, очень лестное. На понедельник назначили у Нурок чтение моих «Крыльев», м<ожет> б<ыть>, я там познакомлюсь с Сомовым. У меня смешная мысль, чтобы он написал мой портрет; в воскресенье отправлюсь к Кострич и Верховским; мне было жаль, что вчера я не пошел с «современниками» в ресторан. За обедом была Ек<атерина> Аполл<оновна>. Ах да, еще я почти составил план сцен каких-то из Александр<ийской> жизни и хочу начать роман[10]. Говорят, что как проведешь рожденье, так и весь год.

7

Сегодня слякоть и снег, у Лидочки, по словам Шакеевой, — тиф. Прокоф<ий> Ст<епанович> совсем расстроен; не знаю, удоб-

* Зачеркнутые далее слова не поддаются прочтению.

но ли будет играть-то еще, но я очень бодро себя чувствую, вчерашнее посещение «современников», их внимание к моим вещам, их видимое удовольствие при каждом удачном штрихе, их понимание именно того, что я выше ценю именно «хрупкие вещи» и «сладко умереть»[11], меня очень подбодрило; с другой стороны, Юшины письма, — все меня приподнимает, но, странное дело, не к продолжению «Клеопатры», а или к подготовит<ельным> симфоническим занятиям, или к инструментальным, камерным, для «современников», или сцен, которые я задумал, или итальянские мадригалы, или английские сонеты, или «Александр<ийские> песни», или что-нибудь вообще. Но кончать пролог, начать что-нибудь страшно хочется; нужно бы обязательно взять пьянино, да раньше двадцатого не знаю, удастся ли, а писать на общем, при Лидочкиной болезни, неудобно. Был у Юргенсона, получил романсы Debussy и разные справки о симфонических; партитура «Carmen» теперь стоит 10 р. Когда я покупал у Рузанова румяна, приказчик спросил меня: «Вам театральных?»[12]. Там приходили дамы за эмалью для ногтей, и мне всегда приятен вид этого культа туалета, имеющего и свое право, и свою прелесть, и свою поэзию, признаваемую вполне на Западе. Верхов<ские> звали в воскресенье; были у Ек<атерины> Ап<оллоновны>, и было почему-то весело идти с Варей и Сережей по лужам под мокрым снегом к скучноватой Ек<атерине> Ап<оллоновне>, — что-то святочное, уютное, почти резвое.

8

Сегодня начал свой роман; оказывается, что я с нетерпением жду завтра Гришу, хотя и послал ему сердитое письмо. Был в библиотеке; о Coluccio Salutati ничего нет, попробую Poggio Bracciolini, даже Prop *<нрзб.>* не выписывают. Были у Варвары Павловны, но романа не читал, т. к. там была целая компания всяких чучел, Акуловы, Витте и пр., но было не слишком скучно, а возвращаться домой и совсем весело. Будто начинаю работать; я думаю, теперь пойдет на лад.

9

Утром, сходя бриться, в ожидании Гриши написал конец пролога «Гармахиса». Пришел он поздно, в четвертом часу, был очень в духе, даже я никогда не видел его в такой резвости, чуть мне не откусил носа. К обеду не выходил, а прямо стал одеваться ехать на Остров. Гриша дожидался меня на углу, около Академии, я его не узнал, и он мне показался совсем молодым (т. е. не старше своих 18-ти лет, как он кажется) и красивым, с бледным лицом, большими глазами и волнующим профилем. Извозчик попался пьяный, который по дороге останавливался 2 раза покупать кнут и

поправлять подпругу, потом мчался с криком по Невскому, всех давя, как московский дуралей, и, наконец, на Морской заехал поперек улицы на тротуар. Гриша доехал почему-то до Гороховой, и было очень весело ехать. Кострич решила писать портрет вечером с книгой, говорила, что Сомов, наверно, захочет писать мой портрет, что ему понравится мой роман и пр., и пр. «Вия» ее забраковали. У Верховских, кроме всех их и Каратыгиных in corpore*, была какая-то дама, Бекетова, их «жилец» и недавно приехавший Менжинский[13], прямо с митинга; говорит, что дороги бастуют для большего бойкота Думы, что решено истребить всю царскую семью «с детенышами». У Верховских очень мило, но дамы что-то дуются. Каратыгин сказал, что у Нурока обязательно будут Сомов и Курбатов. И, к довершению удовольствия, я там забыл свой портфель. Возвращаясь домой мимо Зимнего дворца с часовыми, как при какой-нибудь Екатерине или Павле, я думал, как это далеко, как запустело, лишено всякого смысла кажется все это, и стоит он, как исторический памятник, как дворец каких-нибудь дожей. Юраша пел Шумана по-немецки и Корсакова; как Корсаков похож на Пушкина, и даже не в националистических мелодиях; как русско это все. И немецкое пение именно Юраши, и Корсаков мне напомнило далекие дни симфонических концертов, петербургского студенчества и увлечений Григом, несколько прекраснодушное, идеальное и молодое, и мне стало грустно. Азбука Бенуа — море поэзии, там почти каждая вещь — перл по мысли и краскам[14]. Куда Билибину. Когда я уехал из Щелканова[15], оказывается, что Надя Форш очень жалела, что не поспела со мной поговорить и сказать, чтобы я не воображал, что то, что я пишу, — стихи; вот «Полтава» — стихи, а «пахнет чесноком и рыбой»[16] — просто гадость, а не стихи.

10

С утра меня несколько угнетала многочисленность нужных визитов, но, пойдя на Остров за портфелем, я так наслаждался погодой, сухой и серой, прямыми линиями Петербурга и его поэзией, в стиле какого<-нибудь> А. Бенуа, что поезд<ка> к Верховским за забытым портфелем только подбодрила меня. Если бы я умел рисовать, как бы я это все написал, и, м<ожет> б<ыть>, не очень бы под Бенуа. Вернувшись часа в 2, писал до обеда, потом одевался, чтобы идти к Нурок, как он сам, узнав, что Медем за мной не заедет, приехал, чтобы взять меня; он нашел, что у меня в комнате есть свое cachet** и что она достаточно отделена. Когда я брил-

* В полном составе (*лат*.).

** Отпечаток, особенность *(франц.)*

ся, он ждал и ворчал на кокетство, а парикмахер сообщал, что значит «сквозной посетитель», «коробка», «мак», об маке дают знак пустыми звонками, хотя для каждого назначения есть особые[17]. Едучи на извозчике, Нурок несколько интересничал, говоря, как он любит уличную жизнь, подонки, проституцию, не активно, но созерцательно, не любит эмоции театров, а клоунов, убивающих весело насмерть доской друг друга, кафе-шантаны, фокусы; рассказы о «жене Хама» привели его в восторг. В марте он думает отправиться в Париж и Лондон, спрашивал, не собираюсь ли я, а то он мог бы познакомить меня со многими именами. Сомов и Нувель уже нас ждали. Были еще Смирнов, Покровский и Каратыгин. Читал свои песни и роман и даже не ожидал такого успеха и разговоров, где уже позабыли обо мне, как присутствующем авторе, а сейчас планы, куда поместить*, что в переводе на франц<узский> это будет большой успех, т. к. то, что там есть в таком же роде, так низкопробно, сантиментально и цинично, что с моим «целомудренным» романом ничего общего не имеет**. Понравилась более всего 1-я часть, вторая менее других была понята (слишком проповеди), третья — Нувель находит под влиянием «Lys rouge» Franc'a[18] (но Нурок спорил). Было очень приятно видеть эти вопросы, обсуждения, похвалы лиц, вовсе не склонных к восторженности. Нашли, что очевидно мое даров<ание> как драматического и сатиричес<кого> писателя, т. е. диалоги сжаты, верны и имеют все pointes. Конечно, планы о возможности издания потом падут, и я не обольщаюсь надеждой на минутный подъем, хотя Покровский очень убеждал меня печатать в «Содружестве»[19], обещаясь устроить это очень скоро. Но для этого нужно будет рублей 100. Потом долго говорил о людях вроде Штрупа[20], что у него есть человека 4 таких знакомых, что, как случается, долгое время они ведут, развивают юношей бескорыстно, борются, думают обойтись так, как-нибудь, стыдятся даже после 5-го, 6-го романа признаться; как он слышал в банях на 5-й линии почти такие же разговоры, как у меня, что на юге, в Одессе, Севастополе смотрят на это очень просто и даже гимназисты просто ходят на бульвар искать встреч, зная, что кроме удовольствия могут получить папиросы, билет в театр, карманные деньги. Вообще, выказал достаточную осведомленность. Кстати, я так попался: у него шурин Штруп***. Вот совпадение. Вещи мои петься, вероятно, будут.

---

* Густо зачеркнуто несколько слов

** Густо зачеркнуто десять строк

*** Густо зачеркнуты три строки

11

Какая радость, какое облегчение: сегодня, играя у Каратыгиных пролог «Гармахиса», я воочию убедился, что он никуда не годится и, как всегда, когда я «сочиняю», сделан à froid*, часто банален и неподвижен. Как нарыв, который лопнул, меня это облегчило. Снова я чист и свободен. Каратыгин говорил, что я произвел фурор и что Сомов, идя с ним домой, говорил, что он не читал и не ожидал ничего подобного. Жалко, что он моей музыки не оценил, но Каратыгин уверяет, что это потому, что тот, в сущности, не музыкант и до Debussy дошел постепенно. И почему мне хочется, чтобы зацепило именно Сомова, даже не Дягилева, напр<имер>? [Лидия Михайловна находит, что Дягилеву, наверно, тоже понравятся «Крылья» и что Сомов просто...** хотя бы он не захотел меня писать.] Ольга Никандровна [тоже] просила меня позировать. У Каратыгин<ых> была Соколова, но было уныловато и скучно, и вообще, Остров меня настраивает элегически. Наши на митинге, но, кажется, пошли рано; вечером были какие-то зарева; мысль о забастовках жел<езных> дорог, митингах и т. п.; темные улицы с казармами, огромное Марсово поле с темнеющим на розоватом зареве собором Воскресения, — все настраивало тревожно и романтично. Сегодня приходил Маркиан от Большакова; м<ожет> б<ыть>, дело и уладится после забастовок. Рассказы Покровского об Одессе меня растревожили, и мысль о богатом южном городе с привольной, без запретов, жизнью, с морем, с оперой, с теплыми ночами, с доступными юношами меня преследует. Предпринять бы весной вылазку туда.

Прокопий Степанович так расстроен Лидочкой, что, я думаю, не будет и денег-то доставать.

12

Бодрость продолжается; начал новую «Александрийскую песню»; утром был у Чичериных на минутку, т. к. Н<иколай> В<асильевич> в Финляндии, а у Наталии Дмитриевны была m-me Vertu. Парикмахер занимал меня разговорами, очень типичными. Без меня был Гриша и ушел только что передо мной, не дождавшись и даже не дожидаясь меня. Хотя это было условлено, хотя я этого хотел, но мне было жаль, что он меня не дождался. Были в библиотеке, так хорошо заниматься, но у нас все что-то киснут, и даже Сережа. По его рассказам, на митинге внешне было так романтично, что даже почти привлекает и меня. К Варваре Павловне не поехал. Ну ее!

---

* Без огня *(франц.)*.

** Две зачеркнутые строки из шести не поддаются прочтению.

13

Сегодня запасали провизию, как на месяц осады[21]. Сережа в восторге от справедливости и законности забастовок, но мне противны всякое насилие и безобразие (другого слова я не могу найти), все равно, со стороны ли полиции или со стороны забастовщиков. Неделанием выражать свой справедливый протест всякий может, но силой мешать отправлению насущнейших функций культурной жизни — варварство и преступление, за безнаказанность которого всецело ответит признавшее будто бы свое бессилие правительство. Кровь! Разве меньше ее пролилось в Японии за фикцию богатства и влияния, за политическую авантюру? Спокойство нужно, хотя бы для этого все должны бы были лежать мертвыми. Варя побоялась идти в школу. Пр<окопий> Ст<епанович>, расстроенный и Лидочкиной болезнью и преувеличивающий опасность, совсем не похож на самого себя. Приходила m-me Андриевич; она какая-то всезнающая, но симпатичная и приличная дама. Вечером был у «современников» и, проезжая туда и назад по Невскому, видел открытыми кофейни и магазины, обычного вида толпы, и только завтра узнаю из газет, что все было заколочено, ходили ватаги хулиганов и т. п. Кстати, я всегда, а теперь и еще больше, чувствую нежность к ним. У «соврем<енников>» все были в сборе, выбрали 9 романсов. У них мелькает безумная мысль, что, при неотделимости моего исполнения от моей музыки, не возможно ли мне выступить и певцом? Сомов в таком восторге от моего романа, что всех ловит на улице, толкуя, что он ничего подобного не читал, и теперь целая группа людей (Л. Андреев, между прочим) желают второе слушанье. [Издавать думают возможным у «Грифа»[22].]

14

Сегодня все считают особенным днем революции, слухи, один другого пронзительнее, передаются. Внешне все довольно обычно, кроме темноты в некоторых частях города и домах, где провода общества «Гелиос»[23]. Написал новую песню, из лучших после долгого перерыва удачных вещей. Нурок взял роман для переписки; надеюсь, что все обойдется без опасности. Меня очень занимает, какая это «группа» людей, желающих слышать «Крылья». Вечером не ходил позировать и отлично сделал, т. к. там был общий митинг вместо университета[24].

15

Сегодня, по-видимому, то же на улицах, но мне все казались чутче и тревожнее настроенными. И серое небо, и темнота вечером, патрули, заколоченные лавки — все будило воображение.

Политические слухи один другого страннее. Чичерины трепещут. Был у них, потом взял билет на старинную музыку, вечером ходили в библиотеку. Александрия опять меня затягивает, но не «Гармахис». У Н<иколая> В<асильевича> играли trio Регера — недурно, свежо, но на стену лезть не из-за чего.

16

Все то же самое; собирался много сделать, но весь вечер проиграл в карты, за что и злюсь на самого себя. Гриши не было. Играли «Сервилию»[25], и атмосфера Рима меня привлекла еще больше. Но потерянный день сегодня — простая случайность. Завтра день Луны; 17-е может быть началом[26]. Просматривал намеченные сцены из «Возвращения Филострата», они очень интересны и пестры, это Антиной и Рим, не считая Диониса, Зевса, 3 ближайшие драматические темы.

17

Никуда не выходя сегодня, я написал 3 главы романа. Я читаю Querlon: «Les amours de Clitophon», мило, местами ярко, тоньше, м<ожет> б<ыть>, Louÿs[27], но достаточно внешне и французисто. Был Иванов, вечером наши были у Крапивиных, все трепещут, киснут, и даже как-то неловко так противоречить общему настроению. Скорей бы шли дороги, чтобы отправить вещи Большакову и получить от Юши письма; очень боюсь, что в среду концерт не состоится. Как жаль, что дневник 94<-го> года уничтожен.

18

Сегодня объявлена конституция; на улицах небывалый вид, незнакомые заговаривают, вокруг каждого говорящего собираются кучки слушателей, красные гвоздики, кашнэ, галстухи имеют вид намеренности[28]. У Думы говорили революционеры с красным знаменем, которое потом убрали, кучка единомышленников аплодировала заранее ораторам, которые толковали, что весь манифест — обман. Когда кричали: «долой красную ленту» и «долой ораторов», я тоже кричал «долой», помимо воли и рассуждения, т. е. наиболее искренне. Об этом у нас с Сережей вышли большие споры, и он упрекал меня в некультурности. Я невольно вспоминал слова мамы о Сереже и, может быть, теперь соглашаюсь с ними, но что он прямо часто сочиняет, притом обвиняя меня в этом же, — это одна из вещей, которые меня наиболее сердят. Речи ораторов, гуляющие, глазеющие дамы, пошлость и общедоступность либерализма делают то, что с тоской и какой-то противоестественной жаждой думаешь о Б. Никольском, «Русском Собрании»[29], именно теперь, когда они со своею, м<ожет> б<ыть>, не меньшею по-

шлостью (но меньшею популярностью) затоплены торжествующей болтовней. Даже «современники» говорят о политике; где те эстеты, те хотя бы медные лбы, хотя бы гвардейцы, тупо прожигающие жизнь, которые бы не говорили о митингах и всеобщем голосовании? О, Сомов, погруженный в своих дам 30-х годов, начетчики, находящие события современности в Апокалипсисе, неужели и вы говорите? Где они, блаженные молчальники? Когда казаки (или гусары?) скакали на белых конях во весь опор, молодой рабочий сказал «опричники», и мог ли он лучше похвалить то, что красиво и сильно? Их песня спета, но ненавижу я тех, <кто> ногой пихает побежденных, и здание, покинутое всеми, мне делается милым, и куда все чистые и аскеты, шарлатаны и чумазые, болтуны и нахалы плюют, мне делается потому уже священным. Ненависть к популярному, к «для всех» и к болтовне пошлейшей меня снедает. Мне очень жаль, что мы с Сережей расходимся, но поделать я тут ничего не могу, кроме того как избегать возможности разговоров.

19

Безденежье опять меня удручает, концерты, театры отменяются. Какая-то лень нападает; столько еще нужно покупать, все обходится дороже, о пьянино нечего и думать. Ну, эту зиму как-нибудь проведу, а там нужно будет по-другому устроиться, именно в первейших вещах. Гриша тоже так долго не будет. Планы разных писаний меня страшно привлекают, но, в общем, настроение подавленное. Хоть бы Большаков скорее принял свои вещи.

20

Настроение подавленное продолжается и по вине, м<ожет> б<ыть>, политических неустройств. Все россказни, хвастовство демократов, сознание бессилия других партий противны до последней степени. Их статьи в подпольных изданиях — риторика самого дурного тона. Я страшно устаю и с какою-то любовью думаю о Лескове: там свет, теплота, уютность. В январе ожидается междоусобная война. Лампада перед старинной иконой, долгая всенощная, далекий скит в снежном бору, яркое летнее утро в праздник над рекою, пенье девушек за шитьем в яблочном саду: напрасно к вам стремится уже не могущая обнять вас моя душа. Где покой прежних лет? где умершие милые люди? где прошлогодний снег?[30] О противный, трижды противный, суетящийся политический и без красоты политический, дождливый город, ты хорош был бы только заброшенным, чтобы в казармах обедали солдаты и няньки с детьми в капорах уныло бродили по пустынным и прямым аллеям Летнего сада.

21

Сегодня утром, читая в парикмахерской известия о вооруженных стычках повсюду, о погромах, об Феодосии, где подожженные люди бросались с крыши в толпу и избивались, я воспрянул из подавленного настроения; война так война[31]. И, идя вечером с Сережей на дальний В<асильевский> О<стров>, потом переезжая темной Невой к Академии, где у дверей под иллюминацией стояли солдаты с ружьями, я был страшно бодр и радостен, будто что-то вспоминая пережитое из Рима. У Кострич очень уютно. На улицах как-то весело.

22

Пишу на следующий день и потому с трудом вспоминаю настроение накануне. Политически все так же, все охвачено пожаром восстания, так что действительно корректное восстание Финляндии проходит незамеченным[32]; был Муравьев, он не убит, а жив и долго сидел, был Бобовский, он как<-то> обрюзг и, когда я вышел к концу разговора, казался обиженным. Вечером все отправились к Варваре Павловне, мне страшно не хотелось, но, как почти всегда бывает, оказалось менее тошно; была Марья Михайловна, которая не так подавляюще пошла, как Акуловы и Ольга Павловна.

23

Безденежье меня повергает в уныние. П<рокопий> Ст<епанович> расстроен делами, и болезнью Лидки, и спорами о политике, я политич<ески> неистовствую, Сережа горячится. Мне, как беременной, хочется, чего невозможно, — отыскать Беляева, Никольского, написать письмо корнету Фролову[33], познакомиться с попами, быть вдруг летом в Сестр<орецком> курзале, вдруг идти ко всенощной, чего-нибудь съесть, читать Лескова; потом выяснится, что со мной делается. Вчера я чего-то загрустил и стал плакать, когда уже Гриша был одет уходить, и все хотел его нарумянить, а он не знал, как уйти, и говорил: «Так я уйду?» — «Иди», — отвечал я и плакал, а он не уходил, стоял и твердил: «Так я уйду?» Сегодня целый день болит голова, и только после обеда, когда она несколько прошла, я мог выйти с Пр<окопием> Ст<епановичем> и Сережей прогуляться. Вечер был отличный, и я настроился, кроме какой-то беспечности от полного развала и неизвестности, как-то даже лампадно-уютно, увидев у Симеония, очевидно, купеческую свадьбу. Дома мы застали Катер<ину> Ап<оллоновну>, которая меня даже не угнетала; провожать ее кажется ужасною глушью.

24

Сегодня к Нуроку не пошел, прочитав один дома «Петра» Мережковского[34] и играя с детьми в короли. Что-то со мною делается, и мне все хочется плакать или, вернее, выплакаться перед кем-то, прислониться к чему-то. Верую я или не верую, я не знаю и временами или все отметаю, или верую в трех китов. Во мне 20 человек: я тщетно вздыхаю, конечно, о прошлом, но зима, верно, приходит и зимнее настроение независимо от внешних обстоятельств. Откуда вышли у меня «Времена года»[35] и куда пропали, как цветок, оставив навеки боль в душе. Моя душа стала смутной и ищущей ласки, хотя бы притворной, хотя бы Казакова и людей несколько елейных. Мои замыслы, мои вкусы не поймут, б<ыть> м<ожет>, и средние интеллигенты, и мне с ними скучнее, чем с совсем простыми, «черносотенными» людьми. Если бы я был не расщепленным, с восторгом бы я поборолся за старое и, отвернувшись к стенке от непреложно долженствующего прийти, умер бы, думая о колоколах, жаркой горенке, бане и морозах. Но я потерял тот рай и не верю в вновь избранный, который я временами пророчески чую, и я устал, и это мне приятно.

25

Я должен быть искрен и правдив хотя бы перед самим собою относительно того сумбура, что царит в моей душе. Но если у меня есть три лица, то больше еще человек во мне сидит, и все вопиют, и временами один перекрикает другого, и как я их согласую, сам не знаю? Мои же три лица до того непохожие, до того враждебные друг другу, что только тончайший глаз не прельстится этою разницей, возмущающей всех, любивших какое-нибудь одно из них, суть: с длинной бородою, напоминающее чем-то Винчи, очень изнеженное и будто доброе, и какой-то подозрительной святости, будто простое, но сложное; второе, с острой бородкой, — несколько фатовское, франц<узского> корреспондента, более грубо-тонкое, равнодушное и скучающее, лицо Евлогия[36]; третье, самое страшное, без бороды и усов, не старое и не молодое, 50-л<етнего> старика и юноши; Казанова, полушарлатан, полуаббат, с коварным и по-детски свежим ртом, сухое и подозрительное. Сегодня разбирался в сундуке и все вспоминал прошлое солнце и прошлые радости: нашу квартиру на Острове, милую, милую маму, метящую платки в спальной, или вышивающую, или читающую, или готовящую завтрак. Помню, как Листюшка кричал из передней «барынька» и потом стук его головы об пол, как мама побежала (Лиза была на рынке). Его болезнь, смерть, мои имянины, ужасное время маминой болезни, когда вдруг я узнал другую маму, незнакомую, страшную, строгую; мутные глаза, неразборчивую, несвязную речь; пер-

вые ночи дежурства, потом сиделки, тетя, морозные ясные дни, печка по утрам в полутемной еще комнате; как, приехавши от о. Виктора с маслом и мадерой, я встретил у ворот Тимофея с более постным, чем всегда, лицом, и он спрашивал, как мамино здоровье, и что сказал доктор, и что доктора часто обманывают, и, дойдя до дверей, сказал: «Уж вы не пугайтесь, барин, оне скончались». Первое, я снял перстни (тогда их было много) и спрятал в жилетный карман. Помню тетю, растрепанную, плачущую в дверях, сконфуженную уходящую сиделку, маму, белую, спокойную, еще на кровати. Потом пришли монашки, сразу стало уютно и определенно печально, я стал есть постное. Помню панихиды, на одной из вечерних куча народу, похороны при весенней ясной погоде, ту же церковь, где отпевали папу. Начало моего одиночного хозяйства, разбор вещей, страх первое время, прелесть покупок самому, сам хозяин. Тишина, пустынность и скука. И дальше, дальше. Снять бы мне квартиру или комнату на Охте, на Боровой, теплую, с клопами, зажечь лампадки, покупать провизию, есть постное и жить; по праздникам приходил бы Гриша, пил бы чай с просвиркой, светило бы солнце. Ах, Углич, Москва, русские города! Сегодня, как виденье, видел за Невой, в этом месте обрусевшей, не петровской, зеленые дома Охты, баржи с хлебом, заборы, длинные одноэтажные бани в Калашн<иковском> проспекте, ряды, лабазы, мальчиков в сапогах, давящих первые сосульки, и у «хлебной биржи» толпы хулиганов. Были у Кудрявцевых. Сережа, вернувшись из театра, долго говорил, даже спорил со мной о социализме, и в конце я даже разоткровенничался.

26

Остаюсь в новом направлении, т. е. в старом, вернее. До глубины уверен, что жизнь не только отдельного человека, но даже стран не есть восхождение или нисхождение, а ряд случайностей. Нужно оповестить Юшу, Лид<ию> Мих<айловну>, «современников» и написать письмо в Углич. В этом настроении с каким двойным удовольствием жду Гришу, только надо, чтобы борода отросла. Что же будет с моими детками: Елевсиппом, Филостратом, Антиноем?[37] Или эта линия идет сама по себе и только иногда случайно совпадает? Впрочем, увидим. Всегда бывает то, что быть должно, а сами мы только портим.

27

Какая тишина и счастье спускается на меня при повороте к старому курсу. Опять мне доступны и близки и милы целые массы людей, милых же, но отчужденных, но ушедших было куда-то. И из окна смотрю я уже не с тоскою, а с радостью. И странно вдруг

меняются вкусы, даже до мельчайших, и вкус какао, вчера такой приятный, почти противен мне сегодня, и мечты о покупках без сожаления переносятся на совсем другие разряды предметов.

28

Отпуская бороду, сидел дома и только вечером вышел пройтись по Суворовскому с Варей за покупками; была полная луна, масса какого-то народа шныряла, и было весело, как перед Рождеством. Вечером предполагался винт, и пришла m-me Андриевич, но карт не состоялось, и мы собеседовали о политике. Эти собеседования ведутся у нас во всех возможных комбинациях и соборно, и все-таки, стоя на одной из крайних сторон, я лучше понимаю другую крайнюю.

29

Как царь не понимает, что прекрасно или возможно или продлить жизнь и власть, став демократическим, мирским монархом, или романтично стать во главе голытьбы, черносотенцев, гвардейских опричников, попов из тех, что старого закала, с деньгами, староверов (заем правительству они не покроют, но царю лично дали бы), запереться где-нибудь в Ярославле и открыть пугачевщину по Волге, вернув на время при московских колоколах власть, погибнуть прекрасно и удивительно?[38] Я жалею, что не позвал Гришу в воскресенье. Получил письмо от Юши; о возврате ничего покуда; тревожные для меня планы возможной мне литер<атурной> деятельности[39]. Он ничего не знает о Муравьеве, это еще chose à faire*, потому что я вижу, что связь с Григорием может перейти в продолжительную дружбу, конечно, внешнего, житейского характера, и в привычку, хотя я думаю, что отношусь к нему все-таки так влюбленно, что, напр<имер>, женитьба его меня бы отвратила от него. А м<ожет> б<ыть>, я влюблюсь в другого, и это возможно. Сегодня ждут избиения, но, кажется, напрасно.

30

Муравьева сегодня не было, хотя я почему-то и поджидал его. Вечером были у Андриевич, ее братья очень приятные господа, и время провели ничего. Все в городе трепещут избиения и придают городу катастрофный вид, напуганные собственными же слухами; рабочая самооборона кистенями разбивает головы дворникам, просящим их разойтись, принимая их за шайку хулиганов. Милое успокоение. А если рассчитывать на интеллигенцию, то она или постыдно будет из окон смотреть в бинокль на собственных

* То, что предстоит сделать *(франц.)*

швейцаров, принимая их за хулиганов, или трусливо, с припадком холеры, стрелять в первых дворников.

31

Когда и где мы живем? или действительно мы живем в историческое время? Сегодня обедал у Чичериных, узнал, что Победоносцев рассказывал, будто «черносотенцы» представляют очень организованное целое (по крайней мере, в Москве, Ярославле и здесь), будто есть купец, мясн<ик>, нечто вроде Минина, у которого ежедневно собираются всякого сорта люди, что их списки здесь достигают 200 000, в Москве — 150 000, что, с другой стороны, Нарышкин, кн. Куракин, Головин и др. прямо составляют заговор против Витте и его конституции. М<ожет> б<ыть>, даст Господь, и средины затяжной не будет. Рассказывали очень интересно о пашковцах[40], я даже взялся написать музыку для 45-го псалма, немного читали Лескова. Через Иванова и Доливо-Добровольскую вышла ужасная сплетня про Юшу, и т. к. я отчасти в этом виноват и Чичерины будто это же думают, то вышло не только неприятно, но и некрасиво. На улице холодно и сухо, романтично и пустынно, прохожих нет или с револьв<ерами> в кармане. Встречные солдаты рассказывают о постановке «Демона»[41] в Нар<одном> Доме[42]. Просил узнать адрес нового Минина. Фролову письмо обязательно пишу.

Ноябрь

1

Сегодня снег и ниже 0°, это бодрит, но выходить не хочется из-за своей бороды; все более убеждаюсь в своей крайней не правой, или уж Бог знает, к какой партии; меня мучает, что я еще не знаю адресов того купца и не написал письма Фролову. Вечером были у Ек<атерины> Аполлоновны, и у нее было более уютно, и возвращаться было очень приятно; потом провожали Ольгу Петровну по Суворов<скому>; так было хорошо, но я жажду запаха снегу. На улицах не так пустынно, и хулиганы погуливают, и мне как-то стыдно, что я еще не в черной сотне. План и сцены современного романа назревают.

2

Сегодня было очень тоскливо, как давно уже не бывало, и вечером страстно хотелось видеть кого-нибудь простого; после обеда пошел было к Казакову, но было очень скользко, и я, только купив сахару для наливки, вернулся домой. Хотелось бы, чтобы кто-

нибудь приехал на лошадях в мороз, чтобы было жарко, и пили бы чай и передавали домашние новости. Политика меня угнетает, т. к. теперь опять началась мертвая точка. Я жажду видеть Муравьева и послал ему еще письмо; хотелось бы совсем, совсем простых людей или тончайший цвет культуры, чего у нас мало. Но физически, обиходно, на каждый день второе — скучней.

3

Снег, покрывающий все неровности, все колдобины, всю грязь белой и холодной пеленой, действует всегда умиротворяюще, но мягкий воздух с легким ветром, вид полян, покрытых снегом в Тавр<ическом> саду, напомнил мне поездку в Каменку и вообще сладость куда-то ехать с опустошенной и горестной душой, по большой снежной равнине. И это привело мне на чувство какую-то печаль; теперь причин нет для безнадежности. Завтра, переписав псалом, пойду к Чичериным; неужели они не нашли адреса нового Минина. Забастовка, рассказы Андриевич, которым не веришь, горячие споры наших, с которыми не соглашаешься, оставляют мимо воли какой-то осадок, тяжелый и горький, и какой-то камень на сердце. Господи, придет ли Гриша, устроится ли все, как я теперь мечтаю, вспыхнет ли ярко Россия, не обвиняя ни ту, ни другую сторону в вине открыто желательного беспокойства, и, через огонь и кровь закалившись, новой Россией выйдет? или все потонет в скрытых, не открытых репрессиях, ребяческих обманных требованиях того да другого, салонном фрондерстве и парламентской болтовне?

4

Сегодня чувствую себя гораздо лучше. Забастовки и погромы придают городу и жизни на улице какой-то весело-катастрофный характер, в воздухе что-то истерическое. Был у Чичериных, мой псалом страшно понравился (по крайней мере, так говорила Н<аталья> Дм<итриевна>, м<ожет> б<ыть> и преувеличенно), обещали непременно узнать адрес, звали на собрания «святых», но история сплетни об Юше из пренеприятных. Юша прислал №№ «Simplicissimus»[1], где, без настоящего знания русских типов, пейзажей, костюмов, ряд карикатур на современные смуты; но м<ожет> б<ыть>, это так, как представляется со стороны, и вернее; но от них, трактованных как к<акой>-ниб<удь> стрелецкий бунт, повеяло какой-то поэзией. Вечером были Тоня и Лена Кудрявцевы, и мы их провожали, причем чудная погода, какая-то особенная атмосфера настроили меня еще более бодро, но на концерт «современников» в воскресенье не знаю, пойду ли. С нетерпением жду Гришу в воскресенье, как просто знакомого, мне нужно о многом

поговорить с ним насчет будущего, но часто я скучаю по нем как и по любовнике. К Казакову также страшно хочется и мало ли еще куда. Завтра обязательно пойду ко всенощной.

5

Утром было багровое солнце с морозом; отлично, что окна выходят на восток и видна прелесть ясных утр, но недурны были бы и закаты. Перед обедом гуляли с Сережей по Неве, и вид замерзающей реки совсем близко, Охты за рекой (именно — «за рекой», без моста с перевозами), желтой полосы зимнего неба (а как оно потом запламенело на закате!) был очень поэтичен. Пришли ко мне [послами] Нувель и Покровский [посланниками] от «современников» и [говорили] просили [опять] быть членом; они поняли, что мое письмо было отказом из-за политических убеждений, и явились говорить, что они не крайняя левая; мы объяснились (я не без истеричности); читал новые вещи, но я был очень польщен. D'Indy прислал им преинтересное письмо о русск<ой> музыке, Reger'е (отвергает) и пр. После обеда отправились с Варей, Сережей и Маковским в Казанский собор, пришли при полиелее и ушли перед Евангел<иями> и дома застали Сиверс, с которыми и играли в винт. Вообще, днем доволен; завтра увижу Гришу.

6

Сегодня целый день такой припадок мигрени, какого не было уже года три, со рвотой, с невозможностью взять в рот ни куска, ни глотка. У Григория тоже болела голова и вдруг заболела грудь, забилось сердце, и он уснул, как в обмороке, хотя не был ни капли пьян. Полуодевшись, я сел в кресло и смотрел на спящего при красноватом свете лампады: совершенной стройности тело, смугло-бледное, еще более нежное от меха одеяла, спокойное лицо с длинными темными ресницами и красневшим ртом; мысль, что это все — твое, страшная головная боль и рвота, теплота комнаты, свет лампад, все напоминало какой-то бред, но ни черты разврата, а что-то первобытное, изысканное, чувственно-простое, тихое и божественное. Потом я, одевшись, не мог стоять и лег, а он ушел и стоял, высокий, в высокой шапке, белый и милый; прощаясь, я почти не сознавал ничего; пришла Женя убирать; дома думали, что я не один, и ко мне никто не заходил, и, то ложась, по совету Ек<атерины> Ап<оллоновны>, на спину, то на бок, чтобы уснуть, я полуслышал шаги и разговоры, рассказы Марьи Яковл<евны>, что на Острове «просто режут», и т. д. Во втором часу я мог встать на ноги без рвоты и выпить воды, раздеться и, поправив лампады, лечь спать. Гриша говорит: «Куда же вы годитесь, разве в черную сотню?» У них понятия очень курьезные, что черная сотня — это высшие санов-

ники, поляки и жиды (Каульбарс, Нейдгарт и Кристи), попы-христопродавцы, рабочие-лодыри и т. д. Такого скептицизма и свалки всех понятий я еще не встречал. Лесков бы вывел из этого блестящие парадоксы. Что главная цель — извести воров (всех Алешек и Володек), объявить скрытый дворянами манифест, побить жидов (почему-то это входит в самые разные программы) и рабочих, которые хотят ввести республику; а главная манера действовать — отсидеться где-нибудь в углу, пока не поставят вопроса ребром, за кого ты. Недостаток не только озорства, но как будто и мужества в нем удивил меня не особенно приятно.

7

Я пишу это 8-го и потому с трудом вспоминаю, что было. Голова как пустая, весь выпотрошен, будто после родов; вечером все отправились в Нар<одный> Дом. Там атмосфера очень симпатичная своей смешанностью и непринужденностью, и было весело; «Травиата», исполненна<я> неважно, но молодо и старательно, тоже мне понравилась[2]. Я люблю эту старую, страстно-нежную, до безумства, музыку. Теперь, когда я пишу, мне очень скучно, но я помню, что тогда-то было хорошо. Нат<алья> Дм<итриевна> не могла узнать адреса нового Минина, и Нарышкина ответила даже в тех же выражениях, как мы ожидали: «Вот еще, буду я интересоваться всякими хулиганами»[3].

8

Утром ходили за билетами на «Снегурочку» так далеко, что я боялся, как бы у меня не заболела голова, но день был чудный; сначала, покуда были только тетя, Ек<атерина> Ап<оллоновна> и Тоня, было уютно, но когда собралось больше гостей, мне стало тяжело чувствовать себя совсем чужим от общества (не от каждого в отдельности, а от всех вместе). Мне противно в себе отсутствие поступков и тягостное какое-то отсутствие не цели, а светлости в будущем. От Гриши поздравления не было; добрался ли уж он благополучно до дому? Получил карточки от Иванова, Казакова и его приказчиков. Лида написала тете.

9

Я не помню, что было сегодня, весь поглощенный мечтами о будущем. Неправда, что время черносотенных приемов решения истории прошло; покуда есть возможность кровавой уличной революции, до тех пор есть и смысл и рациональность черной сотни; она упраздняется даже и с наступлением парламентской борьбы не всецело. От Юши письмо[4]; мой поворот не вызвал [сложных] больших осложнений; больше несколько туманные рассуждения и

практические советы. Наконец написал Фролову и Победоносцеву. Господи, благослови!

10

Целый день не выходил и писал мало. У «современников» был уже уготованный мне певец Гольтисон, еврейчик с приятным голосом, легко читающий ноты, которого нужно третировать для того, чтобы он не третировал, и обращению с которым отличный пример дает Нурок. Женские хотят попросить Забелу; концерт 28 ноября, программа ради 25-го концерта отличная [так что компания очень лестная, Franc, Ducas и Chausson]. Мне нравилось, слушая краем уха Фицнера и Andrene, беседовать с Нувелем о своих будущих и пишущихся вещах и вообще об том, что меня занимает, волнует; м<ожет> б<ыть>, он притворяется (но к чему?), но его интересует и мое увлечение в данную сторону, и он признает, что возможность красоты есть только в этом лагере, хотя, кажется, сомневается, что она есть и тут. Все кислы и жаждут уже успокоения, хотя бы с Думой, чтобы жить личной жизнью; Нувель говорил, что жалеет самодержавие, т. к. оно давало возможность не заниматься политикой, а теперь общественность, как дурной запах, проникает всюду. Вернулся рано, и наши еще пили чай.

11

С утра сегодня, отправившись к Казакову, я обрел в беседе с ним и покой и душевные силы. Оказывается, что и они волнуются теми же чувствами, смутно сознаваемыми, что я не один, что не одни тайные советники, воры и капиталисты стоят за то, что меня окрыляет; старообрядцы объединяются, встают, Лихачев послал им письмо отличное; черносотенец — не кличка, а историческое название, «Русское Собрание» не унывает, есть «Союз русских людей»[5]; и, видя это, слыша это, окруженный этим, а не газетными воплями, я чувствую себя бодрее, и Кузнечный, Лиговка, Загородный, торговые и простонародные улицы даже в Петербурге напоминают мне арену XVII века. Со Степаном поговорить не удалось, но он придет в воскресенье, после запора. Господи, благодарю тебя. Пока возможно перенесение борьбы на улицу, до тех пор нужна готовая боевая дружина, а этот способ борьбы, как наиболее архаический, наиболее пластический, наиболее XV в., меня привлекает, конечно, более всего. В театр не пошел, уступив билет Маковскому, и весь вечер читал «Загадочного человека» и др. Лескова. Моя комната с лампадой, теплой печкой приняла какой-то другой характер, и, сидя на окне в полутемной комнате и беседуя с Сережей о самодержавии, я будто освещен какой-то вечерней зарею, которую можно принять и за утреннюю. О, темные лики, церковные

звоны, кровь, удаль, белый царь, леса за Волгой, и, видя другое и зная другое, и чувствуя, что вы погибаете, я стремлюсь к вам и люблю вас и не боюсь осуществления моих мечтаний в митингах поморцев, сенновцев[6] и Николае II. Вы, бедные, ничтожные, вы донесли сокровище, и в новых сердцах и телах оно загорится ярко и угаснет; и обреченное на гибель не теряет от этого ни красоты, ни справедливости. И с какою-то новой любовью и пышностью я люблю Григория. Господи, благодарю тебя.

12

От Юши письмо с теоретическими рассуждениями о политике, м<ожет> б<ыть>, он походит на Артура Бенни и просто плохо знает положение дел, м<ожет> б<ыть>, и прав, но излишняя систематизация мешает правдоподобности, и думается, что русская жизнь подарит сюрпризом и неожиданным, и достаточно нелепым. Относительно моего настроения и последних слов, он находит в них что-то новое, как он выражается, «жажда трагических столкновений»[7]. Меня не отрезвляет его письмо; балаган так балаган, трактир так трактир. Я мог бы жить во Пскове, там цены квартир, провизии минимальные, можно бы завести кое-какие знакомства; Казаковы, старинные церкви, единоверческая, поморская моленны. Жить бы с Муравьевым, но что он будет делать? и к чему готовиться? впрочем, после повинности[8] все равно ему нужно было бы искать нового места, нужно будет поговорить с ним об этом. Петербург так близок, что сношения музык<альные> и литературные можно бы и не прерывать. Спокойный старый городок, жизнь своим хозяйством — прежде это влекло бы меня неудержимо. И жить, днем и ночью и вечером с Гришей, занимаясь и любя.

13

С трудом вспоминаю, что было. Те же споры, та же слякоть; вышел только провожать наших до Окружного суда, небо прояснилось, и видно было солнце в узкой полосе зимнего неба; я все думаю, мечтаю, жажду переселиться во Псков с Гришей, именно там, недалеко от Петербурга, спокойно <жить> своим хозяйством. Хотел сегодня идти на молебен «Священного союза русской самосохраны», но не пошел из-за раннего обеда. Вечером приходил Степан, я толковал с ним о своих планах, он обещал узнать, что может; вспоминали прошлое. Он говорил, что при прощанье скажет, зачем, он думал, я позвал его, но так и позабыл и я, и он.

14

Сегодня, будучи у Николая Вас<ильевича>, я застал там Софью Вас<ильевну> и тетушку Нелли; я опять вспомнил Леско-

ва: храбрые, достойные, простые русские женщины, без позы, без финтифлюшек аристократки, лучшие по простоте и достойности чудаковатые светские дамы, которые и оборвут, и прямо правду скажут, и помогут неожиданно и вовремя, и обласкают чужого, как родного. Провожали Пр<окопия> Ст<епановича> и Маковского; вокзал, особенно Николаевский, всегда меня привлекает, но в данный день публика имела вид или беглецов, или передвыборных агитаторов. Зашли к Ек<атерине> Аполл<оновне>, там очень уютно, но она совсем окрутится со своими авантюрами; я думаю, что тут много надуманного, но ей страшно хочется высказаться и радостно, что есть о чем, и она только стеснялась маленькой Вари. Она милая, хотя и смешноватая. От Гриши письмо, что он был болен, придет в воскресенье, очень милое. Я жду его уже с теперь, я все-таки его очень люблю. Первая «Москва» очень удачна, пришла тема и для 2-го №[9]. Но страшно не хочется идти в четверг к «современникам». Но надо будет, хоть ненадолго. Нужно будет узнать, где и что это — «Священный союз».

15

Я почти решил летом или раннею осенью, если Муравьев согласится, переехать во Псков и теперь мечтаю об этом все время. Возможно, что планы мои переменятся, как и всё, возможно. Если бы рабочие и студенты защищали отечество и мясники, молодцы и казаки бунтовали, за кого бы я стоял? Мне просто милее люди в сапогах и картузах, гогочущие и суеверные, это не старые лики и не Вандея, а ненависть к прогрессизму, либерализму, интеллигентности и к внешнему виду, к жизни, к лицам носителей этого. Я думаю, это главное. С старообр<ядцами> выходит какая-то путаница, борьба честолюбий, городов и т. д. Обе стороны на них надеются, а они, голубчики, получив свободу, надуют, я думаю, обеих. Был сегодня утром у Георгия Мих<айловича>, но не спросил у Степана о поручении, сам Казаков обещал к пятнице узнать мне о «Священном союзе», хотя я теперь больше занят мыслию о Пскове. Написал музыку ко второй «Москве», выходит истерично, густо и как будто в бенгальском огне или зареве, чадно и очень страстно. Жду воскресенья, ведь он и сам не совсем себе хозяин.

16

Сегодня было чудное утро с солнцем, и я все думал о жизни нашей на Острове или, еще лучше, о будущей жизни во Пскове, хотя если Гриша не согласится или ему нельзя будет, то и я не перееду. Написав музыку к третьей «Москве», пошел с Сережей в Таврический сад, но он меня теперь не трогает, кроме того, что там грязно. Вечером отправились к Кострич, но в их уютной квартире,

где из окон виден забор и низенькие домики, все время вели самый нелепый, несправедливый и ожесточающий спор; Варя теоретически права, но Кострец, при общей дамской бестолочи и программы самой упрощенной — «Там все поголовно — мерзавцы, здесь — страдальцы, там цель — сладко поесть, здесь — благо народа, там средства — гнусны, здесь — все честно». Это попроще, чем «жиды и студенты».

17

Сегодня безоблачный, почти зимний день, вроде тех, только менее морозный, что были в это же время прошлый год, и какие ужасные эти были дни. Но мысль моя летит неудержимо к прошлому или ко Пскову, на которое я смотрю не только как на продолжение, но и как на род венца островской жизни. Но кто знает, как потекла бы жизнь, если бы мама была жива? И, как Кандид, я, право, нахожу, что, в конце концов, все выходит к лучшему[10]. Уж одно то, что я имею теперь Гришу; но меня терзает мысль, вдруг он не согласится со мной ехать? Это как-то не приходило ни минуты мне в голову. Сегодня я здоров, но страшно утомлен и равнодушен, и, только окончательно решив не идти к «современникам», прочитав Франса и вымывшись, я мог приняться хотя бы за дневник; к тому же и деньги у меня все вышли, и потом, я очень скучаю, не видав столько времени Муравьева. И мне недостает людей, которые говорили бы то, что я думаю, Никольских, Беляевых и др. Сегодня, прочитав рассказ А. Франс из времен революции, я снова увидел и доблесть, и страдание на этой, моей стороне; м<ожет> б<ыть>, оттого, что она была гонима. Но где же тогда свобода и равенство?

18

И сегодня еще ничего не узнано, но я теперь весь устремился в мечты о провинциальной жизни. Псков, конечно, это ближе к Петербургу, и потом, там Казаков, но меня пугает климат, и лучше бы без жел<езной> дороги, почему бы не Углич. Но главное, как на это посмотрит Муравьев. Я несколько кис, но потом, читая «Некуда»[11], где особенно вырисованы картины природы, и потолковав о Крекшине, я несколько развлекся, мало того, меня охватила какая-то безумная любовь к природе, снегу, зорям и деревянным домам. Что-то выйдет, просто хоть сейчас поезжай. Впрочем, для переезда нужно денег прикопить.

19

Сегодня неожиданно вернулся Пр<окопий> Ст<епанович>, ему кажется, что он отравился рыбой в дороге и что настрое-

ние на юге ужасное; о настроении он судил по разговорам в вагоне евреев, находящихся в паническом ужасе. Можно ли так падать духом и так преувеличивать. У Чичериных, наоборот, без умаления значения и силы револ<юционной> партии, так храбры без бравады, без слепоты, как лучшие герои Лескова. В Москве на съезде землевладельцев Никольский говорил речь, во время которой все кричали «ура», плакали и обнимались, постановлено <написать?> челобитную о немедленном созыве земского собора в Москве[12]. Со старообрядцами какая-то путаница, борьба самолюбий, городов и пр. О Минине еще не узнал; меня интересует, куда девают забранных моих приятелей-хулиганов и действительно ли их полиция забирает? Вечером был у Кудрявцевых, там ничего, довольно уютно, но наши не пришли, т. к. у нас были Лид<ия> Андр<еевна> и Андриевич. Говорил с Казаковой о Пскове, что-то завтра скажет Гриша, ведь завтра он придет, наконец-то!

20

Ну вот, был и Гриша и согласен на мое предложение, так что весной, летом или раннею осенью можно будет начать приводить в исполнение, но не устраивает меня то, что у меня денег уже опять нету. Поскорей бы начать жить своим домом. Но не верится, чтобы в это время можно было на что-нибудь рассчитывать; а не своим домом, так пойти в монастырь, в бродяги, в черную сотню, в тюрьму, на расстрел. Вечером болела голова и мы были у Екат<ерины> Ап<оллоновны>, где был Бобовский и все спорили; но так-то было уютно; погода отвратительная.

21

Сегодня год маминой смерти, и мы хотели отслужить панихиду в небольшой приютской церкви Кирилла и Мефодия. Как я давно не был в церкви. И странно слышать в такое «иное» время те же мирные, высокие и духовные слова, будто все по-старому. Впрочем, я услышал другие слова — проповедь. Священник, подражатель Петрова[13], или уж не знаю какой, говорил простым, несколько бестолковым языком о несправедливости нападок на духовенство, что они защищали народ и 9-го января, и после кронш<тадтских> событий[14], что они не смеют, забиты, что вот будет собор, будут приглашены миряне, и пускай скажут, чего желают, как устроить новую церковную жизнь и т. д. Кроме того, что и эти мысли мне не были привлекательны и не того я ждал в данное время, но и сам этот поп и его голос были какие-то противные, так что, когда после проповеди какой-то старый купец стал громко бунтовать, зачем в проповеди ничего не было сказано про царя, я ему почти сочувствовал. После панихиды священник спросил, почему

мы сегодня служим панихиду, где живем и т. д. Была К<атерина> А<поллоновна> и Анна Григорьевна, но тети не было. Но я был очень рад побывать у обедни. Вечером наши пошли к Варваре Павловне, а я остался домовничать. Все-таки настроения передаются, и ужас, безнадежность Прокопия Ст<епановича> как-то невольно окисляют и меня, и я рад завтра пойти к Чичериным. Один, сначала я играл всю «Младу»[15] и вспомнил блаженные времена кучкистов[16], русского, всего русского, эпигонов славянофилов, то уютное, светлое, что видится в Лескове и чего теперь не видится нигде. Положим, теперь нужны мечи, пророки, вожди. Псков меня пугает несколько своим теплым и сырым климатом, и вообще, я в пониженном настроении, даже относительно воображения, но более удобного города во многих отношениях я не могу придумать, и потом, напр<имер>, Царское ближе еще к Петербургу, но вид снежных дней далеко другой. Но вообще, я человек не очень надежный, и строящего на мне планы я не поздравлю. А черную сотню во Пскове изображать, пожалуй, еще удобней, и вообще, не отвечает <ли> это вполне когда-то поставленному мной идеалу? Почему же не ликованием, а в лучших случаях какой-то усталой, полубезнадежной, полумистической, отрекающейся нежностью полны мои думы о жизни посреди древнейших церквей Пскова?

22

Все такая же мерзопакостная погода. У старообрядцев на митинге происходило что-то неподобное, председателями сами наскочили студенты Полетаев и Мерзлодков, программу установили явно демократическую, нежелание возвращаться к «старому режиму», чтобы всякая баба подавала голос, — и все попечители, владыка Иннокентий, Голубин выслушивали эту белиберду, и только «приезжие с Моховой» раздорники заявили, что тут не старообрядцы, а революционеры, и заявили о том градоначальнику, но, к сожалению, оказалось, что революционеры [оказались] вышли по паспортам также старообрядцами. К счастию, важнейшие представители отказались от союза, хотя и не к такому счастию, как полагает газета «Русь». В Михайловском манеже был митинг «Союза Русского народа»[17]. «Русь», конечно, беспардонно клевещет, что там были только дворники, но что она, паспорта, что ль, смотрела? и потом, почему дворники меньше изображают народ, чем рабочие или студенты. Устраивает какой-то доктор Дубровин. Никольский уже вернулся из Москвы и говорил на юбилее Семеновского полка; он молодец и не боится ни кастетов, ни тявканья газетных мосек. Оказывается, что инициатива охотников работать на почтамте [была] принадлежит Софье Васильевне Сабуровой и еще кому-то, и эти честные и храбрые девушки, не боясь газетных рептилий,

просто и прямо захотели сделать то, что считали должным и желательным; это прямо по-лесковски и великолепно[18]. Вот оно, дело, без фраз, а прямая помощь. И их до 2000, дамы, офицеры, правоведы[19], не потерявшие чести студенты, до трети чиновников работают. Говорят, что деньги революционеров истощены и Витте подымает голову, говоря, что главный его враг — общество, приходящее в панику и шарахающееся от всякого пустяка. Получено письмо от Юши, где очень подавленное настроение, ясно, что дело идет к реакции, аграрное движение, возбужденное революционерами, носит совсем не годный для партии характер, темная масса снизу, «хулиганомания» сверху соединяются, средства тощают и т. д. У Победоносцевых — горе: их приемыш, лет 9<-ти>, Марфинька, за обедом ударила заставлявшую ее есть m-me Поб<едоносц>еву и потом рыдала в столовой, m-me плакала в спальне, а сам «великий инквизитор» пролил слезу в кабинете. Верховские имение заложили; Ник<олай> В<асильевич> выложил в безопасный ящик, на всякий случай, 3000 р., хотя в Банке (Учетный) не предполагают затруднений из-за почтовых забастовок, а бумаги решительно не советовали продавать. У Чичериных был Воейков, потом, после обеда и музыки, мы читали «Великосветский раскол» Лескова, было очень тепло и уютно. Сказал им про возможность Пскова, ничего не противоречили особенно. У гимназистов — орган «Голос средн<е->уч<ебных> зав<едений>», заведуют какие-то студенты[20]; новых газет как пузырей на луже после дождя. Сегодня не так кисло настроен, хотя Прок<опий> Ст<епанович> так же безнадежно смотрит. Дело наше решил поручить адвокату; завтра нужно будет отправиться к тете. Генерала Сахарова убили выстрелом от летучего отряда с<о>ц<иалистов-> [демократов] революционеров[21], так что очевидно, что партия доведена до предела, «кастет против кастета, выстрел против выстрела». Что будет, покажет очень недалекое будущее.

23

Сегодня отличный погожий день, хотя рента пала и «Новая жизнь» печатает всякие ужасы[22]. Идя по Кузнечному, вдруг слышу оклик меня по имени, вижу, едет на извозчике Казаков и машет газетой. В «Русской газете» их прямо называют «черносотенной затеей Лихачева» и говорили, что там были переодетые «хулиганы» (кем переодеты?). В самих них страшная рознь и борьба самолюбий и темнота; попечители не были на собрании, часть ушла, часть не подписала, часть не знала, что подписывает. Вечером, между прочим, я зашел к Казакову и оставался там довольно поздно, что напомнило мне время, когда я жил у них на Верейской. Теперь мне и то время кажется милым. Много говорили о Пскове и строили

планы, как мне устроиться. Завтра непременно рано встану, чтобы иметь время пописать, я думаю, что завтра я что-нибудь сделаю по роману, музыке и «Городам». Мне необходимо найти Никольского и Беляева; в пятницу Георг<ий> Мих<айлович>, может быть, проведет меня в «Русское Собрание», но не знаю, узнаю ли адрес «Союза Русского народа». Наши в гостях, и мы с Сережей долго и бесплодно спорили.

24

Сегодня Катино рожденье, а утром все ребята, босиком, в одеялах, путешествовали в залу смотреть подарки. Дети все-таки оживляют и дают уют. Заходили к Ек<атерине> Апол<лоновне>, но ее увидели только у себя на лестнице. Погода была серая и сухая, при снеге за городом было бы недурно, но в Петербурге очень уныло, и я, идя с Варей, сказал ей, что возможно, что весной я уеду во Псков, не встретив особенного удивления или неудовольствия. Я был очень подавленно настроен, мне не хотелось ни к «современникам», ни к Андриевич на имянины, дома предполагалось собрание гимназистов у Сережи, к тому же я мало был на воздухе, и я хотел зайти к Казакову, пройти к Кудрявцевым, но застрял на Загородном. Стоя у печки и строя планы о Пскове, я успокоился и настроился светло и спокойно. И луна, и Лиговка с скандалами и темными личностями действовала тоже успокоительно. Дома дожидался наших от Андриевич. У Казакова видел Коровайкова, Петра Самсоновича Макарова. «Союз» оказывается каким-то пуфом. Когда я увижу Гришу?

25

Ездили в Удельную, там, несмотря на теплую и сырую погоду, не так скверно, как в Петербурге, и дорожки имеют некоторый снежный вид. У тети довольно уютно, топилась печка, но нарушила впечатление только Марья Николаевна своими спорами и кликушеством. Самый вид вокзала зимой, сумрак вдали говорили о более дальней дороге, о поездках прошлого года. Вечером был у Казаковых, кажется очевидным, что Минин — это Андреев. В «Русское Собрание» идти не хотелось. Были там 2 Смирнова. У наших был Ногин, с<оциал->демократ. Когда же я найду Никольского? С «современ<никами>», с романом все заброшено.

26

Утром был у меня Барабашка, все перерывал, предлагал мне всякую дрянь, фаллические подделки, набалдашники в виде Леды с лебедем, карлсбадский стакан, часы с музыкой; все допытывался, куда я хожу молиться, и решил, что Спасова[23], как Смир-

нов на <*нрзб.*>. Вечером ходил ко Знаменью ко всенощной, вечером по грязи, среди пьяных, ругающихся дошел до дому. Мечты о Пскове, не покидая меня, укрепляются. Как быстро летит время! Не поспеешь оглянуться, как Рождество, пост, весна. В понедельник поются мои вещи, но это как-то мало мне говорит.

27

Сегодня был очень кисел, и, когда пришли к нашим гости, большие и маленькие, мне было очень скучно сидеть с ними. После обеда на минуту заезжал Гриша, неожиданность и необычность этого посещения делали его более еще ценным. Когда я после играл «Города» и, частью, «Алекс<андрийские> песни», то поразился сам блеском и какой-то истеричность<ю> первых. Если бы взялся за оперу, то из времен Морозовой. Страшно хочется писать. Вечером, совсем вечером, согревшись чаем, я пришел в лучшее настроение, и долго еще говорили с Сережей просто и мило, как давно не говаривали, причем и Варя принимала в этом участие.

28

Чудный солнечный день, и я отмечаю ежедневно, какая погода, т. к. это действует и на настроение, и на дееспособность. Сегодня отправился, чтобы спросить у Нурока билетов, но он был уже на службе, с Коровайковым отправился записываться в «Союз Русского народа», но ни секретаря, ни членов не было. Придется съездить завтра; заехав, чтобы забросить к Ек<атерине> Ап<оллоновне> извещение об испол<нении> моих вещей, я вернулся домой совсем перед обедом, к которому приехала и тетя. Дело наше в возможно гадком состоянии, это меня очень расстраивает. Варя отправилась с Ек<атериной> Ап<оллоновной> к «современникам», а я, сидя дома, проводив тетю к Шакеевой, читал Лескова «Грабеж», «Путеш<ествие> с нигилистом», «Старый гений» и «Дух г-жи Жанлис», пока они не вернулись, почти в первом часу. Пробовал играть, но все мне казалось пресным, даже Шуберт. Говорят, что Гольтисон пел неважно, но что после меня его вызывали ...*, народу было много ...**. Слова были в программах[24]. Завтра пойду к Дубровину, но денег у меня совсем нет.

29

Безденежье меня опять томит, наше дело почти безнадежно; положим, хотя мне теперь их очень жаль, я [продам] отошлю

* Густо зачеркнуто слово.

** Густо зачеркнуты две с половиной строки.

запроданные Макарову вещи и получу за них, но ведь мне же необходимо деньги, чтобы перебраться во Псков и там устроиться, не говоря о долгах. Прок<опий> Ст<епанович> обещал мне до 20<-го> несколько денег, но 20-го, положим, я отдам 80, что же мне останется, — праздники, начаи <*так!*> и т. п.? Господи, прости меня, я решился на стыдное дело, попытаюсь продать миньятюры предков; мне даже писать стыдно об этом, но что же делать? Единственно меня утешает мысль о Николином дне, когда придет Григорий, чувство, что концерт «современников» долой с плеч и планы писать с четверга. Записался в «Союз Русского народа». Там куча [народа] публики; рабочие приносят взносы и списки желающих десятками, мальчики из лавок, офицеры, дамы, типичнейшие чинуши, мужики. Молодые люди из сорта «душанчиков» озабоченно, бестолково и любезно бегают, зарапортовываясь до такой степени, что один из них, предлагая секретарю записать меня, проговорил: «Барон, вот займитесь этим юношей», что меня только насмешило. Барон Таубе, дв<оюродный> брат соседок Верховских, неловко и медленно, обстоятельно записывает, а члены переговариваются: древнейшие анекдоты о еврейской сплоченности, что они хотели убить в Пинске судебного пристава, господин в форме, из Белебея, рассказывает, что на пароходе киевск<ий> корреспондент «Новостей», явно еврейского типа, будучи в споре о самодержавии наголову побит рассказчиком, проиграл в преферанс 1 р. 80 к. и, не расплатившись, сошел утром в Нижнем. Господин с хохлацкими усами с жаром отвергает перед 2-мя препротивными студентами слово «митинг» как не русское. Дамы щебечут, гвардеец, грассируя, спрашивает «прокламаций», имея в виду газету «Русское знамя». И как-то странно звучат вопросы: «Вы — православный?», «Вы — патриот?». Народ сидит по стенкам, таращит глаза, потеет и усиленно краснеет, когда душанчики подлетают к ним с любезностями. Купил газету «Слово», но, ах, душечка, какая она прескучная! Я с удовольствием думаю, что завтра придет Ек<атерина> Аполлоновна. Хрусталев оказался Носарем[25]; конечно, движение делают не 2 жида, но отчего и Лассаль, и Маркс, и Бебель — евреи? и русские освободительные деятели, и Носарь, и Гольдштейн[26], и Гапон[27], и Гершуни. Социализм сравнивают с христианством (тоже еврейская утопия), не так же ли и он неприменим без перемен до неузнаваемости, до упразднения в государственной жизни? Для России тем более. Первое слово — республика в идеале, и — типун, дальше слушать нечего и ничего не будет. Кого же удовлетворит: не надо бы Царя, да уж потерпим по вашей глупости. Или первый пункт для народа обойдется молчанием? Теперь система непризнаваний не только друг друга, но и совершившихся фактов. Почта действует, и забастовка с «крепким настроением» продолжается.

Конечно, это называется тактикой «шавшем маленького обману», закричать: «ввиду близкого банкротства царского правит<ельства> все поспешно вынимают вклады», и назавтра трусы, простофили и недобросовест<ные> люди бросаются действительно вынимать свои деньги. Это значит крикнуть «пожар» в театре, в других <случаях> это называется провокация и подлость. Конечно, все предусмотрительные изменники и банкиры раньше вывезли деньги за границу.

30

В «Нашей жизни»[28] меня выбранили как нельзя хуже. «„Общество совр<еменной> м<узыки>“ сделало большую ошибку, допустив к исполнению на своем вечере произведений М. Кузмина, являющего как поэт и как композитор полную бездарность; было страшно и обидно за слушателей, которым преподносились временами, казалось, совершенно произведения дегенерата», что-то в таком роде. Меня это, конечно, мало трогает, я думаю, как и «современников». Был сегодня у тети, публикация сделана три раза, последний раз 9 ноября[29]. Завтра отнесу письмо к Эвальду. Вечером была Екат<ерина> Аполлоновна, провожать ее было по таким сугробам, будто где в Пошехонье. О, Псков!

Декабрь

1

Сегодня день, когда я решил начать писать как следует и действительно написал музыку 3-го «Петербурга» и слова 1-й «Мезени», занимался с детьми, 2 раза ходил к тете, пока не получил письма к Эвальду. Погода чудная, но ненадолго, вероятно. Бар. Таубе, зайдя к Казакову за иконой, наводил подробные справки обо мне, кажется, меня принимают за еврея, конечно, это пустяки, но мне неприятно. Миньятюры продал Севастьянову, хоть будут в хорошей коллекции, думать о деньгах не нужно больше, но едва ли скоплю для отъезда. Господи, помоги.

2

Утром, путешествуя к Эвальду на Моховую, потом на Фурштадтскую, я несколько устал и получил мигрень; после завтрака я был дома и, долженствуя быть откровенным, скажу, что опечалился забастовкой полотеров, мне было жалко, что не ходят по комнатам, не здороваются, не благодарят за «на чай» эти молодые, ловкие, красивые люди в рубашках. Женя говорит: «Они вас очень хвалят, говорят — вот барин так барин, — а я говорю: это жилец». И

она говорила, будто это сообщение мне должно быть приятно. И я не скрою, что одного из них мне видеть положительно приятно, хотя он вблизи и напоминает казаковского Мирона, и я ему даю на чай, хотя меня к этому ничто не обязывает, кроме желания услышать: «Покорнейше благодарю». Вечером были у Екат<ерины> Ап<оллоновны>, дома было собрание лесоводов, до 15 чел<овек>[1], я лег спать, чтобы прошла мигрень. Сегодня вышел «манифест» всех мерзавцев[2]. Я говорю сам для себя и называю все своими именами; жиды и жидовствующие нахалы, изменники и подлецы губят Россию; они ее не погубят, но до полнейшей нищеты и позора могут довести. Но, м<ожет> б<ыть>, в позоре своем обрящет она спасение свое? Я ненавижу всеми фибрами души этих наглых выскочек и их прихвостней, и последний хулиган, избивший хотя бы Алешу Бехли, пьяный, безобразный, оборванный, ближе мне того дорогого Алеши, если бы он встал в те позорные ряды. И эти гадости: «Зритель», «Стрелы», «Пулеметы»[3] ...*. Что им Россия, русская культура, история, богатство? Власть, возможность изблевывать свое лакейское, поганое краснобайство, дикая пляска наглых осатанелых жидов. «Манифест»! Проклятые, проклятые, проклятые.

3

Голова еще далеко не прошла, ходил за подарками, хоть бы скорей проходил этот день, такая мука; опять политические разговоры, Бобовский, Сережа. На Лиговке какой-то кондуктор с конки дрался в темноте с другим, оба валились, — за то, что обозвали жидом; их разнимали, а они азартно орали: «Разве я жид?! разве я жид?!» От Гриши записка: «Уведомляю, что в воскрес<енье> приду после 5 часов, т. к. у нас сходка на Выборгской, м<ожет> б<ыть>, попаду под казачьи нагайки, но всячески приду». Он все перепутал, и где я его приму, и деньги я получу только в понедельник, теперь у меня несколько копеек. Вообще, страшно неудобно. Недостает еще, чтобы в Николин день он был занят, ах, какая путаница. Сережа начал новый рассказ, но то, чего он не видал и не слыхал от очевидцев, вышло грубо, очень грубо: у всех министров сытые, животные лица, глаза горят страхом, алчностью и жестокостью, вообще, полнейший романтизм. Ах, как с Григорием неудобно! Написал слова «Мезени», главу «Елевсиппа» и музыку 2-х последних «Петербургов». Сегодня наши у Варвары Павловны.

4

У Вари на имянинах было не так томительно, как я предполагал; приехали Ступинские, он — только что с войны, и они

* Густо зачеркнуты две с половиной строки.

очень милые люди, был Бобовский, который нашел, что у меня в комнате пахнет «кедровым маслом». Удручал пьяный Крапивин, которого я вообще не люблю. Гриша был умен приехать гораздо раньше, чем собрались гости, т<ак> ч<то> я мог хоть минут 10 поговорить с ним и узнать, что в Николин день он будет только часов до 7-ми.

5

Сегодня в морозный, ясный день я, не совсем ожиданно, поехал в Петергоф в драгунский полк. Воздух, снежные дали сначала при солнце, потом на закате и, наконец, при больших звездах сквозь темные ели, снег, тишина и чистота атмосферы; потом казармы, солдаты (как из мужиков они делаются и ловкими, и приветливыми, и, в большинстве, веселыми), обед, подполк<овник> Полозов, от. Алексей, ханжеватый, скупой, носящий сапоги с 55<-ю> заплатами, дающий солдатам на чай двоим 20 к., поручик Алексеев, необычность положения, — все было как сон. Вернувшись, я застал детей раздетыми, но они вскочили, чтобы играть в блошки и пить чай с принесенною мною пастилою, сами ставили самовар, и было очень уютно и весело от необыкновенности. Завтра будет Гриша, завтра будет мороз, завтра будет Николин день. Я написал этот дневник, будто он может попасть в чужие руки, но это так и должно, раз это касается не лично меня и не лично других. И притом я пишу так, как у меня запечатлелись впечатления.

6

Ну вот, был и Гриша, пришедший еще в 11-м часу; мы всё вспоминали прошлую зиму, причем оказалось, что он помнит все почти по дням и числам. Ездили в Мариинскую обедать; я люблю эту гостиницу, привык к ней, и там уютно и впечатление домашности; мы сидели на том же столе, где однажды вечером ужинали, и так же я смотрел на помещавшегося напротив меня, и так же он мне казался лучше, чем полчаса тому назад, слегка покрасневший, с темными бровями и посиневшими серыми глазами. На минуту заезжал на старую квартиру, там, при свете лампад Казакова, ставили самовар, и ох как было тепло и уютно, и хорошо, и что-то прожитое, частица духа там осталась, как и в теперешней моей комнате с запахом «кедрового масла» почиет. На четверть часа заехал ко мне, потом затопили второй раз печку и, уложив остававшегося на нашем попечении Бобку, легли с Сергеем спать в 10 часов. Во мне была приятная разбитость всего тела, как бывает при начале болезни или после наслаждений, но голова свежа. Как опьянение различно: от наливок и ликеров просто вдруг тяжелая голова, от настоек и водок — легкое отношение ко всем затруднениям, откровенность, задушев-

ность, иногда слезливость, но благодушная, и все будто подпрыгиваешь, как резиновый. От вин голова кружится, легче, чем от наливок, но без особой перемены настроений. По Загородному возвращался из Ц<арского> Села гвардейский экипаж со знаменами и музыкой, но больше на улицах ничего экстренного не было.

7

Сегодня ничего особенного. Когда я читал Лескова «Леди Макбет Мценского уезда», даже заныло все от желания скорей во Псков. Когда же наше дело и все другое? Пишу мало; целый день пел Шуберта.

8

Я видел во сне, что мама оказалась живою и снова начинается жизнь на Острове, хотя, правда, такая жизнь представляется желанной уже в конце пути, после крупных потерь, утрат. Если нужно раз умирать, то как мудро, как вовремя скончалась мама, не обреченная видеть всего происходящего, не боявшаяся, не получая $^1/_2$ пенсии и т. д. Сегодня забастовка объявлена, биржа пала, но, кроме фабрик и гимназий, аптек и зубных врачей, покуда не видно перерыва деятельности. Я очень, очень бодр, не знаю почему. Наши залу решили сдавать, почти сдали семье — офицеру с женой, собакой и денщиком. Варя возмущенно отвергает, она все чаще и чаще напоминает маму. Вечером были у Екат<ерины> Апол<лоновны>, пел Шуберта, пили чай и толковали о моих планах, об Евангелии, о Христе и т. п. неподходящих вещах, шел снег, и по темным улицам было опять весело и шутливо, как и в прошлую забастовку. Случайное ли это совпадение или идиосинкразия? Прок<опий> Степ<анович> вечером смотрел с высоты на темные фабрики с таким мрачным и испуганным видом, будто с городской башни страж на гуннов у стен города. Это было бы комично, если бы не было искренно и не отражалось бы на окружающих.

9

Какой восторг жить в небольшом доме, хозяйством, с Гришей, видеть зори, снег, весну, слышать звон монастырей. Я не могу равнодушно читать места в книгах, где изображается такая жизнь, отдельные фразы, слова заставляют меня в волнении откладывать книгу. Сегодня пришли полотеры, и мы даже беседовали с тем из них, который мне нравится. Он из Торопца, но вблизи слишком незначительное, суховатое и мелкое лицо, как часто бывает в Тверской губернии. Денег не получал. Книги, пожалуй, не пошлю. Перетащили ко мне пьянино, оно несколько загородило, но, пожалуй, уютнее.

10

Утром над туманной багровой зарей зеленело ясное нежное небо с узеньким, будто дрожащим, серебряным серпом ущербающего месяца. Сгустившиеся потом облака разгонялись ветром и из опаловых, голубых, розовых, желтых тонов вдруг разорвались в яркие розовые клочья по голубому небу, от которых снег багровел без видимого солнца. Было что-то преображенное. Вечером же звезды были сини, когда мы провожали Аполлоновну по Болотной. Сегодня столько народу; переезжали Хомяковы, солдаты таскали корзины, у Сережи было челов<ек> 10 гимназистов, был Анжикович, Нувель, Екат<ерина> Ап<оллоновна> и Ступинские. Был у Чичериных, они даже правее правового порядка в «Отечественном союзе», письмо от Юши к С<офье> В<асильевне> — ликования на 15<-ти> страницах; положим, раньше забастовки в Петербурге, — которое С<офья> В<асильевна> не читала брату, т. к. те не понимают и, не сочувствуя, стали бы смеяться. Нувель приходил узнать, куда я скрылся, просит позволения сегодня читать «Крылья» [Дягилеву, Философову, Баксту] кому-то. У Нурока будет другая партия; выражал свои почитания, из «Городов» [привели в восторг] понравились 2<-я>, 3<-я> «Москва» и 1<-й> «Петербург». Мне было приятно, что он пришел. Да, между прочим, он пришел в необыкновенное ликованье, узнав, что я сплю под меховым одеялом мехом к телу[4]. После обеда пошли на Дегтярную в мебельн<ые> лавки за умывальником и к Филиппову за баранками[5], мне это было очень весело, хотя у меня слегка болела голова; вечером были Ек<атерина> Ап<оллоновна> и Ступинские, которых я очень люблю. В комнате достиг наконец $16^1/_2$ градусов. Скоро придет Гриша, праздники, пост и весна, Псков.

11

В Москве полная революция, но в Петербурге все спокойно и забастовка выражается [очень] слабо. Сегодня ранний обед, и потому все голодны как волки. Пр<окопий> Ст<епанович> неисправимо напуган, Варя, на него глядя, хандрит, и было прямо приятно, идя гулять с ребятами по Таврич<ескому> саду, видеть только снег и катающихся на коньках мальчиков. Вечером ходили к Кудрявцевым; скучно, что тетя не была еще у Эвальда. Дома застали Никитиных и зря азартно спорили о политике. Приехавшая с Путиловского Женя говорила, что завод завтра решил работать, а на вопрос: «Кто опрокидывал вагоны с публикой?» — так, говорит, безобразие.

12

Сегодня купил себе рукавички; со всеми покупками, если Казаков [пришлет] и возвратит деньги, едва-едва хватит, а книги

посылать страшно не хочется. Я не знаю, что надо делать, чтобы быть не только записанным членом «Союза Русского народа»; теперь подобных союзов все больше, но я не знаю, в чем их деятельность; в Москве, там, по крайней мере, милиция «русских людей», но если правительство решило дать учредительное собрание, то давало бы раньше всей это<й> гнусной оргии, чтобы не было ложного впечатления, что оно дано под давлением и от страха забастовки банщиков, а если нет, то нужно крайние меры, что, надеюсь, и будет.

13

Революционеры распространяют слух, что Москва в их руках, временное правительство действует и т. п. Конечно, это тактический прием, но вряд ли он на кого-нибудь подействует, кроме наивных дурачков. К Казакову приехали Василий и Мирон, сам он рассказывал, как около Мариинской подрался с Бурылиным за то, что тот обвинял его, будто он говорит, что царя не нужно. Потом толковал с Нелаевским уставщиком об издании единообразного круга ц<ерковного> пения. Возвращаясь домой, я слышал, как у Рождества[6] звонили к вечерне. Пр<окопий> Степ<анович> решил сегодня ехать в Новгород, слава Богу, зовет меня в воскресенье ехать в Новг<ородскую> губернию дня на 3, конечно, это очень приятно, жаль только несколько денег. Заходили к Ек<атерине> Аполл<оновне>, но она, вероятно, была в театре, но проехаться было весело, будто на святках. Мне кажется, я мог бы писать, но отчего я не пишу, не знаю, вероятно, так нужно. Меня несколько смущает, что от Юши нет письма, хотя почта действует. Вечером еще толкова<ли> с Сергеем, все о политике.

14

С трудом вспоминаю; вчера от Григория письмо, что он в Николин день подрался: вот на всех моих друзей пошла мания драться. Придет в пятницу. Вечером заезжал к Екат<ерине> Аполлоновне, приглашал ее прокатиться к Филиппову за баранками и потом к нам чай пить, но она ждала приказчика за прокатной мебелью, и пришлось делать это одному; все-таки было весело; мне и вообще весело. Приехал Пр<окопий> Ст<епанович>. В Новгороде полнейшая зима и тишина. Хорошо бы проехаться с ним в Новг<ородскую> губернию.

15

Был у обедни у Рождества Богор<одицы>, так было приятно, несмотря на петербургс<кую> официальность церкви. Купил «Новое время» и пришел к завтраку, когда уже топилась печка. Пос-

ле чинил свое бесконечное одеяло и занимался с детьми. У Казакова мои иконы посланы; тетя дело несколько направила, возможно, что в январе получатся деньги или в начале февраля. Мне очень весело, у «современников» не был, завтра увижу Гришу.

16

Утром была Екатер<ина> Аполлоновна и полотеры. От ожидания с минуту на минуту прихода Гриши у меня сделалась мигрень, и, когда после обеда все разошлись и я остался один с Ек<атериной> Ап<оллоновной>, мне было трудно с ней заниматься итальянским, но мне было приятно читать трогательную, красочную и яркую новеллу о соколе[7]. Совсем во время ужина, когда я почему-то выпил зубровки, пришел Григорий, кажется пьяный, сейчас же стал отыскивать кинжал, на вопрос, что с ним, чем он нездоров, говорил, что скажет в воскресенье, теперь стыдно и боязно. «Но ведь вам придется же все равно говорить, и ты будешь трезвый[8], и тебе труднее будет говорить, а я буду эти <дни> думать Бог знает что; а что боязно, так это пустяки, будто я в чем переменюсь. А кинжал лучше бы оставил». — «Нет, нож я вам в воскресенье принесу отточенным и про болезнь тогда же». Но я настоял, и, конечно, оказались пустяки, которые проходят в неделю или полторы, как ему сказал и фельдшер, и только непривычка и молодость заставили видеть опасность, где, кроме неприятности и вынужденного всяческого воздержания, ничего нет. Голова очень болела, и провожать Аполлоновну ходил один Сережа.

17

Сегодня ездил за покупками к воскресенью и к дороге. Вечером была тетя, Эвальда она еще не видела; скучно, что м<ожет> б<ыть> задержка за отсутствием Алексеевой доверенности.

18

Григорий пришел в четвертом часу. Боря, все время помогавший мне готовить стол, расспрашивал, какой придет дядя, в какой рубашке, штанах, где сядет, почему он не идет и т. д. Обедать нам давали в комнату; я все смотрел на Григория, думая: какой у меня есть Гриша. Мысль, что вот человек, при виде которого приходит мысль: если бы эти глаза, губы, щеки, тело принадлежали мне, — действительно мой, что я могу беззазорно ласкать и гладить, пьянит меня. К приятному для меня удивлению, он отлично знает и любит церковность и службы и даже просил меня дать нотные праздники на эти дни, чтобы попеть. Ко мне пришел Иванов; у меня так болела голова, что он хотел тотчас же убираться, но потом пошел знакомиться с Муравьевым, которого принимал за ста-

ровера, читал свое переложение толкования Литургии Григ<ория> Бог<ослова> (конечно, мертвенно и напыщенно) и умеренно толковал о политике. Когда они оба ушли, я еще не решил, ехать ли мне, до того у меня болела голова, но потом оправился, полежав немного; ехал я, закрыв глаза, еле-еле, и, как только приехал на станцию и взошел на площадку вагона, меня вырвало, потом я лег и, заснув, успокоился[9].

23

Откладываю описания путешествия, чтобы не забыть сегодня, хотя и стоило бы его забыть. Денег нигде нет. Казаков страшно надувает, хоть топись; был у Чичериных, у Нат<альи> Дм<итриевны> умер отец, и она собирается уезжать; у них были, кроме С<офьи> Вас<ильевны>, Марья Дмитриевна и еще какая-то барышня. Вечером я задумал ехать в баню, просто для стиля, для удовольствия, для чистоты. Звал с собою Сережу, но он, к сожалению, не поехал. Пускавший меня, узнав, что мне нужно банщика, простыню и мыло, медля уходить, спросил: «Может, банщицу хорошенькую потребуется?» — «Нет, нет». — «А то можно...» Я не знаю, что мною руководствовало в дальнейшем, т. к. я не был даже возбужден... «Нет, пошлите банщика». — «Так я вам банщика хорошего пришлю», — говорил тот, смотря как-то в упор. «Да, пожалуйста, хорошего», — сказал я растерянно, куда-то валясь под гору. «Может, вам помоложе нужно?» — понизив голос [сказал] промолвил говорящий. «Я еще не знаю», — подумав, отвечал я. «Слушаюсь». Когда смелыми и развязными шагами вошел посланный, я видел его только в зеркале. Он был высокий, очень стройный, с черными чуть-чуть усиками, светлыми глазами и почти белокурыми волосами; он, казалось, знал предыд<ущий> разговор, хотя потом и отпирался. Я был в страшно глупом, но не неприятном положении, когда знаешь, что оба знают известную вещь и молчат. Он смотрел на меня в упор, неподвижно, русалочно, не то пьяно, не то безумно, почти страшно, но начал мыть совсем уже недвусмысленно. Он мне не нравился, т. е. нравился вообще, как молодой мужчина, не противный и доступный; мóя, он становился слишком близко и вообще вел себя далеко не стесняясь. После общего приступа и лепета мы стали говорить как воры: «А как вас звать?» — «Александром...» — «Ничего я не думал, идя сюда». — «Чего это... Да ничего... Бывает, случается, мимо идут да вспомнят...» — «Запаса-то у меня не много...» — «А сколько?» Я сказал. «Не извольте беспокоиться, если больше пожалуете, потом занесете...» — «В долг поверите?» — «Точно так...» — «А если надую?» — «Воля ваша...» Я колебался... Тот настаивал. «А вы как?» — «[Как] Обыкновенно...» — «В ляжку или в руку?» — «В ляжку...» — «Конечно, в ляжку, чего

лучше», — обрадовался парень. Гриша, милый, красивый, человечный, простой, близкий, Гриша, прости меня! Вот уже правда, что душа моя отсутствовала. Как бездушны были эти незнакомые поцелуи, но, к стыду, не неприятны. Он был похож на Кускова en beau* и все фиксировал меня своими светлыми, пьяноватыми глазами, минутами мне казалось, что он полоумный. Одевшись, он вышел причесаться и вернулся в [рубашке] серебряном поясе, расчесанный и несколько противный. Он был подобострастен и насилу соглашался садиться пить пиво, благодарил за ласку, за простое обхождение; главный его знакомый — какой-то князь (у них все князья), 34<-х> л<ет>, с Суворов<ского>, с усиками, обычные россказни о покупках родным и т. д. Самому Алекс<андру> 22 г<ода>, в банях 8-й год, очевидно, на меня наслали профессионала. Он уверяет, что дежурный ему просто сказал: «мыть», но он был не очередной, остальные спали; что в номера просто ходят редко, что можно узнать по глазам и обхождению. И, поцел<овав> меня на прощание, удивился, что я пожал ему руку. В первый раз покраснев, он сказал: «Благодарствуйте» и пошел меня провожать. Проходя сквозь строй теперь уже вставших банщиков, сопровождаемый Алекс<андром>, я чувствов<ал> себя не совсем ловко, будто все знают, но тем проще и внимательнее смотрел на них. Собственно говоря, анекдот довольно скверный, тем более что денег у меня совсем нет, хоть скрывайся куда-нибудь. Дома был Анджикович, уезжающий в Нижний, и мы играли в винт. Хоть бы напиться, да голова только заболит. О, Псков, о, Гриша, вы будто луч спасения, как детство, как рай, как чистота, меня влечете; в Григории есть и родственность, и девственность, как это ни смешно. И чего я сунулся с этим Александром; впрочем, м<ожет> б<ыть>, все к лучшему. [И подумать, что эту тетрадь будет читать Сережа, невинный, чистый, далекий от всяких уклонов!] «Милий дядя Миша» — говорит Боба. Очень милый, действительно. Ну и пусть.

18—22

Еще затемно мы приехали в Торбино. Носильщик сказал, что лошади из Залужья, наверно, стоят у Якова, куда и понес наши вещи, за которыми отправились и мы. Торбино — поселок у станции, не село, не город, а проходное станционное местечко. В избе, несмотря на близость 6<-ти> часов, почти все спали где кто — на полу, на лавках, на лежанке, за пологом; в углу за кумачной занавеской виднелся большой крест, горела лампа. Яков, 74<-х> лет, на вид лет 50<-ти>, не больше, с черной еще бородой, стоя у печки рассуждал о политике и на общие успокоительные фразы Пр<око-

* В лучшем состоянии *(франц.)*.

пия> Ст<епановича> отвечал достаточно революционно: «Знаете, место проходное, один говорит, другой говорит, школьников много ездит из Питера, Новгорода, в газете тоже ловко составляют». Общие жалобы — «Земли мало, — (он-то богатый плут, и не пахарь говорит это), — а у других — деду подарена, а он и владеет, сам может и служить-то не мож...»*

24

Сочельник, я без гроша; Казаков меня безбожно надул; я думаю, что временами он должен меня ненавидеть как совесть. Ни у каких служб не был, а бывало, это было действительно духовно и приготовительно. У Казакова я был один с Кудряшевым; тот, работая над киотом, все рассказывал про Псков, про деревню, он очень задушевен. Я все не могу выгнать из памяти глаза и лицо Александра, и почти каждое слово и выраженье лица я так четко помню. Казаков обещал часть денег принести к 5-ти часам, другую прислать на 2-й день; первое, конечно, надул; совершенно бессовестный человек. К самому вечеру настроение полутчилось <*так!*>.

25

Утром пришел Степан; оказывается, он был накануне после 12<-ти>, но дворник его не пустил. После завтрака ходили в Таврический, где шалили с ребятами, потом у Чичериных украшал елку, дома застали уже тетю и Ек<атерину> Ап<оллоновну>. Дело назначено на 25 <февраля>. Вечером сыграл «Хованщину»; воспоминания об Александре не оставляют меня; такими я представляю себе рынд. В высокой собольей шапке, белом кафтане, с серебряной секирой он был бы солнцеподобен: круглое лицо, светлые глаза, светлые волосы, чудные зубы, заносчивый и раболеп<ный> вид. Я хотел бы пристроиться в «Руно»[10].

26

Денег, конечно, мне не прислали. Утром ходил за покупками, но погреба были закрыты; пришел Григорий, гордый новыми сапогами и калошами, обстриженный, очень неинтересный, невыспавшийся, сердитый и скучный. Потом у меня заболела голова, мы вышли. Гриша все тянул меня в «Базар»[11], чтобы мочь смотреть на бильярд, чего я совсем не хотел; поехали в пустую Мариинскую, я много пил и дразнил Григор<ия> Александром, что было, конечно, гадко, т. к. Гриша может приписать этот анекдот тому, что он теперь болен, в чем не виноват. Он удивлялся, куда я дел деньги, 125 р. перед поездкой и 15 от Казакова; я говорил, что

* Фраза не окончена. Далее в тетради оставлено одиннадцать чистых страниц.

я 17 дал Александру и обещал еще доплатить; конечно, я привирал, а он сердился и говорил всякие пустяки. Дошли вместе до 5-ти Углов, я пошел домой; у Вари голова прошла, и она была вставши и пила чай, было довольно славно, но в общем, конечно, прескверно. Григорий хотел прийти в Крещенье, но расстались мы очень сухо; я чувствую желание пилить и мучить, кого люблю, но почему-то физически он мне сегодня даже почти не нравился; или он слишком безобразно обстрижен? Я хотел бы пристроиться в «Руно».

27

Сегодня, выйдя с Варей на улицу, на меня почему-то повеяло романтизмом Гейне и Шумана: быть неизвестным, снедаемым жаждою славы музыкантом, влюбленным в дочь какого-нибудь банкира во Франкфурте или Гамбурге, стоять под окнами в узкой старинной улице и изнывать от любви. Вечером была елка, потом пришла еще раз m-me Андриевич и играли в винт, причем я все время проигрывал. Я не знаю, что со мною делается: не влюблен же я, хотя бы самым первобытным образом, в Александра, — отчего же я возвращ<аюсь> мыслью к нему и, если бы было достаточно денег, сейчас бы поехал туда. Неужели вид, связь тела для не совсем привычных людей так властна? неужели от прикосновения можно утратить себя? И он так успокаивающе, будто старая нянька, будто старший брат, говорил задушевно, лукаво и легкомысленно: «Ну что же, что вы меня не знали раньше, теперь узнаете; это и очень часто бывает, не думаешь, а потом и дело выйдет; я вас тоже ведь не знаю, а верю вам, вы добрый и ласковый, а другие есть, все равно как с девкой обращаются, или еще старые бывают да толстые, впрочем, кого я видал да не понравились, к тем я не хожу». Почему я помню все эти общие места, говоренные, м<ожет> б<ыть>, сотням до меня? И у него солнцеподобное лицо. И что из всего этого может выйти, кроме неприятности; я хотел бы их обоих с Григорием пригласить вместе. Начал писать вторую «Мезень». Я хотел бы пристроиться в «Руно». Я просто скучаю об лице Александра, которое как белое солнце, — другого сравнения я не могу придумать. Если бы у меня были деньги, я много бы дал ему, даже зная, что у него немало любовников было и есть. Это какое-то колдовство.

28—29—30

Пустые дни; думаю об Александре, пишу стишки и песенки; сижу без денег; Казакова нет; когда могу сходить туда? споры; была Юлия Николавна, как она может быть учительницей? На собрание «С<оюза> Р<усского> н<арода>» не пошел; были у

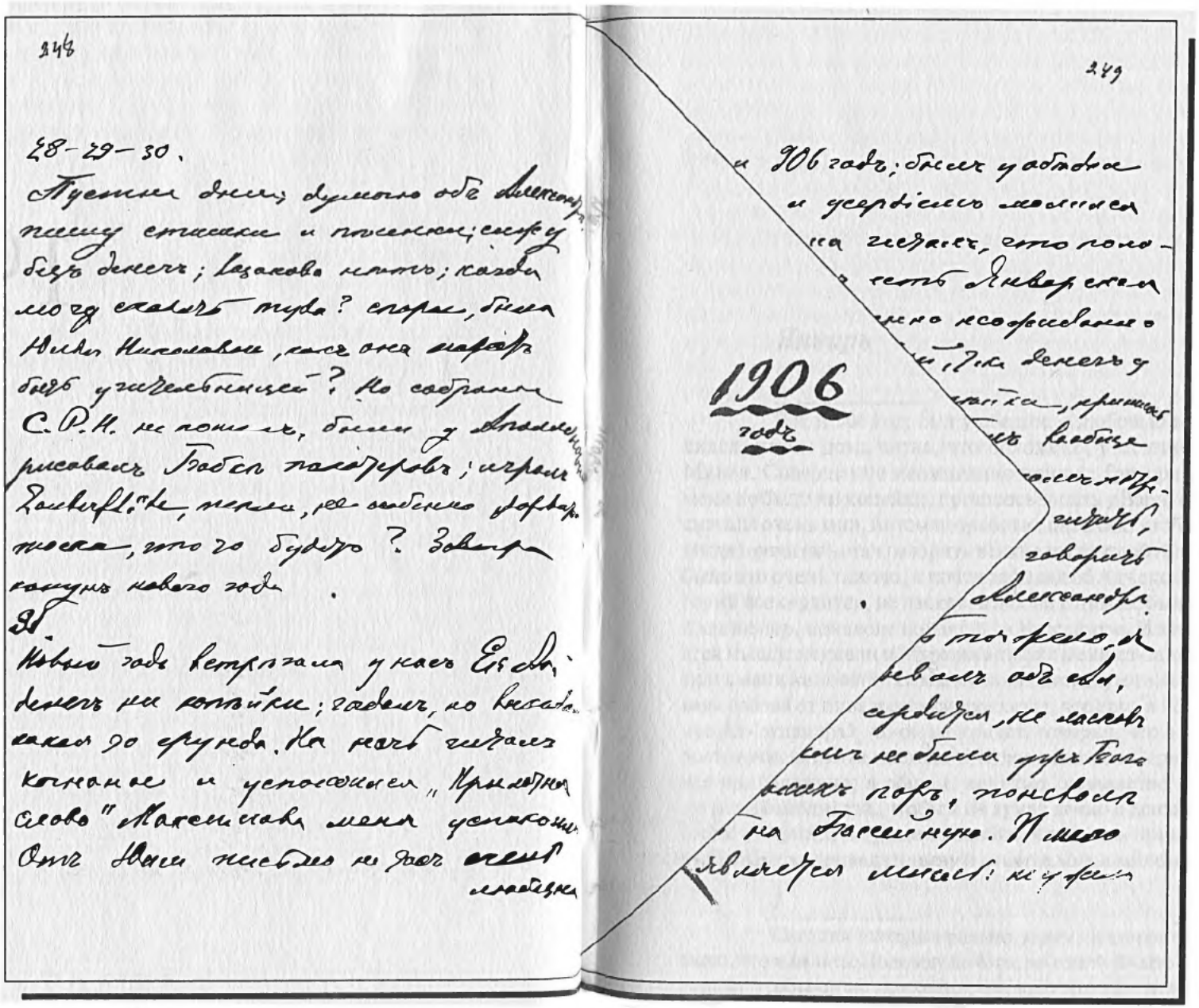
Аполлоновны; рисовал Бобке полотеров; играл «Zauberflöte»[12]; тепло, не особенно здоровится, тоска, что-то будет? Завтра канун Нового года.

31

Новый год встречала у нас Ек<атерина> Ап<оллоновна>, денег ни копейки; гадал, но выходила какая-то ерунда. На ночь читал каноны и успокоился. «Крылатые слова» Максимова[13] меня успокоили. От Юши письмо, не так очень любезно.

1906

Страницы дневника М. Кузмина.
Автограф



248

28-29-30.
Пустынный день; думаю об Александре
пишу стихи и письмо; скучно
без денег; Lazakovo нашло; как
мог сказать туда? спорил, был
Вилл Николаевич, как он играл
бобб у гимназистов? Но собрание
С.Р.Н. не помню, был у Добужинского
рисовал Бобби паяцеров; играли
Zauberflöte, мелко, неумело, дорого
поело, что-то будет? Завтра
канун нового года.
31.
Новый год встретили у нас Ев. Ад.
денег не копим; гадаем, но Васильева
какая-то скучная. На ночь читал
конанов и успокоился. „Крылатое
слово" Максимова меня успокоило.
Отец Иван ничего не дал. Очень
плакала

249

1906 год; было удобное
и усердное молчание
на гедане, что-то
есть Январское
но исправлено
, Тоже денег у
, хорошее
есть слабое
, говорить
Александра.
, и
вал об ем,
сердился, не хотел
был не было
всех пор, тянулся
на Васильевскую. Много
является мысль: и у меня

Январь

1

Вот и 906 год; был у обедни, с любовью и усердием молился, потом дома читал, что положено; у меня есть январская Минея. Совершенно неожиданно пришел Григорий; т. к. денег у меня не было ни копейки, пришлось занять у Вари; он был вообще сначала очень мил, потом потребовал дневник, чтобы прочитать, а когда прочитал, стал говорить всякие пустяки об Александре. Мне было это очень тяжело, я почти забывал об Ал<ександре>, но Григорий все сердится, не ласков, в любви с ним не были уж Бог знает с каких пор, поневоле пойдешь на Бассейную. И мимо воли является мысль: неужели и Муравьев любил меня из-за денег, а теперь и знать меня не хочет? Так мы мучили один другого, и у меня заболевала голова от пива и ссор, и он сказал, что если я позову в Крещенье Ал<ександра>, то он не придет; говорил, что я тому дал и так достаточно. Потом поехали к Кудрявцевым с Сережей, там было все припаражено; в общем, конечно, мещанство, но было даже уютно. Господи! дай, чтобы я не думал вечно о деньгах, чтобы Григорий умирился и пришел к любви, чтобы все пришло в порядок, чтобы Псков привел тишину и счастье мне и милому Грише!

2

Сегодня выходил только утром; Казаков не приехал, не знаю, что и делать. Подожду до 4-го; м<ожет> б<ыть>, напишу Григорию, чтобы он не приходил, он, видимо, тяготится этими посещениями и скучает со мною. Что же делать. Странно, что лицо Александра чем-то затмилось в моей памяти и ясно я его себе не пред-

ставляю. Ни к Андриевич, ни к Ивановым я не пошел, я сначала писал, потом так лежал при лампадке, потом говорил в кухне, поил чаем Сережу и его товарища, довольно бутузистого юношу армянского типа; прочитав каноны, лег спать, не думая ни о чем.

3

Сегодня, шедши к Казакову, я думал получить от него достаточно денег и, чтобы быть откровенным, должен признаться, что намеревался сегодня же в таком случае отправиться на Бассейную. Почему-то мне до ясновидения отчетливо представлялось, как я надену красную барх<атную> рубашку, как останусь до прихода Алекс<андра> без пальто, но в шапке, молча, не двигаясь, посмотрю, как он запирает двери, и тогда уже скажу: «Ну, теперь здравствуй», и, закинув руки за его шею, поцелую его. Как буду спрашивать, вспоминал он обо мне (или хотя о долге), что я все думал о нем: «Какие у вас волосы, Саша, какое лицо, будто солнце!» Так я думал, но Казакова не было, и, взявши у С<ергея> Мих<айловича> 2 рубля, чтобы мочь отдать прислугам, купив календари, я вернулся восвояси; никуда не пошел, а после обеда на извозчике со всеми ребятами отправился к Филиппову за баранками, все мечтая о псковской жизни, и, рано напившись чаю, рано лег спать. И вдруг тетя не получит наших денег, тогда, пожалуй, прощай Псков и счастье! Нужно бы сходить в церковь на Захарьевскую. Сегодня в лавке спрашивал моего адреса монах с Валаама. О. Петр, что ли?

4

Утром был у Н<иколая> Васильевича, застал его завтракающим в халате и запертым, так что Таня, не достучавшись его с парадной, обежав по черной, открыла мне и начала искать хозяина бегом по комнатам. Мне все мнилось, как Наталья Дмитриевна говорила, что С<офья> В<асильевна> это — мать Манефа, а Таня — Фленушка[1], и мне стало как-то весело. Казакова, конечно, нет, погода совсем весенняя, и на голубовато-розовом небе фонари горели белым светом. Розовый цвет мне всегда напоминает «1001 ночь», не потому ли, что там розовые дали? Послал Грише отглашение на Крещенье, пошел к Андриевич ряженым старухой, хотя страшно не хотелось, но ребята были очень довольны; вечером были Ступинские, они мне показались в более пониженном и менее идиллическом настроении, и у Андриевич чувствовалось какое-то уныние и скрытые нелады. На ночь канонов не читал и спал на редкость плохо; долго не засыпал, просыпался, было жарко, и все видел Алекс<андра>, лицо которого до странного скоро позабыл; будто он лежит вверх спиной и смеется, а сам белый как снег, а я будто сижу над ним, обнимаю его и плачу, а лица его не видать.

5

Сочельник; с этими деньгами нигде не был. Казакова нет; дома кухарочный вопрос в острой форме. Вечером были у Ек<атерины> Аполлоновны, но было менее уютно, чем обыкновенно. Вообще какая-то вялость и равнодушие, лицо Александра совсем от меня закрыто. Когда же я попаду в Единов<ерческую> церкву?

6

Вставши поздно, пошел с нашими в Смольный к обедне. Там есть стиль в широких площадках, решетках, высоком соборе иезуитского стиля. Пели стройно, но тянули, и небольшой хор терялся в большом пространстве, будто в концертном зале, а в скитах голоса отскакивают от стен в голову и есть впечатление интимности. Как я люблю свою скуку теперь, с лежаньем на кровати, с бездельем, как это сладко, как это по-русски, как хочется запить, как царевичу Алексею. Из окна вижу прачек, смотрящих часами в окна, парней за воротами, и они тоже воочию видят ползущее время. Только бы Гриша не заключил из моего письма, что я иду гулять с Александром, хотя, м<ожет> б<ыть>, в самой глубине чуточку я этого бы и хотел. К Ивановым не пошел, а, купя булок у Филиппова, рано пил чай. И вид гуляющих людей меня развеселил; разговоры степенные, скучные и дурачливые от скуки же. Вот немцам не скучно, они всякому пустяку рады, систематичны и ограниченны. И танцы, и пикники, и спорт, в сущности, адская скука, а немцу, англичанину — увлечение, дела. А т<ак> называемые дела разве не до повешенья скучны? Ах, напиться бы, спеть бы; долгая всенощная, храмовой праздник летом за рекой, вставанье еще в темноте, при лампадах, ах, самовар на красной скатерти у окна с солнцем, ах, долгая, снежная, лютая зима, сундуки, одёжа, дальний путь, ах, всегда, утром и ночью, вечером и днем, около, близко Гриша. Ах, будет ли это? Как ясно представляется: он будет бегать в трактир, проигрывать на бильярде, я браниться, споры, миренья, утром топка печей, холод в сени; яблони, [яблони] ах![2]

7

Почти не помню сегодняшнего дня; денег нет; скучаю и изнываю, что давно не видел Муравьева. Вечером провожали Пр<окопия> Ст<епановича> в Москву; ничего не пишу, думается, что буду писать, когда получу деньги; во всяком случае, буду писать, когда нужно будет. М<ожет> б<ыть>, Гриша придет завтра без письма? вряд ли. Хотел сегодня же писать ему еще. Я как-то совсем позабыл, что в феврале мы можем уже получить деньги по делу. Подмерзает. Извозчик попался тульский, говорил: «Какая мясо». Милые Гриша, Александр.

8

Сегодня день посещений: еще с утра, когда фрейлейн ушла гулять с детьми, к ней приходил кавалер, к Хомякову какой-то поручик. И, стоя в ярко освещенной морозным солнцем детской, где читала Варя, я ясно слышал из соседней комнаты несколько гнусливый голос посетителя, развивающего радикальные идеи, и ответы Хомякова, будто из «Петра» или «Мировича»[3]: «По долгу службы, как офицер, как русский, я должен верить, я хочу верить, и я верю в справедливость этого». Было что-то поразительное, романтическое и чрезвычайное во всем этом, не знаю отчего. Пришла тетя; умер Кудрявцев, и тетя полна рассказов о смерти, похоронах и т. д. Сейчас после раннего обеда пришел неожиданно Гриша. Посидев немного, он пошел к земляку под Смольный, обещав зайти часов в 5. Выйдя в столовую, я застал там уже Писахова, приехавшего из Архангельска с козулями[4] и грубоватым художничаньем. Потом пришли чужие дамы справляться о Лидии Павловне, я пошел за покупками. Продавщ<ицу> на 8-й <Рождественской> зову<т> Полина Ивановна, а продавца — Александр Иваныч; они очень милы и легкомысленно светлы. Дома был уже откуда-то явившийся Браилко. Боба мне помогал накрывать на стол, и, когда Муравьев без звонка вдруг вошел в комнату, мальчик остался у нас, занимая Гришу разговорами и не хотя уходить. Мама с Сережей ушли к Адиной родне. Гриша все ссорился, и ревновал, и плакал, и бранился, говорил, что я его мучаю загадками и что он сейчас разорвет стихи про Александра Македонского, хотел уходить сейчас, но я наконец (все время, правда, дразня и подсмеиваясь) обозлился и сказал: «Ну, [парень,] слушай: если ты уйдешь, так надолго уйдешь». Он перестал кобяниться, стал спрашивать, есть ли во мне человечность, просил идти с ним в будущее воскресенье в Народный Дом и простился довольно нежно. У меня ушло пиво, и я подпалил полку свечкой, ребяты были на моем попечении, мы играли в блошки на орехи и рано легли спать без чая; ночью вставал отворять дверь фрейлейн.

9

Годовщина; кроме патрулей ничего особенного. Поехал было на похороны Кудрявцева, но, спутав конки, отправился на Загородный; новобранцы шли с песнями и свистом, было морозно и довольно ясно. Казаков приехал, но деньги частями, и раньше середы нет. Художники очень милы, толковали, как дети, об ужах, змеях, грозе, борьбе ежа с собакой, ловле налимов, раков. Трунов рассказывал об художнике Якоби, воспоминания юности, Толстикову его немка пишет: «Милый Ваня, извещаю, что у тебя родилась точка». К молодцам я тоже привык, все простые, ласковые и

почтительные. Футин говорит, что он гулял в «музее», вместо «манеже». После обеда ходил к Ек<атерине> Аполл<оновне>, очень было мило. Смотрю веселее в будущее. Хомяковы уезжают. Вечером дома беседовал с Варей и Сережей и было уютно.

10

Был у Н. В. Чичерина; дома почему-то пришло на память гимназическое время и захотелось заниматься; я написал 2-й романс, которым очень доволен. Вечером были у Кудрявцевых; мне кажется, что тетя меня считает до некоторой степени женихом, и я покуда не особенно разубеждаю, думая, что это заставит тетю рьянее заняться нашим делом. В тете бездна житейской поэзии, както кажется необыкновенно милым именно с тетей что-нибудь делать, куда-нибудь отправляться, что-нибудь покупать, кушать. Она говорила, какие вкусные в Москву привозили в посту моченые яблоки, и мне стало жаль, что я еду не куда-ниб<удь> в Звенигород, а во Псков.

11

Денег Казаков дал очень мало, но лучше копейками, чем совсем не получить, только бы к воскресенью достаточно дал. Вечером была Тоня Кудрявцева. Написал романс. Когда же я начну действительно начинать, когда выиграем дело, что ли? Сережа достал мне Забелина: «Быт русских царей»[5]. Это книга, которую необходимо иметь при себе.

12

Все зябну; увлекался разборкой своего белья. После обеда приехал Нувель с «Крыльями». Он предложил их послать в «Руно», участвовать в «Факелах»[6], познакомиться с Вяч. Ивановым и т. д. После Казакова был у «современников», сначала были певицы и было несносно в достаточной мере, но потом просто болтали, играли мои вещи; особенно понрав<ились> 3-я и 2-я «Москвы» и 1-й «Петербург» и последние вещи. ...*. Покровский говорил, что мною заинтересовались Компанейцев и старик Чернов, и звал заходить днем к Каратыгиным, в субботу.

13

Казаков возмутителен, он тянет, хнычет, притворствует; я проезжаюсь на извозчиках, а денег нет. Сегодня были полотеры, мою слабость зовут прекрасным именем Сысоя, хотя он меня перестает интересовать; в комнате все холоднее. Приехал Цветков из

* Две с половиной строки густо зачеркнуты.

Москвы, но это — герой не моего романа. Была тетя и вечером Ек<атерина> Аполлоновна. Алексей доверенности не шлет. Неужели воскресенье не выгорит? Поправляю «Крылья». Неужели их примут?

14

На меня напало уныние от обилия предстоящих посещений, и стал вздыхать о келейности. Решил к Каратыгиным не ездить; был у нас Агафонов, но это даже чуть ли не подлежит суду. У меня страшно болела голова. Но иногда это даже ничего.

15

Чудное солнце, тепло. Поджидал Гришу. Сумерки с таким закатом всегда тянут куда-нибудь на простор, кого-нибудь видеть, вести медленные и интимные разговоры, мечтать. Мы надумали ехать к Кострец. Они несколько подкисли, но все-таки было приятно. На обратн<ом> пути шел густой снег, в конке ехала целая куча француженок, наполнявших вагон громким и свободным говором, потом влез какой-то тип, вроде спившегося художника или журналиста, говорящего также по-французски, и поднялся такой смех и крик, который редко, я думаю, слышали стены этого рыдвана для гаванск<их> чиновниц. Но было вообще весело. Я чуть ли не доволен, что Гриша не пришел? Но отчего же его не было, в самом деле?

16

Хотя я сказал Казакову: «Только вы меня и видели, если в воскресенье утром не пришлете 6-ти рублей», и он, конечно, не исполнил, но я был необыкновенно светел и пошел к ним с утра. Я люблю все-таки быть как своим в лавке, и если бы у Казаковых была менее кочевая обстановка, то не знаю, покинул ли бы я их. Это именно чады и домочадцы. В магазине стоял, облокотившись на прилавок, какой-то мужчина в пальто; поздоровавшись с Василием, я спросил, не Степан ли это там, в каморке, а он говорит: «Там-то Степан, а и это (указывая на мужчину) небезызвестный вам человек, неужели вы вашу симпатию не узнали?» Действительно, передо мною, по-прежнему улыбаясь, стоял Саша Броскин. 5 лет его не изменили, тот же рост, то же блистательное широкое лицо, светлые кудрявые волосы, те же необыкновенные, волнующие и странные глаза, как у Григория, как у Александра, какие бывают у близоруких от онанизма, сильно пьющих или балующих людей, расплывчатые и острые, мистические и извращенные, припухлые и впалые; у обычных распутников таких не бывает. Прибавились маленькие золотистые усики над все так же свежим и прекрасным ртом. И его плутовство, почти воровство у Казакова, его жизнь «кота», потом содержателя публичного дома, теперь тоже без дела,

на счет женщин или жены-проститутки, его беспросыпное пьянство — казалось, прошло бесследно для этого белого, лучезарного, слегка только потолстевшего лица. Усмехаясь, как ни в чем не бывало он поздоровался и повел разговор, я же рассматривал его прямо, с удовольствием, рассеянно слушая его шуточки. Бывают же эдакие царевичи! Теперь я проще и прямее смотрю на лица, и многие мне кажутся гораздо доступнее и возможнее загореться страстью. Броскин почему-то показался мне совсем теперь доступным, и он все тревожно изредка бросал на меня взгляды, усмехаясь и ведя бойкий разговор. Он очень похож на Александра с Бассейной, но свежей и красивей, несмотря на свои 26 л<ет>. Одет франтом. Казаков привез много интересного и был, видимо, тронут, что я пришел и не ругаюсь и ему не нужно юлить и падать в обморок. Целый день я страшно весел. На концерт не пошел[7].

17

Утром играл в веселье «Entführung» и «Schöne Müllerin»[8]. Прислал Алексей доверенность, вот уж слава Богу! После 2-х отправился при прекрасной зимней погоде к Покровским, познакомился с его женой, рожд<енной> Ламанской, и его вещами. Вспоминая общих знакомых, я был достаточно удивлен, услышав, что Штруп меня хорошо помнит по 6-й гимназии. В общем, было достаточно уютно. Вечером был у Казакова, где опять был Броскин, он бросил пить, т. к. его утроба больше не принимает, и стал заниматься душеспасеньем и чтением Патериков. Кудряшев смеется: «Ему бы „Декамерон“ читать, а не Патерик». Броскин живет на углу Николаев<ской> и Невского; не знаю, куда он дел и дел ли куда своих женщин, тем более что, кажется, и тут его утроба не принимает. Чтение Патериков — большой симптом уклонения в сторону, от которого он и прежде был не прочь, как мне достаточно хорошо известно. Видел старину, привезенную из Тихвина. Дома меня ждал удар в виде письма Нувеля, что завтра он заедет за мной, чтобы ехать к Иванову. Существование мое отравлено: вот плоды необдуманных согласий. Впрочем, «ехать так ехать!»

18

Чудная погода с утра была для меня отравлена мыслью идти к Ивановым. Решивши не ехать и несколько успокоившись, я пописал даже «Елевсиппа», но Нувель с Каратыг<иным> заехали, и я уступил. Поднявшись по лифту в 5-й этаж, мы нашли дверь незапертою и прямо против входных дверей длинный стол с людьми, вроде трапезы. В комнат<е> с скошенным потолком, в темно-серых полосатых обоях, горели свечи в канделябрах и было уже человек 40 людей. Хозяйка, Гера, в красном хитоне встречала гостей

приветствием. Из знакомых мне были Евг<ений> Вас<ильевич> Аничков, Сомов, Сенилов, Каратыгин и Нувель, а так — Брюсов, Сологуб, Блок, Ремизов, Рославлев, Тэффи, Allegro, Бердяев, Габрилович, Успенский, Ивановский, Мейерхольд, Андрусон, Добужинский[9]. Было красное вино в огромных бутылях, и все пили и ели, как хотели. Габрилович читал длиннейший и скучнейший реферат о «религии и мистике», профессора возражали, а поэты и дамы куда-то исчезали, даже суровый Брюсов пошагал через всю комнату. Я несколько скучал, пока меня не вызвал Сомов в другую, «бунтующую» комнату, где за отсутствием стульев все сидели на полу, читали стихи, кто-то про липу, очень хорошо[10]. Просили и меня, но мне казалось, что я ничего не помню, и я отказался. Брюсов хочет привлечь авторов «Зел<еного> сборника»[11] в «Весы», поэтому придет к Карат<ыгину> в пятницу с тем, чтобы и я туда пришел. Нувель говорил, что он увлечен моею личностью до мелочей (он даже выразился: «чувствую влюбленность»); он был поражен художественным видом Сережи. ...*. В понед<ельник> зовут Верховские. Звал Аничков и Сомов.

19

Утром был у Чичериных, они оба только что вернулись, оба покраснели и имеют несколько угнетенный вид. После обеда поехал, имея полученными деньги, отдать долг Александру на Бассейную, но его не было налицо, он уехал по делам; я даже не ожидал, что это произведет на меня такое впечатление, я вдруг похолодел, закружилась голова, и все стало немило в мире. Ко мне прислали Ивана, безобразного, с острыми, веселыми, обыкновенными глазками и бабьей фигурой. Я был так опечален, что не вижу солнцеподобного лица Александра, что даже пропустил мимо ушей, что тот недавно женился. Передав деньги для Александра Ивану, я поехал к Казакову, где пил чай, и потом к «современникам». Играли песни Регера. Они хотят устроить вечер из моих вещей; играть и читать в небольшом зале с напечатанными словами для избранных человек 60<-ти> по повесткам, изгнав прессу, на 1-й неделе поста. Что-то выйдет? И что будет с «Весами» и «Руном»? Как я жалею, как я оплакиваю, что не видел Алекс<андрова> лика. И он женился! Это тело, это лицо — с женщиной! увы!

20

Во время полотеров пришел Григорий, он был не слишком нежен, но не сердит и не поминал ни про что. В воскресенье придет и, кажется, теперь настолько здоров, что будет разрешение вина и елея. После обеда отправился к Каратыг<иным>, там были

* Три строки густо зачеркнуты.

Нувель, Нурок, потом Брюсов, он очень приличен и не без charmes, только не знаю, насколько искрен. Тут были сплетни про «Руно», Иванова и Мережковского, он почему-то Юрашу представлял совсем молодым и потом заявил, что думает, что журнальная деятельность мне менее по душе. Но «Алекс<андрийские> песни» будут в «Весах» не ранее апреля, положим, и если что вздумаю написать, чтобы прислал, и что «Весы» будут мне высылаться. Не знаю, насколько это верно, т. к. главной целью его было завербовать Юрашу[12]. Потом без него еще сидели с Ал<ександрой> Николавной. Полина спрашивала Ольгу Никандровну, что, буду ли я петь, и заявила: «Сто сот стоит этот Мих<аил> Ал<ексеевич>, прямо я в него влюбилась». Дай Бог, чтобы вышло с «Руном» и «Весами»!

21

Оттепель; ходил 2 раза на Загородный. После обеда были у Ек<атерины> Аполл<оновны>, она в чем-то переменилась, в восторге от Акуловых и Марьи Михайловны. Завтра придет Гриша. ...* Начинаю вздыхать о келейности. Хоть бы скорее во Псков; тогда можно будет наезжать на все нужное зараз, не нарушая жизни.

22

Пишу на следующее утро, когда весенняя погода настроила меня и все вчерашнее в том же, но более лучистом свете предстало мне. Как меня мучает, как мне чужда и скучна та жизнь, которая мне открывается возможной и, по общему мнению, желательной и нужной. И часто среди оживленного разговора вдруг так станет ясно ненужность и чужость всего этого и такая дикая обуяет тоска, чего никогда не бывает в другом положении. Одну отраду я получаю, бывая у Казакова, читая Устав о сплошной седмице[13], слыша звон колоколов на улице и видя Гришу. Как был он мил, и нежен, и резов, и задушевен вчера, он расска<зывал>, как в с. Озерах на Оке и теперь бывают кулачные бои московских и тульских стенкой, и показывал приемы, вроде фехтовальных; как он бел и строен. Почему-то лежа всегда начинаются самые задушевные разговоры. Вечером ходил к Чичериным. Какая счастливая Л. Н. Верховская, что могла уехать в Торжок, и как смешны должны показаться какому-нибудь начетчику «Факелы» и т. п. А Устав и поэтичнее, и правильнее 1000 Метерлинков и Бальмонтов. Денег 18 коп.

23

Казаков уехал в Москву; собственно Псков как таковой меня мало привлекает, и если не известность, что там можно деше-

* Зачеркнуто восемь строк.

во устроиться, и не Казаковы, я бы никогда его не выбрал. Я только сегодня подумал, что, если «Крылья» будут приняты, я за них могу получить ...*. Примут ли только? Вечером были у Верховских с Сережей, были Каратыгины, Юраша, Пав<ел> Павл<ович>, Ольга Ив<ановна> Бузыцкая и В<ера> Ник<олаевна> Соколова. У ребят что-то вроде кори, и потому заехавшие было Бекетовы и Менжинская не заходили. Было скучновато, но они очень милые. Неужели же я так и не увижу Александра?

24

Нижний, города на Волге, под Москвой, влекут меня неудержимо. И жизнь даже на Острове представляется мне утраченным раем. Наша квартира, окно в передней, мама, читающая или работающая у окна, известность хозяйки, дворника, лавок, где мы брали, всё планы, переходы и увлечения, чему свидетелями были стены, и даже противная Лиза — все как-то кажется милым. О, города, небольшие, с церквами, река весною, уединенная, полураскольничья жизнь с Грищей, иконы. Господи, дай совершенья всему этому.

25

Сегодня утром, заставши у Казакова судейских для описи, я поспешил удалиться. Вечером опять к ним путешествовал; оказывается, что Казаков вернулся из Москвы как раз на эту кашу, все до поры до времени устроил, чиновников спровадил, и все повеселели. Его не было, но было очень уютно пить чай с его приказчиками и мастерами. Во Пскове и теперь существуют кулачные бои, а в Петербурге прекратились только л<ет> 10; старые иконы и книги там меня окружают, простейшие разговоры, воспоминания о провинции. Вечером заходил к тете; дело опять отложено; доколе же это? Но Бог поможет. Перечитывал старые Гр<ишины> письма, там есть положительная нежность.

26

Я люблю ходить по торговым улицам Петербурга, слышать разговоры, видеть торговцев, чувствовать себя в России. Что-то есть неискоренимое, несмотря на платье, на внешний облик, и чего совсем не чувствуется в рабочем, напр<имер>. У Казакова я видел Тарасовича, презанятный тип. У А. Трефиловилова в Москве убили дочь во время смут за воротами Преображенского. Вечером провожали Варю на Коломенскую, мимо Филипповской моленной[14], и за воротами стояли какие-то девицы и мужчины и смеялись, а в

* Полторы строки густо зачеркнуто.

доме за высоким забором светились лампады. Непременно нужно бы там побывать. Пр<окопий> Ст<епанович> предлагает опять ехать с ним в Хилино; это было бы очень хорошо. Заходили на вокзал, потом к Филиппову; дома пришел Браилко, преуморительно рассказывавший о Пашковых и о Карплине. Вечером, идя по Кузнечному, я подумал, что передо мною Броскин, и пошел за ним; это был не он, моложе и хуже его лицом, но я почему-то стал следить за ним, покуда он не пошел за мною по пятам; так мы, обгоняя друг друга и тогда взглядывая, шли кривулями по Пушкинской, Лиговск<ому> переулку, Лиговке до Суворовского, где я его потерял.

27

Я теперь с болезненным и страстным интересом у всех выспрашиваю про кулачные бои и моленны. Были полотеры, перетащили пьянино; собственно, я привык уже к нему, и мне жаль, что его убрали; вечером были у Анжиковича, на Петербургской тихо, но как-то чужо; т. к. у Анж<иковича> я один почти выпил полбутылки зубровки, то я был навеселе и, возвращаясь втроем на санях, болтал всякий вздор.

28

С утра я в каком-то восторге разыгрывал «Oberon» и вообще Вебера. Мне было приятно наполнять воздух громкими, яркими и блестящими звуками. После завтрака поехал к Вяжлинским, там все по-старому, возятся с Лялечкой, слышали, что я женился. Позавтракав, я вернулся домой перед обедом, после чего я проехал на Бассейную, томимый желанием видеть Александра, которого я не видел последний раз. И я его увидел, он грубее, чем издали, но все-таки высок и лучезарен, зовут его Ал<ександр> Ильич Корчагин. Поехал к Казакову, он уезжает во Псков до вторника. [Александр] Он завтра ко мне придет в 6 часов. Мои вещи отданы Одинцову; был Уткин, с которым я советовался об кипарисовом с медью сундуке, на обратном пути встретил Толстикова, он был выпивши, ругал Казакова, просил адрес и позволения зайти; потом опять Футина с Як<овом> Ив<ановичем>, потом Степана, позвал его тоже к себе завтра и заехал за запасами. Но, конечно, Александр ни лицом, ни расположением не может быть опасен для Григория.

29

Александра не было, я не видел его лица, круглого, с огромными воловьими глазами, склоненного набок, как у Александра Великого или у жеребца, его высокой фигуры у себя, и мне было это очень прискорбно. Степан сидел весь вечер, и говорили о Брос-

кине; он обещал мне устроить это знакомство. В комнате было очень тепло, горели свечи, был самовар, закуски, но Александр так и не пришел. С чего бы это. Написал пьесу для детей[15].

30

Утром был в магазине, потом купил сапоги, штаны и мыло. Платье продавали в 3-м этаже; низкая, большая и светлая комната с лампадой, с полом желто-канареечного цвета, теплая <*нрзб.*> по стенам — в ней было что-то напоминающее Нижний, Лескова. Погода была какая-то ликующая; проходил с Загородного на Фонтанку снежным проходным двором с дровами и кладовыми, шли какие-то молодцы, смеялись и загадывали загадки с маленьким мальчиком в полушубке, с которым они говорили как с большим. Вечером был у Вяжлинских, там были Чичерины и свои домашние, было уютно, но не очень весело. Дома я застал гостей: Анджик<овича>, Ступин<ского>, Бобовского и Ек<атерину> Ап<оллоновну>, последняя была какая-то странная. Домой я ехал с Егорушкой Вяжлинским, он потолстел, но все-таки очень задушевен.

31

Хандрил весь день; я жалею, что не живу у Казаковых, если бы комната не была проходною. То место, и люди, и образ жизни мне нравятся. Броскина Степан не застал, не знаю, ехать ли в Хилино, жалко денег. Лежал на кровати, пел Шуберта и репетировал с ребятами. Хочется писать, и ничего толкового не идет в голову.

Февраль

1

Утром получил от Каратыгина записку, что он зайдет по дороге к В. Иванову за мною. Ехать в Хилино отдумал, жалко денег, и кажется, что в эти дни что-то случится. От Александра и Григория писем нет, я в отчаяньи. Степана сегодня не видел, так что что с Броскиным, не знаю. Сегодня, проходя по Бассейной, подумал, не увижу ли Александра, и как раз он выходит, в шапке, высокий и глазастый. Он с кем-то говорил, так что только со мной раскланялся, но сразу такое счастье и мучительная ревность, что, вот, другие видят его, говорят с ним, едят с ним, обуяла меня, каких я давно не испытывал, и я еще более обиженный, уязвленный и счастливый вернулся; отчего он не пришел? получил ли он письмо? И так потянуло в Нижний, где бы за воротами стояли такие молодцы, и Бассейная стала мила одним его появлением. Я сам этого не

ожидал. Как не хочется мне к Иванову, но м<ожет> б<ыть>, это нужно? Предполагаю сбежать. Сбегаю... Ура!

2

Был Гриша; он очень любезен и теперь без ссоры и с какой-то даже болезненной охотой говорит об Александре. В последнюю минуту решил ехать с Пр<окопием> Ст<епановичем>. Отдал Грише пальто в обмен на полушубок. В нем он очень интересен.

3—4

Ездили; везде свадьбы; по Мде и Мсте черные леса на горах и дорога по реке, по которой ездишь с бубенчиками. Родительская суббота с поминаньями; завтра масляная. Ночью неожиданно, как на сцене, вызвездило, и приехали в морозное ясное утро в Петербург.

5

Меня вез бывший дворник Василий с 7-й Рожд<ественской>, и в разговорах об его хозяйстве прошла дорога. Поутру забегал Барабошка, он меня нервирует, в конце концов. Степан говорил с Броскиным; тот, не отказываясь прийти ко мне, звал меня зайти по дороге и в тот же вечер пришел к ним и необыкновенно долго сидел, м<ожет> б<ыть>, поджидая меня. «Не знаю уж, зачем меня нужно М<ихаил>у А<лексее>вичу», — говорил Саша. Был Смирнов, играли в карты, причем я проиграл. Денег совсем нет, выворачивал мозги, как бы добыть. Дело наше отложено до 8-го.

7

Сегодня утром решил, что днем зайду к Броскину, как вдруг он сам пришел в магазин. После завтрака был дома и, пообедав, в еще почти светлые сумерки, пошел к Саше. На узкой лестнице, где на первой двери красовалась надпись: «Вход в отдельные кабинеты», была крепко запертая дверь, из-за которой раньше, чем отворить, спрашивают: «Кто там?» В комнате, тесно уставленной комодом, кроватью с пуховиком, сундуками, с лампадами перед иконами, с 5-ю канарейками, жаркой, были: Броскин без пиджака, его мать, генеральская нянька, жена, толстая, белая и маленькая, и женщина с ребенком, спящим на кровати. Меня стали занимать и угощать чаем и настойкой из <воронца?>, говорили все время, будто старые знакомые, равные, и не было стеснительных пауз. Как у всех, показывал мне Александр альбом, разговаривали о Казаковых, о прошлом, о деревне; генеральская нянька говорила о господс<ких> детях, о попугае, коте, о молодости Саши; его жена мечтательно вспоминала о яблочных садах и меде у них в Старой

Руссе, которую она не помнит, и была, видимо, горда, что, вот, она жена, и хозяйничает, и угощает, и, несмотря на свой довольно безобразный вид, на то, что она Сашина жена, была ничего. Саша обещал в воскресенье прийти, а в пятницу звали к себе «посмотреть, умею ли я блины печь». Все-таки я видел, хотя бы как сквозь тусклое стекло, его лучезарное лицо, странные глаза и высокий рост. От них я проехал к Г<еоргию> М<ихайловичу> позвать Степана и, может быть, Кудряшева; Футин уезжает во Псков; был там Писарев, недовольный и «Русским Собр<анием>», и «Русс<ким> нар<одом>», и «17 окт<ября>», говоривший много и образно, тип, к которому тайно, но тщетно стремится Казаков, что-то мямливший насчет самодержавия и мечтавший и невинность соблюсти, и капитал приобрести, что, как гов<орит> Писарев, возможнее для девицы, могущей пустить в заднюю часть, чем для политики.

8

Почти не помню, что было вчера, т. к. пишу это уже 9-го днем. Кажется, был Розов, были блины, дело наше проиграно, решительно не знаю, что делать с долгами и вообще с деньгами, вечером были у Кострич. Саши сегодня не видел, не знаю вообще, зачем я пускаюсь в эту авантюру, которая должна быть странна и самому Броскину. Но мне как-то до глубины души все равно, и так скучно, так скучно. В сущности, провал нашего дела очень меня ушиб. А тот-то Александр хорош? хорош? не отвечает и не приходит. Но к чему все это. Гриша, милый и нежный, придет, когда я захочу.

9

Вчера Степан был опять у Саши, который подтвердил, что ждет меня в пятницу. У Ступинских девочка убилась до смерти в гимназии, но нашим детям, которые затеяли сегодня спектакль, ничего не говорят. Перед чаем, после обеда, пришел Нувель, сообщивший, что Брюсов просит, не напишу ли я чего по музыке, и что «Ал<ександрийские> песни» считаются за ним. Нувель рассуждал о чувственности, об реакции, отвращениях, как их избегнуть, рассказывал, как Нурок, увидя «Primavera»[1], заплакал, а из-за стены раздавались детские крики и голос Браилки, увлеченного режиссерством. Спектакль прошел лучше, чем ожидали. Я играл и Martini, и Couperin, и «Arlesienne», потом были фокусы. Потом Катя Балуева пела, у нее приятный голос, но она не знает нот и неверно поет, потом М<арья> Н<иколаевна> стала меня доводить до белого каления, прося сыграть начало «Erlkönig»[2] или что-ниб<удь> популярное, так что я был невежлив, и она обиделась*, равно как и

* «Она» вписано карандашом.

m-me Андриевич за то, что Кострицкая не хотела рисовать Катю. Провожая Крапивину, я на вопрос, что я поделываю, отвечал, что скучаю, как она вдруг заявила: «Не прислать вам рецепт от скуки, у меня есть отличный?» — и вообще какой-то вздор, чего я не ожидал даже от этой женщины.

10

Сегодня целый день вне дома: утром зашел к Казакову, потом поехал с ним на вокзал; вернувшись со Степаном в магазин и напившись там чаю, мы поехали к Броскину, у него были какие-то мальчишки из Кронштадта, плясавшие русскую, потом мы ушли, т. к. хозяева отправлялись в Сестрорецк. Вернулись опять в магазин и сыграли в карты с Павловым, с которым и со Степаном отправились затем к Морозову[3], где ели блины и пили.

11

Был у Нувель, читал «Елевсиппа», были Дягилев, Нурок, Сомов и Бакст, ели померанцевое варенье. Днем был Гриша, который потом заходил в магазин.

12

Был Саша, был Александр, был Александр Михайлович, был Броскин у меня, я целые полсутки видел его лицо, глаза, улыбку, слышал его голос. Были Степан, Кудряшев, Павлов и заезжал Верховский.

13

Ничего, пост, без денег, хандрю.

14

Тоска, гнетившая меня с утра, в сумерки, когда особенно хочется задушевно поговорить, зайти на минутку, достигла до такого предела, что я серьезно подумывал пойти к Саше после обеда, но, дождавшись Вари, пошел по дороге в ее школу на Загородный. Мастера уже расходились. Кудряшева не было, и, напившись чаю с баранками и пастилой, я отправился домой, оставив Степана собирающимся в баню. Но к Саше я все-таки зайду до его имянин; я все не могу забыть его лица между свеч против меня, когда он играл в карты, и потом в сокольничей шапке спускающимся с лестницы. Послал письмо на Бассейную[4].

15

Приехал Казаков, добыл немного денег. После раннего обеда предполагалось идти к мефимонам с Розовым, но Прокоп<ий>

Ст<епанович> отправился по адвокатам, меня же задержала приемка белья; не попав ни в церковь, ни к Броскину, куда я хотел зайти оттуда, отправился с Лидочкой к Филиппову за баранками. Вдруг письмо от Александра с Бассейной: «Милый и дорогой Мих<аил> Алек<сеевич>» и т. д. Предлагает прийти в воскресенье. Я так рад, так рад, что увижу его у себя, хотя бы и в посту. Вечером была Екатер<ина> Аполлоновна. Ждал бы Пасхи с радостью, если бы не долги.

16

Оттепель, мокро, тепло. Заходил к Чичериным; они не говеют, но в поисках няньки; очень тепло. После обеда хотел зайти к Саше, потом в магазин и к «современникам»; встретил Степана, шедшего ко мне, мы не вернулись, а заехали оба к Броскину; комната была освещена только лампадкой, и было очень, очень уютно сидеть, не раздеваясь, как мы думали сначала; жена его щипала перья на подушку в другой комнате; утром они ездили на кладбище, и Саша заходил в Казанский собор; сибирский котенок терся и мурлыкал, Саша сидел рядом со мной на сундуке и приставал, чтобы я разделся. Потом зажгли лампу и стал<и> пить чай, и так выпили. Саша хотел зайти в магазин, т<ак> что наши желания совпали, звал его в воскресенье, не знаю, придет ли. У Казакова сегодня вышло хорошее дело с Казанской, взятой на комиссию за 60 <рублей> и проданной за 150 Егорову; был Смирнов, Шошин был совсем пьяный и философствовал о казаках, запаковывали крест, были хлопоты, пили чай. Казаков предложил проехаться на вокзал, сам же еще заезжал к Егорову, так что я поехал со Степаном и с киотом, а Кудряшев с голгофой, ехали спустя ноги с боков, и Степан пихал в бок каких-то встречных женщин, потерявших узел. С вокзала заехали к Морозову, я думаю, что Броскин завтра будет в магазине, и под вечер зайду туда его искать. Мне прислали «Весы», меня это очень приободрило. Бальмонт не лучше и не хуже, чем обычно, но рассказ Брюсова не уступает рассказам По, на которые он похож[5]. Жду воскресенья и потом четверга. У меня есть план на Нувеля, но осуществим ли он?

17

Утром был в магазине; ехавши на извозчике к вокзалу со Степаном, проезжали мимо Саши, к которому он обещал зайти, чтобы позвать его вечером. Вечером, когда я опять пришел, Кудряшев говорил, что меня желает видеть один человек, и закрывал двери, из-за которых сейчас же вышел Броскин. Я сидел долго с ним почти вдвоем, так как Василий уходил, а у Степана болели зубы; он был довольно откровенен, но чего-то неохотно обещал прийти, чему я тем более удивился, узнав, что он обещался наверное прийти в магазин часа в 4. Вечером был у Верховских, читал свою повесть[6];

был Иованович, у него сильный, но не совсем приятный голос, но он отлично музыкален и образован музыкально. Вернулся очень поздно; «Крыльями» я составил себе очень определенную репутацию среди лиц, слышавших о них, но не знаю, к лучшему ли это. Впрочем, не все ли равно? Мне бы хотелось плюнуть на все, поселиться в углу и ходить только в церковь.

18

Сегодня роскошно ликующий день, мы с Прок<о>ф<ием> Ст<епановичем> и Розовым отправились в Мариинскую есть треску, и это мне напомнило далекое время Нижнего, Пр<окопия> Ст<епановича>, еще склонного на такие эскапады. И вид Черныш<ева> переулка, потом Гост<иного> двора, сама Мар<иинская> гостиница с ее посетителями, потом лавка Баракова[7], покупки напомнили мне тот же купеческий Нижний. Ах, если б денег бывало достаточно! После обеда, не знаю, чем руководимый, поехал на Бассейную, зная, что Александр придет завтра. Я слишком выпил пива, которого не люблю, и у меня заболела голова; вечером были у Екат<ерины> Аполлон<овны>. Рассказы Александра интересны, матерьялы для будущего, но, с одной стороны, он слишком профессионален, с другой — женат, так что Гриша, который и развит, и проще, и человечнее, и более сам увлекается, едва к чему другому способен, конечно, не заменим Ал<ександром>, несмотря на его грубоватую лучезарность. Но с тем (он говорит) никто так <не> обращался; никогда он не ходил в гости, редко кто целует, другие не говорят; черт знает что такое; о кн. Тенишеве рассказывал Бог знает какие гадости. Я очень устал, и голова как пустая. Мне хочется писать в роде «Времен года», но для этого нужно успокоиться, вести известное время совсем монотонную жизнь, бытовую и благочестивую. Я не хожу в церковь, а именно этого-то и жаждет в тупой и отчаянной тоске моя душа и ужасается более диким ужасом, Вяч. Ивановым и «Зол<отым> руном», чем рассказами Корчагина. Интересно бы посмотреть, что за люди в «Русск<ом> Собрании», чем они духовно заняты и проявляют себя, есть ли там эпигоны Максимовых, Мусоргск<ого>, Голен<ищева>-Кутузова?[8] Не пойти ли в понедельник на Троицкую?

19

Отличный морозный день; утром ходил за булками к Филиппову, но Александр все не приезжал; приехал часа в 4 и посидел, не раздеваясь, минут 20. Он дома тоже гораздо милее, проще и задушевнее, чем ex officio*. И в шапке, в барашковом пальто, осве-

* На службе *(лат.)*.

женный у цирульника, к которому он все-таки, думая заехать на $^1/_4$ часа, заходил, он был очень, очень хорош, хотя и отличаясь от Броскина, но несколько в таком же роде. Саша тоже в пальто и шапке лучше в сто раз, чем так просто. Когда на его приглашение заезжать я сказал, что не всегда бывают деньги, он сказал, чтобы я не беспокоился, что 5-то рублей навынос у двоих-то найдутся, а то он и сам вынесет. Я был очень тронут его визитом. Степан с Броскиным запоздали до 5 $^1/_2$, и, думая, что Саша застрял в магазине, я помчался с гневом туда, но его там не было, а были Козлов и какой-то писарь, которые играли в карты. Послав Кудряшева за Броскиным и наказав без него не возвращаться, я отправился со Степаном вперед. Вскоре приехали и те; было жарко и уютно, был Саша, лениво и странно смотря и улыбаясь; играли в карты, сидели до 5-го часа. Если бы я не послал Кудряшева, Саша не пришел бы.

20

Болит голова, хочется спать и мутит, безденежье мое достигает крайних пределов; м<ожет> б<ыть>, если бы я жил у чужих, мне было бы легче и должать за квартиру или, наконец, уехать с нее. Зайдя утром в магазин, узнал, что Саша хотел прийти вечером, поехал со Степ<аном> домой, он зашел ко мне, обещав на обратном пути зайти позвать Броскина еще раз. У нас была тетя, день был чудный; я еле обедал, так мутило; в сумерки поехал с тетей, Саша был, но позднее, пили чай, совсем собрались уходить, но Козлов предложил сыграть, и мы опять проиграли до 2 ч. Дело не столько в игре, сколько в том, чтобы подольше сидеть с Сашей рядом, радоваться его выигрышу и обратно; ехали с ним вместе назад; в шапке он как-то преображается, делается еще белее, моложе, лицо шире, солнцеобразнее, лик рынд. Обещал прийти к нему в четверг.

21

Утром был в магазине. Казакова нет, Степан пошел со мною до Самсоновской, рассказывая, как на Пасхе Полутин потерял шапку со Владим<ирской> колокольни. Занимался с ребятами, брал ванну, потом пришла Ек<атерина> Ап<оллоновна>, с которой заниматься пришлось мне, так как наши уехали к Сиверс, а у Сережи сидел Тамамшев. Нувелю написал[9].

22

Когда я пришел утром в лавку, меня встретили рассказами и смехом о вчерашней гулянке Степана, как Козлов его вел, а тот валился и пел; в конце концов он вообразил, что потерял шапку, вообще что-то лесковское; зашли к Броскину, там все полно

приготовлений к завтрашнему торжеству. Приехавши домой, я лег спать, запершись, до обеда и не слышал, как ко мне ломились и кричали, т<ак> что ко мне вошли через детскую, испугавшись, не повесился ли я. Пришел Анжикович, но я поспешил на Загородный опять, где я знал встретить Сашу. Ехали домой вместе.

23

Утром мне прислали почетный билет на vernissage «Мира искусства»[10]. Это, конечно, очень лестно, и было бы полезно толкаться на виду, чем и приобретается известность, если бы, м<ожет> б<ыть>, именно этим и не было мне неприятно. После обеда заехал Нувель, известия не особенно утешительные, не знаю, как и быть, было что-то XVIII в. в нашем разговоре, в ясной заре, в моем положении и в моих авантюрах. Он ехал к Мережковскому, я заехал к Абрамову купить Саше пряник[11]. Собственно, если б я захотел, знакомство у меня, как у лесковской воительницы, могло бы быть необъятным[12]. Да, Нувель говорил, что молодые московские художники: Феофилактов, Кузнецов, Милиоти, Сапунов, пришли в дикий восторг от моей музыки и Феофил<актов> находит возможным уговорить Полякова издать ноты с его, Феофил<актова>, виньетками[13]. У Броскина было торжественно и скучно, но это ничего, раз я его видел; когда пришел Степан, потом, в 12, Кудряшев, стало веселее; в карты играли очень немного, т. к. Василий, которому дали стакана 4 ерша, совсем опьянел, и Сашина жена отпаивала его водой с нашатырем. Я оскоромился. Приехал в 5-м часу.

24

Встал поздно; когда пришел в магазин, Броскин был уже там, пили чай, разговаривая о вчерашнем. Степан подрался с извозчиком. Саша шел в Гавань в Дерябинские казармы[14] к брату, который там сидит, и нес баранки и белье. Приехал в Мариинскую, где мы условились есть треску с зятем и Браилкой, но они надули, и я поплелся домой; при проходе Суворовским какой-то хулиган со мной раскланялся, и я отвечал. У нас был Браилко, он очень смешон, но меня покорил одним замечанием. Были полотеры; не поспел Сысой пройти столовой, где был Браилко, как тот сказал: «Ну, пропали ваши Саши и Маши, помилуйте, такой красавец, нельзя не влюбиться». А, напр<имер>, Варя, я думаю, даже в лицо не знает людей, встречаемых ежедневно. После обеда, в теплые сумерки с неясною луною, звоном в церквах, пошел к Чичериным. Мне встретился опять тот же хулиган: «Еще раз мое почтение» — и, отошедши, крикнул: «Каждый день я вас встречаю, дорогой, — верно, недалеко живете». — «Да, на Таврической», — ответил я, не знаю зачем. Солдат становился перед офицером в каске на колени и го-

ворил: «5-й год служу», а тот: «Что ты, баба, что ли, становиться на колени?» Молодого мужика ругала жена: «А, сукян сын! с девками целоваться завел! жизни тебя ляшу, сукян сын». Я почему<-то> так все отчетливо запомнил. Давно мне не было так уютно, как вчера у Чичериных, как дома; Н<аталья> Дм<итриевна> так ласкова, С<офья> Вас<ильевна> умна, интересна и решительна, как лесковские дамы лучшего типа. Я вновь обедал, потом занимались музыкой и пили чай. Домой приехал, все были сонные и какие-то сумрачн<ые>, и мне сразу стало скучно и досадно. Спал очень плохо. Ясно видел во сне, как меня убили из пистолета, впечатление было так ярко, что, проснувшись, я был уверен, что выстрел был реальным.

25

Василий хочет позвать Сашу к себе на имянины 28-го, если Г<еоргия> М<ихайловича> не будет. Я очень опечален, что денег нисколько нет и я не могу поехать, как предполагал, на Бассейную, я очень соскучился об Александре, не знаю, не больше ли, чем о Григории, большая близость которого иногда стесняет, давая ему право на выговоры и капризы. Казаков привез из Тихвина чудные иконы, одну из которых уже продал Лихачеву[15]. Вечером хотел зайти к Саше, но он пошел ко всенощной, откуда к Казакову, там строили полки, потом он потащил меня на вокзал встречать Виноградовых; тот не приехал, но мы ужинали, причем он вторично рассказывал, как его обворовывали приказчики с Броскиным во главе.

26

Написал опять Нувель[16]; потом ездили в Мариинскую с Браилкой, он все время вспоминал, что было в Петербурге лет 30 тому назад, и хотел, чтобы я тоже это помнил. Было очень мило; из Мариинской я заехал к Казакову, потом с ним опять в Мариин<скую>, потом опять к нему, потом к Броскину, тот дремал за «Листком»[17] в сумерках, потом пришли Кудряшев и Козлов и затеяли карты. Дома я узнал, что был Гриша часу в шестом, подождал меня с $^1/_2$ часа и уехал, не сказав, приедет ли когда. Мне немножко жаль, что я его не видел, но без денег не знаю, был ли бы он доволен.

27

Сегодня в первый раз, все собой заслоняя, определенная и желанная своей исходностью, у меня явилась мысль о смерти, о самоубийстве. Сидя на окне и смотря на ярко освещенные дали за церковью М<алой> Охты, я думал, как стащу у Пр<окопия> Ст<епановича> револьвер, напишу всем письма и застрелюсь. И, перебирая светлое в моей жизни, чего жалко, чего ожидаешь, я удивился, как мало лиц, всё вещи, быт, природа, а главное — мечты о них,

полудетская жизнь с мамой, солнце в окно, Волга, церкви в Москве, иконы, каморка Казакова, служба на Громовском[18], песни Авдотьи Арсеньевны, встречные волнующие лица, наклоненная голова Александра, тело Гриши, улыбка Броскина, какая-то шитая рубашка, Устав — все мелькало, не останавливая вниманья. Почему-то ни Юша, ни близкие там не встречались. Будет панихида, кто-нибудь из «современников», похороны весной. Утром у Казакова застал Ник<олая> Виноградова с древностями; так же безобразен, так же безнос и так же не без какой-то приятности. Саши не было. Проехал к Н<иколаю> В<асильевичу> попросить денег, но он не дал; от Нувеля ответа нет ни на одно, ни на другое. Что делать? После обеда имел полусерьезный разговор с Варей относительно моего образа жизни. Она, кажется, предполагает, что в этой компании есть для меня какой-то магнит, но я не разубеждал ее, думая о недалекой смерти, и, хотя в ясные сумерки куда-нибудь пройтись, приехал опять в магазин; Саши днем не было; пил чай, вернулся рано. Сережа спорил опять о возможности свободного искусства в грядущую эпоху. Было скучно и темно. О Господи, что-то будет, и как мне справиться? на тетю из *<нрзб.>*.

28

Мятель; почему-то опять возвращаюсь мыслью ко Пскову, но больше к ставшей привычною мысли о смерти. Собрались к Анжиковичу; от Нувеля посланный принес немного денег и извещение, что то дело не состоялось, он говорит, что, хотя Соколов ответа еще не дал, он почти уверен, что «Крылья» будут взяты и тогда можно будет попросить денег авансом[19]. Было это очень неутешительно, но мне все равно, имея исход в виду. Были у Анджиковича, он был в бане, ждали его с час; перечитывал «На дне», мне больше прежнего понравилось и насколько много лучше «Дачников» и «Детей Солнца»[20]. Только бы Сережа не выдал моих намерений нашим[21]. Завтра могу сходить на Бассейную.

Март

1

Чудное солнце, тает; по дороге на Загородный встретил Маркьяна, который и дошел со мной до Пяти Углов. В лавку пришел Саша, и, несмотря на просьбу Г<еоргия> М<ихайловича> подождать его, я ушел с Броскиным; заходили в какую-то железную лавку на Стремянной; днем писал музыку к «Ожерелью» Бальмонта[1], после обеда ездил на Бассейную; ну, и видел, ну, и слышал, и чувствовал, хотя Александр был не очень в духе. Потом заехал к

тете, т. к. от Розова получился ответ, что документы есть; потом в магазин и оттуда со Степаном, зайдя за Анд<реем> Ив<ановичем>, пошли к Морозову. На минуту забегал и Кудряшев.

2

Вчера заходил к Трусову[2] отн<осительно> нот, у Казакова утром никого не было. Меня опять, как прежде, привлекала бы жизнь торговли и скорее даже приказчика, чем хозяина, частые походы по городу, встречи с различными людьми, дома тоже всегда не один, прием товаров, особенно если дом как следует, с хозяйкой, стряпухой, печками и лампадами, молодцовская, посты, часто на воздухе, знаешь торговый город как свои 5 пальцев. Казаков уговорил обедать в Мариинской, она была битком набита, пришлось обедать в первой зале, но нам служил старый знакомый Иван. Заходил к Саше, но его не было дома и ожидалось не скоро, т<ак> что я, несмотря на приглашения его жены, пить чай не остался. У Кудрявцевых сошелся с Варей, она рассказывала, как чуть не поссорилась с Екатер<иной> Аполлоновной из-за Бобовского. Тетя, вся поглощенная апелляцией, кажется, не очень даже довольна открывшейся возможностью получить надобный документ. Страшная скука, так хотелось бы в Нижний; ярмарка, ряды, заря за церковью. Что-нибудь одно. Без меня приходили от Трусова за книгами. Александр придет в воскресенье.

3

Без меня был какой-то мужчина, высокий, с бородой, спрашивал Ал<ексея> Мих<айловича>, обещал зайти в 7 часов; почему-то это меня страшно смутило, и еще более, когда он вечером не пришел, будто за мной приходило что-то роковое. От Трусова не было. Были полотеры, обедал Браилко, иногда он утомляет; к вечеру мне стало очень скучно, потом пришел Бобовский, очень странный, и Андриевич; играли в карты, мне было очень скучно, и не знаю, что бы могло сделать меня менее хандрящим.

*4**

Пишу, еле помня, что было, подробно. Был у Ек<атерины> Аполл<оновны>, она была очень любезна, жаловалась на Варю, и время прошло недурно. В 9-м часу поехал к Казакову проводить его на вокзал. Без меня был Саша, я не могу примириться, что его не видел. Проводивши, я со Степаном поехали к Морозову, где был уже Кудряшев.

* Записи с 4 по 9 марта 1906 г. сделаны карандашом на отдельных листках, вложенных в дневник.

5

Утром пришел молодец от Трусова за нотами. Купил. Говорил, что есть книги, купленные у единов<ерческого> попа, но оказалось, куплены на Никол<аевском> вокзале с аукциона, интересные: Кормчая, Устав и т. п. Непременно нужно будет сходить. Какой-то покой на меня нисходит, нужно есть постное. Пришли Степан и Козлов, принесли сундучок, он оказался прелестным. Я предложил за услуги отобедать. Пошли в «Любим», против Балабинской[3]. Идя по Невскому, Степан все время шалил, но было очень весело. Я зашел к Броскину, он был уже одет, но идти было рано, жены не было. Мы мирно беседовали об иконах, рукописях, он в них знает толк не меньше, если не больше Казакова. Было отлично, какой-то покой нисходил ко мне, и мысль о возможной доступности Саши была далека от меня. Идти с ним, великолепным в своей шапке с разрезом, покупать апельсины, конфеты, тихонько беседовать, смеяться, идя под руку, — было впечатление какой-то недоговоренной интимности, почти влюбленности. И этот путь я всегда буду четко помнить. У Кудряшева кроме нас, Козлова был его двоюр<одный> брат из шапошной лавки от Терентьева[4], конторщик и еще 2 каких-то земляка. Играли в карты; я, по обыкновению, сидел около Саши, который этот раз все проигрывал. У меня болела голова, пил мало, все больше чай, но уехал с Александром в 6 часов. Он говеет на будущей неделе, но обещал завтра прийти в лавку.

6

Болит голова, ложился спать, пришла тетя с делом; вечером ходил в магазин в надежде видеть Броскина, но его не было. После запора ходил со Степаном и Козловым к Морозову; так было скучно, до слез. Приехавши домой, вдруг решил ехать с Прокоф<ием> Степановичем в Хилино. Поехал.

7

Утро было prachtvoll*. На станции нас встретил старый Яков, к которому мы и отправились. Покуда Мошков ездил на почтовую станцию, хозяин заговорил со мной о вере, подсмотрев, что я крещусь большим крестом. Это мне напомнило наши прошлогодние странствования по Олонецкой губернии. Они сами староверы. Не знаю, прибрались ли к нашему приезду или я присмотрелся, но у Трегубенки мне показалось менее свинюшником. Я очень скучаю о Петербурге, о магазине Казакова, об комнате Саши, об нем самом. Я даже не думал, чтобы я так стал скучать. Ночью я

* Роскошное *(нем.)*.

говорил и кричал Сашу, утром Пр<окопий> Ст<епанович> спрашивал, кто это такая. Я понимаю тоску по месту. Вечером играли в преферанс.

8

Утро по краскам было похоже на летнее, сулящее знойный день, солнечное, с теплым туманом в дальних долинах, но потом началась мятель. К Торопиным мы не заезжали, а проехали прямо в Усадье, куда вскоре приехал и Гельман, жирный, красивый еврей. Поехали на заготовки, это было довольно интересно, но Гельман потащил меня к себе, где были его отец, брат, племянница и три купца, английский еврей, финляндец и русский, Кудрявцев. Мы пили чай и, когда приехал Прокоф<ий> Ст<епанович>, опять пили чай и обедали, и не помню во всю жизнь более гнусного (именно гнусного) впечатления. Я не воображал, что мысль, что я в первый раз в гостях у евреев и ем, ем с ними, меня так возмутит и угнетет. И еда так<ая> интимная вещь, что я понял старое правило о неядении с иноверными. И сладкие пресные пирожки, коричное печенье, мясо с чесноком, перловый суп, кисель — все мне казалось чуждым и сердило этим, и от самих Гельманов, любезных, веселых, хвастливых, показавших мне и лошадей, и коров, и лавочку, и дом, и кладовые, я готов был бежать в поле куда глаза глядят. Ужасно скучаю о Петербурге.

9

Утром приехали купцы, покупающие дрова, 2 брата, белобрысые, красные и молодые. Они не пили чай со сливками, т. к. пост. О, милые, о, желанные, голубчики, красавцы, родные, близкие, среди поляков, евреев и интеллигентов — они ели постное. Все уехали, я один пишу дневник, вьюга, кошка села мне на плечо и мурлыкает, топится печка, — скоро ли увижу тебя, Саша?

*9**

Опять заезжали к Гельманам, встретили на дороге молодого Шпилевского, возвращающегося домой, милого, как зайчик. Я все время, не дремля, думал о смерти, и Пр<окопий> Ст<епанович> показывал мне револьвер, объясняя, как стрелять. Но ах, как жалко: будет весна, запоют «Х<ристос> в<о>скр<е>се», не видеть нежных, ярких, плавных красок поморских икон! Но что же я могу сделать? Дуло у револьвера тонкое, холодное, что-то не то хирургическое, не то фотографическое. Отрава? действующая бы на сердце или мозг, а не на желудок, но где же достать ее? Стащить Варин

* 9-е число повторено два раза.

мышьяк. И неужели, неужели это нужно сделать до Пасхи? Мне было печально и безразлично до отчаянья. Приехали к Шутовым, — там все тепло, светло; Шутиха угощала нас огурцами и капустой с постным маслом, очень вкусною. Повез нас Миша Шутов, снова сидя сбоку, бодро и весело, отчаянно погоняя на ухабах.

10

Приехали опять в ясное утро. Письма от Трусова, Александра и Гриши, что он придет в воскресенье и, если хочу, пить чай к Морозову в 5 час. У Казаковых очень соскучились по мне и беспокоились. Саши не было. Заходил вечером к Тюлину насчет пасхального яйца, самого Матвея не было, то, что готовится на Громовское, мне не очень понравилось и страшно дорого. Спросить у Одинцова. Но в лавке у Матвея прелестно. О деньги! если бы их было достаточно! Вечером у Казакова была толчея, он уехал во Псков; я со Степаном, проводивши его, поехали к Морозову, где был уже Кудряшев, и вдруг со мной здоровается Гриша, несомненный Гриша, присоединившийся к нам. Я много выпил и мало помню, Гриша меня провожал на извозчике до дому, и я помню, что его целовал и спрашивал, будет ли завтра разрешение вина и елея, а он говорил: «Ну да». Как у меня в кошельке вместо 3 руб. оказалась бумажка рублевая, я не помню. Ах, милый Гриша!

11

Мутит, тошнит, но голова не болит. Хочу в воскресенье позвать Сашу и пойти его поздравить с причастием. Но он сам пришел в магазин, в воскресенье придет, долго сидел, и пошли вместе. Потом я заезжал на Моховую за квасом. Вечером хотел было идти к Ек<атерине> Ап<оллоновне>, но поехал с Сережей за покупками к Полине Ивановне, к Баракову, в винную, было очень славно, но денег у меня совсем нет. Дома играл из <Thaïs[5]?> и читали «Саломею» Уайльда. Лег рано спать. Завтра всех увижу, Сашу и Григория.

12

Отчего мне не обратиться к Юше Чичерину? может быть, он смог <бы> сделать что-нибудь? Попытаться можно. На «Вечер современной музыки» программы мне не прислали, но что мне до этого? Наши все уехали, Гриша приехал в 3-м часу, все ждал гостей, — и были настороже. Пришли Саша, Козлов и казаковские. Гриша был в ударе и очень смешил, я почти не пил и отлично себя чувствовал. Засиделись до света, до 6-ти часов, и я не ложился спать; вид накуренной, загрязненной комнаты с пустыми бутылками, лишенной оживлявших ее людей, всегда противен. Что-то ответит Юша?[6]

13

Сегодня почти целый день в магазине. Степан поехал на Охту, обратно зашел ко мне, пошли вместе, зашли к Саше, тот обещал прийти вечером, часам к 5-ти, так что я, не заезжая домой, пообедал в магазине. Часов в 8 явился Броскин, советует мне нанять небольшую квартирку, комнату и кухню, рублей за 20; я бы поселился с Казаковым, но боюсь его превратностей. Вообще мы с ним строили разные планы и мирно и дружно беседовали. Ехали вместе. Тамамшев пишет Сереже, что мне предлагают писать музыку к сценам из «Аглавэна и Селизетта»[7].

14

Приехал Казаков. Решил купить избр<анных> св<ятых>, если Юша исполнит мою просьбу. Была Осьмушникова. Макаров говорит, что Иов придет ко мне в 11 ч. Он открывает свою лавку, но он не пришел. Саши не видел, у Ек<атерины> Ап<оллоновны> не был. Что-то скажет Юша?

15—18

Я не ясно помню, что было, подробно, эти дни. Самое важное, что Юша согласен на мою просьбу и призрак смерти на время отступил от меня[8]. Приезжали насчет «Аглавэна и Селизетта». Видел каждый день Сашу. Был раз на Бассейной. Александр говорил, что его главный знакомый, когда тот описал меня, воскликнул: «Так это Кузмин, поэт, Михаил Алексеевич». — «Да, М<ихаил> А<лексеевич>». — «Он и прекрасный музыкант к тому же, я его хорошо знаю». Что же это — начало славы? Я давно уже думал, что у меня вырастут 3 известности. Был в Апраксине, светило солнце, ворковали голуби, мальчишки зазывали в лавки, было что-то нижегородское во всем. О, жизнь! Неужели возможность тебя не закрыта для меня!? Был Нувель, Поляков согласен на издание нот. Снова увижу солнце, иконы, услышу звон колоколов. Какое счастье! Как я вам благодарен, избранные святые, кот<орых> я обещал купить, если спасен буду.

19

Дал ответ Юше, приходили полотеры, весь день сидел дома, но ничего не писал; после обеда, не дождавшись Степана, отправился к Саше, но Степан не пришел и туда; посидевши часов до 10<-ти>, пришел домой, наши были в театре, Сережа вернулся из собрания кадетов, он в большом восторге от слышанного, даже до того, что когда при рассказе, как, например, к.-д., что: «Как не будут срывать креста с колокольни», с.-д. заметил, что: «Мы видели, что с колоколен не только срывают кресты, но даже с них палят из пушек», я сказал, что это глупый вздор, что 1-е —наглядный,

популярный, общепризнаваемый пример святотатства, а 2-е, м<ожет> б<ыть>, будучи более преступным и безобразным, не несет ни одной из вышеуказанных черт, — он на меня обрушился, жаром заменяя убедительность. Победа кадетов почти очевидна, т. к. та именно средне-либер<альная> часть населения шла на выборы (местами из 2000 выб<орщиков> являлись 200), при большинстве едва ли (в деревнях) бойкотирующем, но просто практикующем старый быт. Конечно, это — наиболее действующая партия. Я бы хотел видеть Гришу, а м<ожет> б<ыть>, и нет; разговор на Бассейной меня перенес в какое-то Возрожденье или Мюссе. Слухи об известности в почти публичном доме; что-то шекспировское.

20

Как давно я не писал при свечах своего дневника. И это будто привычка к какой-то культуре; м<ожет> б<ыть>, я буду писать вскоре? Утром пошли с зятем, он на выборы[9], я — в Гостиный двор; был ясный день, будто весной, и принаряженные, казалось, выборщики толпою входили и выходили из Сол<яного> Городка. Заходил в Апраксин к Кирьянову; у Макарова и Больш<акова> заперто. У Казакова все упаковано. Саша пришел в 4-м часу. Г<еоргий> М<ихайлович> тащил меня в Мариинскую и просил Сашу подождать, тот согласился, если только я опять вернусь, был очень мил. Пили потом чай и пошли еще при солнце домой под руку (почему у Броскина эта манера, не знаю). Он безусловно привык ко мне и как-то интимно настраивается, бывая вдвоем. Вечером у нас был Браилко и Тамамшев, но я рано удалился на покой. Я все еще не могу привыкнуть к мысли, что я в числе живущих. Занимался с детьми.

21

Утром, по обыкновению, был на Загородном. Иконы мои усердно подговляются*. Весна. Казаков рассказывал, как подбивают грешников, он знает обычаи старой Москвы, и это меня пленяет. Уезжая, он делал длинные наставления Степану; что-то было, что меня трогает. Вечером была такая заря, такой месяц, что было скучно от грязи и пьяных людей. Хотелось бы лечь и ни на что не смотреть. Вообще, мне было очень скучно, не знаю отчего. После вокзала заехали к Морозову.

22

Утром, только что мы со Степ<аном> решили идти проведать Сашу, как он сам явился, в русских сапогах. Домой я пошел

* Так у Кузмина. Очевидно, следует читать или «подготовляются», или «подновляются» (хотя верно — «поновляются»).

не с ним, а поехал со Степ<аном>, который повез св<ятых> к Тюлину Дмитрию. Юша устроил и прислал чек[10]. Вечером Саша сам обещался прийти и пришел, мы сидели на одной скамейке у печки и тихо беседовали, пока не пошли домой. Хотел зайти проводить на вокзал или справиться, уехал ли я вечером.

23

Утром ездил в банк, потом в магазин. В Москву решил не ехать. Видел присланные древности. «Верую» отличное, «Недреманное око», и лучше всего створы. На вокзал Саша не пришел. Несмотря на Лидочкины имянины, я поехал на Бассейную, там было скучновато, и более всего занимался мытьем. Ал<ександр> слишком классичен, слишком солист его И<мператорского> В<еличества>, еле ползающий и снисходящий. Потом из магазина, где я тщетно прождал Броскина, я поехал со Степ<аном> на вокзал и к Дм<итрию> Матв<еевичу> Тюлину. Он живет у тестя на Невском, во втором дворе. Я видел его жену и тестя; теплая кухня, женщина в белом платочке, миловидная; длинная полка с иконами и лампадами, чистота на всем — все мне напоминало что-то далекое от Петербурга. Потом задумали поехать к Морозову. Туда пришли Козлов, Дмитриев и Клышкин с каким-то мне неизвестным художником, присоединились к нам. Потом мне пришло в голову познакомиться с знаменитым Сенькой из Морозова. Степан сказал человеку, и через минуту к нам сел, как ни в чем не бывало, мол<одой> человек, почти мальчик, беленький, шмурящийся, как котенок. Степан, пивший раньше у Одинцова, совсем раскис, что-то пел, хотел спать. Андр<ей> Ив<анович> говорил, что за меня готов все отдать, звал к себе на дачу, на Мологу, Семен Григ<орьевич> знакомился со мной и мило улыбался. Женщины с соседних столов кричали нас, незнакомых, по имени и, проходя мимо приказчика из бельевого магазина, сидевшего к проходу, походя целовали его, как котенка. Степан ругался, Козлов разбил стакан с чаем, все время играла машина, я пил не очень, и мне было весело. Потом Степана повели Козлов, Клышкин и Дмитриев, который и остался ночевать в магазине. Меня извозчик провез до Смольного, где он проснулся и я пробудился, т. к. лошадь остановилась.

24

Утром зашел Степан, уверяющий, что у него Клышкин стащил кошелек с 27 р. Потом этот кошелек нашелся в посудном шкапу, но тогда он был очень огорчен. Зашли к Саше, который чистил кенареек и собирался идти к нам. Из-за стены раздавался разговор их жилички с посетителем, не хотевшим вставать, кряхтящим, говорившим глупости, топот босых ног, сдержанный смех и

шорох птиц, выпущенных из клеток и летающих по комнате. Пришли с рассказами в магазин, где пробыли часов до 2-х, потом поехал с Варей за покупками, квасом, рыбой, вином, к Пол<ине> Ив<ановне>, было что-то нижегородское в этом. Дома были полотеры, Браилко и Анджикович. Пр<окопий> Ст<епанович> уехал в Киев, я его провожал, на обратном пути заехал в магазин, где узнал, что Степановы деньги нашлись; потом, заехав на вокзал и к Филиппову за баранками, вернулся домой.

25

С утра радостно приготовлялся к гостям. Обедали рано, погода была чисто весенняя. Гриша опоздал, но был очень мил и, главное, интересен. Я думаю, что я совсем брошу Александра и останусь с Григорием, если он может ходить чаще, а то это и накладно, и вымываешься Бог знает как. Броскин с Василием пришли в самый решительный момент, и потом Саша, не то спроста, не то с намерением, говорил: «Вы были такой румяный, и на лбу легкий пот, так красиво». Козлов спорил с Васил<ием>, потом с Мурав<ьевым>, но было очень весело, и пил я много. Спать не ложился. Саша совсем привык ко мне.

26

Утром приехал Казаков. Иконы он продал, привез мне пряников и ложки. Заходил к Саше, но его не было дома; обедал с Казаковым в Мариинской, откуда проехали к Морозову, куда вскоре пришли и Гриша с товарищем, котор<ый> все меня звал ехать с ними в Петергоф, но Муравьев не хотел, чтобы я ехал, и разыгрывал разные разности. Тот все убеждал, говоря, что «у дяди есть лошадь в 500 р., и поезжайте кататься вдвоем, я мешать не буду; не хотите к дяде — напротив есть гостиница, там можно остановиться, к чему такая нервность? Я человек женатый». Я не поехал. Был у Саши, там тихо, мирно, любезны, только что с верб; рассказывал, что по дороге от меня Козлов со Степаном подрались, Броскин защищал Козлова, а Гриша оттаскивал налетающего Степана. Хотел прийти завтра вечером. Звали на 2-й день; т. к. Казаков говорил, что Смирнов хочет меня видеть и будут ждать, то я поспешил туда. Небо, после зари не стемневшее, было великолепно зеленое; в узких улицах все напряженно, трепещуще какой-то холодной страстностью. Но у Казакова никого не было, он один пил чай за шкапами со спущенным огнем. Дом<ой> вернулся рано. Купил сургуча и бумагу.

27

Ездил на почтамт отвозить Пр<окопию> Ст<епановичу> 225 р., заехал к Келеру[11] за покупками. Вечером был Саша и долго

сидели беседуя, ушли в 12-м часу. Кажется, он вошел во вкус такого болтанья. Утром взял «Толгскую»[12] у Иова.

28

Занес «Толгскую» к Саше, у него был Логин Семенович с Песков. Богородица не больно древняя, около петровских времен, но подлинная. Она очень видная, я рад ее иметь. Вечером ходили к тете, она очень больна, хотя на вид бодрее мамы в начале болезни. Потом были все трое у Екат<ерины> Аполлоновны. Да, таинств<енный> посетитель оказался сторожем с кладбища.

29

Утром ходил в Апраксин, по дороге у Кузнецова[13] заказал кулич и пасху; зайдя к Казакову узнал, что Саша был и ушел, что Георг<ий> Мих<айлович> ругался с приказчиками и т. п. Я был почему-то очень грустен, мне было скучно; на пути я зашел к Саше, но торопился домой. Как платье влияет на лицо, на дух, на походку; теперь в длинной, какой-то начетниковской поддевке мне хочется быть печальным, хрупким, с прошлым, с безнадежной любовью. Вечером Казаков денег не получил; у нас был Ауслендер с племянником и учитель из Арзамаса. Луна низко над горизонтом, оранжевая, светила в окно. Завтра встану рано.

30

Решительно не помню, что было. Саши не видел, от Гриши письмо; полон пасхальных приготовлений. Образ сделали отвратительно. Иов вещи принял.

31

Вечером был Саша, ходил за булками, утром Г<еоргий> М<ихайлович> просил его сходить на Охту, вообще входит в состав. Великолепно в колбасной Парфеновых[14]. Прислали «Весы», меня печатают в числе сотрудников, в статье о «В<ечерах> с<овременной> м<узыки>» Каратыгина мне посвящены более или менее резкие, но, по-моему, лестные строки[15]. Видел на извозчике Сомова и Юраша; я как во сне или перед смертью.

Апрель

1

Привезли иконы; как чудно они идут, и обе очень хороши; так было весело, так чего-то ждалось, и теперь вижу, что все, ничего не вышло. У заутрени был на Николаевской, пели недурно,

но никакого сравнения с Громовским[1]; торопился домой, чтобы поспеть разговляться. Несмотря на дурное расположение духа, все-таки была та минута светлого ожидания, когда оставшиеся в церкви со свечами ждут возвращения крестного хода. О, всякие ожидания, как вы прекрасны, как сумрачна должна быть жизнь без ожиданий, без ожидания свиданий, счастья, перемен.

2

Пасха; дождь; темно; никуда не выхожу; мне оставлены деньги на раздачу дворникам и т. п., и я христосуюсь с ними; горят свечи и лампады, пахнет ладаном; я лег спать, т. к. гости не шли. Наконец пришли Вас<илий> Ст<епанович> и Гриша, выпивши. Саша разрешил, потом пришел Мирон. Но скоро Вас<илий> и Гриша ослабели, их рвало, потом они спали и наконец ушли. Мы остались втроем. Саша, выпивши, открывался, причем я узнал много, чего и не предполагал; это была, правда, Пасха, и на прощанье у каждых дверей он целовался крепко, еще придерживая мой затылок. Почти решил ехать с ним в деревню.

3

Был у Ек<атерины> Ап<оллоновны> и тети, потом пошел на Ник<олаевскую>; Саша спал, он, вероятно, теперь запьет; вставши, мы, посидевши, поехали в магазин, который был заперт, потом на квартиру, где Ольга Ивановна клюкала с Мироном; под секретом она выпила и с нами, подпрыгивая и жеманясь, в темном платочке. Пришли Мирон и Степан; Саша поссорился со Степаном, и тот ушел; потом Саша стал засыпать и простился, целуясь опять почему-то со мной, и все, засыпая, вскидывался: «А где Мих<аил> Ал<ексеевич>?» — «Здесь, здесь», — успокаивала его женщина. Мирон поехал со мной и говорил, что хочет непременно меня угостить, и в «Любим». Там какой-то господ<ин> садился мимо стула, его дама хихикала, говорила, что она чудно поет; Мирон тоже ослабел и полез было в машину; пришел лакей сказать мне, что Мирон в уборной ослабел, мне пришлось мочить ему голову, одевать его и вести, почти валящегося, на квартиру, мимо филипповских ящиков, где он спал вчера. Дома Варя и Сережа спорили и возмущались и русской манерой напиваться не систематично, а экстренно, и безобразить и т. д. Было из 7<-ми> слов 3 «не понимаю». Мне казалось, что это говорится специально для меня, против моих приятелей, и даже если бы это была правда, то скорей можно было не говорить об этом. Я тоже «не понимаю», но не все ли равно, раз я покину скоро квартиру и это место. В Череповец я поеду в апреле, проживу дня 2 или 2 месяца. Когда Саша ехал со мной, совсем близко, <со> своими зеленоватыми афродизийскими глазами,

странными, как у балующих людей, он говорил: «Теперь я уверен, что вы от меня ни на шаг». Что же, пускай, на здоровье, будет уверен.

4

Утром ходил в магазин; был один Кудряшев, убиравший стружки, потом пришел Козлов, скучный и тихонький. Рассказывал, что ночью был разгром убежища[2] на Верейской, убито 5 человек, выпущен пух из перин, окна перебиты и т. п. и ударом топора раскроен череп сожителю хозяйки, коту[3]. Меня почему-то схватило при этом рассказе, так все ясно представилось: и тот убитый, почему-то в виде Саши, лежащим раскинув руки со своим белым большим телом, широким, как солнце, лицом, с закрытыми теперь глазами, бровями и лбом рассеченным, рассеченным. И все это священное поганое тело лежит недвижимо, как куча мусора. Потом стали петь: «Экой Ваня»[4] и т. п., пришел Степан, нетрезвый, жаловался на Сашу, чуть не плакал, что его нельзя оскорблять, хотя бы Богу или царю. Кудряшев пошел закладывать вещи, зашли к Гилюкову, там был Мирон, он отошел от Белороссовой и хочет самостоятельно заниматься древностями. Зашел к Саше; в кухне сидели Саша с женой, 3 женщины и стоял бородатый мужик. Саша был очень рад, он с утра собирался ко мне. «Позвольте с вами похристосоваться». — «Христосо<вались> ведь уж». — «Ну, так поцеловаться». — «Извольте». Пришла его жена, полная обиды на Степана, на Казакова, говорила истерически: «Как мы боялись, чтобы вы не узнали; мы ведь не знали, что вам все известно... и вы пришли все-таки... я знаю, вы скромный, вы дворянин и, зная, кто я, что у нас за квартира, пришли к нам. Я целую ваши руки, — (и она правда поцеловала их), — и вот, перед иконой, верьте: Саня тут ни при чем. Все я, все я... и для того, чтобы иметь при себе моего Саню, — (и она, стоя, обнимала голову сидевшего и раскачивалась, будто баюкая). — Если бы он захотел, он был бы хозяином, а не Егорка, Нат<алье> Аф<анасьевне> было все равно, с кем блудить-то, а Саня же красивей, чем косой Казаков, да он не захотел, он не мог, как те, хозяина во гроб вогнать. Он без дела, но Бог даст, все переменится, развяжемся с этой квартирой, уедем в провинцию, и мы не пропадем». Саша объяснялся мне: «А когда мы уедем, все вещи поставьте ко мне, в знак, что вы мне верите». — «А я вас не стесню?» — «Места у нас хватит», — и он повел меня в комнату, где я был у них на масляной, почти пустую, и потом, отдернув занавеску, сказал: «Вот и тут еще много можно поставить». В комнате со спущенными тюлев<ыми> занавесками, убранной как зальце 3-й руки, сидели 3 девицы, курили и тихонько пели сиплыми голосами чувствительные вещи. При нашем появлении они смолкли; начали христосоваться; первая, маленькая, на мое «Х<ристос> В<оскресе>» отве-

тила: «Может быть», а последняя, с блуждающ<ими> коровьими глазами, похристосовавш<ись>, остановилась, вздыхая, будто удивляясь, что это так скоро кончилось. Вернувшись в комнату, стали собираться на кладбище, Саша одел ботинки, потом в кухне забуянил; А<лександра> И<льинична> вышла и сказала: «Позовите его, М<ихаил> А<лексеевич>, а то он никого не слушает». Саша тотчас пришел, сел против меня и заснул у меня на коленях, скрежеща зубами. Потом стал валиться; в кухне кто-то кого-то бил по лицу и говорили: «А, сволочь, будешь меня дразнить? будешь?» Плакали. Саша проснулся; спросил позволения позвать хор цыганок. Пришла большая Танька с коровьими глазами в розовой кофте; запела, глядя на меня:

С каким восторгом я встречаю
Ваши прелестные глаза,
Но только, только замечаю,
Они глядят не на меня[5].

Сидя через стол, она временами поднималась, будто тянулась, но опять, вздохнув, тяжело опускалась. Саша просил спеть «Мне не спится, не лежится» и пьяным, диким голосом, без слуха, старался подражать моему казавшемуся ему тихим и нежным пению. Я спел и еще раз при хозяйке, и еще «Экой Ваня» и «Надоели ночи», женщина тихо плакала и потом сказала: «Голубчик мой, почему вы не хотите меня поцеловать» — и опять привстала. Саша закричал: «Разве ты, блядь, можешь целовать Мих<аила> Ал<ексеевича>, дайте лучше я вас поцелую. Ты знаешь, что такое современная музыка?» И, взяв мой затылок, опять поцеловал раз пять и потом мою руку. Жена стояла за спиной, улыбаясь. Пришел Кудрявшев, стал играть на балалайке, Саша стал плясать с женой, подобрав<шей> высоко капот, обнаружившим <высоко?> ее ноги в черных чулках. Танька проплывала, не подбирая платья, подняв руки, с которых спали розовые рукава широкой кофты, и выставив грудь вперед. Василий ушел, обещав прийти через час. Саша не хотел спать, буянил, женщина говорила: «Ляг, ляг, и Мих<аил> Ал<ексеевич> ляжет с тобою». — «Как он уснет, можете уйти». Саша согласился и, положив меня к стенке, лег, обнявшись и опять целуя меня; я плохо сознавал, что это не кошмар и здесь сидит его жена, и тоже целовал его. Он уснул, я задремал; на кухне кто-то кричал, где его кошелек, ругались, хлопали дверями, и долго по лестнице, под воротами слышались дикие крики. В комнате пылала лампада. Саша тихо храпел, я не мог высвободить руки из-под его головы и другую из его рук, и, когда я сделал усилие, он оцарапал мне руку и хотел укусить. Проснувшись и увидав меня с открытыми глазами, он пробормотал: «Недреманное око Г<ос>п<о>да нашего Исуса» — и, снова поцеловав меня, заснул. Пришла хозяйка, примостила сту-

лья и, спросив у меня подушку, легла с другой стороны Саши, и через спящего мы откровенно и как-то нелепо разговаривали; она жаловалась, хвалила меня, говорила о своей жизни, любви к Саше, его характере. Прибежала Наташа: «Ал<ександра> И<льинична>, там у Таньки немец все перебил и ее чуть не задавил». Та горошком скатилась. «Дворник, дворник», опять хлопанье дверями, крики, драка. В коридоре раздирательно кричала Аннушка: «Задержите его, задержите его, он ее совсем убил, она не дышит». Шлепание ног, тихо, далеко за двором на улице крики. Лампада пылала. Саша спит, прижавшись к моему плечу; в окне через двор зажгли зеленую лампу; как мирно, целомудренно сидеть с ней и заниматься, быть чистым! Хозяйка вернулась. «Оживела, к<а>к воду-то вылили на нее. Повезло этой роже на праздн<ики>: вчера чуть в бане не утопили, сегодня чуть не задавили. Хороший она человек, да уж к мужчинам больно липка. Ох, в Саньку моего как была влюблена, да как задали ей рвань, что плешивая ходит, так только рядом смеет посидеть». Она заснула, сколько прошло времени, я не знаю. Тихонько встав, я не мог их добудиться. Поцеловав Сашу, перелезши через А<лександру> И<льиничну>, я одел кафтан и ушел. Было четверть десятого[6].

5

С утра писал дневник; было тепло, мокро и туманно. Пошли с Варей к Чичериным, я чуть не засыпал от теплой погоды. У Чичер<иных> получили от Юши отчаянное письмо — что со мной случилось? Обещавшись прийти завтра играть «Китеж», поторопился к Саше; он спал, жена просила его сейчас не будить, чтобы он опять не колобродил. Была его мать. Потом Саша проснулся. Когда человек так пьет, является другая мерка, как к больному, как к ребенку. Является над ним власть, и видишь его новый звериный лик, и бываешь нелепо ближе, интимнее, чем прежде. Я узнал нового Сашу, не милого, красивого, трезвого, сдержанного, а упрямого, страшного и в буйстве, и в своей нежности ко мне, за которую он цепляется, будто за какое-то спасение. У Казакова все обижены на Сашу и звали меня к Морозову; пришел Мирон, мы пошли; рядом сидел какой-то бритый мол<одой> чел<овек> и студент. Степан обратил внимание, что они говорят про меня, смотря все время на нас. «Il le veut sans doute, mais regarde comme il regarde autour»* — донеслось до меня. Потом они попросили у Степ<ана> разменять 3 рубля и, уходя, раскланялись, но я в печали ничего не видел. Все ссорятся, Саша пьет, Степан уезжает. Дома была Ек<атерина> Ап<оллоновна>, которую почти тотчас под дождем пошли с Сережей провожать.

* «Конечно, он его хочет, но посмотри, как он смотрит вокруг» *(франц.)*.

6

Утром мастера катали яйца у Казакова, было весело; потом зашел к Броскину, он спал, но проснулся минут через 5 менее пьян и ел со мной гусиное яйцо и пирог с морковью. Ведя задушевные разговоры, выбил все-таки у меня сознание, отчего я хотел с ним познакомиться. Все целуется, причем старается, чтобы никого не было. Вечером был у Чичериных и играл «Град Китеж». Я редко встречал такую скудость мыслей, приемов, всего, и либретто сделано, будто старались обезобразить сюжет, подгоняя его под банальнейшую grand opéra. Был Нувель. «Крылья» мои не приняты[7]. Я зачем-то, кажется даже сам, предложил ему прочитать свой дневник. Ведь лишенный всякого общественного и общего интереса, он занятен только узко интересующимся моею личностью. Ну, все равно.

7

Утром был в магазине, был о. Антоний с Громовского, сначала я занимал его, потом славили, пили чай. Зашел к Саше и поехал с ним на Волково старообрядч<еское> кладбище. Меня удивил извозчик, сказ<авший>, что он меня в Страстн<ую> субботу возил с Загородного на уг<ол> Таврической, что заезжали к Кузнецову, что я заплатил 60 к. и был со мной этот же мол<одой> чел<овек>. Погода была чисто летняя, так было приятно ехать с Броскиным; вернувшись, обедали у Саши; я спросил его: «Саша, отчего вы со мною целуетесь?» — «Оттого же, отчего и вы со мной». Говорил, что вот когда поедем вдвоем в Череповец, я узнаю, как он во «мне уверен». Провожая, он вышел за дверь и долго поцеловал, не прищуривая глаз, как это делает Григорий, а широко ими смотря, будто в безумии. Вечером поехали к Верховским, там была куча народа и было скучно. Без меня был Муравьев.

8

Муравьев был и в магазине часов в 10. Шел дождь, и в Апраксин, смотреть, как играют в бабки, мы не поехали. Саша не пил и только что вернулся из бани, попил чай; он трезвый, после объяснений в пьяном <виде> будто более стесняется, чем прежде. Обещал завтра прийти. Позвал и Козлова; к вечеру погода разгулялась, ездили к Тамамшевым, там уютнее и свободнее, чем можно было ожидать; является план какой-то пьесы, наверн<ое>, скоро напишу, потому что хочется. Нувель прислал письмо, извещающее почему-то с большою душевностью, что он будет в среду[8].

9

Утром поехал на Верейскую пить чай. Все, как прошлый год, и комната, и вид, и Степан. Потом отправились смотреть Иса-

кий и оттуда в Музей А<лександра> III, но отдел хр<истианских> др<евностей> был закрыт, так что пришлось ограничиться верхним этажом. Саша пришел первый, в вышитой рубашке и русских сапогах; мне показалось, что он пришел уже выпивши, потому, когда пришли другие и Саша захотел тоже выпить, я не очень его останавливал. За картами поссорились опять со Степаном, чуть не подрались, и Ст<епан> ушел в цирк. Те сидели до половины 5-го. Саша все помнит и на раз выясненном стоит крепко.

10

Чек от Юши. К Саше не заходил; у Казакова все полны рассказов и комментариев о случившемся и отношения мои к Саше и его обратно объясняются в предположении правильно. Мне жалко, что я не видел Сашиного лица сегодня. На концерт не пошел. Наши наняли дачу у Рахиль Семеновны; меня страшно привлекает Волга[9].

11

Под дождем ездил в банк, оттуда проехал к Саше; они оказались ушедшими на рынок; девушка сказала, что он выхаживается, от меня пришел совсем трезвый и т. п. Обещав зайти после, прошел в магазин; там все по-старому, пили чай; опять проехал к Саше, он спал, жена говорила, что он продолжает пить, просила не ездить, если он будет пить. Саша пришел очень скоро, разбуженный Татьяной. Опять толковали, как мы поедем, как поменяемся крестами, он говорит, что первая мысль о настоящих отношениях ему пришла, когда он пришел ко мне на масляной. Его позвали зачем-то, и Т<атьяна> Вас<ильевна> пришла с гитарой в голубом капоте в комнату. «Можно тут посидеть, а то очень скучно; Шурка мой нейдет, вот скоро его жена поправится, выйдет из больницы, и совсем перестанет ходить. Господи, Царица Небесная, дай-то, чтобы она померла!» Потом стала играть с котенком. «Вот видите — зайчик, а вот подержанный немец». — «Это который вас чуть не удавил?» — «Ах, нет, то был француз, преподлый человек. А утопить меня хотел совсем простой мужчина в шляпе. Говорит, я тебя люблю и утоплю. Я говорю, какая может быть любовь с первой встречи, а он взял меня да головой в ванну и сует; я кричать». Саша обещал завтра поехать со мной к Скорбящей записаться[10], а послезавтра или в пятницу пойти вместе к Казакову. Теперь это обычай, что, прощаясь и здороваясь, мы при всех целуемся. После обеда съездил на Бассейную, вероятно, последний раз. Александра насилу добудились, он только вчера приехал с дачи управляющего, где все время пьянствовал. Я долго ждал у открытого на запад окна, где заря бледнела за Спасо-Преображ<енским>[11], и мне было тоскли-

во и гадковато. Положительно, это будет последний раз. Он говорит, что в первый день не пришел, узнав, что у меня Григорий, который сообщал об этом Якову. Меня удивляет такая нескрытность. Заезжал к Черепен<никову>[12]; там спрашивали, не от Морозова ли я. Дома был Ступинский, но я сидел и писал «Предосторожность»[13].

12

Утром писал «Предосторожность» и написал. Поехал в роскошный день к Саше, чтобы ехать с ним записываться у Скорбящей. Обедали. Татьяну опять чуть не заколол кортиком мичман. Поехали. Саша в церкви плакал, давая клятву в числе еще человек 25<-ти>, я усердно молился. После записи поцеловал его и поздравил, и дома пили вместе чай. Завтра собирается хворать, а в пятницу утром пойдем к Казакову, раньше просил туда не ходить. Нувель приехал поздно, пьеса, кажется, понравилась; читали дневник, потом он был несколько откровенен, рассказывал, как был на содомистском bal masqué* у парикмахера etc., удивлялся моей надежде на собственную верность. Под большим секретом сообщил, что Вяч. Иванов собирается устраивать Hafiz-Schenken[14], но дело первое за самими Schenken**, причем совершенно серьезно соображают, что́ у них должно быть обнажено, кроме ног. Это как-то смешно.

13

Опять чудный день, и не видеть Саши, не ходить, не ездить с ним кататься! От Казакова приходили узнавать, что я. Вечером ходил к Ек<атерине> Ап<оллоновне>, играли старых итальянцев. Я ужасно соскучился об Саше. М<ожет> б<ыть>, скоро поедем?

14

Как все слагается неблагоприятно. Саша если и не так пьет, то не разом и не окончательно бросил. Это и вредно, и может влиять на отъезд. Я был у него утром. Потом пошел в магазин; Василий предполагает, что просто-напросто Саша меня ревнует к Степану и наоборот. Г<еоргий> М<ихайлович> просил меня зайти к нему в сберег<ательную> кассу у Чернышева моста, откуда мы проехали в Мариинскую, где завтракали. Я его дразнил, говоря, что заведу торговлю в компании с Броскиным и т. п. Дома была адская скука, я так расстроен Сашиной болезнью и вообще всем, что просто ужас, лег на кровать, потом в горести пошел на улицу за покупками, но в жаркий вечер одному на улице еще тошнее. Пришел

* Костюмированном балу *(франц.)*

** Кравчими *(нем.)*.

Нувель; во вторник днем пойдем к В. Иванову, где будет только Сомов, чтобы во время сеансов я читал свои вещи. На Hafiz-Schenken предпола<гает> пригл<асить> Ив<анов> Нув<еля>, Сомов<а>, Городецкого, меня и Бердяева[15]. Надеются на мою помощь и советы. Должны ли быть Schenken сознательными? Дневник его заинтер<есовал>, он говорил: «Черт знает какую интересную жизнь вы ведете!» Эпизод у Саши его привел в ликованье. Ломал голову, кто бы это мог говорить обо мне в банях. Я несколько развлекся. М<ожет> б<ыть>, все и уладится. Древние иконы есть во Влад<имирской> ц<еркви>, у Спасо-Преобр<аженского> и, наконец, исторический отнятый у старообр<ядцев> Деисус в часовне у Гостин<ого> двора.

15

Утром был у Саши под дождиком. Все висит в пространстве: когда мы поедем и поедет ли Сашина жена с нами или потом. Мне почему-то очень тяжело. Зашел в магазин, у Г<еоргия> М<ихайловича> болели зубы, вечером приедет его жена, звали завтра вечером. После обеда под дождем отправились на Петербургскую к Варваре Павловне. Там были Е<вгений> Вик<торович> Иконников и *<нрзб>*. Спорили об поступке Америки с Горьким[16] и т. п. Какая старина! С удовольст<вием> пойду во вторник к Иванову. Завтра увижу Сашу, м<ожет> б<ыть>, все и уладится.

16

Саша болен, лежит; жена его решила ехать с нами, чтобы пробыть с неделю. Конечно, это меня не очень устраивает, но, м<ожет> б<ыть>, к лучшему. Был там Костя из Кронштадта; решили ехать в пятницу, так скоро мне почти не хочется. Потом зашел в магазин, пошли на минутку к Морозову, пили чай в магазине и отправились на квартиру на Верейскую. Там играли в карты до 3-х, я выиграл. Мне было до слез скучно, что рядом со мной не Саша, трезвый Саша, а чужие. Возвращался на рассвете.

17

Утром ходил в Апраксин, потом на Загородный; Мирон был вчера у Саши, и Ал<ександра> Ил<ьинична> объявила ему, что мы едем. Купил створчики. Саша только что вернулся с рынка, и все были пьяные, Татьяна сидела тут же. А<лександра> И<льинична> опять была истерически словоохотлива и говорила, чтобы мы ехали в четверг. Не знаю, как это возможно. Шумели, пили, Саша целовался, его жена хотела и поцеловала меня как «Сашиного брата». Ссорились, плакали, Саша ударил жену, думая, что она меня обижает, та становилась на колени и целовала мне руки, ис-

ступл<енно> крича: «Вы для нас с Сашей как Бог». Татьяна недоумевала: все целуются, с кем же я буду целоваться; рассказывала, как она раз привела священника, а Наташа говорила: «Господи! батюшка идет, а у нас и лампадочки не заправлены». Был какой-то пьяный угар и трагичность. Хвастались покупками в дорогу: «табак, нафталин, мыло». «Отобеда<ете> с нами? что вы хотите на второе: вырезку? отлично. Потом я поеду к мамаше, а вы побудете с Саней полтора часа». Потом Саша опять уснул у меня на плече. Вошла Татьяна и села на маленькую скамеечку вышивать. Помолчав, она кивнула на спящего: «Это ваш любовник?» — «Что вы, Т<атьяна> В<асильевна>, Бог с вами, Саша же женатый, какие глупости». Через некоторое время она опять спросила: «Ал<ександр> Мих<айлович> ваш любовник?» — «Пустяки вы говорите, Татьяна Вас<ильевна>, шли бы лучше к себе работать». — «Как же не любовник», — рассмеялась женщина и, пошатываясь, ушла. За обедом стали вспоминать, как Ал<ександра> Ил<ьинична> меня целовала и потом на коленях стояла, она отвергалась и потом ушла из-за стола. Когда мы пришли из столовой, жена спала на кровати, и я, простившись с Сашей, ушел опять в магазин. Там был Петр Самсоныч, пили чай, я был почти пьяным; выйдя часов в 8, в теплый летний вечер, с кружащейся головой, я не хотел домой и в места, где нужно стесняться, и поехал на Бассейную. Александр рассказывал, как, когда другой Алек<сандр> переставал мыть, один офицер погран<ичной> стражи умолял на коленях, обещая 100 рубл. Тот пятился, а офицер в шинели цеплялся за его кушак и переступал коленками весь коридорчик. Дома Пр<окопий> Ст<епанович> сбирался в Новгород; я, напившись чаю, поехал его проводить. На вокзале толпы мужиков с сундуками лезли в вагон, буянившего пьяного извлекали. Я подумал про наши путешествия. От Юши письмо об «Алекс<андрийских> п<еснях>» и с рисунками Тома и Клингера[17]. Что-то выйдет?

18

Страшно не захотелось ехать. У Саши все то же самое. Днем пошли к Вяч. Иванову. Нувель говорит, что начал писать дневник по моему примеру, остается долгое время в городе, приглашал с Сомовым одних, у Иванова могут быть Hafiz-Schenken, — все это заставило меня желать остаться, и притом, как я ни люблю Броскина, вечное пьянство, бутылки, ползающие по всей квартире девицы, какой-то смрад от всего этого мне начинает бросаться в нос. Были у Ивановых; Сомов писал его портрет; редко человек производит такое очаровательное впечатление, как Сомов, все его жесты, слова, вещи так гармонируют, так тонки, так милы, что самый звук «Сомов» есть что-то нарицательное. Я читал «Алекс<андрий-

ские> п<есни>», «Предосторожность» и «Елевзиппа». Иванов нашел, что мой genre* скорее всего роман, что у меня «душный талант», протестовали против поддевки. Они очень милы, и я бесконечно рад познакомиться с ними не только официально. Только я боюсь, что Нувель скоро надоест со мною возиться. Впрочем, м<ожет> б<ыть>, было бы еще скучнее, если бы все не надоедало. Обедал у Чичериных; поехал к Казакову и попросил, чтобы тот отпустил своих служащих со мной выпить перед отъездом. Это было так прямо, что он согласился. Василий и Степан пошли со мной к Морозову, там присоединились Козлов и Зверкин, но послед<ний> все врал всякий вздор: «С 1 мая» да «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», так что мы его высадили на отдельн<ый> стол. Пригласили Сеньку, несмотря на неудовольствие его дам. Для чего-то он таскает мое письмо у себя в кармане и на вопрос своих товарищей, с кем он поздоровался, сказал, что «это для вас слишком серьезный господин». Степан ушел домой, т. к. у него болели зубы, Кудряшев стал ссориться, зачем я отказался от его услуг провожать меня, а прошу об этом Каткова. Андр<ей> Ив<анович> говорил: «Мих<аил> Ал<ексеевич>, зачем вы гладите так при всех этого молодого человека, а нас не гладите, мы ведь подольше с вами знакомы». Я хотел было ответить, что оттого, что вы — не коты, но воздержался. Катков проводил меня до дому; что я говорил ему дорогой, я не помню.

19

Утром ходили с Сашей за билетами, я вел его, как слепого, съездил в банк, потом к Сеньке купить белья, за сапогами, в Апраксин к Иову и Маркьяну. Прошел в магазин, был один Степан, говорил, как Козлов рассказыв<ал> про мои вчерашние похожден<ия>, что я с бельевым Сенькой чуть не целовался при всех. Дома решил завтра не ехать. Сообщил об этом Саше, так успешно притворясь огорченным, что он даже стал меня утешать. В магазине это приняли с ликованием. Степ<ан> рассказывал, что хозяин вел с ним длинный душевный разговор обо мне, об моих отношениях к Броскину, что, вероятно, Грише дана отставка, что я это делаю как матерьял для романа (вот идея!)[18], что я хотя и хитрый, но примерный и умница, что у меня <петровские?> глаза, что как часто я их выручал и как было бы непоправимо потерять такого клиента и приятеля, если бы Саша или кто другой меня отвлекли от них, что поэтому нужно с Броскиным обходиться аккуратнее; к чему это все говорилось, довольно ясно. Я очень рад, решив не ехать. Пил чай на Верейской.

---

* Жанр *(франц.)*.

20

Билет отдал назад. Скучал адски и вечером, протомившись до запора в магазине, пошел на вокзал. Было до смерти тягостно идти почти ночью одному провожать. Будто в незнакомом городе, где никого нет ни близких, ни знакомых, а дома, в прошлом, в покинутом, все так мило, уютно, тепло. Саша с женой и прислугой были уже там; Саша так слаб, что не мог без труда нести корзину, которую я легко донес до вагона. И потом мы всё ходили взад и вперед, он звал скорее приезжать, просил ежедневно писать, говорил, что может умереть. Наконец, простившись еще раз через окно, уехал. И я не буду слышать его костей через слегка обмякшие теперь щеки, его губ, его рук, как он обнимает, гладит, смотрит. Горестно вернулся я домой, где все уже спали, и, не закусывая, лег спать. И будто все кончилось, все уехали, я один в чужом вдруг городе.

21

Вот первый день, что я без Саши. Утром написал обещанное ему письмо, хотя писать было еще нечего. Страшная жара. Ходил к Казакову. Козлов говорит, что вчера видел моего приятеля Сеню Каткова. Я сидел дома и, уподобляясь Бобке, дожидался полотеров, как вдруг вместо Сысоя явился какой-то незнакомый безобразный мальчишка. Я так был этим огорчен, что, несмотря на жару, пошел к Гаевскому за бумагой, которой накупил столько, будто я собираюсь писать «Анну Каренину», «Кольцо Нибелунгов» и вести переписку в роде m-me d<e> Sevigné. Освежившись немного этим, после обеда я брал ванну, и пошли с Сережей за Ек<атериной> Ап<оллоновной>. У нас была Варвара и Ольга Павловны и Елиз<авета> Алекс<еевна>, и потом пришел Тамамшев. Так был 1-й день без Саши. В согласии читать свой дневник есть какое-то бесстыдство[19].

22

Утром был в Гостином и условился с Катковым встретиться вечером у Морозова. Прошел Апраксиным, всех видел; пригласил Козлова вечером со мной. Степан и Василий отказались, а мне была потребность быть с кем-нибудь знающим Сашу и расположенным к нему. Дмитриев меня поразил, вдруг начавши уверять, что он сейчас видел Броскина у Морозова в компании 4-х челов<ек> и хотел поздороваться; меня это страшно разволновало. Дмитриев, Зверкин, Козлов и Катков были за столом, но последний потом перешел к своей даме, скандалил с лакеем и убежал, оставив меня проводить Андр<ею> Ивановичу. Оказывается, Кудряшев все время сидел где-то один и все видел.

23

Утром, после 12-ти, пришел Муравьев; я говорил весело и оживленно, как со старым знакомым, но особенного возбуждения не чувствовал; лицом он мне почти совсем не нравился, и, лежа, мы говорили о чем-то совсем обыденном. Поехали вместе к Казакову на имянины, но Гриша слез у Гороховой. У Казакова был Мирон, и потом пришел Барабошка, с которым я чуть не подрался за картами. С Мироном беседовали о Саше. Сидели до утра. Утром ели, и я пошел со Степ<аном>, спавшим всю ночь, в магазин, где и пили чай. Много проигр<ал>.

24

Спал дома полчаса. После обеда опять заехал в магазин, но денег мне Казаков не отдал. Угощали мастеров, и потом мы пели. Поехал к Нувель в 10-м часу. Они сидели у открытого окна и поджидали меня. Вальт<ер> Фед<орович> читал свой дневник, очень интересно, по-моему. Вообще, было очень, очень славно. И я прочел Сомову дневник, он говорил, что он — ahuri*, что это бьет по голове, говорил, что, кроме интереса скандала, некоторым он мог бы быть толчком и даже <исправлением?>; намечал Иванова и Бенуа. Кажется, и действительно ему понравилось, хотя я менее всего думал, пиша дневник, о том, чтобы это нравилось кому-нибудь. Возвращался на свете, и с другой стороны полная луна в широком желтом сияньи, и беловатое небо отражалось в каналах; так тепло, так пахнет распускающимися листьями, а Саши нет, и деньги тощают. Из дневника Нувеля я узнал и касающееся меня кое-что неизвестное. Да, Сомов нашел, что впечатление дневника бодрящее, что чувствуется любовь к жизни, к телу, к плоти, никакого нытья. Hafiz-Schenken предполагается в субботу, гостей 8 чел<овек>, но, к сожалению, с дамами и без Schenken. Завтра последняя среда[20]. Пойду.

25

Я плохо помню, что было сегодня. Видел утром Каткова, потом ходил в Апраксин, был у Казаковых. Страшно скучаю, вечером был дома, были Анджикович, Томилин и Ступинские, играли в винт; приходил Тамамшев, луна ярко освещала комнату, лег спать рано.

26

Письмо от Саши, но не его рукой[21]. Зовет скорее, но советует ехать через Рыбинск. Так захотелось его видеть, что были бы

* Ошеломляющий *(франц.)*

деньги, скоро бы отправился к нему. Заехал к Казаковым на квартиру, ел яичницу. Вечером был у Вяч. Иванова, была масса народу, сначала было очень скучно, т. к. участники «Адской почты»[22] отделились и заперлись в отдельной комнате. Но потом заговорили о «красивой жизни»[23]. Вяч<еслав> Ив<анович> говорил очень интересно и верно об эпохах органических и критических, трагизме и jardin d'Epicure[24], мне было неловко, что он вдруг заметил: «Вот прямо против меня талантливый поэт, автор „Алекс<андрийских> песень", сам Александриец в душе». Говорил Аничков, ожесточенно, глупо и смешно, ругал почти в глаза все общество, которое гомерически хохотало и хлопало в ладоши, говорил, что эстетизм — мещанство, громил неотомщенную неверность жен, разврат, который конец всего, только не его речи. Пошли на крышу, рассветало, чудный вид, будто Вавилон. Городецкий читал стихи «Монастырская весна»[25] — очаровательно, другие мне несколько меньше понравились. Внизу, продолжив несколько прения, читали опять стихи, и я прочитал «Солнце» и «Кружитесь»[26]. «Сомов» Иванов<а> превосходен[27]. Я слышал, как Сомов говорил какой-то даме, что нужно жить так, будто завтра нам предстоит смерть, будто из моего романа, т. е. вообще мысль, за которую я всецело стою[28]. Возвращался при розовых редких облаках на бледно-голубом, будто выцветший фарфор, небе. Hafiz-Schenke м<ожет> б<ыть> во вторник. Саше не поспел написать.

27

Какая скука, какая тоска, пустота. Страшная жара, наши увлечены открытием Думы[29]. После обеда проехал в магазин, тем более что к нам пришли Андриевич. Т. к. Степан был имянинник, потащил меня к Морозову сейчас после дождя. Там было еще скучнее. Поехали пить чай на Верейскую, и вернулся в 12 часов. И я не могу представить, чего бы я хотел. Жить с Сашей? Проезжая по Бассейной, я видел освещенную кассу, лестницу с фонарем, свет в матовых окнах, но, помимо неимения денег, мне как-то неприятна сама мысль об Александре. Разве спросить беленького Павла? Там все такие уроды.

28

Какая-то пустота. Сегодня жарко, и улица в городе мне напомнила Александрию. Брал ванну. У Казакова был недолго, Степан говорил, что видел во сне, как Саша его хочет побить и говорит: «Рано или поздно, а получишь от меня таску», а я будто смеюсь. Новый мастер рассказывал о кулачных боях и что на Москве, если 2 мол<одых> человека хотят подружиться, ходят вместе к одной девке и потом вместе стричься одними ножницами. После обеда

видел, как напротив в мезонине у открытого окна играли в дураки 3 подмастерья, и мне захотелось опять простоты и дружеской молодой компании. За Охтой чернел лес, виделись церкви. Что-то мною будто невозвратно потеряно. Если б Саша хотя и пил, но был бы здесь, я был бы вдвое менее грустен. Вечером перед бурным весенним дождем дошли до Екат<ерины> Ап<оллоновны>. Играл Mozart'a. Я не все время думаю о Саше, но мне кажется, что это именно его мне недостает.

29

Письмо от Нувель, что Hafiz-Schenke во вторник[30]. Сегодня мною более интенсивно овладели оба мои течения, и мне хочется и европейских стариков, и будущих, и скита. Второе отчасти от Аниного письма, где она пишет, что муж ее в марте умер, что весной она съездит к его родным в Костромскую губ., а потом купит дом и поселится в Уфе, открыв торговлю фотогр<афическими> принадлежностями, и т. д. Я смотрел на избранных св<ятых>, и Александр Свирский с подогнувшимися коленками, с поднятым, искаженным экстазом лицом меня перенес в милые далекие моленны, в тихую, полную непередаваемой светлости жизнь. А как давно было, что мы с Сашей ездили в теплый весенний день на Волково, крошили кулич и яйцы на траве могилы и птицы прыгали по голым веткам, ожидая, когда мы уйдем. А Саша, не пьющий, ходивший для меня в магазин, милый, вежливый и уже знавший, не говоря мне, мою любовь к нему! Где это? Что легло такой полосой, будто прошли годы; теперь я смертельно жалею, что не уехал с ними. Теперь у меня мало денег, но на дорогу-то хватит. В магазине все ссорятся, дела идут кое-как, денег мне не возвращают, мне даже не хочется туда ходить. Хоть бы запить с кем-нибудь или сходить ко всенощной. Сысой, полотер, положительно перестал ходить, т<ак> ч<то> и этот маленький еженедельный ресурс иссяк. Ходили вечером к Тамамшевым, там никого не было, но скучно не было. Такая пустота, я готов плакать часами, лежа на кровати. Читали «Kater Murr»[31].

30

Открытое письмо рукой Сашиной жены, но от его имени: «Ждем вас с нетерпением» и т. д. Всю ночь видел его во сне. Утром зашел ко мне Степан и потом Мирон, я со Степаном поехали в магазин, потом я обедал один в Мариинской гостинице и потом, вечером и ночью, был на Верейской, где играл в карты, и при солнце, освещавшем уже купола Влад<имирской> церкви снизу, вернулся, страшно тоскуя, домой. Скоро я не в состоянии буду терпеть.

Май

1

Откуда мне достать денег, чтобы ехать, чтобы видеть Броскина? Я так до ясновидения помню его лицо, не только того, когда я его еще желал, но уже в последнюю минуту в окне вагона с таким знакомым изломом приподнятой брови, будто изгиб лука, зеленоватые афродизийские глаза, как у балующих людей. Когда мы читали с Сережей «Прозрачность»[1], пришел сам Вяч. Иванов. Он много говорил о романе, много расспрашивал, рассматривал, казался заинтересованным, некоторые его вопросы напоминали «Chaperon rouge»*: «Почему вы носите такие смешные очки?», «Вы здоровы?», «Вы читаете „1001 ночь“?» Он очень мил, но его крайняя близорукость делает ему общность с Юрашем. Когда вечером я хотел уходить из запирающегося магазина, вдруг в темноте ползет какой-то толстый человек и здоровается со мной, целуясь. А. И. Аничков. Оказывается, ищет меня и на Васил<ьевском Острове>, и на Верейской. Ехать ко мне отказался за поздним временем, а так поболтали немного. Никак его не ожидал. Завтра он уезжает, а когда же я? В магазине, в темноте, говоря со Степаном о Саше, я неожиданно заплакал.

2

Встал безобразно поздно. Пришла мысль, которой отдался всею душою: написать роман из Франц<ии> XVIII века, из среды ремесленников-художников, старый еще быт, традиции, пестрота столкновений, миропостижений, авантюр[2]. Но нужно много подчитать, не столько для сведений, сколько для атмосферичности. Степан меня очень развеселил, рассказывая, как Наталья Афанасьевна вчера расспрашивала у них про мое увлечение Сашей, перестал ли я увлекаться Григорием, что я это делаю «с научною целью» и т. д. После обеда гулял с Сережей в Таврическом саду; там славно, зеленая трава и канавки. Нувель еще не приезжал. Пришел Тамамшев, я в полутемноте наигрывал из «Предосторожности», как явился В<альтер> Ф<едорович>. Он хочет написать музыку к «Предосторожности». Иванов был уже одет, Сомов одевал других, он врожденный костюмер. Пожалуй, всех декоративней был Бердяев в виде Соломона. Я не ожидал того чувства начинания, которое пронеслось в молчании, когда Иванов сказал: «Incipit Hafiz»**. И платья, и цветы, и сиденье на полу, и полукруглое окно в глубине, и свечи снизу — все располагало к какой-то свободе слова, жестов, чувств.

---

* «Красную шапочку» *(франц.)*

** «Начинается Гафиз» (от «Incipit» — начального слова средневековых рукописей)

Как платье, непривычное имя, «ты» меняют отношения. Городецкого не было, и сначала разливал Сомов, но потом стали все своими средствами доставать вино. И беседа, и все казалось особенным, и к лучшему особенным. Я был крайне польщен, что Л<идия> Дм<итриевна> меня назвала Антиноем. Я крайне наслаждался, но печально, что не будет Schenken и что предполаг<ается> серия дам[3]. По-моему, Schenken могли бы быть несознательные и даже наемные, с ними даже ловчее чувствовалось бы, чем, напр<имер>, с тем же Городецким в качестве кравчего. Мои стихи толковались как какая-нибудь canzon'a Cavalcanti. Утро было сероватое, когда мы разошлись. Нувель уговаривал меня не уезжать, бросить это, но он ошибается, думая, что я его в этом послушаюсь. Неужели я всегда верен? Завтра звали Ивановы, а в четверг и в пятницу хотели прийти ко мне. Следующее чтение дневника Сомову и Нувель тоже произойдет у меня. Уеду ли я в пятницу?

3

Казакова окончательно вытуривают из магазина. Вчера опять наклеили мушку, которую сорвал Кудряшев. После обеда все смотрел в окно на Неву, где над лесами розовели отразившие закат облака. Напротив, где живет молодая особа со старухой, к которым через день ездит писарь вроде бычка и целуется, играя, с молодой у открытого окна, — что-то неладно. Молодая без прически, в черном платке сидела заплаканная у окна спальни; старуха стояла, казалось, утешая, потом закрыли окно, и старуха одна долго смотрела в окно другой комнаты, дожидаясь и вытирая углами повязанного платка глаза. Писаря нет уже давно. Я очень скучал. Гуляли в Тавр<ическом> саду; какие до отчаяния глупые, тупые, некрасивые лица! я понимаю, что однажды, после такой прогулки, можно повеситься. У Иванова был какой-то невероятный студент со стихами, не понимающий разницы между аллегорией и символом, считающий «декадентов» русскою кличкою, спрашивавший у меня, законным ли браком соединены Мережковские, что он «талантл<ивый> парень», что они, вероятно, богатые люди. Вообще тип. Я был очень в мирном настроении; немногочисленность гостей, большая привычка к ним делало более уютности. Аничков представлял всякий вздор, потом Дымов; Вяч<еслав> Ив<анович> обиделся на Нувель за вчерашнее, и говорят, будто мое стихотворение его огорчило, выставив не совсем ту программу, какую он, и особенно Л<идия> Дм<итриевна>, предполагали[4]. Это будет жаль, если все начнут ссориться раньше начала. Нувель с Сомовым хотели прийти в пятницу. Просили не уезжать. Разбирая, кто похож на какое животное, меня сравнили с серной, довольно неожиданно[5].

4

Был у Чичериных; страшная жара, даже заболела голова. После обеда лег заснуть, и голова прошла. Часов около 8<-ми> пришел Иванов, он долго беседовал со мной и все интервьюировал, иногда я сам не знал, что отвечать на вопросы: «Кому вы любите молиться?», «Ревнивы ли вы?», «Собираетесь ли жениться?». Я не знаю, нужно ли ему читать дневник. За чаем пришла и его жена, и было странно видеть Диотиму, говорящую о квартире и детях. С Ивановым мне было почему-то несколько тяжело и неловко[6]. Но, конечно, они очень милые. С нетерпением жду понедельника. Скучаю о Саше.

5

Утром был в магазине, там был Павлов; рассматривая в газете картины борьбы атлетов, он стал восхвалять свое искусство насчет борьбы и, легкий, как мячик, принимая грациозные традиционные жесты, фехтовать, выкликая «touché» и пр. и улыбаясь с выбитым напереди зубом ртом. У Макарова взял материи на понедельник, прикупил к ней газу и фуляру, все розовое. Был Иванов, моя музыка, по-видимому, ему нравится, в восторге от детских песен. Слова «равнодушные объятья» и «обладанье без желанья» нашел очень моими[7]. Небрежность слов и внутренняя грация. Говорил, нельзя ли прийти Сереже. Протоколом недоволен, находит, что выдернутые из контекста фразы звучат карикатурно и что я méchamment* пришпиливаю, особенно его. Сейчас после него пришли Сомов и Нувель. Читали дневники; Сомов меня убеждал перевести «Kater Murr»; играли стар<ых> итальянцев, Сомов пел; у него полный, несколько меланхолический голос, и поет он сдержанно и стильно. Отчего он так упорен относительно моей музыки? Если бы он еще вообще отвергал все не старое, но он понимает же и Вагнера и Debussy? Ça me tourmente**. Сидели до 3-х часов, мне было очень приятно так сидеть, почти молча, ничего не делая, перекидываясь словами. Мне страшно все равно, так все равно, как давно еще не было. От Саши письмо, чтобы я или приезжал, или прислал твердый ответ. Что же мне ему ответить, теперь мне не только не хочется уезжать, но мне даже не хочется ехать туда. Утро было темноватое и теплое.

6

Не знаю, зачем я поехал с нашими в Удельную. Никакой приятности я не получил. Были там Крапивины. Слишком жарко,

* Злобно *(франц.)*

** Это меня мучает *(франц.)*

и пыльно, и дачно. Сережа написал рассказ из Рима, по-моему, лучше всех воспользовался анекдотом с Федоровым[8]. Считаю деньги, решительно мне не хватит. В понедельник съезжу в бани на 9 линию; я спрошу Матвея; хотя Тимофей и красивей, но слишком важен и староват. Вечером было в окнах видно, как в «Diable boitieux»[9]. Иванов бранит XVIII в., а я все более его люблю. Что-то будет? Как с деньгами?

7

Утром меня ждало письмо от Саши: «В Коротово не пишите, на днях выезжаем». Первая мысль была: хорошо, что не надо ехать. Может быть, я не привык к мысли скоро, совсем скоро его видеть, пøтому не так радостен, как это нужно бы. Нувель пишет, что вопрос о Сереже решен утвердительно. Письмо от Юши: крайне интересуется мною и моею музыкою, что меня очень утешает теперь, когда даже Нувель кажется мне перестающим ею интересоваться[10]. Чичерины положительно дальше «Времен года» не пошли. Что мне писать после «Предосторожности»? Еще не решил, посетить ли завтра Александра или поехать на 9<-ю> л<инию>, там более незнакомо, и это меня прельщает, но поспею ли я туда съездить до 9<-ти> час., ведь это возьмет около 5<-ти> часов; а Александр мне понадоел. И думать об этом, когда Саша едет! Сегодня был Муравьев и не застал меня, я очень об этом жалею. Вечером были с Варей у Чичериных. Я ужасно расстроенно себя чувствую.

8

Сегодня ко мне пристал какой-то мальчик лет 15<-ти>, спрашивавший, не плясун ли я, за которого он меня принял по надушенной поддевке и, как выразился, «подведенному глазу»[11]. Он сам пляшет в Таврическом саду; мне жаль, что я не спросил его адреса, мне хотелось бы видеть этот быт, эту жизнь des artistes forains*, полумимов, полугимнастов, полупроституток, и мне было лестно, что он меня причислил к категории людей, отвечающих легким чувственным и ненужным потребностям. Видел в Гостином Каткова. После обеда поехал на Бассейную. Александр спал и долго не шел, я даже стал надеяться, что его не добудятся. Рассказывал, как он вчера катался на лодке, пел, купался при женщинах, а какая-то лодка с офицером и дамой ездила за ними следом. Я люблю сводить волосы: вдруг будто колдовством спадает оболочка и тело явится более еще как-то нагое, чем нагота безволосых людей, но Александр мне положительно надоел. К нам пришла Ек<атерина> Ап<оллоновна> и сидела до прихода Нувель. У Ивановых новых

* Ярмарочных лицедеев *(франц.)*

были: Бакст, Бердяева, Городецкий и Сережа. Все были в новых одеждах. Сомов принес мне книги XVIII в. и подарил «Affetti amorosi» 1600 <года>[12]. Я был ужасно польщен и обрадован. Видел книгу, которую давно стремился видеть: «К. Сомов»[13]. К сожалению, там не сказана цена, которую знать мне нужно, чтобы сообразить, когда можно будет приобрести эту книгу, первую à acheter*. Вначале стесняла тайно Бердяева, потом начала стеснять даже совсем и слишком явно, т<ак> ч<то> поднятый вопрос об ее исключении был принят почти единодушно. М<ожет> б<ыть>, я был слишком категоричен, т<ак> ч<то> она могла обидеться. В<ячеслав> Ив<анович> читал свое стихотворение[14], Городецкий импровизировал. Все целовались, я не целовался только с Сомовым и Бердяевыми. Играли на флейтах, пили, было шумно и несколько бестолково, пахло розовым маслом, платья были пестры. У меня все было розовое с белым и бледно-зеленым. Я был увлечен, но не был никем ранен, оттого, м<ожет> б<ыть>, и показался Гипериону[15] мудрым. Утро опять было серое.

9

Встал не рано; писал музыку, читал сомовские книжки. Пришел Муравьев, я к нему почти совершенно охладел, но зато он стал нежнее, чем когда бы то ни было, и не могу сказать, чтобы это было «поцелуи без любви». Я вспомнил об Вяч<еслава> Иванов<ича> экстазе, как необходимом, освещающем <так!> [придат<ке>] составе наслаждения. Я с негодованием это отвергаю в защиту наслаждения как такового, могущего привести и к экстазу, но лучше — легкому, земному, светлому, эфемерному и потому слегка грустному[16]. Поехали вместе, магазин был заперт, я пошел на Верейскую. Молодцы собирались идти ко мне, чтобы потом пройти в Тавр<ический> сад; пили чай; потом поехали втроем на извозчике. Степан все щекотал извозчика, а тот смеялся и погонял жестом, каким игроки козыряют. Было глупо, но весело. У меня пили чай и немного играли в карты, беседовали интимно, как друзья, о Саше, обо мне. Степан советовал мне не совсем бросать Григория. Когда мы проезжали мимо Морозова, Катков без шапки стоял с швейцаром и хохотал. Ушли они рано. Утром я видел на соседнем дворе мальчиков в праздничных пестрых рубашках, с криком бегающих и влезавших на поленницу за закинутым мячиком; у Бориса и Глеба звонили к обедне. Никола[17]. Прежде так определенно, так радостно, так полно особенного наслаждения звучало название праздников, а теперь? И мне жаль этого, потому что во мне живо и то. Когда-то и каким увижу тебя, Саша?

* Для покупки *(франц.)*.

10

Приехал зять; он обещал мне устроить отчасти дело. После завтрака пошел в магазин; Степан говорит, что видел Саш<у> на Невском, что тот приехал вчера вечером, не пьет с Юрьева дня, и не верил, что я того не видал. Я был страшно обижен, и огорчен, и удивлен. Не известить, когда приедут, не дать знать, когда приехали, не зайти, не послать! Или он сердится? Я пошел к нему. Служанка была одета для выхода и сказала, что Ал<ександр> Мих<айлович> сверяет счета. Саша в переднюю не вышел. Он сидел у окна со счетной книгой, в сиреневой рубашке, загорелый, похудевший, с небольшой несбритой бородою, еще более желанный, чем прежде. Он жаловался на головную боль, говорил, что по дому всё неприятности, что больше недели не остались бы, что очень жалеет, что вернулись. Мне казалось, что я пришел не вовремя, ни к чему, что он не рад мне так, как должен был бы, и чувствовал самую глупую мальчишескую и чувствительную влюбленность. Я его, как говорит Бобка, «гладил и пошлепывал», и гладил его волосы, и под сиреневой одной рубашкой чувствовал похудевшее, теперь трезвое тело. Прощаясь, он стоял с папиросой во рту и улыбался, потом вынул ее, потушил не спеша и поцеловал меня. Дома потащили к Инжаковичу, были серые, сырые сумерки с ветром, я ехал, будто в Нижнем, будто не в том городе, где я живу, будто дом, свет, тепло позади. У Ст. Ал. сидел у окна какой-то старик, бывший на каторге, недавно вернувшийся в Россию; они сидели у открытого окна и пили чай по-дружески. Было впечатление чего-то не то провинциального, не то старомодного, очень русского, но не первой симпатичности. Мне было очень скучно, и Саша меня чем-то обидел и огорчил. К Ивановым не попал.

11

Утром получил известие от Нувель, что он меня ждет сегодня вечером[18]; мне казалось, что он мне ничего не говорил в понедельник. Саши не было дома, были его женщины. Я плохо помню, что было; заходил к Казакову, обедал там, потом опять был в магазине. Я не знаю, ехать ли мне с нашими или нет, люблю ли я Сашу, чего мне хочется. Два раза ко мне заходил Степан, я вышел с ним, чтобы ехать к Нувель. Облака на востоке отражали розовую зарю, везде в садах был народ, река была приторно голубая, с розовыми полосами. Нувель не было дома, я стал просматривать «Mercure musical». Там интересно о старой итальянской музыке. Чтение дневника вызвало у В<альтера> Ф<едоровича> замечание, что я пишу менее ярко, чем покуда я не читал, но мне кажется, что это неправда, что такое впечатление оттого, что многое читалось вместе, а не кусочками. Я даже не знаю, почему меня это задело, я

редко бывал в таком разложенном состоянии, как теперь. Был Сомов и Бакст; много спорили о Hafiz'е вчера; говорят, было скучно. Бакст все-таки предлагает некоторую ритуальность и символичность.

12

Утром был у Саши; он играл с чужим ребенком на полу; потом вместе вышли, мне он показался сух и нелюбезен, говорит, что многого не помнит из того, что произошло после Пасхи, что мне не очень сулит. Он согласился зайти в магазин, чтобы спросить адрес знакомого. Было как прежде: Саша стоял в магазине трезвый, смеялся и шутил, были мастера, приказчики, но чего-то недоставало, какой-то червяк глодал мне сердце. Нужно ли давать клятву, правда ли то, что Саша пьяный говорил, или то, о чем он молчит теперь? Я очень расстроен, я ничего не знаю, порою мне кажется, что я не только никого не люблю, но ни в кого и не влюблен. Мне очень тоскливо. Поехал к Юраше Верх<овскому>, он спал, его ребенок болен, и меня приняла Вера Макаровна, белая, пышная, в белом с черным, высоком лентой поясом, капоте. Пришел доктор; я слышал из соседней комнаты разговор о болезни, лекарствах, нежные интонации девушки, будящей ребенка. Под иконами стоял за шкапом самовар; потом ребенка убаюкивали, будто в Кинешме или Городце, и что-то теплое, купечески-скучное, светлое, как детство, меня обняло. В саду Юраша читал свои стихи, очень скучные. У центральных Верховских тоже что-то погасло. Почему возврат Саши не дает мне желанной радости? Поехал, очень грустный, к Ивановым. Они так милы, так сердечны, я их очень люблю, но все время молчал. Жду понедельника, но не так, как прежде. Ехать ли мне? Мне до слез скучно. Отчего это? Бакст со своими проэктами провалился, но он очень милый. Возвращались в темноте.

13

Утром я встал с желанием ехать, потом это желанье стало ослабевать. Зашел к Казакову; тот собирался к мировому в качестве свидетеля по делу Макаровых, и я пошел с ним, там был Мирон и целая куча других свидетелей. Интересного было мало, кроме того очаровательного мануфактурщика, которого я видел и в Апракс<ином>. Теперь я с ним здороваюсь. Я долго на него смотрел и ничего не нашел заслуживающего бы порицания. Впрочем, я говорю только про лицо, фигуры его я не помню. Заходил к Рузанову[19] и за вином. Греческого вина теперь не держат, я видел объявление о бухарском, м<ожет> б<ыть>, оно подойдет. После обеда наши поехали к В<арваре> Павл<овне>, мне не хотелось ни к ней,

ни к Верховским. Я хотел сегодня сходить в бани, только не на Бассейную; помня, как Гриша хвалил мне на 4-й ул<ице> паровые, пошел туда. Номер был очень веселый, чистый, с большим окном, как палуба корабля. Оба номерные (их всего 3-ое, 3-й мол<оденький> мальчик) — огромные, толстые, немолодые, с лицами, напоминающими если не самую Екатерину II, то ее придворных: тонкие черты среди двойных щек и подбородков, страшная белизна, дородность. Ласковые, развратные глаза и крошечные, но густые усы на бритых розовых щеках. Что-то между стареющей куртизанкой и молодым гвардейским ротмистром. Это совсем не мой тип худых (или не толстых) чисто мужских тел. Но Петр (мывший) был гораздо более entreprenant*, напр<имер>, чем тот же Александр, и умеренное похабство не переходило границ фривольности. Но я не люблю тел, в которых я тону, и, конечно, я туда не вернусь. Что-то мне напоминало «1001 ночь», или то, что я сводил волосы, а тот accroupi** смотрел и говорил: «Теперь у вас, как у маленького мальчика, все голенькое» и что-нибудь еще, не знаю. Заехал переодеться. Когда я выходил, пришел Тамамшев, он проехал до угла Невского и Морской; положительно, я не могу его рекомендовать для Hafiz'a. У Верховских были дети и тетя, было семейно-скучно, но вышло очень хорошо. Показывают мне архишикарную карточку какого-то молодого человека: «Нравится он вам?» — «Ничего». — «Хотите к нему поехать гостить?» — «Как? зачем?» Оказывается, по моим «Крыльям» воспылал так ко мне, что не имея в 2 дня, что здесь пробыл, возможности познакомиться со мной, умолял убедить меня приехать в Ярославль. Он музыкант, признает Reger'a, знаком с москов<скими> молодыми художниками, обожает Сомова, любит и имеет старые образа (лампады перед которыми зажигаются не под праздник, а когда гости), имеет лодку и лошадь, зовут его Глазенап и он инженер на Воловятке[20]. Можно прямо телеграфировать: «Встречайте тогда-то — Кузмин — Крылья». Я в восторге от этой авантюры.

14

Был у Саши, мне кажется, что он меня чуждается. Мне страшно грустно, мне бы хотелось всех разогнать и одному плакать. Он говорит, что все забыл, и клятву забыл, и куда мы ездили, и что он говорил, — все, все забыл. Это неправда, но зачем он говорит эту неправду; бороду он сбрил. Пришел Мирон, я ушел в магазин, пил чай, и туда пришел Мирон, потащил меня к Морозову, где я расспрашивал про мануфактурщика: он племянник

* Предприимчив *(франц.)*.

** Сидя на корточках *(франц)*.

умершего хозяина, 19 л<ет>, любовник своей тетки, имеет денег тысяч 15, Петербургской губ., и зовут его Дмитрий Иванович; очевидно, что красота при мудрости не остается без вознаграждения. От Диотимы отказ Гафиза. Из «Весов» просьба прислать музыку одного романса для помещения фототипией. Если это все, что выйдет из наших планов, то это очень печально. Если же помимо, то лестно и шикарно[21]. После обеда пошел к Ек<атерине> Ап<оллоновне>; там томительно и скучно, но это подходило под мое настроение. Любит ли меня Саша? Не хотел ли бы я, чтоб он опять пил? Он что-то таит, но, как это ни чудовищно, меня влечет что-то другое. Что? поездка к Глазенапу? Не знаю. Молодцы все гуляют в Таврическом.

15

Я уговорился с Сашей утром встретиться в магазине, но когда я приехал туда около 11-ти, Саши уже не было. К нему я не зашел; от Нувель записка, что он с Сомовым будут у меня сегодня, я был ужасно осчастливлен этим. Поехал за вином, по дороге зашел к Чичериным; они не верят, что я уеду в среду. После обеда пошли все-таки к Ек<атерине> Ап<оллоновне>, там было вдвое скучнее вчерашнего. Приехали Сомов и Нувель, об «Весах» советуют отказать; то неожиданное, что он <*Нувель*> обещал мне в дневнике и что откладывал читать, было его посещение Александра. И думать, что я могу поднять из-за этого историю! Меня всего больше интересовало, остался <ли> он доволен. Искусством и телом — да, лицо не понравилось, и нашел подавляющий grandezza* и аристократизм. Думает, что был хорош лет 5 тому назад; говорили и обо мне. Значит, ревности в сообладании я не имею. Сомов опять пел «Conso-lati», эта ария положительно мне кажется роковою, чем-то пророческим. Читали 2 сказки из «1001 ночи», досидели до света. Я только боялся, что Нувель найдет Александра никуда не годным, — вот и все. Завтра хотим к Ивановым.

16

У Саши не был; в Троицу приказчики собираются в Сестрорецк и звали меня с собой. Сережа в восторге, получив ответ из «Руна», куда посылал своего «Колдуна»[22]. Это, конечно, отлично, что первый шаг именно здесь. Нувель предложил и ему идти навестить Вяч<еслава> Ив<ановича>. Там уже был Сомов. Диотима сейчас же попросила Сережу сходить за хлебом; было очень уютно и почему-то весело. Вяч<еслав> Ив<анович> был в духе, и даже приход Чеботаревской, при которой так проговаривались, что при-

* Величие *(итал.)*.

шлось почти посвятить ее*, не помешал почти. Сережа читал свой рассказ и стихи. Нашли, что он моей школы и что это симптом моей старости. Много разговоров вызвал рассказ Лид<ии> Дм<итриевны> «33 урода»[23], полнейшего романтизма и написанный по-дамски. Мечты Вяч<еслава> Ив<ановича> об лейке и <Зулейке?>, рассказы об голубом колпаке <s-ы?>** Кьяры «под двойной лазурью», ползанье Чеботаревской теперь уж не по Аничкову, а по Иванову, все казалось очень милым. Я стал делать смесь из вина, сначала белое с Мюскатом, красное с Мадерой, в обе подливал Peach Brandy, потом выжимал апельсина и даже подбавлял Кюммель, вообще что-то невообразимое. Сомов стал пьянеть, но был еще мил, перешли на французский, потом на итальянский, потом на английский. Чеботаревскую носили на руках и клали на колени. Под флейты я с Нувелем плясали, потом я один, все целовались. Мне стало вдруг скучно, что я никого здесь не люблю (так, особенно не влюблен), и, главное, меня никто не любит, и что я какой-то лишний соглядатай. Я вышел в комнату с зеркалом и прислонился к стене с флейтой в руках, в красной бархатной рубашке. «Toujours des poses maniérées»***, — сказал вошедший Петроний[24] и опять стал говорить, что я влюблен в Сомова и т. д. A force d'en parler****, я кончу тем, что влюблюсь в него. Я заметил, что это невозможно. «С Сомовым? гораздо возможнее, чем ты думаешь. Я могу это очень легко устроить. Ты не дождешься, чтобы Аладин[25] сам что-нибудь предпринял». Я был несколько froissé*****. «Ты хвастаешь, зная, что я этого не захочу». Чеботаревскую предлагали для Гафиза, который будет в понедельник. Сомов свободен, помимо Гафиза, только на будущей неделе. Когда же я уеду к Глазенапу?

17

Наши бесконечно собирались: не считая ребят, 12 мест ручного багажа. Представили мне будущего нашего сожителя: какой-то бомбовщик. Я проводил наших до вокзала: конечно, все время прошло в том, что одна часть искала другую, потом квитанции и т. д., в окно вагона пихали еще других плачущих грудных детей, кульки с провизией, корзины и чайники. Прощались, целовались, мужчины из чашки пили водку, закусывали по очереди от одной булки и угощали кондуктора. Я пошел к Саше, жены его не было дома, прислуги тоже, он один сидел и читал, а за стеной Тать-

---

* Слово «ее» вписано карандашом

** Возможно, s<orell`>ы, т е. сестры *(итал)*

*** «Всегда манерные позы» *(франц)*

**** В силу этих слов *(франц)*

***** Уязвлен *(франц)*

яна на всю квартиру распевала трогательную песню. Они переезжают в пятницу; Саша был мягче и как-то милостивее, чем перед этим, и мне не казалось, что я его стесняю и т. п. Но сидел я недолго. На прощанье мы поцеловались. Иванов как-то говорил, что мои поцелуи furtifs et discrets*, м<ожет> б<ыть>, это правда, даже когда я целуюсь с любимыми мною. Зашел в магазин, там пил чай, было несколько скучновато, но не оттого, что мы остались одни. Дома узнал, что меня вызывали по телефону, Верховский, 2 раза, я подумал, что что-нибудь важное, и предложил Сереже поехать. Зашли к Иван<ову> отдать записку о Сереж<иных> экзаменах, но швейцара не было, и мы не знали, есть ли у них прием. Долго, долго ехали на Остров, на извозчике я опять читал Гафизовские Вяч<еслава> Ив<ановича>[26]. У Верховских не действует звонок, и пришлось идти через сад; у большого неубранного стола уныло сидели только женщины. Юраша, оказывается, хотел со мной ехать к Ивановым. Смотрели открытки, тихо и сонно беседовали, там что-то умерло. Каратыгина звала меня в субботу, она, может быть, злая, но интереснее других Верхов<ских> жен. Вернулись через черный ход, дворник спал пьяный, и вместо него его товарищ не мог отпереть калитку не тем ключом, пришлось разбудить Алексея, и он, еле стоя, прислонившись сквозь широкую решетку ворот почти ко мне, стоявшему очень близко, впустил нас, поздоровавшись. Я не знаю, почему я это помню: и темную лестницу, где верхнее окно, в которое видны не противоположные стены, а небо, вдруг казалось странно синим. Писарь, не предупрежденный, закричал с постели: «Кто там?» Мы поели и легли спать.

18

Я жалею, что пишу сегодня о вчера, т. к. та адская тоска и скука, что охватили меня сегодня, могут отразиться и на моем описании вчерашнего, когда я еще далеко не был так в отчаянии. Письмо от Нувель, от Гриши[27], от Юши[28], от наших. Гриша просит прийти завтра в 8 час. к Морозову, пишет нежно и скромно, как всегда после ссоры или моей холодности. Нувель пишет на мое предложение пригласить Каратыгина, что если я стою за combination à trois**, лучше уж позвать Гришу; какие глупости![29] Заезжал к Чичериным. Опять меня принимают за песельника. Гармонист предлагал свои услуги, я запомнил его адрес (Лештуков, 8, 31, <Веденин?>), но он неинтересен. Поехали с Сережей обедать в Мариинскую гостиницу вдвоем, т. к. Тамамшев не пришел. Оттуда я зашел в магазин; вернувшись, пошли с Сережей гулять перед чаем, и как-то случай-

* Делаются украдкой и скромны *(франц.)*

** Комбинацию втроем *(франц.)*

но дворники, швейцары, извозчики, какие-то хулиганы со мною кланялись, по Сергиевской у каждого подъезда сидел клуб челяди, и никто не пропустил меня без замечания. Меня это полусердило, полузанимало; в Таврический сад шла публика, два-три приятных лица. Какая скука будет в Василе без возможностей легкой, доступной, ни к чему не обязывающей любви! Я почему-то не могу представить себя влюбленным (или, вернее, в связи) с человеком общества, особенно со знакомым. Влюбиться можно только с первого раза, а не постепенно, и совмещать знакомство и влюбленность можно только познакомившись почти уже влюбленным. Я очень кисел, т. к. денег у меня почти только на дорогу, и то придется откладывать до середины июня. Жить одному в квартире, я, пожалуй, не вынесу этой морки. Днем я видел, шли массой преображенцы с 4<-мя> музык<антами>, играющими разное, временами сливаясь, масса молодых, высоких, издали красивых и ловких людей, сзади кантонисты нестройным стадом, смеясь с толстым ундером. Я стоял, любуясь, как какой-то чистенький старичок с корзиной, проталкиваясь, сказал: «У, убийцы несчастные». — «Как вы смеете так говорить!» — закричал я на него, и, если бы он не прошел, я бы ударил его. Окружающие молча и неодобрительно на меня посмотрели. Я так не сердился года два.

19

Весь день была такая отчаянная тоска, что прямо думал уехать, взяв билет на вокзале. Просто хоть бросайся из окна. Над прачешной уж несколько дней сидит парень в зеленой рубашке, целыми днями то читает, водя пальцем по засаленной книге, то смотрит в окно, пока вечером не придут другие, вероятно угловые, жильцы и не станут обедать. Ему, вероятно, также очень скучно. Если бы я не ждал Нувель, я бы пошел гулять в Таврич<еский> сад. Впрочем, идет дождик. Нувель пришел совершенно неожиданно с Сомовым. Я был тем более рад, что это было нежданно. Время провели по как будто установившейся программе, мне было очень приятно, но я боюсь, что именно однообразие времяпрепровождения у меня наскучит моим гостям. Сомов привез мне несколько мемуаров XVIII в., я думаю прикупить для топографии Бедекер по Парижу и книжку о том ремесле, которое я дам герою. Я могу летом писать. Но я люблю так сидеть и divaguer*, и говорить все, что думаешь, без стеснения, и слушать беседы о любви, еще более интимные, чем на Гафизе. Только бы я не надоел моим друзьям.

* Болтать *(франц)*. В дальнейшем Кузмин нередко употребляет русскую кальку «дивагировать».

20

Мне переслали телеграмму Глазенапа: «Очень рады, ждем Кузмина. Глаз<енап>». Меня смущает множественное число. Денег мне все равно не хватит даже на дорогу сейчас, так что нечего экономить. Заехавши за разными покупками, я поехал, как обещал, к Каратыгиным. Я хотел опять пойти по дороге в бани, но не к Александру, а куда-нибудь далеко, где никогда не был, никто меня не знает, грязновато. Я решил на 5<-ю> л<инию>, там маленькие и не так чисто, как на 9<-й> л<инии>. Я люблю путь в незнакомые бани, когда не знаешь, кого получишь, какое у него лицо, глаза, тело, как он держится, говорит. Какая-то сладкая ломота во всем теле, и если денег мало и их нужно на что-нибудь, то прибавляется еще какая-то приятная безрассудность, какой-то abandon*. Это нельзя назвать авантюрой, и я хотел бы прогулок и быть вдвоем долго, до faire la chose** (как с Гришей), а еще бы лучше и вместе музыка, и чтения, и беседы, если б это было связано с чувственным возбуждением, если б это было и чувствительно, и легко, и эротично, и без стыда, и без мысли, надолго ли это или нет, это было бы лучше всего. Меня предложил вымыть сам впускавший, хотя была и не его очередь. Он очень приятный лицом, и свежий, и красивее Александра, но лицо того (может быть, когда-то, м<ожет> б<ыть>, улучшенное) на меня действует неотразимо. Притом Степан не строен и не высок ростом. Но он румяный, равно как и его 18-л<етний> брат Петр там же (выше и толще); сам он завтра едет в деревню отбывать повинность. К Каратыгиным пришли рано и пошли к центр<альным> Верх<овским> и к Юраше. Тот в темной комнате собирался спать; показывал мне письмо от Брюсова, уклончивое и не внушающее доверия, всего ценнее там подробное указание на гонорар: за лист стихов 80 р., за лист прозы 75. Но ведь авансу нельзя попросить. Мы дожидались жены Юраши на дворе, еще было светло, но луна, уже желтая, была над садом сквозь ветки; бегали кошки, и Вера Макаровна гуляла со старшим Кузнецов<ым>, он похудел, но стал еще лучше; если б он был ближе знаком и менее политик, то мог бы быть очаровательным Schenke. Глазенап, кроме телеграммы, прислал письмо с ликованием по поводу моего приезда. У Карат<ыгиных> были Ландау, Соколова и свои. Ландау ужасная дура, более, чем полагается, и она принесла 8-ю (увы, уже 8-ю) симфонию Глазунова — собственноручную рукопись; в конце написано: «Кончено 17 октября, в день дарования свободы Р<усскому> Народу, вернее, завоевания ее мирным путем». Ах, какой осел! Но я не слушал, разговаривая в другой комнате с Дюклу и с Каратыги-

* Отрешенность, освобожденность от запретов *(франц.)*

** Того, чтобы заниматься делом *(франц.)*

ной. Она говорит, что единственно, с кем бы хотела познакомиться, — это с Сомовым. Сплетничали слегка о знакомых, о Нувель, между прочим. Возвращаться было чудно: совсем ясная заря и луна, отражавшаяся почти красным столбом в воде; приятно так далеко, далеко ехать. Алексей опять валился на меня и болтал какой-то вздор: «Хоть убейте, хоть за ноги унесите, не могу ключа найти». Я долго не мог отпереть дверь и сломал ключ. Тогда я решил влезть через окно на лестнице в кухонное, это всего с пол-аршина, но крыши под ними нет. Попрошу денег у тети хоть на дорогу, а то прямо скандал.

21

Так как приказчики хотели зайти ко мне в 11 часов, то я никуда не пошел, а они пришли в 5 часов. Беседовал с моим custode*; он учится рисовать у Дмитриева-Кавказского, но, судя по альбому, мне не кажется, что он талантлив. Писал дневник, вступление к «Оп<асной> пред<осторожности>», смотрел в окна. Потом пришли Степан, Кудряшев и Козлов, пили чай, играли в карты. Мне очень хотелось погулять и даже именно пойти в Таврический, но шел дождь и засиделись, т<ак> что пошел в сад только Василий, у которого там было назначено свидание, мы же втроем поехали к Морозову. Разъяснило, и луна, розовая, светила легко, очаровательно на мокрые камни как-то приятно сырой улицы. Пахло листьями откуда-то; было скучно ехать в душный трактир, пить, сидеть, но все же лучше, чем оставаться дома убирать посуду. Первым мы встретили Каткова; кудрявый, беленький, еще белее от белой русской вышитой рубашки, он сидел с какими-то женщинами. Подсаживался и к нам. Степан ушел, т. к. у него болела голова, Козлов тоже скрылся, и мы с приехавшим из сада Василием сидели вдвоем; я ему жаловался, что все ушли, что он ничего для меня не делает, в сад не взял, Каткова не приводит, с хулиганами не знакомит. Он рыцарски твердил: «Доверьтесь, я все сделаю, я знаю, что вам нужно». И для начала пошел искать Каткова, но не нашел, а вместо того чуть не подрался с соседями. Вчера, когда мы шли от Каратыгиных с Юрашей, я упрекал его, что он не предприимчив, не fantaisiste**, что он, напр<имер>, не согласится сейчас идти пешком на Острова, <смотреть, как> взойдет солнце, сидеть на траве, как сомовские «поэты»[30], и читать стихи, не поедет на лодке, не пойдет в трактир. Он таращил глаза и говорил, что он согласен идти в «Зол<отой> якорь», только он ни вина, ни чая не пьет. Конечно, я не пошел. Ах! влюбленный, я был бы изобретателен и неистощим на причуды, и долго не было бы скучно со мной, если

* Настоятелем *(франц.)*

** Мечтатель, фантазер *(франц.)*

бы я захотел! У Саши не был и скучаю об этом, но чуть ли не ex officio. Я расплываюсь.

22

Встал не рано, голова несколько кружилась, и не хотелось есть. Утром приходил Степан от Казакова с просьбою дать денег, которых у меня у самого нет. Потом что-то разбирал дома, спал, пил чай, смотрел в окна на улицу и во двор, где в противоположной квартире Алексей что-то поправлял; он красивый, Алексей. Приехал Сережа, я стал одеваться, как приехал Нувель, он не стал нас дожидаться, т. к. ехал с вещами. Мы тоже поехали; Антон сказал: «Куда-то шампанское повезли» на мой завернутый вермут. Приехали рано, Вяч<еслав> Ив<анович> был еще не одет и будто не в духе. Очень долго ждали Сомова, тревожась, т. к. долгое его отсутствие могло показывать плохое состояние его матери. Но он пришел. Городецкий приехал, когда Гафиз уже начался. Сегодня были отличны в своих костюмах Бакст и Нувель, эффектен Соломон, жесток Аладин, и вообще каждый раз костюмы — новый пир для глаз. Сначала прочитали стихи, потом принялись за мудрость, но дело подвигалось довольно сонно. И я не помню, как уж все стали приходить в гафизское настроение, но я с Корсаром плясали, Ассаргадон лежал распростертый, покрыв лицо голубым газом, и говорил, что он ничего не понимает. Диотима, против обыкновения, путешествовала по всем тюфякам. Городецкий из своего хитона устраивал палатки и смотрел сверху, покровительственно улыбаясь, как благосклонное божество, на обнявшихся внизу. Почему-то под палатку всё попадали Диотима, Апеллес, Аладин и я; потом я лежал, рядом был Петроний, сверху целовал Апеллес, поперек ног возлежал Гиперион и еще где-то (справа, на мне же) Диотима и Аладин. Когда поднимаешь голову вверх, <веселое?> лицо Городецкого, как высокий Ярило на палке[31]. По очереди завязывали глаза и целовали, и тот отгадывал, и были разные поцелуи: сухие и нежные, влажные и кусающие, и furtifs*. Вяч<еслав> Ив<анович> будет писать роман в прозе «Северный Гафиз»[32]. Когда он сказал, что осенью может выйти «Сев<ерный> Г<афиз>», я подумал, что это альманах. Это страшно интересно, неинтересно только, что они, и Сомов, и на время Нувель, собираются в Рим. И хотелось бы быть с ними, и трудно будет без них, ах, как это печально. Впрочем: «как сладок весны приход после долгой зимы, после разлуки — свиданье»[33]. 1-я фраза романа: «Принимая слабительное по средам, m-me de Tombelle в эти дни выходила только вечером, и потому я очень удивился, когда, проходя в 2 ч. после обеда мимо ее дома, увидел ее не только в саду, но уже и в туалете»[34].

* Тайные, сделанные украдкой *(франц.)*

23

Утром был разбужен молочником. Я одел верхнее платье на голое тело и принял через окно молоко. Приятно быть разбуженным мальчиком, и, если бы я имел прислугу, завел бы мужскую, молодую и приятную на вид, или старых нянек. Ездили с Сережей в Мариинскую обедать, там ремонт зала, где мы всегда обедаем, и пришлось сидеть в проходе, где бегают в кухню, и было revue* всех слуг. Дома переписывал «Ал<ександрийские> п<есни»>. Пришел Иванов, он мне казался обиженным на что-то и слишком классичным. Советовал мне ехать в Москву, познакомиться с Поляковым, что я как член «С<оюза> Р<усского> н<арода>», он — читатель «Московских ведомостей», декаденты и утончен<ники>, можем сойтись. Говорил, что я inaccessible, supérieur**, спокоен, презрителен, — я ушам своим не верил. «Откуда мне сие?»[35] И все, как я уйду, интриговал Сережу, или о том, как трудно быть молодому поэту при давлении, или делал курбеты насчет социал-демократии. М<ожет> б<ыть>, это мне все так показалось, но Гиперион какой-то другой, будто подмененный. После поехал к Анджиковичу; какие дивные дома на Каменноостровском, еще раз это скажу. У него был ученик и должен был сидеть еще часа полтора. Я дожидаться не хотел и пошел домой пешком. Деньги он просил до пятницы, но хорошо, что согласился. Проходил мимо бань на Гагаринской, они имеют заключенный и восточный вид. Дома никого не было, темно, что-то скрипит, шуршат тараканы в кухне, от свечки, с которой я ходил, разбегаются тени. Я покопался на кухне с самоваром, потом приготовил стол, зажег 2 свечки и пил чай, читая «Comedies d'Ancourt»[36], вымытый, за чистым и при свечах красивым столом. Ах, очарование свечей. В моей комнате луна бросала большой розовый квадрат на стену, я почему<-то> подумал: «друг одиноких луна». Пришел Сережа, потом custode, наверно, рано лягут спать, мне же совсем не хочется, на дворе кто-то поет, тепло, окно отворено, голоса под воротами гулко отдаются, уехать бы скорее, м<ожет> б<ыть>, в субботу смогу. Вяч<еслав> Ив<анович> посадил мне какую-то занозу в сердце тем, что, по-видимому, менее меня любит. Хвалил мои танцы. В Рим не раньше декабря[37].

24

Почему-то очень скучаю. М<ожет> б<ыть>, оттого, что нет авантюры такой, как я ее представляю. Что-то ничего особенного днем, был в магазине. Кудряшев говорит, что с хулиганами познакомит хоть сегодня, а в воскресенье пойдем в Таврический,

* Обозрение *(франц.)*.

** Неприступный, высший *(франц.)*.

там можете получить кого угодно, хоть песенника, хоть плясуна, хоть так просто, постороннего молодого чел<овека>. Я утаил, что могу уехать в субботу. Перед Ивановыми мы с Сережей погуляли по Таврическому. Теперь ясность погоды установилась, только холодновато. У Ивановых еще никого не было, даже сам Вяч<е слав> Ив<анович> был в «Адской почте». Мы читали в ожидании «Στεφανος»[38], которого я целиком не читал; там есть чудные вещи, но мне несколько мешает слишком большое пушкинианство и парнасство. Были все гафисты, m-me Бердяева, Ремизовы, Леман и Маделунг с какой-то датчанкой, говорящей только по-английски. Нувель говорит, что влюблен в Вячеслава, на выраженное мною полное недоумение сказал, что это только совпадение, Вячеслав — фельдшер какого-то полка, с которым он познакомился в Таврическом. Фельдшер, любящий Шпильгагена, и с которым можно иметь любовь, познакомившись в саду, и которого зовут Вячеслав, — это бесподобно. Я поздравил Вальтера Ф<едоровича> и немножко, м<ожет> б<ыть>, ему завидовал. Со мной был почему-то очень любезен Ремизов, сказавший, что то, что он слышал обо мне, об иконах и т. д. моих вещах, ужасно ему близко и радует его[39]. Датчанка играла на одной скрипке то, что предполагает сопровождение, и, на замечание Вяч<еслава> Ив<ановича>, что у нее хорошо выходит piano, заметила, что играет только на скрипке, а не на фортепиано, чем очень огорчила Гипериона. Потом поставили вопрос о поле. Бердяев председательствовал, лежа на полу между свечей, со звонком, привязанным к ноге, и потом отлично говорил. С тем, что говорил Вяч<еслав> Ив<анович>, я не был согласен ни с чем[40]. Ремизов ехидно и коварно шутовался, все говорили враз и потом долго отдельными группами с жаром и интересом. Датчанка смотрела, будто готовая сойти с ума. Говорил и Городецкий, постепенно как-то по-новому освещающийся для меня. Потом остались одни гафисты и долго еще беседовали о поцелуе, было очень много словесности и мережковщины, и я был очень рад, когда Сомов сказал, что скорее всего согласен с моим мнением, которое было найдено циничным[41]. В пятницу придут Нувель и Сомов, завтра хотела зайти Диотима, в понедельник Гафиз, во вторник предполагает позвать Бакст; так никогда не уедешь, а на что же я буду жить? Возвращались ясным солнечным утром, почти днем; я проводил Сом<ова> и Нув<еля> до извозчика, Бакста — до дому и, вернувшись, влез в окно. Сомов дал мне томик Crebillon fils[42], роман будет называться «Приключения Эмэ Лебеф» (Aimé Leboeuf).

25

Почему-то не помню утра. Сережа уехал в Удельную. Вернувшись, привез бумагу из Вологды, длинную и путаную, плохо

понятную, которую тетя, наверное, еще запутает. Пришли Ивановы. Л<идия> Дм<итриевна> в белой широкой шляпе, в светлом платье с перевязанным накрест желтым шарфом казалась моложавее. Меня смущало, что все говорили обо мне, играли меня и вообще я эманацьировался в разных видах. «Ал<ександрийские> п<есни>» Диотиме очень понр<авились>[43]. Но меня сердит, что все так восстают против моего желания посвятить их Феофилактову. Мы пошли их проводить, я рассказал, как звал Верховского ночью на Острова, и, кажется, заразил этим Л<идию> Д<митриевну>, она предложила прогуляться до Невы и хотела на Острова, и на тони, и в Таврич<еский> сад, и борьбу атлетов. Она была очень мила, но Вяч<еслав> Ив<анович> что-то грустный и кисловат. На Неве были баржа с навесом, пристань с лодками и солдатом, из-за деревьев за забором была какая-то провинциальная, добродетельная луна, вроде m-me Ремизовой, и это гулянье и Л<идия> Дм<итриевна> напомнили почему-то губернское общество, барышень, губернаторских дочек, офицеров, и это было не неприятно. Говорили, что я заражаю Сомова и что я нигилист, но это неправда, и то и другое, хотя м<ожет> казаться и лестным.

26

Провожал Сережу, на вокзале он сразу показался таким маленьким, жалким мальчиком, что у меня явилось чувство старой няньки, готовой все сделать, любя и ворча. Ходил к Инжаковичу в правление. Я давно не был в тех краях, около Исакия, Морской, а я их очень люблю и как местность, и как воспоминания. Зашел в магазин, там была Наталья Аф<анасьевна> и пила чай в освещенной солнцем комнате, она сегодня едет во Псков; я поступаю так, будто мне не ехать надо, а прожить деньги. Вечером ждал Сомова с Нувель, у custode был в гостях брат Лихарева, студент с тяжелым лицом блондина, чувственного, но еще бесформенного. Сомов привез мне книгу «Сомов» и написал: «дорогому другу». Я был ужасно благодарен, но благодарил, кажется, сухо, какая-то стыдливость меня удерживала. Играли мои вещи. «1001 nuit»[44] больше понравилась К<онстантину> А<ндреевичу>, чем «Ал<ександрийские> п<есни>», м<ожет> б<ыть>, потому, что он очень наслаждается стихами вторых и музыка его не удовлетворяет, а, скорее, мешает. Прежде же он в моей музыке не видал никакой музыки. Читали дневники, дневник Нувель о Вячеславе и других похождениях — прелестен. Когда-нибудь это будет чтение вроде «Фоблаза»[45]. Нувель предлагал для сокращения скуки и расходов переселиться на время к нему. Это слишком необыкновенно и едва ли серьезно с его стороны. Потом может раскаяться, и вообще лучше, если останется достаточно денег уехать в среду. Сидели недолго; на проща-

нье Нувель поцеловался со мною, я очень хотел поцеловаться и с Сомовым, ведь я же его «дорогой друг», но отчего-то воздержался.

27

Заезжал к Чичериным, потом к центральным Верховским. Было солнечно и очень ветрено, ехать приходилось в облаке пыли. Нева бурливо синела, и пароходы, дома на том берегу казались преувеличенно пестрыми. У Верховских удивились, что я еще не уехал, советовали написать Глазенапу, чтобы тот не остыл; всего живее был Дюклу и пришедшая Каратыгина, а в общем, там что-то погасло. Зашел к Юраше; у Макаровны только что уехал о. Иоанн, благословивший Николая разводиться с женой; я застал только расходящихся женщин. Ал<ександра> Павл<овна> стала нас угощать мороженым, вином, чаем, веселая и делающая привлекательными разные мелочи и пустяки. Юраша жаловался, что ему опротивело самому быть таким стариком, не пить, не авантюрничать и т. д. У него было очень бледное, опухшее и помятое лицо и нехорошие блуждающие глаза, я думаю, что у него или недавно был, или скоро будет припадок. Вчера он был весь вечер, и обед, и часть дня у Ивановых. Вечером, часу в 10-м, заходил ко мне, но швейцар догадался сказать, что меня нет дома. От них я поехал к Ивановым. Я несколько опоздал, но и Л<идия> Дм<итриевна> тоже запоздала с обедом. Вяч<еслав> Ив<анович> обижен, ненавидит всех, говорит, что я меняюсь, прихожу к номинализму и трюизмам и все-таки это не реализм (не все ли мне равно, реализм или нет то, что я делаю?), ревнует меня к Сомову, спрашивал, кого я больше люблю, его или Сомова, его или Диотиму, Сомова или Нувель. Мне нужно было всю уклончивость прямых и формальных ответов, чтобы установить эту лестницу любви. Опять без конца говорили о Феофилактове; после обеда мне хотелось спать, Вяч<еслав> Ив<анович> рассказывал мне подробно и частью читал «Прометея»[46], но сон мой не проходил. Вяч<еслав> Ив<анович> поехал в «Ад<скую> почту», а я с Л<идией> Дм<итриевной> отправились в Таврический. Если на нас каждого в отдельности обращают внимание, то тут люди чуть не свертывали голов, смотря на нас. Я не очень смотрел публику, будучи с Л<идией> Дм<итриевной>, но представление было не из важных, не было ни плясунов, ни песенников; балалайки звучат как крылья сотней стрекоз, опьяненных круженьем. Мы много говорили о всякой всячине, она начала было рассказывать о планах Сомова на будущие картины, но не сумела передать, и мне было жалко, что он мне не говорит ничего подобного, не покажет своей мастерской и т. д. Мы пили чай и ели пирожки, раздирая их руками, я рассказывал о хулиганах, о приказчиках и монахах. Л<идия> Дм<итриевна>, кажется, готова была пуститься в эскапады по

окраинам, будто зараженная мною. А может быть, она и сама такая. И иметь в таких прогулках товарищем женщину, хотя бы и Диотиму, благодарю покорно. Спрашивала, не возможен ли ей мой дневник. Я имел неосторожность прочитать у себя Вяч<еславу> Ив<ановичу> те места дневн<ика>, что про Гафиза, и он уязвился, что я не увлечен, говорю холодно, с насмешкой. По полосатому, розовому с желтым, небу неслись лиловые облачка, а дальше было зелено, и из театра, где шел «Риголетто»[47], были слышны крики Джильды, запихиваемой в мешок; солдаты выходили, прямо подымая парусинные стены театра. Под марш мы быстро вышли нога в ногу на улицу без фонарей и пришли домой, когда Вяч<еслав> Ив<анович>, уже вернувшись, читал «1001 nuit». «Адск<ая> почта» не привела его в лучшее настроение, и, почитав немного «Le miroir des Vierges»[48], я ушел, напутствуемый заявлением Иванова, что он не ненавидит только Городецкого, Бакста и Бердяева.

28

Днем сидел дома. Под вечер хотел сходить к Екат<ерине> Апол<лоновне> и потом в сад, но пришли Степан и Кудряшев выпивши. Поигравши в карты, пошли в Таврический. Кудряшев захотел нарумяниться, я его убеждал, что румяниться надо так, чтоб было видно, что это румяны, а не румянец, т. е. на тех местах, где редко бывает румянец: красиво — кончики ушей, ноздри и около глаз, но он не убеждался. В саду было не очень весело, т. к. шел все время дождь и начистоту им не было еще известно, чего мне нужно. Лучше всего было кричать, чтобы стоящие напереди закрыли зонтики, и хлопать по этим ненавистно торчащим, неизвестно кому принадлежащим зонтам палками. Мои спутники дразнили приставов, приставали к девицам, дергая их за косу или лезя под их зонтики, подставляли ножки, дождик лил все время. Представляли то же, что и вчера, плясунов не было. Был какой-то тип в котелке, который не прочь бы был завести знакомство, но он мне не нравился, и я вообще был не в расположении. Козлова и Мирона не было. Наконец Кудряшев ушел с знакомой прачкой. Побродив под дождем, мы со Степаном поехали к Морозову по совершенно темным, грязным и мокрым улицам. Мне хотелось просто есть в тепле и свете. Почему-то открылся Степану, что у меня было с Гришей, чего я ждал от Броскина и каких минутных встреч искал сегодня; он сказал, что давно это думал. С нами сел Катков, вскоре пришедший, и никуда не сбегал. Он привел к нам по моей просьбе Адольфа Ланге, наборщика из «XX века», он очень красивый, похожий слегка на Сережу, отчасти на Менжинского, только гораздо лучше. Ему руку вчера прокололи шилом в драке, и они с Катковым только что, просидев 2 часа «в засаде», кого<-то> отколотили. Катков

говорил: «Каких Вам еще хулиганов, когда вся Ивановская в наших руках». Степан подтвердил это. Я гладил Адольфа (он из Кенигсберга), я думаю, он еврей. Катков ему обо мне рассказывал; подходила к нам Наталья Рубцова в шляпке, опять ерошила волосы Каткова и говорила: «Сметанная голова, теперь он лет 10 в бане не был, а то как сметана». Женщина на соседнем столе кричала нам что-то непозволительное. Мы угощали слугу, и он пил тут же, стоя. Адольф, тихонький и бледный, в красной рубашке, поднялся и, подойдя к соседнему столу, молча ударил женщину, та с громким визгом заплакала. Ланге вернулся и сел, сказав: «А зачем она кричит про вас такие вещи?..» — «А какие?» — «А, вы не слышали, ну и отлично». И говорил он это по-немецки. Кавалеры побитой хотели скандалить, но их всех вывел наш слуга. Под конец Ланге ушел, Катков хотел его бить, зачем тот ушел, и за себя, и за меня, два раза, и ушел, пошатываясь, в зеленой, вроде студенческой, фуражке, и провожал меня Степан. Сомов и Нувель не были в саду.

29

Вчера зарезали Каткова. Когда мы расстались, рабочие с завода Петрова, человек 15, подошли к Морозову и завязали драку с лакеями, за тех вступились хулиганы, бросали каменья, торцы[49], и Каткова с рассеченным ножом виском увезли замертво в больницу. Если бы он поехал со мной, не попался бы, а оставшись там, мы могли бы и всё видеть и подвергнуться опасности. Я представляю себе драку, крики, все разбежались в полутемном сером утре, и остался лежать в крови белый кудрявый мальчик, которого я только что гладил. Никогда мне его не увидеть больше. Утром приехал зять, рассказывал, расспрашивал, о деньгах не говорили. Условились съехаться в Удельной, но я, переписывая бумагу, все засыпал, так что было поздно уж ехать, и я пошел в магазин, где мне сказали, что Каткова зарезали. Мастера были выпивши и пели «Господи воззвах», Василий рассказывал свои похождения со вчерашней дамой из Таврического, а я все думал о «сметанной голове» Сеньки Каткова. Так он кончил свой век. И мне было умиротворяюще и тихое пение из мастерской, и полушепотом, со смехом и захлебываньем фриволь<ный> рассказ Кудряшева о Капочке, и отблеск какого-то солнца на стене. Пришел Броскин, трезвый, пожелтевший, загорелый, в сиреневой рубашке. Все как прежде — и глаза, и рот, и разговор, и я по-прежнему (почти по-прежнему) взирал на него. Вышли вместе под руку, о прошлом ни слова, будто все начинается сначала. На Гафизе не было Сомова, у которого умерла мать, и Бердяевых. Лидия Юдиф<овна> очень стремится опять в Гафиз и только боится Кузмина и хочет писать челобитную в стихах, где

Кузмин рифм<уется> с «жасмин», «властелин» и т. д. Городецкий читал прекрасные, прекрасные стихи:

Сердце мукой не томи,
Эль-Руми, Эль-Руми и т. д.

И еще:

В тесной палатке священный квадрат,
Мудрой Диотимы чающий взгляд,
Черная бездна очей Антиноя,
Глаз Апеллеса — коварностей сад,
Взор Аладина — молчанье цветное...*[50]

Что-то не клеилось, все были грустны, Вяч<еслав> Ив<анович> обижался на меня, Диотима тоже. И вот мне так ясно вспомнился зарезанный (какой ужас, именно зарезанный) кудрявый мальчик, только же ласкаемый мною, что я, отвернувшись, заплакал. Эль-Руми и добрая Диотима стали меня утешать, и Л<идия> Дм<итриевна>, целуя мои глаза и руки, говорила: «Милый мой, милый мой». Я вышел проплакаться за дверь, а потом Городецкий предложил вина и, притворясь спящим, заставлял себя будить поцелуями, я стал щекотать ему пятки, он встал, и я очутился около него, я не помню, отчего он меня обнял, и я его гладил и целовал его пальцы, и он мою руку и в губы, нежно и бегло, как я всего больше люблю, и он сам все прижимал меня и не давал отстраняться, и хвалил ласку моих бровей. И Эль-Руми, сидя против нас, пел нам хвалы, и Диотима и Корсар были тут же, и было что-то легкое и божественное, печальное и крылатое, и был новый лик Гафиза. На обратном пути я долго провожал Нувель, он серьезно мне предлагает переехать к нему, рассказывал о Вячеславе, говорил, что чувст<вует> ко мне дружбу. Мне казалось, что я иду с Юшей Чичериным. Лучшее, что я мог придумать в смысле друга, только без его моралистик. Завтра пойду на панихиду к Сомову[51], а вечером к Баксту.

30

Поехали к тете; она все больше и больше напоминает маму и дорога мне. Она была очень мила, звала переехать, обнадеживала в деле, спрашивала, не нужно ли денег. Кудрявцевы тоже старались быть сердечными. Заехал в больницу. Катков жив и, вероятно, останется живым. На панихиды не попал. Вечером был у Бакста. Городецкого не было. Вяч<еслав> Ив<анович> был у меня и очень беспокоится за мою участь. У Бакста очень хорошо, но сам я был несколько кисел. Провожал Нувель по Невскому и

* В дневнике позднее сделана карандашная пометка, переставляющая слова: «Взор Апеллеса» и «Глаз Аладина».

Морской до Исакия. Я себя очень дружно с ним чувствую. Утро ясное и солнечное.

31

Пр<окопий> Ст<епанович> дал денег, которых хватит, если ехать тотчас же. Думаю отправиться в пятницу или субботу, хотя мне страшно жаль города летом. Я слышу, как где-то разыгрывают «Erlkönig». Окна в домах отворены на улицу, гуляют в садах. Теперь я бы предпочел дачу с пьянино и парком, но город еще лучше. И потом, мне жаль, что я не перееду, как мечтал, к Нувель. В Ярославль мне расхотелось ехать, после того как я прочит<ал> «Бюрлески» Глазенапа в «Зорях»[52] и узнал, что у него живет барышня, которая его обожает, и что они втроем целыми днями молчат, разговаривая настроениями. Вот ярославские лошаки! Мне не хочется только подводить Дюклу, а то бы я прямо проехал к нашим и прескучно в тихой пристани стал бы писать «Эме Лебеф» и письма. Заезжал в магазин, туда пришел Саша. Однако он зачастил, сказавши, что не будет ходить! Шли вместе под руку, он прелестно смеется, подымая бровь, но зимою он белее, и шапка великолепнее делает его лицо, а фуражка ему не идет. Поехал на Васильевский. Почему-то я велел ехать по Гагаринской, чтобы проехать мимо влекущих меня бань. Они двухэтажны, в первом — окна высоко, как в конюшне, во втором балкон с дверью. Вид восточный и заключенный, будто каменная стена и внутри будто сад. И сам этот угол, где сходятся 5 улиц, мне нравится, и рядом трактир, где горят большие лампы вроде фонарей и из окон, вероятно, видна Нева и закат. Я почему-то проезжал с большим трепетом, будто влюбленный, мимо всех этих домов. И, возвращаясь, я опять велел ехать тут; на пороге стоял большой лысый мужик с засученными рукавами в длинном, с завязками, как у мясников, переднике, и тоненький мальчик, лет 17<-ти>, один в синей, другой в красной, а не в белых рубашках. Нева была ярко-розовая, разбитая рябью, и было красиво, когда на спусках, где нет парапетов, фигуры прохожих все выделялись на фоне воды. У Ивановых был Нувель, Бакст, Сюннерберг и потом кадеты: Котляревский и Струве; они были убийственны, эти кадеты, и напугали и загипнотизировали Вяч<еслава> Ив<ановича>, так что после их ухода он долго сермонировал* о судьбах России, о прогрессивной энергетике, об excelsior**, деланье дела, о человеке как моральном существе и т. д.[53] Это совсем к нему не идет и довольно нудно и для него и для оппонентов. Только не веришь, что он говорит это серьезно, и это еще более утомляет.

---

* Проповедовал (от *лат.* «sermon»).

** Вершинном *(лат.)*.

Вяч<еслав> Ив<анович> скоро обижается и многое принимает на свой счет. Нувель устал и взял ближайшего извозчика. Завтра пойду к нему, там будет Сомов. Вернулся не очень поздно.

Июнь

1

Ничего особенного, был в магазине. Обедал в Мариинской с Казаковым. Они взяли нового служащего на место уезжающего Степана — Алексея. Вечером был у Нувель, опять мне жалко покидать город. От тети обещанного письма об деле не было. Нувель и Сомов лежали на открытом окне, будто поджидая меня. Потом пришел Бакст, читали дневники, Бакст преинтересно рассказывал об Испании, говорили о милом XVIII в., об Ивановых, хотели завтра прийти смотреть Вячеслава к Чернышеву мосту. Из окна Нувель нам крикнул: «Не сговаривайтесь», и Сомов с жестами любовн<иков->заговорщиков из комических балетов молча объяснялся со мною. На Гороховой была драка, чел<овек> 8, камнями.

2

Почему-то мне очень грустно и не хочется ничего делать: ни мести, ни убирать, ни есть, ни пить, так бы и жил в пыли, и это очень противно. И потом, я не знаю, ехать мне или не ехать, всегда такое же положение вещей, и мне кажется, что наступил момент, когда нужно ехать. Вяч<еслав> Ив<анович>, м<ожет> б<ыть>, от любви, но меня явно преследует, ревнует ко мне других, к несчастью, даже без повода. Утром зашел к Саше, он чистил птиц, жена была на рынке, девицы уехали на осмотр с прислугой, почему-то в пятницу, а не завтра[1]. Он был как-то еще суше, чем все это время, так что я даже, собираясь сейчас же почти уходить, заметил ему об этом. Он вспыхнул и стал говорить, что очень меня любит, и целовать сладко и долго, я вообще не очень люблю так целоваться. Может быть, он по глазам понял что-нибудь, но тихонько, обнимая, снял поддевку. «Что вы делаете?» — «Снимаю поддевку». — «А». И, посмотрев на него, я спросил: «Хорошо?» — «Хорошо», — ответил он и улыбнулся. Тюлевые шторы были спущены, и опять на той же постели, только не пьяные, не в кошмаре, мы были. Время было очень немного, и мы всё ждали звонка. Его фигура вроде Александра, но хуже. Первою пришла его жена, веселая, стала поить нас чаем и варить яйца. У Саши раскисший и сконфуженный вид, хотя мне показалось, что у него есть кое-какой опыт. Это приключение было совсем неожиданно и дало мне гораздо меньше радости, чем можно было ожидать, и я бы предпочел быть по-старому просто

влюбленным в Броскина, но едва ли это возможно. Брал ванну, м<ожет> б<ыть>, она была слишком горяча, но я впал в полудремоту, полуобморок, я увидел, что маленькая, не больше $1\,^1/_2$ аршин, женщина, с лицом и фигурой мамы, в черном с горошком платье и белом платке, тихо прошла мимо ванны, обернувши ко мне лицо с улыбкой. Я в ужасе вскочил, м<ожет> б<ыть>, я был введен в обман моей одеждой, висевшей на ручке двери, вероятно, но я очень взволновался. От тети письма нет. Зашел к Ек<атерине> Ап<оллоновне>, она думала, что я уже уехал, чаю у нее не пил, торопясь к Чернышеву мосту; Вячеслав был уже там, я его сейчас же узнал. Прошел раз — он взглянул на меня, прошел два и пошел на ту сторону моста караулить Сомова. У Вячеслава очень милое, нежное и несколько обыкновенное личико, очаровательная фигура и какой-то эфебизм. Я позавидовал Нувель, что вот его ждет очаровательный юноша, как Сусанна в «Figaro». Вскоре я увидел милую фигуру Сомова, я его очень люблю, не только как мастера, но как человека и даже больше: я люблю его лицо, его глаза, коварные и печальные, звук его голоса, манеры, воротнички — все проникнуто какой-то серьезной и меланхолической жеманностью. У Ивановых была Ремизова и перевезенный рояль. Я опять поехал за нотами, когда я вернулся, читали новый рассказ Ремизова; я плохо понял, и многое не понравилось. Пели Grétry, Schubert и итальянцев[2]. Пришел Нувель и Бакст. Вячеслав ужасно меня перепугался и рассказывал Нувель, как у него «заклокотало в груди», потемнело в глазах и он чуть не сбежал, боясь «гипноза», потом говорил, что нас было трое. Ехать ли мне? Сомов советует не уезжать. Как я давно не видел Григория, что-то он поделывает, вероятно, сердится на меня.

3

Письмо от тети, дело будет слушаться 12 июля. Утром был в магазине. Когда вернулся домой, соснул немного и вдруг проснулся, вздрогнул со страшно бьющимся сердцем, которое долго не могло успокоиться. Уж не заболеваю ли я? У Иванов<ых> пели арию Керубино из «Figaro», какое опьянение, какая любовь. Как после писать музыку. Пока жалкое, разбитое бренчанье — моя музыка. Сомов хорошо делает, что ее не приемлет, но я не могу не писать. Развращали Вяч<еслава> Ив<ановича>[3]. Решил переехать к Нувель в понедельник. Проводил его до Европейской, где остановился Дягилев. В<альтер> Ф<едорович> думал, что я буду искать авантюр, по моему виду, но у меня было мало денег; прошел по Невскому, ничего не встретя, и, вернувшись домой, поставил самовар, зажег свечи, приготов<ил> белье на постели. Пришел custode, мы пили чай. Я ни минуты не жалею, что в городе. С осени буду ходить

и в нем<ецком> платье. Брал ванну и долго топил большого черного таракана.

4

Если я вчера не имел приключений, то сегодня имел их в даже нежелательном избытке. Был у Саши, в магазине, обедал с Казаковым в Мариинской, потом, сходивши с приказчиками по их делу, поехал с ними домой. Дома поиграли в карты, напились чаю и отправились в Таврический; в большом саду было ничего, в платн<ом> масса народа, но было не очень весело. Пошли к Морозову пешком скоро-скоро, под песни, встречным мы могли показаться пьяными. Почему-то было очень весело. У Морозова к нам сел Ланге. Катков скоро выйдет из больницы. Разговоры через столики, какие-то приходящие знакомые, было обычно. Но был какой-то господин в сюртуке, который ел и пил, имея на руках все время белые перчатки. Нашему соседу почему-то он очень не нравился, и он все агитировал, чтобы Ланге устроил тому скандал, Кудряшев и Степан тоже подуськивали. Я тщетно уговаривал не соваться. Адольф решил палкой, на которую навертыв<ают> газеты, ударить того; встал, прошел раз, два и в третий совершенно неожиданно ударил того по спине, громко сказав: «Пора вставать!» Поднялся скандал, пострадавший побежал вниз к буфетчику, к администрации, но, ничего не добившись, только повторял: «В другой раз вы так не смейте, молодой человек». Ланге притворился очень пьяным, его хотели вывести, поднялся крик. Степан хотел бежать, тащил меня и Кудряшева, но я сказал, что не уйду, пока не кончится история с Ланге, Кудряшев же рыцарски остался со мною. Ланге почти тащили, он сбил котелок с Кудряшева, его дотащили елеле домой, а я сел на извозчика один и поехал. Извозчик попросил позволения заехать выпить; пока он выпивал, городовой спрашивал у меня, какая это форма, что в ней, конечно, нет ничего предосудительного[4]. Проезжая Суворовским, мы увидели кучку людей, где 2 человека играли на гармониях и плясали. Я сказал извозчику ехать тише, потом он сам предложил вернуться, т. к. уверял, что любит такие развлеч<ения>. Вернулись и остановились, те всё играли, но не плясали уже, извозчик пел. Гармонисты подошли и сели ко мне, говоря: «Поедем вместе». — «Куда?» — «Хоть по Невскому кататься». Сначала ко мне на колени сел постарше, но потом посадил молодого, а сам, подмигивая, сразу завел разговор, с красноречием сводни, что он может доставить кого угодно, и мальчиков, и больших, и белых кудрявых, и черненьких, и каких хочу, и что сидящему у меня на коленях всего 19 л<ет>, и что он тоже все может. Тот, не переставая играть, оборачивался, чтобы целоваться. Мы ехали, то очень быстро, то тихо, рядом с какими-то девками, кото-

рые пели под нашу музыку. На углу Невского и Пушкинской нашего извозчика записали. Решили сначала отвезти их домой, потом я поеду, а завтра в 5 часов сойтись в трактире «Базар». Не поспели мы подъех<ать> к дому на Тележной, как откуда ни возьмись человек 8 с криком: «Их-то нам и надо» бросились на нас и принялись колошматить кулаками по чему попало. Бежать было нельзя, полиции не было, дворники смотрели. Я никогда не испытывал такого кислого и горячего чувства, когда нос и висок разбиваются в кровь. Мне все попадало по голове; я упал; когда я очнулся от воды, вылитой на голову, был только старший спутник, Михайло, обмывавший мое лицо, молодого унесли домой, те скрылись. Из меня кровь лила, как из барана, дворник, принесший 6-е ведро воды, вмиг делающееся красным, удивлялся. Я думал, что у меня сворочен нос, я все во время драки берег глаза, «черные бездны очей Антиноя». Доехал до дому, извозчик ворчал и ругался за штраф. Я всю ночь вставал мыть нос и выскакивали сгустки крови. Рубашка нижняя сквозь верхнюю была в крови, весь кафтан загажен водою и кровью. Во сне видел Сомова. Утром приехал зять.

5

Ужасное лицо, расплюснутый нос, синяк под глазом, разбитые висок и лоб, — бедный Антиной, как дорого тебе обошлось знакомство с хулиганами! Меня страшно это взволновало, будто я связан теперь с какими-то тайнами и меня могут подстерегать, убивать, шантажировать и т. д. Когда я собрался уезжать к Нувель, перед дверями парадной стоял какой-то почти оборванец, немолодой, тип чухонца. На вопрос швейцара, что ему нужно, ответил, что «забыл», и, идя за мною, что-то бормотал, и, когда я сел на извозчика, он сказал: «Так и уедешь, так и уедешь?» Меня он напугал. У Нувель очень хорошо, старые шкапы, деревянная (какая прелесть, что не металлич<еская>) кровать, окна выходят будто на террасу или будто спущены жалюзи. Был Бакст и Дягилев, толковали всё о выставке, мне показалось, что Нувель охладевает не только к Гафизу, но и к Ивановым. Мне все-таки жалко, что я не пошел в «Базар», этого Михайлу-сводника не надо бы терять из виду. У Казакова узнал, что Ланге из ворот опять выбрался, бродил по Загородному и отколотил Козлова; Кудряшев тоже имел какие-то конфликты; положительно, будто мы живем не в <XX в.?>.

6

Переезд на Галерную делает мне впечатление переезда в другой город[5]. Думал, что Казаков отдаст мне часть денег, но напрасно. Вид лица еще ужаснее, т. к. ссадины и синяки, проходя, сделались еще виднее. Утром у Нувель были разные народы. Греч-

ковский[6] завтракал. В<альтер> Ф<едорович> показывал мне карточку своей теперь уже почти бывшей любви и спрашивал, хочу ли я, чтобы он его позвал при мне. Я очень люблю летние квартиры летом, я только не могу жить один, без людей и прислуги. Приходили на двор китайцы, старший играл на роде мандолины смычком, мальчик пел определенную мелодию, вроде русской песни, гортанным искусственным голосом, временами неожиданно переходя на искусственный же нежный-нежный тон. Когда их расспрашивали окружающие, он кокетничал и милашничал. Они оба были смуглые, румяные, с очень большими глазами, стройные. После завтрака занимался, играл «Figaro», смотрел в окна; напротив молодой дворник, кажется, сын старшего, по-моему, похож на Вячеслава. К обеду пришли Сомов и Бакст, потом все поехали к Ивановым. Дорогой я с Сомовым несколько меланхолически изредка говорили. У Ивановых долго не отворяли на наши звонки и стук, наконец В<ячеслав> И<ванович> показался раздетым. Они уже спали! Мы хотели тотчас уходить, но он задержал, читал «Кормчие звезды»[7], потом вышла и Диотима, опять было вино, споры о Д<он> Кихотах и Д<он> Жуанах, огромный об Уайльде. В<ячеслав> И<ванович> ставит этого сноба, лицемера, плохого писателя и малодушнейшего человека, запачкавшего то, за что был судим, рядом с Христом — это прямо ужасно. Ехали назад втроем. М<ожет> б<ыть>, это нахальство — переселяться к Нувель? Ну, все равно. И я не думаю этого.

7

Утром немного пописал и играли «Figaro». После завтрака, чтобы дать место свиданию Бакста, поспешили уйти. Дома сделал распоряжения о белье и поддевке и выписался. Все более и более утверждаюсь в мысли носить светское платье, чтобы не иметь наложенной эпитимьи. У нас в кухне окотившаяся кошка, которая меня напугала, неожиданно зарычав из корзины, к которой я подошел, ничего не предполагая. После обеда Нувель писал и читал дневник, показывал некоторые карточки. Да, как только он пришел, бросился искать следов свиданья, но кроме коробки конфет, не так поставленной cuvette* и потом шпильки <ничего не нашел>. Потом поехали в Тавр<ический> сад; Бакст и Дягилев были уже там. Дягилев, сначала обратив внимание на какого<-то> казака, вдруг увлекся старой историей с «хаки», санитаром, действительно очень милым. Но тот был не из «храбрых», и, кажется, дело, как и 2 года тому назад, не выгорело. Мне ни этот сапер, ни кто другой особенно не понравился. Храбрые воины караулили терпеливо и

* Лоханка *(франц.)*.

трогательно, профессионалы щепотью ходили вместе. Какой-то россинантистый идиот, страшный, как смертный грех, все на нас налезал; был нувелевский жидок и господин в белом, которого Нувель видел и в Летнем pronto a servizio*. Пошли сначала пешком, бани уныло и заманчиво горели, ожидая запоздавших. Опять догнали Дягилева, в волнении который нас бросил, перейдя на другую сторону; за кем он гнался, мы не заметили. Мы взяли извозчика, В<альтер> Ф<едорович>, проезжая по Итальянской, рассказывал, как однажды уехал отсюда в незастегнутых ботинках. Это было очаровательно, будто из Боккаччио или Casanova. Вернувшись, мы добыли цыпленка и болтали еще некоторое время. Я чувствую себя с ним ужасно близким. Да, он сказал, что будто Васильчикова лезбианка; если правда то, что я думаю и слышал про Софью Васильевну, то не трудно, что они дружны.

8

Встаю почему-то поздно; после чаю, взяв посмотреть номер «Woche»[8], посмотрел весь год: войны, свидания императоров, маскарады, какие-то оперы сплетались, и тогда русская революция занимает должное десятое место, и жизнь имеет желанную и пьянящую пестроту и легкость. После завтрака пошел в магазин. Вчера вечером был там Саша и ждал меня часа четыре. Я хотел зайти к нему по дороге домой, как пришел он сам; принесли 2 прекрасные маленькие иконки, часть «Верую» и «Недреманное око». Пили чай, долго были в магазине. Казаков зовет нас обоих во Псков, куда сам со Степаном думает отправиться в субботу. Поехали ко мне, и Саша зашел. Custode не было, кошка убрана, везде пыль и воздух плохо проветриваемых комнат. Письмо от Гриши, очень просительное, милое и будто сконфуженное. Я все-таки ужасно люблю его тело, лучшее из всех, которые я имел, жаль, что лицо несколько грубовато и часто нечисто. Переодевшись, я пошел в Таврический. В<альтер> Ф<едорович> должен был ехать к Дягилеву, куда имел прийти Серов, и покинул и барона, долго и, кажется, безуспешно блуждавшего, и меня. Были все те же, был «хаки», кадет был с вольноопределяющимся довольно противного вида. Я еще не спал, когда пришел Нувель; он рассказывал, что у Дягилева вчера ничего не вышло, что Коровины завтра меня приглашают, говорил словарь argot: бани — pays chaud или serres chaudes; банщики — les nayades, солдаты — les vivandières**. Почему-то сегодня мне несколько грустно. Читал mémoires de m-lle Clairon[9], возвратился к pince-nez и опять все вижу не гадательно, а ясно.

---

* Готовым к услугам *(итал.)*

** Жаргона: ...жаркие страны.. теплицы... наяды... маркитантки *(франц.)*.

9

Решившись осенью одеть общее платье, возвращаясь к другим привычкам, я зашел к парикмахеру, где давно уже не был, но куда ходил в другие эпохи и где мастер мне рассказывал романтические истории. Он меня узнал и приветствовал мое появление. Дома писем не было. Нувель очень держится, чтобы я его познакомил с Гришей и Броскиным завтра, думая возможным сделать мое знакомство с Вячеславом. Я сам не знаю, отчего я несколько грустен, — от денег, конечно. Обедали у Коровиных, они очень простые, добрые и милые люди, много играли: «La belle Hélène», «Fille de m-me Angot»[10], романсы. Возвращались домой втроем пешком по Горох<овой> и т. д. Везде были пары: и на тротуаре, и под воротами, и на извозчиках; и в розовой заре, спящих каналах, светлом небе была разлита какая-то любовь. Сомов был у Ивановых, там много говорили о нас, но он обещал не передавать и не передал.

10

Пробыв некоторое время в магазине, я пошел домой; встретив Сашу, идущего в магазин, я все же не вернулся. Дома даже не мог попасть в квартиру, которую зять захлопнул, оставив внутри ключ. После обеда хотели идти к Ивановым, я из дому, В<альтер> Ф<едорович> после свиданья, но пришедший к обеду Бакст передал, что Дягилев просил В<альтера> Ф<едоровича> прийти в Таврический. У Ивановых было тихо, прохладно, высоко, «не от мира сего», все ненависти и любви, вся игра чувств в каком-то безвоздушном пространстве. Они были очень, очень милы, добры, ласковы, но чувствовалась некоторая отдаленность; просили опять дневника, не знаю теперь, не еще ли это невозможно; хотя я не боюсь огласки, но многого они могут не переварить. В Таврическом был уже Дягилев с господином (т<ак> наз<ываемым> Стасей) и кадетом Чичинадзе. Недалеко от меня сидели 2 тапетки*, еврейчик в котелке и в черных перчатках и повыше, в соломенной шляпе, несколько чухонского типа, с узенькими блестящими и томными глазами, который все посматривал на меня. Пришел Нувель, потом Бакст; «хаки» не было, и Дягилев уехал с Чичинадзе. Вячеслав придет ко мне с В<альтером> Ф<едоровичем> в понедельник. Он резонабельный**, примерный и буржуазный мальчик, по-видимому. Бакст ничего не понимал и звал нас старыми колотушками без осмысленных движений. Мы стали интриговать 2<-х> тапеток и еще каких-то 2-х гимназистов полухулиганского типа. Еврейчик,

* Жаргонное название пассивного гомосексуалиста (от *франц* «tapette» — колотушка)

** Рассудительный (от *франц* «raisonnable»)

думая, что все это относится к нему одному, вышел и пошел за нами; тогда мы взяли извозчика и поехали, посадив Бакста на колени. Погода была, кажется, хорошая. Приехавши домой, я нашел телеграмму от Чичериной, чтобы я приезжал завтра к половине второго. Долго мы еще ели мясо и беседовали с Нувель дружески и легко. Утром был Нурок.

11

Написал новый романс; идет дождь. Был Нурок; наскоро позавтракав, поехал к Софье Васильевне. Финляндия, куда они поехали на дачу, оказалась Удельным. Вернувшись, я застал Дягилева; скоро пришли Каратыгин и Медем, играли новых французов; triste musique*, ни ясности, ни светлости, ни радости, ни даже нового ничего. Все — музыкально, мертвенно и скучно. Не только Massenet, но Debussy — радость в сравнении с ними. Читали «Предосторожность» и играли музыку В<альтера> Ф<едоровича>; все-таки чувствуется какая-то другая точка зрения, другие мысли, между тем как с Нувель и Сомовым — редкое совпадение изгибов. Бакст бестолковее и вообще, и, в частности, в идейности. Вяч<еслав> Ив<анович> судорожно хватается за мозгологию[11]. После обеда Нувель поехал в Павловск, а я домой. Custode был растрепан, говорил, что так заработался, что насилу встал отворить дверь, так кружилась голова; везде было не убрано, грязь, гадость, пыль. Я ужасно ворчал, заставил убрать, помогая сам, сказал, что ночевать буду дома, что завтра придут гости, и, переодевшись, пошел в Таврический сад. Народу много, дождь, какая-то драка четырех хулиганов. Еврейчик положительно неприятен, даже противен, но во втором, несмотря на явную некрасивость и желтизну сегодня лица, есть что-то, что заставляет подозревать лучшее. Я очень скоро заговорил с ними и позвал ужинать. Поехали в Мариинскую под дождем. Там почти никого не было, окна открыты, светло и несколько уныло. Я сел с Павликом (Пав<ел> Конст<антинович> Маслов — это блондин, Александр Дубров<ский>, он же Шурочка) на один диван, тот на стуле. Мы болтали и пили и ели жареные грибы. Шурочка, видя, что из знакомства, заведенного им, для него ничего не выходит, опечаливался все больше и больше, но виду особенного не подавал. С другим я поехал домой; уже на извозчике он начал доказывать свою «грамотность» и предприимчивость. Custode еще не спал и предложил нам чаю. Так как Маслов дома не предупредил, что может не вернуться, и хозяйка будет его ждать, и завтра вставать на службу, то мы отклонили. Мои ожидания вполне оправдались, он оказался очень веселым и милым, и даже лицо, некрасивое, когда

---

* Печальная музыка *(франц.)*

разгорается и смеется, и на подушке, и видно голое тело, прямо мне нравилось. Но он извивался и возился, как уж, замирая в самых невозможных и изыскан<ных> позах. Я вообще был очень доволен: с ним можно говорить, он не лежит безучастной колодой, он владеет своим искусством и неравнодушен (конечно, не ко мне, но к ласкам), и потом, он мне просто-напросто понравился даже своим безобразным лицом. Между прочим, нашел, что у меня «ебливые» глаза, вот о чем я, по правде, не думал.

12

Когда я прочитал дневник Нувелю, он стал говорить, что Маслов ярый профессионал, что все это factice* (но есть вещи, которые, находясь все минуты в моем присутствии, нельзя сделать заранее) и т. д. Меня это раздосадовало, будто я ничего не могу отличить, ничего не знаю, и потом, я люблю factice, это даже не все равно, а лучше, и нужно совсем потерять чувствительность нервов, мускулов, эпидермы, чтобы от самих искусственных движений не прийти в возбуждение уже не искусственное. У Маслова 2 лица: желтое, потасканное, [очень]** некрасивое в шляпе на воздухе, и веселое, милое, румяное и ужасно молодое на подушке при свечах. Конечно, я благоразумен романтически не приписывать какого-либо расположения ко мне лично. В магазине Броскин с утра, по просьбе уехавшего со Степаном во Псков Казакова. Я все твердил, что осенью выкрашу волосы в соломенный цвет, чем приводил в негодование Сашу. Он даже рассердился. Звал завтра зайти <между> 11—1, когда и он зайдет. Это удивительно, я в него почти уже даже не влюблен, будто рукой сняло. После обеда поехал за покупками. Подъезжая к дому, видел Вячеслава, уже дожидающегося. Я страшно торопился приготовлять, но продолжал и при гостях. Вячеслав очень милый, хотя в фуражке и вскользь лучше лицом, но вблизи милые глаза (хотя и очень подозрительно смотрящие) и рот. Пили чай, пиво, играли «Faust» и Шуберта, болтали. Нувель меня изводил, и почему-то сегодня мне это было неприятно. Рассказы политические о движении в войсках и личных опасностях Вячеслава, sont des contes à dormir debout***. Это напоминает XX век. Нувель стал очень нежен с ним, это неловко и всегда несколько смешно, когда это в присутствии. Потом ушли в мою комнату, я заснул на диване, мне было несколько грустно, и смешно, и неловко, и весело, будто зависть, положение Лепорелло, сводника, и все из новелл Боккаччьо. На прощанье я бегло поцеловал Вячеслава и

* Искусственность *(франц.)*.

** Вычеркнуто карандашом.

*** Сказочки на сон грядущий *(франц.)*.

поехал с Нувелем, забрав остатки провизии. Он в третий раз возвращается с расстегнутыми ботинками. Утро было розовое, и Исакий легок и воздушен. Я был перед обедом в парикмах<ерской>, где мыл голову и стригся, там очень подозрительный мастер, он всегда так медлит со мною, так улыбается, жеманно разговаривает, вроде того что он будет «скучать», если я перекрашу волосы, что это прямо смешно. Некрасив, особенно именно когда улыбается. От Сережи скучное генеральское письмо; там дуются на меня, что ли?[12]*

13

Очень жарко, но в комнатах — ничего. После завтрака, поздно, хотел пройтись до обеда, к которому мы ждали Сомова. Пошел на Васильевский к Каратыгиным. Они собирались обедать, он в цветной рубашке, в жилете, вроде сапожника в кругу семьи. Шел по старым знакомым улицам, мимо прежней парикмахерской, мимо дома на Галерной, куда ездил к Болеславу и т. д. К обеду приехал Сомов, сказавший, что был у Коровиных, которые «умоляли» нас всех прийти вечером, хотя бы в 12 ч. к ним. У нас были еще планы идти в Таврический или к Ивановым, которым, с общего совета, я решил прочитать дневник, только мы не знали, куда девать имеющего прийти Нурока. Нурок принес Сомову лиловатый галстух и страничку старой английской музыки и показывал каталоги продавца искусственных членов, эротических фотографий и книг, восточных парфюмерий, любовных пилюль, возбуждающих напитков и карточки entremetteuse** с красным сердцем наверху. Все описания звучат по-немецки великолепно-подло и торжественно-неприлично. Но что за типы существуют! Разве это — не прелесть? не XVIII siècle? Поехали с Сомовым к Ивановым, которых увидели подходящими к дому. Вскоре приехал и Нувель. Ивановы много говорят о путешествии, не знаю, что там действительно, что мечтательно, но, кажется, Л<идия> Дм<итриевна> действительно едет в Женеву. Бедный Вяч<еслав> Ив<анович>, на чьем же попечении он остается? Говорили об Уайльде; Сомов тоже ему не верит. Читал дневник. Это было очень важно для меня и, почему-то думаю, и для Ивановых. Что бы ни было дальше, лед сломан. Вяч<еслав> Ив<анович> не только говорил о художественности, но не отвратился и от содержания и согласился даже, что он целомудрен[13]. Потом он с Нувелем спорили, потом мы втроем поехали домой. Гафиз будет в пятницу. Сомов писать портрета не отдумал, но деньги, ах, деньги тают, как снег!

* Окончание тетради I дневника.

** Сводни *(франц.)*.

14

Я поступаю как безумный, как ребенок, тратя последние деньги, зная, что мне неоткуда будет получить потом долгое время. Но мною овладело какое-то веселое сумасшествие, и я будто переживаю весну 93<-го>, 94<-го> годов, особенно с тех пор, как познакомился с Масловым. Днем был дома, брал ванну, выводил волосы. Письмо от Глазенапа вычурное, но любезное и почтительное; не поехать ли мне к нему? Дома был Бакст, у которого было назначено rendez-vous, не состоявшееся, т. к. птичка не прилетела. Он бестолково критиковал и В<альтера> Ф<едоровича>, и меня, и дневники, говорил, что я провожу какую-то линию, симплифицирую* свою жизнь намеренно и т. п. После обеда, часов в 9, поехали в Таврический; Павлика нашли не сейчас, и потом он куда-то исчезал. Сидели Сандерс, муж читал газеты, она с большим ридикюлем, вроде как ходят в бани. Потом они гуляли. В театре шла «Пиковая дама», мы зашли под крышу. Нувель говорил про здешние нравы, что в бесплатных местах интриги и завязываются и развязываются; стоит поместиться с руками за спиной перед кем-нибудь грамотным, как вы почувствуете в руках нечто, могущее вас привести в недоуменье, если вы непосвященны. Говорят, был такой случай и скандал. Были все те же приблизительно: вольноопределяющийся беспощадно стрелял глазами. Пришел Вячеслав, отдал честь; я стал гулять с Павликом; подошел Нувель и раньше, чем поехать с нами, сказал Вячеславу, что будет за ним следить, что оказалось ненужным, т. к. тот ожидал Пимы. Поехали втроем в Мариинскую; Нувель меня опять начал изводить; в гостинице приготовились закрываться, т<ак> что мы, подождав В<альтера> Ф<едоровича>, поправлявшего отчего-то все валящиеся у него подштанники, отправились в «Москву», куда надеялись, что меня пустят[14]. Пили мадеру, Cacao Chokoo, ели сыр и ягоды. Нувель отчаянно меня изводил. Поехали домой; куда поехал В<альтер> Ф<едорович>, не знаю, он целый день был без задних ног, усталый и расслабленный, и только под вечер разгулялся немного. Павлик был, конечно, очень мил, хотя его фасончики меня не так уже поражали, как первый раз. Он нет еще 2-х лет, как в Петербурге, из Вологодской губернии. Меня удивило, когда он смотрел мои галстухи, знание названий цветов и материй: serpent, cocq de roche, vielle rose, были отлично и с увлечением ему известны. Был, конечно, очень мил, у него длинные ноги, хотя он несколько худ, может быть. Спал потом плохо. Провожал его в поддевке на совершенно голом теле. Он просил приходить в воскресенье, но не знаю, насколько это исполнимо.

---

* Упрощаю (от *лат* «simplicitas»)

15

Не все ли равно, ехать или не ехать, где и как жить, что скажут, что говорят, — только бы видеть молодой месяц на небе и безобразного, длинного и веселого Павлика в Таврическом саду без деревьев. Как я все устрою, раскидывая деньги и не уезжая, я не знаю. Может быть, лучше всего не думать об этом. Скоро переберусь на старое пепелище, т. к. Нувель уезжает на дачу к министру дня на 4. Сегодня утром был какой-то обалделый, я уехал в магазин и пил там чай. Саша вчера и третьего дня весь день был в магазине, хозяина еще нет. Дома Вальтера Федоровича уже не было, я поиграл Cimarosa; к завтраку раньше Вальтера Федоровича приходил Гричковский по делам, он -- красивый, но есть какая-то неприятная грубость и вульгарность в самом его существе. После до обеда никуда не выходил, играл, написал 2 стихотворения, смотрел в окна, скучал. Приехал Нувель; он все еще несколько ramolli, не очень стремится к свиданью, так что барон, приходивший сейчас после обеда, предлагал даже его заменить. Я хотел поехать так куда-нибудь, т. к. Вальтер Федорович с rendez-vous думал прямо домой. Наконец Нувель, приняв слабительное, отправился. В надежде увидеть Павлика, я поехал в Таврический, на Пантелеймонской встретил стремящегося Вячеслава. В саду были приблизительно те же и мало; Павлика не было, Шурочка гулял то с вольноопределяющимся, то с семьей какого-то офицера. Казак имел преимущество направленных исканий. Я подошел к Шурочке и узнал, что Маслова нет и не будет здесь сегодня. Я сначала пошел, потом поехал домой. Я вспомнил, как мы шутили Сомову, что нужно издать особенную карту Таврического сада, как du pays du tendre*, и можно написать поэму: voyage du pays du tendre au pays chaud**. Мне было страшно тоскливо ехать в такой тихий, трогательный вечер с молодым месяцем одному и домой; мне не необходимы были любовные приключения, но общество молодых (ну, хоть и не молодых) людей, веселых, entreprenants и вообще, банды друзей. Вспоминались Сенявин и К°. Подумал, что можно, придя, открыть окно и заиграть что-нибудь небывалой бы сладости и неги при свечах: Mozart, Cimarosa. Нувель еще не было, я был сентиментален до смешного: ужасно стесненное без близкой надежды положение, огорчение, что не видел Павлика, которого я больше люблю, чем прежде, маленькая скука одиночества, что Вальтер Федорович предлагает мне purgartif*** в такой вечер, — меня рас-

* Страны нежности *(франц.)*

** Путешествие из страны нежности в страну пылкости *(франц.)* (Каламбур основан на том, что pays chauds — жаргонное название бань.)

*** Слабительное *(франц.)*

страивало. Пришел Нувель, тоже в архичувствительном тоне, на rendez-vous он был капризен, сентиментален, cherchait midi à quatorze heures* и т. д., Вячеслав тоже был расстроен. В<альтер> Ф<едорович>, придя, запел мои «равнодушные объятья», потом il faisait des confidences**, потом мы пили чай, потом при открытом окне и свечах играли «Figaro», божественного «Figaro». Я долго не тушил свечи, думая Бог знает о чем, но заснул крепко, скоро и печально.

16

Я слышал, как еще не выходивший из комнаты Нувель пел арию Графа, что свидетельствовало о добром состоянии его настроения и, вероятно, желудка. После завтрака пошел к Иову предложить ему некоторые из своих книг и икон. Хотел прийти в воскресенье. Прошел и в магазин: там был Саша; все пили чай; Г<еоргий> М<ихайлович> будет только в понедельник. Посидевши без особенного увлеченья, вернулся на Галерную под дождем и стал переписывать ноты. В<альтер> Ф<едорович> приехал рано, сначала попели, опять арию Графа и еще кое-что, потом он пошел читать письма и записывать дневник, а я в окно ждал Сомова. После обеда, чтения дневников, раскраски своих ушей поехали к Ивановым; заезжали к Смурову[15] за Cassis и Curaçao. Нувеля спустили у Бакста, Сомов зашел ко мне, чтобы взять вещи; было темно, все время шел дождь, Гафиза никому активно не хотелось; была новая обстановка из-за рояля, присутствовали кошки и урны. Л<идия> Дм<итриевна> читала свои стихи о губах и флейтах, Эль-Руми — длинное иносказательное, детское и довольно скучное повествование о 3-х фонтанах, об Эль-Руми и т. п., я и Корсар плясали, последний импровизировал в манере Дебюсси и Северака. Диотима так усердно занялась Аладином, что возбудила ревность Гипериона; Апеллес делал со спокойным и несколько меланхолическим видом невероятные глупости. Эль-Руми все мрачнел, потом стал обвинять сначала Апеллеса, потом Корсара и, наконец, интуитивно во всем меня, которого он считает каким-то соперником для себя. Почти все протестовали, но это было даже тяжело. Я не знаю, чего от меня нужно, я молчу, я могу держаться в углу без будировки и вида жертвы, я на все согласен, я очень скромен, влиять ни на кого не стараюсь, известен очень немногим — что же мне еще сделать? Уничтожиться? Я же не виноват, что Л<идия> Дм<итриевна> лезла на Сомова. Мне было скорей скучновато, и я был рад выйти и от поцелуев, и от ревностей на свежий воздух; пошли не-

* Искал прошлогоднего снега (букв. «полудня в 2 часа») *(франц.)*.

** Он делал признания *(франц.)*.

много пешком, потом втроем поехали. Сомов хочет нарисовать мне чертика для мушки под мышкой. По поводу voulu* в искусстве или дилетантстве вышло у меня разногласие с Эль-Руми, и мне, м<ожет> б<ыть>, жаль, что я не точно выразился. И еще о том, что художник должен пить жизнь au bout des lèvres**, чтобы остаться художником. А Гёте? А Cellini?[16]

17

Встал так поздно, что до завтрака только поспел написать дневник. Коровины были уже на вокзале, Бакст чуть не опоздал, в поезде был и Нурок. Все время шел дождь и была грязь, но было шумно, весело и болтливо, главным образом благодаря m-me Коровиной, которая иногда говорит вещи очень смешные. Сомов нас встретил на станции в маленькой соломенной шляпе, очень к нему идущей; под дождем дошли до дому. Прямая аллея вела к крыльцу балкона, где стояли 2 горшка гортензий по сторонам двери. Его отец, бодрый для своих 71 лет, и сестра, милая, похожая на Л. М. Кострицу, были на балконе. После обеда дошли до взморья, смеясь и болтая; как местность, то, что я видел, мне не понравилось, м<ожет> б<ыть>, от серой погоды, но днем и поездкой компанией я остался очень доволен. Вернулись в серой темноте, но без дождя. Если бы Иов взял завтра мои вещи, я мог бы и позвать завтра вечером Павлика и уехать в четверг (в среду приедет Сомов, вечером пойдем в Тавриду и оттуда к Коровиным). Я думаю, что это устроится. Теперь я знаю, что меланхолия и мрачности у меня имеют всегда одну и единственную причину — недостаток денег.

18

Иов книги взял, но деньги просил часть до завтра***, часть до среды. Напился дома чаю. Я думаю, дождавшись зятя, приезжающего числа 23-го на несколько дней, поехать вместе, чтобы быть вне риска случайности в дороге. Утром был Гречковский, у него красивые глаза, но грубый скошенный профиль. После обеда толковали о балете, о Легат[17], о Фокине; я пошел умываться, чтобы ехать, В<альтер> Ф<едорович> стал наигрывать к «Предосторожности». Приехал Бакст, потребовавший, чтобы взяли его с собой, если в Тавриде будет эскапада. Поехали втроем на извозчике по набережной. Погода была чудная, народу в саду очень много, что мне не очень нравилось. Бакст сейчас же потащил нас провожать

* Воления *(франц.)*.

** Презрительно *(франц.)*.

*** У Кузмина: «до завтрака».

его в buen retiro*. Увидали Павлика, гуляли с ним. Бакст все искал опытных, но не старше лет 17-ти, и обращал внимание на 8-ми и 7-летн<их> младенцев. Павлик порекомендовал ему какого-то киевского еврейчика 15<-ти> лет, но опытного, но он не понравился. Об юнкере, который заинтересовал Нувеля, Маслов думает, что это возможно. Было очень весело. Шурочка спрашивал совета, как ему поступать с 2-мя понравившимися ему господами. Какой-то господин просил Павлика устроить его с моряком. Бакст серьезно, добросовестно и несколько уныло осматривал малолетних, кухарки любовно косились на мою желтую рубашку. Поехали в «Москву» на 2-х извозчиках, была отличная погода. Бакст затворял окна, боялся есть, поваркивал; Нувель изводил его и меня, говорил рискованные анекдоты; недоставало Сомова. Было мне очень весело. Павлик из прошлых авантюр упоминал только Шереметьева. Он почему-то страшно интересуется, так сказать, статистикой и причастностью имен каких бы то ни было, ужасно возмущался, когда мужчины переряживаются, и мне казалось, что я слышу Нувель, когда Павлик говорил, что «раз я любил бы вид и лица, похожие на женщин, я прямо женщин и любил бы». Последние же для него не существуют, и он интересно рассказывал, как убеждал киевского еврейчика в Летнем саду и не знаться совсем с женщинами. Я говорил, что не так часто могу видаться, как хотел бы, из-за денег, но он возразил, что разве деньги всякий раз необходимы? Удивлялся, что Нувель, имея Вячеслава, который ему, Павлику, очень нравится, хочет еще того юнкера, гораздо худшего лицом. Все спрашивал, что о нем говорил Нувель; я, умолчав о «почтовом ящике», сказал про похабные глаза и большой рот. Смотря лежавшую книгу о Сомове, он все восклицал: «Неграмотный? с такими глазами? с таким ртом?», просил прийти в среду в сад и написать, не может ли он прийти ко мне просто, вечером во вторник. Ушел очень поздно. Я открыл окно, но долго не спал: сначала на улице скандалил солдат с 2-мя молодыми, т<ак> что я даже встал, совсем голый, закутавшись в одеяло по грудь, к окну. Смотря в зеркальные двойные стекла на свое изображение, я вспомнил Нурока, которого возбуждают зеркальные стекла. Потом поднялась езда, потом пошел дождь, потом стал звониться, стучаться, ломиться в кухню молочник. Заснул часов в 8 и спал до половины 12-го. Я очень весел и счастлив, и редко так светла не была весна и лето, и никогда я не имел такой дружеской банды.

19

Иов оставил, только меньше, чем обещал, задатку, остальное в среду. Казаков ничего не возвращает, я думаю, я это так и бро-

* Приют уединения *(исп.)* — здесь: общественная уборная.

шу. Поехал к Баксту, который просил присутствовать при свидании с Диотимой, в предотвращение случайностей которого, он s'est vidé* вчера где-то. Показывал мне неконченную еще вещь, мне очень понравилось по краскам. Находит Павлика inférieur à nous mais gentil**, но не об Мережковском же и Ницше толкуют во время rendez-vous и веселых эскапад. Он весел, мил и хорошо сложен, вот и все. Заезжал к парикмахеру. Скоро приехал Нувель, веселый, но не очень охотно оторвавшийся от писанья музыки. Пришла Диотима, обиженная и какая-то более чужая, говорит, что В<ячеслав> Ив<анович> считает нас неблагодарными; от Городецкого письмо, что не мог прийти на Гафиз, т. к. накануне узнал наинежнейшее, что есть в жизни, и к следующему Гафизу принесет неслыханную роскошь[18]. Что за мистификация! Вышли вместе. Бедная Диотима на улице днем в ее платье производит какое-то странное впечатление. Нувель завтра пойдет к ним, меня не звали. Я не знаю, не хотят они, что ли, чтобы я ходил к ним? Гафиз предлагается на новых началах, не то в виде тенишевских занятий, где полчаса лекции, полчаса беготня, со строгой регламентацией, не то мессы, не то Думы. Вместо Архонта будет Евритмох. Диотима меня угнела. После обеда, во время которого я был несколько печален, я стал читать очаровательные местами мемуары Гольдони, мечтая, как это ни странно, о Павлике и слушая, как В<альтер> Ф<едорович> пишет музыку к куплетам Гаэтано[19]. Не послать ли Эме Лебеф в Италию, а то мне трудно будет писать о Париже, где я не был, не имея ясного представления, хотя бы топографического. Потом мы пойдем гулять и вернемся к чаю. Брюсов говорил, что Поляков и не думал об издании моих нот[20], Диотима хотела заставить меня видеть в этом предательство, но я на это и не особенно рассчитывал, и потом, Брюсову это может и не быть известным. Мы напились чаю раньше и пошли на Невский. Была чудная погода, и луна в каналах с домами напоминала Верону, но толпа на Невском была не из приятных: пьяные, драка, какие-то забастовщики, хулиганы, разваливающиеся старики, ужасные девки — все побуждало скорей свернуть на спокойную Мойку, Кирпичный, где никого не было видно и только лампады сияли по три в каждой комнате (добрый знак), и домой. Поиграли «Zauberflöte» без удовольствия и, поевши, легли рано спать.

20

Заезжал домой, брал ванну, выводил волосы, пил чай. От Сережи милое письмо. Приехавши на Галерную, застал Бакста

* Опустошился *(франц.)*.

** Низшим по сравнению с нами, но милым *(франц)*.

<«aspiré»?*> после завтрака у Вел. Кн. Бориса Владимировича. Пришел Нувель, ругался с Бакстом, потом тот передавал разные сплетни; его очень радует, что в Думе скандалят. Обедал у нас, играли «Manon», потом поехали все вместе. На Кирочной, спустивши Бакста, обогнали шедшего Павлика; мы сошли, чтобы идти вместе. Павлик мне не кажется теперь даже некрасивым: у него милый цвет лица, как персик, и сегодня какой-то слегка влюбленный вид. В саду были уже Шурочка и все завсегдатаи; Баронесса в разговоре с Нувель нашла меня интересным, что, впрочем, подтвердил и Павлик, говоря, что мушки, цвет рубашки и не знаю что делает меня сегодня очень интересным. Нувель ушел к Ивановым; минут через 40 поехал и я, несмотря на то что Павлик меня очень удерживал и было жаль с ним расставаться. У Ивановых был Успенский, развивавший «тэму» о проституции. Потом он ушел. Заговорили о Гафизе. «Роскошь» Городецкого оказалась восточной музыкой, а нежнейшее он объяснит. В<альтер> Ф<едорович> проговорился о посещении Коровиными Сомова. Это, кажется, подавило Эль-Руми. Потом играли Mozart'a, Weber'a, Grétry и Rossini. Диотима была печальна и мрачна, Эль-Руми с нею несколько груб, но было не так скучно, как я думал. Моросило, когда мы ехали домой; В<альтер> Ф<едорович> расспрашивал меня об Алеше Бехли, о ревности, о воздержании в Василе, о хорах в Нижнем во время ярмарки, думал ли я в начале знакомства с ним так сойтись, и ели фальшивого зайца. Все думал о Павлике, которого завтра увижу.

21

Иов сказал, что принесет деньги вечером, чего, конечно, не исполнил. Я читал «Aventurier Hollandois»[21], приехал Сомов, привезший мушки и чертика. Играли «Manon», они предпочитают Delibes и Bizet. Наклеили мне к глазу сердце, на щеку полумесяц и звезду, за ухо небольшой фаллос, но, выйдя на улицу, я снял со щеки, как слишком voyantes**[22]. Опять ехали втроем. Был дивный вечер, бледная луна на сине-лиловом небе над густыми садами за Марсовым полем была бесподобна. Павлик стоял в толпе, но, увидя нас (мне показалось), быстро пошел в театр, куда он никогда не ходит. Через минуту вышел навстречу нам. Сомову он скорей понравился, говорит, что свеж, симпатичен и gentil. Ели мороженое и пили чай. Нувель меня изводил; я все больше влюбляюсь в Павлика. Он был несколько печален, но очень мил и просил приходить завтра. Поехали к Коровиным; отсутствие денег, боязнь, что угрозы В<альтера> Ф<едоровича> отбить Павлика серьезны, несколько печа-

* «Придыхающего»? *(франц.)*.

** Заметные *(франц.)*.

лили меня. Оба мои спутника стали на улице облегчаться. У Коровиных были Бакст и Сандерс. Бакст говорил, что Аргутинский нарочно явился к нему выразить все свое негодование <за то>, что они ехали втроем и со мною. «Mais voyez donc, vous êtes ridicules*, вы себя не видите». Бакст ругал его болваном, но меня поразило, что знакомство со мной влечет такие неприятности моим друзьям, а м<ожет> б<ыть>, я действительно не вижу себя; énormité** и зараза. Я был все время грустен от денег и от этих мыслей. Сомов спросил на обратном пути, сколько мне нужно денег, я сказал 50 р., но подумал, не спрашивает ли он, желая выручить меня, и я старался быть менее грустным. У Коровиных было очень мило, много ели, пили, пели и смеялись. Сомов ночевал у нас, перед сном я наклеил чертика под мышку и пошел показывать Сомову, сидевшему уже в белье. Ночью спал отвратительно, т. к. заснул только в 8 $^1/_2$ утра, все думая о своих делах и персиковых щеках Павлика. Чертик сох и корежился на моем боку, я почему-то все плакал.

22

Утром Сомов деликатно и нежно предложил мне денег. Мне хотелось плакать, я был рад и благодарен, и мелькала гадкая мысль: что, если К<онстантин> А<ндреевич> подумает, что моя меланхолия была особенно выставляема на вид, чтобы он предложил свою помощь? Дневника писать не мог, а читал «Aventurier Holl<andois>». После завтрака поехал к Иову; часть денег отдал. Дома сказал, что приеду ночевать. Поехал к Ивановым; Сомова еще не было, Вяч<еслав> Ив<анович> оставлял обедать, но я напросился на завтра. Чулковы видели нас вчера едущими втроем из Тавриды. В<ячеслав> Ив<анович> предлагал денег. Сомову развивались новые основания Гафиза, но он не был восхищен и нашел Ивановых обиженными. Вместе поехали: Сомов к Аргутинскому, я домой. Лена настояла, чтобы я обедал, хотя я хотел ограничиться чаем. Так нетерпеливо стремился в Таврический, что приехал туда ужасно рано. Ждал, ждал, и ходя, и сидя «в ожерелье», и сидя «на горке», и смотря на белых уток. Наконец, часов в 10 явились Шурочка и Павлик, судьбу которого я уже готов был оплакивать, помня вчерашние предостережения от гимназиста, что его могут побить. Он цел и невредим. Шурочка кого-то искал, а мы, сделав тура три, поехали в «Славянку», куда, по уверению Павлика, меня пустят[23]. Была очаровательная луна в воде и на небе, на той стороне деревья островов, проезжающие мимо лодки и пароходики, и теплая ночь, и Павлик — все было прекрасно. М<ожет> б<ыть>, еще

* «Но посмотрите, вы смешны...» *(франц.)*.

** Гнусность *(франц.)*.

лучше бы, если б тут был и Нувель и еще кто-нибудь. На обратном пути на мосту мы купили несколько роз, чтобы их обнюхивать, как вчерашний Ванечка в Тавр<ическом> саду; они были разных цветов и увядающие, и лепестки осыпались и на извозчике, и по лестнице, и в комнате, будто осыпая дорогу. Павлик уверяет, что любит меня, что я понравился раньше, чем познакомились, что можно дело иметь с разными, а любить одного, и не хотел, чтобы я положил ему в карман деньги. Рассказывал, что тот господин, хлопотавший о моряке, спрашивал у Павлика, не член ли Думы тот господин в поддевке с очаровательными глазами и с мушкой. Но Павлик не назвал меня почему-то. Он был страшно нежен и не хотел уходить, что в конце концов нужно же было сделать. Просил приходить завтра после 10<-ти> в сад. Я его изводил, что он скучает о Нувеле и что я не верю, что он меня любит. Розы взял с собою. Кажется, он был доволен.

23

Пил чай дома. Приехал на Галерную в 1-м часу, без меня приходил казаковский Степан, оставивший записку, что завтра уезжает. В<альтер> Ф<едорович> очень тронут рассказами о «Славянке» и говорит, что в пятницу нужно вечером с Вячеславом и Сомовым туда отправиться. После завтрака мы простились, условившись встретиться в Тавр<ическом> с<аду>, куда он думал прийти после обеда у барона. Был в парикмахерской. Л<идия> Дм<итриевна> при нас ушла и вернулась только в половине седьмого. Играл себя и «Echo de France», Вяч<еслав> Ив<анович> находит какое-то родство у меня и с Debussy, и со стариками. «Tandis que tout sommeille»* теперь нравится. Рассказывал, что, когда Вяч<еслав> Ив<анович> прочитал Чулкову своего «Антэроса»[24], тот спросил: «Вы это посвятили Нувелю или Кузмину? я их вчера видел». Это известно, что я живу у В<альтера> Ф<едоровича>, вообще какой-то вздор. Я рассказывал про Павлика, про «Славянку», про Тавриду, и тот слушал не без внимания. Показывал сомовского чертика, были милы, будто прежде, говорили о моем первом посещении, о моей смелости, кучи приятностей. Обедали; опять играли. Вяч<еслав> Ив<анович> хотел пойти в сад посмотреть Павлика, но испугался народу и Нувеля. Павлик дожидался уже с час. Почти все время с нами ходил и Шурочка, очень хотевший познакомиться с Бакстом, чего, впрочем, я не сделал. Бакст пришел, думая увидать Нувеля, у которого в квартире вчера он просил позволения устроить свидание в час, на что тот не согласился. Вышла страшная трагедия, и теперь — завтра в час; просил передать Нувель и, посмотрев немного на малолетних, ушел. Юнкер уехал с домовладельцем Петровым на авто-

* «В то время, как все дремлет» *(франц.)*

мобиле; их состряпал Шурочка. Был брат Птички; все-таки он мне не нравится. Павлик очень хотел поскорей, завтра, поехать вчетвером в «Славянку»: просил уговорить В<альтера> Ф<едоровича> и что он приедет совсем ночевать, а сегодня попросился на Таврическую. Я его изводил его прежней любовью, которая вернется в октябре, как он тогда поступит и т. п. Он был очень мил, говорил «как хорошо», не хотел уходить, но решил лучше завтра предупредить дома, чтобы его не ждали. Из «Весов» извещение, что гонорары рассылаются по выходе в свет №, желаю ли я читать корректуры. Нувель не пришел в сад, и, чтобы предупредить его о свидании Бакста, нужно будет рано поехать домой.

24

С утра был дождь; пришел Нурок, потом Бакст на rendez-vous. Я уехал купить кое-что к завтрашнему утру, дома был зять, он хочет менять место, не знает, будет ли здесь жить осенью, поедет ли прямо в Василь, с ним едут барышни Эпштейн, Лидия Степановна уже в Василе даже и с Татьяной Алипьевной. В<альтер> Ф<едорович> находил, что неудобно сегодня ехать в «Славянку», т. к. Вячеславу придется заезжать переодеваться. Завтра, м<ожет> б<ыть>, к нему приедет Птичка. Собирается сходить на «Роберта-Дьявола» в Нар<одный> Дом. После обеда играли «Жизель»[25]: там много наивного вздора, после Делиба это пресно, но есть и прелестные места. В<альтер> Ф<едорович> поехал на свиданье, и я, подождав, стал одеваться, поехал тоже на свиданье. Дождя не было, но солнце садилось в тучи. В саду пошел дождь, Павлик пришел один, сели пить чай, чтобы быть защищенными от дождя и видеть и публику, и ожидаемого Нувель. Пришедший Шурочка подсел к нам, он говорил, что увидел только меня, и уж где я, там, конечно, и Павлик, «конечно, он — с вами». Приехал Нувель с мокрыми волосами, но не особенно кислый. Посидев немного, поехали втроем в «Москву». Вячеслав выступает в лагери, отпуск довольно затруднителен, в пятницу постарается, т. к. «Славянка» его живо интересует. Павлику ужасно хочется познакомиться с Вячеславом, и чтобы с нами поехал Сомов. Мне показалось, что на извозчике В<альтер> Ф<едорович> поцеловал Павлика; меня огорчило, что это было при мне и с секретом. Весело ужинали и пили. У Павлика новый галстух, лиловый, плетеный, и розовая шелковистая (<травленый?> батист) нижняя рубашка. Ехали еще в открытом извозчике, и Маслов меня, несмотря на свет, все целов<ал>, но вскоре пошел дождь и нач<алась> сильная гроза. Была прелесть сознания, что он останется всю ночь и завтра утром будем вместе пить чай с печеньем, вареньем, молоко и яйца. Павлик превосходил самого себя и часто просыпался. Спать было, несмотря на не очень широкую кровать, удоб-

но и уютно. И худое лицо Павл<ика> в профиль, поднятое кверху на закинутой шее, прижатое к подушке, нежно-персиковые цвета — напоминало не то итал<ьянских> примитивов, не то арлекина, нежного и лукавого, XVIII века.

25

Вставали, умывались, я старательно накрывал стол, было почему-то выметено, зятя уже не было. И здороваясь поцелуем, и сидя за чаем, будто с каким-то родственником, племянником, гостем, милым, услужливым, скромным, угощать, занимать после любовной ночи — было прелестно. У меня именно страсть, чтобы любимый человек существовал и был не только для моментов любви. Это важнее всего, некоторое стремление к collage*, это, может быть, буржуазно. Потом поиграл «Faust» и Шуберта и поехали; он сказал, может ли прийти ночевать под Петров день, а в понедельник увидеться. Было сыро и тепло, парило. Дома был Гречковский, завтракал. Собирались к Ивановым, но не знаю, не помешает ли большая гроза. В<альтер> Ф<едорович> несколько кисел и поехал только к парикмахеру. Дождь прошел, но вечером опять полил; приехал Нувель с письмом от Птички, подтвердившим его визит сегодня. Пили чай. Играли «Manon». Сцена в St. Sulpice мне совсем теперь не нравится, и вещь глубокую и настоящую, как связь плоти, там обращают в сентиментальный дамский романс. В Massenet есть Чайковский, и потом, он нестерпимо груб по сравнению с Delib'ом и даже Bizet. Болтали, ждали Фогеля, я скучал о Павлике, жалел, что не поехали к Ивановым. Читал вслух «Aventurier Hollandois». Я ужасно скучаю, что Нувель уезжает. Но вот пришел и Фогель, я предоставил им первое свиданье наедине. Когда я играл, В<альтер> Ф<едорович> позвал меня пить чай. Сам читал дневник, пропуская места только про Гафизы и Бакста. Птичка милый, веселый, с красивыми глазами, но несколько аффектированный и в веселости и в восторженности. Читали «Предосторожность», пели, потом перешли в комнату Нувель, я сел в качалку и, думая, что нежности были в начале, сидел да сидел, пока меня не стали вытуривать вроде Нурока, который требовал зонтика, чтобы уйти, когда готова была прийти Коровина на свиданье. Ночью я все думал о Павлике, которого увижу завтра. О милом худощавом персиковом лице, закинутом в профиль, на подушке.

26

Зять едет во вторник, тянет меня с собой, едет без девиц, но через Москву. Я обещал выехать в субботу. Утром уехал Нувель,

* Связи *(франц.)*.

и последние слова сквозь сон пронзили меня, как копья, хотя они были мягки и шутливы: «Как же можно было быть таким неделикатным и непонятным, что вас пришлось вытуривать, как Нурока?» Разве я сам не вижу всей чудовищности своего поведения? И это были последние почти слова Нувель, который так мил, так друг со мной, и покинуть его так не простившись? Не видеть Сомова, не ездить в «Славянку»? Поехали в Удельную. Тетя бодра и здорова, удивлена, что я еще здесь. Обедали у Кудрявцевых. Переодевшись дома, пошел в Таврический. Павлик, Шурочка, юнкер и управляющий стройный какого-то немца стояли вместе; я прошел два раза. Потом Павлик стал ходить с управляющим. Увидев меня, шепнул: «Одну минуту». Через некоторое время Павлик шел с Шурочкой в ужасном волнении. Оказывается, тот его напугал, что я сел на извозчика и уехал. Оказывается, его все просят познакомить с разными незнакомыми даже ему молодыми людьми. Стали гулять. Павлик все ссорился с Шурочкой, зачем тот ходит с розой, ведет себя неприлично и т. д. Наконец тот отстал. Павлик не может и думать, чтобы я уехал в субботу, но, конечно, это невозможно. Пошли раньше домой, чтобы зять еще не спал и можно было поиграть. Я сказал, что у меня нет денег, Павлик представился обиженным. В среду он может ночевать и провести хоть весь четверг вместе. Я спросил: «Ничего, что мы ходим под руку?» — «Конечно, подумают только, что мы так влюблены, что ходим по Таврическому все время вместе и под руку. Так ведь это и правда. Да?» Зять еще не спал и пил чай после ванны без пиджака. Поиграли Шуберта, меня и «Carmen» и, забравши печенье и имбирный ликер, отправились ко мне. В ласковости, легкости, веселости и белокурости со вздернутым носом Павлика есть что-то милое и нежное, как музыка Гретри. Пили ликер и болтали, не одеваясь; ему почему-то «Ал<ександрийские> песни» понравились больше детских, а вообще, «Erlkönig», но, конечно, у него вкуса нет или не развит. Провожал его в сапогах и в застегнутой поддевке на голом теле. Денег и в самом деле не дал, как не давал и еще раз прежде. Встретимся завтра. Плакал, чтобы я не уезжал.

27

Страшная жара, никуда не выхожу. Все прибираю, приходилось чуть не 5 раз ставить самовар то себе, то зятю, то тете. Зять уехал, оставив мне разные поручения. Тетя еще долго сидела, мирно беседуя и все более и более напоминая маму. Не мог дождаться времени идти в Таврический, особенно не выходя с утра на улицу. Сначала прошел в бесплатный[26] и почитал «Aventurier» у пруда, была чудная погода, играли в теннис, не сиделось, пришел очень рано и сидел за театром на скамейке. Наконец увидел canotier Пав-

лика; пройдясь раза три, причем старший Фогель, что-то про меня рассказывал какому-то седому господину, кивая и улыбаясь, — я предложил в такой чудный вечер проехаться опять в «Славянку», т<ем> более что я целый день ничего не ел. Павлик был очень мил и нежен, но грустен, будто бы от моего близкого отъезда. Но он несколько опьянел, так что, сначала все стоня, что не хочется домой, заснул до половины 5-го, когда уже решил остаться до утра. Спали часа четыре, и есть особая прелесть всей ночи вместе, разрумяненного сном лица, разнеженного, слегка в испарине тела. В четверг хорошо бы съездить в Сестрорецк вместе, купаться в море, есть вишни, обедать. Прислали корректуры[27].

28

Встал рано проводить Павлика и в окно смотрел, как он пошагал по Таврической, но он, не подозревая меня смотрящим, не обернулся. Вчера был тараканий морильщик, их не поспевают выметать. Некоторые спаслись ко мне в комнату и на большом паркете бегают, опьяненные, тыкаясь друг в друга, и вдруг, падая на спинку, издыхают в конвульсиях, будто в веселой пляске. Я долго смотрел на это. Отослал корректуры, ездил к парикмахеру и за покупками. От Сережи письмо, поскорей бы ехать, но как с деньгами, долг В<альтеру> Ф<едоровичу> — это прямо свинство! От Иова извинение, что не может сейчас отдать денег, если не верю, пусть возьму назад часть книг. Жара ужасная. Удастся ли завтра Сестрорецк, «Славянка» и отъезд, главное? Пошел к Ивановым, но, не застав их, отправился к Ек<атерине> Ап<оллоновне>, она поедет числа 10-го в Мытниково, звала меня с собою, даже предлагала в долг. Пошел в Тавриду, внезапно увидел Нувель, он вчера приехал; я был страшно рад, звал его завтра, сегодня пить чай. Пришел Павлик с Шурочкой. Павлик похудел, м<ожет> б<ыть>, и побледнел, но мне кажется еще лучшим; жалуется, что все не высыпается. Пройдясь немного, пошли домой. Пока я готовил чай, В<альтер> Ф<едорович> беседовал дружески с Павликом, потом опять начал меня изводить; я чуть не рассердился, когда В<альтер> Ф<едорович> сказал про меня, что это не XVIII в., а Тик и Новалис. Играли Шуберта и «Faust'а». Было очень жарко, и Нувель сидел без пиджака; пили Шабли и ели сладкое, горели свечи. Когда В<альтер> Ф<едорович> ушел, Павлик стал мне гов<орить>, зачем я сержусь, разве я не понимаю, что это — шутки, что, во-первых, он Нувелю совсем и не нравится; ну, уж этой морки я окончательно не выдержал и совсем разгорячился, т<ак> что нужно было всю ласковость Павл<ика>, чтобы меня успокоить. Завтра собир<аюсь> в Сестрорецк. На Галерную прислали деньги, но получить их пока нельзя. От Врасской письмо ко мне, на кв<арти>ру Нувель, с каким-то

вздором о Бальмонте. В<альтер> Ф<едорович> может поехать в Василь. Вот было бы чудно! Я не могу поверить.

29

Утром Павлик был весь розовый, будто просвечивающий, но, долго одеваясь и умываясь, стал бледнее, но еще свежее. Пили чай и закусывали, потом он поехал домой «показаться», а я, прибрав и переодевшись, тоже к пароходу. Была невероятная жара, особенно в вагоне, Павлик совсем раскисал. Посмотрев немного на детский бал, пошли на берег, где встретили Нурока и стали купаться в «выездных брючках» из вывезенной лошадью кабины. Было чудное солнце и вода в море тепла и мягка, купальные костюмы дают возможность ходить на виду не одетыми и даже, сказал бы, более раздетыми, чем без ничего. Потом обедали; Павлик повеселел, оживился, было очень, очень приятно. Когда мы встали, я заметил, что совсем близко сидели Певцовы, и я слышал, как она сказала: «Ведь это Миша Кузмин с этим мол<одым> человеком в соломенной шляпе». Посидев и погуляв немного, опять стали купаться. Был скандал: покуда купальщики были в воде, какой-то тип обобрал все кабины, 8 часов, 10 кошельков, пиджак, палку, письма. Вещи, кажется, отправили в участок и его тоже, только господин, у которого стащили пиджак, настоял, чтобы его выдали тотчас же. Потом гуляли в лесу, пили пиво, ели мороженое и поехали весело в город. Заехали в Таврический; народу много, но грамотных очень мало; видел ст<аршего> Фогель. Тут вышла у нас размолвка с Павликом, который всячески доказывал, что ходить под ручку в Тавр<ическом> саду неприлично, что будут показывать пальцами, что он не хочет афишироваться, что где угодно он готов ходить хоть обнявшись, но под руку в Таврич<еском> — ни за что. Все мои возражения были построены так: «А, вы потому-то и потому-то не хотите этого делать, тогда я, считая все это вздором, именно в Тавр<ическом> саду не хочу иначе ходить, как под ручку». И так мучил и себя и Павлика, которого, после того как он меня проводил до дому, проводил до Окружного суда. У меня болела слегка голова.

30

Утром принесли кислые сливки, которые я сейчас же вылил. Заснул еще, болела голова, скучал о Маслове, сердился на себя и на него, голова все болела. Поехал к Нувель, тут ждало меня большое, неожиданное и, по-моему, незаслуженное разочарование. Будучи вчера чуть не весь день у Ивановых и «говоря много об Антиное», пришли к убеждению (к чести В<альтера> Ф<едоровича> говорю, что «пришли»), что я делаюсь в дневнике все более одно-

образным и неинтересным, что не занимаюсь, веду безалаберную жизнь, размениваюсь на мелочи и что, ввиду всего этого, желателен мой скорейший отъезд. Как ни трогательны такие заботы обо мне, вижу, что если не дружбе, то дружескому времяпрепровождению с В<альтером> Ф<едоровичем>, с Сомовым и другими пришел конец, как Гафизу, как многому другому. И если мы поедем все в «Славянку», это будет последний Гафиз. А планы на яхту, на ins grüne*, на посещение Сомова? Увы, В<альтер> Ф<едорович> устал, и это ему наскучило. На 4 месяца хватило моей интересности. Теперь мне нужно искать новой аудитории, а дневник, его чтение — прямое зло. Разве я должен жить так, чтобы дневник был интересен? Какой вздор! Сам В<альтер> Ф<едорович> еще развивал мысли о буржуазности collage, как он приехал домой и с удовольствием почувствовал одиночество, о «3 свиданья хорошо, а 4-е скучно и для любовников, и для других». Если бы он хотел влиять и был психологом, то сумел бы взяться так, чтобы я поступил по его, и первое для этого — не выставлять слишком своих желаний, а то это прямо желание видимости влияния и молвы о нем. Я мечтал о прогулке всеми в «Славянку», но что же будет делать В<альтер> Ф<едорович>, который теперь и против таких прогулок, и против collage, и против моего здесь присутствия? Изводить меня и делать, хотя бы на минуту, хотя бы поверхностно, неприятное? После завтрака поехал за паспортом и потом в почтамт. Там видел Андриевичей. Утром видел на Гороховой Фогель, а на Пантелеймонской военного, бывающего в Таврическом; эта встреча и пуговица от Павлик<овой> рубашки у меня на столе несколько утешили меня от дружеских обид. Неужели и Сомов будет за мой отъезд? Все равно я и для него не могу сделаться другим, и если я выдыхаюсь, размениваюсь на мелочи, меняюсь, я ничего не могу поделать, вполне уверенный, что будет то, что быть должно и что это будет лучше всяких придуманностей. Голова проходит. Пришел Серов, скучный и тяжеловатый, говорил о политике, обедал, после обеда В<альтер> Ф<едорович> почему-то играл мои «Александр<ийские> песни», время шло, Сомов не ехал, Серов не уходил. Поехали вдвоем; в Летнем саду был только Павлик, поехали втроем на пароход; Павлик, уговаривая меня не ехать, обещал каждый день приходить, найти мне прислугу за 3 рубля, что мы будем экономить, тратить не больше 2<-х> р. в день и т. д. В<альтер> Ф<едорович> сначала был скучноват, но Шабли на всех подействовало, и я не очень огорчался и когда В<альтер> Ф<едорович> меня изводил, и когда на обратном извозчике целовался с Павликом. Дорога назад была какой-то невообразимой группой, вероятно, по неприличию. Нам

* Пикник *(нем.)*.

отпер новый custode. Павлик остался до утра. Мне было несколько жалко потом, что Павлик так целовался с Нувель. Мое отношение к В<альтеру> Ф<едоровичу>, совершенно мимо Павлика, в чем-то очень изменилось, и это мне жалко до крайности, что-то вроде как с Ивановыми.

Июль

1

Утром Павлик ушел, обещая прийти между 4—6<-ю>. Новый custode аккуратный, в комнате чисто прибрано, висит карточка Плеханова, лежат с.-р. книжки, зубной порошок, мыло; выметено, выметено и в столовой, стакан после себя моет, бумаг не разбрасывает. Мне была приятна тишина, большая чистота, ожидание Павлика; я сходил за ягодами, написал 5 необходимых писем, брал ванну, написал стихотворение, писал музыку, начал «Эме Лебеф», будто буду долго жить тихо, видая друзей, Павлика, пиша. Павлик не приходил; вероятно, после обеда заснул и проспит часов до 7-ми. Конечно, я его ждал, но не очень скис, настолько был бодро настроен, свежа голова и спокойно тело. Поехали обедать к Нувель, у манежа встретил Шурочку. Швейцар сказал, что Сомов вчера приезжал, но в Летний сад опоздал. Обедал у Нувель, несколько объяснились, собирались завтра к Сомову, а сегодня ненадолго к Ивановым и в Тавр<ический> сад. Пошел дождь совершенно неожиданно, будто весной; у Спасской церкви видели плетущихся в Тавриду Жоржика с братом в светлых костюмах с букетами по мокрому тротуару. Иванов только что приехал из «Адской почты», подстрижен и менее враждебен. Читал стихотворения, дневник[1], рассказывал свою ссору с Нувель. В кухне под кран было поставлено пиво, и вода все текла, делая впечатление проливного дождя за окном. И мне казалось, что В<альтеру> Ф<едоровичу>, который был довольно меланхоличен, не хочется идти в сад, хотя я был почти уверен, что Павлик там, и очень скучал о нем. Пели арию Розины; поднесенный когда-то букет «от друзей среды» уныло сох на рояли[2], горели свечи, шел уже настоящий дождь, и мы сидели до третьего часа. Домой возвращаться было не очень уныло. В открытое во время дождя окно налилась вода на пол. У швейцара записка от Павлика, который все-таки приезжал, что будет завтра непременно <в> 11—12. Завтра его увижу.

2

Утром дома пил чай, поджидая Павлика, читал «Aventurier», занимаясь музыкой. Павлик несколько опоздал, кажется, несколько

разочарован, что я сейчас уезжаю, но, в общем, веселый и милый в новом галстухе. Завтра он отправляет своего младшего брата, служащего в Гостином дворе, в провинцию. Довез его до Летнего сада, где никого еще не было. Нужно было торопиться на поезд. В дороге мы по-прежнему мило и дружески болтали. Бедный К<онстантин> А<ндреевич> вчера помчался в Летний сад, 2 раза его обежал, прождал всех выходящих до последнего, ел на «поплавке» один рядом с веселыми компаниями, заезжал опять на Галерную и отправился ночевать домой. У Сомовых были сначала какие-то дамы, которые скоро ушли, поговорив довольно либерально об убийстве ген<ерала> Козлова[3], о Думе и т. п. Так как дождь и гром ежеминутно начинались, все время пробыли в комнатах, то читая, то обедая, то играя стар<ых> французов. Было очень уютно. Вечером мы ходили втроем по садику, болтая о завтрашней поездке в «Славянку», напевая «Фигаро» и говоря всякий вздор. Заранее пошли на станцию, чтобы посмотреть на аборигенов, но ничего, кроме грациозных силуэтов, не было видно. На станциях тоже делали рекогносцировки. Приехали опять в дождь. Мне не хотелось плестись одному такую даль, и я попросил у В<альтера> Ф<едоровича> позволения переночевать у него. Вынимали белье, опять болтая, как кто себя держит во время любовных соединений, о неистовстве Птички, «Ай, мамочки мои» и т. д. Павлик думал сегодня быть в Павловске, я о нем очень соскучился.

3

Встал поздно, писал дневник, начал стихотворение. Завтракали, поехал домой; ничего нового, заложил некоторые свои вещи, денег дали очень мало. Поехал в магазин. Степан уехал, Саша уехал один в деревню лечиться. Георгия Мих<айловича> нет, заказов много, письмо мое переслали во Псков, завтра приедет. Кудряшев просил меня посидеть, пока он съездит по делу. Из мастер<ов> был только Шошин. Тишина, иконы, солнце, будто уже на закате сквозь тучи, тихий Шошин, мысль, что все уехали, ушли далеко, — все давало мне какой-то печальный покой. Заехал в парикмахерскую, потом на Галерную обедать; стихи вышли неважные. Приехал Сомов, нашедший, что у меня расцветший и веселый вид; поехали к Ивановым, где не было Городецкого, а мы интриговали, что не можем сказать, куда мы едем, т. к. это чужой секрет. В саду долго ждали Павлика, шел дождь, и мы пили чай под навесом. Наконец совсем поздно пришел Павлик с Шурочкой. Поехали на 2-х извозчиках. На пароходе под дождем сговаривались, как написать апокрифическую страницу дневника, чтобы заинтриговать Ивановых. Нувель хотел сесть на верхние балконы, где он когда-то был счастлив с Колей Зиновьевым, но там было ветрено; внутри уст-

ройство, как, вероятно, было в загородных ресторанах 60-х годов, каморки, зальца, кухня, шкапы. Народу не было. Сомову, кажется, нравилось. Ели, пили и Шабли, и глинтвейн, и кофе без цикория. Поехали все вчетвером на одном извозчике под капотом и все целовались, будто в палатке Гафиза. Сомов даже сам целовал Павлика, говорил, что им нужно ближе познакомиться и он будет давать ему косметические советы. Нашел, что его fort* — это нос, очень Пьерро et bien taille**, что приметные на ощупь щеки и что губы, так раскритикованные Нувель, умеют отлично целовать. Нашел, что я как целовальщик pas fameux***, но я поцеловал его несколько лучше. «Mais c'est déjà beaucoup mieux et vous n'êtes qu'un orgueilleux qui cache ses baisers»****. Доехали до нас, а сами поехали к Нувель. Павлик был до утра. Утром насилу его добудился.

4

После чая зашел к Чичериным[4]. Они приехали и, вероятно, будут сегодня на квартире. Оставив записку, пошел в магазин; на Литейном встретил беззубого гимназиста с пожилой дамой. Раскланялся. Его фамилия Путц и зовут Владимир Алексеевич. Казаков приедет только завтра и просит повидаться в 2 часа. Шел поминутно дождь. Опять зашел к Чичериным. Н<иколая> В<асильевича> нет, спросил их адрес; зашел домой, письмо от Казакова, довольно душевное, и обещано еще. Вздумал съездить к Чичериным. Вошел через кухню, где была Тоня. Когда она доложила, Нат<алья> Дм<итриевна> с необыкновенным удивлением спросила: «Кузмин?» Она кроила белую с серым кофточку на большом светлом балконе с печкой и асфальтовым полом. Приехали дня <на> 4; Н<иколай> В<асильевич> в Сенате, просила подождать и обедать. Девочка играла со мной в прятки, становилась лицом к стенке и говорила: «Ку-ку», — и потом, обернувшись, говорила: «А», — с улыбкой, другим уже тоном. Наталья Дмитр<иевна>, кроя, тихо и спокойно рассказывала о Покровском и расспрашивала. Дождь то шел сквозь солнце, то переставал. Смотрели с балкона на приходящие поезда, нет ли Н<иколая> В<асильевича>. Наконец он приехал, с парусинным чемоданом. Мы сами открыли ему дверь. Он еще бестолковее и absorbé*****, чем прежде. Т. к. приехала Нарышкина, они решили ехать к ней. Ели черничный суп, телятину и рисовый крем, говорили о знакомых, поехали вместе. В Тавричес-

---

* Сильная сторона *(франц.)*.

** И хорошей формы *(франц.)*.

*** Не хорош *(франц.)*.

**** «Но это уже много лучше, и вы лишь гордец, прячущий свои поцелуи» *(франц.)*.

***** Погружен в себя, отрешен *(франц.)*.

ком было еще мало народу. Пришел Павлик один, в осенней шляпе. Шурочки не видел; пришел и тот и, отозвавши Павлика, стал что-то ему говорить вместе с другим господином. Потом оказалось, что какой-то приезжий просил его познакомить с молодым человеком, блондином и высоким. Шурочка убеждал Павлик<а>, но тот наотрез отказался, и, когда я его потом спросил, отчего он это сделал, он отвечал: «Я не блядь, чтобы делать такое свинство». Я его убеждал, что я-то никуда не уйду, могу быть и завтра, и послезавтра, а деньги не мешают, но он попросил говорить о чем-нибудь другом. Шурочка все приставал с советами, ехать ли ему самому вместо блондина, но когда мы садились на извозчика ехать в «Москву», он стоял с какими-то офицерами и потом направился по направлению к Знаменской. Когда мы выходили, сторож говорил кассирше: «Вот этот каждый день за одним и тем же стреляет», — м<ожет> б<ыть>, про нас. Т. к. я очень хотел есть, то в «Москве» мы ужинали, пили пиво, мозельвейн и ели отличное мороженое, в формочках, сливочное — барашком, ананасное — виноградной кистью. Вспоминали Нувель и Бакста. У меня Павлик хотел пробыть до 3-х часов, но проспал опять до утра. Я думаю, что уеду в четверг или пятницу, это будет зависеть от того, что скажет Казаков об делах. К Нуроку, очевидно, не попал.

5

Писал дневник, проводив Павлика и сделав все по дому. Поехал к Казакову, но его не было дома, еще не приехал; обедал в Мариинской, она теперь меня мало трогает. Заходил к Рузанову и к Черепенникову, дома пил чай. Пошел к Ек<атерине> Апол<лоновне>, она завтра едет; посидев у нее часов до 8<-ми>, отправился к Ивановым, они еще не обедали; пел старых итальянцев, болтали, ели дыню. Вдруг полил дождь с вихрем, одна за другой подымались чернейшие катастрофные тучи, разрешаясь ливнем. В промежутках между двумя дождями я вышел, но поехал все-таки в Таврический. Воздух свеж и прелестен, огромные лужи, народу мало, в театре 5-е действие «Фауста». Павлика не было. Поехал домой, custode еще нет; сегодня к нему приносили повестку, приходили какие-то люди звать его завтра к 5-ти часам утра, все эти дни он какой-то странный, скучный, без дел, кажется, без денег; ушел с утра, уж не драма ли какая. Стало страшно. Сидел у себя в комнате. Пришел custode, я стал писать письмо Павлику. Вдруг звонок (было 12 часов). Звонок? Лечу... Custode со свечой у двери, а из-за двери милый, знакомый, любимый голос Павлика меня спрашивает. О, радость! Он был неожиданно дежурным до 11<-ти> часов, помчался за 2 р. в Таврич<еский> и потом рискнул ко мне. В пальто, высокий, почти солидный. Он ушел в половине 3-го. Я писал в письме «ужасно о Вас», хотел «соскучился», но тут его приход прервал. Как я счастлив это лето!

6

Утром письмо от Нувель и от Юши. В<альтер> Ф<едорович> пишет, что когда пойдет к Ивановым, то зайдет ко мне. Ездил к Казакову, но не говорил с ним покуда. Приехал Нувель с письмом от Сомова, что он нас целует, уже соскучился, если в субботу будет эскапада, пусть выпишем его. Думаем, не поехать ли в Сестрорецк; в пятницу на «Роберта Дьявола». Вячеслав ничего не пишет. Не застав Ивановых, зашли в большой Таврический, смотрели на играющих в теннис; издали был грациозен англич<анин> Самсон, оказавшийся вблизи похожим на молодого пастора. Кого позвать кроме Павлика? В<альтер> Ф<едорович> поехал к себе, я домой. Напился чаю, переоделся и отправился в Тавр<ический>. Павлик пришел один, скучноватый; приехал Нувель, все искал, кого пригласить в Сестрорецк, но, встретив старую любовь, vivandier'a, которого он имел года 2 тому, удалился с ним aux pays chauds. Павлик поехал со мною в «Москву», я ничего днем не ел и с удовольствием закусил; сидела какая-то парочка, и Павлик нарочно сел спиною, чтобы не видеть дамы; меня это почти удивило. Ночью мне снилось, что с нами кто-то третий, и, проснувшись, я спросил: «Куда же ушел тот-то?» Утром заметил, какие милые круглые плечи у Павлика; это 14-е свиданье с 10-го июня.

7—9

Был у Казакова, шел пешком и предавался детски нелепым и сладким мечтам, что бы я стал делать, если бы сейчас вот стал очень богат. Это с детства средство сокращать длинный путь. Казаков даст ответ в понедельник. Брал ванну; дома custode не было. Пришел Нувель в проливной дождь. Поехали к Ивановым, там все готовятся к отъезду[5], понемногу емоншипируются. Большой перерыв заставляет меня писать очень вкратце. Любовь, влюбленность к Павлику, ревность, какой я не знал с раннего детства, мысль об очень скором отъезде, какой-то abandon* в поездках. Был на «Роберте»; он отличный оперный композитор, но чертовщина и мелодрама этой именно вещи смешны и скучны. Местами музыка и исполнители были довольно скурильны[6]. Павлик ночевал после ужина в «Москве» у меня. Я немного ворчал на него, и он сказал: «Не нужно меня обижать». На следующий день было предположено съездить в Сестрорецк. Сошлись на «поплавке» с Сомовым и Нувель, но Павлик не пришел в 3 ч., будучи дежурным, а прямо ко мне в 6-м часу. Ехать было слишком долго. Обедали, слушали музыку, после, на берегу, составивши корзины для сиденья, устроили палатку Гафиза. Сомов был предприимчив с Павликом, но я поче-

* Заброшенность, беспомощность *(франц.)*.

му-то меньше его ревную к Сомову, чем к Нувель. Но все-таки я вышел и стал плакать, ходя по темному берегу вдоль шумящего моря, а Нувель меня утешал. В вагоне спали, Павл<ик> у меня на коленях. Ехать было холодно, Павлик без пальто совсем замерз, покраснел нос; придя, мы выпили вина, и было как-то горестно и еще слаще прижиматься к теплому нежному телу в холодной комнате перед скорым отъездом.

9

Встали поздно, закусили и сговорились, что Павлик придет в 6 час. Заезжал в магазин, потом к Иванову. Внезапно пришел Нувель. Дума разогнана, вместо Горемыкина Столыпин, Петербург в чрезвычайной охране, 4-й № «Адской почты» конфискован. Вяч<еслав> Ив<анович> так был подавлен всем этим, даже до смешного[7]. Условились ехать в Павловск, но, зайдя ко мне и найдя Павлика за ужином, В<ячеслав> И<ванович> отказался ехать. Поехали опять втроем. Обедали на воздухе, наблюдая публику и слушая музыку. Было очень приятно. Ночевал Павлик у меня.

10

Обедал с Казаковым; на улицах все по-старому; заезжал за закусками. Купил несколько роз, еду в четверг, вероятно. Было странно радостно все уставлять — и дыню, и сыр, и печенье. Приехал Павлик, у него умерла бабушка, панихида в 11 часов, но к часу он вернется. Я был весел, танцовал в красных сапогах, Павлик почему-то очень нежен, было необыкновенно, накрыт стол, горели свечи, стояли розы. Приехал Сомов раньше, чем думал, поцеловался со мной и с Павликом, несколько печально, важный и милый. Пришел Нувель, пили чай, Павлик <плакал?>, Нувель отправился за Вяч<еславом> Ив<ановичем>, которого, оказалось, задержал Чулков. Играли всего «Barbier»[8], упиваясь весельем и шипучестью этой музыки, потом «Carmen». Вернулся Павлик; по поводу «Carmen» Иванов завел спор о демонизме, об искусстве, ругал нас, т<ак> ч<то> Павлик ушел в мою комнату и лег спать; мне было мило, что он поступает так, будто открыто у меня и со мной живет. Ушли в третьем часу, ни к чему не придя в споре[9]. Я разбудил Павлика, чтобы сделать постель, он просил не ездить к Сомову, чтобы быть вместе все последние дни.

11

Встал поздно, покуда пил чай, убирал вчерашнюю посуду, стало и совсем поздно. Взял билеты на четверг. Розы очень распустились. Вечером были в Таврическом; Павлик пришел очень поздно; Нувель стрелял за вольноопределяющимся, но безуспеш-

но. Поехали в «Москву», ужинали, уплели с Павликом по 2 огромных шницеля. Последний раз ночь вдвоем, так сладко, так уже почти привычно. У прежнего своего друга он жил открыто 4 месяца, и бабушка этого прокурора с ними, втроем. Утром, уезжая, он мне долго кланялся и посылал поцелуи.

12

Было страшно жарко; я заехал за Вяч<еславом> Ив<ановичем>, совсем готовым, чтобы ехать к Сомову. Он недоволен нашей с Павликом Familenleben*, обоюдновлюбленным видом и т. д., собою, вечером, вообще был достаточно несносен. Погода была чудная. Иванов более абсурден, чем всегда, сначала стал говорить, что мой настоящий роман с Сережей, который будто бы в меня влюблен, потом сам мне признался в любви. Сомов с сестрой пели дуэтом, мы ходили к морю, обедали, К<онстантин> А<ндреевич> показывал нам прелестный titelblatt** к немецкому изданию путешествия Гёте по Италии. Письмо от Коровиной, которая нас всех зовет на дачу. Нувель вчера опять встретил таврического фельдшера и свидание завтра. Вячеслав приезжает в субботу. Писал бумагу, что поручаю Павлика Сомову и Нувель, свидетель В. Иванов, с гербовой маркой. Мне было грустно все покидать. На обратном пути в окно светила звезда, и было ветрено, и я представлял, как я поеду завтра далеко от всех. Мои руки пахли Павликом, мне казалось, и это меня пьянило. На извозчике В<ячеслав> И<ванович> долго, неловко и нелепо объяснялся мне в форменной любви[10]. Антон сказал, что приезжал минут 5 мой «товарищ» и, сказав, «что, вероятно, я остался на даче ночевать и что он завтра приедет в $7\,^1/_2$», уехал. Опоздать последнюю ночь без Павлика?! без его милого лица! нежного, теплого тела, круглых плеч?! Как раненый, я зажег свечу и стал писать дневник, прислушиваясь, не вернется ли еще он? Розы невероятно распустились, они огромные.

13

Заезжал в магазин прощаться; неужели я еду? Зашел к Иванову, мне было неловко, и в то же время что-то влекло именно после вчерашнего объяснения видеть его. Я пел арию Ифигении «O toi qui prolongeas mes jours reprends un Bien que je déteste»***, о Диане[11], мне было очень грустно. Взял у В<ячеслава> И<вановича> денег в долг, м<ожет> б<ыть>, я за этим и приходил. Укладывался; неужели я еду? Приехал Павлик, скучный, стал плакать. По-

* Семейной жизнью *(нем.)*.

** Титульный лист *(нем.)*.

*** «О ты, продливший мои дни, возьми то, что я ненавижу» *(франц.)*.

ехали вместе, будто куда-нибудь в «Славянку». На платформу провожающих не пускали. Был Нувель, Иванов и Павлик. Иванов говорил, что Павлик ему снова нравится, что у него западное лицо, лицо шведа. Павлик милый, бледный, с печальными теперь глазами, сидел скромно и благовоспитанно[12]. Неужели я его не увижу? Со мной ехали адмирал Брандт, гренадерский офицер и какой-то г. Адрианов из Бежецка, чужие, но милые и мягкие люди. Опять мелькание городов, домов, станций, где весь век живут люди и пойдут по своим делам, а ты пролетишь дальше и дальше. Печаль сумерек; ах, Павлик, Павлик, что-то он делает один, и все друзья, и близкий Нувель, милый Сомов и несносный поэт В<ячеслав> Ив<анов>?

14—15*

Кто сказал, что путешествия развлекают, заставляют забывать, успокаивают? Особенно пароходы по Волге, что м<ожет> б<ыть> банальнее, скучнее, более ecoeurant**? М<ожет> б<ыть>, оттого, что я и ехал один, и милый Павлик меня несколько подвел, взял в последнюю минуту 20 рублей, т<ак> что денег у меня было в обрез, но все мне было неинтересно, скучно и томительно, так что я или с обиженным и надломленным видом блуждал, или остентитивно*** и высокомерно ел что-нибудь в столовой, или валялся в каюте, обливаясь потом и думая о Павлике. Закат в реке всегда fade****, несколько бутафория или английские акварели, но не без прелести; приятно утонуть в воде, имеющей вид розовой, а не черной. Механичность волн приманивает, но в утоплении есть борьба со смертью, почему предпочтительнее выстрел или из окна. Скорей бы доехать! Я вижу, как Павлик сидел на вокзале, я слышу голос Сомова, я вижу набережную. Волга разве это есть? Как-то меня встретят наши?

16

В Нижнем проходил мимо перестроенного дома Бехли; Нижний мало возбудил воспоминаний. Горят леса, вечером мглы и солнце без лучей, багровое. Свел какое-то знакомство с певцом и дамами, которые заставили меня аккомпанировать всякую пошлость, и с милым купчиком из Казани. Приехал поздно, знакомые темные улицы, звезды, тепло. У наших спали. Сережа отворил двери, Варя тоже встала. У них хорошие, большие, почти пу-

---

* Запись за эти два дня сделана карандашом.

** Отвратительно *(франц.)*.

*** Чванливо (от *франц.* «ostentation»).

**** Безвкусен *(франц.)*.

стые комнаты без коридора. Аня уже уехала. До света болтали с Сережей.

17

Утро; читали Сережины «Записки Ганимеда»[13] — мне понравилось. Дневник. Купались с Рахиль Семеновной. Едим яблоки, дурочка напротив сидит на траве и беспокойно попискивает. Написал письма, очень скучаю не только о Павлике, но вообще обо всем[14]. Вечером гуляли; мягкая, кроткая местность, вечернее солнце наводило какое-то печальное забвение. Спал плохо, что-то бормотал, просыпался, боялся, хныкал, кружилась голова. Вечером играли в карты.

18

Ночью говорил, что «скучно» спать. Не знаю, каким чудом устроюсь практически со своими делами; мелькает мысль, не сбежать ли на некоторое время за границу к Юше[15]. Это, м<ожет> б<ыть>, идея. Дорогу он устроит, можно преувеличить опасность политического момента. Был ли я бы счастливее, имея здесь Павлика? Я думаю, очень да, только не совсем без денег, как теперь. Сбирали грибы. Высокие комнаты заставляют меня воображать себя в Щелканове, и странно, что нет всех Верховских жен, к одной из которых всегда можно было присуседиться, и убивает планы о больших прогулках и катаньях. Мне ужасно этого не хочется. Вечером приехали Дмитриевы.

19

Гуляли; опять гуляли, дурачились, вечером при луне сидели над Волгою и бродили. Было тепло, луна, городок под горой, почти уже спящий, — все приводило на мысль какой-то юг, и было жалко быть без любви, без приключенья. Много смеялись, старуха Дмитриева мне почти нравится. Сегодня мне несколько лучше, чем вчера, хотя я еще слишком хорошо помню поцелуи Павлика, чтобы равнодушно обходиться без них. Писать ничего не пишу. Написал письмо Юше. Решительно не знаю, как быть теперь и осенью, и вижу, что, будь деньги, я бы ни о чем не думал. Значит, это главное.

20

Всю ночь видел нелепейшие сны, какие-то квартиры, диван, мощи Победоносцева, но не видел своих милых друзей, ни Павлика. Утром Дмитриевы уехали. День был почти осенний, за Сурой сжатые поля, скошенные луга, речки, лужицы, затоны, перелески с горы казались географической картой или картиною в начальн<ых> школах. Была осенняя уже прелесть природы. Живу-

щая здесь дачная молодежь удивительно неинтересна, не говоря о явной безграмотности. Вечером ходил на почту, долго разбирали письма. Я трепетно ждал, нет ли мне. Не было, а у меня так сладко сжималось сердце. Письмо от зятя: об деле, обо мне ничего. Счастливый, он в Петербурге! Ничего не писал.

21

Сегодня были разбужены маленькой Варей, принесшей Сергею повестку на гонорар из «Руна» — 9 р. 59 коп. День был то солнечный, то с дождем, я чувствовал себя легче. Писал 2 стихотворения, Сережа писал романтический рассказ в духе несколько Гофмана. Ходили за грибами. Если бы был инструмент, с удовольствием играл бы. Вечером письмо от Павлика. Он был раз с Сомовым, но не с Нувель, пишет, что скучает, зовет скорее приезжать, сообщает кое-какие новости. Милый, я даже не ревную, а почти радуюсь, что он соблазнил Сомова; что-то сообщит Renouveau. Я думаю, попрося денег у Иванова или Чичериных, быстрее уехать, но, м<ожет> б<ыть>, этого и не будет, отчасти это зависит от всех ответов. Начал читать «Anecdotes de la cour de France» про m-me Pompadour[16]. В ожиданьи почты сидели у лодок, мужики бранились. Переезжали в заречные деревни, солнце уже село, и дали за Сурой были преображенно-светлы. Хотелось быть печальным, в разлуке, покинутым, и была сладость в этой горечи.

22

Читал мемуары Lady Hamilton[17], прекрасно. Как выйти, как выйти из стесненного положения, чтобы не думать о нем, чтобы из 100 делать 300 рублей. Неужели всегда все будет отравляться такими мыслями? Или бы мне всегда было мало и недоставало? Я мечтаю о каких-то дачах с молодыми людьми, веселыми поездками где-то в Финляндии, не то в Крыму. М<ожет> б<ыть>, холодное утро меня так настроило. В Петербурге все принималось не так трагически. Всю ночь видел во сне, что делаю какие-то свинства с высоким молодым человеком, лица не помню, помню ресницы и волосы белокурые на голове, рыжеватые в скрытых местах, притом делал то, чего не делаю обыкновенно наяву, и это было приятно. Ходили за грибами, Катя все уставала и осталась одна со мной ждать других; я вырезал на березе: «Павлик Маслов 1906», потом говорил с ней об Райдер Хаггарде, романы которого она читает, потом крепко заснул на траве, видел Павлика, голого, пляшущего в лесу на поляне. Болела голова. Завтра едем в монастырь. Писем не было. Огромная луна; когда она подымается — она сверхъестественна. Сережа рассказ кончил, конец лучше начала, хотя туманен. Какой-то шаг от «Колдуна».

23

Сегодня ездили в монастырь, в который когда-то ездили с Алешей Бехли и по дороге в который мне впервые открылись итальянские сонеты[18]. Там вид скита: небольшие домики, чисто, уютно, черные сарафаны, сады, веселые милые и лукавые келейницы: Манечка и Дунечка, незатейливые рассказы о похищениях, о смерти игуменьи, о монастырских обычаях, воровстве яблоков и т. д. Далекая дорога на лошадях всегда приятна, но почему-то мне напомнило опять Щелканово. Назад возвращались под тучами в сумерках, с далекими молниями. Было приятно обедать в 10-м часу, но сейчас же легли спать. Все дни или строю смешные ребяческие воздушные замки, или выворачиваю голову, как устроиться с деньгами. Положим, тетя получит дело; расплатясь с первейшими долгами, одевшись в европ<ейское> платье, съездив куда-нибудь 2 раза за город — вот и опять старое постоянное нехватанье, и я не вижу, чем получить и в будущем возможность жить, не скажу по желанию, но возможным образом. Получу ли я завтра письма?

24

Мне нужно рассказать то, что было давно, еще когда я был в Петербурге. Когда зять уезжал и предлагал мне денег, то говорил, что теперь они ему не нужны, что он не знает, куда их спрятать, и часть оставляет в квартире, и сказал где. Потом, чтобы уехать и прожить, не зная, где взять достаточно, я решился взять эти деньги, не спросив позволения зятя, и оставить ему записку об этом. Конечно, это был род воровства. Сегодня от него письмо с выговором, скорбное и морализующее, где он обещает хранить мой поступок в тайне, говорит, как трудно мне будет удержаться на этой плоскости, что мои поступки ему не безразличны, как симптоматично мое постепенное удаление от корректности в денежных делах, и чтобы я имел в виду, что деньги могут понадобиться в сентябре. Дело наше отложено. Опять мысли о неизбежной развязке смертью. Из окна? лететь... только шаг, но какой ужас, какой крик! Рахиль Сем<еновна> рассказывала, как юнкер Жорж Панкратьев зимой застрелился в Казани, я как пьяный слушал это. Убивают же генералов, губернаторов. Но лучше умереть в Петербурге. Совсем не помню, что было сегодня; после дождя воздух был почти чувственно приятен, я редко им так наслаждался. Мы гуляли, и я сбирал лесные фиялки (тре<х>цветные). Что-то читали, была Рахиль Семеновна, ходили на почту, встретили Инжаковичей, переехавш<их> сюда. Письмо от Нувель, милое, без persiflages*, с известиями о Павлике, о буду-

* Издевок *(франц.)*

щем, будто я не обреченный. Это меня ободрило. Ах, увидеть бы их всех и там, кончится или нет, или выпутаться, опять впутаться, но там, около них, около милого, «целова́нного» Павлика, около милой жизни, к которой я тянусь и стремлюсь. Там, с ними, и солнце другое.

25

Дождь целый день; убирают яблоки с утра; Сереже прислали № «Руна», где его рассказ[19]. «Руно», снимки с картин, особенно почему-то портрет Дягилева[20], еще больше заставили меня приуныть. Письмо от Павлика, такое нежное, такое какое-то поцелуйное, что я ему почти что верю. За что мне такое счастье это лето? Я никогда не был так счастлив и так полон предчувствий грядущей беды. Написал Эль-Руми, что не может ли покуда он прислать мне денег на дорогу[21].

26

Ходили за грибами под дождем, большой заяц перебежал дорогу и долго был виден скачущим по сжатому полю. Пахнуло какой-то осенью. Вечером ходили с Инжаковичами на «эхо»; такой широкий, всегда пленительный вид. М<ожет> б<ыть>, осенью как-нибудь и обернусь, но нужно быть готовым к худшему. Долго ждали почты, сидя на берегу; ходил народ, повара из гостиницы ездили на садок за рыбой и привезли сомов; мне так захотелось быть с Павликом в гостинице, есть уху, гулять вместе. Письмо от Иванова, милое, но отвлеченное и туманное и чем-то меня раздражившее[22]. Луна, ясные звезды и холод, напоминая осень, мне милы.

27

Приехали из монастыря Манечка и Дунечка, меня ничто не радует. Если бы с нами жил Павлик, был ли бы я спокоен? Я думаю, даже при нынешнем положении дел, и тогда достаточно мною бы ценились и веселая зеленая березовая роща, где мы гуляли сегодня, с видом на Волгу, и дорога по сжатым полям, и ясные ночи. Писем долго, долго ждали, а их не было. Что же это меня все позабыли! и Павлик. Сегодня в карты выиграл; наверное, у него свидание, заставившее его не поминать меня каждую минуту. Сегодня четверг, запомним.

28

И сегодня нет писем! Я дожидался почты уже один, и, смотря через плечо почтальона, разбиравшего почту, я замирал и волновался, не знаю отчего. Нет и нет. И Павлик меня забыл: 3 дня

я не имею уж от него писем. Сегодня тепло, небо празднично голубое с яркими белыми облаками; гуляли по Суре, теперь я более замечаю прелесть природы, чем первые дни, хотя настроение значительно понизилось; мылись в бане. Зять в Петербурге, там хандрит и тоскует, а если бы я был там, как я был бы доволен! Что-то мне ответит Иванов?

29

Встал не поздно, ходил утром на почту посылать «Елевсиппа» Нувелю[23]. Я люблю ясные утра, я люблю вечера и ночи, менее всего я люблю дни. Опять ни от кого писем, и Павлик меня забыл. Мы ждали долго, долго, до темноты, парохода, разборки писем — нет, нет. Был теплый звездный вечер, будто южный городок. Я люблю приходы пароходов, мелькание новых лиц, оживление берега. Ночью была ясная луна и звезды, караульщики в саду тихонько пели, так не хотелось в комнаты. Отчего меня все забыли? Я живу почти от почты до почты.

30

От Павлика писем нет. Больше ничего не хочу помнить. Что это значит?

31

Послал телеграммы Павлику и Нувель о нем, вечером получил ответ: «Павлик здоров. Пишу. Нувель»[24]. Переводов нет, писем нет. Привыкаю жить, не думая о скором отъезде в Петербург, пожирая яблоки, ничего не делая длинный, длинный день, смотря на мирные виды тупо и теперь без особенного ропота. Волга вечером, толпа на берегу, пароходы действуют гипнотически. На все смотрю, думая, что, м<ожет> б<ыть>, скоро не буду ничего видеть. Сегодня на большой дороге убитый котенок; какой abandon позы, будто крепко, крепко спит; если тело чувствует, я думаю, приятно разлагаться, будто расчесывать язвы, будто пролежни, сладкая и томная боль, слабость. На пруду женщина кормила гусей, в голубом платье, и ее не увидеть. Как у Пушкина:

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных...

Отчего у него такая вечность с такой легкостью? Когда лежа на спине долго смотришь в небо, кажется очень нетрудным умереть. Писать писем я не буду, во мне какой-то перелом, и к мысли, только что самой пламенной, о моих друзьях примешалась горечь. Но люблю я их больше всего на свете.

Август

1

Утром прислали деньги от Иванова. Из письма, полученного вечером, ясно, что мое от 26<-го> он получил только 31-го. От Павлика ничего. Ехать ли мне раньше? Подожду ответов от Павлика, Нувеля и Чичериных. Ходили в монастырь, решительно никакого ни впечатления, ни удовольствия. Болела голова. Татьяна Алипьевна рассказывала про Крым, с деньгами там, м<ожет> б<ыть>, недурно; впрочем, с деньгами везде хорошо. Когда смотришь долго на воду, на облака, на иконы, кажется легким умереть, становится все равно. Мои отношения к Павлику изменяются, моя любовь совсем не уменьшается, но вступает в новую фазу. Отчего он не пишет? с 21<-го> до 30<-го>. 9 дней!

2

Сегодня ждал писем от Павлика и Нувель — их нет. Все остальные мои денежные дела, мои писанья, мои мысли об отъезде — все затмевается этой мыслью — Павлик меня забыл. Но отчего это так терзает меня? На меня находит какое-то равнодушие, мысль о смерти все привычнее. Конечно, я уверен, что любовь к Павлику, особенно не питаемая со стороны, скоро пройдет, и если что случится, то это будет простым совпадением, а не следствием того, что он меня бросил. Я почему-то думаю, что все обойдется, что, в крайнем случае, я сбегу от долгов, прямо не заплачу их или т. п., а м<ожет> б<ыть>: иногда пленительно думать о смерти, только нужно напиться раньше.

3

Получил письма от Нувеля и Сомова[1], но не от Павлика, про Павлика очень мало, и я решительно не знаю, чем себе это объяснить и как поступить, ехать ли, ждать ли, телеграфировать ли. Утешения Сомова несущественны, хотя и прочувствованны и дороги мне. Вся моя путанность положения чисто матерьяльная, отнюдь не психологическая и не сердечная. Но, м<ожет> б<ыть>, я все предоставлю на волю Божию, благо векселей нет. Но Павлик меня изумляет ужасно. Мне кажется в письме Нувель что-то скрытым, и чем-то оно холоднее, чем первое. Что будет завтра? Я долго ходил по комнате, снова перечитал моих милых друзей и потихоньку запел дуэт из «Figaro». Умереть? из-за денег? не малодушие ли это? Предоставлю все на волю Божию? Все весело принять — и бедность, и долги, и неплатеж, и даже бегство (как Вагнер[2]), скажем, тюрьму (хотя векселей у меня нет), и даже, вероятно, несуществующую забывчивость Павлика, даже невозм<ожность> его иметь! В возбуж-

дении я перечитывал планы «Aimé Le Boef». Завтра же писать! О, жизнь! А в XVIII в. не убивали себя люди? А Вертер? Милые, милые, благословенные мои друзья, как я люблю вас! Долго еще ходил и весело лег спать.

4

Писал сегодня «Histoire édifiante de mes commencements» и кончил[3]. Вечером все ходили в балаган, где разыгрывали «живую корову» и 2-х петухов, пели, кувыркались, были акробаты, пантомимы и т. п. Там был приятный на вид полуакробат, полуклоун, Густав или Густов, лицом напоминавший Бехли. Как-то легко себя чувствовал. На почту не ходил.

5

Ура! Письмо от Павлика утром. Так жданное, милое, откровенное, бесценное. Неужели я в самом деле хотя несколько любим им? День жаркий. Наши пошли в монастырь на ночь. Я с Лидией Степановной, бонной и детьми остался. Как-то было все особенно, т. к. Женя заболела, всё делали сами, скоро и чисто, было тихо, спокойно, гулять не тянули, я писал письма своим милым друзьям, перечитывая и целуя письмо Павлика раз десять[4]. Теперь ехать скорее! Дожидаться ли вторых денег? хватит ли мне? как ехать? Я встретил Дунечку из монастыря и закричал ей: «А наши пошли к Вам, а я, знаете, скоро, скоро уезжаю, я получил письма от друзей и от приятеля, такой у меня есть, Павлик, так он зовет, совсем еще мальчик почти». Та кивала головой, сидя в тележке, и, улыбаясь, приговаривала: «Дай Бог, дай Бог. Значит, с радостью к празднику!» Я болтал, как сорока, бонне, Л<идии> Ст<епановне>, детям, все об одном и том же, и, когда они все ушли купаться, я пошел к яблочному сторожу Николаю делиться своею радостью, а тот говорил, что хозяин обещал им сегодня на водку, и совал мне <украинку?>, вкусную, как дыня. Какое солнце сегодня! Какое милое лицо у нашего почтальона! как у пряничной куклы.

6

С меньшим народом, с хозяйством Лид<ии> Ст<епановны> и Марьи Яковл<евны> как-то больший порядок, все скорее, тише, без капризов Лидочки и Бори, чище. Страшная жара. Я просматривал первую часть дневника, написанную особенно небрежно и требовавшую исправлений. Ходил взад и вперед по березовой роще к Хмелевке, везде масса праздничного народа: парни, бабы, мужики. Я читал, ходя, был какой-то романтизм сегодня. Вечером долго лежал в траве около Суры, глядя на небо и строя воздушные замки; играли в крокет. Пришли наши, Л<идии> Ст<епановне>

хотелось, чтобы они пришли измученными, им хотелось, чтобы мы соскучились и жалели, что не пошли. Было, м<ожет> б<ыть>, и то и другое, но зачем-то скрываемое, и сразу, как это ни странно, атмосфера сгустилась и потяжелела. Потом играли в рамс. Наши говорили о монастыре, они были у всенощной, им варили вечером похлебку, сегодня кормили вкусным монастырским обедом. Манечка оскоромилась, купались, беседовали с матерью Любовью, но, к моему стыду, я больше думал, как Павлик с гр. Шереметьевым ужинали у Донона[5]. Легли спать рано. На почту не ходил.

7

Томительно душно; я, изнывая, то ходил по комнатам, опять строя смешные планы, то сидел у окна комнаты с буфетом, смотря какой-то роман Жюль Верна без конца, без начала. Я не понимаю, чего я не еду. Ходили вечером на пристани, но парохода не дождались — наверное, писем нет. Вечером на пристанях очень весело, хотя сегодня темный душный вечер, за Волгой стреляют из ружей, тучи, жгучий ветер. Мои друзья могут думать, что я уже еду. Получу ли я письмо от Павлика еще? Вдруг завтра?! Не ехать ли завтра с «Самолетом»[6]? Увидеть скорей Павлика, скорее завтра, милое завтра, и послезавтра, и вся противная долгая дорога.

8

Утром ходил один гулять до завтрака. Страшно хотелось что-нибудь писать, но не знаю что, просто хотелось покрывать бумагу черными строчками. Написал письма. После обеда пошли на Суру лугами, я люблю эту дорогу, всю в виду города, ровную, среди кустов, широкую. Дом на перевозе, где мы сидели когда-то с Алешей Бехли, сгорел, и вместо него другой. Наши с перевоза поехали на лодке, а я пошел пешком. Пришли к пристаням в одно время, но они ушли, не дождавшись пароходов, я же ждал до темноты; рядом на скамейке сели чужие, ведя свой разговор, и мне уже чуялась грусть одинокой дороги к друзьям. Было страшно душно и темно, с нашими какие-то нелады, я с ужасом думаю, что в случае задержки моей, раннего приезда Пр<окопия> Ст<епановича> будут таскать по разным борам. Письма от Нувель и Павлика. Домой мне спутником пристал какой-то сторож, и мне было приятно в темноте идти разговаривая, а не заброшенным. Ах, прислали бы поскорей денег, чтобы без думы ехать. М<ожет> б<ыть>, завтра. Почему мои друзья так совсем забросили бедного Павлика? Его тов<арищ> прокурора, оказывается, очень часто ему пишет и вообще выплывает на горизонте. Я сегодня очень расстроен; скоро я прямо начну дурить и грубить. Мне нужно уехать. Скрытые стычки из-за прогулок, из-за крокета, из-за желанья видеть народ, из-за балагана, из-

за всего, долгое воздержанье, скука по Павлике и друзьям, абсолютное безделье, отсутствие интересных бы мне знакомых, жара — меня энервируют крайне. Брат Алеши Бехли Сергей на днях утопился. Он был красивый, молодой и сильный. Он посмел. Но м<ожет> б<ыть>, больше еще смелости — остаться живым. Уеду ли я завтра? Господи, когда же я увижу Павлика? И он ждет не дождется письма с извещением о дне приезда.

9

Утром втроем с Л<идией> Ст<епановной> и Т<атьяной> Алипьевной ходили в березовую рощу за кладбище; они были грустны, говорили, что их что-то гнетет, что бонна утром сказала: «Господи, и чего я не умираю! съезжу на свадьбу к сестре и умру потом!» Березы белые, тонкие, гибкие и частые, с нежною бледною зеленью, через нее Волга серая и неподвижная; сегодня лень и усталость была во всем. Какое-то равнодушие. Пошел мелкий редкий дождь. После завтрака пошли на Шеремет<евский> хутор за сыром. За Сурой чудные луга, там мне всегда вспоминаются стихи Сологуба:

Пришел. Пришел издалека,
Окрест в полях прохлада,
И будет смерть моя легка
И слаще яда[7].

Дивно там. Было опять солнце, ветер, открытые луга и мелкий лес. Каменные белые строения сыроварни, чистый прудок, <маленькие?> деревца, машины, гуси, толстый сыровар-швейцарец и его сын, слегка похожий на Сомова, но лучше, собаки Прометей и <Момент?> — все напомнило какие-то сказки Andersen'a: «Гадкий утенок» и т. п. Домой пришли поздно. Ходили с Сережей на почту, но не дождались парохода. Вечер теплый, с зарницами, и все небо, трепещущее звездами, народ на темном берегу, трактиры, освещенные внизу, спокойные улицы в гору, сады, редкие огни, напоминая какой-то южный, почти турецкий городок, звали к любви. А сестра обижается, что я уеду как раз накануне приезда зятя, не дождавшись, будто я его избегаю и т. д. И это действительно может иметь такой вид. Успокоившись за Павлика, я могу и подождать, и деньги подойдут, быть может.

10

Сегодня было очаровательно на пристанях; тонкий молодой месяц, заря, первые звезды, приходящие пароходы, оживление — все было прелестно. С «Кавк<азом> и Мерк<урием>» приехал зять; солдат, обняв за шею обеими руками другого, долго напутствовал его разными поручениями. Писем не было; наши едут 17-го, долго рассказывались разные новости. Неладно с письма-

ми-то, вероятно, Renouveau Павлика не увидел. Теперь, впрочем, это не первостепенно важно, раз я имею известие от самого него.

11

Ездили за Суру, пили чай под деревьями, будто веселые компании Ватто, но не особенно веселость всех мешала впечатлению. Несколько бы другое веяние — и при совершенно тех же условиях было бы дивно. Возвращались на лодке. После обеда играли в крокет, пришли Инжаковичи, но с ними сидели только Варя и Прок<опий> Ст<епанович>, мы же дурачились у ворот, играя в горелки, жмя масло, поя песни. Мне хотелось потанцовать, и я, зайдя во двор за ворота, поплясал в одиночку. И потом, пойдя на почту по полутемным улицам, я все громко пел, будучи почему-то возбужденно весел. Письмо от нежного Павлика, от верного Renouveau. Гафизиты видаются у Сомова, был и Городецкий[8]. Лететь бы скорей! Нежный Павлик пишет хотя просто и бесхитростно, но еще любовнее прежнего: вероятно, он получил уже мое самое сердитое письмо. Нувель пишет, что живет монахом по довольно серьезной причине. Триппер, что ли, у него? Вечером играли в карты. Без нас Л<идия> Ст<епановна> свалилась в ров и вывихнула ногу, так что завтра на хутор все не пойдем. Долго не отвечает Юша. Смотрю в будущее без дум, и потому легко.

12

Решительно ничего нет. Какой-то тупой день; готовятся к отъезду: обирают яблоки, режут кур. Завтра едет Т<атьяна> Ал<ипьевна> и Л<идия> Ст<епановна>: ходили на пристани узнавать о пароходах. Необыкновенно звездные ночи! Когда-то увижу я нежного Павлика! Цыганка гадала мне, между прочим вздором (ничего не говоря о женщине): «Ты лукавый, но щедрый и приятный, тебе завидуют за твой ум, тебя тяготят дела, но в разговенье тебе будет радость». Павлика же я не увижу еще 15-го. Получу остальные деньги, что ли?

13

С утра в каком-то томленьи. Я давно уже не был в таком чувственном возбуждении, как последнее время, и это угнетает, неудовлетворенное. Я вспоминаю роман Гонкура, где Жермини Ласерте ножки от столов, стульев, палки от щеток, перила, свечи представлялись мужскими членами и она старалась не глядеть, чтобы не возбуждаться[9]. Не в такой степени, но вроде этого теперь со мною, и я понимаю, как любители женщин не могут равнодушно слышать одно шуршанье женских одежд. Когда думаю о деньгах, сердце у меня падает: как я устроюсь? как я устроюсь? Решительно

не знаю. Я все пою какой-то пошлый романс на прекрасную «Черную шаль»[10]. Отчего там все так вечно? Какая божественность!

Когда легковерен и молод я был,
Гречанку младую я страстно любил,
Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.

Как все великолепно! И потом:

В покой отдаленный вхожу я один.

Или я пою «Tandis que tout sommeille». Неужели смерть? Есть картина в Эрмитаже, где на фоне светло-зел<еного> куста, в красном, в непринужденной позе, нога на ногу, с гитарой, опертой на колено, закинув голову, поет человек. Неужели смерть? Осенью, какая пошлость! Когда играли в крокет, напротив возились два мальчика, катаясь по траве и валяясь друг на друге, и к крикам шуточной драки примешивалась какая-то похоть. Я старался не смотреть на них. Провожали на пристани Татьяну Ал<ипьевну> и Лидию Ст<епановну> в темноте. На пристани народ спал на полу, какие-то парни улеглись на <тюках?> с яблоками головами вместе, переговаривались и перешептывались. Был огромный страшный арестант с 2-мя маленькими солдатами. Почту не разбирали, везде темно. Какая скука, какое одиночество! Долго ли, долго ли это будет? И вместе с тем осень пугает меня: не сейчас! не так скоро! помедлить! Ах, верные и милые друзья, нежный Павлик, неужели я покину вас скоро и навсегда?

14

Письмо от Сомова[11], милое, быстрый ответ, но чем-то меня не удовлетворившее: мне кажется, что мои друзья несколько стараются отвлечь меня от Павлика Гафизом, к которому я почему-то теперь сейчас *<так!>* охладел. Я в полном очарованьи Пушкина. Сегодня страшный ветер, хотя ясно. После обеда ходил один в луга на Суру, долго лежал, ветер совершенно стих, уже темнело, был виден месяц сквозь тучи, голоса переезжающих через реку были далеко слышны. Вернувшись и узнав, что Сережа пошел на почту, я тоже отправился туда же, но парохода не дождались. Какое же завтра ждет меня счастливое извещение? У меня сегодня явился блестящий, почти гениальный план, за который я ухватился обеими руками: это и может спасти от гибели, и интересно, и романтично, и почти весело, хотя не без тяжких разлук. Не знаю, выдержу ли я его и не погибну ли, но раз суждено умирать, лучше попытаться возможность не умирать *<так!>*. Но выдержу ли я, выдержит ли Павлик? Это так рискованно, но это настолько лучше мысли о неизбежной гибели, настолько сравнительно временно, что я только и думаю об этом. Надумал стихи, но очень неважные.

15

Шел дождь, я писал стихи. Никакого известия, ни радостного, ни печального нет. Все думаю о плечах Павлика, круглых, прелестных, персиково-розовых и немного шершавых на ощущение, таких теплых. Жалко, что я не был у него, я лишен того чувства, когда дом, улица, порог возлюбленного имеет такой горестно-глубокий смысл. «Едва я завидел Гречанки порог...». Я думаю о Пушкине, Musset, Gautier и Berlioz'e. В понедельник, в понедельник увижу Павлика! Вечером были в балагане, читали Гофмана. Но какая даль до понедельника, как я доеду?

16

Укладываемся, увязываемся, холодно. Сестра все мерзнет и закрывает двери и окна; после обеда гуляли далеко с детьми, было солнце, яркое и необыкновенное, длинные тени по лугам. Сережа убедил меня написать письмо Глазенапу, когда мы будем в Ярославле. Вечером ходили на пристани, степлело, была луна и звезды, было хорошо, но будто все-все уже уехали. В зале стояла приготовленная в дорогу провизия: пироги, яйца, казалось чисто, хотелось есть, и не ели, Сережа сказал: «Будто перед Пасхой». Мной овладевает возбуждение переезда. О, понедельник, милый Павлик! Ночи, дни, неситесь скорей.

*17**

Ясный, почти морозный день; прислали деньги. Рахиль Семеновна, прощаясь, рыдала и целовалась. Пароход дожидался только нас. Тесно и грязно, но т. к. мы ехали сначала почти одни, то это искупалось свободой. Хотя Варя и Сережа находили меня раздражительным, но я был очень сравнительно в духе, каждый поворот колеса меня приближает к друзьям, Павлику и, м<ожет> б<ыть>, к гибели. Даже писал стишки, которыми более доволен, чем предыдущими. Скоро, скоро увижу опять милые плечи Павлика.

18

В Нижнем. Улицы, повороты домов знакомы; приятно чувствовать себя все-таки в городе. Были в парикмахерской; там старые мастера с прохладными, как у покойников, пальцами; были у Таисьи Алип<ьевны> в <палатке?>, потом пошли наши к <Поле?>, я на ярмар<ку>; зашел к Большакову, где застал Маркиана и очаровательного, с прелестными, как у Венер Боттичелли, глазами Николая Большакова. В главном доме встретился с Сережей, с которым сели пить кофе в открытой кофейне; к нам ежеминутно при-

* Записи за 17, 18, 19 августа сделаны карандашом.

ставали, то с камнями, то с фотографиями, то с похабными книжками. Я купил 3 книжечки Баркова, рассчитывая на обман, и очень жалею, что не купил всех, т. к. по стиху и известной прелести эти вещи, безграмотно и искаженно напечатанные, очевидно — автентичные. Обедали у Чевского. Ребята все захотели на пристань и спать; мы с Сергеем их отвозили. Проезжая мимо дома Бехли, я видел Алешу и Соню на балконе, но они меня не видали. Пошли к Дмитриевым; там были молодые Дмитриевы, какая-то девица, Тая и Клавдия, было весело и шутливо. В безобразный дождь, темноту и гадость добрались до парохода. Еще день прошел.

19

Сегодня веселее ехать, ясная погода, более любимая мною часть Волги с почти непрерывными городами, селами, смеющимися веселыми берегами, больше людей, больше лиц для наблюдений. Прелестна, очаровательна Кинешма: я бы хотел прожить в ней дней 5 с кем-нибудь любимым, осматривая церкви, катаясь на лодке, любуясь Волгой. Плес — тоже волшебен ночью при луне. Скоро, скоро увижу Павлика. Встречу ли завтра Глазенапа? Только одна пересадка. На машине не так томительно долго. «Скоро я полечу по улицам Мадрида»[12].

20

На пристани был высокий господин в котелке с темно-русыми усами, скучного и ординарного вида, несколько похожий на фотографию Глазенапа. Он пошел на пароход; все осмотрел, долго смотрел на пристань, пошел тихонько на берег, оборачиваясь, и сел в вагон трамвая. Меня он видел, но я не уверен, что это не Глазенап. Погода прелестна, мы путешествовали en famille* по Ярославлю, являя собой не то странствующую труппу, не то «наших за границей»[13]. Попали в какой-то шикаристый ресторан со сценой, проходили мимо дома, где я родился, мимо церкви, где меня крестили: все, говорят, такое же. Там тихий, уютный, замерший вид. В вагоне было удобно, хотя и было много народу. Пошел дождь.

21

Приехали опять в ясную погоду. Наши жильцы оба были еще налицо. Везде пыль, в ванне прямо следы какого-то взрыва, прокламации. Весь день прибирался. «Весы» и письмо от Нувель: он с пятницы всю неделю в Петергофе — такая досада! Диотима приезжает сегодня, и я не застал Вяч<еслава> Ив<ановича>, уехавшего ее встречать. Вернувшись из Гостиного, я едва успел развернуть покуп-

* По-семейному *(франц.)*.

ки, как пришел Павлик: похудевший, но такой же милый, такой же нежный, какой-то скучный, однако. Мои предположения относительно нувелевского триппера совершенно подтвердились. Павлик очень торопился домой и предложил съездить в «Москву», куда я его звал после. Т. к. он пришел очень рано, у нас хватило времени на все, и я вернулся домой раньше Сережи, застав зятя еще не спящим. У меня слегка болела голова. Ну вот и Павлик, и Петербург, и «Александр<ийские> песни», теперь можно бы успокоиться, если бы не главное мое затруднение, постоянное и неизменное, — деньги.

22

Утром зять, походив по комнате, подсел ко мне и сказал: «Не можете ли вы достать денег, чтобы отдать мне долг». Он без денег, нужно платить за квартиру и т. п., деньги получит только в сентябре. Я ему что-то сказал, но откуда же я возьму 200 нужных ему рублей. Я бы сам рад был их иметь! Страшно болела голова, рвало, кружилась, опять заснул тяжело, глаза еле глядели, будто умираю. Я думал, уж не отравился ли я рыбой вчера. Пошел с Сережей после завтрака вместе, на Невском встретил отца Николая с Валаама; почему-то без денег на меня пахнуло желанием быть суеверным, между подонков, в нищете, завидовать, быть мистиком и быть хромым, чего-то ждать, о чем-то неутешно вспоминать. Сережа издали заметно кривоног и заплетает ногами, размахивая в то же время руками. До обеда играл «Кармен». Пришли полотеры — пятеро. После обеда пошли к Ивановым, у них была Мирэ, переживающая какой-то кризис, так что с ней им нужно было возиться. Ивановы милы по-прежнему. Диотима нашла, что я помолодел. Стихи одобрили. Пел опять: «O toi qui prolongeas mes jours!». Выходя от них, внезапно встретили Сомова на извозчике. Я был страшно рад; он обещал приехать сегодня. Я скорей поехал к Черепенникову, ожидая Павлика и Сомова. У нас была Юлия Николаевна. Прок<опий> Ст<епанович> какой-то скрюченный и ошпаренный: неужели он не достал денег? Он был сегодня у Инжаковича и Гельман, что заставляет меня надеяться на удачу. Сомов был мил, хотя печален и скучен, Renouveau приезжает в четверг. Стихи (новые), дневник и вступление — все понравилось. Павлика не было, я был в большом унынии, и само «Consolati» казалось мне погребальным. Долго еще я ждал Павлика, но он так и не приехал, вероятно, ожидая меня в Тавриде. Я плакал от тоски.

23

Утром писал музыку. Зять денег достал. Поехали в Удельную с ребятами, там были все время все вместе, и поговорить с тетей не удалось; шел дождь, домой детей поручили вести мне и Пр<о-

копию> Степ<ановичу>. Письмо от Павлика, что он ни вчера, ни сегодня не может быть, т. к. дежурный. После обеда попел Шуберта и стал играть танцы из «Armide» Glück'a[14]; вдруг звонок. Павлик, вот неожиданная радость. До времени дежурства побыл у меня, говоря душевно, привычнее, на «ты», м<ожет> б<ыть>, менее кокетничая, но нежно. Я нервничал, проливал слезы, жаловался на безденежье, он утешал, как мог; была будто сцена из романов Бальзака или Мюссе. Предложения перейти к конечным нежностям всегда исходят от него. Вышли вместе. Я поехал к Ивановым, поцеловав Павлика на улице. Сомов приехал поздно, еще позднее Городецкий от Тернавцева. Угощали абсентом, ужасная гадость; было как-то дурачливо, как-то: petits-jeux*, фокусы, конфиденции, темнота, поцелуи, смехи. Я был несколько уныло настроен. Мысли о смерти не покидают меня, несмотря на любовь Павлика. Сомов, провожая, утешал меня и, проведя до дверей, поцеловал на улице; было утро, туман, луна в желтом круге и яркая утренняя звезда.

24

Осенние дни приносят какое-то равнодушие к жизни. Написал в «Весы» и тете и будто успокоился немного. Зашел к Нувелю, чтобы оставить записку, приглашающую его вечером, но застал его самого. Он говорил, что очень рад меня видеть, прочитал часть дневника, где история с болезнью, разочарование и Сомова и Renouveau в Павлике, отзывы о нем (после подозрения заражения) как «хорошенькой штучке», пошлом, грубом и глупом (мнение Сомова), меня очень огорчили. Я почти жалел, что писал летние письма, и думал не читать дневника, чтобы мое положение, в лучшем случае, не показалось жалким, если не смешным. К Renouveau почувствовал холодок и неприязнь, тогда как еще утром стремился к нему с открытой душою. Утром было письмо от Глазенапа, несколько претенциозное, но лестное и оживившее меня. Он приедет в Петербург. Зашел к Казакову, там все разъехались, Сергей и Алексей. Броскин вернулся и справлялся обо мне. Денег не спросил у Георгия Михайловича, хотя тот был очень радушен и, кажется, при деньгах. Дома доигрывал «Carmen». Пришел Павлик первым, звал идти в Таврический, но мне казалось неудобным идти. Пришел Верховский с тетрадкой стихов от Ивановых, где он просидел целый день, еще потолстевший и помедвежевший. Нувель, Сомов, Сережа был с нами. Новые №№ к «Предосторожности» прелестны, лучше, пожалуй, еще предшествующих. Павлик был очень скромен, Сомов и Renouveau с ним вежливы и дружественны, последний крайне душевен со мной, так что прежнее расположенье к дру-

* Салонные игры *(франц.)*.

зьям почти всецело вернулось. Феофилактов просит нот, будто дело издания и вправду осуществится[15]. Не знали, как спровадить Юрашу, но наконец он удалился, Сережа ушел спать, а мы перешли ко мне читать дневник и вступление. Кажется, понравилось. Сомов, сидевший около меня, вдруг молча встал и, сев на сундук рядом с креслом, где сидел [милый] бедный Павлик, обнял его голову, лаская по волосам, и эта ласка наполнила мое сердце большею радостью, чем если б была обращена на меня. Друзья сами спросили, когда же поедем куда-нибудь. Завтра к Ивановым. Ушли все вместе, целуясь на прощанье. Мне было очень хорошо сегодня, оттого <что> был, хотя бы молча, хотя бы не рядом, Павлик. Он придет в субботу днем, а в понедельник ночевать. Меня могло бы задержать от решительных шагов просто изо дня в день ожидание общей встречи где-нибудь. Это смешно. Я имею редких друзей, приятного мне любовника, теперь даже поклонников, начинаю выползать, вылетать, — стоит ли из-за денег умирать?

25

Весь день переписывал ноты для Москвы. Брал ванну, были полотеры, и опять вернулся Сысой, ставший очень неинтересным. Вечером пришли Эбштейны, а я пошел к Ивановым. Диотима спала, Эль-Руми рассеян и встревожен, по комнатам пахло керосином от разбитой на полу, будто кем брошенной лампы. Потом пришли Нувель и Сомов. Сомов стал строить какие-то планы обо мне, был в «Шиповнике», где рекламировал меня, спрашивал, не возьмусь ли я перевести «Kater Murr» и не стеснился бы, если бы «Эме Le boeuf» был мне заказан[16]. Еще какой-то план не сказал мне. Пришел Сережа, читал свои «Записки Ганимеда», которыми Лид<ия> Дм<итриевна> была возмущена. Нувель играл все вещи к «Предосторожности», — отличны, блестящи, злы, приятны и скандальны иногда до наглости. Это было бы прелестное, забавное и соблазнительное представление. Спорили о Бетховене. Диотима уверяла, что я развратил Сомова, и вообще была сердита и расстроена, не хотела быть мудрой, говорила, что мы составили заговор, чтобы злоупотреблять ее мудростью и т. п.[17] Что-то мне скажет тетя? Наши, кажется, покуда денег достали. Во вторник буду у Нувеля. Завтра и в понедельник будет Павлик, мой бедный, мой любимый.

26

Утром зять опять просил денег, хотя бы на несколько дней. Что мне сказать? я думаю, что он достанет сам, но несколько неловко все-таки. Был у Чичериных, это были как раз имянины Нат<альи> Дм<итриевны>, они только что пришли от обедни с просвиркой к завтраку с пирогом. Софья Вас<ильевна> выходит замуж и ждет

только развода жениха, какой-то синодской персоны. Видела в Берлине Юшу, говорит, что все такой же. Торопился домой, ожидая обещанного посещения Павлика, но он так и не пришел, чем поверг меня в достаточное уныние. До вечера понедельника такая даль, и друзей увижу только во вторник. Теперь, когда Павлик сделался менее официальным, более ручным, более домашним, с которым я попросту говорю и советуюсь, я его, м<ожет> б<ыть>, еще больше люблю. Играл «Каменного гостя»[18], там предчувствуется не только целиком Мусоргский, но и лиризм, несколько желатинный, Чайковского, и все вяло и без блеска, с ненужной, mesquin'ной* реалистичностью. Вечером были у Юраши; тесно, неуютно, сонно. Читал стихи; по-моему, все то же, что и прежде, почти виртуозность, разнообразие версификации и крайняя неинтересность, скучность и тянучесть содержания и настроения. Чай пили у Макаровых; все 6 Нюточек, кажется, еще поглупели, Николай, сохранив прежние глаза и зубы, несколько опух даже от пьянства. Возвращаться было ничего.

27

Зять, оказалось, тратит деньги Святополк-Мирского, который <приезжает?> за отчетом раньше и неожиданно. Что мне делать? Под гадким дождем поехал в Удельную, прошел прямо к Кудрявцевым, поговорил; сердце у меня так и падало, так и падало... Пошел к тете, она затворила дверь и сказала: «Письмо я получила третьего дня, но сделать ничего не могу», — дальше я не слушал. «La mort me devient necessaire»**; тетя монотонно, убедительно, в нос, говорила, почему у нее нет своих денег, почему она не может достать и т. д. Я сказал, вздохнув: «Ну, что ж делать?» — и заплакал; тетя сделалась ласковая и не говорила больше о деньгах. Пили кофей. Лиза у них гостила летом, было много малины, разросся куст шиповника. Обедал у Кудрявцевых. Вышло солнце. На станции кружилась голова и так падало, так падало сердце, будто перед свиданьем. У паровоза такая штука спереди, сбрасывающая с пути, значит, нужно под вагоны? еще раздавят голову. Выпустить кровь; спрошу у Футина бритву: побледнеешь, и руки чувствовали обрез. Ах, не видеть Павлика? только это может меня остановить. Какой дивный лес осенью, какие красные, желтые, малиновые деревья. Неужели? я так томлюсь, будто умираю 3 раза. Как я скучаю, как я томлюсь без Павлика! последнее средство — первое попавшееся: напишу Баксту, м<ожет> б<ыть>, он при деньгах. Господи, не шантажист же я, наконец? когда же это кончится. Завез письмо. Телефонирует: ни копейки денег и обратитесь к Сомову, он теперь

* Скаредной *(франц.)*.

** «Смерть становится мне необходима» *(франц.)*

обедает у Боткиных. Попросил сделать это его самого[19]. Дома никого еще нет; нужно писать письма, на случай... Помедлю, завтра днем напишу... Опять к Сомову, какой стыд, какой позор! Я наконец на себе увижу его презрительный взгляд, которого не вынесу... вернее, вынесу, как и всё. Почему так трудно умирать? неужели я трус? придет ли Павлик завтра? Если придет, то уже после <решения?> — или я буду живым, или он меня уже не увидит. Св<ятые> иконы, сделайте, чтоб я его еще мог целовать. Сережа ждал со мною наших. Подозревая мое положение, томился, лежа на диване, и сказал: «Неужели ты был бы счастлив, не скучал бы, будь только у тебя деньги?» Безусловно. Сегодня 27<-е>, завтра 28<-е>, м<ожет> б<ыть>, это для меня роковые единственные дни. Весною мне помогло чудо, а теперь? Одно меня удержало бы от смерти, одно заставляет все забывать и хвататься нагло, отчаянно за что попало — боязнь не увидеть Павлика.

28

Все ждал ответа от Сомова или Бакста, ничего нет. Так не выходил целый день. Писал письма на случай несчастья: Сомову, Павлику, Нувелю, Ивановым, Чичериным, нашим; томился, прочитал 2 романа Гонкуров, все повести Пушкина. Пришел Павлик с головной болью. Я только ожидая его не сбежал и не начал приводить в исполнение свои планы. О, магия любимого лица! Конечно, все ему рассказал, он в негодовании, все письма изодрал, и, конечно, мне стало ясным, что умирать, покуда Павлик меня не бросил, — не стоит. О, колдовство любви! Надолго ли оно? Он придет в среду. Что случилось, что вдруг положение, казавшееся безвыходным, сделалось терпимым, не перемененное ни в чем? Как от Саула уходят злые духи от арфы Давида[20], так у меня от присутствия Павлика; я пишу это, хотя Renouveau будет смеяться и жалеть меня, как слепого и смешного дурака. Деньги нужны так же, и опять придут мысли об убийстве. Теперь уж не только нет отдать зятю, нет и вообще ни копейки, ни гроша. Друзья считают меня шантажистом, пускающим в ход трагические фасончики, чтобы выудить деньги. Деньги от тети только в начале середины сентября (и то — дай Бог), из «Весов» не шлют, очередные до 20 сент<ября> все истрачены, сестре, зятю не плачено. И как только отходит мысль о Павлике, является мысль о смерти, все каждый раз настойчивее.

29

Утром писал «Эме Лебеф». Днем ходил к Ивановым, читал дневник, вступление при Городецком. Вступление очень понравилось. Эль-Руми предложил денег сколько мог, уговаривая брать меньше, чтобы не очень обременяться, если Сомов тоже достанет.

Сережа читал свой рассказ, который нашли слабым. Диотима была очень душевна и обнимала меня, утешая. Дома прислали «Весы» и деньги из них; я тотчас же отдал долг сестре. Наши уехали к Варваре Павловне, а я, заехавши в парикмахерскую, отправился к Нувель[21]. Он сидел и играл увертюру к «Предосторожности», — элегантная, веселая и блестящая, по-видимому. Феофил<актов> хочет изобразить Дягилева, Алешу Маврина, Нувеля, меня в «Александр<ийских> песнях». Пришел Сомов. О записке Бакста ни слова, ни звука и по прочтении дневника. Из дневника Вальт<ера> Фед<оровича> узнал, что Эль-Руми влюблен в Городецкого, у которого недавно родилась дочь, что [посвятителем] крестным Сомова был, кажется, сам Renouveau; потом долго, откровенно, отчасти зло, болтали; мне казалось, что ко мне переменились, не считают меня «своим», сговариваются быть у Ивановых без меня, читают мне наставления. Это, вероятно, было наказанье за то, что днем у Иванов<ых> мое тщеславие было крайне польщено тем, что я, по их словам, malfamé*. Дома нашел записку от Инжаковича, просящего отдать долг. Но я был вечером счастлив, видя Сомова уже открыто, заведомо на этой стороне, говорившего тонко, зло и специально, и Нувеля, как опытного наставника, и перебиранье разных лиц, умозаключенья этические и эстетические, признаки глаз, рук, походки и т. п. Все было чудно, и мне чувствовалась важность и какая-то фантастичность всего этого. Конечно, вопрос о деньгах далеко не улажен. Я теперь буду стесняться писать о Павлике или пропускать, зная, что если не к самим отношениям, то к объекту их отнесутся не весьма дружелюбно.

30

Вышли с Сережей прогуляться, занесли письмо Иванову; зашел к Рузанову; обедал у Чичериных. Софья Васильевна еще не уехала; было мило, но я торопился домой, чтобы не опоздать к Павлику. У нас была Лидия Андревна, Сережа 10 раз решал, идти или не идти к Ивановым, был грустен, жалел, что не вел дневника это время. Павлик пришел во время чая, стеснялся проходить и т. п., был ласков и нежен, хотя очень торопился на вокзал кого-то провожать, что мне было на руку, ввиду предстоящего посещения Ивановых. Сомнения Renouveau относительно склонности Павлика прямо нелепы. У Ивановых был Сомов и Шестов, потом Бакст и Нувель; Городецкий спал с мигренью. Нашли, что у меня необыкновенно сияющий вид, будто в глаза впущен мышьяк, что я сам заметил, еще поднимаясь в лифте. Но —

Узнаём коней ретивых...[22]

* В дурной славе *(франц.)*.

Когда я входил в комнату, где сидели Бакст и Сомов, они говорили: «...потом все улеглось». Бакст что-то спросил. «У нас не было разговора», — ответил Сомов, и стали говорить о платье Боткиной и о цветах. Неужели я дошел до того, что решено держаться тактики просто незамечания, даже не отказа. Нувель уезжает в Париж — какая досада. Приехал Кузнецов и, чтобы познакомиться, придет ко мне в пятницу днем, как Renouveau и Сомов. Только бы последний не уехал еще в Париж. Бакст и Шестов ушли раньше, мы же занялись музыкой и болтали весело, хотя мне несколько хотелось спать. Ушли в третьем часу, причем мои спутники ухватились за ближайшего извозчика и спешно уехали. Renouveau долго говорил с Диотимой, интересно, о чем? Очень жаль, что Нувель уезжает, хотя бы только и на месяц, т. к. неизвестно, что еще будет в этот месяц. Чувствовал себя чужим и счастливее всего от существования «пошлого и глупого» Павлика.

31

Встал поздно; послал Юше письмо и «Весы», ходили для этого в Гл<авный> поч<тамт> по Невскому и Морской с Сережей. Очень теплый, солнечный день. Оттуда проехал к Казакову поговорить о продаже икон, но не застал ни его, ни Футина; у них взят новый мальчик. После обеда ходили к Екатерине Ап<оллоновне>, но она еще не приехала; заходил к Ветчинкину[23] за вареньем, там есть прелестный приказчик с грамотными глазами, я его показывал Сереже, но тот не поспел обратить внимания. Дома играл «Д<он> Жуана». У Каратыгина были уже Нурок и Нувель, потом пришел Медем; разбирали новые русские романсы; куча новых имен, все удивительно слабо; интересна «Осень» Оленина: мило, смесь Делиба с Мусоргским, просто и ново. Уехал рано, т. к. хотел узнать результат разговора Renouveau с Диотимой, а он ехал к Дягилеву. М<ожет> б<ыть>, он не отправится в Париж из-за болезни. Разговор не очень существенен, Диотима трепещет, как бы не остаться ни при чем. Говорили о Сомове, об его devirgination*, идеализме, разочарованности, о Павлике, обо мне, о ширине и талантливости неверности. В<альтер> Ф<едорович> был мил, будто прежде, и я почти позабыл его grief** против Павлика, его хлопоты о моей высылке в Василь, его громы против моих последних вещей, как все мельчающих от верности Павлику, и т. д. Чтобы быть неверным, надо полюбить другого или вдруг, помимо себя, увидеть этого чужим себе.

---

* Лишении девственности *(франц.)*.

** Неудовольствие *(франц.)*.

Сентябрь

1

Утром писал; ходил к Казакову и к Черепенникову. Оказывается, Броскин не хотел верить, что я приехал и он меня не видел, Футин сказал: «Мы много смеялись такой его уверенности в Вашей преданности». Обедали рано. Кузнецов обманул или опоздал, но во всяком случае его не было; был один Renouveau, кислый, не знающий, ехать ему или нет; посидел не очень долго, пил чай. Я играл романсы Debussy и наигрывал «Узнаём коней ретивых». Сережа пошел узнать репертуар. Пришел Глеб Верховский узнавать от меня об своих родных: вот чудак. И сидел долго уже при Павлике, насилу мы дождались его ухода. Кроме того, что он долго сидел и не пьет, — он ничего, передавал мне сплетни обо мне, о моей дружбе с Сомовым и Нувель, о намерении выкрасить волосы в рыжую краску и каких-то эскападах и т. п. Павлик не стеснялся; м<ожет> б<ыть>, он немного подпил, но торопился опять на дежурство; я, наконец, перестану верить в эти дежурства. Звал меня завтра к себе в 3 ч.: вот и увижу его «порог». Мне было очень грустно, что не пришел Кузнецов и Сомов, но вечер несколько меня развеселил. Павлик говорил, что Шурочка вернулся из-за границы; в театре вчера он не был, я почти уверен, что у него есть другие приключения, только почему он их не рассказывает?

2

Чудный день. Ходил на почту. Там заказные письма принимает прелестный чиновник, нужно чаще посылать заказную корреспонденцию. Заходил к Казакову и к Макарову говорить об иконах; проехал к Павлику; он дома, только что встал с головной болью, в туфлях и рубашке. Маленькая комната; на окне, выходящем в сад, цветы: чайная роза, бегония, герань; над комодом карточки: он в детстве, товарищи, Давид М<икел>анжело и открытка с Dominiqu'ом. Везде платья, галстухи, рубашки. Он сходил за вином и сыром, держался хозяином, оставлял обедать; при мне пришли от прачки со счетом, и Павлик держался как большой мол<одой> человек. Его брат, 29 л<ет>, живет в Москве с мальчиком, другой, 19 л<ет>, тоже грамотный, только младший, — нет. Несмотря на мое абсолютное безденежье, на свою головную боль, он был очень нежен. Я перечитывал свои летние письма, трогательные литании. Получил телеграмму от Юши: «Quelle adresse?»[1]. Слава Создателю! После обеда пошел к Чичерину, вышли с Варей и Сережей и дружественно беседовали. Чичерин играл «Май<скую> ночь»[2] своей жене, которая вязала шерстяное одеяло. При мне обедали. Заехал к Ивановым; Диотима была одна, Городецкий уезжа-

ет, Эль-Руми завтракает у Аничкова. Потом пришел и он; у Аничкова, где были Щеголев, Анд<рей> Белый, Куприн, все дебатировали вопрос о пэдерастии. «Это в воздухе», — заметила Диотима, которая была сегодня у Сомова. Играл «Richard Coeur de Lion»[3]. Павлик, хотевший, м<ожет> б<ыть>, прийти часов в 10, не пришел; завтра обещал непременно в 8 ч. Завтра поеду к Сологубу. Вечером прочитал Варе «Вступление к дневнику», не очень ее удивившее. Дождался Сережи, бывшего у Лазаревского.

3

Утром был рано разбужен вознею детей, ходил на телеграф, послал Юше телеграмму, м<ожет> б<ыть>, в четверг можно рассчитывать. Поехали в Удельную; чудный осенний день; были Кудрявцевы, Лена и Тоня; об деле тетя не очень-то хлопочет и отвечает обиженно-жалобно. Бродили по лесу на Поклонную гору, мне пришла мысль комедии, вроде «Предосторожности», кажется, может выйти. Варя почувствовала себя нездоровой и дома легла, в театр не пошла и отдала билет Сереже. Павлик не идет, не знаю, не опоздаю ли к [Ивано] Сологубу. Павлик так и не пришел, у Ивановых был скучнейший Туган-Барановский; выехали около 11-ти; у Сологуба читал стихи Белый, Пяст и сам Сологуб. Белый сам по себе мне очень не понравился, на редкость; были Ремизов, Чулков, Волынский, Пяст и др. Сологуб все ежился и хотел говорить неприятные вещи, внизу сыграли мое «Пришел, пришел издалека». Наверху я читал новые стихи[4]. Не знаю, понравилось ли. Вяч<еслав> Ив<анович> уверяет, что Сологубу понравилось. Павлика не было, а он обещал *наверное* ; меня не измена его огорчила бы, а небрежность и просто-напросто то, что он не пришел ко мне. Вечером читал Пушкина. Как macabre* стихи Белого; эти последние лучши <*так!*>, чем я встречал его до сих пор.

4

Очень огорчен, что так давно не видал Павлика; днем заходил к Казакову, но ничего толкового не узнал; болела слегка голова. Утром получил письмо от Брюсова, из которого узнал, что Сережа свои «Записки Ганимеда» послал в «Весы», и теперь Вал<ерий> Яковл<евич>, находя почему-то большое сходство во внешних приемах письма, спрашивает, не неприятно ли мне будет помещение этой вещи, не я ли ее автор и т. п.[5] Меня очень расстроили и сам Сережин поступок, и его скрытничанье, и возможное неудовольствие Ивановых. Брал ванну; у Сережи был Козлов, потом Тамамшев, от Сиверс приглашение на имянины, зовут и меня тоже.

* Мертвенны *(франц.)*.

Решили пойти к Ивановым раньше, чтобы рассказать историю «Записок Ганимеда». Они казались несколько froissés*, но все обошлось достаточно благополучно. Неожиданно приехал Нувель, бывший только что у меня и уезжающий завтра. Вячеслав мне кланяется и [просил]. Renouveau оставил мне его адрес. Были Ремизовы, Аничков, Шестов, Гржебин и др. Раньше был матрос от Тернавцева, русский, бывший в Америке, Англии, Вест-Индии, говорящий по английски, рассказывавший, как представляют Нептуна при прохождении экватора и т. п. Лидия Дмитр<иевна> угощала его вином, и он сидел и вежливо беседовал. Аничков был очень доволен моей музыкой. Мне не было скучно.

5

Утром письмо от Павлика, милое, но несколько развязное; оказывается, субботу и воскрес<енье> был нездоров, а эти 2 дня — дежурный. Пошел на почту отправлять письмо Брюсову[6], в парикмахерскую и к Вальтер Федоровичу. Сомов был уже там; он советует взять Сереже рукопись обратно. Читал дневник Renouveau и играл свой менуэт. Возможно, что «Предосторожность» поставят на «В<ечерах> совр<еменной> м<узыки>» с моими другими вещами в виде закрытого вечера; говорят, что Феофилактов задумал к моим «Ал<ександрийским> п<есням>» такую порнографию, что Поляков собирается раньше представления в цензуру [попытать] разослать по знакомым, боясь конфискации. Уговорились в пятницу к Иван<овым> обедать, а в четверг Сомов придет ко мне. Я был так рад его видеть, будто я не видал его с месяц. Пошли вместе пешком по Морской до Юргенсона, где он хотел купить Оленина[7]. Было странно сидеть целый вечер дома, хотя и пришел Тамамшев. Много пел, но было скучновато. Вечером приехал [из деревни] зять и пошел на имянины Сиверс, где была Варя. Сережа, получив не очень большую головомойку от Диотимы, теперь кажется почти доволен заваренной им кашей. Ужасно скучаю о Павлике. Измена [elle n'est pas encore**] еще не [si proche***] еще не близка.

6

Утром по телефону говорил с Павликом, условились встретиться в Таврическом. Занес письмо с извещением нашего прихода в пятницу к Ивановым. Зашел: они были очень душевны, рассказывали о Мирэ. Действительно, несчастная женщина, и жаль, что нет таких учреждений; по-моему, ей надо бы обратиться к

---

* Обиженными *(франц.)*.

** Ее еще нет *(франц.)*

*** Так близка *(франц.)*.

entremetteuse или съездить, как купчихи, в баню, но это, конечно, ее спугнет, и напрасно, потому что трудно избегнуть внешнего вида вульгаризации[8]. Играл музыку маленькой дочери Ивановых[9]. От них отправился в Апраксин к Макарову. Его подрядчики ломаются и говорят, что купить иконы не прочь, но некогда смотреть. Зашел к Мирону; так далеко ходить у меня заболела даже голова. От Юши чек на Царскосельское отделение банка. Хотел его вечером же учесть у Тихомирова, но хозяина не было, и служащие, не зная меня лично, не взялись. Переписывал стихи Брюсову[10], Сережа говорил о планах будущих рассказов, он хочет писать из времен революции. Это смешно совпадает и в Риме и в XVIII siècle, хотя, конечно, это просто случайность. Мне вдруг пришло в голову, не может ли быть Кондратьев, про которого говорят, будто он в связи с Сологубом, быть моим товарищем по гимназии, первым любовником? Но нет, этот, наверно, гораздо моложе, хотя я как-то года три тому назад встретил, не кланяясь, своего приятеля ужасно моложавым и гораздо более прелестным, чем он был в гимназии. И тоже А. Кондратьев. Часов около 10<-ти> пошел в Тавриду, Павлик пришел минут через 15; при малолюдстве публики еще более бросалось в глаза обилие теток[11]; все были налицо, и мы прошлись несколько раз под всеми взглядами, утверждая нашу любовь продолжающейся. Поехали в «Москву». Павлик, желая экономить, спросил Löwenbrau, от которого у меня только болит голова, и осетрину, от которой при головной боли тошно. Потом он был у меня.

7

Утром поехал было в Царское, но раздумал и послал за деньгами посыльного. Дома занимался немного музыкой; когда принесли деньги, я съездил к Черепенникову, отдал зятю и сестре, покупал башмаки и заказывал пальто. Сомов пришел поздно, подарил мне новеллы Casti, играли «Richard C<oeur> d<e> L<ion>», читали «Эме Leboeuf» и дневник и долго отлично болтали. Конст<антин> Андр<еевич> никогда не был так откровенен и так дорог и близок мне. Действительно, этот год принес нам всем огромное сближение и разнообразие. Павлика не было, м<ожет> б<ыть>, он стеснил бы Сомова, но тогда, значит, он приедет завтра, и нужно будет торопиться домой.

8

Ходил гулять после завтрака, на обратном пути зашел к букинисту, где видел «Joseph»[12] и нашел там несколько опер Россини, которые и купил. Приходил ко мне Иов торговать иконы, условились, что он придет в начале будущей недели. Играл «L'Inganno felice»[13], очень свежо. У Ивановых была мать дочери Городецкого[14],

который от Лемана пропал, и все в тревоге. В комнатах был чад, и я дожидался в столовой, смотря на садящееся солнце, отражавшееся в пруду уже зарею сквозь деревья. Пришел Сомов, приехал младший брат Городецкого, имеющий сходство, но очень далекое и ухудшенное, с Серг<еем> Митр<офановичем>; потом он и дама ушли. Диотима показывала нам новые материи на хитоны[15], обедали. Потом читали «Эме Лебеф». От ушедшей дамы записка, не может ли она прийти вечером, опять пришел брат Городецкого. Мы играли и пели. Л<идия> Дм<итриевна> жаловалась на обилие трагедий вокруг, но, по-моему, это драматизация положений, а не трагедия, хотя не мне бы это говорить. Дома был Ступинский, Павлик приехал очень скоро, выпил чаю и предложил прокатиться; проехались по Невскому, Морской, затем в «Москву», где ужинали и пили мозельвейн. Ночевал он у меня до утра. Может быть, он меня и любит. Читал новеллы Casti; старые сюжеты, разбавленные болтливыми стихами, un peu fade*, но очаровательными, вроде Пушкина.

9

Ездил стричься, заносил письмо на почту, купил шляпу, играл Rossini («Cenerentola»[16], очень свежо), думал о Павлике, о завтрашнем дне, об Эме Лебеф, об «Аркадии», об театрах, об деньгах. Отсутствие их лишает свободы. Павлик попросил у меня «Весы», где мои стихи, — меня это очень тронуло. Пальто не готово, и к Варваре Павловне поехал еще в поддевке. На извозчиках я готов когда угодно и куда угодно ехать, пешком идти тоже (м<ожет> б<ыть>, еще лучше), только не в грязь и не в дождик, но я не могу плестись по конкам. В одном доме была ярко освещена зала, будто для гостей, и никого не было еще приехавших; некоторые передние напоминают «Пиковую даму». У Кузминых приятная квартира, окна низко (как приятно окна во втором, высоком первом этаже, не отделенные от людей, — там никогда не может быть такой тоски, как в отвлеченно-высоких, заброшенно-возвышенных, далеких окнах 6<-х> этажей с видом на даль). Там были гости, человек 5, читали вслух «К звездам»[17], как все ходульно, риторично и смешно. Возвращались мимо Народного Дома; одно время я, задумавшись, молча, видя деревья, позабыл, что со мной не Павлик, и нежно хотел прижаться к Сереже, но тотчас опомнился.

10

С утра был дождь, но потом понемногу прошел; принесли пальто от портного. Я воображал себе ряд приятностей: встречи с Павликом в Летнем саду, обед с ним, он у меня, вместе закрываем

* Чуть пошлыми *(франц.)*.

Тавриду, ужин и ко мне. В Летнем саду было много знакомых лиц, но Павлика не было; я и ходил, и сидел, — ничего не выходило. Заря была ярко-палевая под тучами, масса желтых листьев, скоро стало темнеть; я в ужасном горе; когда было уже так темно, что почти нельзя было отличить мужчин от женщин и были уже выходные звонки, в 7 часов поехал к Павлику. Хозяйка была одна, узнала меня и, сказав, что он ушел в час (в час!), пустила в его комнату, чтобы я написал несколько сердитых слов. Только теперь я вижу, как я люблю его, как ревную, как все было бы лишено всякого смысла, если бы не существовал и мне не принадлежал хотя бы кусочком Павлик. Дома швейцар сказал, что у меня никого не было. Идти ли одному закрывать Таврический, ждать ли его? Как все мне кажется немилым — что́ идти куда-нибудь! что́ Эме Лебеф, что «Весы», что́ жить дрожа об деньгах, когда Павлика со мною нет?! Я прямо плакал, так мне было печально. Если я его вечером не увижу, я не буду ничего писать, ни завтра, ни послезавтра, покуда его не увижу. Я не люблю его, я влюблен в него, как никогда, как кошка, и я плачу от любви, ревности и злости. В саду я его не видел, хотя был там до самого закрытия. Мне не особенно было скучно ждать, я только пришел в отчаянье, когда убедился, что его уже наверное не будет. Видел Вячеслава с барышнями, но я вижу, что мне никто не мил, кроме Павлика. Я все больше и больше кажусь себе заброшенным всеми. Ночь была ясная.

11

Послал с посыльным письмо Павлику, купил туберозу и colchiques d'automne*; был обойщик. Дома узнал, что Павлик меня спрашивал по телефону и просил соединить, как только приеду. Оказывается, вчера он с сослуживцами поехал на бега, думая вернуться к 5<-ти> ч., не предупредил меня, проиграл все свои деньги, обедал у товарища и вернулся домой в 8 час., но в таком состоянии, что уже никуда не мог ехать. Пришел в 8-м часу, сердитый и обиженный на мое письмо. Когда я рассказал ему, что с досады я вчера тоже все свои деньги спустил у Александра, думая, что Павлик на меня наплевал, он пришел в страшное негодование. Не знаю, жалость ли о деньгах, которые я мог бы дать ему, самолюбие ли, ревность ли — руководило им больше, но, одним словом, это была форменная сцена. Предложив раньше сделать, как он выразился, «маленькую fatalité»**, которая, однако, вышла далеко не маленькой, мы поехали теперь уже в «Вену»[18]. Он находит, что штатское мне идет, и будто я кажусь моложе, м<ожет> б<ыть>, и врет, ко-

* Осенних безвременников *(франц.)* — сорт цветов

** Неизбежность *(франц.)*.

нечно[19]. Не хотел, чтобы я его провожал, и сам меня проводил до угла Лит<ейного> и Невс<кого>. Мне ужасно странны указания на холодность Павлика моих друзей, т. к. всегда я имею подлинные и невозможные для подделки доказательства его сочувствия.

12

Ужасно болит голова; с утра читал Casti, был у Чичериных; они очень теплы, звали в пятницу обедать меня с Сережей, покупают дачу в Териоках. Ехал с Николаем Васильевичем до Сената, потом так болела голова, что не пошел к Макарову, а поехал домой, где лег спать. После обеда несколько стало лучше, писал «Эме Лебеф», брал ванну, играл «Manon»; вечером был Ступинский, и мы играли в карты. Ах, если бы Павлику хотя бы отчасти были доступны волшебные сады искусств, как мы бы бродили в них до того, что заблудились бы, потерялись бы. Как я давно не видел Сомова!

13

Был счастлив встать со свежей головой; поехал к Иову и Мирону. Иов хотел сегодня же прийти за 2-мя иконами, завтра придут посмотреть остальные. Когда я вернулся, у нас был Лазаревский, вскоре пришел Иов; когда снимали Спаса, Макаров заметил у меня на плече живую бабочку-многоцветницу. Откуда она попала? На меня напал страх: м<ожет> б<ыть>, это гадко, что я продаю иконы, но иначе я не могу. И это лучше для Вас, святые, вы будете видеть молящиеся лица, слышать ирмосы, а тут что вы слышите, что вы видите? Оставлю милого Эммануила, он мне поможет! Прислали «Весы» — всё Феофилактова, но почти ничего хорошего[20]. Швейцар сказал, что Павлик телефонировал, что будет завтра в 3 часа. Это не особенно м<ожет> б<ыть> кстати, ввиду того что денег у меня очень мало, но все-таки будут; видеть его, может быть гулять, обедать с ним. Какое чудо! Бабочка живет у меня, ползает по полу, по окну, где солнце, по цветам. Вечером были большие звезды; Тавр<ический> сад будто что-то восточное. У Ивановых был Аничков. Переменой костюма не слишком были недовольны. Аничков начал «отгадывать меня», все шло довольно правдоподобно, пока дело не дошло до женщины. Пел старых французов. Сомов был у них в воскресенье.

14

Встал очень рано, ожидая моих подрядчиков. Пришел Иов со стариком, старик сказал, что в 2 часа придут его племянникихозяева смотреть. Они пришли, толстые, глупые и чванные, расспрашивали, отчего, зачем я продаю, служу ли, женат ли и т. п.,

соображали, куда повесят, будто уже купленное, и, дав половину просимой цены, ушли, не торгуясь. Я был будто оплеванный. Приехал Павлик, милый, нежный, длинный. Поиграли «Consolati», «Erlkönig» и т. п. Часов в 6 поехали обедать в «Вену». У Павлика там были кое-какие знакомые, с которыми он кланялся. За соседним столом сидел одиноко какой-то студент, посадив меня спиной к которому Павлик начал делать глазки. Я неудачно ревновал; было очень весело, так много народа, светло, Павлик, вино. Провожал меня до Аничкова моста. Пошли с Сережей к Ивановым, где были уже Аничков и Косоротов, имеющий прочитать 2 последних акта своей новой драмы «Чудо»[21]. Оказалось неожиданно хорошо, иногда бессознательная необыкновенная трагическая сила, страшная сцена с вампиром. Если бы любимый умер и мог бы наслаждаться, я бы согласился, пожалуй, будь это вампир. Пришел Юраша Верховский, милый Сомов и, наконец, Городецкий; сидели долго, было очень славно.

15

Утром опять ездил к Макарову и Большакову хлопотать об иконах, все просят подождать; был у Казакова, он во Пскове, половина магазина отгорожена для торговли парчой. Дома писал «Эме Лебеф». Пошли к Чичериным, где обедали и читали свои вещи. Читая «Эме», я заметил, что, независимо от художественных достоинств и развращающего характера, все мои писанья имеют смысл, как занятное, легкое, слегка скандальное чтение, amusement*. Торопились домой; чудные звезды; Павлик выходил из крыльца, когда мы подъехали. Сомов был уже в столовой, где сестра занимала его, браня «Крылья», и сидел зять с головной болью. Перешли ко мне, читали «Эме», Павлик все целовался с Сомовым, пили смесь мадеры с Cassis, потом пели немного. Перешли снова ко мне в комнату, чтобы читать дневник; нежности моих гостей всё продолжались. Сомов собрался уходить, Павлик решил остаться; Конст<антину> Андр<еевичу> уходить не хотелось, он долго целовался со мной, прощаясь, делаясь все томнее, пока я не предложил ему остаться с нами. Мы сели на постель, и Сомов начал без слов снимать мой пиджак. Сначала Павлик был будто несколько забыт Сомовым, который занялся мною, но потом, напротив, я почти ревновал своего нежного друга к другому; и мы с двух сторон любовались прекрасным созданием, и я целовал Павлика, как плащаницу. Потом он соскочил одеваться, мы же еще побыли вдвоем. Сомов gardait toujours sa camisole** в качестве <*нрзб*>. Провожал их

* Забава *(франц.)*

** Все время сохранял свою рубашку *(франц.)*

донизу. Вот непредвиденный случай. Я спрашивал у К<онстантина> А<ндреевича>: «Неужели наша жизнь не останется для потомства?» — «Если эти ужасные дневники сохранятся — конечно, останется; в следующую эпоху мы будем рассматриваемы как маркизы de Сад». Сегодня я понял важность нашего искусства и нашей жизни.

16

Опять заходил к Мирону и Иову, в парикмахерскую, где меня учили делать новую прическу, за билетами в театр и к Павлику. «Как нежно вы вчера целовались с Сомовым, необыкновенно, он мог подумать, что вы в него влюблены ужасно». — «Что ж, я его и правду очень люблю — и вы разве не целовались с ним?» — «Это другое дело, ты на меня не должен сердиться, а я на тебя могу». Павлик одевался ехать в гости, предложил раздеться, я все боялся, что в незапертую дверь войдет хозяйка; Павлик остерегался говорить компрометир<ующие> вещи, вроде: «Дай полотенце», «Ты готов?»; штору спустили. Павлик был очень добродушен, прост и нежен, несколько опечален, кажется, все-таки моею нежностью к Сомову, мне эта тень ревности была очень ценна. Проводил меня до Марсова поля. После обеда пошел с Сережей в Публичную Биб<лиотеку>, записался, заказал книги, читал «Rev<ue> d<e> 2 mondes»[22], фиксировал лица; пошли к Кудрявцев<ым>, где была уже Варя; у них уютно и довольно славно; была тетя. Возвращаться было при луне, и опять, как прошлый год, как всегда, захотелось колобродить: теперь есть с кем. Вернувшись, долго спорили о литературе, и, уйдя, я еще долго слышал взволнованные голоса Вари и Сережи. Мне их очень жалко.

17

Утром поджидал за иконами. Иов пришел и сказал, что никакого «резона» не добился. Попросил у сестры; день ветреный, морозный и очень ясный; до Летнего сада ехал со мной Сережа, не хотевший зайти, т. к. был в теплом пальто Прок<опия> Степ<ановича>. Была масса народа; пройдя раза 3, я сел; Павлик пришел с другой стороны, говорит, что тоже делал тура два; он был с поднятым воротником, покрасневшим носом, un peu fripé*. Видели Путца, он раскланялся, мило улыбаясь, жалко, что беззубый. Поехали в «Вену»; рядом с нами сидели Люба Никитина с мужем и братом и еще дама с мужем; я не кланялся. Павлик рассказывал прошлые свои победы, спорил и сердился изо всяких пустяков, был раздражителен и неприятен. Таким же продолжал быть и в театре, и после

* Слегка помят *(франц.)*

него; его сердило все: и моя прическа, и мои вопросы, и мой галстух, и мои замечания, и что указал, какие звезды и как красива Мойка, и зачем мы идем по Прачешному, а не по Вознесенскому. Я решительно не знал, что делать; теперь это обычное со мной настроение, и он, не ставя меня в грош, сердится Бог знает на что, что я не богат, что ли? Мне все это очень обидно и, конечно, не увеличивает моей любви, лишая ее легкости и веселости. Сегодня он так меня донял*, что я был рад, как спасенью, Сомову, которого мы встретили в передней и виделись в антрактах. Балет был очаровательен и по сюжету, и по постановке. После третьего дня я был тем более рад видеть Сомова, хотя, конечно, он на все это, вероятно, смотрит как на непредвиденный казус. Он зовет в четверг и просил раньше не читать Ивановым «Эме Лебеф», что меня очень тронуло. Павлик мне показывал какого-то графа (совсем небогатого) с молодым человеком, с которым он живет; таких menage<s>** очень много, и это не требует больших денег, <говорил,> что скоро служба его кончится, т. к. заказ от казны, от которой он поставлен, кончается, что не знает, как найти место, как устроиться, что ему немного надо, что он на 30 р. мог бы жить. Чтобы облегчить ему сказать то, что горело у него на губах, я сказал: «Если бы я был богаче, согласились бы вы жить со мной?» — «Я бы и без больших денег бы согласился». У Павлика текли слезы, м<ожет> б<ыть>, от ветра, но момент для такого вопроса после взаимных раздражений был не из удачных. Я без гроша, и вижу, что, даже продав иконы, деньги сейчас же должны быть отданы. Мне ничто, кажется, не поможет; я, конечно, был бы рад иметь всегда Павлика при себе, иметь collage, но его отношение и обращение со мной мне совсем не нравится, грозит вечными ссорами, вечно без денег оба, одному же все ничего***, но тут может быть и другое с моей стороны, о чем я не должен думать, т. к. это может грозить если не огромным счастьем, то большим горем. Возвращался от Павлика пешком, будучи без гроша, погода была чудная, без ветра, тепло, и всю длинную дорогу я как-то сладко мечтал, будто перед какой-то влюбленностью; Петербург был как Венеция; Италия меня привлекла бы ужасно. И «Эме Лебеф», и все писанья, — если бы не мысли о деньгах. С ними я как окрыленный. Завтра придет Павлик вечером, а летом он был легкий, веселый, любезный, как и теперь с другими, а теперь он не то сердится, не то стыдится меня [перед другими], скучен и делает истории из-за всяких пустяков.

---

* Полторы строки густо зачеркнуты.

** Браков *(франц.)*.

*** Три с половиной строки густо зачеркнуты.

18

Сегодня Сережино рожденье. К обеду приехала бабушка. Ходил снова к Иову, но ни его, ни Мирона не было, и лавки были на замках; прошел к Казакову, но на того нет никакой надежды. Играл Россини; пришел Павлик, сначала объяснялись, была сцена, потом он лег, жалуясь на головную боль, я подсел к нему, и было что было. Сегодня Павлик был очень интересен и такой бедный, обиженный, но нужно же ему сказать раньше, что неизбежно должно случиться. Тетя сказала, что волосы нужно прикреплять вишневым клеем. Чудная луна. Как долго еще не увижу К<онстантина> Андреевича!

19

Опять возился с этими подрядчиками; я очень жалею, что не отдал тогда иконы. Иов не лучше Казакова — все на одну колодку шиты. Вечером был дома, пришел Тамамшев, Варя была у Крапивиных, Сереже прислали корректуры, я писал «Эме». Приехал Павлик, старался быть веселым, все хвалил, такой быстрый volte face*, не без влияния вчерашней сцены, может быть, un peu factice**, но приятен. Потом я узнал, что, м<ожет> б<ыть>, его любезность сегодня имела и другие цели. Одним словом, он был — одна любовь, нежность, веселость. У меня все подушки пропахли его фиксатуаром, и это держит меня в плену. И Павлик плетет сети все больше и больше, чтобы, привыкши, я был крепко связан. Это и сладко, и страшно, не думаю, что опасно, но может быть и неприятным. Он предлагал субботу всю с ним, как же Верховские? я не могу бросать знакомых из-за своей любви. Поехали в «Вену», встретили сестер Тамамшевых с Рукавишниковой, и потом, вдруг, неожиданно, непредвиденно, пришел сам Сомов, очевидно, после эскапады. Павлик дал мне письмо, где просит денег, где же мне их достать? Провожал меня до Знаменской. Ольга Петровна говорила, что меня видели в «Вене», видели меня там и Тамамшевы, в воскресенье же.

20

Был у Иова, тот сказал, что потому не зашел вчера, что у него был старик, обещавший прислать в тот же день; хотел опять сходить к ним вечером и добиться «резону», однако и этот вечер никого не было. Принесли белье, я обещал заплатить в пятницу утром, а вдруг и к тому времени не будет, как теперь, ни гроша; у меня осталось 10 коп., которые я и отдал ивановскому швейцару[23]. Павлику хотел сказать по телефону, чтобы он не приезжал в такой дождь напрасно, но толку не добился, вечером он сказал, что не

* Поворот *(франц.)*.

** Немного искусствен *(франц.)*.

будет. Наши пошли в театр, я писал «Эме», желая кончить, но у меня нет достаточно бумаги и просто-напросто не на что купить таковую. Сережа, чтобы закрыть прыщик, сделал начесы на виски, вроде моих; я ему для рассказа написал стишки[24]. У Ивановых были, кроме Сомова, Волошин, Косоротов и Леман; Волошин читал стихи и толковал об оккультизме, читали стихи Вяч<еслав> Ив<анович>, Городецкий и я; Городецкий читал свой водевиль с пародиями стихов Иванова, Бунина и своих — очень забавно[25]. Волошин нашел какую-то общность моей поэзии с Сомовым, что мне было очень ценно, хотя последний и отрекался из всех сил. Завтра едва не расстроилось из-за Диотимы, уезжающей к сыну в Юрьев[26], но потом все уладилось, кажется. Конст<антин> Андр<еевич> звал меня раньше на час других. Ах, если бы не деньги, не долги бы всем, я был бы окрылен. Для Павлика опасны мечты о совместной жизни, в таких отношениях, без общности интересов и развития, это часто начало конца. Во всяком случае, мне кажется, цикл «любви этого лета» замкнулся. Весь вечер был дождь. Как мне быть, не знаю решительно. В воскресенье Сомов не идет на балет. Волошин мне показался дешеват, хотя очень симпатичен, похож на Юрашу Верховского.

21

Иов сказал, что не мог вчера быть у подрядчиков; я сам отправился к ним; обещались взять в воскресенье, но до того времени пришлось взять у зятя, чтобы заплатить прачке и иметь на извозчиков. Зять просил, не будет ли денег к середине октября; как делаться? Павлик телефонировал, что придет в 9 часов, он же знал, что я буду у Сомова! Оставил ему записку у швейцара. Как-то потеряло значительную часть смысла, что он может быть у меня. Заезжал к парикмахеру; при помощи Longraine и щипцов прическу мне устроили. Сомов играл Pierné в халате поверх сюртука. У них чудные комнаты, особенно Константина Андреевича. Сине-зеленые стены, канал в окна, веселый парад статуеток на шкафике, шаль с розами, брошенная небрежно на небольшой диван, печи, топящиеся в спальне, — все было восхитительно. Теперь я почему-то более смею смотреть на К<онстантина> А<ндреевича> так, как хочу, хотя меня еще очень удерживает его подозрительность и неверие в возможность влюбленности в него. Пели Pierné, общие французские места, но красиво отделано. Я думаю все-таки, что Сомов, последний раз возбужденный Павликом, обратил случайно это на меня, находящегося тут. Я же могу влюбиться в него самым простым образом, если уже не сделал этого. C'est une enormité*, конечно, но что же делать? Я и тут боюсь Renouveau. Пришли Ивановы, Горо-

* Это полный вздор, ахинея *(франц.)*.

децкий и Сережа. Скульптура К<онстантина> А<ндреевича> восхитительна, не знаю, не лучше ли даже его живописи. Андрей Иванович был мило ворчлив; читал я «Эме Лебеф». Возвращались втроем с Диотимой и Сережей, т. к. Городецкий не хотел ехать втроем, а Вяч<еслав> Ив<анович> не хотел без Городецкого; была чудная восточная звездная ночь. Павлик был у меня, Антон ему письма не передал; он ждал полчаса и, оставив записку, ушел, обещая прийти завтра и прося телефонировать ему в 10 час.

22

Утром писал дневник, письма, читал Casti; гулял немножко; я очень уныл от перспектив безденежья. Мои писанья что-то никуда не идут. Почти целый день дома; часов в 9 пришел Павлик, несмотря на безденежье веселый и милый, говорил, что думает, что я его скоро брошу, что я делаю такие намеки, бедный и нежный, прискакавший ко мне на последние деньги. Но кажется, несмотря на жалость, на очаровательное, длинное, гибкое, нежное и тонкое тело, на нос, рот и нежность, что «прошло его лето»[27]. Пока он спал, я писал «Эме Лебеф». Неужели до вторника не увижу Сомова?

23

Утром ходил далеко гулять по Невскому до Адмиралтейства. Недалеко от Кнопа[28] встретил какого-то почтового чиновника с прелестными глазами, который, сделав убийственные глазки, оборачивался раза три на меня, стоявшего у окна, но я тотчас за ним не пошел, а когда пошел, то уже потерял его из виду. Брал ванну; приезжал Эбштейн спрашивать, что подарить Сереже к имянинам. Вечером был у Верховских, там были также Каратыгины; ничего особенного; возвращаться было чудно при луне и ярчайших звездах. Не хватало около на извозчике Павлика. Мои подушки пропахли его фиксатуаром, и это держит меня в плену.

24

Встал рано, ожидая старика; он пришел с Иовом, взял иконы, но денег отдал всего треть; какой ужас. Торопился завтракать, чтобы отвезти вовремя Павлику деньги, пил у него кофе, он благодарил меня, строил планы, где мы могли бы дешево жить, далекий от мысли, что это начало конца. Заезжал к Верхов<ским> за оставленными там нотами. Был чудный день. Приехали домой; даже тело Павлика мне сегодня показалось грубее; попели и поехали в Летний сад; масса лиц, почти ни одного интересного; были Путц, Юсин; Сомов не пришел, чем я был крайне огорчен. Поехали в «Вену» обедать. Павлик проводил меня до Екатерининской, обещал прийти во вторник. Я был несколько осовелый от нежностей и

вина и, придя домой, лег спать до чая, потом играл «Кармен», не поехавши к Сологубу. Я чем-то очень недоволен сегодня, безнадежным безденежьем, тем, что не видел Сомова и что не поехал к Сологубу. Я страшно боюсь показаться Сомову Диотимой, чтобы ему не было смешно и стыдно, — это главнее всего. Как-то все устроится? будь деньги, я был бы как окрыленный.

25

От Сомова милое письмо, где он предлагает прийти сегодня или дать знать; чтобы видеть его, решился на маленький обман и не дал ему знать. После завтрака пошли с сестрой за покупками и встретили Ольгу Петровну, идущую к нам. Она была очень любезна, слушала и читала мои вещи, расспрашивала. К обеду пришла бабушка с дурными вестями: дело в октябре, но неизвестно когда; что я буду делать, прямо не знаю. Приехали Балуевы и целая четверка мужчин Эбштейн с одной барышней. Марья Никол<аевна> нашла, что я помолодел и стал более ординарным. Было не очень скучно; Сережа в новой белой с голубым рубашке был несколько конфеточен. Барышня пела, пришел Сомов, не очень, кажется, рассердившийся на мое плутовство, и нашел даже для разнообразия Familienfest* очень несносным. Когда все ушли, мы читали дневник и «Эме Лебеф»; от Renouveau было письмо: он все еще болен, был в taverne Maurice, ругает Louise. Сегодня я уже не мог думать, что это нежность к Павлику, направленная на меня. Может быть, исчезнет и недоверие К<онстантина> А<ндреевича> et notre existence pourra être delicieuse**. С Павликом еще связывает меня плен его тела и жалость. Провожал Сомова в $3\,^{1}/_{2}$ часа, завтра увидимся.

26

Утром ходили за билетами на «Садко»; конечно, ничего не достали, но пройтись, проехаться в те места ясным осенним днем, всегда приятно. Читали «Στεφανος»; Павлик не пришел; мне это было почти все равно, м<ожет> б<ыть>, я заблуждаюсь и его тело еще властвует надо мною, но не думаю. Ничто не известно; писал «Эме Лебеф». У Ивановых, против ожидания, была куча народа, что не сулило большой приятности, но потом все вышло лучше, чем можно было ожидать, и я даже рисковал петь, читал «Любовь этого лета». Кажется, понравилось; мне особенно ценно и важно, что нравится молодым. Читали Вяч<еслав> Ив<анович>, Городецкий, А. Блок, Бунин, Федоров, Allegro, Беляевская, Леман[29]. Милый Сомов был приветлив. Какая прелесть быть унылым, чо-

* Семейный праздник *(нем.)*.

** И наше существование сможет быть восхитительным *(франц.)*.

порным и знать, что знаешь, какая очаровательная тайна. На прощанье Диотима чуть меня не поцеловала. Завтра, м<ожет> б<ыть>, К<онстантин> А<ндреевич> заедет ко мне. Спускаясь с лестницы, мы шли обнявшись, и на улице я плотно прижал локтем его руку, провожая его до извозчика, я был как окрыленный и страшно молод. Неужели я в самом деле sonntagskind?*

27

Хотел зайти к Иову, но ограничился прогулкой по Невскому. У Бассейной имел удовольствие лицезреть Александра; какое ужасное лицо днем, серое, старое, грубое, страшное. После обеда писал «Эме Лебеф», играл. Наконец пришел Сомов, поиграли итальянцев, Debussy, потом пошли ко мне. Он думает, что Гржебин захочет «Эме Лебеф», дай-то Бог. Почему-то лежа мы всегда говорим по-французски, так что двойная практика, это забавно. Я очень боюсь Reñouveau, что его несомненные издевательства смутят К<онстантина> Андреевича, которого я люблю все больше и больше. Увидимся, м<ожет> б<ыть>, в пятницу.

28

Несколько болела голова; никуда не выходил; после обеда пришел Глеб [Успенский] Верховский и вышел с нами, взяв «Крылья». Мы поехали к Тамамшевым, живущим где-то у Ивана Предтечи, но их не было дома; я прошел к Кудрявцевым. Сережа же отправился к <*нрзб.*>. Тетя была дома, дело назначено на 9-е, дай-то Бог, чтобы благополучно кончилось. Павлик телефонировал, что будет завтра в 8 часов; завтра увижу Сомова, о котором мечтаю как о возлюбленном, вместе поедем к Ивановым, м<ожет> б<ыть>, вместе в оперу; мне жалко, что я не могу быть знакомым с другими известными ему людьми, чтобы видеться еще чаще; в этом отношении я завидую Renouveau. У «современников» кроме Нурок, Кржановского, Медема и Сенилова были еще Винклер, Покровский, пьянист и Миклашевский. Играли Severac, Albenis, Ravel, Reger'a, S. Saëns'a, Скрябина и Винг<*нрзб.*>. Сенилов звал к себе, что<бы> сыграть новые свои вещи: симф<оническую> поему «Мцыри» и на ремизовские слова «Калечина и колыбельная»; либретто ему обещал Городецкий, но, кажется, не думает исполнять[30]. Пошел прямо домой. Без меня были Юраша и Павлик.

29

Письмо от Сомова, что, не будучи сегодня у Ивановых, надеется встретиться только на «Лебедином озере»[31]. Печально. Я

* Родился в сорочке: букв. «воскресный ребенок» *(нем.)*.

теперь думаю просто об его лице, глазах, голосе, теле, хотя ценю, м<ожет> б<ыть>, еще больше сознанье, что этот чопорный, жеманный Сомов знаком мне и по-другому. Утром ходил к Иову, но тот долгу не отдал. После обеда до Павлика пошли с Сережей посмотреть репертуар. Какой ужас. «Риголетто» и «Гугеноты»; балеты интересны. Заходили к Филиппову есть пирожки, там были 2 студента из Летнего сада. Встретили Городец<кого>, который сказал, что к Ивановым привезли целый транспорт шкапов*, комодов, столов и они не знают, что с ними делать, и советовал мне пойти посмотреть на это комическое зрелище. Пришел Павлик рано, в теплом пальто, новых перчатках, бедный, ничего не подозревающий, но что-то чувствующий, со своим гибким, длинным телом и запечатленными глазами. Во время нашего свиданья пришли Аюхановы. После Павлика я оделся и, напившись чаю, пошел к Ивановым. Там был Чулков и уже вернувшийся Городецкий. Было скучно; Диотима утром ссорилась с Эль-Руми; все загорожено огромными ящиками, по которым в недоумении лазила кошка. Чулков ушел, Диотима поговорила со мной о том, что я нравлюсь Манасеиной, что с Allegro она, Диотима, толковала о любви, о homosexual'ности, пошла спать, равно как и Городецкий. В<ячеслав> Ив<анович> толковал еще долго, что я не создал школы, которая даже и нежелательна, тогда как Городец<кий>, вероятно, создал; опять об homosex<ualism'e>, который В<ячеслав> Ив<анович> считает более страшным, глубоким, мистическим, лишенным gaitée**, чем флирт обычный. Вернулся рано, во втором часу. Сегодня были полотеры, трое; Сысой меня положительно возбуждает. Что-то вообще будет? Мне кажется, что у Ивановых что-то неладно и меня будто меньше прежнего любят.

30

Утром пришел Футин просить от Георгия Михайловича на время налоя. Это смешно, никогда не делавши ни одной мне услуги, за всякими пустяками посылают ко мне. После завтрака зашел к Фоме Ивановичу, обещал непременно деньги принести завтра, часов в 12. Так захотелось видеть Сомова, что рискнул поехать к нему, но, достигши его дома, так застыдился, что, пройдя несколько раз мимо, сел в конку и доехал до Гороховой, откуда прошел к Казакову и в парикмахерскую; подстриг усы. Утром мне приснилось, что приехал зять, и я слышал его голос так явственно, что спросил у сестры: «Разве Пр<окопий> Ст<епанович> приехал?», а через два часа он приезжает в самом деле, неожиданный сегодня. У Казакова верну-

* У Кузмина — шкапоф.

** Веселости *(франц.)*.

лись Козлов, Кудряшев и Шошин. Броскин бывает часто и все спрашивает обо мне. После обеда наши потащили меня к Инжаковичу по тем улицам, куда я езжу к Павлику. Он был дома и больной; напившись чаю, поболтавши, мы тем же путем отправились домой. Какой-то правовед нежно ехали с пажом, и мне стало жалко молодости, что так долго никого не видел, что нет и долго не будет достаточно денег. Сегодня сестра обратила внимание, что я пренебрежительно отозвался о Павлике, и добавила: «Не желала бы я быть твоей симпатией, настолько это кратковременно». Правда ли это? м<ожет> б<ыть>, и нет, при наличности внутренних интересов, <если> вспомнить князя Жоржа. Что-то будет завтра? Попаду ли я в театр? с деньгами я был бы как окрыленный, так я счастлив и светел это время.

Октябрь

1

Утром никаких денег мне не принесли. Пришла тетя, дети в гости, я сходил на Кирочную; говорят, еще не возвращался из конторы. Пришел Павлик, был очень аффрапирован, хотя виду не подал; предложил пойти вместе и зайти; зашли; Фома был дома, денег ничего они не получили; предложил дойти до хозяев, нет ли у них. В низкой, темной, полной народа, ребят комнате горела лампадка, висели мои святые, привыкая к набожности. Денег дали; поехали в Летний сад; Павлик разговаривал с какой-то теткой, с которой, кажется, сговорился встретиться вечером. Может быть, и нет. Обедали в «Вене», мне было скучно, что я не попаду на «Леб<единое> озеро», не увижу милого Сомова, так что я просто хотел поехать к началу и повидать его. Павлик опять просил к 14-му достать ему хоть 25, хоть 50 рублей, что он со вторника возьмет отпуск и может приходить ночевать, чтобы я верил, что он любит меня за душевное, чувствительное отношение, простоту и ласковость. Приехавши домой, застал тетю читающей с детьми «Недоросля», напился с нею чаю и поехал к Сологубу. Проезжая набережной, меня обуяла тоска: Павлик отошел куда-то, на Сомова, несмотря на всю мою любовь и влюбленность, надежда плоха из-за его недоверия; безденежье, — все снова влечет к смерти: отчего это? У Сологуба были В<ячеслав> Ив<анович>, Юраша, Городецкий, Годин, Уманов-Каплуновский с женой, Кондратьев, который мне довольно понравился, Гржебин и Копельман. Было неплохо, и даже смеялись. Городецкий нашел, что я со стриженными усами — страшен, Иванов же — plus troublant, inquiéte*, пикантнее[1]. Ехали втроем. Так я и

* Более волнующе *(франц.)*.

не видел Сомова. Гржебин говорит, что он хочет свести нас во вторник, — что-то из этого выйдет? Приехавши в половине третьего, долго не тушил свечи и лежа думал и плакал, что не был в балете с Сомовым, совсем не мог заснуть, пока не встал и не написал ему письма, не одеваясь, голый. Потом заснул тревожно, видя нехорошие сны, просыпаясь, плача. Утром я слышал, как прибивали какие-то гвозди, хотели выводить тараканов, плакали и ссорились дети. Кондратьев, наверное, грамотный, но это не тот, совсем не тот, тот был дивный, и, когда я видел его года три тому назад с истасканным, но моложавым, похудевшим, излюбившимся лицом, еще лучше.

2

Письмо от Сомова, зовет завтра; гулял по Невскому, встретил Бунина и Сер<афиму> Павл<овну> Ремизову. Дома вдруг заехал Павлик предупредить, что не будет вечером, и попросил денег; я отдал все до копейки и был этим опечален. Перед «Адской почтой» зашли к Ивановым, которых застали за обедом. Городецкий резвился не всегда удачно, Ивановы хотели спать. Сочинили надпись к «Адской почте»:

Кто там гжебит в Адской почте?
С Коппельфрау кто сидит?
Вечность дружно почте прочьте,
Бунин там сидит сердит.

В «Почте» сначала я ухватился за Нурока и Ремизова, как более знакомых, потом пришел Блок, с которым я очень мило беседовал, он очень славный. Вдруг пришел Сомов, вечные боги! какая радость! какая благодарность. В<ячеслава> Ив<ановича> не было. Сначала все стояли, говорили вполголоса, закуска стояла нетронутой, будто в ожиданьи священников на панихиде. Потом читали стихи Сологуб, Блок, Бунин, Федоров, Городецкий и я. Аничков с Буниным поссорились из-за стихов Блока, и Бунин ушел, сказав, что его нога здесь не будет[2]. Блок нашел, что последняя вещь В<ячеслава> Ив<ановича> под моим влиянием. Я был несказанно рад видеть Сомова, слышать его, говорить с ним. Мы вышли вместе с ним, и я пошел его провожать. Встретили на Невском едущего Чулкова. Я так далеко провожал Сомова, что он мне предложил заехать к себе отдохнуть. Так была восхитительность визита в 3 ч. ночи; он притащил торт от Berrin[3] и кюрасо; на столе у него <померанцы?>, на фортепьяно «Echo de temps passé» и арии из «Le jongleur de Notr'Dame»[4], висят в станке мои письма, печати которых как розы; показывал мне свои старые вещи, беседовали; было приятно говорить тихонько, тайна и ночь, Андрей Ив<анович> где-то кашлял. Провожал меня до низу и выпустил, долго целуясь перед дверью. Домой шел пешком, счастливый, счастливый всю долгую дорогу.

3

Днем ходил к Иову, его не застал, у Большакова служит Кудряшев, они с Мироном были вчера у Броскина, как это все далеко! Денег ни копейки. До Сомова шел пешком, меня даже просто утомляет хождение так далеко, но что же делать, надо привыкать. У меня ничего нет, ни вина (хотя бы русского), ни сыру, ничего, чтобы иногда выпить, когда захочется, чтобы угостить Павлика, Сомова, кого-нибудь. Сомов был один, конечно, милый, милый. Вчера Иванов ему сказал, что il flaire quelque chose entre nous deux*. Гржебин рассказывал, что Бунин с Аничковым помирились у Ходотова и плясали трепака, что меня страшно все «знаньевцы»[5] ругают, что главной причиной вчерашних инцидентов был именно я. Это все ничего, только бы не испугало «Шиповник» издавать меня. Гржебин согласен на условия, м<ожет> б<ыть> и справедливые и выгодные потом, очень неблагоприятные теперь: издание на их счет, прибыль пополам, теперь же — небольшой аванс в счет. Но так заманчиво издание отдельной маленькой книжкой с сомовской обложкой и заголовком, что я был счастлив осуществить это именно таким образом. Было, в сущности, не так весело, как могло бы быть, я даже Константина Андреевича видел плохо. Гржебин на извозчике со мной говорил, что не верит, когда почти с любовью вспоминают ночи, полные ласк, что у него это возбуждает отвращ<ение>, что ему 29 л<ет>, у него есть ребенок, матери которого он не может видеть, хотя и уважает ее, что я писатель — эротический, Сомов тоже, что он знает, что мы очень дружны. Потом я пошел пешком; это ничего, что устаю, только бы башмаки не протоптались. О воскресенье, конечно, нечего и думать, как-то решится дело в понедельник? Как давно я не был с Сомовым, как хотел бы, как хочу. Последняя сомовская дама — верх прелести, кто может, кто смог бы дать эту нежность одежд, томность и нежность взора; мне так стыдно, я какой-то сапожник, какой-то дворник в сравнении с ним во всем, во всем, и это меня мучает не завистью, а боязнью его потерять, его дружбу, его, может быть, теперь любовь. Я вчера сознал это себе и сразу ввергнул<ся> в какой-то туман, и стыдливость, и стесненность. М<ожет> б<ыть>, это и не так, м<ожет> б<ыть>, это минутно, но почему-то меня утешает, что, несмотря на расстояние, я более всего подхожу к Сомову, и не только в последних вещах.

4

Вчера был днем у Сенилова; у него аккуратно, несколько по-немецки; партитуры правоверного вагнерианца, еще вещи на

* Он что-то чует между нами двумя *(франц.)*.

слова Ницше, — вроде Листа, на Ремизова, — вроде Каратыгина, с фокусами, но приятные; был откровенен, говорил о своей влюбленности, показывал фотографии своего предмета, спрашивал совета, жениться ли ему[6]. Смешной. Сегодня крайне любезное письмо от Брюсова, что «Любовь этого лета» ему очень нравится и пойдет в февральской или мартовской книжке[7]. От Павлика письмо, что он сегодня не может быть, отчасти это хорошо и для него, но мне было жалко больше, чем от неожиданного неприхода кого бы то ни было. Приехал Леман, твердил мне опять о сходстве моем с Сомовым, выспрашивал, что я люблю в таком-то и таком-то искусстве, был вроде интервьюшника, но ничего. Потом пришли наши, поздно пришел Сомов. Читал дневник, маленькую главу романа, беседовали нежно и задушевно; он говорит, что нежно ко мне привязан, восхищается мною, что я ему нравлюсь, — все, что он может обещать; что я chaste, несмотря на aventures, а он dévergondé*. Занимались практикой французского языка, потом ели сыр, пили вино; в пятницу зайду днем к нему посидеть во время работы, поиграть Grétry и Rameau.

5

Утром был дождь; писал дневник и письма, после завтрака пошел к В<ячеславу> Ив<ановичу> отнести для сборника, сыграть новые вещи, поделиться новостями. У них оклеивают обои; был Годин; вчера Аничкова по приезде в 7 ч. утра домой арестовали, но отпустили за 1000 р., внесенную Ковалевским. Была чудная весенняя погода. Сереже из «Руна» прислали ответ, что его рассказ не могут принять, но что его «Повесть об Елевсиппе» принята; это фатально, что нас так путают. Пришел маленький Гофман[8] с нотами Мясковского; очень интересны; я предложил познакомиться; Гофман несколько мозголог, но милый и славный мальчик. Мне льстили и были непривычны его почтительные hommages. Сидел довольно долго; потом я писал «Эме», Сережа изнывал в меланхолии на диване, Вари не было дома; он говорит, что у Вари с ним последнее время не полные лады, что ее угнетает наше отхождение куда-то. Пришел Тамамшев, несколько сонный, бывший вчера у Ивановых; я продолжал писать, болтая. Приехала Варя от Акуловых, там была и Варв<ара> Павл<овна>, читали «Савву» Андреева, сестра очень довольна визитом и еще больше старается это показать. Телесно я еще не разлюбил окончательно Павлика. Гофман тоже мне упомянул о моем сходстве с Сомовым в искусстве и говорил, что 2 столпа будущего: я и Городецкий.

---

* Целомудрен похождения .. развратник *(франц.)*.

6

Сегодня день моего рожденья. Ничего особенного, грязь; попросил у сестры денег, чтобы купить билет на «Жизель». Отослал письмо Брюсову[9], из театра шел пешком к Сомову, тихонько, боясь прийти слишком рано, но он был уже дома, в длинной блузе, раскрашивающий «влюбленных», трущий краски, милый. Я сидел около, разговаривая, потом играл «Echo de temps passé», читали «Argus de la Presse»[10], болтали, пили чай, было восхитительно, и серый день, тишина, музыка под сурдинку, его belle soeur в соседней комнате, делающая опись книг Андрея Ивановича, редкие переговаривания, серый канал в окне — все придавало что-то мягкое, интимное, заглушенное этим часам. Тети к обеду не было, были полотеры; пописав немного «Эме», я оделся ехать к Юраше. Сережа лежал в темноте на кровати, я пел Шуберта. Поехали через Выборгскую, извозчик едва нашел дом 19. Сунулись к Верховским, но там сказали, что все у Юр<ия> Ник<андровича>; там была Ал<ександра> Ник<олаевна>, потом пришли Вадим Н<икандрович>, Иванов. Городецкого и Диотимы не было. Вяч<еслав> Ив<анович> был очень мил, я его очень люблю. Сережа читал «Бастилию», по-моему, очень хорошо[11]; он был преувеличенно резов, несколько истерически. Юраша что-то переживает; мне кажется, наше влияние через Иванова действует и на него: он стремится быть более радостным, легким, жизненным, молодым. Tant mieux*. Ал<ександра> Ник<олаевна> предлагала идти в воскресенье днем на «Сказки Гоф<мана>». Вечером «Жизель», не слишком ли много? Назад шли пешком, по мосту проехали 2 пажа[12], мне стало грустно. Мы поехали втроем, Вяч<еслав> Ив<анович> был страшно мил и близок, но какой-то не блестящий, потухший, terni**. Придет ли завтра Павлик? О, бедный Павлик, милый Сомов, как мне быть, что мне сделать?

7

Утром ездил к Чичериным; Н<иколай> В<асильевич> только вчера вернулся в город; мы долго ждали его, задержанного в банке, дружественно болтая с его женой; наконец приехал и он сам, сделав, что обещал мне. Кончил «Эме»; приехал Павлик, вдруг сказавший, что должен идти в гости, я сделал сцену, и он обещал прийти в 12 $^{1}/_{2}$ на угол Невского и Литейного, что<бы> ехать ужинать и потом ко мне. Странно, когда я его ждал, я волновался, будто прежде, когда же он пришел, я его не только не любил, даже особенной жалости и нежности не чувствовал, и он меня не возбуждал даже

* Тем лучше *(франц.)*.

** Тусклый *(франц.)*.

своим гибким телом. Во время его визита пришла Ольга Петровна, просила играть мои вещи, была любезна, мила. Пошел ее проводить, что<бы> пройти к условленному месту. Прошел до Думы, потом назад, в 25 м<инут> первого; минут через 10 пришел и Павлик, проигравший в карты взятые у меня деньги. Поехали в «Вену»; мне было просто-напросто скучно с ним, я хотел больше выпить, чтобы было хоть веселее. В первой комнате Павлик встретил какого-то знакомого, с которым стал нежно говорить: может быть, это самое приятное отношение — быть минутным знакомым, когда имеешь деньги. Дома Павлик не хотел снимать фуфайки, и я опять сердился и ссорился, пока он ее не снял. У меня очень болела голова от выпитого вина.

8

Насилу встали, так болела голова; меня рвало, и потом весь день не мог ничего взять в рот без тошноты. Кажется, появленье меня из комнаты не одним возбудило удивленье дома. Когда подъехали к Верховским, Александра Ник<олаевна> кричала из окна, чтобы я не отпускал извозчика; тотчас поехали; в театре меня мутило и болела голова, т<ак> что я не так воспринимал «Сказки Гофмана», как мог бы. Все-таки приятная музыка, особенно в 1-м действии, и забавно поэтично задумано. Рядом был прелестный гимназист 9<-й> гим<назии>, высокий и гибкий; я думал: «Приятно прижимать к себе длинное, тонкое, теплое тело». Но, кажет<ся>, совсем неграмотный. Приехавши домой, съел яблок, сейчас же вон. Лег соснуть и поехал на балет «Проб<уждение> Флоры»[13]; скучный мифологический сюжет, но приятные па; отлично танцовала Карсавина, и был восхитителен Андр<ианов> в виде бердслиановского Аполлона; потом шла детски-романтическая, приятная «Жизель» с Павловой. Был Сомов и Курбатов. У Сомова и Добужинского прелестная мысль устроить маленькое мимическое балетное представление, сюжет которого просят составить меня, где бы танцовали Добуж<инский>, Нувель, Сомов, Диотима и я, в разных гостиных, в ситцевых костюмах. Это было бы очаровательно; обязательное il gran fuo* и арлекин. У меня уже появляются мысли[14]. Поехали к Сомову; так было приятно чувство, что можешь есть и пить. Андр<ей> Ив<анович> еще не спал и пил чай в халате. Сомов показывал мне обожженную даму, рисунки 18 века, издания Beardsley. Читали «Эме»; «Шиповник» отказывается издать, но Гржебин сам хочет этим заняться из желания сделать приятное Сомову; конечно, «прости, аванс», но отдельной книжкой настолько приятней появл<ения> в журнале, что я был бы почти очень рад и на это.

* Сильное пламя *(итал.)*.

Как счастливо было так мирно, так интимно сидеть, как я люблю милого К<онстантина> А<ндреевича>, как я был бы счастлив, если бы не мой refrain*.

9

Хотя Павлик звал меня сегодня, я не поехал к нему, я его почти не люблю теперь, хотя это безумие и я не знаю, на что я надеюсь! Сомов ведь мне ничего и не обещает, и это будет une triste sentimentalité** — не больше. Меня удручает, что Павлик возлагает на меня какие-то надежды. Иногда мне кажется, что К<онстантин> А<ндреевич> тяготится мною, что ему неприятны и моя влюбленность, и моя навязчивость. Утром был в парикмахерской. Зять болен и не выходит, дождь, грязь. После обеда поехали к Тамамшевым, было так себе, но слегка уныло. У Ивановых был младший Городецкий. У них все уже устроено, обои, мебель, все в порядке, очень хорошо. Сологуб читал в воскресенье свою драму «Протезилай и Лаодамия»[15], причем рассылал приглашения. Мне жалко было, что я не получил, хотя и вряд ли бы пошел. Устроили в комнате Диотимы род Гафиза, поставив в виде саркофага урну посредине. Вяч<еслав> Ив<анович> и Городецкий читали из общей книги «Σροç» и «Антэрос»[16] что-то не очень благополучное; Иванов что-то прямо подозревает между мною и Сомовым; разбирая, кто perverté dévergondé, К<онстантин> А<ндреевич> нашел меня ni l'un ni l'autre pas même cureieux***. Так проболтали до четырех часов; к Сомову пойду в среду днем, а когда же он ко мне? Что-то наше дело, оно сегодня решалось; вышли «Весы» с рассказом Сережи[17].

10

Как мне грустно, как тяжело сегодня. День ясный, ветреный, солнечный. Пошел к тете узнавать решенье, застал только Тоню; решили почти без слов отменить решение суда, но не знаю, утвердит ли палата или опять пошлет в суд. Зашел к Казакову; он во Пскове, бывает у них Броскин, спрашивает обо мне; потом зашел к Екат<ерине> Аполл<оновне>, она приехала третьего дня, так же мила, радушна, всем интересуется. Написал письма Сомову[18] и тете. Где я достану денег Павлику? Он не шел; пришли Гофман и Мясковский, последний — неразговорчивый, застенчивый, милый, но слишком декадентский, приверженец Гиппиус, Debussy и болезненно ползучих темпов. Сидели долго. Павлика не было, я не был

---

* Припев *(франц.)*.

** Печальная сентиментальность *(франц.)*

*** Извращенный развратник ни тем, ни другим, даже не любопытствующим *(франц.)*.

не то что огорчен, но очень этим шокирован; вещи Мясков<ского> понравились мне меньше, чем при первом знакомстве. Пришел Сережа, звезды были ярки необыкновенно. А как было весело, светло, радостно летом. Как все верно, каким светом наполнено:

Одевались, умывались,
После ночи целовались[19].

Вероятно, Павлик больше мною дорожил, больше вел себя comme avec un monsieur quelconque*, я его больше любил, и развязка виделась еще в очень далеком будущем. Был Нувель, Сомов заражался весельем.

11

Утром получил от Павлика <письмо>, что он придет часа в 2—3. Оставив записку, что не буду дома, поехал к Сомову; чудный день, так бодро, солнечно, весенне. Гржебин пишет, что уже отдал «Эме» в набор. К<онстантин> Андр<еевич> раскрашивал лицо влюбленной дамы, делал ее очень молодой, серьезной и бледной. У них была вчера сестра Мясковского, сказавшая, что он ко мне не пойдет, т. к. мы слишком «различные люди». Откуда он знает, какой я? Я пробовал играть «Cephal et Procris»[20], но не был в настроении. К<онстантин> А<ндреевич> предлагал перевод нем<ецкой> книги о Мадридской галерее под ред<акцией> Андрея Ивановича, не знаю, трудно ли мне будет. С интересом смотрел книгу о франц<узской> живописи начала XVIII в., где видел портрет princesse Palatine, чьи письма я теперь читаю[21]. «Cher camarade d'amour»**, — сказал мне К<онстантин> А<ндреевич> из моего письма, сжимая мою руку. Я обожаю эти часы около его работы, это, м<ожет> б<ыть>, сентиментально, но мне огромное счастье быть тут, читать, играть, переговариваться, быть какой-то тихой и веселой мебелью. В пятницу он приедет. После обеда приехал Павлик, печальный и расстроенный, куда-то торопящийся; опять говорил, как было бы хорошо жить вместе; я промолчал; никаких fatalité<s> не было, как и по большей части за последнее время. Я пошел его проводить немного. Екатерина Апол<лоновна> не пришла, мы долго толковали по душе с сестрой и Сережей, и, несмотря на вид спора, все это было приятно, как все откровенное; разошлись более мягкими друг к другу, чем до разговора. Павлик просил приехать часа в два завтра, обещая нежность, но был удручен, нелюбезен и скорее неприятен. Да, Сомову кажется, что Гофман не прочь сделаться грамотным. Придумал сценарий балета.

---

* Как с неким господином *(франц.)*.

** «Дорогой товарищ в любви» *(франц.)*.

12

Такое же ликование погоды. Шел пешком до самого Павлика, тот опять куда-то торопился, и через минут 15 мы уже опять вышли; обещал прийти часу в шестом. Назад сел в конку; на Петерб<ургской> есть старые дома с цветами на окнах, в одном была видна стоящая арфа; что-то детское, старое, милые умершие, весна, кладбище, жизнь с мамой — все это мне напомнило, и была приятная грусть. Мне кажется, Павлик многое понимает и благоразумен. Дома было бестолковое несколько письмо от Феофилактова, в котором он просит не соглашаться на участие в «Перевале», т. к. этот журнал — социалистический и вульгарный[22]. Приглашение я еще не получал, и после неудачи с с<оциал->д<емократическим> «Шиповником» нужно осторожнее относиться к аналогическим предприятиям, и потом, как не сделать приятное человеку, пишущему, что приедет в Петербург, чтобы меня видеть? — Павлик, конечно, надул. Пошел к тете, тетя обещала взять из суда свои деньги и одолжить мне в конце будущей недели. А до того что? У «современников» были 2 пьянистки (одна Коппельман), игравшие концерт Мясковского, но потом разбирали прелестные романсы Ravel на еще более очаровательные слова Cl. Marot. Пошел домой рано пешком, т. к. не было ни гроша. Завтра напишу Маслову, что он может совсем не являться, раз это ему так трудно приходить ко мне. Мне было очень грустно, написал письмо Сомову, от Н<иколая> В<асильевича> открытка, что сегодня сенатский обед, т<ак> что нас отглашают. Жалко, что я раньше не знал, а то Сомов придет так поздно, тогда как мог бы прийти гораздо раньше. Лег спать в очень смутном и подавленном состоянии.

13

Писем нет, написал музыку, письмо Павлику, ходил к Иову, тот денег не дал, продал татарину полушубок. Без меня был Павлик, оказывается, он вчера телефонировал, что не будет и будет сегодня в 2 часа, а я Антона не видел; все равно, я не жалею, что написал оскорбительное и обидное письмо. Me voilà sans amant*. А Сомов? это совсем другое, я его люблю, я в него влюблен, он мне нравится и физически; долгие изнывания, сентиментальные, marivaudage**, дружба, camaraderie d'amour***, но не то чувство близости и нестесненности, желания то боготворить, то обижать, мучить, ненавидеть временами и делать все, что можешь и чего не можешь. Встретил Ремизову, звала к себе. Ах, лето, лето. «Прошло

---

* Вот я без любовника *(франц.)*.

** Утонченность *(франц.)*.

*** Любовное товарищество *(франц)*.

твое лето, Колета, Колета!»[23] После обеда без Вари и Сережи оделся к Ивановым, встретив внизу Павлика, вернулся. Он письма не получил, я был сердит и сух, писал при нем ноты, он скучал и не знал, как приступиться. Наконец начали объясняться с запальчивостью; я все-таки должен сознаться, что не устоял. Проводил его до угла Сув<оровского> и Невского. Пришел Сомов, беседовал с сестрой и Сережей за чаем, будто старинный знакомый; сестра его за это очень любит. Пели из «Joseph», читал сценарий балета и дневник. Он получил официальное приглашение от Коммиссаржевской, не знаю, ловко ли будет так являться[24]. Гюнтер перевел что-то из «Алекс<андрийских> песень» для нем<ецкого> журнала. Оказывается, Павлик был у Сомова вчера, прося денег; это мне уж очень не нравится. Сомов был сегодня мягче, милее даже, чем обыкновенно, и, легши с головою молодого Вакха, встал с Titus kopf*. Нувель приезжает к 20-му. Я теперь не боюсь его приезда, не потому, чтобы я был более уверен в К<онстантине> А<ндреевиче>, а готовый все принимать tel quel**; мои писанья, моя дружба с Сомовым меня радуют, влекут и веселят безмерно.

14

Ездил к парикмахеру, оттуда к Ивановым узнать, получили ли они повестку от Коммиссаржевской и удобно ли мне туда являться. Уговорились ехать вместе. Был там дв<оюродный> брат Волошина — Глотов; читал свой сценарий, Вяч<еслав> Ив<анович> нашел, что главные персонажи — 2 турка, фон мудрых людей! Написал письма Павлику, Чичериным и Феофилактову. Зашел к Ивановым; Диотима еще спала, Городецкого не было, Вяч<еслав> Ив<анович> прочел два новых стихотворения, первое очень хорошо, где Клод Лоррен[25]. В ожидании я играл «Орфея» Глюка; поехали вперед с Вяч<еславом> Ив<ановичем>, извозчик, довезя нас до Аларчина моста, высадил. У Коммиссаржевской было уже много народу; в двух комнатах с возвышениями для происходящих там репетиций были цветные фонарики со свечами, просто свечи, длинные красные свечи перед местом для чтения Блока, стол был будто на пиру Ольги; были из гостей все знакомые, из «Знания» никого, хорошо было, что гости, хотя и не вполне знакомые с хозяевами, знали друг друга. Был Аничков, Чулков, Сюннерберг; с Таврической[26] — Блок, Билибин, Судейкин, Сапунов, Нурок, Сологуб. Драма Блока мне показалась скучной и отвлеченной[27]. Потом пошли пить чай и закусывать, актрисы угощали, как какие-нибудь гурии. Было очень не стеснительно и хорошо. Я все спрашивал у Сомова

* Головой Титуса *(нем.)*, т. е. с прической à la Titus.

** Таким, как есть *(франц.)*.

про какого-то молодого англизированного человека, кто это, но тот не знал. А потом он вдруг сам подходит ко мне и рекомендуется Судейкиным; я попросил его кланяться Феофилактову, причем тот сказал мне, что мои песни печатаются[28]. Потом было немного мозгологии, потом пел Феона и Коммиссаржевская, она читала, читали Иванов, Волошин, Блок, Городецкий и я, просили меня сыграть, но без нот я ничего не мог, а атмосфера была такова, что я, пожалуй, рискнул бы; посредине в кастрюле актер варил глинтвейн, а актрисы разносили неподслащенную наливку. Возвращались на узелки[29], я с Вяч<еславом> Ив<ановичем>; он опять требовал лирических стихов от меня, чтобы узнать, конечно, в чем мой секрет; предполагает между мною и Сомовым роман; извозчик засыпал. Я был очень доволен вечером, и любовью с Сомовым, и предстоящими работами. Нурок рассказывал, что «Эме» произвел прямо скандальное впечатление в «Шиповнике», Копельманы отплевываются от такой литературы, но Гржебин, как идальго, объявил carrement*, что издаст сам. Гриф у Сюннерберга спрашивал мой адрес, который узнал его у Блока. Вот смешной путь.

15

Утром приехал зять; после завтрака хотели немного пройтись с Сережей, как на лестнице вдруг встретили Павлика. Я вернулся, он оба письма получил и, кажется, не знает à quoi s'en tenir, бедный, fane** и нелюбимый; упрашивал ехать с ним обедать; я его уговаривал ехать одному или остаться у нас, но он не соглашался и упрашивал меня не бросать его. Я пошел с ним сначала пешком, потом поехали в «Вену»; я не хотел пить Nuits, т. к. мне было слегка тошно, не знаю отчего. Обеды с Павликом, не знаю, от привычки ли, от исчезновения ли любви, потеряли бóльшую часть прелести для меня. Дома был Сенилов, предлагавший оркестровать 2 моих романса, чтобы попробовать в придворном оркестре. Играли мои старые вещи и Мясковского; потом пришел Тамамшев к Сереже, чтобы ехать с ним в «Вену», я их напоил чаем, т. к. сам адски хотел пить, и пошел к Званцевой. Там был уже Сомов и какая-то чета, потом пришла чета Сомовых и Волошины, ненадолго спускались Ивановы; было довольно уютно, к тому же я видел милого Сомова. Волошин говорил много про мое лицо, будто лицо мумии или Сен Жермена, что страшно меня спросить летá, вдруг я скажу 2000 лет, и вместе с тем нельзя меня представить стариком[30]; по руке сильная линия таланта, со звездой, означающей большой расцвет, отсутствие идеальной любви, эгоизм, никаких плотин страстям, мно-

* Напрямик *(франц.)*

** Как себя держать. поблекший *(франц.)*.

гое общее с Сомовым. Последний мне показался несколько усталым, скучным, сухим, я страшно боюсь ему надоесть своим стремлением к близости и стародевической влюбленностью. Подумать, что недавно был год, как мы познакомились с Константином Андр<еевичем>. Сколько перемен, как блестяща, полна и занятна эта жизнь для всех нас!

16

Сегодня днем сидел дома и написал рассказ на конкурс о черте[31]. Очень был рад, что Павлик не вздумал приехать, как говорил, я прямо тягощусь его визитами, как бы он ни был нежен. Вечером поехал к Верховским, Ал<ександра> Ник<олаевна> была не совсем здорова, Юрий Ник<андрович> в Нарве; была Каратыгина и одна из тетушек. Было уютно, мне было приятно ехать, думая, что Павлик куда-то ушел. Мы долго беседовали о Сереже, они говорили сердечно и душевно. В Москве думают, что Ауслендер это миф, и спрашивали об этом у Каратыгина. Как бы я ни относился к этическим вопросам, возможность подозрения меня в таком мелком подленьком обмане: писать под разными фамилиями и не сознаваться в этом мне очень неприятна[32]. Как чужие, Верховские смотрели совсем неожиданно иначе: вот явление — индивидуальное, отдельное само по себе и почти одновременно совершенно такое же, и не знаешь, где предмет, где тень. Потом, вы пишете большую вещь, не торопясь, не печатая моментально. Ауслендер, насыщаясь вами, пишет один, два, три маленьких рассказа той же эпохи, вашей концепсией, вашим слогом и выскакивает раньше; большая часть интереса к вашей вещи подорвана. Тем более жалко, что у Сережи это кажется внешне усвоенным, а не внутренним. Для него пагубна невозможность искать самого себя, уйти от вас, ваших эпох, ваших сюжетов, вашего слога. Мне было очень тяжело и обидно это слышать, тем более что знающие многое могут так рассуждать, не знающие же не знают, что подумать, и думают что придется, вплоть до самого мелкого неприятного жульничества. Хорошо, что я не проболтался, что Сережа хочет послать тоже «письмо», а то они прямо бы сказали, что он хочет и рассчитывает, что его рассказ примут за мой. Как это все неприятно, и я об этом совсем не думал, но, кажется, тут ничего не поделаешь.

17

Ездил к Чичериным; Софья Вас<ильевна> уже в городе, завтракала у них и француженка, было уютно; потом поехал к Сомову, у него был старик Мясковский, К<онстантин> А<ндреевич> был видимо рад мне, я играл Rameau, читал свой рассказ; К<онстантин> А<ндреевич> передавал свои новости: salon d'automne[33]

его пригласил быть сосьетером*, из Германии предлагают делать порнографические иллюстрации[34], свои планы и темы будущих вещей, свои визиты. Дома без меня приходил 2 раза Павлик. После обеда телефонировал, что через час придет; мы с Сережей пошли узнать, придет ли к нам Ек<атерина> Ап<оллоновна>; она с нами в темноте говорила, что нездорова и что придет не раньше будущей недели. Очень странная. У нас уже сидел Павлик, Мясковский без меня занес ноты. Посидевши, мы проехались все-таки в «Вену», где поужинали; там были какие-то актеры от Коммиссаржевской, которые со мною кланялись; на обратном пути мы все гнались за какими-то гуревичем[35] и реалистом, очень грамотными, то перегоняя их, то оставляя себя быть обогнанными. Наконец они проехали на Бассейную, а мы свернули на Суворовский, причем я им откланялся. Потом мы немного еще походили по Суворовскому и по Таврической, я все жалел, что не поехали за гуревичами, и дразнил Павлика, который сердился и бранился. Вдруг кто-то, обогнавший нас, целует меня: Городецкий от Тернавцева. Проводили его до дому; я взял его под руку, на что Павлик опять надулся. Городецкий вчера на митинге читал стихи: «Товарищ рабочий, товарищ солдат»[36]. Не ожидал я от него этого! Павлик сказал, что приедет в 2 часа; где мне взять силы сказать carrement, что я его больше не люблю, тягощусь им, денег доставать не буду и люблю другого? А намеков он не понимает. О, тихие часы у Сомова! Буду писать «Весну» для музыки и стихи: «Куранты любви»[37].

18

Утром ходил за конвертами к Гаевскому и подписался на афиши. Пришедши, узнал, что был Павлик и скоро опять придет. Пришел, посидел, я пил чай, пошли пройтись по Невскому. Погода была полуясная и сухая, гулянье по Невскому напомнило мне 95<-й> год; все-таки приятно, что есть с кем походить. Потом я вернулся обедать. Я очень весел, хотя денег нет и не предвидится, и не знаю, как делаться с Павликом. Он выдумывает всякий вздор, ехать завтра после Сомова куда-то на Крестовский ночевать, жить вместе. Нужно объясниться начистоту, а то это выходит <среднее> между законным браком и шантажом, на что я не согласен. Сережа вчера сказал, что я безжалостен и, м<ожет> б<ыть>, был таким и по отношению к нему: это что еще за окруты? Пришел маленький Гофман с концепсией черта; был мил и почтителен. Потом приехала Эбштейн; я все-таки не дождался Сережи и поехал к Ивановым. Там было уже масса всяческого народа. Сомов говорил с Вилькиной. Сначала говорили об Эросе профессора, потом Аничков, Лу-

* Участником (от *франц* «sociétaire»)

начарский, Карташев. Все это было довольно скучно. Потом была музыка, потом стихи, потом остались en petit comité*. Беседовал с Сомовым о нем, о Павлике. У Коммиссаржевской в субботу ждет какой-то сюрприз, актрисы были очень милы. Когда всех знаешь, гораздо веселее, приятнее и лучше. Я удивился, насколько изменился лицом Волькенштейн, и по-моему, к лучшему. Когда остались одни, Сомов и Диотима пели. С нами шла Чеботаревская. Теперь опять все дело в деньгах и развязке с Масловым; остальное обстоит, по-моему, отлично. Даст ли тетя завтра и что нам скажут в понедельник. Гржебин пришлет К<онстантину> А<ндреевичу> завтра шрифт и бумагу.

19

Утром сестра попросила денег. Павлик меня изводит невероятно, хотя, м<ожет> б<ыть>, это к лучшему, обостряя конфликт. Я не могу и не хочу доставать ему денег; пусть делает, как знает: я не могу и сам-то устроиться, еле-еле душа в теле. Утром заходил в «Шиповник» отдать посл<еднюю> часть «Эме», в кабинет переписки переписать «Черта», к тете; была дома одна и завтракала, денег, конечно, не достала, говорила что-то о двух неделях срока. Вернувшись домой, застал дожидающегося меня Павлика; он страшно трусит, что его вышлют по этапу и т. д., но что же я могу сделать? это скучно. Был нежен, но мне было тягостно его посещение. Пошли гулять по Невскому и Пассажу, была очаровательная погода, видели опять высокого студента, вообще порядочно грамотной молодежи; обедали вместе, он мне надоедал, клянчил. Я люблю прогулки в это время по Невскому, но я отчасти наказан за свои стремления к collage qui ne peut pas se décoller**. Дома получил письмо от Ремизова, приглашающее меня с Сомовым в воскресенье, на бумаге XVII в., прекрасным рондо[38]. Была чудная луна по дороге к К<онстантину> А<ндреевичу>; нужно быть безжалостным. Были Волошины и Добужинский; читал «Предосторожность», пели, репетировали балет, болтали. Утром имел прелесть чтения афиш.

20

Серые утра разгуливаются часам к 4-м, и ночи феерично ярки, итальянские, волшебные. Пришел Павлик, я только что собирался удрать, оставив ему решительную записку; письмо отдали ему, но он сделал вид, что ничего не понимает, это ужасно. Прямо я скоро скажу Антону, чтобы он всегда говорил меня не дома. Пошел с ним гулять, все лучше, чем сидеть в комнате. Зашел к Ивановым

* В узком кругу *(франц.)*

** Связи, которая не может развязаться *(франц.)*.

посоветоваться относительно письма Соколова, что ему отвечать, но не застал их дома; я думаю, я откажусь. Павлик, надеясь на разные démarches с моей стороны и не понимая положения вещей, сказал, что после Чичериных будет меня ждать на Захарьевской. Чичерины были очень радушны. Софья Вас<ильевна> бросает квартиру и разбирает вещи, хотя дело их еще не решено. Проводили время по-семейному. Н<иколай> В<асильевич> видел недавно Браза, первым словом которого было: «А Кузмин делается знаменитостью!» Павлик действительно меня ждал, освещенный какой-то балетной луной. Луна, звезды и небо меня всегда пьянят и возбуждают. Павлик, усиленно хромая, был весел, хотя привычная, на всякий случай, нотка нытья и была еще слышна. М<ожет> б<ыть>, он достал или имеет надежду на деньги. Прошелся немного с ним, идущим к знакомому, и вернулся домой раньше наших при волшебной луне. По Кирочной бежал нувелевский Вячеслав, откозырявший мне, вероятно, из знаменитых бань. М<ожет> б<ыть>, Renouveau уже вернулся. Как мне нравится быть с Сомовым более сдержанным, чем Вальтер Фед<орович>, чем Добужинский, более чопорным, более нежным, более влюбленным. И я делаю эту enormité быть в него влюбленным; мне очень не хватает еще бродить и колобродить с ним по улицам или в часы модных прогулок, или ночью, по пустынным. Да и мало ли чего мне еще не хватает, в чем дело не за мной. На пороге расставанья с Павликом я легок и окрылен, даже без денег.

21

Так как наши собирались в Лесной, то в такой чудный день я вздумал съездить к Андриевич. Но, попавши в парикмахерскую, вернулся поздно, когда наши уже удалились. Писал «Весну», желая кончить сегодня, что и сделал. Наши вернулись к обеду, после которого пошли к тете; ко мне пришел Павлик, опять все тот же, с тем же разговором; желая от него избавиться, вздумал зайти перед вечером к Ивановым. Была чудная опять ночь, весь голубой, прозрачный город. Ивановы спали, и я спустился к Волошиным, было очень уютно и хорошо. Мне они нравятся, особенно Сабашникова; поехали вместе, я с женой Волошина, он один[39]. Сюрприз был в чтении «Дифирамба» В<ячеслава> Ив<ановича>[40] с обстановкой залы, освещ<енной> спиртом, а из-за занавеса читали стихи; потом читал Ремизов, Блок, Иванов, Волошин и я. Я пел[41]. Приехал Renouveau, какая радость! Сераф<има> Павл<овна> обещала мне что-то подарить за мои вещи; она видела про меня страшный сон. Все было по-новому, вроде испанского кабачка. Когда больше знаком, вдвое лучше себя чувствуешь. Лидия Дмитр<иевна> говорила, что какой-то актер очень сильно выражал свои восторги по по-

воду моих вещей, и указала мне на одного молодого, который все бродил около меня, «водя глазами». Сапунов сказал, что Судейкин скоро приедет в Петербург и зиму будет здесь. Нурок говорил, что дамы были импрессионированы мо<е>й музыкой и ерзали на своих сиденьях. Думая, что Сомов уже уехал, я простился с Коммиссаржевской, но увидел К<онстантина> А<ндреевича> с Ивановыми в коридоре, разговаривающими о делах. Обратную дорогу Вяч<еслав> Ив<анович> говорил, что он умер прежний, <он> другой, не смеет сказать прямо, что жжет ему губы, и говорит по-старому, и все обращаются к нему к мертвому, а не к живому. Была ослепительная луна, я очень весел, только бы разделаться с Павликом.

22

Утром приехал зять; погода продолжает безумствовать, ясная и лучезарная. Пошли к Ивановым, письмо оказалось приглашением к Коммиссаржевской; читал опять «Весну», Вяч<еслав> Ив<анович> критиковал отдельные выражения. Поехали к Renouveau, я был страшно рад его видеть. Сомов ему многое уже рассказал, т<ак> что мои новости были несколько дефлорированы. Он говорил про Париж, не понравившийся ему, про музыкантов, про возможную грамотность Судейкина, большое желание Смирнова être converti*. Назад шел пешком по Морской и Невскому, масса народа, был тот студент. Т. к. Диотима и Сомов думали зайти перед Ремизовыми, то я, не пойдя к Эбштейн, остался дома, откровенно объясняясь с зятем, который почему-то всегда мягок, вежлив и даже почтителен со мною, обыкновенно грубый и несдержанный. Пришел Сомов, Лидия Дм<итриевна> прислала записку, что вследствие болезни Вяч<еслава> Ив<ановича> должна ехать к Сологубу[42]. Пошли одни. У Ремизовых был какой-то болезненно-артистичного вида скульптор Кузнецов, собиравшийся с Анисфельдом и Милиоти просить Блока быть редактором нового журнала[43]. Секретом Вяч<еслава> Ив<ановича> оказалось задуманное им, Лид<ией> Дм<итриевной> и Городецким издательство, не вполне ясная мне затея[44]. Ремизов показывал свои редкости: коробочки, тряпочки, вышивки, бисера, пуговки, чучелы, игрушки, Наташины волоски, Наташин пупочек, тюфельки от мощей; везде надписи, письма вклеены в тетрадь, все какая-то кропотливая канцелярщина, какой-то быт русских царей Забелина[45], с гримасками и шутовством. Рассказывали о своем доме с башнями, тетушке в оборочках, довгелловской Божией Матери[46], колдовствах, снах. Потом сплетничали, злословили, говорили по душе, разговаривали о платьях, туалете, maquillage, режиме от полноты, курили. У меня первый раз

* Быть обращенным *(франц.)*.

от куренья сделалась голова пустой и легкой и слегка кружилась; это очень приятно. Так просидели до 5-го часа. Ал<ексей> Мих<айлович> вышел проводить и, чтобы позвонить к дворнику, влез на скамейку в плаще, с зонтиком, как черт. Луна тоже безумствовала, будто уже чуть светила, так небо было бледно, звонили к заутрене. Сомов подождал, пока мне отворит Антон; cher camarade d'amour. Я его ужасно люблю, хотя Renouveau и говорит, что иметь одного его c'est bien maigre*. Серафима Павловна почему-то все твердила, что у меня не лицо счастливого человека, как и у Сомова; я отбояривался от несчастливости. Вчера она была в таком порыве от моей музыки, что прямо хотела, снявши с шеи, подарить мне золотой медальон с гербом, свою ценность.

23

Плохо помню, что было, т. к. пишу уже 25-го. Сказал Антону, чтобы Павлику говорил меня не дома. Ходил за переписанным рассказом. После обеда пришел Павлик, пропущенный швейцаром, просил опять денег и приехать к нему днем, привезти чемодан, показывал мне письмо, написанное мне, где говорилось, что вот я всегда занят, стал к нему суровее и т. п. Сережа, постучавшись, крикнул: «Сейчас к тебе придет Гофман». Гофман прошел сначала к Сереже; я читал «Весну» и выслушивал поклонения маленького Гофмана, у которого болели зубы. Поехали на концерт втроем. Кроме музыкантов, там были Ремизовы, Верховские, Вилькина, Билибины, Курбатов, еще кто-то. Нувель сразу пришился к студенту у билетов, правда, с пикантным, несколько идиотическим лицом; т. к. Вилькина позвала Сомова после концерта на чай, то Нувель звал меня с музыкантами к Лейнеру[47], но я пошел с Сережей домой, где играли в карты Крапивины и Ступинский. На Невском опять встретил того студента; если бы не безденежье, я был бы очень весел. Дома лег поздно, но раньше, чем ушли гости. Все представлялось лицо не то студента с Невского, не то нувелевского Единьки; фигура у первого безусловно лучше.

24

Страшная темень, завтракали с лампой, писали со свечами. Пошел к тете, которая была в суде; решения еще не вынесли, денег не спросил, постеснялся. Зашел к Иову, но не застал его; у Большакова горела лампа, в углу сидел старик, вслух иногда говоривший молитвы, Кудряшев продавал книги и иконы какому-то мужику, все боявшемуся, что ему подсунут неправильные. Дома Павлик телефонировал, беспокоясь о чемодане и деньгах. После

* Это слишком скудно *(франц.)*

обеда приехал сам, швейцар сказал, что меня нет, но он поднялся оставить записку. Умолял опять о деньгах, попросить у зятя. Я скрепя сердце попросил 5 р. и отдал все свои; билет у него был уже куплен. Пришел Волошин, довольно утомительный для tête-à-tête. Я вышел проводить Павлика, уходившего с чемоданом, в потертом пальто с поднятым воротником, никем не провожаемого, заброшенного, без денег, нелюбимого, — и вся нежность вдруг опять всплыла во мне, и стыд, что я Павлика будто выгоняю, и любовь к его телу, где каждый кусочек знал чужую похоть. И когда я вернулся к Волошину, я был рассеян, беспокоен, ailleurs*. Он это, кажется, заметил. К Нувелю шел пешком. Сомов был уже там, несколько скучный, потом немного оживившийся. Читал свой дневник, беседовали, сплетничали, составили план развращения молодых людей: Нувель — Сережу, я — Гофмана, Сомов — Волькенштейна, сверх дружеских объятий и больших страстей, из которых, по их мнению, я не выхожу. Я все толковал о студенте с Невского и Судейкине, хотя люблю одного Конст<антина> Андр<еевича> и скоро начну его ревновать. Я несколько развлекся милыми друзьями и, утешенный, не так тягостно тащился по тающему снегу домой, без денег. Как все занятно!

25

Дома писал музыку, по-моему, удалась. Вот свобода с уехавшим Павликом, как я рад, хотя вчера мне было его и жаль. Разрыв по приезде будет легче, я думаю. Сомов играл «Javotte», когда я пришел; новый номер из «Весны» ему, по-видимому, понравился. Было страшно дорого быть так почти запросто перед вечером вместе. За обедом была сверху belle soeur Сомова с мальчиком. После обеда мы сели на диван, переговариваясь и целуясь, покуда нежность не дошла до того, что К<онстантин> А<ндреевич> предложил мне пойти в мастерскую, захватив с собой подушку; жалко, что у нас не было модных рубашек, расстегивающихся до самого подола. В мастер<ской> не совсем все в порядке и холодновато, но наша fatalité нас согревала. Спустившись вниз, приведя немного себя в порядок, мы рассматривали галстухи Сомова, причем он мне предложил несколько, и покуда он одевался, я играл «Javotte». В субботу 4-го идем вместе в концерт. После сосисок за обедом и нашего посещения мастерской так хотелось пить, что К<онстантин> А<ндреевич> устроил чай, к которому встал уже и Андрей Иванович. Поехали, я с К<онстантином> А<ндреевичем>, старый Сомов потом с Евгенией Владим<ировной>. У Добужинских были Званцевы и Остроумова с мужем. Было очень мило, проектировали костюмы для бала, говорили о Париже, тут же примеряли раз-

* Отсутствовал *(франц.)*.

ные тюрбаны. Я играл немного, читал стихи. Званцева звала меня обедать в пятницу. Оказывается, вчера у Ивановых была куча народа, Л<идия> Дм<итриевна> читала «33<-х> уродов» и говорила, что я с Сомовым в каком-то концерте. Андрей Ив<анович> дал мне переводить Рубенса. Домой шел пешком, была прелестная весенняя погода, мягкая и тихая. Какое счастье быть часто, часто вместе, равно мечтать, думать, писать. И потом, некоторую, небольшую известность я начинаю иметь, что меня радует как ребенка.

26

Утром писал музыку, днем пошел к Вальтер Федоровичу, который читал «Эме Лебеф». Пятница у Ивановых отменяется из-за семейных трагедий; несчастный Городецкий, имеющий учителем еще требующего ученья! Пошли гулять по Невскому, заходили за билетами, того студента не видали. Нувелю представилось, что он увидел Феофилактова. Дома уже отобедали; закусил жаркого и, взяв ванну, посидев немного с Сережей, пошел к тете. Тетя денег немного дала, об деле же думает очень мрачно. Она была одна дома с Васей, очень душевно говорила, расспрашивала, была ласкова. Т. к. мне убийственно хотелось пить, то я зашел к Филиппову, откуда и прошел к «современникам». Нувель меня встретил объявлением, что он привел Феофилактова, и добавил: «Вот вам Феофилактов!» Он мне скорее не понравился, хотя я и был приготовлен к этому рассказами друзей; тяжелое, несколько грубое лицо, неприятный голос, но вид незаурядный и могущий кому-нибудь нравиться. Думает, что ноты могут окончательно выйти в феврале; доски заказаны у Юргенсона; говорит, что Брюсов читал там мою «Любовь этого лета», понравившуюся, что Поляков мне кланяется и очень ценит и т. д. Т. к. ему нужно было что-то оговорить со мною, а утром завтра он не был уверен, то я позвал его вечером, хотя, м<ожет> б<ыть>, он нас и стеснит, но м<ожет> б<ыть>, он уйдет раньше. Если тетя мне ничего не устроит, как я сделаюсь? а январь, самое начало, когда я обещал возвратить деньги зятю? опять вешаться, топиться? Хоть бы дотянуть до февраля, до нот, до «Любви». Нувель не верит, что мое отношение к Сомову серьезно. Ну и пускай не верит. С Феофилакт<овым> приехал Судейкин и в тот же день Брюсов, все они будут в субботу у Коммиссаржевской. Ну, не буду думать о деньгах, Бог поможет.

27

Ездил в парикмахерскую и за вином. Средникова случайно не было, и меня стриг другой, молодой, который все улыбался, когда я смотрел на его губы и глаза. Он очень приятный на вид, хотя и причесал меня прескверно. У Званцевой было уютно, и по-

том я видел Сомова, к Волошиным не заходил и видел только его, когда уходил. Званцева попросила прочесть «Крылья» и послала за ними девушку со мною. Шел снег, был страшный ветер. 2<-й> № «Весны» Сомову совсем не понравился, находит не связанным со словами. Как это странно! мне бы хотелось влезть в чужую голову, чтобы не понимать мне яснейшее. Потом пришел Феофилактов, было скучно. Феоф<илактов> молчал, Сомов иногда занимал разговором, Сережа, по обыкновению, болтал бестактности для красного словца (полный типичный предатель), Нувель беззубо и развязно лаял на все и всех, я молчал и злился. Мне было очень неприятно; потом друзья ушли, Феоф<илактов> почему-то остался. «Что же он, хочет у вас ночевать? Недурно для начала!» — сказал Нувель, уходя. Не знаю, от болезни ли, от снобизма ли, Нувель киснет, все находит несносным, скучным, глупым и раздражает этим бесконечно. Но я его очень люблю и буду друг, покуда он сам не забросит меня. Феофилактов один был разговорчивее, хотя он до поразительности другой человек, чем я. Это — московский декадент, несуразный, грубоватый и экстравагантный; притом рамолик и неврастеник. Он говорил о Венеции, о Москве, о своих планах, о поэтах. Просидел до без четверти 5, все не решаясь уйти, прокурил у меня всю комнату и обещал прислать фотографию с нового своего порнографич<еского> рисунка. По-моему, он все-таки чванен, груб и пошловат, и потом, его молчаливость подавляет[48]. «Ал<ександрийские> песни» будут изданы очень роскошно. Покровский умер. Сереже ужасно хочется к Коммиссаржевской, но я не решаюсь его привести прямо.

28

Встал поздно. Ходил в Сев<ерную> гостиницу[49] к Брюсову, но он остановился не там; проехал к Ивановым, идущим от которых Брюсова встретил на Таврической. Ивановы были очень милы и будто любили меня. Городецкий нервный и расстроенный. Наши идут в театр, погода гадостная, денег нет, хотя бы на «Раймонду». Мне очень пустынно, и у меня осадок почему-то именно на Renouveau. Как бы я хотел умереть! Что-нибудь выйдет; все какие-то старые, кислые, мне жаль даже, что Павлик уехал; я не знаю, чего я хочу, но я страшно расстроен и даже зол. Писал к «Весне», хуже первых двух, ничтожнее. Когда я одевался, пришел Волошин, чтобы ехать вместе, и всю дорогу толковал об оккультизме и Атлантиде, до того, что я чуть не засыпáл. У Коммиссарж<евской> было устроено убранство Судейкиным очень хорошо. Я почти все время был с ним и с Феофилактовым и Нувель, т. к. Сомова аккапорировали* Вилькина и разные другие дамы. Судейкин очень

* Захватили (от *франц.* «ассарагег»).

милый, ласковый и не трусливый. Между прочим, вдруг сообщил мне, что Н<иколай> Петров<ич> видел лицо, нанесшее рану Вальтеру Федоровичу. Трагедия была интересна, но скучновата для публичного чтения, притом Сологуб читал, как архиерей на 12<-ти> еванг<елиях>[50]. Читал стихи Брюсов, отличные и очень хорошо прочтенные. Со мной был очень холоден, горд и уклончив, просил прислать прозу, и Сережу присылать тоже. Позвал Феофил<актова>, Судейкина и Нувель в понедельник. Завтра с Феофил<актовым> пойдем к Иванову. Я пел немного; кажется, Судейкину понравилось. Записался на абонемент, долго сидел, провожаемый художниками. Милый Сомов был какой-то усталый, скучный. Из новых были Верховский, Нувель, Сенилов, Вилькина и Венгеровы. От папирос у меня кружилась голова. А как же деньги! где они? какой ужас, теперь, когда идет какая-то весна. Блок передавал просьбу участвовать на каком-то грузинском вечере[51]. Слова Аничкова сбываются. Судейкин просил позволения сделать набросок для себя с меня. К сожалению, он здесь только до окончания постановки «Сестры Беатрисы»[52]. Впрочем, там видно будет. Знает ли он что-нибудь обо мне? вероятно. Очень жаль, что №№ «Весны» както меньше будто понравились, и просто все одни и те же песенки. Домой ехал под дождем; несмотря на Судейкина, что-то меня угнетает: безнадежное безденежье, какая-то холодность Сомова, persiflages de Renouveau, погода, гордость и отдаленность Брюсова — не знаю что. Спал тревожно, ворочаясь и просыпаясь.

29

Идет снег; целый день сидел дома, ходя по комнатам, думая о «Лете»[53], о завтрашнем вечере, когда увижу Судейкина. Приехали Эбштейн, дети бегали, играя, потом пришел Тамамшев. Феофил<актов> пришел поздно, играли, пили чай, он вел себя и разговаривал, будто был 100 лет знаком. Спрашивал его, можно ли посвятить «Весну» и т. д. Судейкину, который, по его словам, от меня без ума, готов заложить душу, хочет писать мой портрет. Едва можно верить таким счастливым вестям! Неужели такая неожиданная радость? У Ивановых был Чулков и Волошин в ряске, с красными четками на шее. Л<идия> Дм<итриевна> была у Городецкого, где были еще его брат и мать Ии[54]. Там был веселый говор, потом пришла Сабашникова и, удалясь туда же, стала танцовать вальс. Это имело вид демонстрации. К игре «Весны» выползла Л<идия> Дм<итриевна>, злющая-презлющая, Городецкий и Маргарита Вас<ильевна>. Потом вчетвером сидели до половины пятого. Феоф<илактов> говорил об искусстве, о Москве, об «Алекс<андрийских> песнях». Мне он показался особенно любезным с Сережей, делая ему разные авансы, приглашал в Москву приехать одному, что он

имеет что-то сообщить ему конфиденциально и т. д. Об Нувеле отзывался сухо и скорее недружественно. Я его даже несколько ревновал к Сереже, хотя ведь меня он макротирует* с Судейкиным. Была чудная ночь, когда мы возвращались, тихая, мягкая, снег лежал сугробами, звуки разносились очень внятно. «Крылья» Феофилактов возьмет с собою. Вяч<еслав> Ив<анович> предлагает мне написать реферат о «Весне», переведя из Medici, из Annunzio, и кончить своею «Весною», или об «Александрии». Как-то судьба все меня сталкивает с художниками.

30

Встал поздно. Зашел к Чичериным взять «La belle Hélène». Софья Вас<ильевна> едет в Дрезден завтра. Читал им «Весну», очень понравившуюся. У Ивановых были злы и подавленны; предлагали мне «Эме» издать под их фирмой, только чтобы их книги вышли раньше; если не очень долго, то не все ли мне равно, хотя «Ярь» мне совсем не нравится[55], и притом, если будут во внешнем виде иметь значение мнения Аннибал и Городецкого, то это не сулит хорошего. Зашел к Волош<иным> за «Крыльями», они собирались ко мне, но их задержал Джунковский. Звали меня летом к себе в Крым гостить, были милы, но в больших дозах он довольно непереносен. Начал писать «Лето», изнывал, ожидая гостей. Наконец они пришли. Судейкин, Феофилактов, Нувель, Гофман, Городецкий. Судейкин делал набросок, портрет он будет писать без меня; очень черный en face, за головой венок, в глубине 2 сер<ебряных> ангела[56]; говорил, что в субботу было подчеркнуто наше общество, его, Феофил<актова>, Нувеля и мое, что будто я и Вальт<ер> Фед<орович> имеем репутацию, что о нем носятся самые ужасные слухи, что он хочет ближе узнать мою музыку, чтобы меньше ее любить. Феоф<илактов> был скучный, вялый и молчаливый. Играли много; Феоф<илактов> и Судейкин оставались очень долго; последний все тащил первого уходить, а [второй] первый назло не уходил. Наконец, Судейкин сел в кресло и сказал: «Ну, я остаюсь на сколько тебе угодно и отвечаю правду на какие угодно вопросы, и первое, что я скажу, что я не знаю человека более талантливого, чем Мих<аил> Алекс<еевич>, и все время буду это говорить». Феоф<илактов>: «Ну, а любишь ты Мих<аила> Ал<ексеевича>?» — «Люблю». — «Как?» — «Как угодно». — «Всячески?» — «Всячески». — «А я, вы думаете, люблю Вас?» — «Любите». — «Отчего вы это думаете?» — «Я это чувствую». — «С каких пор?» — «С первой встречи». — «Вы знаете, что я вас не люблю, а влюблен в вас?» — «Знаю». — «Вас это не удивляет?» — «Нет, только я не ду-

* Сводничает (от *франц.* жарг «macreau» — сводня).

мал, что вы будете говорить при Ник<олае> Петр<овиче>». — «Вам это неприятно?» — «О, нет». — «А если бы я не говорил?» — «Я бы сам Вам сказал». — «Первый?» — «Первый». — «И вам не жалко, что это сказал я?» — «Нет, я очень счастлив»[57]. Феофилактов слушал, слушал и наконец объявил, что давно так приятно не проводил времени, как сегодня, и что это приятнейший вечер в Петербурге для него. Вот странно! Номер с «Любовью этого лета» обещал устроить с рисунками Судейкина, которому обещал отдельный номер около этого времени[58]. Недурно для начала. Зовут в Москву. Гофман, кажется, очень проскучал, я с ним почти не говорил, не пришлось. Но «Весна» всем очень нравится.

31

Уходил на почту отсылать «Черта»[59]. Написал письма Судейкину и Ремизовым, приглашая их на четверг[60]. Пришла неожиданно Екат<ерина> Апол<лоновна>, но я поехал все-таки к Сомову раньше ее ухода. Там были Званцевы, Анна Андреев<на>, Добужинские, Лебедевы и Нувель. Было довольно скучно. К<онстантин> А<ндреевич> мне сообщил последнюю новость, рассказанную ему Вилькиной, что Сомов отбил меня от Нувель. И вообще там много про меня говорили. Сомов ожидал, что я влюблюсь в Судейкина, и не упал в обморок, стал его хвалить, одобрять мой вкус, но все-таки показался обиженным. Втроем было мило болтать как прежде, хотя денег у меня и нет.

Ноябрь

1

Написал письмо Судейкину, никуда не выходя написал все «Лето» и новый номер музыки к «Весне». Сережа на суд Гафиситов не пошел. К Ивановым пришел Юраша, которого насилу удалось спровадить. Издания Ивановых выйдут в очень скором времени, но мне не хочется причисляться к «яровым» поэтам. Мне было очень весело, я все танцовал, Диотима спросила о моей радости и сказала, что она знает, первая буква «С», вторая «У», что она со мной говорила на извозчике о нем после первого вечера у Комиссарж<евской> и тогда же предположила; потом слышала, что он был у меня, что «Весна» посвящается ему, о чем не без некоторого негодования сообщил ей Городецкий, потом моя радость — и вот она все знает. Сначала судили Сережу и Renouveau; к первому отнеслись довольно строго и по заслугам, раз он сам не дорожит, не стремится и не проникся до того, что мог не пойти просто потому, что боялся скуки и гнева Диотимы. Второй вывернулся. Были в

костюмах, но диваны слишком далеки. Предложили новых: Гофмана, Сабашникову и Судейкина. Сомов говорил, что думает и верит, что я буду продолжать его любить, но секретничает о чем-то с Renouveau о предосудительном, за что я сержусь на Вальтера Федоровича. Городецкий написал отличные стихи.

2

Сегодня я узнал сладость нового первого поцелуя тайком. Поцелуи Сомова были несколько обесценены Гафизом, поцелуи Павлика и других как-то сразу были не первыми, а теперь в столовой, между гостиной, где говорили гости, и коридором, где шел Феофилактов, смотря, улыбаясь, друг на друга, мы вдруг сладко и долго поцеловались, боязливо и нежно. Фразы были какие-то приторные и ничтожные, что-то вроде: «Неужели вы меня любите?», «Какая радость» и т. д., но я не помню такого впечатления первости и настоящей комедии любви, как вчера. Утром неожиданно приехал Павлик, не взятый на службу, посвежевший, без копейки, грозимый быть прогнанным с квартиры в воскресенье. Какой ужас! что я буду с ним делать? Накажу и Насте не пускать его, раз Антон не действует. Вышел с ним в Апраксин, но Иов никаких денег не дал. Несчастный Павлик расстался со мною на Невском, мне очень жаль его, но что же делать, я сам страшно стеснен, и я рад, что я не люблю его, а то бы еще больше, но одинаково бесполезно мучился бы. Первый пришел Феофилактов, один, говоря, что Судейкин приедет позднее. Были Волошины, Ремизовы, Тамамшевы, Сомов, Верховский и, уже почти безнадежный, вдруг — он, Сергей Юрьевич. Я бы<л> сначала нервен, не в духе, нелюбезен; с приходом Судейкина, после его поцелуев, я был счастлив, но тоже нервен. Феофил<актов> оставался долго, до шестого часа, беседуя по душе и хорошо; когда Судейкин уходил, Феоф<илактов> уговаривал его остаться, говоря, что не будет нам мешать. На прощанье я опять поцеловался, но уже официально. Феофилактов говорил, что музыка — «Весна» и т. д. может быть вещью следующего сезона, с рисунками и т. д. Судейкина; что Поляков и Брюсов мои наиболее верные и искренние поклонники, что «Крылья», вероятно, возможны отдельной книжкой, что там очень расположены ко мне и т. п. Вчера я попробовал повести интригу просто, чтобы посмотреть, что выйдет, а именно стал говорить Судейкину, что как жаль, что небольшой хор к «С<естре> Беатрисе» поручили Сенилову, а не мне, что он напишет хорошую, но не стильную музыку, наруша этим его création*, его постановку, я же отлично понял и сделал бы что-нибудь очень простое и примитивное. Он был этим очень взволно-

* Творение *(франц.)*.

ван, т. к. ничего не слыхал. Если что-нибудь выйдет, то я откажусь и разыграю благородство, мне важно желание попасть в постановку Судейкина. Мейерхольд просил повидаться насчет исполнения «Весны» в одну из суббот.

3

Сидел дома, писал музыку, Павлика приказал не пускать. Феофилактов передавал разные поручения от Судейкина; поехали на вокзал, куда вскоре пришел и Сережа, хотевший ехать к Верховскому со мною. Феофилактов очень выигрывает при ближайшем знакомстве, он очень прост и искрен. Была теплая, обманно весенняя погода, навевающая истому и оживление вместе, любовь и меланхолию. Ночью теплый морской ветер принес какое-то веянье Александрии. У Верховского были Блок, Иванов, Аничков и не уехавший еще Брюсов. Читали стихи. Брюсов меня успокоил, не беспокоившегося, положим, что «Люб<овь> эт<ого> л<ета>» будет целиком в феврале, если хочу ждать номера Судейкина — то несколько позже. Вчера Аннибал спрашивала Брюсова о Сергее Юрьев<иче>, и тот сказал, что это — лучший из московских художников. Это меня обрадовало больше, чем если бы похвалили меня самого. Я не могу забыть, как сладко он целуется. У «Скорпионов» затеян ряд книг Блока, Иванова, Белого, Соловьева, Верховского до января 1908<года>. Если бы взяли «Крылья», я был бы счастлив, если бы их пустили не в очередь, хотя и не тороплюсь с их появлением. Просто так, т. к. это было бы похоже на интригу. Я почему-то почти уверен в возможности появления нот «Весны» и т. д. в будущем сезоне. Назад ехать было приятно опять под теплыми наплывами оттепели. Как я был бы счастлив, если бы не деньги. Ну, не буду думать, попрошу аванс у Рябушинского. Я будто убаюкиваюсь каким-то блаженством; в эти года два прошло будто 20 лет. Особенно этот год; я никогда, может быть, не жил так интенсивно, и потом, я теперь влюблен, как давно не был, причем подходящ и уровень интересов и запросов.

4

Ходил к тете; чудный день; вести благоприятны: дело кончится в ноябре, денег тетя попросила у Шишмана и завтра даст ответ. Зашел к Казакову вспомнить старину, там все по-старому. Написал Судейкину и Рябушинскому. Получил приглашение от Сологуба. Все меня влечет к счастью, но как страшно давно не видел Сомова, и я не напрасно боялся приезда Нувель, секреты от меня, м<ожет> б<ыть>, главная причина моих griefs против него, хотя я очень друг ему. В концерте, кроме «современников», видел Сомовых, Ек<атерину> Ап<оллоновну>, Гржебина, Тамамшева, Ком-

миссаржевскую, Верховского Вадима. Гржебин очень звал в «Шиповник», где Щеголев прочтет новую драму Андреева, но Нувель звал нас к себе (Сомова, Серова, Нурока и меня); я после репетиции заеду, но вряд ли поедем в «Шиповник». Я совсем забыл, что во вторник меня звали Ремизовы. У Сомова был Павлик, просивший о месте, осведомленный об Судейкине, об Единьке и пр. Я решительно не помню, я ли ему все это разболтал или нет. Сомов посоветовал обратиться к Прок<опию> Степ<ановичу>. Пускай, мне это безразлично. Какой-то особый полудуховой звук старых инструментов, чистота, звон клавесина действовали очаровательно. Но когда заиграли ариетту «Bocca bella», на меня вдруг повеяло какой-то магией любви, хотя я и не очень люблю эту арию. Если бы это запел голос, я бы заплакал и закричал бы. Судейкин долго шел от меня с К<онстантином> Андр<еевичем> пешком и говорил довольно интимно, показавшись ему очень неглупым, но изнервленным и самоуверенным; лицом положительно нравится. Феофилактов ему показался симпатичным, наивным и не очень далеким. Сомов поехал к Боткиным, я с Ек<атериной> Ап<оллоновной> домой пить чай, после которого я ее провожал; погода теплая, но сырая. Спал отвратительно, все видел Судейкина больным, умирающим, со светящимся лицом.

5

Заснув в 7 часов, когда уже подымались слуги, встал в 9; весь день кружилась голова, билось сердце, подкашивались ноги. Тетя не приехала. Наши пошли к Крапивиным. Я не поехал к Сологубу, оставшись с приехавшим Судейкиным. Музыка Сенилову уже заказана через Нурока; единственная возможность быть отвергнутою, как совершенно не подходящая к замыслу постановки. М<ожет> б<ыть>, «Куранты любви» издадутся украшенные Судейкиным, жалко, что не прежде «Египет<ских> песень», будучи более совершенными и популярными. Он был очень искрен и откровенен, хотя меня почти измучила рефлектировка и психология наших отношений. Два раза, когда я доходил до крайней нежности, он останавливался и, наконец, сказал, что сам скажет, когда настанет время нашей общей половой жизни. Он думает, что верно отвергание [любви] женщин только пройдя их. Я ему прочитал вступление к дневнику, он рассказал мне свою жизнь. Его прапрадед, бургомистр Рославля, сдал город без крайней необходимости и против желания жителей; с тех пор фамилия Судейкиных, женаты на Судовских, за верность родине лишенных графства. Бедные дворяне, дед весь в охоте, в собаках, 12 чел<овек> детей, мать молится на перекрестке 3-х дорог, чтобы не было больше детей, — все умирают по очереди почти от голода, остается один последний, извест-

ный несчастный Судейкин, убитый в 80-х годах революционерами, отец Сергея Юрьевича[1]. Болезнь идет наследственно двумя путями, и потом сам Серг<ей> Юрьев<ич> 12<-ти> или 13<-ти> лет лично заразился от женщины; кроме нее он знал еще 2-х, одну ненавидимую, другую боготворимую, но умершую. Теперь думает и чувствует быть comme nous autres*, любил одно время Дягилева и Якунчикова. Считает, что любившие его гибнут неизбежно, но через третье лицо. Указывал на гибнущих, называя по именам. Мне предсказывал гибель через 5 лет. Говорил, что мы оба несем зло и яд, что это общее, связывающее нас. Сначала думал, что любовь наша только отблеск искусства. Это все было куски души, без этого нельзя обойтись, но я думаю, что этот [утонченный] анализ и раскрытие язв есть только туннель, после которого говоришь «слава Богу», выехав в улыбающуюся долину. Он мне безумно нравится, и мне его очень жалко, но этот вечер был как сон с чудными лирическими интермедиями, с кошмарностью и фантастичностью. Я знаю и уверен, что его крылатая [и тончайшая] душа может быть и другою. Говорил о моей хрупкости, истонченности и т. д. Играли «Весну» три раза, рассуждали о постановке «Весны и Лета», он наигрывал «Est-on chichi» и т. д., местами было очаровательно, это было какое-то плаванье по архипелагу Любви. Его лицо, его глаза иногда страшат вдруг закрытостью, занавешенностью, отсутствием, мертвостью, но он мне казался plus charmant que jamais**. Его отсрочка consommation*** несколько странна, это опять достоевская психология или кокетливый каприз. Говорил, что должен со мной провести вечер и что с нами будет еще кто-то. Не знаю кто. Вяч<еслав> Ив<анович> может радоваться; это уже не grande passion, a misteria grandissima en 8 tableaux prologue et epilogue****. Спал плохо.

6

Ездил к Сомову, у них была неудавшаяся эскапада с Вячеславом, который не пришел. Вчера были у Вилькиной. Меня не ревнует, было очень мило, тихо, спокойно. Обедал у них; Андр<ей> Ив<анович> был ворчливо любезен. Сомову показалось, что я moins enflammé***** к Судейкину, чем прежде, конечно, чистый вздор. Павлик не бывает. Сергей Юрьев<ич> приехал довольно поздно, так что почти сейчас же отправились в театр. Сережа не поехал.

---

* Как мы, другие *(франц.)*.

** Более очаровательным, чем когда-нибудь *(франц.)*.

*** Завершения *(франц.)*.

**** Большая страсть, а грандиознейшая мистерия в 8 картинах, с прологом и эпилогом *(франц. и лат.)*

***** Менее пылаю страстью *(франц.)*.

Меня очаровывает самый вид темной пустой залы, режиссер со свечкой посередине, хожденье по коридору, cabotins и cabotines*, ожидающие выходов. И потом, все время быть с Судейкиным, бродить по фойе, по мастерской, по лестницам, его рассказы о похожд<ениях> с Henry в Париже. Я только не знаю, не слишком ли вызывающе вели мы себя, говоря по-французски, еле отвечая любезным актрисам, бродя в пустом фойе, куда время от времени заглядывали разные типы. Я отдал «Весну и Лето» Мейерхольду[2]. Судейкин вышел меня проводить до извозчика, я думаю, чтоб не целоваться при всех на прощанье. Вчера он онанировал, говорит. Сенилов музыки не пишет, но официально мне ничего не известно. Скоро Судейкин примется за декорации и будет страшно занят, это меня не устраивает. Когда он даст мне ответ? Каждый лишний день теряется. У Нувель сидели за чаем Сомов, Серов и Нурок, который распространялся о музыкальности Сенилова, что он все может сделать при бездарности, что он ему устроил писать музыку к «Сестре Беатрисе», что выйдет гадко, но *там* понравится. Я был капризен и напряжен. Было скучно, хотелось в «Шиповник», хотелось скандала. Судейкин говорит, что поразился мною, не зная в лицо ни меня, ни Сомова. Если б он захотел, это могло бы быть прекрасной страницей и в нашей жизни, и в искусстве. Я продолжаю чувствовать себя очень неважно, несмотря на все идущее счастье.

7

Дождь; писал музыку к «Лету», письмо к Судейкину; голова продолжает кружиться, ездил в парикмахерскую. От Ремизовых письмо. Были Волошины и Вяч<еслав> Ив<анович>. Алекс<ей> Мих<айлович> читал свою «Иродиаду»[3], очень красочную и душную вещь, не без декадентства, очень раскритикованную Ивановым; сидели очень недолго. Завтра увижу Судейкина, все заливается этим счастьем; больше ни о чем не думаю. Сомов не пришел, Renouveau был перед вечер<ом> у Ивановых. Из «Руно» наконец ответ. Я ничего не помню, кроме того, что завтра увижу Судейкина. Все меня поздравляли с днем ангела. У меня был Глеб Верховский перед вечер<ом>. Зять уехал. Завтра увижу Судейкина.

8

Мои имянины, жду Судейкина. Утром заходили к тете и Ек<атерине> Аполл<оновне>, которую привели к нам обедать. Тетя была уже у нас; зашел Чичерин; от Павлика скромное печальное письмо, письмо от Гриши Муравьева. Судейкин приехал только в 10 $^{1}/_{4}$ часов и послал наверх Антона, был очень возбужден, будто

* Комедианты и комедиантки *(франц.)*

после вина, говорил оживленно о театр<альных> интригах, о преследовании его актрисами и т. д. Он очень восхищен, кажется, Сережей, так что я серьезно начну скоро ревновать. У Ивановых, по случаю бывшего днем пожара, среды не было[4], и мы, посидевши немного у Званцевой, пошли ко мне, где мы застали, уже довольно некстати, Каратыгина и Тамамшева. После чая Сомов пел, Судейкин попросил вымыть руки, но этого совсем ему было не нужно, а это был безмолвный ответ с его стороны. В зале пели «Vezzorette e care pupillette»; у него очаровательные вкусные поцелуи. Когда мы встали, я перекрестился. «Что вы делаете?» — «Благодарю свою икону, что она исполнила мою просьбу, давши Вас мне». Потом я встал на колени и поцеловал его ботинку. Он обещал остаться после всех, но потом сказал, что слишком поздно, и пошел даже первый. Он говорит, что мы начинаем делаться ходячим анекдотом в театре. Весь вечер он был какой<-то> debête* и нервный. Когда все ушли, мы с Сережей стали есть мясо, но это не имело веселости летних ночных закусок с Renouveau. Мне почему-то кажется, что все меня перестают любить. Я лег с очень горьким осадком, мне хотелось плакать, не знаю отчего, все мне казались далекими, Судейкин странным и ненадежным, а как бы светло все могло быть; меня смущает и страшит его непонятность, и временами он почти нелюбезен, я до сих пор не знаю, правда ли, что он меня любит, хотя ему нет никакой причины притворяться, и ревную я его, конечно, больше, чем Павлика, который мог делать глазки за деньги.

9

Утром видел солнце; потом заснул опять; вставали дети, маленькая Варя ворчала, выгоняли забежавшую собаку; какой-то покой меня касался, и далеки были любовь и ревность, безденежье, жажда известности, стремление к веселой жизни — которые снедали мою душу. День был весенний; поехал в театр взять билеты, спросил, не там ли Судейкин, но сторожа не знали; забросил ему карточку, живет он покуда все там же; решил все принимать и быть веселым с опустошенной ревностью душою. Он говорил, что мечтает уехать в Москву и что, вероятно, придется всю зиму провести здесь. Он каждый раз — новый, и у него соблазнительное лицо. Перед «современниками» зашел к Волошиным, но они были наверху с матерью Волошина. Читал «Осень», только что написанную, играл «Весну» и начало «Лето». Судейкин всех дам привел в ужас, Лид<ия> Дм<итриевна> не находила слов pour l'abîmer**, что он — надутый денди, московский декадент, апраксиничность[5],

* Учтивый *(франц.)*.

** Чтобы его низвергнуть *(франц.)*.

чванный, глупый, что у него толстые щеки, что она только и ждала, что он скажет Вяч<еславу> Ив<ановичу>: «Я всегда думал, что вы бездарны, но теперь окончательно убедился в этом». Я жалею, что кто-нибудь ей самой этого не скажет. У «современников» играли «Entführung» и Sibelius, Нурок ворчал, что Нувель не слушает и занимается флиртом, но вещи были действительно отчаянные. На мои жалобы, что вот, все меня меньше любят, отдаляются, Нувель сказал, что в этом есть доля правды, но что я сам веду себя, будто мне ни до кого, кроме Судейкина, нет дела, что я капризен, что Судейкин очень странен, более аффектирован, чем прежде, подражает Дягилеву, «его кумиру», что я должен его исправить от декадентской позы, что его словам особенно верить нельзя, что ручаться можно только за то, что он интересуется моим искусством, вот и все. По городу говорят, что Ивановы сами устроили пожар, Городецкий сбежал от реферата, от середы, — вообще страшная ерунда. После зашли в «Вену», куда явились и Нурок с Медемом. Я не знаю, как держаться с Сергеем Юрьевичем, чтобы его иметь, чтобы его не потерять окончательно. Слова Нувель, внимание Судейкина к Сереже, пренебрежительность и капризность ко мне — все мне не сулит добра, и я уже не могу не любить и не мучиться. М<ожет> б<ыть>, это самое мучительное, самое беспокойное, но и самое очаровательное, самое любовное из приключений, только тут слишком много психологии и идеологии и просто каприза.

10

Днем не выходил и писал музыку, брал ванну. Решил поговорить с Сережей о Судейкине откровенно, потому что в данном случае он очень мне опасен; кроме того, мне хотелось знать вообще, как он смотрит на подобные отношения после моих секретов и житья у них. Он сказал, что я могу быть совершенно спокоен, что Судейкин ему ничуть не нравится и что вообще он не знает, кого из встречаемых лиц он мог бы физически полюбить. Казался не удивленным, не шокированным, стал как-то мягче, ласковее, прочитал начало нового рассказа, в театр решил не ехать, м<ожет> б<ыть>, вследствие нашего разговора. Я чуть не опоздал. Со мной сидели Блоки, Сологубы и Чулков. Было очень много знакомых. Занавесь Бакста скучная и непонятная и, главное, совершенно безвкусная. Пьеса, по-моему, провалилась, несмотря на режиссера и на отличные декорации и большую часть костюмов. Играли неважно, и сама пьеса: старая, ненужная, фальшивая, — была скучна[6]. Нувель завел интригу с каким-то гравером, продававшим афиши. Судейкин был менее расстроен, чем предыдущий раз, говорил, что все написанное мною в письме неверно и могло быть внушено или недоверием, или насмешкой. После спектакля мы еще долго ходили по

залу за руку перед какими-то сидящими актрисами. Потом он провожал меня вниз, не имея возможности ехать с нами в «Вену». Просил писать; я был очень счастлив, видя его. Сомов и Нувель не находили слов, чтобы ругать все в театре, кроме безвкусной и скучной занавеси Бакста. Нувель бранился из непроходимого снобизма и в качестве человека, видавшего виды, и все это не имело значения. Сомов же, не знаю отчего, м<ожет> б<ыть>, это была воркотня уходящего на приходящих, не знаю. Но эта ожесточенная ругань возбуждала желание хвалить. Конечно, все ругать — позиция самая выгодная. К нам привязался Аничков, пьяный, и вел безобразный русский задушевный разговор, Маныч и Куприн, пьяные же, подходили, крестились и целовали Аничкова в плешь. Русский разговор Аничкова, русский провинциальный снобизм Нувеля (pauvre Russie!*), русское провинциальное в исполнении Ибсена, падение Сомова меня злили и огорчали, как кошмар. Я редко возвращался с такими занозами в душе, и, если бы не разговоры, не свиданье с Судейкиным, это снова был бы канун мыслей о смерти. Завтра увижу друзей, неужели опять будет этот несчастный разговор? Денег, конечно, ни гроша. Болела голова, спал плохо. Неделя, как не буду видеть Сергея Юрьевича.

11

Слишком болела голова; писал все-таки музыку к «Лету», ложился спать, ходил по комнате, написал Судейкину; наши поехали к Варв<аре> Павл<овне>. У Нувель голова прошла от лекарства; пели, читали, было хорошо по-прежнему. У Ивановых новости: после страданий и борьбы Вяч<еслав> Ив<анович> поставил крест на романе с Городецким, и теперь атмосфера очищенной резигнации**. Диотима шьет новое выходное платье. Гафиз будет, но если уйдет Городецкий, исключат Сережу, не примут Судейкина и Гофмана, это будет какая-то богадельня, а не Гафиз. Говорили о Судейкине, о том, как мне вести себя с ним, что я не умею играть, слишком prenantier***, непосредствен, без самолюбия, отдающийся. Нувель говорил, что Сергеем Юрьев<ичем> руководит отчасти, и, м<ожет> б<ыть>, главным образом, тщеславие сердцееда и т. д. Во вторник у него будет Птичка и Сомов, макротирует он их, что ли? Хотели пустить слух, что они отбили друг друга от меня, увлеченного Судейкиным. Строили планы будущих вещей, будущих приключений, manuel d'amoureux****, апокрифического дневни-

* Бедная Россия! *(франц.)*.

** Смиренности (от *франц.* «résignation»).

*** Все принимающий *(франц.)*.

**** Руководства влюбленным *(франц.)*.

ка; было будто конец прошлой зимы. Сомов признался во влюбленности в Добужинского и строил планы первых признаний. Сидели не поздно. М<ожет> б<ыть>, в понедельник увижу Судейкина, для этого «может быть» стоит [смотреть] перетерпеть скуку пьесы Юшкевича. Ночью голова прошла.

12

Сегодня получил письмо из «Весов» с известием, что «Крылья» пойдут все в ноябрьской книжке и потом отдельной книжкой, ответ просят телеграммой[7]. Вечером были Тамамшев и Гофман, с которым и с Сережей мы поехали к Сологубу. Зашли за Валь<тером> Федоровичем. Там было немного народа, но было не очень стеснительно. Читали Сологуб, Годин, Андрусон, Гофман и Потемкин очень милые стихи, я читал «Куранты любви», думая о Судейкине[8]. Если б он любил меня, это не начиналось бы такой безнадежной разлукой. Нувель изводит меня, что я становлюсь известностью. Я очень рад за «Крылья», хотя и охладел к этой вещи. Увижу ли завтра Сергея Юрьевича?

13

Утром было солнце. Днем был у Чичериных; она была одна дома, пил с нею чай, болтая по душе. У Вяжлинских говорили, что я вхожу в моду. Пошел в театр рано, прислали корректуры[9]. Едучи по Ек<атерининскому> кан<алу>, все обгонял студента с приятным профилем, который оказался ехавшим в театр Коммиссаржевской же и даже сидящим около меня. Пьеса скучная, нудная, но публике понравилась, играли вроде плохого Станиславского[10]. Были те же; Судейкин пришел ко второму антракту, был прост, весел и невыразимо мил, очень желанен. Показывал свои эскизы к «С<естре> Беатрисе», очень хорошие, особенно Бэллидар; были у Мунт, видели Веригину и др<угих> актеров, ходивших по коридору в гриме. Поднялись в буфет, где и просидели все 3-е действие, т. к. Судейкин очень хотел есть. Субботы обязательно возобновятся, кроме того, актеры и актрисы хотят еще устраивать более интимные вечера и просили его пригласить меня. Он остается еще ставить «Tintagile» и «Cloître»[11], м<ожет> б<ыть>, переедет к Сапунову. После пьесы мы так долго ходили по залу, хотя его ждала Коммиссарж<евская>, костюмы, декорации, — что Сомов с Вилькиной уже, вероятно, уехали в «Вену». Приехавши туда, как условились, я застал уже их с Нувель. Пили шабли, чай, ели сыр, что-то еще, мороженое, откровенно и скандально болтали, не скрывая ничего, даже привирая, кажется. Судейкин Вилькиной понравился, хотя она его и сочла блондином. Просила меня читать дневник, который расхваливали друзья. Обещал устроить audience в четверг.

Сомов сказал, что на будущий сезон мне останется только читать свой дневник в обществ<енных> залах. Судейкин на днях галлюцинировал мною, подробности чего не рассказывал, будучи сегодня в приятном настроении «венской девицы», как он выразился. Говорил очень мило, так прижимался локтем, несколько раз прощался, так что я совсем таял. Скоро напишет, заедет, потом освободится. Думает, матерьялы для «Весов» поспеют к февралю.

14

У детей гости, гвалт, шум; пришла m-me Чичерина, любезная и милая; от Феофилактова письмо, из «Весов» 2-й лист корректуры[12] и снимок с феофилактовского рисунка. Вдруг пришел Павлик в пальто, новой шапке, в выкупленных перстнях, золотых часах, с бутонами на похудевшем, несколько припудренном лице. Разговаривали любезно и далеко, я сказал, что люблю Судейкина, а к нему сохранил нежность воспоминания и не потерявшуюся связь тела. Он это и думал; я целовал его более крепко, чем часто, и была небольшая fatalité. Он теперь гуляет и, кажется, не нуждается. Поехали к Тамамшевым, там была пьянистка Крайндель, m-me Голубая Соловьева и, наконец, 2 раза Иван Рукавишников. Чтение Рукав<ишникова> и все существо m-me Крайндель было каким-то сплошным кошмаром. Но мне было весело, и я хулиганил напропалую. С Рукавишни<иковым> приходил какой-то красивый студент, явно грамотного вида, который с ним везде является. Оставались еще одни, несколько сплетничая и говоря о костюмах и духах. К Нувель, несмотря на Птичку, не поехали, т. к. было поздно. Конечно, мечтаю все время о Судейкине, играя «Куранты любви» и не играя их.

15

Ясно. Зять уехал. У Чичериных болтали всякий вздор с француженкой, ложно приходящей в ужас. Ездил в парикмахерскую, где меня чесал молодой мастер. Дома имел маленькую стычку с сестрой. Просматривал корректуры, написал Судейкину, Гржебину и в «Весы». Около нас был пожар, горел деревянный дом непосредственно под нашими окнами, мимо которых ежеминутно проносились тучи красного дыма с искрами; дети волновались и плакали. У Ивановых был Леман и Гофман, предполагаемый быть введенным в Гафиз. Мы с Сережей прошли в комнату Городецкого ждать, покуда не удалят Лемана и пришедших Чулкову и Верховского (опять несчастный Юраша!), мы были уже одеты наполовину. Бердяев прислал письмо с почти отказом. Сначала Вяч<еслав> Ив<анович> взволнованно хотел обсуждать письмо Бердяева, парижские сплетни и т. д.[13], все было неприятно, запальчиво и не-

рвно. Сережа стоял прижавшись к стене, в черном бархате, белой рубашке и жемчужном поясе, как лицемерный кающийся; мне нравился его мягкий, несколько приторный голос, говорящий будто искренние уверения, его какое-то чувствуемое предательство, он был будто молодой итальянский отравитель XV века. Городецкий хулиганил, Диотима плакала, говорила, что она несчастна, я ее утешал и гладил по волосам, обнимая; я старался быть ласковым, думая о Судейкине. Когда-то я его увижу. Сегодня заказал, чтобы завтра послали ему цветы у Шалье[14]. Сегодня приехал Дягилев. У Коммиссаржевской субботы переносятся на понедельники, а в субботы будут маленькими актрисами приглашаться одни мужчины. Если будут приглашать, конечно, пойду и на те и на другие, особенно покуда Серг<ей> Юрьев<ич> здесь. Вяч<еслав> Ив<анович> просил Сомова сделать обложку к «Cor ardens». Издательство теперь «Становие»[15], <час> от часу не легче!

16

От Судейкина ни звука, ни слова, ни намека. Разве так любят? Отослал корректуры, написал Феофилактову и Сергею Юрьевичу. Шел снег; заехал к Сомову, смотрел новое «Руно», пили чай; Вилькина живет в старинном доме на набережной, с большими передними, внутренними ступенями вверх и вниз. Дневником была, кажется, несколько разочарована, ожидавши больше скабрезных подробностей, и распространялась больше о художественных достоинствах, хотя я имею смелость думать, что не в этом главный смысл моего дневника. У Венгеровых была <Поликсена?>, потом невидная нами ушедшая. После ужина, на котором были какие-то два господина, я играл «Куранты любви», кажется, не очень понравившиеся. Впрочем, это все равно, это и этот стиль есть лучшее из моей музыки, и я смею писать как хочу. Зин<аида> Аф<анасьевна>, впрочем, очень одобряла. Потом продолжали чтение до четвертого часа. Ну вот, был и у Вилькиной, ну и что же? Было тепло, Нева еще чернее от не совсем еще растаявшего снега. Когда ж я увижу Судейкина? как это томительно! но почему-то я уверен и знаю, что все будет отлично, и кончится, и будет продолжаться, но отчего теперь я так умираю? Можно ли было любя без мозгологии выдумать такую отсрочку?

17

Никуда не ходил; кончил «Зиму», написал 2-й № музыки к «Осени». При университете образуется кружок искусства, куда между другими решили пригласить и меня и Судейкина[16]. Забраковали Аннибал и Вилькину, не приглашают Лазаревского, Гржебина. В декабре будет выставка «Союза русск<их> худ<ожников>» —

интересно[17]. Неужели Сергея Юрь<евича>, которого пригласят, ничего не будет? Очень о нем скучаю. Как ему не стыдно так меня мучить? Сережа, кажется, не собирается к Верховским. Там было человек 12 чужих, Каратыгин, Иованович, Форш, Конради, Адрианов и др. Пели, играли, пили чай. Мусоргский теперь меня совершенно не трогает.

18

Опять ни слова, ни звука; всю ночь я томился очень определенно, представлял лицо и поцелуи именно Судейкина, без всякого уклонения и сомнения. Встал поздно; приходил Чулков, просивший стихи в альманах[18], приглашавший от маленьких актрис сегодня в «Кин»[19], что будет, непрем<енно>, Сапунов (будто мне это очень важно), и сообщивший, что в понедельник пригласят всех субботников на генеральную репетиц<ию> «С<естры> Беатрисы», после чего останутся. Будет ли сегодня Сергей Юрьевич? Неужели нет? и отчего он ничего не пишет, ни звука, ни слова? Я не мог писать музыки сегодня от волнения свиданья. Я ждал Павлика больше месяца, но я имел частые письма и несомненные залоги любви. Судейкину же стыдно так третировать меня, ничем этого не заслужившего. Ни слова, ни звука. Опять кружится голова и бьется сердце. Письмо от Феофилактова, какие именно офорты Клингера я имел в виду в «Крыльях»[20]? Корректуры 3-го листа. Заезжал к Чичериным. Вечером были Ольга Петровна и Инжакович, я играл в карты. В «Кин» приехал часов около 11-ти, там был один Сологуб, жаловавшийся мне на судьбу, на отсутствие у него имени, что он — как тень, мелькнувшая по стене. Пришел милый, возлюбленный Сергей Юрьевич и Сапунов, актеры приехали после спектакля, были Ярцев, Мейерхольд, Бецкий, Пронин, Мунт, Веригина, Волохова, Чулков, Сюннерберг и Соколов, кроме прежних 4-х. Ужинали, пили, я пел «Куранты любви», и танцы аккомпанировали звон бокалов, севши все близко-близко, я говорил с милым Судейкиным, мы ходили мыть руки, чтобы сладко целоваться, прижавшись; цветы бросают в его комнате тени на потолок. Когда наступил час уходить, Соколов позвал всех к себе; было забавно ехать в 4-м часу в совершенно незнакомый дом, где мы сидели, будто с 5-час<овым> визитом, пили чай, ликеры и болтали. Разошлись часов в 6. В понедельник Судейкин меня возьмет на репетицию; если бы можно было приехать к нему! Сапунов хочет устроить вечер, позвавши меня, Судейкина, Нувель, его афишера, гравера, парикмахера, еще кого-то. Это будет занятно. Я только все еще боюсь потерять еще почти не имеемого Сергея Юрьевича, хотя он и говорит, что, напр<имер>, не пишет мне, т. к. слишком уверен в своей любви (любви ли?) ко мне. И опять ночью у меня была горечь, хотя,

м<ожет> б<ыть>, я просто неблагодарное капризное существо. Под конец вечера Сюннерберг уже наигрывал и Мейерхольд насвистывал танцы из «Курантов».

19

Сережа вчера был у Пяст, где были Иванов, Блок, Ремизовы, Потемкин, Гофман, Кондратьев, Годин. Там импровизировали стихи, где между прочими bout-rimée* было «и голос нежный, как Кузмин», меня как тщеславца это интересует[21]. Пошли к Ивановым, Вяч<еслав> Ив<анович> спал, Городецкий, бывший в сюртуке, скрылся не прощаясь, Диотима в аполлоновской прическе сердито и жалостно кашляла. Сережа, не дождавшись Иванова, ушел, я остался, читал и играл новые вещи. Иванов опять хочет меня в «Ярь», против желания Аннибал и моего тоже. Он хочет говорить об этом с Гржебиным; я только боюсь, что Гржебин не устоит и покажет мое неосторожное письмо, где я прошу его не отдавать меня «Яри». Когда мы читали «Руно», письмо от Сабашниковой, зовущей меня сегодня[22]. Там были Сомов, Иванов, старуха Волошина и Минцлова, ясновидящая. Марг<арита> Васильев<на> говорила, что в финляндск<ом> пансионе, где она только что провела несколько дней, какие-то студенты рассказывали, что они копят деньги на покупку моих «Алекс<андрийских> песень», ожидающихся быть очень дорогими. Сомов передавал желанье Остроумовой заполучить меня к себе. Было уютно, но Сережа меня ждал, чтобы ехать к Сологубу. Была чудная погода, когда мечтается близость какой-то весны и хочется любви и эскапад. Там были Вилькина, Верховский, Гофман, Потемкин, Кондратьев, <Беляев?>, Рафалович и другие[23]. Я очень развязно себя чувствовал, несколько хулиганил, спорил с каким-то немцем о театре Коммиссаржевской до грубианства, позвал Потемкина к нам; он хочет написать «Жеманник и кокетка» и посвятить мне и Вилькиной. Завтра у Блока будет один Юраша: какой ужас! Возвращались втроем с Гофманом. Погода была еще лучше.

20

Ездил на почту, по делам, к парикмахеру; сегодня увижу милое, любимое, соблазнительное лицо Судейкина. «А Вы не боитесь, что я в него влюблюсь?» — спрашивала вчера Вилькина, у которой я просил позволения представить ей Судейкина. Сергей Юрьевич за мной не заехал, я волновался, тосковал и скучал страшно; часов в 10 телефонировал в театр; он очень извинялся, обещал заехать завтра утром, говорил, что все выходит лучше ожиданий, что он страшно волнуется, завтра будет свободнее, что Мунт воз-

* Буриме *(франц.)*.

мущена нашим будто бы affichage во время субботнего вечера. Я был несколько утешен хотя бы телефонизированным голосом Судейкина. Сел петь Шуберта, приехал Павлик, конечно, попросил в конце концов денег; он поступает на прежнее место; была fatalité, много расспрашивал о Сергее Юрьевиче[24]. Поехали в «Вену» ужинать, там я видел Гржебина, который уверял, что вся книга в корректурах будет через неделю, то, что готово у Сомова, он уже забрал, что Иван<ову> меня отстоял не выдавая. Мне было очень приятно вспомнить старину и пить шабли с напудренным Павликом. Погода стала мягкая, теплая, тающая. Завтра увижу Судейкина!

***Histoire édifiante de mes commencements*[25]**

Я родился 6 октября [1872] 1875* года в Ярославле и был предпоследним сыном большого семейства. Моему отцу при моем рождении было 60 л<ет>, матери — 40[26]. Моя бабушка со стороны матери была француженка по фамилии Mongaultier и внучка франц<узского> актера при Екатерине — Офрена. Остальные — все были русские из Яросл<авской> и Вологодской губ. Отца я помню в детстве совсем стариком, и в городе все его принимали за моего деда, но не отца. В молодости он был очень красив красотою южного и западного человека, был моряком, потом служил по выборам, вел, говорят, бурную жизнь и к старости был человек с капризным, избалованным, тяжелым и деспотическим нравом. Мать, по природе, м<ожет> б<ыть>, несколько легкомысленная, любящая танцы, перед свадьбой только что влюбившаяся в прошлого жениха, отказавшегося затем от нее, потом вся в детях, робкая, молчаливая, чуждающаяся знакомых и, в конце концов, упрямая и в любви и в непонимании чего-нибудь. В Ярославле я прожил года полтора, после чего мы все переехали в Саратов, где я и прожил до осени 1884 года, когда отец, оставленный за штатом, переехал, по просьбе матери, всегда стремящейся к своей родине — Петербургу, в Петербург. В Саратове я начал гимназию. Из первого детства я помню болезнь, долгую-долгую, помню лежанье на большой двуспальной кровати, мама смотрит на меня, и мне кажется, что в ее глазах какой-то ужас; помню бред, слабость после болезни, ходил я с палочкой. Помню, как умер мой младший брат, его в гробу, помню, как у нашей прислуги сделалась падучая, как у сестры сошел с ума муж, как у матери была оспа. Я был один, братья в Казани, в юнкерском училище, сестры в Петербурге на курсах, потом замужем. У меня всё были подруги, а не товарищи, и я любил играть в куклы, в театр, читать, или разыгрывать легкие попурри старых итальянских опер, т. к. отец был их поклонником, особенно Россини. Маруся Ларионова, Зина

* Цифра «5» карандашом исправлена на «4».

Доброхотова, Катя Царевская были мои подруги; к товарищам я чувствовал род обожания и, наконец, форменно влюбился в гимназиста 7 класса Валентина Зайцева, сделавшегося потом моим учителем; впрочем, я также был влюблен и в свою тетушку. Я был страшно ревнив, как потом только в самое последнее время. Мой средний брат тогда был еще реалист, лет 16—17-ти. Это было года за 2 до отъезда, и, м<ожет> б<ыть>, он был уже подпрапорщиком. Иногда, гуляя со мной в оврагах (мы жили тогда на даче), скрытых от случайных взоров, он заводил игру «в тигров», где один из засады по очереди бросался на другого и мог делать с ним что хочет. Теперь я понимаю, что это была только хитрость, чтобы заставить меня исполнить над ним своими робкими руками и телом то, что его смелые и дрожащие руки делали со мной, но тогда закрытые веки, какой-то трепет неподвижного смуглого лица (которое ясно видится мне и теперь), возбуждение, смутно почувствованное мною, так напугало меня, что я бросился бежать через горы домой. И отлично помню, что, бежа, я почувствовал в первый раз сладкое и тупое чувство, которое потом оказалось возможным возбуждать искусственно и которое повело меня в Петербурге к онанизму. Брат рассердился на меня, боясь, что я расскажу домашним, но гулять стал с Сашей Белявским, старшим меня лет на 5. У брата был приятель, в которого он был влюблен и которого прогнал, т. к. тот стал слишком любезен со мной. Тогда я ничего не понимал. С братом я ссорился и дрался, т. к. тот постоянно упрекал меня, что я любимчик, тихоня и т. п. Он делал сцены отцу и матери опять-таки из-за того, что они к нему несправедливы, и до последнего времени был не в ладах с матерью. Сестры все почти поступали против воли отца, и долгими временами он не имел с ними сношений и не хотел их видеть. Я рос один и в семье недружной и несколько тяжелой и с обеих сторон самодурной и упрямой. Я учился музыке в «Муз<ыкальной> шк<оле>» и, как всегда в детстве и в провинции, считался очень успевающим. Мои любимцы первые были «Faust», Шуберт, Россини, Meyerbeer и Weber. Впрочем, это был вкус родителей. Зачитывался я Шекспиром, «Дон Кихотом» и В. Скоттом, но не путешествиями. Русского я знал очень мало, к религии был равнодушен, как и вся семья. Осенью 1884 г. мы тронулись в Петербург втроем: отец, мать и я. С тех пор мы жили неразлучно с матерью до ее смерти.

1884—1894

В Петербурге было очень неуютно; маленькая квартира на дворе, болезнь отца, операция, обязательные хождения по родственникам, неудачи в гимназии, темнота, шарманки по дворам — все наводило на меня непередаваемое уныние. Жили мы первый год на Моховой, потом все время на Васильевском. Мы часто ви-

дались с Мясоедовыми, дочь которых стала теперь моей единственной подругой. Я плохо помню это время. Отец, переехавши на большую квартиру, умер, поссорившись перед смертью с тетей. Я помню, как он умирал. Мама, устав, легла соснуть, у постели сидела прислуга, я читал «Ниву», где говорилось, как самоеды приняли наружное лекарство внутрь тут же. И я громко засмеялся. Настасья сказала: «Что же вы, Мишенька?» — «Так, смешное читаю». — «Ведь папаша-то помрет, слышите, хрипит: вы бы разбудили барыню». — «Он всегда хрипит, я сейчас дочитаю». Отец действ<ительно> тяжело дышал, хрипя. «Мишенька...» — «Ну, что?» — но вдруг раздался хрип громче и реже, один, другой — и стало тихо. Потом Настасья закричала громко: «Барыня — барин-то у нас помер». Я сел на диван, мама меня обняла, заплакав. Я же все время не плакал. Тетя, не приехавшая ни разу во время болезни, громко рыдала, хватаясь за гроб. Меня на целые дни брали Мясоедовы для развлечения. Дела шли плохо, мы опять перебрались в небольшую квартиру в том же доме. Вскоре к нам приехала старшая сестра из Сибири, у которой родился Сережа. Было страшно тесно, ребенок кричал, мамка занимала первые места. В гимназии я учился плохо, но любил в нее ходить, любя заниматься языками, любя своих товарищей. Тут я в первый раз имел связь с учеником старше меня, он был высокий, полунемец, с глазами почти белыми, так они были светлы, невинными и развратными, белокурый. Он хорошо танцевал, и мы виделись, кроме перемен, на уроках танцев, и потом я бывал у него. Сестра, оставшись в городе, стала жить отдельно, давая уроки, сдавая комнаты, устраивая студенческие вечеринки с пивом, колбасою и пением студенчески-швейных песень («Есть на Волге утес...», «Накинув плащ...»). Я посещал ее и ее вечеринки, хотя они были совсем не по мне и мне бывало скучно и тяжело. Впрочем, это было позднее. С этим же временем у меня совпадает первый приступ религиозности, направленный главным образом на посты, службы и обряды. Рядом же шло увлечение классиками, и я стал подводить глаза и брови, потом бросил. По летам мы жили в Сестрорецке, который тогда был диким местечком и казался моему воображению Грецией. В пятый класс к нам поступил Чичерин, вскоре со мной подружившийся и семья которого имела на меня огромное влияние. Я радовался, отдыхая в большой, «как следует», барской семье и внешних видах обеспеченного житья. Мы сошлись в обожании музыки, вместе бегали на «Беляевские концерты»[27], изучали Моцарта, ходили на галерею в театр. Я начал писать музыку, и мы разыгрывали перед семейными наши композиции. Написав несколько ценных по мелодии, но невообразимых по остальному романсов, я приступил к операм и все писал прологи к «Д<он> Жуану» и «Клеопатре» и, наконец, сам текст и музыку

к «Королю Милло» по Гоцци. Это первое, что я рискнул в литературе. Тогда я стал безумно увлекаться романтизмом немцев и французов: Hoffmann, J. P. Richter, Фуке, Тик, Weber, Berlioz и т. д. меня увлекали страшно. Одно лето я жил в Ревеле, и как Юша вообразил, что влюблен в Мясоедову, так я себя представил влюбленным в Ксению Подгурскую, девочку лет 16<-ти>, с манерами полковой дамы. Это было наиболее детское из всех приключений[28]. Скоро мы кончили гимназию. Мое религиозное (до того, что я просился в священники, и в гимназии, зная это, наряду с несчастной влюбленностью в Столицу, о связи с Кондратьевым и потом с другими уже одноклассниками, надо мною смеялись) настроенье прошло, я был весь в новых французах, нетерпим, заносчив, груб и страстен. Летом, гостя у дяди Чичерина, Б. Н. Чичерина, я готовился в консерваторию, всем грубил, говорил эпатажные вещи и старался держаться фантастично[29]. Все меня уговаривали идти в университет, но я фыркал и говорил парадоксы. В консерв<атории> я был у Лядова на сольфеджио, у Соловьева — на гармонии, у Р<имского>-Корсакова на контрап<ункте> и фуге. Тут я стал дружен с Юркевичем и опять ревновал, делал сцены и потом поссорился с ним. В 1893 году я встретился с человеком, которого очень полюбил и связь с которым обещала быть прочной. Он был старше меня года на 4 и офицер конного полка. Было очень трудно выискивать достаточное время, что<бы> ездить к нему, скрывать, где бываю с ним, и т. д., но это было из счастливейших времен моей жизни, и тут я очень много писал музыки, увлекаясь Massenet, Delib'ом и Bizet. Это было очаровательное время, тем более что у меня образовался кружок веселых друзей из моей же бывшей гимназии, но моложе меня, теперь студентов: Сенявина, Гинце, Репинского. Моя жизнь не особенно одобрялась моею матерью; как это ни странно, к этому времени относится моя попытка отравиться. Я не понимаю, чем я руководствовался в этом поступке: м<ожет> б<ыть>, я надеялся, что меня спасут. Я думаю, что незнание жизни, считанье моего положения каким-то особенным, недовольство консерваторией, невозможность достаточно широко жить, романтизм и легкомыслие меня побудили к этому. В связи с князем Жоржем[30] я признался Чичерину, Синявину и моему двоюр<одному> брату, офицеру Федорову, который отнесся к этому как-то особенно серьезно. Я накупил лавровишн<евых> капель и, написав прощальное письмо, выпил их. Было очень приятно физически, но ужас смерти обуял меня, я разбудил маму. «Миша, зачем ты это сделал», беганье по лестнице, хлопанье дверями, слезы, доктор; поехали на извозчике в больницу, я был как пьяный и громко говорил по-французски. В больнице мне механически делали рвоту (отвратительное впечатление) и, дав ванну, положили на кровать, на которой утром кто-то умер. Ночью

кричал выпивший нашатырь, я бредил, вскакивал, сторож говорил другому: «Какого красивого положили, только не русский». Утром пришла мама, я пробыл всего несколько дней и вышел, но некоторое время занятия были мне запрещены, и я оставил консерваторию. Моя любовь еще удвоилась; я во всем признался матери, она стала нежной и откровенной, и мы подолгу беседовали ночью или вечером за пикетом. Говорили почему-то всегда по-французски. Весной я поехал с князем Жоржем в Египет. Мы были в Константинополе, Афинах, Смирне, Александрии, Каире, Мемфисе. Это было сказочное путешествие по очаровательности впервые collage и небывалости виденного. На обратном пути он должен был поехать в Вену, где была его тетка, я же вернулся один. В Вене мой друг умер от болезни сердца, я же старался в усиленных занятиях забыться. Я стал заниматься с Кюнером, и каждый шаг был наблюдаем с восторгом Чичериным, дружбе с которым это был медовый год.

1895—1905

Я думал, что со смертью моего друга я должен быть как бы обречен на отсутствие любви. Увлекаясь тогда уже неоплатониками и мистиками первых веков, я старался устроить так свою жизнь, строго регламентируя занятия, пищу, чтение, старался быть каким-то воздержным пифагорейцем. Юша, относившийся отрицательно к моей истории, теперь изо всех сил старался поддержать во мне мысль о Провидении, ведущем меня к необход<имости> чувствительной верности и воздержанию. От церкви я был очень далек. Но я заболел истерией, со мной стали делаться каталептические припадки, и, пролечившись всю зиму у Клименко, я отправился в Италию. Я был в Берлине и др. городах Германии, дольше жил в Мюнхене, где тогда жил Чичерин. Рим меня опьянил; тут я увлекся lift-boy'ем Луиджино, которого увез из Рима с согласия его родителей во Флоренцию, чтобы потом он ехал в Россию в качестве слуги. Я очень стеснялся в деньгах, тратя их без счета. Я был очень весел, и все неоплатоники влияли только тем, что я считал себя чем-то демоническим. Мама в отчаяньи обратилась к Чичерину. Тот неожиданно прискакал во Флоренцию, Луиджино мне уже понадоел, и я охотно дал себя спасти. Юша свел меня с каноником Mori, иезуитом, сначала взявшим меня в свои руки, а потом и переселившим совсем к себе, занявшись моим обращением. Луиджино мы отправили в Рим; все письма диктовал мне Mori. Я не обманывал его, отдавшись сам убаюкивающему католицизму, но форменно я говорил, как бы я хотел «быть» католиком, но не стать. Я бродил по церквам, по его знакомым, к его любовнице, маркизе Espinosi Marati, в именье, читал жития св<ятых>, особенно S. Luigi Gonzaga, и был готов сделаться духовным и монахом[31]. Но письма

мамы, поворот души, солнце, вдруг утром особенно замеченное мною однажды, возобновившиеся припадки истерии заставили меня попросить маму вытребовать меня телеграммой. Мы простились с каноником в слезах, обещая друг другу скорое свиданье; я увозил молитвенник, письма к катол<ическим> духовным в Петербурге; часто переписывались по-итальянски, но потом письма стали реже, наконец прекратились и совсем. Вернулся недовольный, более чужой маме и всем, не зная, что делать. Чичерин старался дать мне стража вместо Mori и, после моего отказа обратиться к Пейкер, направил меня к о. Алексею Колоколову, как светскому conducteur d'âmes*. Но какое-то светское ханжество этого протоиерея меня оттолкнуло, и после первой исповеди я перестал к нему ходить. В это время я подружился с Костриц** и стал у него бывать. С этого времени до самых последних дней en fait de l'amour*** я ограничивался изредка посещениями теплых краев[32], без увлечения и без привычки, т<ем> более что тут открылась мне внезапно и неудержимо «русское» направление, временами наступающее и теперь. Теперь я вижу, что это было как бы 2 крайние точки, между которыми колеблется маятник часов, все слабее и слабее уклоняясь в те же разные стороны, перед тем как остановиться. То я ничего не хотел кроме церковности, быта, народности, отвергал все искусство, всю современность, то только и бредил D'Annunzio, новым искусством и чувственностью. Потом, пойдя глубже в русское, я увлекся расколом и навсегда охладел к официальному православию. Войти в раскол я не хотел, а не входя не мог пользоваться службами и всем аппаратом так, как бы я хотел. В это время я познакомился с продавцом древностей Казаковым, старообрядцем моих лет, плутоватым, вечно строю<щим> планы, бестолковым и непостоянным. Я стал изучать крюки, познакомился со Смоленским, старался держаться как начетчик и гордился, когда меня принимали за старовера. Сестра тогда жила в Нижнем и по летам жила в его окрестностях, куда приезжал и я. Так мы прожили год в Черном, год в Юркине и два в Васильсурске. Я очень наслаждался обществом сестры моего зятя Лидии Степановны Мошковой, гостей, вроде Марьи Ив<ановны>, хозяйских дочек, бонн, видя в них типы Печерского. Особенно типично в этом отношении было первое лето в Василе. Второе лето я отчаянно влюбился в [Сережина] некоего мальчика, Алешу Бехли, живших тоже на даче в Василе, Вариных знакомых. Разъехавшись, я в Петербург, он в Москву, мы вели переписку, которая была открыта его отцом, поднявшим

---

* Духовному наставнику *(франц.)*.

** «С Костриц» вписано карадашом.

*** По любовной части *(франц.)*.

скандал, впутавшим в это мою сестру и прекратившим, таким образом, это приключение. Все это происходило на праздниках, зимою, когда я приехал к сестре. Пришлось опять обратиться к искусству, которым я усиленно и занялся при дружбе, снова зацветшей, вернувшегося из-за границы Чичерина. На следующее лето наши переехали в Петербург. Из моих бросаний наконец определился ряд произведений, которые я ценю всегда и во всяком виде. Это всегда почти эпос Пролога[33], сказки, новеллы, fabliaux; Шекспир, «Д<он> Кихот», Мольер и фр<анцузские> комедии, Пушкин и Лесков. По музыке я возвращался непременно к старым французам, итальянцам и Mozart'y. Скоро Чичерин уехал навсегда за границу, обещая устроить у Senff'a, с которым он говорил раньше, издание моей музыки. Через Верховских я познакомился с «Вечерами соврем<енной> музыки», где мои вещи и нашли себе главный приют. Один из членов, В. Ф. Нувель, сделался потом из ближайших моих друзей. Осенью мама, все слабевшая, простудилась и, наконец, слегла. Я не могу вспомнить, как она целыми днями спала, сидя со склоненной низко головой и охая. Ночью не могла встать для своей нужды и свалилась. Она противилась доктору, но я настоял; сиделка, тетя, живущая у нас, и мама, чужая, с помутившимся взглядом, невнятною речью, страшная и строгая. Она умерла без меня, когда я ездил за [доктором] священником. Меня встретила тетя, растерянно рыдая. Потом пришли монашки, внося определенность и печаль. Панихиды, похороны. Все были очень душевны. Я остался на старой квартире, хотя боялся первое время; мне не хватало денег и надоедало хозяйство, когда надо экономить[34]. Я часто бывал у Казаковых, ездил к ним в Псков, путешествовал с ними в Олонец<кую> губ., Повенец и вернулся через Финляндию и, наконец, переехал к ним жить со своими иконами, снявши вместе квартиру в Семенов<ском> полку. Весною я познакомился с Гришей Муравьевым, с которым вскоре и вступил в связь, думая со временем устроиться с ним во Пскове. Летом я заезжал в Зарайск, где он жил; прожили там дней 6 со спущенными от жары занавесками, любя и строя планы, по вечерам гуляя за городом в тихих полях. Потом я жил в Щелканове у Верховских[35]. Тут, просто от скуки, я стал оказывать больше внимания, чем следует, младшему брату, вызвав ревность жены, негодование других и почти ссору. Потом все помирились, а он уехал в Киев. Осенью я стал жить с сестрою[36].

21

День маминой смерти, читаю Блока, мятель, Судейкин не едет; наконец письмо с посыльным: «Дорогой друг, приезжайте скорей». Лечу; опоздал; декорация отлична, сестры играли прекрас-

но, что ни поворот, то картина Мемлинга или Ван Ейка, будто Успение Б<ожьей> М<атери>[37]. Ужас сознания, что денег ни гроша, всем платить, сестре очень нужны деньги, что делать? и что с Сергеем Юрьевичем, любит ли он меня? мой ли он? моим ли будет? я ничего не пишу. На прощанье он отказался поцеловать меня. Разве он боится сплетни? я не могу видеть его лица, его фигуры без того, чтобы голова не кружилась. Ехал назад с Чулковым. Холодно. Читали с Сережей Блока. Господи, устрой мне с деньгами и с милым С<ергеем> Ю<рьевичем>, таким непонятным, таким далеким, таким будто тяготящимся моею любовью! Вчера ночью я молился об этом. Пришел Нувель, я его рад видеть очень, хотя занят другим. Поехали на реферат Гофмана, были Пяст с Потемкиным и Орлова, было не весело; у Блока был Юраша Верхов<ский>, было очень скучно, читал А<лександр> Ал<ександрович> новую драму «Незнакомка», очень хорошо. Когда же я увижу неверные, уходящие глаза и будто несколько фальшивую улыбку? Я чуть не плакал, едучи домой. Что мне делать? главное деньги, мне стыдно видеть сестру. И как вести себя с С<ергеем> Юр<ьевичем>. Вчера Мунт говорила, что в субботу Судейкин явно ухаживал за мною, что она сама видела, как мы пожимали под столом друг другу руки (ноги, по-моему) и от Соколова, конечно, поехали куда-то вместе. Он говорит, что не знает, отчего не оправдалась эта сплетня. Вероятно, оттого, что было слишком поздно. Блоки спрашивали, кто тот, с которым я часто хожу в театр, и очень удивились, что это Судейкин, которого они представляли менее молодым и более худым. Когда же я его увижу. Мне на редкость не нравится жена Блока и продолжает не нравиться.

22

Первое представление «Беатрисы»[38]. Шумный большой успех. Все оживились и приободрились. Сомов ругается. Был антракты за кулисами, поздравлял Веру Фед<оровну> и других; она очень любезна, говорит, что слышала, насколько яро я их защищаю. Видел милого Судейкина. Маленькие актрисы тащили куданибудь после спектакля, но мы поехали к Ивановым. Было чудно ехать, обогнали Сомова и Нувель, кузину Лемана. У Иванов<ых> была уже куча народа. Мы не пошли в зал, где, потом оказалось, говорили о театре Коммиссаржевской. А я с Судейкиным, бывшим все время со мною и Сераф<имой> Павловной, удалясь в соседнюю комнату, занялись музыкой; приползла кое-какая публика. Вилькина с Нувель и Сомовым так громогласно говорили, хотя рядом были 2 пустые комнаты, что музыку пришлось прекратить. С<ергей> Ю<рьевич> сказал, что мог бы заехать ко мне, что меня побудило уйти раньше, инкогнито, хотя я думал, что меня будут искать[39].

Дома я читал дневник и стихи; потом стали нежны, потом потушили свечи, постель была сделана; было опять долгое путешествие с несказанной радостью, горечью, обидами, прелестью. Потом мы ели котлеты и пили воду с вареньем. Слышали, как пришел Сережа. Ушел С<ергей> Ю<рьевич> в 5 часов. Я безумно его люблю.

23

Денег нет, ходил к Ивановым. Диотима серьезно больна. Заехал в театр, ожидал Судейкина в уборной у Бецкого, угнетенного критикой, смотрел, как он гримирует, Сапунов давал советы, приходил Феона, парикмахер, разные люди. Судейкин вел деловые переговоры где-то; Мейерхольд был очень любезен, звал заходить чаще в театр. Было очень приятно, атмосфера кулис меня опьяняет. Поехали мы с С<ергеем> Юрьев<ичем>. Сапунов отдельно. Нежно говорили, были очень в духе. В университете было мило, отлично; от. Петров, говорящий с Бравичем, Волошин с арх<имандритом> Михаилом, было занятно. Т. к. мы ужасно хотели есть, то послали сторожа за ветчиной и ели на окне во время перер<ыва>; было школьнически весело. Студенты имели бестактность предложить баллотировать составленный заранее список (Чириков, Волынский, Зилоти — Бог знает что!), мы, ужасно возмущенные, стали агитировать, и после голосования (я сунулся подсчитывать) в комитете оказались: Зелинский, Аничков, Чулков, Мейерхольд, Сологуб, Волынский (вместо отказавшегося Иванова). Было не плохо, даже за меня подали 3 голоса, кроме Сапунова, Судейкина и меня (всего 6). Оттуда пошли в «Белый медведь»[40]; в низкой небольшой зальце на эстраде играли 6 немчиков на мандолинах и пьянино. Было страшно приятно сидеть с милым Судейкиным и Сапуновым. Поехали домой вместе, он говорил, что в случае постановки «Пеллеаса»[41] он уедет недели на 2 в Москву, потом, приехавши на время для постановки, опять уедет и зовет меня с собою, остановиться у них и т. д. Меня бы это ужасно привлекало. Мы так нежно, дружески, так влюбленно говорили, что извозчик, который потом тот же повез меня домой, сказал: «Какой Ваш товарищ, д<олжно> б<ыть>, добрый и милый барин». Я так счастлив.

24

Днем никуда не выходил. Из «Скорпиона» прислали аванс. У Кати были гости. Я играл им танцы, был весел, сестра была довольна. К Сереже пришел Гидони, возмущенный, что Кузмин с Судейкиным агитировали и т. д. Я горд, что нас и тут соединяют. Пришли Мясковский, Гофман, Потемкин, Пяст и Кричевский, читали стихи, играли. Тамамшев, приехавши поздно, возбудил мои надежды, не С<ергей> Юрьев<ич> ли это, но я был так счастлив,

вообще любя и зная его, что маленькое разочарование растаяло в этой радости. Сидели довольно долго. Как я люблю Сергея Юрьевича, его лицо, его глаза, его голос.

25

Ходил к тете, она больна, дело 2-го; зашел к Ивановым, там были Званцева и Волошина, старуха. Вяч<еслав> Ив<анович> был какой-то пришибленный, еле-еле минутами опять виделся прежний блестящий maître. Переписывал «Любовь этого лета» для Судейкина. У Нувель был Бакст, только что из-за границы, и Сомов, потом, совсем потом явился милый Судейкин. Нувель приятно изводил, рассказывая, как мы являемся и удаляемся вместе, что я имею успех у женщин, и т. д. Мы сидели рядом и редко, чинно говорили. Потом Бакст ушел, говорили о театре будущего. Мы долго ходили, я проводил его до дому, говорили, как говорят ночью, ходя по улицам, что ни на есть самое дорогое и тайное. Опять звал в Москву, c'est presque convenu*; какое блаженство быть так долго вместе! Жить вместе. Он любит мои губы, мои глаза, понимает, отчего я люблю его, отчего мне приятно ходить с ним, отчего я горжусь им, что я сделал самое ценное для человека, пожелав его физически независимо от художественных или моральных качеств. Было необыкновенно мило, влюбленно, желанно. И он так раскланялся, когда я уезжал с какой-то легкой танцующей душой. Как я счастлив! в понедельник увидимся. Завтра репетиция у Вилькиной.

26

Ходил в парикмахерскую. У нас была Варвара Павловна с Олей. Я занимал ее, т. к. сестры и детей не было дома; если бы не гости, нам пришлось <бы> обедать втроем с сестрой и Бобкой. После все пошли к Ек<атерине> Аполлоновне; было достаточно скучно. Я заехал за Нувель, который спал; у Вилькиной, кроме квинтета, был Сомов, Рафалович, Поляков и «современники»; играли квинтет Юон<а>, очень банальный, и прелестную сонату Castillon. Людм<ила> Ник<олаевна> дала свою книгу[42], звала с Судейкиным после театра пить чай. Говорила при Рафаловиче так о С<ергее> Ю<рьевиче>, будто он, Рафалович au courant**, и потом оправдывалась, что он и все еще раньше спрашивали у нее, что Судейкин — мой друг. У нее с Аладином и Renouveau было какое-то trio platonique в темной комнате[43], между тем как я вел эстетический и компрометантный разговор с Венгеровой, которая уверяла, что ждет от меня очень смелых современных вещей. Сомов зачем-то пускал слух, что

* Это почти улажено *(франц.)*.

** В курсе дела *(франц.)*.

я пишу большую пьесу для театра Коммиссаржевской. Без меня кто-то вызывал по телефону, неужели Сергей Юрьевич? Рано ли он завтра придет? Друзья находят, что я стал менее весел, moins charmant*, не принадлежу им, но это вина не целиком Судейкина. Сомов находит, что этого типа влюбленность мне менее идет.

27

Сидел дома, переписывая и пиша музыку. Ждал Сергея Юрьевича, который по телефону мне объявил, что в прегадком настроении, ко мне вряд ли приедет, и просил заехать в театр, где он сидит один. Я встретил Глебову в коридоре, которая сообщила, что С<ергей> Ю<рьевич> меня ждет и волнуется; сейчас же вышел и он, не целуясь. В театре все полно интриг и конфликтов, я сидел и у Мейерхольда, и у Бецкого, и в фойе, и в мастерской, и в буфете. В светлой и теплой мастерской Сапунов без пиджака писал большую декорацию, разостланную по полу, Судейкин, без пиджака же, продолжал портрет сестры Беатрисы, я же сидел в катающемся кресле, смотря на возлюбленную фигуру С<ергея> Ю<рьевича>. Маленькие актрисы знают наизусть: «умывались, одевались»[44]. Вчера у него были Глебова и [Шиловская] Вилькина, слишком расстроенная отнятой у нее ролью. Скучно, что у них нет суббот. В конце концов Судейкин согласился ко мне ехать; сестра еще не спала; снова стали пить чай и ужинать, я много играл. Судейкин рассказывал об их розовом доме с голубыми воротами, о своих комнатах, семье, знакомых, собаках; потом мучил меня, потом перестал, поставив условием, что мы будем против окна и что он не будет делать ни малейшего движения; конечно, последнее он не исполнил. Мои большие надежды отсылает на Москву.

28

Дописал «Осень». Поехал к Судейкину; швейцар сказал, что видеть его можно в театре. Пронин послал меня в мастерскую. Опять по витой лестнице, где однажды поцеловал меня Сергей Юрьевич, поднялся в мастерскую, где один Сапунов покрывал деревья желтыми, красными, малиновыми, золотыми листьями. Тихо и упало поговорили, звал заходить. У Ярцева посидел с Веригиной и Ивановой; субботы возобновятся; что в них, когда его не будет? почему он так со мной поступает? Опять зашел в номера, швейцар сказал, что Судейкин хотел сегодня ехать в Москву. Что ж это, не прощаясь? так просто? Поехал к Волошиным, там был Иванов, Сомов, еще какой-то мол<одой> человек, Минцлова, старуха Волошина. Я, Иван<ов> и Вол<ошин> пошли к Гофману, там были

* Менее прелестен *(франц.)*.

Мясковский, Ремизовы, Потемкин, Пяст, Леман и др. Серафима Павловна просила приводить Судейкина, который ей нравится, пила со мной за него, расспрашивала, больше ли я его люблю, чем Сомова. Гофманы живут в старинном казенном доме с низкими, уютными комнатами. Реферат, известный уже мне, был каждую минуту прерываем Ивановым и затянулся очень долго. Во время второй половины я играл «Куранты». Потемкин, кажется, думает, что я за ним ухаживаю. Дома узнал, что у меня никого не было, по телефону никто не говорил, писем нет. Так и уехал?!

29

Опять ни слова, ни звука. Так и уехал? Какая тоска, какая скука! ничего не пишу. Днем заехал к Сомову; он нашел меня милее, чем при Судейкине. Минцлова говорила, что я был кем-то очень близким Цезарю Борджиа, потом кавалером де Грие и потом в какой-то русской секте, изуверской и развратной. Я ужасно скучаю. Вечером был у Минской, где был и Константин Андреевич. Из «Руно» прислали небольшой аванс. Я даже адреса Судейкина не знаю, что же это будет? У Венгеровых было хорошо, в конце концов все румянились и подводили глаза, Сомов так вышел и в переднюю, куда вошли какие-то 2 господина, у него был забавный вид.

30

Письма нет; ходил за покупками; писем нет; играл кэкуоки и матчиш, такая скука, хоть бы уехать куда. И вдруг он здесь и не дает знать? Спросить у Сапунова или Феофилактова мне стыдно. И чем я заслужил такое обращение? Сегодня будут гости; что мне до них, когда его нет? Все потеряло смысл — гости, собрания. Ходили вниз смотреть письма — нет. Не известить по приезде! Но еще ужаснее, если он и не уезжал, я боюсь от этого ходить в театр. Дети танцовали, я играл шумно танцы, потом спал, потом ел, потом пел арии Scarlatti и других, медленные и страстные, стало легче, т. к. моя тоска, моя любовь перенеслась куда-то в ренессанс. Был Ремизов, Потемкин, Леман и Гофман. Иванов завтра едет в Москву с Блоком[45]. Л<идию> Дм<итриевну> отправили в больницу, Городецкий печатает «Ярь» не в «Орах», а в «Кружке молодых», 3000 экземпл. по 40 к. Как все бегут из несчастных «Ор». Играли меня, «La belle Hélène», матчиш. Потемкин что-то танцовал. Гофман говорил свободно и независимо. Было не плохо, хотя я очень скучаю об Судейкине, тем более что я все время еще не уверен в нем. Отчего он не пишет? Написал Юше[46] и Феофилактову. Студенты выбрали Городецкого, Гидони, Цензора, Кричевского, Дубнову и Мазеля, первый кандидат Гофман, последний — Сережа — 3 голоса. Сплетня о Судейкине, кажется, всеобщее достояние, даже и студентов.

Декабрь

1

Ходил на почту, брал ванну, было впечатление, будто я в Нижнем. Я так скучаю, так люблю Судейкина, что мне почти до реальности мерещатся его фигура и лицо. Пришел Нувель, между прочим сказавший, что Судейкин у него был с Бакстом после театра в среду. Здесь! и бывает в гостях! здоров? и я ничего даже не предполагаю? Давно я не чувствовал такой смерти в душе. Какая любовь! какая любовь! Я просил Нувель пойти сегодня в театр, сказать, что со мной делается, а сам, послав с посыльным письмо в театр, поехал к Вилькиной, где уже был Сомов и Рафалович. Поболтавши, отправились к Остроумовой, там было скучновато, хотя они очень милые; стесняло несколько присутствие ее belle soeur и брата и то, что они накануне переезда с квартиры. Но разве меня это занимало, обида, ревность и любовь меня томили. Приехавши домой, нашел программу от «современников» и святочный домик с прозрачной цветной бумагой, сквозящей от вставляемой свечки, оставленный приезжавшим Сергеем Юрьевичем[1]. Он сделал то, что нужно было, сейчас же приехал, но меня не было, узнавал, где я, чтобы поговорить по телефону, но этого не знали. Как я жалею, что поехал, но и рад, что С<ергей> Ю<рьевич> не совсем еще наплевал на меня. Лег спать опять счастливым.

2

Утром письмо из театра; думал, не от Сергея ли Юрьевича; оказалось, от Мейерхольда с просьбой дать музыку к «Балаганчику»[2]. Поехали с сестрой, я к Нувель. Вчера в театре все, и Сапунов (при других), сказали, что Судейкин еще третьего дня уехал; что за мистификация! теперь не имеет смысла ехать в театр. Вальтер Федорович вчера имел неудавшуюся эскападу с афишером. Эдиньку, кажется, пристроил в статисты. Мне опять погасла надежда видеть Судейкина, хоть бы уж он уезжал в Москву! А то такая маята. Поехали с Нувель в Гостиный двор, там есть очаровательные материи. Без меня не было Судейкина. Не знаю, что и думать, был ли это прощальный визит или нет, получил ли он письмо, адресованное на театр, здесь ли он. Такая неопределенность хуже всего. Поехали под густым снегом к Варваре Павловне; я был страшно огорчен Сергеем Юрьевичем. Там были разные девы, Оля Кузмина декламировала недурно, кто-то пел «porque amor»[3] и элегию Massenet, я играл «Куранты» и детские песни[4]. Назад ехали уже под звездами, в мороз, по набережной; по Сергиевской были освещенные подъезды с экипажами, маня светской и открытой жизнью. О,

деньги! Проезжали какие-то треуголки. Я все вспоминаю случай с Чесноковым. Милый Renouveau.

3

Сегодня, в воскресенье, 3-го декабря, я был утешен, не только утешен, но в радости, не только в радости, но и счастлив. С 12<-ти> часов до 7<-ми> я видел, слышал, целовал, имел своим ненаглядного Сергея Юрьевича. Я был как пьяный, и все планы о будущем, и все отношения были блаженны, как ничто никогда не бывало; он был страшно бледный, волосы с темно-золотым рыжеватым отливом, рассказывал свое времяпрепровождение, был откровенен; закусывали, пили чай; чтение дневника, вдруг прерываемое длинными поцелуями; поездка к Сомову, опять поцелуи перед дверью, почти при прислуге, и опять вместе, на вокзале, на улице, в кофейне. Обещал писать каждый день, прислать эскизы; гордые замыслы на будущее, наивный affichage перед Сомовым с моими письмами, ревность и любовь — делали этот день одним из пленительнейших. Приехав домой, нашел корректуры 4-го листа. Поехал в концерт, была масса знакомых, я был весел, как чиж, я всех любил; поехал с Сережей; Гофман с Потемкиным ехали рядом, шутя и перекликаясь. У Сологуба было тоже людно, но не очень весело, мне-то было очень лучисто; говорил с Мейерхольдом о «Балаганчике»; ставит Сапунов[5], Судейкин считается давно уехавшим, но скоро его выпишут, Веригиной отказал в позволении читать где-то мою «Весну»[6]. Когда мы ехали назад с Гофманом, он говорил, что Потемкин при мне совсем другой, будто пьяный, теряет себя, немеет и что он сам ему в этом сознавался, говоря, что не знает, чем это объяснить, но что от моего присутствия совершенно опьяневает и не сознает себя. Вот еще неожиданное действие. Судейкин говорил, что в театре, не понимая насквозь меня, боятся пропустить как входящего очень в моду, что с ним будто бы покуда меньше считаются, чем со мною, и т. п. У меня мысль написать цикл, аналогичный «Любви этого лета», Судейкину. Как я счастлив, как я счастлив, как я счастлив!

4

Холодно. Варины имянины; ездил на почту, за Екат<ериной> Апол<лоновной>, которой не было дома, Анна Ник<олаевна> по телефону спрашивала меня, что подарить маленькой Варе. Дома, кажется, все в духе. Все-таки поехал в театр. «Вечная сказка» мне очень понравилась[7]. Говорил с Мейерхольдом, дал Веригиной стихи, все спрашивает, что пишет мне Сергей Юрьевич, о постановке покуда не толковал. Чулкова просила, чтобы среда не состоялась, что это очень обрадует Лидию Дмитриевну; Ивановы гово-

рили, что Судейкин накануне мнимого отъезда был у Сурeньянца весь вечер и разный народ. Меня это поразило ретроспективною ревностью. Видел самою Веру Федоровну, Нувель, который устраивался с афишером. Возвратился рано; дома играл свои вещи, кэкуоки и матчиш, итальянские арии, несколько хулиганил. Мне было не скучно, так я еще просвечивался вчерашним счастьем. Дело наше выиграно, 9-го выдадут бумагу; конечно, в банке будут делать еще гадости. Я очень счастлив, если получим деньги, можно будет одеться, только бы Сергей Юрьевич меня любил и не бросал. Какой простор нам бы открылся, какое искусство. Как мне благодарить небо: утонченный художник, слава грядущего, очаровательнейший юноша позволяет любить себя! Я скоро умру, наверное.

5

Письмо от Феофилактова, работы задерживаются; очень милое, несколько бестолковое письмо. Перед обедом пришла бабушка, веселая и довольная; вдруг пришедший Нувель сообщил, что мой «Черт» на конкурсе получил первую премию вместе с Ремизовым из 62 рассказов[8]. Вечером условились быть у него. Были Сомов и Бакст. Играл «Куранты», выслушивал ругань театра и молодых художников, возмущения статьей Косоротова, хамски и пошло написанной, но, м<ожет> б<ыть>, не такой неверной, как это кажется друзьям. Старались доказать старость молодых, отсталость передовых, безобразие прекрасных, некультурность утонченных. Считали мое мнение чем-то значащим в театре Коммиссаржевской. Потом болтали, но заноза не проходила, и дневника я не читал и не знаю, буду ли читать. В пятницу Сомов хочет свести меня с Аргутинским. Кажется, Бенуа приезжает сюда. Прислали последние корректуры. Взял «Факелы» для «Балаганчика»[9]; нужно увидеть Блока для постановки[10]. Нувель в ужасе от affiсheur'а и вправду рассказывал какой-то сплошной кошмар. Бакст хочет послать виньетки к моему «Черту» в «Руно». От милого Судейкина писем нет. Бакст слышал от Дягилева обо мне с Судейкиным. М<ожет> б<ыть>, врет, конечно.

6

Утром поехал на репетицию. «Балаганчика» не репетировали; довольно долго беседовал с Верой Федоровной. Читали «Антония», хвастался премировкой; назад ехал с Брауде. Так как с утра не ел, то разболелась голова. Зашел к Иванову, тот рассказывал про Москву, что «Крылья» займут весь № «Весов», что Брюсов относится будто бы ко мне с энтузиазмом, вот чего я не думаю почему-то, хотя письма и поступки Вал<ерия> Яковл<евича> и доказывают это. Зашел позвать и Волошина, у которого была Орлова[11]. За-

ехал к Баксту, чтобы прочитать «Черта», голова болела. Он был очень мил и ласков, поил чаем, рассказывал о милом Сергее Юрьевиче, об их доме в Москве, как Розанов при знакомстве первое сказал: «Надеюсь — вы не родственник убитому Судейкину?» — «Я его сын», — и на вопрос, что изображает его декорация: внутренний или внешний вид собора? — тот отвечал: «Это м<ожет> б<ыть> и внешний, и внутренний». Дома лег соснуть, принял фенацетин, голова прошла. Письмо от Юши, радостное за мои успехи[12]; мне было странно сидеть вечер дома и не писать, а читать в гостиной. Ремизов находит, что Потемкин подражает мне; кажется, Блоку с Белым скорее[13]. Было много народу: Ремизов, Бакст, Сомов, Нувель, Гофман, Леман с кузиной, Волошин, Иванов, Городецкий, Потемкин, Тамамшев. Ремизов читал свою «Иродиаду» и «Илью», avec restriction* — очень хорошо[14]; прелестны детские стихи Городецкого[15]. Было не скверно, хотя я очень скучаю о Судейкине. Отчего он так долго не пишет, если он уже в Москве? Опять до ясновиденья представляю его фигуру, его лицо, его глаза, его голос. Как мне вести себя в театре? решительно не знаю, не наделаю ли я des gaffes** и бестактностей, впрочем, буду действовать по вдохновению, большой оттенок искренности мне скорее помогает, но мне почему-то очень грустно и тяжело от дружеских ссор и пристрастия.

7

Утром ходил к Чичериным; она уехала в деревню, на днях приезжает Софья Васильевна, приехал Ал<ексей> Ив<анович> Аничков. Заехал в парикмахерскую. Письмо от Мейерхольда, что «Балаганчик» идет скорее, чем думали, и оканчивается забавной фразой: «Мне хочется, чтобы Вы знали, что я Вас люблю сильнее, чем Вы предчувствуете»[16]. Занятно. Обедал у Аничкова, он живет в том доме, где некогда жили Кострицу у Краснопевцевых. Уютно; тупые сожители, особенно она, ограниченная, тупая и пошлейшая племянница Глазунова. Поехали в университет. Сначала был скучнейший доклад Франка, будто для 14-летн<их> декадентов, потом говорили о театре Коммиссаржевской Рафалович, Мейерхольд, Троповский и Чехов; во время последнего разглагольствования я с Сапуновым встали и вышли через залу, стуча каблуками. Потом видели в окно, что говорил Аничков и опять Троповский, когда началось уже повальное бегство; скука была адская. Я ходил с Сапуновым, с Потемкиным. Нувель говорил, что я за ними ухаживаю, но это, конечно, вздор. С Мейерхольдом говорил о постановке Блока, кажется, это непоправимо. «Пэлле<ас>», кажется, решен,

* С сокращениями *(франц.)*.

** Промахов, ляпсусов *(франц.)*.

но кто его будет ставить? Субботы, кажется, возобновятся. Сергей Юрьевич уехал в понедельник. Почему же он не пишет. Сапунов не хотел ехать в «Вену». Мы вышли вместе, но я малодушно поехал с Конст<антином> Андр<еевичем>, а не с другом возлюбленного Сергея Юрьевича. В «Вене» я сначала капризничал из-за [места] зала с Бакстом, которому везде дуло, потом был не совсем доволен, что нас было слишком много (4 дамы и 8 кавал<еров>), но потом обошелся; было много знакомых: «современники», из театра, студенты. Я говорил с Косоротовым, с которым друзья решили не здороваться за его статью о Бенуа. Нувель сказал, что так поступают непорядочные люди. Косоротов, может быть, нужен не только мне, и ссориться я ни с кем не желаю, хотя бы и из-за незнакомого мне Бенуа. Ехали домой с Сережей. Что-то будет?

8

Встал в 8 час.; так скучаю, так скучаю, что, были бы деньги, сейчас бы уехал в Москву; и отчего он не пишет? большой это грех на его душе. Кончил «Зиму» неважно. После завтрака заходил в «Шиповник», но Гржебина не застал. С Нувель пошел гулять, видели каких-то знакомых, бежал Сомов. Дома нашел присланною поэму «Roma», перевод Д'Альгейма[17], писем нет; какой ужас! n'a-t-il plaqué tout bonnement?* Пришел Волошин, принес мне свой фельетон обо мне по «Ал<ександрийским> п<есням>» в связи со внешним, и о театре, довольно лестное[18], что дало мне возможность выдержать все помои и ругательства, которыми, как некие мегеры, осыпали Сомов, Бакст, Добужинский и Нувель театр и особенно, конечно, Сапунова и Судейкина. Уехать бы, бежать сейчас в Москву, где есть хоть несколько людей, понимающих и ценящих искусство! Отчего он не пишет и ниоткуда не шлют денег. Как мне не хочется писать музыки к «Балаганчику»![19] Не знаю, был ли мною шокирован Аргутинский. Ехал с Бакстом, все время говоря о своей любви к Сергею Юрьевичу. Сомов пел lieder** Mozart'a. Я не могу, не могу больше ждать, жить, не видя лица, глаз, рта милого Судейкина. Неужели прошли красные дни Аранжуеца?[20] И теперь мне легче с Сапуновым и маленькими студентами, чем с знаменитыми, полустарыми <виперами?***>

9

Писем нет. Гржебин сбежал; вечером через Сережу Городецкий мне передал письмо от Гржебина: «На это время возьмите

---

* Не надувает ли он меня просто-напросто? *(франц.)*

** Песни *(нем.)*.

*** Гадюка; клеветник (от *франц.* vipére).

все в свои руки». Отличная погода; через солнце вихрем несутся золотые облака по голубому почти небу. Будто весна, радуница. Я не могу обходиться без московс<ких> художников, без милого, бесценного, любимого Судейкина. Встретили Блока с Ивановым, очень милы. Писем нет. После обеда заходил к Кудрявцевым; тети нет, и получила ли она бумагу, неизвестно; было довольно пошло. Иванова не было дома, Волошина тоже; зашел к Званцевой, стали меня рисовать. Пришел Вяч<еслав> Ив<анович>, потом ушел к Ремизовым, куда я не пошел, засидевшись и думая попасть к ним в среду. Господи, что ж это будет? отчего нет писем! Долго беседовали, сплетничая. Отчего он не пишет? Написал письмо ему, Курсинскому, Ник<олаю> Вас<ильевичу>. Сережа пришел поздно, был на собрании молодых, возмущен поведением Городецкого и Гидони, там были скандалы, скука и распря. Опять говорили, что я с Сапуновым теперь уже вел себя неприлично. Сегодня утром написал откровенно Мейерхольду. Начинается какая-то борьба, как мне вести себя?[21] Как мне не хочется писать музыки! как у меня ничего не выходит! Что-то будет. Отчего он не пишет? Не буду долго выходить.

10

Был на репетиции. Чулков читал род статьи, было очень хорошо всем сидеть за длинным столом[22]. Мейерхольд был очень таинствен, говорил, что должен иметь со мною долгий разговор, Вера Федоровна суховата, актрисы заняты Блоком. На вечере Иванова читала мое «Сегодня праздник»[23]. Я играл пока из «Курантов», танцы были почти все время с Ник<олаем> Ник<олаевичем>. Назад ехал с Чулковым; опять говорил о каблуках во время Чехова, о каких-то мечтающихся ему маскарадах и т. д. Дома написал 2 стихотв<орения> из нового цикла[24]; Эбштейн не дома, пошли к Ек<атерине> Ап<оллоновне>, которую привели к нам. Как было бы прекрасно, если бы «Балаганчик» ставил Судейкин, как я бы писал музыку! Играл арии итальянцев. Получил наконец от Сергея Юрьевича письмо. Он ждал известий от меня, поздравляет с премией, называет «своим поэтом». Я был очень счастлив. Ночью писал ему письмо. Писать ночью со свечами une lettre d'amour, нежные или печальные фразы, — какое счастье. Переписываю «Куранты». Неужели не поехать в Москву? Я был бы не прочь и совсем туда переехать, только там меньше людей, меня знающих, ценящих. Впрочем, будет то, что будет, а на время недурно бы! Когда-то получим деньги?

11

Был разбужен Варей, говорившей через дверь, что мне прислали перевод на 100 рублей; на переводе собственноручная записка Рябушинского[25]. Варя попросила вперед; расплатился с прислу-

гой. Что же, уезжать? Почему-то было скучно. Отослал письмо ему и Рябушинскому. Пошел пройтись, заехал к Сомову, он был какой-то смутный, показывал свои давнишние фотографии, пел Шуберта, пили чай, болтали будто как прежде; на гуся к Званцевой решили идти завтра. Было почему-то приятно томно, они оставляли обедать, но т. к. между обедом и театром образовалась бы лакуна, то я поехал домой. У нас сидела тетя; придется платить пошлины 38 р., только бы сделали все скорей. Неужели возможно получить около 1000 <рублей> свободных раньше праздников? Сделать платье, белье, все. Поехал с тетей в театр; Мейерхольд затеял шашни с дамой-капельмейстером Брюнелли и предлагает ей оркестр и устроить мою будущую музыку. Я так был опечален, что ставит не Сергей Юрьевич, что плохо слушал и на все соглашался. Сапунов и Всев<олод> Эм<ильевич> сказали, что Судейкин едет сюда с Милиоти. Отчего же он мне не написал об этом? Какая радость! Видеть его лицо, эти глаза, эти губы! М<ожет> б<ыть>, еще и «Балаганчик» возможен; как бы я тогда писал музыку, окрыленный! Звал Сапунова к себе, но он был занят; говорили о милом Сергее Юрьевиче. Неужели я скоро его увижу? Опять будут муки, он приедет, не явится, будет скрываться, неглижировать*, пропадать! А м<ожет> б<ыть>, исполнит обещание, везде со мной, везде за мной, но я буду иметь возможность целовать его губы, глаза, щеки! Дни, часы, летите скорей! Но что меня давит? «Балаганчик»? Видел в театре кое-каких знакомых. У Сережи был какой-то студент, присланный Лазаревским как к «maître'у».

12

Холод, ясно; пошли говорить Ремизову, что не придем завтра. Зашли к Иванову, читали стихи, Иванов хвалил, собирался ехать в типографию и поговорить и о моих делах. Говорил, что Леман написал подражание мне: цикл о ногтях, что говорят, будто Потемкин мне подражает[26]. У Ремизовых опять говорили, что Потемкин мне до смешного подражает, даже в манере читать. Сережа ушел, я читал стихи, «толстая дама»[27] очень опечалилась, расспрашивала; я болтал, как чиж; у них кто-то был, говоривший обо мне плохо, будто я развращаю малолетних, — что же, Сомов, что ли, этот малолетний? У Званцевых уже были К<онстантин> Андр<еевич> и Остроумова. У них всё распри с Волошиными. Заходил и к тем. Нужно бы постараться познакомиться с Луговской как с поклонницей моего художника. От Бакста записка, что Коровина бросилась под поезд, и в куски. Какой ужас. К Чулкову не пошел. Дома нашел от него телеграмму, что он не дома, корректуру «Елевсип<па>» и повестку из университета. Была открытка от Юши и

* Пренебрегать, небрежно относиться (от *франц.* «négliger»).

Ник<олая> Вас<ильевича>. Ни из театра, ни от кого — нет. М<ожет> б<ыть>, он уже приехал и не показывается? Как я люблю его! Написал еще 2 стихотворения. Страшно холодно, скоро придется покупать пальто. Будет ли он везде со мною?

13

«Не напрасно утром чесался глаз»[28], не напрасно сегодня 13<-е> число, не напрасно я целый день томился, ничего не делая, скучая, не пиша, — сегодня узнал, что он приехал (вероятно, утром), был в театре, не предупредил, не уведомил, не был, не прислал письма, не был даже в университете, где мог меня встретить. Я все еще не могу привыкнуть к такому полному отсутствию желания меня видеть. Какая мука. Зачем он приехал, раз он будет так опять поступать со мною? В университете был реферат Луначарского, громившего Иванова и театр Коммиссаржевской и пр.[29] Говорили Иванов, Чулков, Гофман, Мейерхольд и Троповский. Болела голова. Мунт звали на новоселье. Что опять мне делать?

14

Ни писем, ни его; что может сравниться с муками ревности, зависти, обиды? Быть так близко, та<к> близко и не пожелать видеться? Если он хочет быть в тайне, разве я бы выдал? Если он не хочет выходить из дому, разве нельзя написать? Разве есть места, где бы нельзя было положительно видаться? Не хочет. Нельзя быть строгим, нельзя быть требовательным мне к нему. М<ожет> б<ыть>, он окружен такою любовью, дружбой, что нет места даже простой внимательной вежливости ко мне. Был у «современников», пели романсы Debussy, был Эдинька. У Минской был Сомов, пел, было уютно, несколько отлегло, м<ожет> б<ыть>, смогу на время перенести любовь в полосу романтической игры Massenet и Пушкина.

15

Ничего. Уборка. Пришел неожиданно Павлик, уезжавший недели на 2; после fatalité поехали завтракать в «Вену». Умолял показать ему Судейкина. Был мил, а тот — настоящий, любимый, обожаемый — как со мной поступает? Заехал домой, не обедал; нет, писем нет, и сам не заходил. Юша прислал мне партитуру «La Mer» Debussy, верный друг, испытанный. Был у Н<иколая> В<асильевича>, он один собирался обедать, играл мне свои наброски: то же, что и прежде, что и всегда. Поехал в театр; видел Бецкого и др. Всевол<од> Эм<ильевич> ужасно мрачен, говорит, что никому не нужен, что все его бранят; в «Весах» напишут Волошин и Аничков, в «Перевале» Блок — значит, люди сочувствующие, в «Руне» заругается Дымов, к счастью, слишком пошло, чтоб иметь значение[30]. Ока-

зывается, Сергей Юрьевич был в театре всего на минуту и Мейерхольдадаже не видал, немного меня это успокоило — значит, отчасти скрывается, но отчего и от меня? Мейерхольд говорит, что они убеждены, что С<ергей> Юр<ьевич> и не уезжал, а живет у меня. Мунт не видел, Иванова ушла совсем, у Глебовой умирает отец, как-то скучно и пусто. Заехал домой; нет, никого не было. У Ремизов<ых> были Бакст, Сомов, Нувель, Леман и Гофман. Моя слава: «Руно» печатает объявление в «Нов<ом> врем<ени>», упоминая повесть Андреева и моего Елевсиппа, «Весы» в «Товарище» печатают: рассказы Сологуба, Гиппиус, Кузмина и др. Леман написал занятное подражание моим рассказам и конструкциям фраз. Говорили о колдовстве; опять обсуждался вопрос о «толстой даме». Нувель уверяет, что мое дело не плохо, а только временно неприятно. Сомов хочет заставить меня видеть в этом какое-то пренебрежение и вообще придать большее значение, но гордость, я думаю, тут неуместна. Но я не могу дальше терпеть, не видя глаз и лица милого Судейкина. Он объявлен в «Весах»: Левитан, Сомов, Судейкин, Феофилактов, Шестеркин, Вальзер. Не написать ли письмо, чтобы Володя передал Судейкину?

16

Ездил с Сережей покупать шапку и перчатки. Купил фасон «Гоголь» и буду носить отогнувши козырек, как Сергей Юрьевич. Тетя сказала, что пошлин вносить не надо, но, кажется, денег мне не собирается отдавать, бумаги получила. Поехал в театр. Прислали «Весы» с одними «Крыльями», даже без хроники. В театре было пусто, Бецкий безусловно лучше Бравича, Филиппова плоховата, но прилична. Судейкин в театре не бывает; не уехал ли уже он? Сапунова тоже не было, я поднялся было в освещенную мастерскую, где были Коленда, Мейерхольд, Сомов и Нувель. Володя мазал декорацию; мне была почему-то почти неприятна эта компания в комнате, где бывал и работал Серг<ей> Юрьевич. В конце пришел Бакст, ругал Судейкина, меня за шапку. Поехали в «Вену». Проходя мимо, Косоротов, поздоровавшись со мной, сделал то же и к Сомову, на что тот сказал: «Я с Вами не знаком». — «Отчего это?» — «Оттого, что Вы написали статью о Бенуа, которой я не сочувствую». — «Может быть, и еще кто-нибудь не желает быть со мной знакомым?» Нувель выскочил: «Я тоже с Вами не знаком». Бакст молчал, уткнувшись в пилав. Бывший при этом Дымов, видя, что его не бьют и для него история довольно благополучна, посидел с нами. Были кое-кто знакомые. Ехал с Бакстом.

17

Тетя деньги отдала; ходили к Тамамшевым, там было скучновато, но пустота сердца как-то только временами чувствовалась

тупо и глубоко. Без меня заходил Волошин, позвавший зачем-то меня завтра. Были дети, репетировали пьесу, обедал какой-то гость, было шумно и не очень приятно. Званцеву решил надуть. Наши уехали; читал тете «Черта», играл все «Куранты»; пили чай; поехали к Сологубу; на Симеонов<ом> мосту встретили Вяжлинского, кричавшего: «Здравствуйте». Сережа находит, что у меня вид московского декадента и что это хорошо, спрашивал, какие ему завести духи, платье, что ему нужно реже и у́же смеяться, чтобы скрывать недостающие зубы. У Сологуба было немного народа. Премию за стихи получил действительно Кондратьев[31]. Сологуб читал 3 главы романа, по-моему, выдуманно и безжизненно; герои объясняются в стиле «Колец»[32]. Гофман говорил, что я последнее время очень мрачен и, вероятно, плохо себя чувствую. Читал и я свои стихи, и новые, и старые. Ехать назад было холодно, ветрено. Что-то будет, что будет в среду? Написал Феофилактову и Юше[33]. Как это мучительно скучно, но я как-то уже затупел, будто он умер или бросил меня окончательно. Хуже не будет.

18

Прислали деньги за «Крылья». Купил тапетические калоши, разные разности, душа пуста, как никогда. Как Беатриса кричит: «Ангелы небесные, что вы со мной сделали?», так я бы мог сказать: «Сергей Юрьевич, что Вы со мной сделали?» Друзья негодуют. Конечно, м<ожет> б<ыть>, я не заслужил такого великолепного презрения. Неужели никакой даже привязанности? Покупки меня развлекли. Был в типографии; Сомова не дождался, обещали прислать корректуры к вечеру. Был в парикмахерской. После обеда пошел к [Ремизовым] Волошину, там были Ремизовы, Минцлова, Евреинов, еще разные люди, я читал стихи, читали новые стихи Бальмонта, очень слабые[34]. За мной зашел Сережа. На концерт слегка опоздали. Было мало народа, но знакомых порядочно. Сомов был с сестрой, около была какая-то дама в лиловом платье, за которой он ухаживал. Вилькина была сердита и расстроена. Аргутинский вчера прочел все «Крылья» и, кажется, был доволен. Нувель ухаживал за Эдинькой, занявшим у него 10 р. Я был с маленькими студентами. После концерта Сомов, Нувель, Бакст и я отправились к Венгеровым, где был Ларский из «Вестника Европы». Вчера у Розанова говорили обо мне, решая, сентименталист ли я. Я пойду к нему скоро. Было уютно и хорошо, зная, что все можно говорить, ничего не скрывая. Сегодня было жюри на выставке «Союза»[35]. Играли «Предосторожность», Шуберта, стариков. Возвращался с Бакстом. Дома нашел присланными корректуры. «Эме Лебеф» гораздо лучше и «Елевсиппа», и «Крыльев». Я еще до сна просматривал корректуры, не будучи в состоянии уснуть. Милый, милый друг, что с ним, сердится

он, нездоров, забыл совсем? Придет ли завтра Сапунов? Что будет в среду? Вероятно, ничего. Какая тоска! какая мука! Мне кажется, я ничем не заслужил этого, но я незаслуженно получил и любовь его, чем сделался [самым] «счастливее [из] всех живущих в Египте»[36].

19

Покупал разные разности. Скучно до смерти; к чему все это? Заходил звать Ивановых, их не было дома. Сапунов приехал оживленный и любезный, говорит, что не видел С<ергея> Ю<рьевича>, и Володя не знает. Решительно какие-то Удольфские тайны[37]. Был Блок, Ремизов, Бакст, Нувель, маленькие студенты. Я был не в духе, кажется, неприятно, не знаю, не было ли скучно. Ремизов читал своего «Черта». Гофман принес «Ярь». Бакст был обычно бестолков[38]. Я как-то затупел. Конечно, было бы нетрудно узнать его адрес через Лену, но мне кажется это неделикатным. Хватит ли мне терпения, но люблю его я все больше и больше. Друзья читают «Крылья».

20

Холодно, ясно, читал «Ярь», скучаю, от Рябушинского приглашение на обед «Золотого руна» 21 декабря[39]. Письмо из «Весов»? Был у Сомова по делу типографии, вместе брали билеты на «Балаганчик». В типографии не в порядке. В внешнем виде хлопот забывал пустоту души. Ясные звезды, холодно. Где-то Судейкин? Он не знает неужели, какое мучение мне доставляет; меня очень успокаивают беседы с Бакстом, Сомов же меня сердит и расстраивает, стараясь возбудить [ревность] гордость и недоверие. Вечер хочу провести дома и вообще никуда не ходить. Какая тоска! Юша прислал «Ундину» Гофмана. На Петербург за глаза было бы довольно одного сомовского экземпляра. Городецкий прислал «Ярь» мне и Сереже. Болтали с Сережей, пел итальянцев, написал стихи; впечатление долгого зимнего дня дома. Не плохо; на праздник приезжают арзамасские барышни. Как бы хотел поехать в Москву, и чтобы Судейкин был там, и чтобы он мною не так пренебрегал. Впрочем, нужно приучаться к его манерам и к мысли, что я для него ничего не значу. Читал новеллы Банделло, лег спать не рано. Написал письмо в Москву с просьбой на конверте вскрыть его кому <бы> то ни было в доме С<ергея> Ю<рьевича> и передать или переслать ему письмо.

21

Ясно, довольно холодно. Разбужен письмом из театра, зовут на оркестровую пробу в 12 ч., конечно, не поспею. Ездил на почту, возвратившись, нашел печку топящейся; какой-то печальный покой от мороза, печки, близких праздников, опустошенной души повеял на меня, напомнив Нижний. Не знаю, что будет. Пос-

ле обеда пошел к Ивановым, не застав, спустился к Волошиным, где сидела какая-то престарелая народоволка, сюсюкающая и жантильничающая*. У Ивановых были Верховский, Троцкий, Городецкий. Вячеслав Ив<анович> заставил меня сделать, по-моему, бестактность [заставив], убедивши <подписать> поздравительную телеграмму «Руну», причем подписались, кроме меня, Сережа, Юраша и Городецкий. Страшно нехорошо вышло. Поехал в театр на репетицию, был Блок, Сапунов; в театре были милы, музыка издали и в скрипках звучит лучше: далекая, приятная и доступная. Идет «Балаганчик» хорошо. Не знаю, не водит ли меня Сапунов за нос, уверяя, что не имеет сведений о Судейкине. Когда я уезжал, Ник<олая> Ник<олаевича> уже не было, так что я прямо поехал домой. Сережа еще не спал. Потолковав немного, закусив, я прошел к себе и сейчас же лег спать. Прислали «Весы» и книги. В объявлении помещены «Крылья» и музыка. Везде участниками С<ергей> Ю<рьевич> [Феофилактов] и я.

22

Дома репетиция ребят. Не выходил, брал ванну. Письмо от Курсинского, не весьма приятное по тону. «Руно» в 1907 году будет высылаться. Фельетон Волошина обо мне[40]. После обеда поехал с Сережей к Сапунову, которого не было дома, была приятная мягкая погода, приятно было так далеко ехать; Каратыгины спали; к ним пришли Вад<им> Никандрович и Лидия Никандровна, были какие-то надутые и кислые. Юраша вчера просидел у Вяч<еслава> Ив<ановича> до 8 ч. утра и в Москву сегодня не поехал. Мужчины поехали к «современникам», мы к Вилькиной. У тех была Полоцкая, Изабелла Венгерова была уже в дорожной сумке**, уезжая в Вену. Вилькина обижена, что Волошин не собирается писать о ней фельетона, что Городецкий не прислал ей «Яри» и т. д. Было не плохо. Торопились домой, думая застать Сомова, который не приехал. Приехавши, семейно ужинали, потом писал в столовой. Решительно не понимаю, как ко мне относится Сергей Юрьевич, я же вижу, конечно, что вот, живу и без него, но без него — значит вообще без любви, без радости, как ходячий мертвец, как «воскресший Лазарь», говоря словами Волошина[41]. Не знаю, как просуществую, никуда не хочется. В театр не поехал, была ли репетиция — не знаю.

23

Я больше не могу, я больше не могу: я везде вижу ясно до безумия его лицо, его фигуру, слышу его голос; я не могу ездить на

---

* Любезничающая (от *франц.* «gentie»).

** Так в тексте.

извозчиках, я чувствую его руку под своим локтем. Я никогда не был в таком ясновиденьи и я не возбужден в то же время. Я не могу быть на одном месте, я мечусь как угорелый, и нет покоя, нет конца виденью. Что мне делать? любовь, как ты наказываешь верных тебе! Ездил на почту, в Гостиный двор, по телефону узнал, что репетиция в 2 часа; поскакал; видел часть «Антония» и «Балаганчик» уже в костюмах. Актрисы после спектакля 30<-го> звали к себе. Музыка нравится. После обеда изнывал. Сапунов телефонировал, что не будет. Пришел Ступинский, нашел у ребят ангину; приехавший неожиданно зять, кажется, с увлечением ухватился за эту идею. Поехал к Нувель; я не могу, я чуть не соскочил с извозчика. В<альтер> Ф<едорович> был дома и, кажется, рад; мило беседовали. Я не могу; поехал домой, Сережа еще не спал, был с Пястом у Мосоловых, которые находят «Любовь этого лета» безграмотною. Какие ослы! Говорили, что я — самый модный теперь. Не все ли равно? к чему это все теперь? За что мне такая мука?

24

Приехали арзамасские девицы; Прок<опий> Ст<епанович> просил приготовить на днях долг; послал срочную телеграмму с оплаченным срочным же ответом к Судейкиным, умоляя о немедленном ответе; до ночи ничего — это прямо не имеет имени; значит, он там. Ходили в Гостиный двор, <растерялись?>, возвращались вдвоем с Сережей, зайдя к Андрееву[42]. После обеда болела голова, дома клеили украшения на елку. Пошел к Волошиным, не сиделось, туда пришел Иванов, было страшно грустно; я серьезно думал, если не получу известий, броситься из окна. Волошины говорили о загробной жизни, читали стихи Марг<ариты> Вас<ильевны>, между прочим, подражание мне. Где-то почти до ссоры, до крика спорили о моей наружности. Я не получил приглашения на vernissage. Были очень душевны. Зайдя за Сережей, поехали к Сологубу[43]. Там был Иванов, Бакст, Нувель, Гофман, Городецкий, было уютно; я был очень грустен, я влюблен, как никогда, как кошка. Сологуб читал рассказ, читали стихи Пушкина, Вяч<еслав> Ив<анович> публично объяснялся с Годиным, что он — автор статей, вне всякого сомнения[44]. Вышел № «Самоцвета», я помещен сотрудником; вроде «Весов» второго разряда[45]. Ехали назад гуськом — Городецкий, Гофман, Иванов, Бакст, я, Сережа. Дома телеграмм не было. Я могу прямо убиться с тоски. Что он? как он ко мне относится?

25

Напрасно не писал вчера, т. к. теперь все освещено уже по-другому. Телеграмма от С<ергея> Ю<рьевича>: «здоров, привет, пишу». Вечером были на елке у Эбштейн, было адски скучно,

несколько веселей за ужином, где хорошо ели и было хорошее вино; меня трогала Анна Ник<олаевна>, показавшая мне, как какому-нибудь знатоку, что считала наиболее изящным из своих вещей. Придя домой, нашли «Руно» и «Весы». «Елевсипп» в начале снабжен виньеткой Феофилактова, в конце — Судейкина. И он, и я помещены официально в обоих журналах сотрудниками. Долго разбирали с Сережей журналы.

26

Ездили на vernissage; выставка скучновата и бедна, но было много знакомых. Получил письмо от С<ергея> Ю<рьевича>: «Мое долгое молчание считаю извинительным; теперь я спокойнее. Я женюсь на О. А. Глебовой. Шлю Вам привет, мой дорогой друг. Если бы Вы приехали, мы были бы очень рады»[46]. Я почему-то вдруг пошел к Баксту, его, к счастью, не было дома, я, побродив по улицам, зашел на Таврическую — никого нет, опять к Баксту — нет; заехал в театр отвезти ноты — никого еще нет, Сапунова нет; было тепло, снежно, мысли тупели и успокаивались от хождения или быстрой езды. Явилась определенность, пустота, легкость, будто без головы, без сердца; м<ожет> б<ыть>, это только первое время, только обманно. Напишу очень дружески, сдержанно, доброжелательно, не диотимно. Я имею счастливую способность не желать невозможного. Дружески болтали с Сережей, он писал письмо, будто бы от моего имени, Вилькиной, что я близок к смерти; я смеялся у печки[47]. Опять свободен? пуст? легок? Написал эпилог к циклу[48]. Ждем наших из театра. Сегодня большой день для меня, несмотря на видимую легкость. Это потяжеле смерти князя Жоржа. Быть так надутым! Но отчего такая легкость? разве я совсем бессердечный? Вчера еще я мог броситься из окна из-за него, сегодня — ни за что. Но впереди — ничего.

27

Я сгоряча не заметил приписок в письме от Глебовой и от сестры Судейкина с зятем, где они меня приветствуют и зовут к себе. Вот странно, будто роман Fogazzaro или Серао. По телефону говорил с Вилькиной; она упрекает меня в бессердечности, что я — мумия, пустой, легкомысленный etc.[49] Пошли с Сережей к Ек<атерине> Ап<оллоновне>; она спала. Тепло, тает, будто какая-то пустота. Елка, гости, я весел, играл, тетя добродушна, любезна. У Сомова были Бакст, Аргутинский, Серов, Нувель. Сомов слышал от Боткиной, что Судейкин женится, причем ее муж сейчас же стал говорить о «Крыльях». Я оставался после других, читал дневник Сомову, его жесткие, разочарованные и злые слова звучали мне как утешение, хотя он освещал Судейкина как ведущего двойную игру,

тщеславца, бездушного, желающего только победы надо мною и больше ничего. Советовал мне написать повесть об этом, вроде «Il fuoco»[50]. Ехал домой один, вспоминалось лето, Павлик, Таврич<еский> сад, «Славянка». Потом промежуток осени, потом субботы у Коммиссаржевской, Судейкин, Феофилактов, моя начинающаяся известность, ревность, мука, «Куранты любви». Разве не интереснее какого угодно романа — жизнь. Без меня был Вадим Верховский, звал меня завтра к себе.

28

Поехал на репетицию[51]. Там были Сологуб, Блок, Иванов, Леман, Волошин, Семенов, с которым я познакомился. Сообщил новость о Судейкине, была принята с дружным негодованием всеми, кроме Коленды и m-me Мейерхольд. Всего лучше сказал Вяч<еслав> Ив<анович> в уборной Веры Федоровны при ней: «Судейкин женится? Tiens, а как же Вы?» — и поправил pince-nez. Сапунов пошел со мной и говорил, как это неприятно, глупо, ужасно, что С<ергей> Ю<рьевич> женится, что если он сюда приедет, можно будет очень скоро его уговорить, что теперь Глебова и все домашние над ним сидят и его опекают, что перед отъездом он объяснял свои ухаживанья за О<льгой> А<фанасьевной> приятностью обмануть женщину и т. д. Простились дружественно. Без меня заходил Лебедев, пригласивший меня на завтра. Пришел Мосолов, позванный Сережей, который сам ушел. Сидел долго и скучновато. Пошел к Верховским, вспоминая не то лето с Павликом, не то Сергея Юрьевича, что-то влюбленное. Там были Каратыгины и тетушка, было не очень весело, они какие-то обиженные, надутые, неприятные. Дома письмо от Вилькиной: «Милый, но ветреный друг и т. д. Людмила В.». Зовет завтра с Сережей. Не знаю, куда выгодней идти — к ней или Остроумовой, еще ведь Леман придет завтра. Ах, милый друг, что Вы со мной сделали?

29

Морозно; заходил к Чичериным, которых не застал дома. Медем прислал билет на свой концерт. Не знаю, куда идти; ходили с Сережей к Иванову, предложили по телефону билет Гофману, т. к. я ждал Лемана. Гофман сам предложил место в ложу на «Черевички»[52]. Вилькина телефонирует, что она посылает мне билет Сомова, который болен и упрашивает идти на Вяльцеву с нею, а потом пить чай на Екате<ри>нгоф<ский>[53]. Я согласился. Приехал Павлик, совсем неожиданно, прежний, немного увядший, но милый, была fatalité. В концерте были разряженные представители веселящегося Петербурга и скука непроходимая. Вяльцева своим интересным, могущим волновать голосом пела невообразимые пошло-

сти, вроде романсов Иванова, Блейхмана etc. Лабинский без грима очень красивый и выигрывает. Мы думали, что Сомов уже спит, т. к. окна его мастерской были темны и двери заперты. Нам страшно хотелось есть. Людмила Ник<олаевна> показывала свои ноги, пока я играл кантаты Рамо, как какая-нибудь родственная дама. Потом Сомов лежал на диване и мы все говорили невероятный вздор; в сущности, было довольно скучно. Вчера Вера Федоровна зачем-то вызывала Сомова, на что он как больной пригласил ее к себе. Не знаю зачем, Вилькина говорила про Глебову, что она отдается всякому, что она жила с Глаголиным и еще с кем-то, etc.

30

Холод; был у Чичериных, они подписались на «Руно» для «Елевсиппа». Был у них Смоленский и Тернау. Звали обедать 2-го, читал «Прерванную повесть»[54]. Леман у меня вчера был в 12-м часу. Гофман не зашел за нами; в театре были все, больше знакомых, чем незнакомых. После «Балаганчика» свистели и хлопали, шикали и вызывали Блока, ему подали несколько скромных цветов[55]. Иванова все агитировала за маскарад, и я решил, в конце концов, пожертвовать Венгеровыми. Бердяев меня позвал в четверг. Добужинский так вообще после 10-го. Мне понравилась и занавесь, и декорации, и особенно Амур Ник<олая> Никол<аевича>[56]. У Ивановых был я, Сережа, Сапунов, Нувель, Блоки, Мейерхольды, Сюннерберг, Городецкий, Пронин, Веригина, Мунт. Все в костюмах, в масках, мне Сапунов устроил из клетч<атого> кашне египетскую повязку, серьги, декольте и галстух, завяз<анный> бантиком, и красн<ый> японский халат Веры Викторов<ны>. Через ногу лиловая перевязь, изобр<ажающая> нечто вроде фаллоса с красненькой ленточкой на конце[57]. Читал свои стихи. Иванова читала мое: «Сегодня праздник», рассказывала о Судейкине, что он в конце истории сказал: «Я бы вам дал пощечину»[58]. Сапунов говорил, что хочет писать 3 моих портрета и придет завтра, что мне не только пришлют на vernissage их выставки, но нужно бы выбрать в жюри. Последнее вздор, конечно.

31

Встали поздно; был Мосолов; Сапунов по телефону сказал, что придет вечером, что вчера Веригина уехала с Мунт, Блок с Волоховой, Пронин с Ивановой, а он с Городецким пошли к Исакию, где последний, заснув, и был оставлен Сапуновым. От Судейкина наглое письмо; очевидно, моя официальность его задела. Пришел Павлик, Сапунов приехал еще при нем, Сережа ушел к Тамамшевым. Я был откровенен с Ник<олаем> Ник<олаевичем>, чувствовал очень дружест<венность>, хотя был, м<ожет> б<ыть>,

несколько absorbé* <посещением?> Павлика. Сапунов встречал у нас Новый год с ребятами и пр.; гадали, смеялись, было уютно. Эбштейн телефонировали, чтобы мы к ним приезжали; я, как был, в рубашке, красных сапогах и бурке Прокопия Степановича. У Эбштейн было несносно, и я с Сапуновым, выдумав какой-то предлог, уехали. Сначала искали, где разменять деньги; у Палкина уже не пустили, только «Квисисана»[59] еще блистала невинной красотою. Поехали к Феона, разбудили его, поздравили, заехали к Ивановой, оставив карточки; к Суреньянцу, ни № дома, ни верного адреса которого мы не знали. Было бесподобно, что-то московское; потом пошли в ночной трактир на Сенной пить чай, где какие-то купцы заказывали чай «на 2 рыла». Вернулся в 6 $^1/_2$ час.

---

* Поглощен *(франц.)*.

1907

Страницы дневника М. Кузмина.
Автограф

[redacted]

1.

Какая тоска, сомнения, сплетни, мелочность; спектакль для ребят заставил вернуться и не принимать участия в последнем акте. Вернулись домой у меня с Сапуновым. Сергеем Константиновичем. Пришел он поздно; забавный Гофман, очень посредственный, но такой безобидный. Целый вечер слушал благодушную болтовню, пошли завтракать на Васильевский. Поспал часа два и опять к Жюлю, где Сапунов. Ходили по Невскому, говорили, что нам нужно до завтра и что нет самых [illegible] Пришли на Васильевский, где застали грузинского, Любочку, Ермилова, Мерцалова

Январь

1

Какая тоска; солнце светит, денег нет; спектакль у ребят занимает всех, и не принимать участия есть какая-то личная обида. Целый день у нас пишет декорации некто Максимов. Гуляли с полчаса; забегал Гофман, опять почтительный, но чем-то неприятный. Очень хочется спать. Чичериных, вероятно, надую, пойдя завтра на «Балаганчик». После обеда было очень скучно, пошли к Иванову и Ремизовым, которых не застали дома. После собрались семейно в «Вену». Хотя Сапунов по телефону говорил, что меня куда-то зовут и что они сами в таком разе поедут в «Вену», но там кроме Грузинского, Любоша, Черепнина, <Тартакова?>, Цензора знакомых не было. Было приятно, пили шабли, крем de моссо, ели. Вернувшись часа в 2, я еще играл «Фауста» и толковали втроем с Сережей и Татьяной Алипьевной о театре, о московских декадентах, к которым и Сережа начал относиться более доброжелательно. М<ожет> б<ыть>, было лучше, что театральные не приехали, хотя мне их очень хотелось видеть. Нужно будет начать повесть скорее[1]. Когда получу деньги, можно будет съездить в Москву, хотя я еще далеко не знаю, пойду ли я к Судейкиным. Какая-то заноза еще у меня есть, и не знаю, не тяжело ли мне будет его видеть теперь, хотя я и свободно легок.

2

Была репетиция детей, кажется. Ек<атерина> Ап<оллоновна> по телефону спрашивала, будем ли мы вечером дома и одни ли. Барышни были на «Беатрисе», очень им понравившейся. Спра-

шивали по телефону у Вилькиной, будет ли она дома; она сказала, что будет, но что нет ужина; мы обещали не наверное. «Балаганчик» привлек немного публики, которая опять хлопала и шикала. Мал<енькие> актрисы затевают маскарад 7-го у Сурeньянца; вчера они были у Мишеля, и, говорят, было не очень приятно. Был Нувель, хотевший ехать к Вилькиной, но Бакст тащил к Сомову; т. к. Володя сказал, что Ник<олай> Ник<олаевич> уехал в Москву, то я попросил типов «Мира искусства» подождать, пока я только оденусь; но, встретив тотчас же Сапунова, пошли наверх, где он стал делать эскиз. Новый замысел портрета с лирой, звездами, облаками, венком из васильков, золотыми мушками тоже из самых интересных, хотя с амуром меня привлекает больше. Послал Володю сказать, что занят с Сапуновым, в мастерскую просят не ходить и к Сомову не поеду. На вопрос, не ругался ли Бакст, вернувшийся Володя ответил, что, кажется, было такое размышление. Звал Ник<олая> Ник<олаевича> к Людмиле Ник<олаевне>, он согласился только заеха<ть> поесть к Кину, где были Бецкий с Феона. Было уже поздновато ехать к Людм<иле> Ник<олаевне>; попив чай Graves и закусив, пошли домой. У Кина беседовали мирно о Врубеле, Дягилеве, который уверял в Москве, что это — он открыл меня. Дома оказалось, что Минская 2 раза телефон<ировала> и просила меня телефон<ировать> тотчас по приезде. Было часа 2, ее разбудили, страшная обида, гнев, накупили массу еды, ждали, у Соловьевой ко мне дело о музыке, звали обедать пятого. Сапунов хотел приехать завтра днем остаться на обед и спектакль. Нужно будет зайти к Баксту, чтобы он не обижался.

3

Никуда не выходил. Была репетиция. Сапунов приехал во время обеда, он находит, что у нас всегда святочное настроение: он тотчас нарисовал окно и печку для сцены, гримировал детей, вообще входил в недра. После спектакля и чая делал эскиз, пришел Леман, мы, посидев в детской, пошли ко мне, где мирно беседовали о плане издания «Курантов», с роскошным воспроизведением акварели красками, в переплетах из старинной материи, по подписке. У Ник<олая> Ник<олаевича> был отличный зеленый галстух. Разошлись все рано; домашне посидели и рано легли спать.

4

Утром ходили к нотариусу, сниматься всем семейством, в банк. Деньги выдадут, м<ожет> б<ыть>, завтра. Из банка я зашел позавтракать и направился к Сапунову. Маленькие актрисы маскарад хотят 6-го, а не 7-го. Сапунов писал большое «весеннее» полотно, кажется, будет очаровательно. Думает к выставке закончить

его, «Маскарад» и написать пастораль и мой портрет. Говорили опять о «Курантах». Если бы все согласились, «Лето» было бы Ник<олая> Петр<овича>, «Осень» — Сомова, «Зима» — Сапунова, «Весна» — Судейкин (или Бакст, или кто-нибудь из 3-х) или вдвоем Ник<олай> Петр<ович> и Ник<олай> Ник<олаевич>[2]. Было очень мило; после обеда провожали арзамасских барышень с той же платформы, откуда уезжал Феофилактов. Что-то привлекает к дороге в Москву. Возвращаясь, заходили за покупками, по-моему, продолжалось святочное. Перебирался Сережа к себе от меня. Все торопился переписывать Сомову «Ал<ександрийские> песни». У Бердяевых были Ремизовы, Иванов, Городецкий, Гофман, Нувель и Бакст. Ремизов читал рассказ, Городецкий роман «First Flirt», подражание мне; хочет писать статью обо мне[3]. Иванов ворчал на нас, что мы зазнаёмся и пишем вздор. Вышел «Эрос»[4]. Сомова не было. Сераф<има> Павл<овна> говорила о Судейкине. Звали завтра. Скоро начну повесть, вероятно, будет <хорошо?>.

5

Получили деньги. Ну и что же? Холодно. Завтра поеду к Сапунову etc. Было приятно менять деньги, заезжать к парикмахеру, покупать папиросы. У Вилькиных было не плохо, сплетничали, обедали; она говорит, что мне прощают то, чего ей нет, — легкомыслие и дурное поведенье. Поехали к Ремизовым на кутью в страшный холод. Там были Бердяевы, Сомов, Бакст, Нувель, Гофман. Была кутья, жареная колбаса, взвар, стол настлан сеном. Гадали; мне вышло довольно утешительно. Бакст говорил, что кто-то очень не любящий Сергея Юрьевича говорил, что он женится из-за денег. Кажется, это — Маврин. Мейерхольд был у Сомова и толковал не только о Гольдони, но и «Пеллеасе»; хотят поручить Баксту и Денисову, как наиболее культурному и покладистому. Он прямо с ума сошел: «Пеллеаса» — Баксту! О «Курантах» не говорил. «Современники» думают устраивать вечер из соврем<енных> русских композиторов и, кажется, не воображают исполнять меня — это бесподобно. Но я не думаю, что я теряю почву под ногами. Даже наоборот. Гофман собирал подписку на издание «Соборного индивидуализма»[5]. Мне было грустно, но не скучно. Меня огорчило, что я не приглашен на vernissage нестеровской выставки. Разговоры о Гольдони меня развлекли[6]. Вчера был Павлик у Нувеля, прося денег; отчего он не обратился ко мне, не знаю. М<ожет> б<ыть>, они его устроят через Коровина.

6

Страшный холод, солнце; играл «Barbier»; одевался, к Сапунову попал в четвертом часу, но он все-таки делал эскиз; по-

знакомился с офортистом Беляшевым, одним из кандидатов на предполагаемый было сапуновский вечер. Рассказывал о постановке «Пеллеаса» Бакстом, встретив сочувствие. Не знаю, буду ли я просить Сомова о «Курантах», рискуя встретить отказ, м<ожет> б<ыть>, Кузнецов, если ему дать «Осень», обойдется без зачаточных младенцев[7]. Если откажется Судейкин, придется обратиться к Милиоти. Арапова Ник<олай> Ник<олаевич> не советует. Обедали на Васильевском, долго и мирно беседовали, на маскарад решили не ехать, но заглянуть в театр. Там еще никого не было; прошли в мастерскую, где и сидели довольно долго одни, говоря о всякой всячине. Говорил о взаимной нелюбви Судейкина и Маврина, о Дягилеве etc. Пришел Суреньянц, сказавший, что маскарада не будет, жаловавшийся на интриги, на Мейерхольда и т. д.; приходил Фед<ор> Ф<едорович>, прибежал Коленда каким-то именинником; мы ушли. Городецкий и Иванова были в уборной Мунт. Городецкий затевает какой-то вздор о пикнике в Лесном, зажечь елку, одеться саламандрами etc. Его дикости почти всегда без вкуса. Иванова звала нас к ней или Веригиной, но мы отказались. Дома был один Сережа, чем-то мучающийся и не говорящий об этом, хотя это стоит у него на губах. Мы пили чай, читая безобразную книгу Бальмонта «Злые чары»[8]. Болтали, Сережа вздыхал, жалел о несостоявшемся маскараде, но не открылся. В понедельник звал Сапунова обедать и провести время до театра. Соловьева прислала письмо и свою пьесу с предложением написать музыку. Эбштейн где-то читали, что «чудная музыка „Балаганчика“ совсем не соответствовала той путанице, которая происходила на сцене». Не поздоровится от таких похвал. Мне почему-то грустно, и Остров напомнил мне далекую молодость.

7

Невообразимый мороз; ездили за конфетами; отмороженные уши. Письмо от Вилькиной с просьбой принести Musset к Сологубу[9]. Пришли Гофманы и Мосолов, играл. Меня сердит, когда меня считают прежде всего музыкантом. Поехали к Солог<убу> в башлыках и масках, было весело ехать бесформенными кувалдами. Там была куча народа, 3 актрисы, Городецкий написал стихи про бумажный бал: «Милый Кузмин, помнишь 30-е, ты сидел у меня на коленях?», относящиеся к Ивановой. Мне очень нравится Чуковский. Драма Рафаловича была очень скучна[10]. Сережа пришел к какому-то чрезвычайному решению. Выписывал годящиеся стихи из старых.

8

Ездил в банк за деньгами, заказывал платье, купил пальто, отдал долг, почти ничего не осталось. Дома все веселее с деньга-

ми. Сапунов обедать не пришел. Нувель сердился, что я не принес дневника. Приехал Павлик; он отморозил себе нос и в повязке, что, конечно, его не красит. Просидел до театра, помогая мне одеваться, завязывая галстух, слегка кокоточно. В театре была скука адская, глупая захолустная пьеса, невозможная постановка, за кулисами никого, я был бы очень рад, если б она не делала сборов, хотя бы и с В<ерой> Ф<едоровной>; невозможно объяснить такое позорное явление, как постановка этой вещи[11]. Чулков просил меня написать об этой гадости, т. к. сам не мог, но и я отказался. С тех пор как в театре погасло увлечение и начались интриги, он меня значительно меньше интересует. В зале было много знакомых, но все разъехались, и я, не хотя ехать домой и не имея куда идти, попал в «Вену», где оказались Вилькина, Зин<аида> Аф<анасьевна>, Гайдебуров, Брауде, сестра Ком<миссаржевской?>, Дымов, Каменский и пр. Кажется, теперь идут сплетни уже обо мне с Сапуновым, это ни на что не похоже, но, м<ожет> б<ыть>, ничего. Людмила Ник<олаевна> была очень дружественна, они, в сущности, премилые и забавные женщины. Сережа в театре не был.

9

Поехал к Соловьевой, туда же приехала Манасеина; сговорились относительно музыки; они страшно торопят[12]. Приехал к Ник<олаю> Н<иколаевичу>, он дома и здоров, нашел, что у меня фривольный вид, делал эскиз, угостил Curaçao. Поехали к нам обедать; Брюсов прислал мне «Земную ось» с надписью. Я горд, хотя и написано «Александровичу»[13]. Играл «Куранты», «Зима» привлекла Ник<олая> Ник<олаевича>, особенно Амур; обсуждали мушки, жилеты, maquillage. Пришел Павлик; вздумали поехать в Нар<одный> Дом. Ехали втроем весело, как летом; в Доме было скучновато, был Юсин, Путц, на меня почему-то пялили глаза. В ужасе от чая и пирожных Нар<одного> Д<ома>, мы поехали в «Яр», знакомый Павлику и Сапунову[14]. В зале, очень напоминавшей хорошие рестораны в провинции и, в частности, ярославский на бульваре, было очень холодно; редкие и добродетельные посетители слушали добросовестно какую-то садовую канитель со сцены. Наш слуга, бестолковый или пьяный, предлагавший подогреть мозельвейн (который он называл «вазелином»), опрокидывал 2 раза лампочку от кофе и сжег 2 салфетки. Болтали, шутили, пили Ko-Hi-Noor. Павлик поехал ко мне. Будто летом, пробирались тихонько в комнату, будто летом, раздевались, напевая, будто летом, я провожал его в поддевке на голом теле, будто летом, я вернулся к <перерытой?> постеле, но это было не лето. Городецкий прислал мне отличные стихи[15].

10

Встал рано; ездил к портному, там меня считают за художника, искал жилетов. Дома заболела голова. Вилькина сказала, что дома не будет, что вчера она с Сомовым и Нувель была в «Вене», думая, что и я там буду. Приехал Павлик. Сережа в театр не поехал. «Балаганчику» не шикали, хотя народу было немного. Мейерхольд просит музыку к «Зобеиде»[16], которую ставит Анисфельд. Утром отдал в переписку свои вещи и был у Гржебина, сказавшего, что задержка за Сомовым, не присылающим корректур. Пришел Ник<олай> Ник<олаевич>, несколько расстроенный, не в духе, дружественный. После театра пошли к Ивановым, там была Веригина. Было скучно. Вечером тепло. В субботу затевается вечер.

11

Тепло, ясно, весенне, разнеживающе печально. Был у портного, у Вальтера, у Сомова, он действительно корректур не вернул, чудак! Позвал его завтра. После обеда пошли к Ивановым, там был Нувель и Гофман. «Эрос» с простой надписью; стихи Городецкого нашли под меня и нежными ко мне. Диотима трогательна, просвет<левшая?>, молодая, расположенная. Пришел Троцкий и Леман, у первого манеры совершенной тетки, и я уверен, что это он и был тот, который приходил к Иванову с признанием[17]. Л<идия> Дм<итриевна> его предположила в Гафиз. Пошли к Гофману. Там была куча офицеров и барышень, игравших в 4 р<уки> симфонии кучкистов. Мы читали «Возврат» Белого[18]. Грубейшая безвкусица. Добужинский зовет во вторник.

12

Письмо от Соловьевой и от Ан<дрея> Ив<ановича>. Тетя больна, просит приехать <подписать?>. Сейчас после завтрака поскакал к ней; болезнь почек и печени; дружественна, мила; поговорили об делах, желания тети очень скромны, хотя она тут же меня обсчитала на 25 р., сказав, что я должен 50 р., хотя я брал всего 25 в долг. Поехал искать мимозу, чтобы послать к Сапунову с письмом, где я прошу его прийти вечером. Нашел в четвертом магазине. Делал закупки. После обеда ездил к Баксту приглашать и к парикмахеру. Толковал о пороке. Дома застал уже Павлика; он мне опять повязал эпатантно галстух. Присел писать «Черемуху»[19], как пришел Мосолов, пел ему французов и Debussy, пришел Нувель, Ник<олай> Ник<олаевич> с веточкой мимозы в петлице. Были Ремизовы, Сомов, Бакст, Леман и Городецкий, неожиданно пришедший, любезный и оживленный. Читали «Табак»[20], молодежь возмутилась. Со мной хотят познакомиться «Сириус'ы»[21] после «Крыльев»; в среду это состоится. «Пеллеас» ставит Бакст, на будущий год ждут

Бенуа, который все приведет в порядок, всех поставит на свои места. Леман, Мосолов и Сапунов оставались дольше, прося «Курантов». Сапунов мне придумал костюм для маскарада. Кажется, старички обижались на меня. Бакст все тащит ко мне Аргутинского.

13

Поехал к переписчице, переписано кое-как, на двух страницах, 3 р. в печку бросил. У портного все очень благополучно; почему-то принимают меня за художника. Прекрасно, тепло и солнечно. Сапунов меня писал красками. Мимоза стояла желтая. Беляшев раскладывал пасьянс. Поехали на выставку, скучновато, 2—3 отличные рисунка, 2—3 порядочн<ых> лица, остальное — подкрашенные картинки. Рыскали, отыскивая материи на жилет, у Шутова, Кольцова, Торотина, Погребова или тонко, или крупен рисунок[22]. Взяли у Хаджаина какую-то дрянь голубоватую с оранжев<ым>; искали пуговиц у Писарева, у Адольфа — опять ничего. Поехали обедать к Палкину[23]. Играл оркестр, потом неаполитанцы, ели биск, форель, индюшку, Ник<олай> Ник<олаевич> немного развеселился, болтал о Москве, о Судейкине, о своем вчерашнем сне и т. п. Заехали к Нувелю, оставили карточки, поболтавшись на Невском, в Пассаже, поехали в театр. У актрис отложено, это прямо невозможно — не известить. Мейерх<ольд> предлагает Судейкину ставить всего «Тентажиля» — конечно, чистый шантаж, никакой постановки не будет. От «Зобеиды» я откажусь carrement, м<ожет> б<ыть>, я имею право вести себя капризно. Видел Бердяевых, Никитина. Не прощаясь уехали. Бедный Сережа поехал на Мастерскую. Беседовали с Варей.

14

В четвертом часу явился Сережа, разбудивший меня заявлением, что Городецкий пришел к нам ночевать. Сначала я казался сердитым, Городецкий рисовал карикатуру. Одевши поддевку на голое тело, я встал дать есть и вино, и сам пил и ел; на лампу повесили записку, что Городецкий спит у Сережи. Утром его уже не видал; сидел дома, писал и переписывал для «Тропинки»[24]. Пришел Павлик, слегка болела голова. Обедали у Палкина, выпили много; т. к. время было до Сологуба еще очень много, то взяли лихача и поехали кататься. Было очень приятно; заехали к Эрнесту выпить шампанского, но я не могу есть жареного миндаля, самый запах производит легкую рвоту[25]. Играли румыны, капельмейстер раскланивался и делал какие-то знаки, но когда мы подозвали его, то ничего нужно не было. Там был прехорошенький блондин, которого мы фиксировали, но он, улыбнувшись, все отворачивался. Старый слуга, толстый, ка<к> евнух, с лицом жабы, хитро улыбал-

ся, в зале мы были одни; страшно трещала голова. Музыканты кончили; блондин раза два проходил мимо, кажется, прямо в уборную. Кучеру высылали водки. Поехали по набережной. Потом к Сапунову, лошадь не стояла. Ник<олай> Ник<олаевич> был дома, очень рад, кататься завтра согласен; писал Судейкину. Взял веточку мимозы, чтобы и он пришел к Сологубу с такой же. Голова проходила от езды. Там был Мейерхольд, Добуж<инский>, Бакст, Блок и др.[26] Говорил с Мейерхольдом, Бакстом об делах. Добужинский говорит, что я признаю только москвичей не старше 26 лет. Интриговал Блока. Сапунова не было. Бакст пускает сплетни про нас. Володя говорил, что Ник<олай> Ник<олаевич> не работает больше у них. Ехали вместе с ним; Мейерхольд хотел зайти. Павлик просит взять его с собою, когда поеду в Москву. Я очень дружен, очень люблю Ник<олая> Ник<олаевича>, но совсем не влюблен в него, конечно, хотя сделать эту связь было бы легче легкого.

15

Днем ходил за покупками и по делам с Сережей, находящим у меня даже акцент московского франта. К обеду Сапунов не приехал. Составлял план повести. Дивная погода; совершенно круглая розовая луна низко за церковью на зеленов<ато>-голубом небе напоминало что-то японское. Приехал Павлик, я стал одеваться, Сапунова все не было. Прислали сверстанную половину «Э. Лебефа», фронтиспис положительно скучен и неприятно напоминает почему-то фигуру из анатомического атласа. Телефонировали Ник<олаю> Ник<олаевичу>, не добившись толку, поехали к нему. Оказывается, он плохо себя чувствует, был в бане и т. д. Простые отговорки. Поехали к Семеновскому мосту. Сапунов пришел в восторг, узнав, что едем на тройке. Было чудно ехать по снегу, по широким прямым дорогам, между больших, пустых, освещенных луною дач. Все запорошенные снегом, приехали к Эрнесту, но музыканты были приглашены куда-то в город к частному лицу. Никого не было в зале, слуги стояли, как жрецы из «Аиды»; гобелен бледнел на старых, темных солидных стенах, но было весело и откровенно. Отвезли Сапунова, Павлик заехал ко мне, голова нисколько не болела[27]. После читал еще «Эме Лебефа». Встану рано.

16

Ездил к Allegro, торопит с нотами. Встал в семь часов, раньше восхода. Кончил музыку для «Тропинки». Заезжал в типографию, в Jockey-club, Крафту, Митюрникову[28]; вышли «33 урода», «Нечаянная радость»[29]. Дома был без меня Добужинский, который подозревает, что его не принимают, особенно после того, как Варя окликнула его: «Ник<олай> Ник<олаевич>, это Вы? Оставайтесь!»

К обеду пришел Десятов; принесли группы — очень неважно. К супу пришел Сапунов, все-таки поспевший и к концу блинов. Был мил как всегда. После рисовал мои глаза, смотрел галстухи, я одевался. К Кондратьеву не поехал. Пришел Леман за Сережиным рассказом, приехали Мосолов и Гофман в дамской ротонде, очень к нему не идущей. Немного попел, но ничего не выходило. Поехали на минуту в театр. Были самое краткое время, показавшись вместе. У Добужинского была куча народа. Сомов пел, я читал «Прерванную повесть». Бакст был бестолков. Москву специально не ругали. В Петербург приехал Дягилев. Гржебин обещает издание через 2 недели. Не верится. Нурок хочет поставить на вечере «мол<одых> русских авт<оров>» и меня. В час добрый! У Нувель вчера были гости, в число которых я оказался неприглашенным. Очень кружилась голова.

17

Встал рано, хотелось спать, т<ак> что я почти засыпал, переписывая ноты Allegro. От Ремизовых письмо, ждут, и С<ерафима> Павл<овна> прислала списанный обиход о мушках. Приехала Соловьева, страшно торопит с нотами, обещал прислать. Вышли погулять, зашел заказывать жилет, поехали в типографию. Сомов безапелляц<ионно> выбирал обложки. Говорил с Вилькиной. Ее встревожил Бердяев, заявивши, что видел меня в театре с Судейкиным (спутал с Сапуновым) и что он слышал разговор: «Вот самые декаденты». — «Ну, знаете...» Звала завтра, будет петь Сомов. После обеда все переписывал. У Ремизов<ых> были обещанные правоведы, или «мальчишки», как кто-то их называет. Трубников очень милый и любезный, и он мне нравится сам по себе. Я читал «Прерванную повесть», Ремизов «Повесть, отчего у чертей нет пяток»[30] и новую ред<акцию> «Табака». Мальчики, кажется, несколько шокировались. Трубников очень увлекае<тся> «Крыльями», в Москве много обо мне слышал, звал к себе поиграть, поговор<ить> об искусстве, обо многом. Провожал меня пешком, т. к. его спутники уехали без калош, в туфлях. «Старые годы» мне будут высылаться[31]. Сер<афима> Павл<овна>, конечно, тотчас стала спрашивать, нравится ли мне Трубников и т. д. Это может быть очень полезно.

18

Ходил куда-то утром; да, к Нувель, раньше в Гостиный двор. Читали дневники, пили чай, вместе выехали. На Марсовом поле встретил невского студента. Приехал Павлик; т. к. я не знал, как решил Ник<олай> Ник<олаевич>, то я просил Маслова заехать к нему сказать, что я жду его у «современников». «Современ-

ники» нашли, что их публика может принять «Куранты» за дилетантство, что нежелательно; выбирать 3—4 №№ менее дилетантских, т. е. менее характерных, я отказался, т<ак> что пока опять принялись за «1001 nuits». Мне кажется, что, валя на публику, «современники» сами чуть ли не того же взгляда и относительно плоскости музыкального интереса не слишком разнообразны. Сапунов зашел, поехали на Английскую; там был Сомов, певший Mozart'a, и др. Поздно приехал Сережа. До нас у них были Трубников и Маковский, первый говорил, что со мною познакомился и что я ему понравился. Сидели долго.

19

Был у тети; Васино рожденье. Тетя мила. Ходил к Кнопу и в Гостиный, видел невского студента. От Чичериных отглашение, телефон с домом Сапунова не соединяют по распоряжению главн<ой> станции. Пошел к Иванову; встретил Волошина. Сабашниковой Рябушинский заказал портреты Ремизова и меня[32]. У Иванова свары и распри, Л<идия> Дм<итриевна> ходит[33], дала мне «33 урода»; я был очень грустен. Что-то меня гнетет, какая-то пустота, вялость, все погасли, все уснули, все будто 20 л<ет> друг на друге женаты. Обед у Ивановых будто из английских комедий, карикатурных и подчеркнутых. Дома у нас был студент Рогов, от застенчивости напыщенный и смешной. Сапунов не приехал, приехал только Павлик, с которым мы поехали ужинать к Палкину, как я ему обещал; было скучно ужасно. М<ожет> б<ыть>, пренебрегши первой середой, уехать в понедельник в Москву? У меня томление духа, как давно не бывало; перед чем бы это?

20

Заходил к Чичериным: у них была какая-то гостья и завтракала; что-то мне напомнило детство, и Жоржину Ег<оровну>, и весь их дом на Васильевском, студ<енты>, ходящие в мундирчиках на концерты, скучные важные дамы, беседы об Италии, старом искусстве. Зашел к парикмахеру, на Бассейной встретил плетущуюся Ек<атерину> Ап<оллоновну>, которую и проводил до Литейного. Мне было очень скучно. Билеты взяты. Пришел Павлик, Сапунов телефонир<овал>, что будет в театре, вчера был болен, очень хочет меня видеть. Жилета не принесли. В театре было порядочно знакомых. «Антония» просидели в буфете с Леманом и его кузиной. Были у Веригиной. Ник<олай> Ник<олаевич> приехал поздно. Судейкин женился 10-го, очень счастлив и нигде не бывает. Пошли в «Вену», где ели блины, пили мозельвейн; немножко развеселился, дружески болтая с Ник<олаем> Ник<олаевичем>. Потом побродили по улице, сидели на бульваре, очень тепло, буд-

то перед весной, что-то меня гнетет и воздымает, что это? И так томительно не хочется уезжать, и тянет ехать. Я не знаю, перед чем это, и если бы теперь предложили мне без боли умереть, уехать в скит, я бы согласился. Какой путь пройден с прошлого года!

21

Никуда не выхожу, пишу «Картонный домик». Приехал Павлик, как обещался, поехали обедать в «Вену». Как мне не хочется ехать в Москву, но, может быть, так нужно! Пошел на «современников». Сапунов пришел и был со мною. Было много знакомых. Я томлюсь чем-то. Гржебин просил позволения меня писать. Были 2 не очень плохих студента. Поехал к Сологубу, Аничков говорил о главе раскольничьей литературы[34]. Читали стихи; Блок мне положительно не понравился, равно как и прочитанные Городецким; читал рассказ Сологуб[35]. Ремизов говорил, что я понравился «Сириусам» и особенно Трубникову. Городецкий собирался было к нам ночевать, но потом решил идти в Лесное.

22

Будто еду, билетов не отдал. Приехал Павлик, тотчас поехали на вокзал. Вероятно, еду. Отделение дву<х>местное, рядом дьякон. Поехали: то игра в дурачки, то куренье в коридоре, то fatalité; мы всё боялись, что войдет кондуктор с ключом, но это, м<ожет> б<ыть>, еще увеличивало прелесть. Как странно, что я поехал в Москву. Зачем? Для чего? После Бологого окончательно легли, раздевшись, страшно жарко. Что-то мне сулит Москва, всё гадали, всё выходило очень благополучно.

23

Вот в Москве; «Метрополь»; номер с 2-мя постелями. Умылись, напились чаю. Пошли в Кремль, по рядам, по Тверской, по Кузнецкому. Завтракали, масса мальчиков шныряют по залу; есть неплохие. На лифте страшные рожи, я вспомнил Дягилева. В «Весах» по телефону говорил какой-то англизированный юноша — это был Ликиардопуло. «Любовь этого лета» пойдет в апреле, «Крылья» печатаются несколько другого формата, Феофилактов «Ал<ександрийские> песни» еще не начинал. Это всего печальнее. Пошли вместе к Никол<аю> Петровичу. Он уже не спал, но был еще не одет. Я остался, болтали, говорили о делах. Судейкин соглашается на «Весну»; в принципе дело решено, но когда и как — ничего не известно. Одевался при мне. Вместе поехали в «Руно». Маленький особняк, очень уютный[36]. Там были Тастевен и Курсинский. Позади моего «Черта» будет виньетка Судейкина. Рисунок Феофилактова «Дьявол» очень хорош. Рябушинский очень опоздал; он мне

понравился, он очень непосредственен. Мне бы хотелось остаться на четверг, но, пожалуй, не хватит денег[37]. Стихи, кажется, примут; какое-то стихотворение их смущает. Было около семи, когда я вернулся. Пообедав, я пошел в «Весы», там были Поляков, Брюсов, Шестеркин и Феофил<актов>. Посидев, потолковав о балете, отправились в Лит<ературно>-Худ<ожественный> клуб[38], где читал Любошиц о театре; мы не слушали, пройдя в буфет. С нами сидели Нина Петровская и Ходасевич. Ели только Серг<ей> Ал<ександрович> и Ликиардопуло, мы же пили отличный Iohanisberger, мадеру, кофе и ели рокфор. Поляков как-то скоро ослабел. Говорили о вине, о цветах, духах, оккультизме, обо мне. Брюсов совершенно очаровывал. Петровская пишет обо мне статью. Андр<ей> Белый мельком ругнул меня и Городецкого, хваля Вилькину[39]. Был очаровательный официант, вроде нувелевского испанца. Бегали по темной зале за руки, Поляков целовал Ходасевич<а>, Брюсов ухаживал за Петровской, мне оставались Феофил<актов> и Ликиардопуло. Играли в барак, я не слишком плохо, не хуже всех. Серг<ей> Ал<ександрович> сел мимо стула, сломал мазик, разбил стаканы. Я уехал с Ликиардопуло несколько раньше. Было очень приятно.

24

Встали поздно, денег нет. После чая почти тотчас завтракали. В редакции никого не было; прошел за папиросами, к Филиппову[40], где и нашел Павлика сидящим. Романа не пишу. В редакции был Мих<аил> Федор<ович>, сидели, болтали, смотрели иностранные журналы, посылаемые в обмен. Андр<ей> Белый ругает меня и Городецкого насчет Вилькиной. Решил вечером играть свои вещи. Обедали у Тестова[41], страшно хочется ко всенощной. Москва меня очаровывает. Проехались на резвом до клуба[42]. Там была масса народа. Кузнецов говорил, что я необыкновенно красив, хотя он представлял себе меня блондином. Познакомился с кучей людей. Играл «Куранты» и несколько «Александр<ийских> п<есен>» и «Детские». Мнения так резко разделились, что чуть не дошло до рукопашной; ругались Бог знает как. Мои главные защитники была безусая молодежь: Кузнецов, Ларионов, Ликиардопуло, Феофилак<тов>, Бромирский и потом Брюсов и Балтрушайтис; противники — сафоновцы[43]: Корещенко, Померанцев, Мостридиев, поэт Эллис и др. Переплетчиков, Гиршман и еще кто-то меня защищали. Говорят, никогда такой битвы не было. Я стоял в другой пустой зале с приверженными дамами: женой и сестрой Брюсова, Коровайковой и еще кем-то, а оттуда то один, то другой прилетали молодые люди с докладами. Ларионов чуть не побил кого-то; «идиоты, бездарности, ослы, мерзавцы» прямо в глаза были

еще наиболее мягкими словами. Нужно сказать, что противники выражались скромнее. «Художники и „скорпионовцы“ расходились», — говорили в публике. «Вон бы всю шваль, что сюда набралась», — кричал на всю залу Ликиардопуло. Наконец, перед ужином Брюсов, Коров<айкова>, Ликиардопуло, Феофил<актов>, Кузнецов, Ларионов, Бромирский и еще какие-то три совсем молодых человека, окружив и сопутствуя меня, ушли достаточно демонстративно. Меня обрадовало, что я принят молодыми. Шли вчетвером, Феоф<илактов>, Кузнецов, Ларион<ов> и я. Я и Никол<ай> Петр<ович> зашли ужинать в «Альпийскую розу»[44]. Там были всё немцы, играл оркестр, не очень уютно. Москва меня очаровывает. С Рябушинским говорил очень мило, почти любовно. Оказывается, в Москве тоже говорят обо мне. Конечно, меньше, чем в Петербурге; находят, что я более москвич по типу, может ли быть большая похвала в устах москвичей. В Москве отлично соединяется современнейший американизм, шик, размах и что-то ужасно тепло-русское, задушевное, вдруг неожиданное, и город, бесподобный по красоте.

25

С утра мне хотелось в церковь; послал телеграмму зятю. Пошли блуждать по улицам; тепло, почти тает, мальчики пускали голубей из корзинок. Прошли в храм Спасителя, оттуда в Успенский собор, где шла вечерня. Как я давно не был в церкви! Москва, и современная, и прошлая, даст столько ресурсов. Пили чай у Дени[45], обедали дома; там обедал Рябушинский с испанкой[46], он, кажется, живет в «Метрополе». Поехал на резвом в «Руно»; кроме 2-х приказчиков были «скорпионы» (Поляков, Брюсов, Ликиардопуло, Кузнецов, Фео<филактов>, Балтрушайтис, Милиоти и Столица, Корещенко, Струве, Сац). Были фрукты, вино, конфеты. Рябуш<инский> был очень мил, предложил мне денег. В «Руси» ругательный фельетон за меня про «Весы», Амфитеатрова[47]. Все-таки это честь! там и про московских художников, и про предисловие Брюсова etc. Я играл, читал; читал Брюсов, Столица, в конце Брюсов предложил всем приветствовать меня в стихах и сам сказал очаровательную вещь в стиле «Алекс<андрийских> песень», Курсинский что-то кислое, Ник<олай> Павл<ович> глуповато-любезное. Брюсов и др. говорят, что не знают, что делать с Верховским, ни «Весы», ни «Руно» больше его вещей не хотят, но как техником, как переводчиком, как эссеистом, как человеком очень дорожат. А поэтом он никогда не будет. «Ал<ександрийские> песни» желали бы издать полностью текст, чтобы не дробить и <не> путать по «Орам». Завтра поговорим. Возвращался с Феофилактовым.

26

Пишу уже в Петербурге. Болела нога. Был у Рябушинского, тот был очень любезен, предлагал билет на «Бранда»[48]. В «Руне» будет ругательная статья Розанова обо мне и Валерии Яковлевиче[49]. Рябуш<инский> и особенно Курсинский говорят, что после этой статьи им неудобно помещать мою «Прерван<ную> повесть». Рябушинский все старался смягчить и замазать и спорил с Курсинским, а тот безбожно, забито и уязвленно нес свое. Рябушинский хотел бы издать мою книгу, хоть бы «Занятную книгу любовных и трагич<еских> приключений»[50], дал мне свою исповедь, звал приезжать в Москву. Дома узнал, что деньги пришлют завтра. В «Весах» толковали о «Курантах» благоприятно, вся остановка теперь за художниками. С<ергей> А<лександрович> предлагает, по мере изготовления хотя бы одного рисунка, помещать в «Весах». Дома обедали, опять был Рябушинский с испанкой. После обеда поехали прокатиться. Я звал посмотреть Сандуновские бани, но Павлик отговорил. Вернувшись довольно рано и поиграв в карты, легли спать.

27

Ясный мягкий день, будто предчувствие весны; повеяло старым мирным настроением, захотелось воды, травы, Пасхи, просыхающей земли. Вспоминались мама, Казаковы. Разве я не наполнял тогда всю жизнь поэзией, как теперь любовью? Выехали вкоротке; было и печально покидать Москву, и приятно возвращаться к покинутым друзьям.

28

Рано утром приехал, будто прежде, будто из Хилина. Зять уже не спал. Сережа рано встал, говорил мне смутные и неутешительные речи, будто меня меньше любят и относятся с неодобрением многие и по разным причинам: и за «Крылья», и за «Прерванную повесть», и за Москву. Поехал к Renouveau, там было неплохо. Сплетня: здесь видели Глебову — я поехал в Москву. «Тентажиль» объявлен в газетах, вероятно, Ник<олай> Ник<олаевич> работает теперь, т. к. его не было уже дома. Заехал к Сомову, про болезнь которого узнал от Людмилы по телефону. Он был в халате, с племянником, был, кажется, рад. Болтали о выставке «Голубой розы»[51] и т. п. У нас был Леман. После обеда говорил по телефону с <дворником?> Сапунова, которого не было дома. Просил заехать к Сологубу. Зашел к Ивановым. Был там Гофман и Чулков. Были довольно кислы, даже Волошин присмирел. Играл дамам. Лидия Дм<итриевна> утешала меня от Сережиных слов. Волошин пишет ответную статью в «Русь»[52]. Ехали втроем с Чулковым. У Сологуба было много народу, мал<ленькие> актрисы, мол<одые> студенты, Ремизовы, Вилькина, Бердяе-

вы. Драма Чулкова мне не понравилась[53]. Флиртовал с Бердяевой и Сераф<имой> Павл<овной>. Маковский меня зовет в субботу, там будет и Трубников, тогда же звали и актрисы к Ивановой. Не знаю, поправлю ли я свои дела. Городецкий хочет писать мой портрет, а Ремизова заниматься со мной музыкой.

29

Встал поздно; ясный солнечный день, хочется просыхающей земли под скамейками за воротами, первой травы в овраге, звона церквей. Днем сидел дома, составлял, что нужно делать. Зашел к Ремиз<ову>, поехали к Аничкову; дорогой говор<ил>, как рассказывал Маковский, что меня ругают, но все читают, дают книгу и говорят: «Вот, прочтите эту дрянь». Мережковский страшно заинтересовался, что я за подозрительная личность. Обедали, было не очень весело, писать о расколе согласился, нужно будет засесть в библиотеку[54]. Заехали к Ник<олаю> Ник<олаевичу>, его не было дома, вчера вернулся слишком поздно, очевидно, работает в театре. Долго плелись к Ивановым. Волошина и старухи не было. Л<идии> Дм<итриевне> хуже. Вяч<еслав> Ив<анович> боится «Прерв<анной> повести» и «Любви эт<ого> лета», а просит «Алекс<андрийских> песень» или «Курантов», которые принадлежат «Скорпиону». Правда, я очень завишу от лени моих художников, но зато будут изданы как следует. Пел, Сабашникова танцовала; сегодня они были у Сомова, в Эрмит<аже>, у Michel. «Зиму» нашла «гениальной», в устах Лид<ии> Дм<итриевны> это еще не доказательство. Приехал и Волошин с матерью, он, кажется, мною обижен. Полагаться ли мне на Брюсова, и на Полякова, и на Москву?

30

Отличный день. Телефонировал Людмиле, будет в театре, зовет к себе, чем-то недовольна. Поехал в «Тропинку»; Поликсены Серг<еевны> нет в Петербурге; на Невском встретил Нувель, погулял с ним, никого не было. Заходил ругаться к Вольфу[55], пил кофей в кофейной. Дома пришла Лиза; многие перемерли, Васька жив и здоров, прочее по-старому, будто прошло лет 20 со смерти мамы. Поехали в театр. Веригина играла неважно[56]. Вилькиной не было. Сапунов не хотел к ней ехать небритым; у нее был Сомов, трагедия у телефона. Все-таки пошел с Ник<олаем> Ник<олаевичем> к Кину, где дружески болтали. Сережа и Блок поехали к Веригиной.

31

Мне кажется, я целую вечность никого не видел, решив сидеть дома сегодня. Днем был у Чичериных; звали завтракать в среду, несколько обижены. Отчего Сережа вдруг стал так неприяз-

нен ко мне, чем я его тягощу? Чудный день, будто преддверие весны. Несколько раз говорил по телефону. Сапунова не было дома, театр занят. Пришел Тамамшев, какой-то печальный и более легкий, чем прежде. После обеда ко мне явился зачем-то Гольдебаев из «Образования». Что меж нами общего? Вечером играл свои «Александр<ийские> песни» скорее для себя, чем для Тамамшева. Мне было очень скучно, вспоминались далекая молодость, 1895 г.

Февраль

1

Ездил к Поликсене; опять в Царском, никакого ответа не оставляла. Поплелся в ясный ликующий день к Ник<олаю> Ник<олаевичу>. Он был дома. «Тентажиля» не ставят из-за болезни Мунт. Было очень тепло. М<ожет> б<ыть>, я ошибаюсь, но Сапунов мне делал авансы. Повестка из университета, где пропечатаны «Незнакомка», «Куранты» и стихи Блока, Городецкого, Цензора и мои[1]. Дома никакого ответа от Allegro. Как-то грустно, кладбищенски светло, утраченно-умильно от делающихся длинными сумерек, ясных дней, более греющего солнца. На вечере была куча народа, из председательствующих никого старшего, даже Городецкий куда-то сбегал, сидел только Гофман и еще какой-то студент. Я все время был с Сапуновым, был Добужинский, Кустодиев, Гржебин, *<нрзб>*[2], Нувель, Вилькина. Духота невообразимая. Блок читал свою чудную «Незнакомку», публика несколько недоумевала. После перерыва пел я, кажется, было достаточно слышно. У меня очень болела голова. Часть публики была очень предубеждена или не воспринимала и вела себя невозможно: громко смеялась, говорила, шикала, бывали перерывы, но доиграл я до конца. Был ли это успех, не знаю, но демонстрация и утверждение искусства — да, и потом, многим (я сам слышал и видел) очень понравилось, а скандал всегда усиливает известность. Только смешно, что я и мои вещи, менее экстренные, боевые, чем других, — вызывают всегда скандалы. Был любезен с Косоротовым. Добужинский почему-то звал к себе Сапунова. После читали стихи: Блок — революционные (для чего?), Семенов; мы ушли в «Бел<ый> медв<едь>», голова страшно болела, это было будто продолжение «Незнакомки». Ник<олай> Ник<олаевич> говорит, что редко испытывал такое острое и боевое чувство, как этот вечер. Сережа или не спал, или проснулся и тоже говорил о том же.

2

Был дома; ясный, почти весенний день; неожиданно приехала m-me Андриевич с деньгами; пошел ее проводить до Смоль-

ного, куда она заехала к священнику, и дожидался ее, ходя по какой-то, вроде аллеи, дорожке, сочиняя стихи для пасторали[3]. Я был почти рад, что она приехала. После обеда так же неожиданно приехала Варвара Павловна, говорила à tort et à travers* о новом искусстве, смотрела «Руно», не понимая Кузнецова; взяла «Сев<ерные> цв<еты>» и «Земн<ую> ось». Вечером долго никто не ехал, наконец пришел Потемкин; были Сапунов, Бецкий, Нувель, Леман и Мосолов, все Эбштейн. Было совсем не плохо, хотя я все это время какой-то пустой.

3

Утром ездил к Поликсене; она послала деньги по почте. Заезжал к Сомову, которого не было дома. После обеда болела голова, лежал. Ремизов приехал в одиннадцатом часу. Говорил, что только что приехавший из <Парижа> Бердяев рассказывал, что там всего больше заняты им и мною, про меня ходят невозможные сплетни. У Маковского уже все были в сборе, было человек 10, Трубн<иков>, Тройницкий etc. Ремизов читал, я играл «Куранты», но было холодновато и скучновато. Трубников звал к себе, и Тройницкий хотел сам прийти. Но как-то мне скучно, не знаю отчего.

4

Утром прислали деньги и «Тропинку»; ноты изданы отвратительно, слепо, с ошибками. Ездил за билетами на «Китеж», но не достал, к Сапунову, он не хочет быть ни у Сологуба, ни у Мосолова, хочет работать по вечерам. Я бы был рад, если бы сегодня пришел Павлик. У нас дети в гостях, на Васильевском впечатления детства и кладбища, та же старуха сидит у бань на 8<-й> л<инии>, прося милостыню, шел Красногорский, такой же, как и 20 лет тому назад, ожидая смерти; те же монахи, сторожа; жизнь, как чередование дней, неизменная и мистическая, с известностью завтра и послезавтра — стройные круги, что привлекало меня когда-то так сильно. Говорил по телефону с Людмилой, обещал быть у Сологуба, у нее был С. Маковский, говоривший про меня. Сережа не совсем здоров. Завтра неужели начну работать по-новому? Как тяжело с пустой душой, не занятой влюбленностью, или меня тревожит скандал, которого я так желал? У Сологуба была куча народа[4]. Рассказ Ценского был ужасен; художеств<енная> критика «Весов» поручена С. Маковскому. Брюсов <в> письме к Чуковскому писал: «Когда Кузмин приехал в Москву со своими дивными „Курантами“»[5]. Ругал театр Коммиссаржевской. Возвра-

* Бестолково *(франц.)*.

щ<ался> пешком с Потемкиным и Чуковским по Невскому, они задевали девиц, разговаривали с прохожими, но весело не было. Что-то меня гнетет, какие-то воспоминания, какие-то детские желания, какой-то утраченный свет. Статья Волошина, кажется, пойдет в «Понедельнике»[6].

5

Ходил только на почту, брал ванну, сидел дома и писал пастораль; мне было очень жалко идти к Мосоловым без Сапунова; там был Леман, Пяст, Гофман, студенты и гимназисты; атмосфера напоминала Верховских прежних времен: молодой муж, семьи вместе, обилие дам и девиц. Гофман читал стихи Блока, все-таки они мне не нравятся; Леман — свой рассказ, за столом все по очереди читали стихи, потом я играл; были приятны эти совсем молодые люди, напомнило что-то василеостровское. Возвращались с Леманом; тепло, почти тает.

6

Ходил в типографию, за папиросами, к Нувелю. Тот читал мне дневник, где ругает часто меня. Как я страдаю от невлюбленности! Вечером были в театре. Ник<олай> Ник<олаевич> приехал рано, вместе смотрели «Балаганчик», сидели у Бецкого, актрис не видали, Блок нашел, что некоторые №№ из «Масок» не без небольшого моего влияния[7]. Был Леман. Сережа, Блок и две актрисы куда-то уехали. Я с Ник<олаем> Ник<олаевичем> пошли к Ивановой; дома и одна. Не зашли; к Веригиной — одна больная Мунт, у Волоховой темные окна. Поехали в «Вену», вдруг приезжает Сомов один, был несколько неприятен опекунски-генеральским тоном. Сапунов потом его очень бранил. Долго бродили, болтая, рассказывая страшные истории. Отчего я, не будучи увлечен Ник<олаем> Ник<олаевичем>, чувствую к нему большую нежность и потребность его видеть?

7

Зять всю ночь проиграл в карты, сестра очень беспокоилась. Завтракал у Чичериных. С<офьи> В<асильевны> не было, было несколько тягостно. После обеда пошел к Ивановым, за столом было шумно и весело, потом Сабашникова рисовала меня с голой шеей, грецизированного. Кассандриад не было. Без нас за Сережей заезжали Блок с Волоховой, Городецкий. Прислали «Marzocco» и «Mercure de France»[8]. У Лид<ии> Дм<итриевны>, кажется, роман с Маргар<итой> Вас<ильевной>, или, по крайней мере, она хочет, чтобы это думали[9]. Дома играл «Д<он> Жуана» и Шуберта.

8

Вышли пройтись, но, найдя внизу № «Весов», Сережа не смог ходить более 10 минут, и мы вернулись. У № очень солидный вид, скучноватый. «Флорентийская трагедия», — прекрасный роман Брюсова, смешная и дикая статья Белого, анафематствующего, по-моему, подписчиков «Весов»: «Эстеты, кадеты, растеряхи, межеумки, вампиры, оргиасты, педерасты, вы, свиньи, отрете ли наши ноги своими власами? не вам наша слеза, а детям вашим» (т. е. поросятам?)[10]. У нас была тетя, просила денег, которых у меня нет; поехали в теплый, сыровато-темный вечер к Чулковым; они живут у Щеголевых, на набережной у Прачешного моста. Я думаю, никакого маскарада не будет. У Ивановых был Нувель, читали манифест поросятам. Потом я рисовался, выходит хорошо, но, м<ожет> б<ыть>, не слишком. Был Гофман, там что-то кислы. Я не могу так долго никого не видеть! и когда я подумаю, кого это «никого», оказывается, Сапунова. Я бы очень хотел, кроме того, видеть Павлика. Начал продолжать повесть. Дома вечером было почти невыдержно сидеть, какие-то сонные, темно, опять споры о политике, стол в виде развала. Никто не шлет писем, да и от кого бы я хотел?

9

Заезжал к Ник<олаю> Ник<олаевичу>; нет дома. Такую даль без денег плестись зря не очень-то весело. Зашел к Сомову, долгие разговоры о жилете, вроде Аргутинского: impossible, ridicule etc*. Так-то было не очень плохо. Хочет устроить меня с Забелой. После обеда говорил с Людмилой, потом к Ивановым, там был Юраша; Вяч<еслав> Ив<анович> поехал к Блоку; мы рисовались[11], пришел маленький Гофман; обложка Добуж<инского> к «Зверинцу» очень плоха[12]. Вяч<еслав> Ив<анович>, не застав Ал<ександра> Ал<ександровича>, вернулся не в духе, стал бранить портрет, даже сел к нему спиною. Читал пастораль, Иванов сказал, что это прекрасно и совершенно, как все, что я пишу последнее время, но будто не так свежо; стихи лучше гораздо. Пришел Тернавцев, Волошин читал только что конченный фельетон об «Елеазаре»[13]. При выходе столкнулись со Званцевой. Я как-то совсем их забросил. Сережа был уже дома. Тепло, ясная луна, и никого любимого.

10

Письмо от Павлика: я давно его не видел, хотя и не влюблен в него, но скучаю о нем. Еще более я скучаю о Ник<олае> Ник<олаевиче>. Ездил стричься и за бумагой. «Голубая роза», кажет-

* Невозможно, смешно и т. д. *(франц.)*.

ся, осуществляется. Заходил гимназист из 1-й гимназии, они ставят «Балаганчик», и он приходил за музыкой[14]. Поехали на «Зобеиду». Коридоры были освещены, публики очень много, чувствовалось «начальство». Пьеса несколько скучная, детская, приторная, переведенная тяжелыми стихами. Поставлена очень плохо, грубо, без вкуса. Старичкам очень понравилось. Вообще шумный успех[15]. Было как-то не весело. Около меня стоял Таиров, я вспомнил галлюцинацию Сапунова, действительно, в нем какое-то соединение Феофил<актова> и Судейкина и еще кого-то. Я так долго его рассматривал, даже когда он близко на меня смотрел, что сам этому удивился. Ужинали в «Вене» Сомов, Бакст, Нувель, я и Людмила. Сапунова в театре не было; уехал он, что ли?

11

Никуда не выходил, писал, переписывал. Вышел только к Ивановым, страшная тоска. Там вышла трагедия с Сомовым, который разбранил портрет Ремизова. Были Ремизовы, он хочет знакомить меня с Озаровскими. Хотели все ехать к Сологубу. Я заехал за Сережей. Там были Бердяевы, Allegro, Бакст, Нувель, студенты, Волохова, Аничков etc. Я читал пастораль, не понравившуюся, кажется. Читал Блок, Верховский, Сологуб, Мейснер. Шли домой с Потемкиным[16]. Какая тоска. Я предчувствую какое-то несчастье. Вздор, конечно. Мы видели освещенные окна залы, где танцовали пары, и мы, стоя на мосту, смотрели. Какие-то волны подымаются во мне.

12

Наши были у Палкина, где видели Павлика с какой-то женщиной. Хоть я его и не люблю, но был почему-то шокирован этим; с кем угодно: со стариком, с мальчиком, а то с толстой дамой — фу! Никуда не выходил. Приплелся Гольдебаев, просящийся к Ивановым. У Ивановых был Гофман, что-то болтавший насчет родства Блока с Тургеневым, Достоевским и Соловьевым. Писался; беседовал с Сабашниковой о крюках[17]. Пришли Бердяевы и Евреиновы. Говорил Вяч<еславу> Ив<ановичу> о своей мысли писать мистерии; он очень увлекся и одобряет[18]. Играл; Бердяевы находят здесь залоги нового театра. Было мило, будто весною. Денег совсем почти нет.

13

Опять целый день дома. Перед Каратыгиными заезжал к Сапунову, не бывшему дома. В «Руси» рисунок: «Кузмин исполняет „Куранты любви“ в кружке молодых»[19] Ничего похожего, но важен самый факт и подпись. У Каратыгиных была Ал<ександра>

Никол<аевна>, все еще энервированная, Лидия Ника<н>д<ровна>, Вадим и Юр<ий> Никандр<овичи>, Соколова; «современники» выбрали 5 романсов. Каратыгин ожидает скандала, находя, что по отношению ко мне явилась партийность в обе стороны. Возвращался пешком. Возвр<ащаться> издалека пешком поздно имеет в себе что-то влюбленное; к тому же была луна и звезды. Ночью мне показалось, что я умираю, сердце не билось, дышал с трудом, беспокойство было крайне усиленно.

14

Выходил только ненадолго пройтись перед обедом в ясный ветреный день. Слегка болела голова, очень нездоровилось. Переписывал, писал. Поджидал Сапунова. Он пришел поздно, пили чай, читал ему новые вещи, очень дружественно болтали. Пошли к Ивановым, народу была куча, читали о поле Волошин, Бердяев, Иванов; какой-то кадет из Одессы говорил долго и непонятно[20]. Городецкий устраивал в других залах какую-то собачью свадьбу. Потом читали стихи; я, Ремизова, Сапунов, Сабашникова и Иванов, удалясь в комнату Л<идии> Дм<итриевны>, снова устроенную по-гафизски, отдыхали, я играл на флейте, потом пел, а Сабашникова танцевала. Голубоватое небо в окнах на розовой стене, фигура Марг<ариты> Вас<ильевны> в голубом, танцующая, камелия, стоящая посередине, — все было отлично. Я назвал на среду Троцкого, юнкера Наумова, студентов и пр. Говорил с Шапир о романсах. Мейерхольд опять что-то затевает в посту, врет, конечно. Иванова, зовя меня в субботу, хотела поставить пастораль. Мне без себя не хочется. Венгерова на рожденье пригласила. Провожали Серафиму Павловну, т. к. Ремизов ушел еще во время кадета. Было страшно много народа. Я очень был хорошо настроен, хотя и болела голова. В «Биржев<ых ведомостях>» ругают меня, Городецкого и Ремизова[21].

15

Опять дома; переписывал; после обеда пошел к Ивановым, у них были Чулков и Гофман, торопящийся на реферат. Портрет писался очень удачно. Потом я пел немного, вспоминая прошлую весну, Лидия Дмитриевна тоже пела, шутили, смеялись, были очень милы. К «современникам» не поехал; дома застал Тамамшева, потом вдруг приехал Павлик. Он опять в стеснении (иначе бы и не приехал), похудел, немного погрубел. С какой-то печальной любовью прижимал я к себе это тонкое, гибкое, горячее тело. Отчего я не люблю никого, хотя бы себе на муку! Письмо от Людмилы, просит принести читать дневник, рассказ etc. Билет на Тарутинский концерт.

16

Ясно. Ходил за папиросами и бумагой, написал стихи Сереже[22]. Книжка от Гофмана с трогательною надписью[23]. Дома была тетя; приехала Ек<атерина> Апол<лоновна>, ждали гостей, но я пошел рисоваться; рожденье Вяч<еслава> Ив<ановича>, много цветов, пришел новобрачный Пяст, Вяч<еслав> Ив<анович> говорил, что у меня будут meisterjahre*, когда центр тяжести перенесется в творчество, или я скоро умру. Сабашникова учила танцы «Курантов». Волошин будет читать в Москве реферат о «путях любви», цитируя меня, и поместит его в «Факелах»[24]. Пошли с ним к Щеголевой, там были Сологуб, Мирэ, Сюннерберг, Гофман и таврические. Было скучно. Сологуб чем-то насмерть обижен, Волошин говорил про астральные тела. Я очень неохотно, нехорошо и скучно пел «Куранты», болтали, рано уехали. У нас были еще гости, так было несносно от болезни шеи, что не стал всего делать, что нужно было бы и что хотел. Завтра настоящее начало. У Павлика не был, а он сегодня имянинник.

17—18

Ходил по делам, на почту, зашел на минутку к Чичериным. Очень болит шея, на которой нарыв, держусь вроде кривошейки.

18

«Руно», где Розанов безграмотно ругает меня и Брюсова и пасквиль Белого на Иванова[25]. Приехал Павлик. Одевшись, поехали обедать в «Вену», я сидел, как кривошейка. Оттуда проехал к Ивановым. УЛ<идии> Дм<итриевны> был Чулков, т<ак> что дневник читали только вчетвером. К Сологубу не поехал, будучи в жару. Спал плохо.

17

Был у Ивановых, рисовался, читал дневник. У Венгеровых были Сомов, Нувель, Бакст и Смирнов. Пили, ели, пели, читали, тушили свет, все целовались. Только бедная Зин<аида> Аф<анасьевна> все оставалась без партнера. Смирнов серьезно целовался, делая langue fourrée**, даже шепча: «Милый, прекрасный». Меня это очень мало трогало. Разошлись в шестом часу.

18

Болит шея, не выхожу, не переписываю.

---

* Годы зрелости *(нем.)*.

** Всовывая язык *(франц.)*.

19

Целый день сидел с шеей. Приходил Павлик, изводил меня, прося денег; я даже не знаю, что меня больше тяготит, отсутствие ли денег, просьбы ли Маслова, шея ли, ругань ли со всех сторон, невлюбленность, висящая ли над головой переписка нот, т. к. вечером прискакал Каратыгин за нотами для Шапир, т<ак> что переписывать и Эрасту Белингу. От Сомова записка, зовет завтра к Лебедевым. А день был дивный, теплый, солнечный, розовый, хотелось куда-нибудь за город, где ранняя весна делает потоки с холмов. Лег спать рано, спал плохо, видел во сне Сапунова с разбитым носом и Рябушинского, делающего мне визит.

20

Ясный день, ходил на почту, к тете, к Сапунову, он был дома, писал свою весну уже на полу. Из Москвы Дриттенпрейс пишет о выставке, как ее назвать, предлагает «Апрель» или «Цветные крылья». Устраивать ее будет Рябушинский. Беседовали довольно вяло. Поехал домой; на Таврической кричали «ура»: открыта Дума[26]. Без меня был Павлик. <Белингу?> решил отвезти черновики. Перед Сомовым заехал к нему. Сомов играл «Армиду», когда я пришел; я постоял перед дверью, и все очарованье старого искусства, резной двери, культурности, проглатываемых книг снова на меня повеяло. У Лебедевых была ее сестра, Зенгер и Аргутинский. Я читал, болтали, сплетничали. До дворца шли пешком вместе, луна была странно ущерблена, большая, без блеска, будто знамение гнева. С Аргутинским я дошел до его дома, потом поехал домой. Шея болит, но не так.

21

Тает. Приехал Павлик, я при нем писал «Домик», потом он лег, а я, ходя, читал. Перед обедом он ушел. Пошли с Сережей гулять, зашли в кофейню за покупками. Вечер был прелестный, весенний, ясный. Первым<и> пришли Гофман и Наумов, через полчаса ушедший с обещанием прийти в субботу. Был Сапунов, Сомов, Нувель, Волошины, Ремизовы[27], Мосоловы, Леман, Потемкин, читавший перевод пьесы Ведекинда: «Todtentanz»[28]. Дама, угадывающая по почерку характер, нашла у меня характер женский, очень благожелательный ко всем и глубоко равнодушный, кокетничающий своею откровенностью, но оставляющий что-то в себе, ветреный, неглубокий, очень заботящийся, как к нему относятся. Волошин кончил реферат, кажется, очень блестящий; о «33 уродах» там не упоминается. Ремизов рассказывал, что Брюсов послал Розанову письмо, чтобы он взял статью, тот не ответил, на что Вал<ерий> Як<овлевич> написал ему вторично, что, в таком случае,

«маска будет снята»[29]. Дай-то Бог; вообще, вокруг «Крыльев» заварилась какая-то каша. Людмила не приехала, там все больны после субботы, особенно Изабелла; концерт, кажется, откладывается. Потемкин плясал «матчиш» и «кэк уок». Сапунов, кажется, портрета не поспеет, а думает, что ко времени выставки в Петербурге (думает, осенью) выставить ряд портретов с меня, штук 6. Не знаю уж, как это устроится. Не верится что-то[30]. Мне было не скучно, даже почти весело, хотя шея очень мешала. Сережа скучал. Луна была страшна, ужасна в окне, красная, ущербающая, без блеска.

22

Сидел дома, но не писал. Разбирал сундук, чтобы достать «Четьи-Минеи» для мистерий. Я не знаю, что со мною делается, перед чем это. Были полотеры, певица внизу разучивает «Фауста»; ясно, пустынно, хочется писать, душа как-то вдовеет. Пошел к Ивановым, Марг<арита> Вас<ильевна> кончила мой портрет, был Глотов, Гофман и Орлова. Вяч<еслав> Ив<анович> дал мне свои дивные «Кормчие звезды». Читал дневник. Когда я с пришедшим за мною Сережей выходили, мы встретили приехавшего Нувеля. Я хотел было вернуться, но все-таки поехал к Тамамшевым. Там был Пильский, он говорил, что фельетон Волошина потом не взяли в «Понедельник», что об этом же хочет писать он, Пильский. Наверно, будет ругать. Счел меня за москвича.

23

Снова сидел дома, но уже писал несколько; из «Скорпиона» никакого письма. Приехала тетя; она там что-то сделала сама. Поехали в университет, сначала без рекомендованных билетов не пускали, но потом по совету Сережи стали у входа продавать билеты кому угодно, и за свои 25 к. публика еще более считала вправе себя вести как угодно. Ни фонарь, ни простыни, ничего не было приготовлено Городецким, приехавшим после [меня] Билибина. Лектор заикался, на плохих картинах были церкви, вместо стиля которых объяснялись их биографии. Фразы, вроде: «Та же церковь в том же селе», «Первый оригинал», «Исчезла до неузнаваемости», были достаточно смешны. Билибина было очень жалко. В «Нов<ом> вр<емени>» Буренин ругает 1<-й> № «Руна», Потемкина, меня, Сологуба, Розанова и Иванова[31]. Почему-то Ремизов и Кондратьев избегли. Последний передавал мне поклон и восторги от некоего Бера из Симб<ирской> губ<ернии>. Я давно слышал об этом господине, который, по словам, мог бы быть вульгарным прототипом Штрупа[32]. Чуковский получил письмо от Брюсова, уже выздоровевшего, где он пишет, что не знает, как говорить о Городецком с такими блестящими обещаниями, имеющими быть, по

его, Брюсова, глубокому убеждению, никогда не выполненными[33]. Читал Ремизов «Илью», читал Кондратьев, Городецкий; я ушел, Бакст звал меня к Дягилеву, но я не поехал, а пошел домой. Потом узнал, что читал Потемкин, был скандал, совсем хороший. Выскакивал Чуковский на какого-то почтенного дяденьку с восточным изречением: «Если кто глуп, так это надолго!» Трепали и Ремизова. Вилькиной не было; вообще, знакомых было мало. Я очень рад за Потемкина и за вечера молодых, обращающихся в какие-то битвы русских с кабардинцами[34]. Возвращался один, отлично, по пустынной набережной, Сергиевской и т. д. Перед чем-то я нахожусь? Гржебин об издании ничего не знает, вот прохвост!

24

Ходил в типографию и на почту. В типографии видел Пильского, сказавшего, что в «Понедельнике» упомянет о «Курантах» в начале и в конце статьи, Чуковского, Гржебина. Действительно, кажется, его самого надувают. Чуковский был очень мил. Было приятно пройтись, хотя бы и без денег. Вдруг после обеда пришел Павлик, потом пришел Городецкий, взял стихи в «Вертоград»[35], беседов<ал>; пришел Наумов, пили чай, они с Сережей поехали к Ивановым. Я стал Наумова занимать музыкой, как вдруг приехал Renouveau, добродушный, милый. Играли, потом перешли ко мне читать, вдруг является Сомов, читал начало повести. Наумов говорил, что хотел бы прийти так, без народу, что он страшно занят и все-таки приехал, что он только что прочитал «Крылья». Был очень мил, но странен, почти все время сидел отвернувшись. Нувель от него совсем без памяти, Сомов пыжится, уговорились в понедельник ужинать с Единькой вчетвером. Я бы хотел познакомиться с Юсиным, я как-то его встретил очень привлекательным; без фуражки у него несколько глуповатый вид. Друзья сидели еще немного, в четверг хотят устроить audience Боткиным. Находят меня demoscovisé*.

25

Днем сидел дома. Тотчас почти после обеда зашел к Иванову. Там была трагедия из-за того, что В<ячеслав> Ив<анович> [вчера] должен был писать и кончать статью в «Факелы». Вчера Волошин читал свой реферат; были Венгерова, Вилькина, Бердяев, Гофман, Пяст, Мосолов, Сюннерберг. Портреты стояли выставленными. Посидев немного, зашел к Званцевой и Ремизовым, не бывшим дома. У Сологуба были художники, Нувель, Людмила, Город<ецкий>, Веригина, Тэффи и раз<ные> др<угие> народы[36]. Потемкина

* «Размосковленным» *(франц.)*.

не было, верно, уехал. Старался быть ласковым. Возвращался с Бакстом. Очень томлюсь <от> невлюбленности, хотя волны вновь идущей культурности помогают мне жить в холодной прохладе.

26

Написал романс на слова Вилькиной[37]. Писем нет, не знаю, что и думать. Пошел на Английскую[38]; были милы; повесть, кажется, не понравилась; обида на Сережу. Поехали на «современников»[39]; с Эдинькой ничего не устроилось, т. к. он занят в театре. Я назвался к Дягилеву, сидевшему рядом со мной и говорившему, что слышал о моих успехах и моих позорах. Домой возвращался с Бердяевым, Гофманом и Мосоловым. Пелись мои вещи Сандуленкой, конечно, плохо. Гофман рассказывал о Наумове, которому на днях написал стихи. Была куча знакомых. Письмо анонимное Сереже с адресом: «В. А. Мошковой для передачи»; он начал читать при мне: «Простите, что совсем постороннее лицо пишет Вам свои мысли...», дальше читал тихо — длинное. В «Понедельнике» Пильский начинает свой фельетон: «В милом обществе я слушал целый вечер милые „Куранты Любви“ Кузмина»[40]. Что-то будет завтра в Москве, Волошина, пожалуй, в клочки разорвут от его реферата. Потемкин стал известен, почему на него стал нападать Гофман, я очень рад за Петра Петровича. Волошин свой реферат хочет читать на «Вечере искусства». Уж это очень крепкая марка. Вот, я думаю, будет скандал-то![41]

27

Днем неожиданно явился какой-то тип в берете, зеленой бархатной рубахе под пиджаком без жилета, с ярко-рыжими кудрями, очевидно, крашеный. Оказывается, натурщик Валентин, где-то читавший «Крылья», разузнавший мой адрес и явившийся, неведомо зачем, как к «русскому Уайльду». Большей пошлости и аффектации всего разговора и манер я не видывал. Он предлагал мне свои записки как матерьял. М<ожет> б<ыть>, это и интересно. Но он так сюсюкал, падал в обморок, хвастался минут 40, обещая еще зайти, что привел меня в самый черный ужас. Вот тип. Оказывается, знает и про «Балаганчик», и про Сережу, которого он считал братом, и т. п. Брал ванну; после обеда Павлик, не очень надоедал, бледный, похудевший; все-таки это<т> тип <может?> меня волновать; условились завтра гулять. Письмо от Ликиардопуло; был болен, обложка «Крыльев» готова, только типографии бастуют. Пошли к Ивановым, среды не будет, скучны; зашли к Ремизовым. А<лексей> М<ихайлович> был один, предлагал Сереже писать в киевском журнале, в «Книге»[42] и т. д. Мне же ничего не предлагал, думая, что я не захочу и что мне не идет везде печататься. Отчего

бы это? Написал на книге, напирая на мою музыку. Вертит хвостом он что-то, пальца в рот ему не клади. Получил он приглашение на вечер в Москву, на 24<-е>, меня не приглашали что-то, вообще, меня никуда не зовут, уверяя, что мне это не идет. Вот забота о том, что мне идет. Дома писал главу, играл arie antiche*, будто сижу дома недель шесть, тоска смертная. Даже не о ком мечтать. Вот беда! Повесть делается живее и интереснее, сжатее. Завтра буду бодрее, ожидая денег из «Весов», завтра пройду погулять днем, зайду в типографию, к тете; в четверг у Сомова, но ах, как пусто в сердце без любимых!

28

Сегодня день визитов, были люди, которых я, впрочем, не видал: Мейерхольд, Валентин, Сомов, Леман, Тамамшев, у Сережи Лазаревский, тетя. В типографии задержка за бумагой. Был у Нувель, но не застал его дома. Поехал на «Жизнь человека»[43]. Видел, кроме актеров, Гржебина, Косоротова, Милиоти. Некоторые сцены поставлены очень удачно, напр<имер>, бал у человека. Болтал с <Горневой?>. Дневник Валентина — что-то невероятное, манерность, вроде мечты о жизни бульварного романа, слог — все необыкновенно комично, но есть неожиданные разоблачения и сплетни. Вернулся рано и, ничего не делая, лег спать.

Март

1

Ходили с тетей и Варей в сберегательную кассу. Ждать пришлось целый день, Алексееву часть не выдали. Заходил стричься. Читаю дневник Валентина: это забавно. Мейерхольд приехал с Прониным, вероятно, для большей мне приятности. Пастораль, кажется, не очень понравилась, все хотят устроить «Куранты». У Сомова сначала были родственники, потом Аргутинский и Нувель. Сомов пел, болтали, как прежде. «Figaro» и теперь меня волнует, и не только воспоминанием. Гофман, кажется, влюблен в Наумова, завтра собираемся в манеж, в субботу ужин с Эдинькой.

2

Утром писал немного. Наши все разъехались, рано пообедал и пошел к Баксту; был дома, ругал Аргутинского, звал завтра на бал, хотел прийти в манеж; вздумал пройти к Ивановым на Шпалерную, там всё по-старому; киснут, стареют, благодарны. В

* Старые арии *(итал.)*.

манеже было мало интересного, меня заинтересовал один реалист, Нувеля — гимназист, похожий на Сережу, но лучше; пришел Бакст, потащил вон; прошли по Невскому: в «Café de P<aris>»[1], в «Quisisan'e» — ничего; Бакст ушел, мы все-таки попали в «Вену», где с нами сидели сначала Черепнин, потом Аничков и Цензор. Без меня были Павлик и Троцкий. Зять приехал. Читаю дневник Валентина. Забавно.

3

Писал. Ходили в Таврический смотреть на катающихся пажей. После обеда зашел к Ивановым. Волошин вернулся еще вчера, портреты Рябушинский вернул, как не понравившиеся. Реферат прошел со скандалом. В Москве есть оргийное общество с желтыми цветами, оргии по пятницам, участвуют Гриф и К°. Я думаю, они просто пьянствуют по трактирам — вот и все[2]. Сабашникова рисует Диотиму почти голой, в $^1/_2$ раза больше натуры[3]. Был Бердяев и Ремизов. В театре видел всех, кроме Сапунова, говорили о будущем репертуаре, был Сомов и Нувель, уговорили Эдиньку ехать; он говорит, что наш разговор вроде разговора 2-х офицеров: «Помнишь, как мы танцовщиц из-за кулис выманивали?» Но поехал к Альберту[4] в кабинет. Ели ризотто и пили chianti, вели полуприличные разговоры, Эдинька совсем неграмотный и довольно глупый, но мне нравится. Сомов был кислый, absorbé, хотел спать, мы уехали раньше. Я лег спать. Что-то меня гнетет: всё более и более накопляющиеся, которые меня бранят, долгое отсутствие влюбленности, безденежье, — не знаю что. Мои неприятели еще: Аничков, Милиоти Николай, Трояновский — вот. Буду вести счет.

4

Утром поехал к Вальт<еру> Федоров<ичу>. Вчера Эдинька оказался осведомленным, практическим и особенно согласным. Говорит, что я живу со студентом и что Сомов любит минет. Пошел гулять по Морской, ни Юсина, ни Павлика, ни студента не видели, видели фальшивого Сережу, вот и все. Наши уехали в Удельную. Сережа был один дома, когда я пришел часов в 6. Сапунов, очевидно, спутав, телефонировал мне, что будет в театре; оставив адрес Ремизовых, пошли одни. Там были только Бакст, Сомов, Нувель; болтали, злословили, Ал<ексей> Мих<айлович> читал отрывки из «Часов»[5]. Было не плохо. Измайлов в «Биржевых» меня ругал за «Крылья»[6].

5

Утром пришел Павлик, принесший квитанцию; пошли вместе в типографию, бумагу прислали при мне: неважная, но луч-

ше, чем никакой. Прошли до Морской, потом по Невскому, по Пассажу, встретили Блока, Чеснокова, Гольдебаева, но ни Юсина, ни того студента не видели. После обеда, только что я хотел отправиться к тете, как пришел Троцкий, уже в четвертый раз, манеры совершенной тетки. Когда я играл «Куранты», приехала сначала тетя, потом Сапунов. Телефонирую Людмиле, что не могу быть, конечно, страшная обида. Болтали, читал «Картонный домик», отрывки дневника Валентина. Было очень уютно, хотя угрызения совести меня и мучили за Людмилу.

6

Поехал в банк; тетя ничего не получила и, кажется, все деньги целиком хочет послать Алексею. Опять без денег поплелся домой в яркое солнце; весной наши уедут, придется устраиваться по-другому, лучше ли это будет, хуже ли, не знаю. После обеда вскоре пришел Павлик, он вчера видел и Юсина, и того студента. Всегда, когда не нужно, они есть. У Ивановых был Леман с кузиной, Гофман, потом Сюннерберг, Чулков, Нувель и Сомов. Читал свою повесть, кажется, не очень понравившуюся. Днем у Аннибал были дамы, Средина и Балтрушайтис, страшно меня ругавшая, как и известная часть Москвы. Сидели долго. Я очень угнетен.

7

Встал поздно. Поехал на выставку[7]; Ник<олай> Ник<олаевич> был уже там; выставка очень плохая; встретил Трубникова. С Сапуновым приехали к нам; обедали постный суп и свиные котлеты вдвоем, сидя рядом. Мне захотелось в церковь. Медленно говорили, стоя у теплой печки, играли. Пришел Сережа, сестра, опять пили чай. Тети дома не было, и Варя ничего не узнала насчет денег. Поехали уже поздно. У Сомова были Боткины, Аргутинский и Нувель. Не знаю, понравился ли я Боткиным. Ал<ександра> Павл<овна> потом сказала: «Он совсем не такой» — про меня. Похвала это или упрек, не знаю. Сидели еще долго вчетвером. Денег ни копейки.

8

Утром показалось, что пришла тетя, но ее не было. Пришел Павлик, пошли в типографию, на Фонтанке встретили и того реалиста, что я видел в манеже, и того, что мы видели на Морской, «faux* Павлика»; второй живет в № 58, но неинтересен, первый же мне очень нравится. Очень устал, денег ни копейки. Приехала тетя, уверяя, что с меня пошлин вычли только половину; т. к. у меня нет

* Ложного *(франц.)*.

никаких письменных доказательств противного, то, вероятно, так и придется примириться. Играл «Manon», думая почему-то о Маслове и лете. Спорил с Сережей о логике и политике.

9

Был у Чичериных, утром кончивши повесть; там все по-старому расположены. Поехал к Нувель, игравшему «Ariane» Dukas'a[8]. Кажется скучно, всегда скучно, когда нарочно пишут une oeuvre*. Пошли гулять, видели Юсина, Чеснокова, Павлика, знакомых незнакомцев, того студента не было, был другой, довольно мне понравившийся, но он все сбегал. Раньше еще я встретил Тройницкого и Трубникова, сегодня уезжающего в Венецию. Заезжал к Сапунову, но его не было дома; у Каратыгиных были Андреев, певицы, Нурок, Нувель, но было довольно скучно[9]. Вернулся зять.

10

Утром составлял план для комедии о Евдокии[10]. Пошел за покупками, никого не встретил. Без меня кто-то телефонировал, не говоря адреса. «Не Наумов ли?» — подумал я, помня, что тот в случае неприхода хотел известить. Уезжал зять, я в гостиной читал; как тяжело никого не поджидать, не волноваться, не думать ни о ком вдали! Пришел Наумов, дома его просили остаться, были гости, но он пришел. Читал ему «Карт<онный> д<омик>», болтали; он думает, что Нувель — художник. Начали пить чай, уже когда приехал Вальтер Федор<ович>, был очень мил, будто дядя из итальянс<кой> комедии. Стали играть, болтать. Играли «Д<он> Жуана», «Оп<асную> предост<орожность>», для которой Наумов даже вернулся, снова сняв пальто; он был как дома, пил вино, ел сладости, полулежал на диване, болтал, смеялся и кокетничал. Когда я, провожая его на лестницу, звал его, он сказал: «Да, я буду приходить, мне нужно вас *узнать до конца*». Нувель был влюблен, как не знаю кто, робок, счастлив, строящий планы, умолял не говорить Дягилеву. Мы уже перешли в мою комнату, что<бы> читать повесть, но вдруг пришел Потемкин, а за ним Леман и Гофман в полуобморочном состоянии. Говорили о «Кружке молодых», Потемкин читал новые стихи, очень хорошие. Леман и Модест ушли. Потемкин с Нувелем сидели долго, дурачась, я сел лежащему Петру Петр<овичу> на живот, вроде Матильды[11]. Бросались апельсинными корками, смеялись, наконец ушли. Наумов очень любит музыку, и в училище ему поручены какие-то музык<альные> вечера. Вчера Нувель видел Птичку, который сообщил ему про пассажного студента, что хотя он женат на богатой, но, как выражается Валентин,

* Произведение *(франц.)*.

«из плеяды», и потом, у него бывают грамотные юнкера, моряки, гимназисты. Фогель может с ним познакомить. Птичку же скоро пригласит Вал<ьтер> Фед<орович> и позовет меня. А кто-то знает того дивного студента, которого теперь я уже не вижу.

11

Я боюсь больших слов, но если называется любовью искать встреч и бояться при встрече, никого не находить более красивым, более стройным, более желанным, если любовь — все время неотступно думать об одном, быть рассеянным, absorbé, никуда не хотеть и не быть в состоянии сидеть на месте, в книгах, картинках, дверях видеть все одну фигуру — то я люблю. Это нелепо, это смешно, это напоминает Валентина, я сам вижу. Я думаю о том студенте, которого наконец, гуляя часа 2 по Морской, мы видели с Вал<ьтером> Фед<оровичем>; потом он пропал; пошли по Невскому, на Морской опять встретили Юсина, гуляли с ним, он все время болтал мило, весело и просто; вблизи он мне совсем не нравится, и потом, он удобно и не совсем приятно практичен; маленький мандеж не мешал бы. Опять встретили студента; Юсин его не знает и думает, что все бесполезно, но я не верю этому, да если бы было и невозможно, то это ничего не доказывает. Нужно узнать, кто он и где живет, — это первое. Болтали, вспоминали, как Тышкевич на одном извозчике с банщиком гнался за Юсиным. Юсин намекал, что он без денег, перестал нравиться и т. д. Зашли в «Café Central»[12], где у Юсина было какое-то rendez-vous, он мне все больше нравился, и будь у меня деньги и Юсин потапетистее — я бы не удержался. Я ушел в 6 $^{1}/_{2}$, Юсин спрашивал, кто я, и узнав, что писатель и музыкант, сказал, что так и думал, что из ученых. Взял у Нувеля рубль; просил познакомить с кем-нибудь и, пожаловавшись опять, что перестает нравиться, ушел. Его постоянные компании с девками и бабами несносны; видели Шурочку, Лазарева и др. Народу масса, день чудный. Сережа лежал на диване в полутемноте, когда я пришел; закусив и одевшись, пошел к Иванову. Гржебин телефонировал, что «Эме» напечатан удачно, набирается дальше, Сомову нравится. У Ивановых была тоска и запустение, все расстраивается, все будто эмигранты во времена революции. Пели я и Диотима, было очень скучно, даже Сабашникова не утешала. Поехали к Сологубу; я все думал о студенте, сочиняя какие-то стихи. Там народу было очень мало, но читали много, все прозу: Кондрат<ьев>, Ф<едор> Кузьмич, Сережа, Чапыгин и Потемкин последние стихи[13]. Шли пешком, сначала проводив Нувеля втроем, потом вдвоем добрели до дому. Ах, пускаться ли мне без руля и без ветрил в столь дальнее неверное плаванье? Не новелла ли это будет канительная и ни к чему не приводящая? Скучная предстоит неделя.

12

Поехал к Сомову; он выбирал рисунки Гойи для изданий «Шиповника»; хвалил, как выходит «Эме»; планы и надежды издать «Предосторожность» одновременно. Делал ему доклады о наших деяниях, планах, эскападах; он принимал довольно кисло, недоверчиво, как-то осуждающе. Был мил и разочарован. Званцева хочет опять меня рисовать. Возвращался пешком по Морской, Невскому, Пассажу; было или поздно, или неудачно, но того студента не было. Был чудный день. М<ожет> б<ыть>, с деньгами все было бы иначе. Дома была тетя, потом пришел Павлик, подурнев<ший>, постаревший, бледный. Я переписывал, пока он сидел. Вышел с ним пройтись, но торопился домой к чаю, раннему из-за тети. Играл «Ariane», переписыв<ал>; пришел Сережа от Лемана и от Гофманов. «Кружок молодых», кажется, кончит свое существование, т. к. профессора не утвердили устав. Кто он может быть? Я должен с ним познакомиться, хотя бы без всякой надежды. Это я верно знаю. М<ожет> б<ыть>, мне может помочь в этом Юсин, Павлик, кто знает? М<ожет> б<ыть>, это начало чего-нибудь важного? Укрепляюсь в мнении сделать из Евдокии une fadeur* XVIII века. Сегодня все на «Д<он> Жуане» Рафаловича, мне жалко, что я не там[14]. Где он бывает? что он любит? чем интересуется? Сегодня видел месяц слева.

13

Когда я вышел на Морскую, он был уже там, шел с желтым портфелем. Я прошел за ним до Пассажа и назад, до Конюшенной, в которую он свернул. Там стоял старый военный и девушка, с которыми он раскланялся, и остановился около Марсеру[15], ожидая конца их разговора, я же прошел до «Медведя»; я вернулся, видя, что он пошел с барышней к Невскому, что издали заметить дозволял мне его высокий рост и белый воротничок. У его спутницы была хромающая походка и тик головой в правую сторону. Она одета по прошлогодней моде, в очень короткой юбке и скромно. У него две родинки на правой щеке и за левым ухом, у него отличная походка. Так они дошли до Бормана[16], где купили шоколаду, я стоял на мосту, ожидая; когда же они зашли к Нечаеву, я ждал у Вотье[17]. Они повернули по Екатерининск<ому> каналу, я же пошел по другой стороне. Так они прошли опять на Конюшенную, где и вошли в дом. Кто там живет, он ли, она ли, — я не знаю. Я написал 4 стихотворения. Он видел, что я слежу за ним, м<ожет> б<ыть>, недоволен, но заметил мое лицо и то, что хожу за ним. Но может быть, нет никакой надежды. День был теплый и темный. После

* Безвкусицу *(франц.)*

обеда оделся, чтобы идти или к Нувелю и Людмиле, или к Ивановым и Званцевой. Людмила сказала, что она едет в театр, а зовет завтра, будут гости, т. к. она скоро уезжает. У Ивановых все разлетается. Сабашникова в санаторию, Волошины в Крым, Диотима в Юрьев, кухарку увозят Волошины, а в квартиру напустят жильцов с одной Катей. Были милы, я читал, болтал о романе, Иванов думал, что я влюблен в Потемкина — вот идея! Пришел Городецкий с Евг<ением> Тарасовым, звал всех сейчас же на вечер для безработных, «Вертоград», кажется, расстраивается. Чулков устраивает какой-то альманах «Нева»[18]. Не верится в его начинание. Званцевой не было дома. Пошел к Ремизовым, мирно беседовали, читал свои вещи; Ал<ексей> Мих<айлович> потом «Страсти Христовы»[19]. «Домик» понравился. Сер<афима> Павл<овна> собирается в Париж, спрашивала, что привезти, я сказал галстух. Рассказывала, как она с Лидией Юдифовной интриговали Розанова фиктивн<ым> эротическим обществом, а он за них хватался, говорил на «ты», требовал, чтобы его сейчас же везли в женское отделение, доказывал, что он может быть активным членом, и, провожая их, опять хватался, покуда они не сказали, что идет его жена[20]. Дома Сережа еще не спал, побеседовав с ним, лег рано, думая о своих всяческих делах невесело.

14

Ходил в типографию под ярким весенним солнцем, обещали корректуры к субботе. Заехал к Нувель, не бывшему дома, он завтракал где-то в городе. На Морской встретил Юсина, прошелся с ним немного. Потом по Невскому; опять на Морской встретил студента с той же барышней. Я проводил их до Вознесенского и поехал к Баксту. У него были Черепнин и Фокин, толковавшие о балете, о театральных интригах. Было почему-то очень хорошо, я светился новой любовью и весной. Пили чай. У Чичериных были милы, обедали, читал «Домик», играли «Сервилию». Поздно приехал к Минской, там были уже Сомов, Бакст, Смирнов и Нувель. Сомов и Нувель были какие-то ошпаренные, сердитые, секретничали; Людмила и Изабелла были печальны, грустны. «Домик» не понравился, особенно Сомову, стихи больше. Я защищался, был enjoué*, Бакст говорил, что я у него был очень молодым. Нувель озабочен историей с Эдинькой, который растратил 100 р. из кассы Гайдебурова и теперь трепещет; к Наумову, кажется, охладевает. Была чудная луна. От «Пеллеаса» Бакст отказался. Гржебин рад издать «Предосторожность». Чем-то я удручен. Из Москвы ничего нет.

* Игрив *(франц.)*.

15

Утром пришел Павлик. Брал ванну. Телефонировала Ел<ена> Ник<олаевна>, что Блех хочет попасть в «Круж<ок> мол<одых>», чтобы меня слышать. Предложил прийти к ней — вот неожиданное возобновление знакомства. Чудный день. Сижу дома. Писем нет. Денег тоже. В сумерках пошли к Тамамшевым, была дома одна мамаша, потом приехали из бани барышни и Евг<ения> Егор<овна>. Болтали, обедали. У «современников» было скучно, хотя Медем и отлично играл «Ариану». Нувель из «Café Centr<al>» видел моего студента, проходившего уже с господином. На Невском встретили Година с Андрусоном и Билибина. Вернулся рано и рано же лег спать, ни о чем особенно не думая. Удастся мне, выйдет ли?

16

Сидел целый день дома. Вечером зашли к Ремизовым, т. к. Бердяевы перенесли обед с воскресенья на субботу, сказать, что я не свободен[21]. Из «Руно» «2<-х> пастухов» мне вернули. У Ремизовых рассказывали, как вчера Пти <Балков?> чествовали ужином и были Ивановы, Бердяев, Венгеровы, разумеется, и т. п. Было уютно, но Ремизов все-таки страшный интриган. Зашел к Ивановым, он собир<ался> уходить, но звал меня раздеться. У Званцевой беседовал с 2-мя девами, скучновато, но мило; будет меня писать. Поднявшись наверх, нашел уже 2<-х> Герцык и Троцкого. Читали стихи, Л<идия> Дм<итриевна> «Красного паучка»[22], Троцкий свой рассказ, стихи Бальмонта; меня одели в дурацкий восточный костюм, и было пренеудобно валяться на тюфяках. Диотима на прощанье при всех меня поцеловала. Был почти рассвет, когда мы возвращались, я проводил Троцкого; все более убеждаюсь, que c'est une tante crachée*. Он на днях уезжает в Париж. Был чудный вид у тихих спящих домов, уже при гасящихся фонарях, освещенных вместе и полной луной, и уже начинающейся зарей. Теплый ветер, пустота, вдали силуэт Смольного; манило долго ходить, мечтать, строить планы с кем-нибудь под руку, но я только дошел до дому, будучи один и довольно безнадежен.

17

Пошел к Чичериным. Завтракали, болтали по-старому; читал дневник, будто не шокировались. Заехал купить вина и закусок. У дома меня ждал уже Павлик. Поднявшись, нашел корректуры из «Весов»: «Любовь этого лета» с Сереж<иным> рассказ<ом> и рисунками Судейкина будет в 3<-м> №. Брюсов просит написать о театре Коммиссарж<евской>, и скоро[23]. Письмо от Valentin.

* Что это вылитая тетка *(франц.)*.

Поехали в ломбард выкупить осеннее и заложить зимнее пальто, это страшно длинная процедура. Вчера Павлик видел моего студента с той же девицей. Поехали обедать в «Вену» и в парикмахерскую, где Павлик так приставал к мальчику, что тот спрятался за занавеску. Там видел друга Трубникова, сказавшего мне, что «Голубая роза» будто уже открылась и С. Маковский поехал даже туда[24]. Дома были Леман, Тамамшев, Сиверс, потом пришли Ступинский и Нувель, Наумов еще вчера написал, что не будет, Бакст нездоров, остальных не звал. Хотевший приехать Дягилев был занят. Было довольно скучно, хотя Нувель, несмотря на свою разочарованность, очень смешил. Я пошел проводить гостей и провел В<альтера> Ф<едоровича> до Казанского моста. Что-то будет вообще? Я бы хотел быть известным, чтоб это помогало мне в любви.

18

Тепло и свет пьянят меня несказанно. Блестящее небо, стекла больших домов, народ, езда, теплый ветер приводят мне на память Вену, Италию, Рим, незнакомый большой и привольный город туристов. Пришел Павлик, одевшись, пошли гулять по Невскому, Морской, набережной, но ни того студента, ни Юсина, ни Шурочки не было; видел Бецкого, Пяста и т. п. Обедали в 7 ч. в «Вене», где был Нурок и Коль. Заехал за Нувелем, и вместе отправились к Дягилеву; от воздуха и езды я чуть не засыпал. У Дягилева сидели вчетвером и пили чай, болтая. Когда мы уходили, туда пришел закутанный Бакст, но мы не вернулись, поехав к Сологубу. Там было довольно много народу, читали стихи Сологуб, Блок, Потемкин, я[25]. Сомов был очень мил, хочет хлопотать об «Евдокии» в «Шиповнике». Тогда нельзя уже будет давать ее в «Оры». Блок вдруг объявил, что со мной трудно говорить; были там 2 студента, Ге и Моисеев. Гофман поссорился с Вяч<еславом> Ив<ановичем> из-за ремизовских «Страстей»[26]. Наумов был сегодня у них, собираясь вместе ехать на религиозно-философ<ское> собрание[27]. Нувель выпросил у Сомова на пятницу билет. Что-то выйдет? А что же я, мой студент сделается опять надолго невидимым. Возвращались с Потемкиным и Гофманом.

19

Ездил на почту, в типографию, к Блех. Она была одна, хотя и ждала Ел<ену> Ник<олаевну>, от которой пришло только письмо. Меня трогали ее восторги, ее скрытое служение пропаганде новой поэзии. Тенденцию «Крыльев» все-таки еще не переварила. На Морской, на Невском никого не было. После вечер был у Званцевой, она рисовала меня; торопился, ожидая Потемкина, который не пришел; вероятно, вечер состоялся[28]. Прислали корректу-

ры, правил их, мирно беседуя с сестрой, луна была огромна. Быть одному! От Лемана странное и нежное письмо, будто давнишнее что-то[29]. Денег не прислали.

20

Я редко бываю так уныло и грустно настроен, как сегодня: денег нет, любви тоже, мои писанья все меньше нравятся даже друзьям, хотя я вижу, что они лучше написаны, тоньше, радикальнее, классичнее; какая-то усталость к концу сезона. Был в типографии, у Нувель, гулял, ничего не выгулял. Ничего не писал, пришел Павлик в той же мизерии. А еще когда все разъедутся, что будет! У Ивановых были Сомов, Бердяев, Троцкий и Блок. Сидел англичанин, очень достойный и пасторский. Играли, болтали, читали послание Юраши; стихи очень хорошие Блока. Мне было скучно, но потом, когда мы уже вышли на улицу и я провожал Сомова и Тр<оцкого>, я развеселился, мы напевали Massenet и «Fille de M-me Angot», и я вспоминал прошлую весну, Коровиных, нашу компанию. Дома письмо от Людмилы, зовет в четверг. Когда же, где же я его увижу, узнаю, буду известен и интересен так, чтобы хотя этим влиять на отношения? Отчего сегодня свет померк, я усталый и обиженный, угнетенный? Я читаю новеллы Giovanni Fiorentino, и жизнь любви и трепет меня увлекает, но какая-то тяжесть меня давит, и неделя представляется какой-то скучной. Где же, когда же я его увижу?

21

Сижу дома, дождь, грязь, серо. Денег не шлют. Играл Rameau; когда же я его увижу? «Nous nous reverrons nous dans cette vie? folie»*, как поется в «Гибели Фауста»[30]. Как-то вся жизнь померкла, и теперь еще все будут разъезжаться. Вечером пришли Леман и Эбштейн. Борис Ал<ексеевич>, кроме того, прислал мне письмо самого восторженного и нежного свойства[31]. Повезло мне, нечего сказать: то Троцкий, то Леман. Смотрели книги, играли, читали. Когда же я его увижу? Боже, Боже, когда опять будет солнце, пришлют деньги, выйдут книги, опять выступлю на свет божий?!

22

Пошел к Блоку, где был сеанс Сомова[32]. Пришли при мне «Весы», я читал рецензии Брюсова на Городецкого, Блока, Иванова[33], болтал всякий вздор, пил чай; в конце пришла Веригина. Сомов довез меня до Морской, на Невском видел моего студента. После обеда пошел к Верховским, мирно и скучно просидели, пока не приехал старший брат от Ландовской. Денег у меня опять все еще

* «Увидимся ли мы в этой жизни? безумство» *(франц.)*.

нет. Никуда идти нельзя. Вечерами будто возвращаешься обедать за границей в отель. Ах, я так расстроен! Роман Брюсова отличен[34].

23

Не желая дожидаться Валентина, пошел с Сережей по набережной. Он отправился к Блоку, я же на Морскую и Невский, видел Пуца, Юсина, Павлика, но того студента не видел; дома была тетя, пришел Тамамшев, посидел, покуда я не пошел к Званцевой. Там была Семичева девица; довольно вяло беседовал со старыми девами, дома писал «Евдокию», денег не шлют — прямо не знаю, что и делать. Давно я не был в такой disette* , но я не особенно унываю.

24

Встал рано, писал «Евдокию». Завтракал у Чичериных[35]; дивный день, представляется лето, Финляндия, веселая банда молодых людей. На Литейном встретил Чулкова с Ге, Чулков просил у меня «Домик» в альманах[36]. Зашли к Ивановым. Сабашникова, отослав мужа в Крым, переезжает в четверг навсегда в город[37]. «Оры» затевают альманах очень скоро и тащат туда «Евдокию», но хотят с участника по 25 р. Дома письмо из «Весов», что деньги получу на этой неделе, и потом там опять история. Рябушинский поссорился с Курсинским, вышедшим из «Руна» и т. п.[38] Людмила зовет завтра. Пошли к Ек<атерине> Ап<оллоновне>, она, кажется, только что получила деньги, но была не очень любезна. У Ветчинкина все смотрел на нравящегося мне приказчика, он погрубел за этот год. Дома застали Юрашу Верховского; кажется, его стихи не будут в «Кораблях»[39]. Только что я стал одеваться, пришел Павлик. Пошли вместе до Вознесенского. У Сомова была Анна Андр<еевна>, его брат с женой и племянница; играли, читали, «Евдокия», кажется, понравилась. Смотрели японцев и Гаварни. У Вальтера Ф<едоровича> вчера ничего, кажется, не вышло. Шел и домой пешком. Дома нашел присланными «Факелы» «для ознакомления»[40].

25

Приехал зять, справляют Лидочкины имянины. Пошел пройтись с Сережей. Прислали «Mercure» и «Руно»; Андреев, Бунин и Зайцев уже вышли из него. Когда же я увижу моего студента? а когда-то я узнаю его адрес, напишу ему и т. д.? Собирались гости, Акуловы, Варв<ара> Павл<овна>, гимназисты. Часов в 9 мы пошли — я к Людмиле, Сережа к Сологубу: там был уже Сомов, потом прие<ха>л Нувель и Бакст, было обычно, Нувель прелестно рассказывал о своих погонях за гимназистом и потом о Вячеславе,

* Нужде *(франц.)*.

который, оказывается, был 6 мес<яцев> в тюрьме по политическим делам. Возвращались на рассвете.

26

Денег опять нет. У Сологуба, говорят, было много народу. Пошел к Блоку, там была мать Блока, Сережа и Веригина. Было не очень весело. У Верховских было и совсем скучновато; после обеда приехала Каратыгина; читал «Домик». В «Понед<ельнике>» напечатано, что я участвую в какой-то «Проталинке»[41]. Сологуб и мне прислал книжку «Змей»[42]. Ни денег, ни объяснительных бы писем нет. Вечером были у Тамамшевых. Там меня показывали куче каких-то дам и дев, был Пильский, Рукавишников. Было так себе, не плохо, но, ах, отчего не присылают денег, не могу понять?

27

Сижу дома, денег все нет; писал «Евдокию». Дал в «Проталинку» 3 стихотворения. После обеда пошли к Ремизовым, которых не застали дома, очень не хотелось к Званцевой; прошлись по Кироч<ной>, зашли за Леманом и привели его домой; без меня был Павлик, письмо от Гриши Муравьева, очень нежное, нужно бы его позвать к<ак>-нибудь. Пришел Тамамшев, читали «Евдокию» и «Алекс<андрийские> песни». Сережа дурачился, валялся по сундуку, потом я пел итальянцев. Леман мне послал письмо сердитое. Неужели завтра не будет денег, и неужели они будут завтра? Написал стишки. Завтра столько дела!

28

Денег опять нет. Пошли к Гржебину; от Лемана письмо с неприлично страстными стихами. Если б это было не от него! Гржебин согласен на комедии, был очень мил; встретил Потемкина, прошелся с ним, позвав его в пятницу. Нувель уже волновался; проехали на извозчике, как раз у ворот они стоят оба без пальто, один даже без фуражки. Конечно, они тотчас узнали Нувеля, что было видно по их улыбкам. Первый, с лицом совы, типа Философова и Добужинского, non m'a piaciuto*, второй некрасив, но мил и очень похабен. Завернув за угол, мы сошли и маршировали по другой стороне раза три, они показывали нас товарищам, наконец оделись, но не уходили, очевидно, пережидая нас. Мы ушли. Зашли в кофейню против Филиппов<а>, где лакеи очень тапетического вида, но ужасны. Заходили к Hivier, где В<альтер> Ф<едорович> брился; в Пассаже встретили Павлика, с которым и пошли гулять, студента не было, был Пуц. Поехали к Баксту, пили чай, болтали. Со-

* Мне не понравился *(итал.)*.

мов сегодня их звал к себе, а меня не позвал, вот противный, впрочем, там были бы чужие, Набоков, еще кто-то. После обеда пошел к Гофману, его не было дома, а сидел только лопоухий Мосолов, Вера Людвиговна, пили чай с родителями. Домой вернулся рано, играл Рамо и Шуберта; вернувшийся Сережа принес мне от Лемана форменное объяснение в любви. Несчастный! что я буду с ним делать! моя доступность оказалась не такой широкой. Вот повезло: то Троцкий, то Леман, то Валентин. «Факелы», кажется, конфискованы[43]. Я могу устроить дела Нувеля, а кто же мои устроит? У Ивановых, кажется, затевается теперь с Сабашниковой то, что прошлый год не удалось с Городецки<м>, но я думаю, что с Диотимой никакой терцет немыслим.

29

Пишу через день, плохо помня, что было. Ходил к Гржебину отдавать рукописи, в типографию, где ничего не делают; на Фонтанке встретил одного из гимназистов, поехал к Нувелю, но не застал его дома. Написал Леману, заходил к Потемкину. Дома нашел письмо из «Весов»: «Крылья» не конфисковали, прислали деньги. После обеда пошел в парикмахерскую и за папиросами, встретил Павлика, пили кофей, болела голова. Придя домой, хотел одеваться, чтобы ехать к «современникам», но пришел Потемкин, просидевший до 3-го часа, Павлик оставался и еще. Если бы не так болела голова, было бы неплохо. Видел кучу людей: Рябушинского, Милиоти, Пильского, Городецкого, Сенилова.

30

Говорил по телефону с типографией, обещали в понедельник. Пошли с Сережей к Чулкову, не застали[44], Блока тоже, к Павлику не заходил и заехал к Нувелю, тоже не дома. На набережной видел Юру Эбштейн и только к концу разговора сообразил, кто это: не то из гуляющих по Невскому, не то студент. Видел Пуца, Юсина etc. Студента не было. Так болела голова, что зашел завтракать в «Вену» один. После обеда приехал Павлик. Одевшись, пошли с Сережей к Ремизовым; была одна Сераф<има> Павл<овна>, очень благосклонная. Пошли к Ивановым; хотя сказали, что никого нет, мы застали там Ремизова, Блока и Гофмана, потом вышел до того спавший Иванов, все были как-то не в духе, Блок и Ремизов с перепоя, Диотима зла, Гофман противен. Читал «Евдокию», Л<идии> Дм<итриевне> и Блоку, кажется, не понравилось[45], Иванову — очень. Какая-то сплетня о середах, о Наумове, будто бы временно совращенном, но принесшем всенародное покаяние. C'est du nouveau*. Говорят, будто

* Это новость *(франц.)*.

в Сережином рассказе о давно исчезнувшем как существующем повторяются автоматические жесты, уже не оживляемые ничем. Диотима особенно злилась. Было жалко, что так близко идти домой, хотелось в тихой звездной ночи отдохнуть от трагедий и озлобления. Студента не видел, а Павлик видел его с гр. Коновницыным.

31

Кончил «Евдокию». Заезжал к Сомову, оставил пригласительную записку. Зашел к Нувель; он в страшном волнении. Вчера он видел, как в канцелярии писали повестку какому-то ученику 1-й гимн<азии> 7-го класса, вызывая его, а начальник с утра хотел видеть Вальт<ера> Фед<оровича>. Он, оказывается, просто дал ему просимый отпуск, но Нувель думает Бог знает что и трепещет. Я его разубеждал, что это простое совпадение, что вызывают для пособия, мало ли для чего, и что не могли узнать, кто он, и что даже в худшем случае ничего опасного выйти не может. Поехали в «Лионс<кий> кредит»[46], зашли в «Café Central», видели там Шурочку с 2-мя гимназистами. В «Комиссионере»[47] сказали, что «Крылья» получатся только в понедельник. Студента не видели; приехал Кузнецов, он продолжает быть верным и восторженным поклонником. Заезжал за покупками. Дома письмо из «Шиповника» с приглашением на сегодня. От Наумова нет, значит, будет. Вздумали позвать Тамамшева, поехали втроем с только что пришедшим Павликом. Тамамшев охотно отправился с нами же, я торопился, думая, что придет Наумов. Он и пришел очень скоро. Первое его слово было: «Как Вам не стыдно писать такие письма?» Был молчалив и странен; я прочитал «Евдокию», упомянув, что помещу ее и в альманахе «Ор», он стал вдруг говорить: «Пожалуйста, не помещайте ее в „Оры“, она не должна там быть». Когда он уходил, я упомянул про сплетню у Иван<овых>, он, не отрицая ее, сказал, что ко мне это не имеет никакого отношения, обещался приходить, что он все свои слова помнит, долго стоял, не уходя, и потом вдруг побежал вниз, не оборачиваясь. Ему что-то жжет губы, нужно его позвать одного. Леман пришел, когда мы были втроем в темной комнате. Пришел Бакст, Нувель, Потемкин, опять читали «Евдокию», Нувель просил посвятить ее ему[48]; потом возились, бросались апельсинами, пели, галдели; с Леманом я говорил мало, будто стесняясь, но ласково[49]; от Ремизовых извинительная записка[50]. Нувель говорит, что нужно послать стихи Потемкина в «Весы» с рекомендательным письмом, но не действуют ли на Брюсова рекомендации обратно? Сережа был не в духе. Это смешно, денег у меня уже ни копейки. Сомова не было, это мило: к себе не зовет, сам нейдет. А тот студент! где-то его увижу я? «Евдокия» нравится больше «Домика»,

м<ожет> б<ыть>, она удачней и в самом деле. Но что за тайна у Наумова, неужели и у него та же, что у Лемана, не думаю, не хочу думать этого, но чего же он тогда хочет?

Апрель

1

Снег и ветер, холодно. К Венгеровым не поспел. Пошли пройтись и потом к Ремизовым, там был Анчаров, несколько задержавший нас. Поехали к Бердяевым; было очень уютно обедать, после читали «Евдокию», которая им понравилась. Потом болтали, играли в секретари, к Бердяеву стали приходить разные личности из Рел<игиозно>-фил<ософского> общ<ества>: Карташев, Агеев, Аскольдов, Ельчанинов; Ремизов уехал к Билибину, чтобы потом проехать к Сологубу. Я поехал с Сер<афимой> Павл<овной>, которая дорогой чуть не замерзла. Народу было много: студенты, Зайцевы, Гржебин, Чулков[1]. Устраивал дела; старался у Гржебина о переводе Потемкина. Получил «Корабли». Читал «Евдокию», Гржебин потянул в «Вену» с Зайцевыми, я поехал, т. к. это могло быть полезно для Москвы. Обычные расспросы духов и т. д., манеры московской декадентки, к тому же уже старой и некрасивой; она то хотела потушить огонь во всей «Вене», то пойти бегать по залу и т. д.; посадила мне за ухо красную гвоздику. Возвращался я с Гржебиным, условились завтра увидеться в типографии, уже рассветало. Дома Сережина корректура, присланная на мое имя; это прямо смешно, такое упрямство.

2

Утром пришел Павлик. Пошли в типографию, Гржебина не дождались, видел Гофмана с флюсом. Получил «Крылья»; по-моему, недурно[2]. Кондратьев по телефону звал к себе. Получил почетный билет на «Голубую розу» в конверте, как судейкинские письма. Пошли к Кондратьеву, там все уже были: Блок, Потемкин, Зор, Лернер, Панов, Штейн, Анненский. Потемкин читал свой перевод, читал Кондратьев свой рассказ, стихи по очереди, много пили, даже коньяку я выпил несколько рюмок, все куда-то тянули Блок и Потемкин, потом пошли шарить по шкапам и окнам. Нашли бутылку пива и настойку из черной смородины. Потом домой. Было совсем светло[3].

3

Пошел к Блоку, голова немного болела. Там был уже сеанс, была Менделеева, потом Пяст. Голова страшно болела, почти

до рвоты; читал «Евдокию», очень понравилась и Сомову, и теперь Блоку. Пошли с Сомовым до Мытнинс<кой> набережной, от тихой ходьбы голова проходила, зашел к Чичериным, пообедал и провел вечер, читал «Евдокию», играл «Пик<овую> д<аму>» и «Damnation de Faust»[4]. От эфирно-валерьянки голова так прошла, будто и не болела. Вернувшись, застал уходящей Екат<ерину> Аполл<оновну>. Судейкин в Петербурге и был у Дягилева, очень земной, ужасного вида, будто приехавший к родным жены. Что-то тот студент? Без меня был Павлик. Письмо от Людмилы.

4

Встал поздно; пошел в «Шиповник», откуда выходил уже Гржебин в обществе какой-то пары, только что приехавшей из Рима. Т. к. я хотел пройти к Нувелю, то я взялся проводить этого художника с женой до почтамта. Вальтера Ф<едоровича> не было дома, на Невском никого не было; днем был Павлик; я написал заметку в «Весы»[5]. Попросил было денег у Пр<окопия> Ст<епановича>, но у него у самого ничего нет. После обеда было очень скучно, серое небо, будто дачное место осенью, когда все разъехались. Зашли к Леману, но его не было дома[6]. Наши поехали к Эбштейн, я же остался дома пить чай с детьми. Вдруг пришел Потемкин, невыспавшийся, проигравшийся накануне в карты, я поил его чаем, играл «Кармен», тихо и мирно беседовали, пока не пришли наши и Сережа стал пикироваться с Потемкиным. Написал письма Брюсову и Юше, но денег нет даже их послать. Попрошу в пятницу у Чичериных, а то прямо не знаю, что делать. Писем ни от кого нет. Так скучно сегодня, будто я долгие месяцы никого, никого не видел; неужели это от безденежья? Конечно, это оттого, что я не могу выслеживать моего студента, но и это от недостатка денег же. Пойти бы завтра на «Сп<ящую> красавицу».

5

Идет дождь, серо, денег нет. Сижу дома, брал ванну; зять, доставши себе, дал мне денег; после обеда хотел пройти к Ивановым и потом к «современникам», как вдруг письмо от Иванова: «Присылайте немедленно „Евдокию“ для набора»[7]. Пошли с Сережей; там был Чулков, читали стихи Блока, Сологуба. Георгий Ив<анович> говорит, что Блоку теперь очень нравится «Евдокия»[8]. Обедали при нас. Лидия Дм<итриевна> была зла по обыкновению. Поехал по дороге с Вяч<еславом> Ив<ановичем>. У «современников» ничего нет, заехал к Нувель, нет дома, обедал у Дягилева. Поплелся домой, увидел Блока выходящим из кинематографа. Скучает второй день, как и я, звал его в «Вену», но он боялся запить, и потом, был в заметно рваных брюках. Довел его до конки, он очень

милый. Мне было очень скучно, у меня даже мелькала безумная мысль зайти в манеж и похитить кого-нибудь: Юсина, которого я видел на том пути стоящим у кассы, или кого-нибудь в таком роде. Писем никаких нет. Дома еще пили чай. После отъезда зятя Сережа читал всю «Флейту Вафилла»[9]. Я ужасно давно никого не видел и не гулял. Что-то будет вообще? Леман и тот не пишет. Иванов написал кучу отличнейших стихотворений.

6

Завтракал у Чичериных. Письмо от Наумова, предлагает прийти наедине в субботу в 5 или в воскресенье в 2 ч., ответить телефоном. От Чичериных зашел в Пассаж, как условился с Павликом, но его там не было: tant mieux. Вернулся рано, чтобы проводить сестру на вокзал, оттуда зашли к Тамамшевым, где посидели во время обеда. Хотя я думал, что Сомов на «Зигфриде», но заехал к нему оставить «Крылья», видел Анну Андреевну. Каким-то уютом и прелестью повеяло мне от их квартиры, передней, Анны Андреевны, каким-то детством. Погода была отвратительна, и вдруг мне вздумалось проехать aux pays chauds* на 9<-ю> л<инию>, но, доехав до Венгеровых и узнав, что они дома, зашел к ним. У них сидела Поликсена, пили чай, сплетничали. От них тем не менее проехал на 9<-ю> л<инию>, пускал меня Степан, который меня узнал, что я ходил по-русски, что мыл меня Григорий и т. д. Он очень веселый, все поет и скачет, молодой, стройный, хотя и небольшой и на все согласен, на все решительно. Лицо несколько широкое и небольшой шрам на правой щеке. Оказывается, они читали в «Нов<ом> врем<ени>» в буренинской статье отрывки из Розан<ова>, где про бани, и, заинтересовавшись, спрятали даже номер газеты, так что, когда я себя назвал, он стал вспоминать, где же он читал про меня, и вспомнил[10]. Вот литературная известность в банях, чем не шекспировская сцена. Он очень веселый, ласковый и не попрошайка. Хотя денег у меня почти нет, но я не жалею, т. к. Павлик мне надоел уже до смерти. Приехав, когда Сережа еще не спал, узнал, что у нас был Нувель; как досадно! Я ищу своих друзей, как Изида части Озириса по всему городу, и не знал, когда нужно сидеть дома. Лег спокойный и не скучный, хотя вывихнутая нога все болит ночами. Как давно я не видел того студента! Удастся ли хотя бы познакомиться с ним? написал стихи.

7

Целый день звонил по телефону Нувелю, Гржебину, Когану, Леману, Гофману. Снег и слякоть; поехали к Блоку, сеанса не было, т. к. у Сомова болела голова; посидели у Ал<ександра> Ал<ек-

* В теплые края *(франц.)*.

сандровича>, он очень милый. Пошли с ним к Чулкову, к которому у Сережи было дело, но и его не было дома; пошли к Щеголевым. Сережа поднялся, я же стоял внизу, беседуя со швейцаром, как Над<ежда> Гр<игорьевна> позвала меня сверху; потолковали на лестнице. Было очень мокро; приехали, когда дома уже обедали; сейчас после обеда поехал в парикмахерскую, кондит<ерскую>, <к> Петрову и за хлебом. До 10 час. никого не было, лемановский швейцар все сообщал, что тот не возвращался домой, опять по телефону: «Потемкин просят обождать»; я был очень рад, хотя все-таки скука ползет на меня со всех сторон. Играл «Zauberflöte», когда пришел Петр Петр<ович>, опять после кутежа. Был он на днях у Бакста, который говорил, что нужно опять ко мне собраться подушками кидаться; обложку делать согласился. Часов около 2-х пришел Леман, действительно имеющий нездоровый вид, с больными глазами. Обычно сидели, Потемкин лежал, проговоривши до половины четвертого. Завтра придет Наумов, я почему-то жду его; потом придет Вальтер Федорович, завтра, м<ожет> б<ыть>, будет лучшая погода; денег опять уже нет.

8

Ждал Наумова, который пришел в 2 часа. Я сейчас же стал определенно и ясно его допрашивать: оказалось вот что: все, что я говорю в «Крыльях» и т. д., волновало всю жизнь его, Наумова; кажется, в кого-то влюблен, не думал, что я могу быть пристрастен к нему; умеет говорить неправду и скрываться. Очевидно, ищет confidences и советов; меня, признаюсь, несколько укололо, что это не меня он любит. Пришел Нувель, Вик<тор> Андр<еевич> стал сразу весел и обыкновенен. От долгих бесед и мандежа* у меня несколько болела голова. При нем приходил Леман и, узнавши, что у меня в гостях юнкер, оставил принесенные вещи не заходя. Поехали с Нувелем к Ивановым. В «Орах» будет и Брюсов, и Сологуб, и Юраш, и Аннибал (!). Поехали к Дягилеву, которого не было дома, был только Маврин и Юр<ий> Павл<ович> с Луговской. Я, не дождавшись Сергея Пав<ловича>, поехал домой и пообедал, хотя голова и не прошла. Поехал на «Религиозно-фил<ософское> собрание»[11]. Там была куча знакомых. Все время сидел с Наумовым, и Гофман издали бросал взгляды. Серафима Павл<овна> спрашивала: «Это и есть?..» Я продолжал игру, сознавшись, что я сказал неправду, говоря, что равнодушен к нему. Он сказал, что предполагал это. Когда я сказал: «М<ожет> б<ыть>, я теперь говорю неправду?» — он ответил: «Это была бы игра, которую я не заслужил». Il est des notres**, не боится, не удивляется, ищет советов — чего же еще лучшего для Renouveau,

* Откровенности (от *франц.* mander — сообщать).

** Он из наших *(франц.)*.

который тоже был с нами. Вышли раньше конца с Викт<ором> Андр<еевичем>, которого я проводил до замка[12], потом пошел домой. Очень болела голова, и, придя домой, сейчас же лег спать. Но я бы очень не прочь от романа, хотя бы и игрой с этим юношей, если бы он был более благосклонен. Это может прийти.

9

Ходили к Блоку, Сомов был очень мил, но я опять ревную его к Нувелю, с которым он видится ежедневно. Положим, они ближе живут друг ко другу. Была теплая, разымчивая погода. Назад несколько проводил Сомова и долго шел пешком по набережной, сочиняя стихи, оказавшиеся очень плохими. Конст<антин> Андр<еевич> думает, что Наумов влюблен не более не менее как в меня, но это, конечно, неверно, он любит, несомненно, сверстника, и на это не принято ревновать. Пришел в 7-м часу. Пообедав, стал писать; была уборка, темно, грязно, Бобка пищал, Сережа хандрил у меня в комнате. В университет не пошел, а играл «Кармен» и «Manon» и болтал с детьми. Скучаю. Как-то буду жить один?

10

Вчера Сережа вернулся с Потемкиным, который и ночевал у нас. Утром к нему ломились ребята, и, когда я встал, он уже казался вставшим. Уборка продолжается, это какой-то сплошной кошмар, от которого в результате только грязь, будто рота солдат проплевала всю квартиру. Пошел к Чичериным. Софья Вас<ильевна> вернулась сегодня, полная рассказов о графах Чапских и т. д. Поехал к Вальт<еру> Федор<овичу>. Тот в волнении, между страхом и надеждой, даже писал стихи, был очень рад моим, бодр и сентиментален. Он поехал стричься, а я завтракал в «Вене». Потом опять вместе отправились к Баксту[13]; тот рисовал отличный плакат для папирос «Фру-Фру» фабр<ики> Лаферм. Был мил. Простились с Нувелем. Дома пришел Павлик, пахнущий пивом, возбужденно говорил о гонках, Юсине и т. п., бывший только что у Сомова, у которого болят зубы. Была fatalité. Пошли к Ремизовым, он угощал отличным японским чаем, я редко так наслаждался, и захотелось быть богатым, аккуратным, читающим англичанином со своим очагом. Говорили о «Нов<ом> пути»[14] и т. п., прошлых временах; даже прошлогодние среды — какое-то минувшее величие. Потом пришла Сераф<има> Павл<овна>, ели яйцы всмятку, было очень уютно, хотя доверять им нельзя.

11

Вышел с Сережей на почту, к Поповой и в типографию. На обратном пути заходили к Филиппову пить чай. День летний,

то дождь, то солнце, тепло, грезились какие-то поездки за границу, мы разговаривали, будто из «Крыльев», высматривали, где выставлена эта книжка. После обеда опять захотелось на воздух, проехал к Верховским[15], читал там «Эме Лебефа», потом пришел Юраша. Зовут в пятницу на каких-то приват-доцентов. Вернулся раньше Сережи, который был у Гофманов. Читал начало нового рассказа и продолжение пьесы; по-моему, хорошо. Сомов не пишет; что он делает, спрашивается?

12

Редко мне бывало так тоскливо; денег нет, романов тоже, идет дождь, друзья разъезжаются, с типографией возня. Поехали к Блоку, не дождавшись Потемкина, который все-таки потом туда пришел. Сомов был надутый, у него вчера были Бакст и Аргутинский, если приглашенные, то это пря<мое> свинство. Пришел Гофман с корректурами и «Снежной маской»[16]. Ал<ександр> Ал<ександрович> мне написал: «Пленительному и милому отравителю»[17]. Ехали назад в конке. После обеда такая обуяла тоска, что пошел к Екат<ерине> Апол<лоновне>, но, не заставши дома, вернулся играть Debussy и Шуберта. Разбирали старые письма, Сенявина, Алеши, Муравьева, Павлика, Судейкина. Письма Наумова я почему-то оставил в столе, не сдавая в архив. Почему?

13

Продолжаю адски скучать, денег ни гроша, не знаю, как сделаюсь, очень жарко. Ходил в типографию, там был Гофман, Диотима и Чулков. «Евдокия» наполовину уже набрана. Не знаю, как поспеет «Эме», не все ли равно? Написал Наумову. Прошлый год около этого же времени я думал о смерти. Мне хочется скучать, я бы сидел дома, если бы везде были по вечерам лампы и занавески, если бы было уютнее. Ведь я не думаю о Наумове, и тот студент — это очень надуманно. И этот дождь удручает. Был Павлик, говорит, что Юсин очень не прочь познакомиться со мною поближе. Ну, что же. Пошел к Верховским, там были приват-доценты, барышни, Иованович, Каратыгины, Конради. Жеребцова хочет со мной познакомиться, начитавшись «Крыльев». Иованович пел французские старые песеньки, было тепло, лампа горела ярко, вспоминали Щелканово, и что-то тихое, милое, печальное, невозвратное и далеко ушедшее спускалось на меня. Ах, если бы было достаточно денег! Гржебин по телефону говорил, что к Пасхе все будет готово. С Гофманом я долго шел, беседуя; боится ли он меня для Наумова, знает ли он про него, как сам? Но ведь и я о Наумове не думаю. Перед Верховскими заходил к Ивановым, но они спали.

14

Шел дождь как из ведра, не помню, что было. Завтракал у Чичериных. Письмо от Ликиардопуло; статья принята, просят «Картонный домик», разные новости. Мне повеселело несколько. Ал<ександр> Городецкий, обещавший ко мне прийти, не пришел. Играл «Пиковую даму», дети были у всенощной. Напившись чаю, поехал к Венгеровым, мы все трое съехались, будто в плохом водевиле. Было не плохо. Сомов пел стариков и из «Meistersinger». Книги у Венгеровой меня как-то пьянят, все новинки и <старинки?>, культура прошлого, разговоры о комфорте, роскоши меня утешают. Просидели до утра. Вчера Сомов видел в опере Наумова издали. Как-то я буду жить один?

15

Ходил в типографию, но, не дошедши, зашел только к Ремизову и к Маковскому занес книгу. Приехали сестра с зятем. Вечером изнывал дома. Отправились к Сологубу, на набережной обычное хулиганское гулянье, лед сплошной, и шипит льдина о льдину. У Сологуба было скучно. Гнесин читал идиотский реферат о музыке. Вяч<еслав> Ив<анович> придавал торжественность, потом с Блоком и Чулковым уехали[18]. Чуковский и Дымов хулиганили. Возвращались с Потем<киным>, Чуков<ским> и Корн...* на утре. На Невском всю дорогу нас сопровождал какой-то тип, то обгоняя, то по пятам, очевидно, думая пригодиться, но потом отстал без ничего. Скучно адски. И отчего?

16

Заходил в типографию, откуда зашел вдруг к Казакову. Там все по-старому; покуда Футин ездил во Псков, 1 $^1/_2$ м<есяца> служил у них Броскин. Казаков мне был очень, по-видимому, рад, мастера, кроме Трунова, все новые. Пил чай, так же водят за нос заказчиков, так же они ругаются, ходят по полугоду за заказами, так же все врут, так же Г<еоргий> М<ихайлович> падает в обморок и оправдывается. Нежных чувств не возбудило во мне все это, но было забавно и не без приятности. После обеда пришел Павлик, в той же мизерии. Адамов выписал мои «Крылья», про которые Юсин, видевший их, говорил Павлик<у> как про интересную книгу. Удивился, что это — я. Приходит ли это третья известность? Я оделся идти к Жеребцовой, как вдруг приехал Мейерхольд от Иванова, только что вернувшийся из Берлина[19]. Говорил о планах на будущее, обязателен cabaret etc., звал к себе гостить, расспрашивал об «Евдокии». Пошел к Ивановым, где и просидел весь вечер, сначала

* Фамилия не уместилась на листе и не дописана.

слушая очень хороший реферат Вяч<еслава> Ив<ановича>[20], потом правя с ним корректуры «Евдокии». Говорили об Наумове. Слухи, что это я его и соблазнил, теперь вторично уже, и даже везде (!) с ним появляюсь. Кто занимается такими сплетнями? Ремизовы? Allegro, Чулков? Мейерхольд говорит, будто Брюсов приписывает подписку большую на «Весы» в некоторой мере «Крыльям». Tant mieux.

17

Утром Каратыгин телефониров<ал> мне, чтобы я пришел к Жеребцовой к 4 $^{1}/_{2}$. Я поехал раньше к Сомову, но его не было дома и была уборка. Погулял по Морской, покуда не настало время идти. Там была Иванова, Каратыгин, сестра Жеребц<овой> и Лютер, я пел «Алекс<андрийские> песни» и т. п. Кажется, понравилось. Оставляли обедать, но я отказался. Очень устал, идя домой. Корректур не прислали, очевидно, к Пасхе не поспевают; перед чаем пошел к Чичериным отнести ноты с Сережей и дома сыграл «Winterreise»[21]. Мне кажется, я думаю о Наумове. Ничего не пишу и очень скучаю. Хочется писать музыку. «Весов» нет, денег тоже — прискорбно. Где-то буду жить один?

18

Утром был разбужен 2-мя письмами: от милого Наумова и несчастного Лемана. Первый сообщает, когда придет, второй ликует, получивши мое письмо. Пошли в типографию, там ерунда: бумаги Гржебин не прислал. Видели Чулкова. «Белые ночи» лопнули, как и нужно было предполагать[22], теперь Чулков надеется на Гогу Попова, думая соблазнить его моим произведением. Оказывается, Попов желает быть «дерзающим». Дерзание, ou veut-il se nicher, donc?* Зашли к Филиппову, Чулков вдруг говорит: «За Вами стоит тот юнкер, с которым вы были на рел<игиозно>-ф<илософском> собр<ании>». Это был не Наумов, но теперь я знаю, откуда сплетня. Мне было лестно, что Чулков считает меня черносотен<цем> из-за хорошего тона и думает, что я бы сумел взойти на гильотину. Вчера он вдвоем с Диотимой распили бутылку водки, после чего целовали друг друга. Не очень поздравляю Георгия Ивановича. После обеда вышел стричься и к Ивановым, к которым у меня была записка от Чулкова. Встретил Павлика, с которым и пошел к парикмахеру. У Ивановых Маргарита отмывалась после прощальных лобзаний; побыл минут 15. Дома ожидались Эбштейн, пришел Потемкин, завтра уезжающий, с Katzenjamr'ом**, сбривший усы

* Где оно хочет угнездиться, а? *(франц.)*

** Похмельем *(нем.)*.

под американца. Пришли Эбштейн, Маруся много пела и разбирала «Кармен» с таким усердием, которое позволяло забывать фальшивые ноты.

19

Письмо от Лемана. Приплелся Павлик, надоел он мне страшно; как я тогда устроился, что он не ходил? Пошли в «Шиповник». Гржебин был мил, но бумаги все-таки нет, во вторник поедем смотреть ее. Дал мне оттиск рисунков. Картолина от Renouveau[23]. Заехал к Баксту, там был Потемкин; мне нравится обложка к его книге, слегка напоминающая 50-е годы[24]. Вышли вместе с Бакстом. Скучая, пришел домой. Если бы не деньги, не Павлик, не ругань и не бойкот многих, я был бы счастлив. Все у 12<-ти> св<ятителей>[25], светло, ветрено, пустынно. «Весов» нет. Как я устроюсь один? Брал ванну. Сидел дома, сначала беседуя с бонной и Бобкой, потом семейно, вечером.

20

Был Павлик; дал ему денег и костюм на праздники. Прислали «Весы»; Сереже весь «Перевал». Белый ругает Вагнера, Чуковский разносит Бальмонта, Брюсов — «Руно», Грабарь и Волошин — Нестерова[26]. «Любовь этого лета» выглядит страшно классически, будто Огарев или Веневитинов. Пильский телефонировал, чтобы пришли в «Родную землю»; взял стихи и Сережины кусочки, записывал «Дневник писателя»[27]. Вечером отправился к Зинаиде, встретил Бакста на лестнице. Сомов прислал отказ, Изабелла опоздала, пошли пешком к Albert'у[28]; в кабинете было довольно уютно, ели закуски, ризотто, рокфор, пили отличное Chablis Mouton и Curaçao. Проводя Зинаиду, вернулся домой в духе.

21

Утром прислали денег, письмо от милого Наумова и несчастного Лемана. Пошли за покупками, я заехал к Сомову, который был у Блока и вчера не был болен. Встречали всё необыкн<овенных> лиц: m-er Parker, <Аркадия?>, Добужинского, старшего Тамамшева; заезжал к Петрову; дома был Инжакович. После обеда поехали за Тамамшевым, внизу был «Перевал», где Белый ругает «Крылья»[29]. У Тамам<шевых> был Пильский, приглашали нас к себе разговляться в 9 ч. по-армянски. Поехали домой; было очень скучно. Опять к Тамамшевым, там было штук 5 армян, Пильский и Врасский, разговлялись рыбой и яйцами, без кулича и пасхи. В 12<-м> часу пошли втроем к церкви Иоанна Предтечи, постояли в ограде во время крестного хода и несколько дольше, потом пошли домой довольно печально; наши возвращались из церкви, опять разгов-

лялись. Я не знаю, отчего мне так тяжело и грустно. Деньги, хотя и не в избытке, есть, завязываются какие-то 2 романа, а я не пишу, хандрю etc., сам не зная отчего.

22

Пасха; пришли еще во время моего сна дети Ивановых звать меня вечером[30]. То дождь, то солнце; ходили к Ек<атерине> Ап<оллоновне>, у нас тетя, по городу ходят визитеры. Сытно, скучно и тяжело. Завтра увижу Наумова. Писем нет. Решили ехать к Эбштейн. Там были родственники, но мне было не очень несносно, мне нравится Юра Эбштейн. От Ремизовых записка, обиженная, зовущая к ним. От Эбштейн поехал к Ивановым, там была Замятнина, ее сестра с мужем, Сомов. Л<идия> Дм<итриевна> мне сказала, что судьба ее «Осла» в моих руках; я так испугался, что это насчет денег, что, когда узнал, что дело в музыке к ее пьесе, сейчас же согласился[31]. Сомов был и у Остроумовой, и у Званцевой, и у Аргутинского. Показался несколько надутым, очень моложавым. Разошлись в четвертом часу. Мне очень скучно, и сам не знаю отчего.

23

Ждал Наумова, который, пришедши с верховой езды в рейтузах и старом мундире, имея проект к сдаче в среду, даже не хотел раздеваться, но потом просидел часа 2. Был мандеж, кокетство etc. Имел роман он в лагерях, м<ожет> б<ыть>, и теперь любит кого-нибудь из товарищей. Он сидел очень близко и раз положил мне руку на плечо. Говорил: «Можно бы недурно провести время, будучи другом Уайльда». Я провожал его далеко и думаю все о нем, хотя студент мне представляется более желанным. После обеда пошли к Ремизовым, у них вчера был Гофман с визитом, сегодня Тройницкий. Пили чай, ели чудные пасхи. Поехали на «современников», было очень мало народа. Сначала ждали для <*нрзб*> Местечкин из Никиша, потом оказалось, что Жеребцова забыла партию, и за ней поехали; осталось к концу человек 30, но было уютно. На Невском встретили Чулкова, с которым и отправились в «Вену». Там были «современники» и Верховские, Гржебин и т. п., приятно пили шабли, банановый ликер, кофей. Чулков признался, что сплетню про Наумова пустил он, и спрашивал: «Что он — прекрасный, этот юнкер?» Гржебин кокетничал с нами с соседнего стола. Вернулись на рассвете.

24

С утра, узнав по телефону, что бумага есть, но доставят ее только в четверг, поехал с нашими в Удельную. Там был полный

комплект Минайловых, Новицких, Кень и Вань и пр. Было несносно, даже до скурильности[32]. Пьяная Мина, будто кто ее валял в саже, предварительно облив купоросом, повязав болевшую от водки голову турецкой повязкой, говорила всякой вздор, сюсюкая, девицы визжали, Паля очень заметно опустился после женитьбы, comme les femmes dégradent toujours*. Даже было приятно идти потом по тихому Старопарголовскому к Андриевич. У них был Брандт и еще какой-то толстый господин. Везде чистота и достаток, куры, утки, корова, качели, ром, ликеры, мороженое. Качались на «гигантских шагах», причем я стукнулся об столб, ели, пили, смотрели помещенье, у соседей кричали павлины, напоминая сорт голосов, любимый мною. Холодная, ясная погода. В городе я зашел еще в Тавриду; там Павлик, Юсин, Путц, тетки. Павлик присоединился ко мне и уговорил ехать в «Вену». Там я попал в объятья к Пильскому, сидевшему с Гогой Поповым и с дамой. Он объяснялся мне в любви, просил изобрести человека с 2000 р., взял в долг 5 р. и все или подсаживался к нам, или просил меня к ним. Покуда я у них сидел, Павлик позвал управляющего и подписал счет на мое имя и адрес, говоря прислать в любой день. Зашли еще к Albert'у, пили Montrachet и ели сыр. Я несколько опьянел, что мне всегда мешает в дальнейшем свиданьи. Павлик мне надоел чрезмерно, я постараюсь, чтобы это было его последним посещением. О, милый Наумов. Дома нашел «Песни Билитис»[33] и письмо от Лемана. Хочется сидеть дома, писать, гулять по набережной с холодным и скучающим видом, думая о ком-нибудь.

25

Достали ложу на «Горе от ума»[34]. Письмо от Мейерхольда и Юши. Пошли к Блоку. Любовь Дмитриевна была очень грустна, чуть не плакала. Блоку нравится «Л<юбовь> эт<ого> лета». Ехали с Сомовым до набережной. Чудный день. Вид гуляющих, катающихся с [видом] приз<наком?> роскоши и беспечальности, меня грустно пьянил; на балконах сидели дамы в шляпах. Вдруг я встретил того студента, но я не пошел за ним; в ясном вечернем солнце он был бледнее и глаза казались светлее, светло-золотые. Я не знаю, отчего я не пошел за ним. Из открытых окон дома Трубникова был виден четко высокий мол<одой> чел<овек>, вроде Врангеля, стройный и красивый, — и мне опять стало грустно. Прислали «Mercure» и «Marzocco». Часов в 9 пошли к Ивановым. Сначала смотрели корректуры, приехал Сомов и Сюннерберг. Диотима читала «Осла» — лучше, чем ее прежние, проще, более по-шекспировски, но страшно длинно, сумбурно и чем-то непристойно[35]. Потом пели, Сомов пел

* Как всегда опускаются женщины *(франц.)*.

«Preislied» из «Meistersinger'ов»; я все боюсь, что мне пришлют счет и я не смогу ни отказать, ни уплатить, я скучаю об Наумове и по студенту. Хочу встать рано завтра и больше писать. Обязательно бы начать «Алексея»[36].

26

Встал поздно; когда все ушли, принесли счет из «Вены» — велел прийти на будущей неделе. Прошелся, отнес письмо[37]. Холодно, серо, ветрено. Приехала Андриевич и проч<ие> гости. Занимал дам у себя в комнате, угощая их померанцевым вареньем, petit beurres* и шоколадом. Сережа ушел к Эбштейн. Юраша говорил по телефону, спрашивал, когда мы условились быть у них. Ничего не начал делать, что же, опять на завтра? Когда гости ушли, я ходил с Варей по зале, то наигрывая под сурдинку «На коляски, на пролетки», и тоска по богатству, по хорошей обстановке, по глупым знакомым, по светскости меня охватила. Какой я неблагодарный идиот.

27

Утром письмо от Лемана, что, не дождавшись от меня ответа, он приезжает в Петербург. Мне было жалко и стыдно, что я не отвечал тотчас на его письма. Пошел к Чичериным, завтракал, наигрывал, они всё толковали о мамашином зонтике, который перекрыли для прогулок Cocu, а нянька, отходя, взяла его с собой. Поехал за папиросами, перчатками, шляпой, в парикмахерскую. Хотел сбрить бороду, но хочу раньше поговорить об этом с Наумовым. После обеда писал «Алексея»; пошли к Верховскому. Вскоре приехали Ивановы от Врасских, где познакомились с Книппер, возил их туда Леман, похудевший и расстроенный. Был Гофман у Иванова, у Блока с Наумовым не был. У Верховских был Чулков, Блок, Конради, Иованович; я пел «Куранты», читали стихи, болтали. Жеребцова откладывает вечер до приезда Вяч<еслава> Гавр<иловича>. Блок был очень трогателен. Утро было серо и туманно, печально. Дома без меня Лемана не было, Мейерхольда тоже. Пойду завтра к Блоку в надежде увидеть там маленького Гофмана с Наумовым, с «моим» Наумовым, как говорит Вяч<еслав> Ив<анович>. Ça me tourmente à present**.

28

Утром ездили к Блоку; был Гофман; Сомов был очень мил, ехали назад вместе до его портного. На Невском встретил

* Печеньем *(франц.)*.

** Это меня сейчас волнует *(франц.)*.

Юрочку Михайлова. Дома был уже Леман, письмо от Нувеля и милого Наумова, не ответное, а от него, очень душевное, где говорится, как он ждет от меня большого и многого. Нужно заставить его считать себя моей музой. Леман был скромен, мил. Поехали на «Горе от ума», я был счастлив письмом Наумова. Прелестная постановка, декорации и т. п., но не очень захватывает. Видел Пронина, сестру Гофмана, кузину Лемана, Давыдова. Поехал к Ремизовым, там были Ивановы, Гофман, Сомов, Верховский и Бердяев, пили японский чай, курили, шушукались, «Осла» не читали; остались втроем я, Сомов и Юраша, долго еще мозгологствовали. С<ерафима> П<авловна> едет опять в Париж. Нувель пишет новости о [Париже] Людмиле, что Мережковские ругательски ругают Сологуба, Иванова, Блока, Ремизова, Городецкого, меня, щадя только Сергеева-Ценского[38]. Все думает об Н<аумове>. Не коварно ли я с ним поступаю? Но я поступаю по вдохновению чувства, которое редко обманывает.

29

Письмо от Мейерхольда: зовет в понедельник к себе. Прошелся послать письмо к Наумову. Был Леман в веснушках, с желтым ртом, передавал приглашение от Врасских, чтобы познакомить с Книппер. Пели Рамо и мои английские вещи[39], дети принесли снизу письмо от Наумова: милый, милый! Пишет: «Дорогой мой поэт, если бы Вы не разрешали мне, то были бы моим» и т. д. После обеда писал немного, надумали пойти к Тамамшевым. Телеграмма от Андреевых, просят в среду, 2-го, обедать. У Тамамшевых был Пильский и Гамборов. Было ничего, довольно уютно.

30

Телеграфировал Андреевым и Мейерхольду. В типографии ничего не было. В «Шиповнике» застал и Когана. Дал подписку, что к субботе будут посланы в цензуру обе книжки; был там Пильский, с которым я прошел до угла Бассейной и Знаменской. Заезжал к Ветчинкину. После обеда пошел к Ивановым за «1001 ночью». Они обедали при мне, а я играл «Орфея». Смеялись о девице, приходившей к Вяч<еславу> Ив<ановичу> за зародышем[40]. Послали Костю со мною, чтобы взять Апулея; он держит к Гуревичу в 5<-й> кл<асс> на буд<ущий> год. Дома пришел Тамамшев, потом Леман, пили чай, приехал Сомов, много пели. Молодые люди ушли, я читал Сомову дневник, болтали до половины четвертого. Звал завтра к Блоку, был мил.

Май

1

Сижу дома, солнце, письмо от Мейерхольда; пришел Гофман звать сегодня в Лесной. Купили седло и экипажи. Не ехать ли с нашими? После обеда пошли к Ремизовым. С<ерафима> П<авловна> не едет в Париж. Говорили дружественно и интимно, пили чай; хотелось куда-нибудь пойти, поехать. Пришли домой, изнывая. Вдруг пришел Потемкин, я был очень рад. Приехали какие-то представители от Лесного института приглашать меня петь на вечере или читать, звали Иванова, Сологуба, Блока, Ремизова, Година, Цензора, Андрусона, Тэффи. Я думаю, их направил ко мне Иванов, а может быть, и сами надумались. Потом пили чай, Сережа читал свой рассказ, долго беседовали. Сережа изнывал, П<етр> П<етрович> раскисал, в «Вену» решили не ехать. Было очень скучно. Переругивался с Сережей, Потемкин засыпал. Я не знаю, отчего мне так грустно: вот выходят книги, Наумов приручается, идет весна, неужели только отсутствие денег так влияет? Отчего я не пишу радостно и бодро? М<ожет> б<ыть>, завтра настоящее начало?

2

Утром писал. Открытка от Городецкого. Поехал к Андреевым; обедало у них несколько человек. Потом собрались музыканты, дамы, офицеры, адмирал. Разговоры о свадьбе в Царском Селе, о дворе, об опере, музыка переносилась в какую-то другую, но не неприятную плоскость. Иованович завел какие-то скользкие разговоры, дававшие понять, что обо мне и Владимире Верховском были уже какие-то слухи. Бюцов, так стремившийся меня видеть, похож на Качалова в Чацком лицом[1]. Очень торопился к Сомову, там уже были Блоки, Званцевы, Нурок и Сережа. Читали «Незнакомку», последний Сережин рассказ, «Евдокию», пели «Куранты» и старых французов. Было уютно. Любовь Дмитриевна была очень мила и трогательна; она очень любит Сережу. Говорила, что эту зиму я всех отравил, что это была «моя» зима и т. д.[2]; возвращались совсем при свете в 4 $^1/_2$ часа. Шел снег, казалось, октябрь и 4 ч. дня, будто едешь завтракать, и это было не неприятно.

3

В типографии страшная ерунда. Гржебин бумаги не прислал. Коган все, говорит, напечатал. М<ожет> б<ыть>, и врет, конечно. Был там молодой армянин от Тамамшевых, изд<ающий> «Молодую Армению»[3]. Торопился домой, думая, что может прийти Наумов. Каратыгины по телефону звали в субботу с нотами. Пришел Павлик, кажется, не в такой мизерии, судя по галстуху и

пальто. При нем пришел Наумов, какой-то усталый. В передней, не поспел он опомниться, как я поцеловал его руку, благодаря за письмо, что ему, кажется, не понравилось. Читал начало «Алексея», ему понравилось больше, чем «Евдокия». Прислали корректуры, письмо от Венгеровой, опять водворившейся на Английской набережной, т. к. тот господин умер. Наумов мозгологствовал до того, что опоздал в училище и ему грозит остаться без отпуска. Кажется, В<альтеру> Ф<едоровичу> не много надежды; он говорил, что знание того, что я к нему неравнодушен, мешает нашим отношениям. М<ожет> б<ыть>, это только прием. Напившись чаю, отправился к Венгеровой, с которой и пошли дальше[4]. Корвовская живет с мачехой, которая замужем второй раз за князем Мещерским, и живут они вместе с молодым фон Штейнбергом и его отчимом. Отличная квартира, 2 столовые, 4 кабинета и т. д. Молодой Штейнберг на вид лет 26<-ти>, [красивый] блондин небольшого роста, с длинными ногтями, браслетом, аффектированной резвости французским разговором, манерами тетки. Пел романсы Hahn, показывал галстухи, платки, драпировки, свои карточки; большой поклонник «Крыльев» и «Любви эт<ого> лета». Княгиня в краш<еных> волосах, не очень интересная, но милая и благосклонная. Разговорчики скользкие. Мол<одой> чел<овек> пожимает мне ноги, сидя около меня, во время игры трогает за плечо, наконец, вроде Минской, спрашивает, мог ли быть coup de foudre* у меня к нему, что он часто обманывался, мог бы очень меня любить и т. д. Сидели мы в соседней темной комнате, что думали наши дамы, не знаю, но кажется, тоже целовались. Наконец он сказал: «Вы можете просидеть минуту не двигаясь?» — «Да». Тогда он меня медленно и взасос поцеловал. Вопросы, вроде: «Я к Вам приеду в воскресенье — только мы не будем делать глупостей?» — «Вы можете подождать месяц даром?» — «Вы не будете смеяться?» Я никогда не думал, что не профессионалист с первого раза может пойти так далеко. Он, конечно, старше, чем кажется, но первое впечатление не очень приятное, какого-то разжиревшего Вильгельма Мейстера и de Grieux[5]. Вот неожиданный пассаж. Венгерова ждала, покуда мы не выйдем, avec la complaisance d'une entremetteuse**. Шел снег и дождь. Вернулся домой в пятом часу.

4

С утра болела голова. Шел дождь. Послал корректуры с посыльным, поехали к Чулкову и Блоку на последний сеанс. Была мать Блока. Сомов очень мил. Все-таки решил поехать к Мейер-

---

* Любовь с первого взгляда *(франц.)*.

** С угодливостью сводни *(франц.)*.

хольду. Там были Ремизовы и Эрнфельд, очень глупые и пошлые музыкальные супруги, которые, кажется, опутывают Вс<еволода> Эм<ильевича>. Ремизовы рано уехали. Ходили на море, спокойное, серое, читал «Евдокию», болтали. Вернулся в час, я люблю возвращаться в город. Дома записка с листочком в конверте с гербом. От Штейнберг? Голова болела.

5

Поехали с сестрой к тете разбирать ноты. Была теплая тихая погода, пришли рано на вокзал. У тети было уютно, она была милая, благосклонная. Был теплый ветерок, думали о лете, тетя предлага<ет> у себя жить, если рано приеду. Когда мы приехали, брат поручика Фрейганга таким же павлиньим голосом говорил: «Антон, друг мой, отдай моему извозчику 60 к.». Антон отказывался. «Ну пожалуйста, а то у меня нет. А мамаша приехала?» — «Нет». Прошел в дом. Мне было очень приятно, будто я видел редкий цветок. Гржебин из типографии телефонировал, что все готово. Поехал к Каратыгину; он презабавно рассказывал о своем tourné. Павлик не пришел, были только Иованович и Юраша. Сплетни об Андреевых, о Бюцове, который был так невозможно накрашен посл<едний> раз. У Андреевых потом на меня нападал Покровский, оказывается, но многим понравилось. Иованович пел «Chansons grises»* Hahn'a, романсы Massenet и Chaminad'a, и очароват<ельная>, тонкая и старая в самой новизне культура романск<их> народов меня пленила. Это дурной вкус — не любить их. Возвращался пешком на заре, думая [о Штейнберге] о будущем, о лете. Милые улицы богатых людей, милый город. Есть что-то, что не может погибнуть.

6

Был Штейнберг во фраке и цилиндре, отправляясь на обед куда-то, сидел часа два, манерничал, предупреждал насчет Венгеровой, мозгологствовал, говорил, что с ним никто так пренебрежительно, как я, не обращался. Он мне совсем не нравился, мне несколько неловко и смешливо и я не знаю, зачем я с ним связываюсь; пустота ли теперешней жизни? что? не знаю. Хотя я хотел выйти с ним, он со мной простился, целуясь. Я поехал проехаться с ним, продолжался такой же мандеж; он, кажется, недоволен, что я не довел игру до конца. Приехав домой, попил чай с померанцевым вареньем и в ожидании Лемана под сурдинку играл с удовольствием Мендельсона. Леман мне показался очень милым после той тетки. Пошли гулять по набережной. У нас был Чулков; Гога лоп-

* «Серые песни» *(франц.)*

нул, издает «Вольная типография», без гонорару, конечно[6]. Пили чай. Чулков отправился к Ивановым, Леман же еще сидел. Завтра к Врасским все пойдем с желтыми нарциссами[7]. Тамамшевы говорили, будто Врасские сожгли «Крылья» и «33 урода», но кажется, это неправда. Совсем забросил письма. Да и «Алексея»-то пишу через пень-колоду, хотя в этом году и написал очень много.

7

Заходил к Чичериным утром. С<офья> В<асильевна> еще не вышла замуж. Звали обедать в среду с Врасским. Они могли бы очень меня лансировать* в свет, если бы захотели. М<ожет> б<ыть>, похлопотать об этом? На Невском встретил Чулкова с желтым тюльпаном, зашли в «Café Centrale», он говорил, что я влюблен в самого себя, что еще влюблены Блок и Бальмонт, но иначе, что высокая беспечность, замечаемая в некотор<ых> последних вещах Блока, — от меня. Был мил и задушевен. Встретили Павлика, который и приехал ко мне. Не особенно мил; была fatalité, я был ему даже рад после всех мозгологий и теток. Зашел Ремизов; пошли к Врасским, купили желтых ромашек за неимением нарциссов. Врасские это те же, что были в Саратове, и старик помнит папу. Были Блок, Чулков, Потемкин, Ростовцевы, Книппер и разные гости. Читали, я пел «Куранты», за ужином беседовал с Ростовцевой. Леман был очень мил и трогателен. Гога Попов, оказывается, вовсе не считает себя отказавшимся от издания. Блок списывал «Любовь расставляет сети»[8] как наиболее ему нужное. Было не очень плохо. Возвратились часа в 3. От Яновой прислали ноты. Мое письмо Леман получил только при мне вчера.

8

Открытка от Сомова, Остроумова зовет в среду вечером. Сидел дома, вставши очень поздно. К сестре пришла Верочка Родионова, болтая и смеясь как-то по-институтски. Пошел вскоре после обеда к Ивановым, Диотима была одна дома, у нее сидела Александра Чеботаревская. Я играл, она обедала, потом сидел один с Л<идией> Дм<итриевной>, вспоминалась прошлогодняя весна. И было как-то скучно ехать к Зинаиде, где предполагался этот кошмарный Штейнберг. Было туманно, ждалась гроза. Зин<аида> Аф<анасьевна> была еще одна. Сомова, бывшего у нее сегодня днем, не позвала, была благосклонна. Пришли Корвовская и Штейнберг. Он невозможен, старая тетка с толстым рылом. Зинаида, кажется, обучает Корвовскую. Читал «Эме Лебеф», потом так сидели в темноте, дивагировали. Господин аффектирован, глуп, несносен, ниже меня,

* Ввести (от *франц* «lancer»).

при изрядной толщине, на полторы головы, коротконог и считает себя молодым Вакхом. Это был сплошной кошмар: когда же я увижу Сомова! Я очень скучаю по Нувель. Вышли мы при солнце, Венгерова прощалась из окна, как в комедии. Мол<одые> люди, pour être romanesque*, захотели сидеть на набережной и продолжать тот же мандеж. Было чудное утро после грозы, мальчики шли удить рыбу, возвращались 2 студента в коляске, мне было скучно, и печально, и тошно. Кто может сравниться с старыми друзьями. Я не предполагал, что человеческая глупость, не закрытая чувством, может так удручать. Потом они пошли вдвоем домой, какие-то несчастные, изломанные, глупые, бескрылые. Мне было их очень жалко в это солнечное раннее утро. Не такова эта весна, как прошлогодняя, другая. Но не верю я, чтобы не было по-другому, но не менее хорошо. Думая раньше не ложиться совсем, все-таки лег. Обещал этот франт прийти в четверг, нужно для спасения позвать кого-нибудь. В «Mercure» упоминается о «Крыльях» и передается содержание.

9

Наши в театре. Сижу дома, пишу дневник, скучно, жарко, ветрено передотъездно. Поехал к Чичериным на обед, был там Врасский. Софья Васильевна, занимая его, была забавна и блестяща, как она умеет быть, резка и метка, вроде тетушки Нарышкиной. Играли, приехали Звонаревы, plus bourgeois que jamais**, пили чай, читал «Евдокию». Торопился к Остроумовой, думая о Наумове. Если бы он мне очень нравился и любил бы меня — какой это был бы пир. На Прачешном мосту шел какой-то офицер, я, проезжая, стал смотреть на него, и он долго остался стоять, тоже обернувшись. Хотя я торопился, но публика, желающая меня слышать, уже уехала. Был милый Сомов и князь[9]. Я читал «Евдокию», кажется, не очень произведшую впечатление. Сомов вчера обедал у Ивановых; домой шел пешком, ущербающая луна, ясная заря за крепостью, тепло, далекий — все настраивало романтично и любовно, несколько печально. Дома принесенные книги с запиской от Гофмана, был он с Наумовым, меня не было, какая жалость! Не видел его стоячих глаз, розовых щек, длинных ног!

10

Утром пришел Потемкин, при котором заходил Маслов. У Сомова Венгеровой не было: пишет, что пострадала от дождя (будто кукла). Болтали, немного пели, пили чай, я читал дневник. В типографии Сомов произвел полный погром. Заезжал за покупка-

* Чтобы быть романическими *(франц.)*.

** Более буржуазны, чем когда-либо *(франц.)*.

ми. Ко мне приходил Андреев, потом Леман, гулять не пошли, явился Потемкин и, наконец, Штейнберг, plus bête que jamais*. На вопрос, почему я и Леман садимся на живот Потемкину, а он, Штейнберг, не может, мы сказали, что это тайное общество, и предложили его посвятить. Завязали ему глаза полотенцем, я надел маску, взяли восковые свечи, сняли с него пиджак и, говоря загробными голосами какой-то вздор, повели его по комнатам; потом, повертев у меня, ввели в ванну; он все время кричал, вопил и боялся. Мы хотели воду пролить ему на голову, но он не дался; наконец, выпихнули его полуодетого в столовую, куда вышла на его крики сестра. Но лучше всего, что он поверил и просил сейчас же повторить испытание или, по крайней мере, через три дня. Я бы никогда не подумал, что такие шутки из Шекспира удадутся теперь, — и это еще была импровизация. Леман ушел, пришел Сережа, продолжали издеваться над нашим Штейнбергом. Он не хотел уходить один и хотел идти с Потемкиным, но мы сказали, что П<етр> П<етрович> останется у меня ночевать, и я стал вынимать скатерти под видом простынь для гостя. Птенец ушел. Что он подумает, что расскажет Зинаиде, что она будет болтать — один восторг, только бы он не догадался, что его дурачили. Но я надеюсь на его феноменальную глупость — прямо махровый дурак[10]. Жаль, что не было Сомова и Нувеля. Да, часа в половину второго является Павлик, совершенно пьяный, без воротничка, неведомо зачем; я его спровадил, он ломится, еще раз выхожу на лестницу, даю ему рубль и завтра велю его не принимать. Когда уходили гости, я все боялся, не спит ли он где на лестнице, т. к. он был пьян до бесчувственности. Я думаю, это настоящий конец.

11

Проснувшись рано, долго не вставал; сидел дома; приказал не принимать Павлика, но, когда перед обедом он пришел, случайно вышедши, должен был его принять. Был сух и неприятен; тот страшно извинялся. Пришел Леман; я решил идти с ним. Купили желтых нарциссов, было приятно идти; Сережа имеет удивительно английский, революционно-романтический вид. Ехали на пароходе, потом по Васильевским тихим линиям шли, стуча палками. У Анненковой вид уже оставляемой на лето квартиры, нет занавесок, чехлы, холодно и пустовато, книги, цветы, свечи. Читали рассказы Сережи, болтали, пили чай. Назад ехать пароходом было восхитительно, и вообще подобие порта, большие суда, бочки на берегу, матросы, фонарики, деловой, морской и торговый вид пленяет — мне очень хочется выпить рому, сидеть с морскими офицерами долго, изредка переговариваясь или слушая хвастливые

* Глупее, чем когда-либо *(франц.)*.

рассказы. Но мое желание не нашло ответа у моих молодых людей, и так мы дошли просто до дому. Сережа так устал и так хотел спать, что даже жаловался утром Варе, обижался на каждое мое или Лемана слово; иногда не знаешь, как вести себя с ним. Толковали, что он очень может веселиться и быть долго выносливым в другой обстановке и компании etc. Дома письмо; думал, не от Наумова ли, как вдруг вижу ненавистный герб — скачущего козла. Штейнберг очень обижен и спрашивает опять, мистификация это или нет и т. д.[11] Нужно будет разыграть до конца эту игру.

12

Был в типографии, у парикмахера. После обеда отправился к Чичериным, они говорят, что Врасскому я очень понравился. Зашел к Ремизовым, на Сергиевской встретил Тройницкого; я к ним ко всем питаю какую-то нежность. У Ремизовых был Ленский, сообщал о «Проталине» и т. д. Ал<ексей> Мих<айлович> правил корректуры и кляузничал. Сер<афимы> Павл<овны> не было. У Ивановых был Чулков с желтым нарциссом. Немного посидев, я с ним поехал, кажется, возбудив ревность Вяч<еслава> Ив<ановича>. Мы хотели так побродить, зашли занести книги домой. Письмо от лесника, что концерта завтра не будет[12]. Сережа, заходивший к Гофману, узнал, что тот ушел вместе с Наумовым. Пили дома чай. Поехали к Блоку мимо дома, где живут Наумовы, одноэтажный особняк с колоннами и ставнями. Ехали далеко мимо реки, где на берегу растут деревья. Огромные казармы, солдаты у входа, переходы по коридорам, лестницы, его мать, ждавшая его с прогулки, денщик, тихие, уютные комнаты — все было особенно. Тут долго жил Блок; его мать замужем, разведшись, второй раз. Ее муж — брат того офицера, который застрелился, ударенный у Смол<енского> кладбища каким-то хулиганом. Чулков все хотел разыскивать Блока, но пошли мы на «поплавок», пили чай с ромом и ели сыр[13]. Чулкова чуть не стошнило, было скучновато; пошли с Сережей по Невскому, заходили в «Quisisana» есть мороженое. Вернувшись рано, все-таки сейчас же лег. Нужно больше писать. Когда-то Наумов, кончив свои хождения к Гофманам, придет ко мне?

13

Все уехали на дачу, дождь; будто предчувствуя приход Наумова, кончил 2-ю картину «Алексея». Он пришел, когда я одевался идти к Иванову. Был очень мил, пили чай, читал ему «Алексея». В сборнике их училища кто-то собирается ругать мои «Крылья»[14], кажется, Наумов хочет там же расхвалить, как он выражается, «до небес» «Эме»; меня трогает такая полемика обо мне в юнкерском журнале. Пошли вместе. Вяч<еслав> Ив<анович> один был дома,

Л<идия> Дм<итриевна> будучи у губернатора с детьми[15] и у Венгеровой. Вернулась оживленная, доброжелательная, дала мне «Зверинец»[16]. Читали Иванову Валентина[17] и «Алексея». Проехал к Тамамшевым, где мирно просидел до 12-го часу.

14

Дождь; заходил Павлик, которого не принял. Лемана не дождались, у Гофманов был какой-то офицер и мол<одой> чел<овек>, потом пришел Леман, Пяст, Ремизовы и вдруг Наумов, сказавший мне тихо: «Вот я постарался прийти». Читал я начало «Алексея» и новые стихи. Я был очень рад, что Наумов пришел. Торопился к Зинаиде; там уже были Сомов и дураки с Галерной[18]; вертели блюдечко, болтали, было не весело. Под дождем и сильным ветром добрался до дому, когда было уже светло. На прощанье целовался с Модестом и Наумовым.

15

Дождь и ветер; писал серенаду Филострата[19]. Ездил к Сомову, было рожденье его отца; Книппер я не понравился, Философов меня ругает в «Товарище»[20]. Беседовали тихо и дружески; в типографии все такая же ерунда, ничего не поняли из наставлений Сомова. Позвал его на церемонию посвящения в четверг. Леман не пришел, пришел только Потемкин, позвавший ко мне Раппопорта, который, однако, не попал. Изнывали без увезенных диванов, строя планы будущих писаний. Серенада — начало новой полосы в моей музыке. Я бы много ее писал, если бы был кто-нибудь, кого бы я очень любил и кто бы хотел, чтобы я писал.

16

Дождь и дождь; завтракал у Чичериных, Софья Васильевна сейчас после завтрака уехала к Извольскому с каким-то чувашским попом. Дома письмо от Штейнберга — зовет в четверг к себе на tête-à-tête, благодарю покорно. Пришел Павлик, как-то опять пришлось его принять; в той же мизерии, те же рассказы о тетках; он мне надоел до смерти. Пошел к Ремизовым; они в денежных катастрофах и унынии. Пришли Гиппиус, надменные и надутые, вид полукурсисток, получерничек. Потом играли с Сер<афимой> Пав<ловной> в рамс; она подумала, что Наумов, ушедший после меня через $^1/_2$ часа от Гофмана, торопился ко мне. Я не разубеждал ее в этом.

17

Как я ничтожен, пуст и деревянен. Сегодня, проезжая с Сережей по Невскому, увидел моего студента — и не сошел, и не

пошел за ним, не стал узнавать, где он живет, а преспокойно проехал, сказав только: «Вон тот студент». А мне хотелось это сделать, и ничья фигура, ничье лицо так меня не волнуют. Ездили к Чулкову, потом по Фонтанке к типографии. «Цветник» очень хорошо выглядит. После обеда зашли к Ивановым, они были милы, дали мне 4 «Цветника». «Предки» очень понравились[21]. У меня болела голова. Пришли Леман с кузиной, потом Штейнберг, получивший телеграмму от Потемкина; я лег; пришли Потемкин и Раппапорт; чтобы иметь время сговориться, услали Штейнберга до 12<-ти> ч. (час, указанный в телеграмме). Пришел Сомов, в гостиной поставили стол посередине со стульями, чернила, сургуч, печать, веревку, бокал со смешанным и наперченным вином, зеркало; метроном все время тикал, накурили ладаном. Председатель был все время в маске, золотой повязке, парчовой рубашке и розов<ой> юбке. Потушили огни. 2 свечи стояли на полу, в руках были восковые свечи, которые тушили всякий раз, как нас душил смех. Когда он пришел, его провели к Сереже, где он и ждал, отказавшись от чая. Наконец, когда его ввели, некоторое время не обращали на него внимания, будто занятые разговором председателя с Потемкиным, которому являлась женщина, задавленная его автомобилем. «Среди нас есть кто-нибудь?» — «Да». — «Кто?» — «Ищущий поступить в общество». — «Он верен?» — «Да». — «Приблизьтесь. Ваше имя Георгий?» — «Да». — «Вашего отца звали Михаилом?» — «Да». — «Вы — „фон“?» — «Да». — (тут все прыснули со смеха). — «Ваша фамилия Штей<н>берг?» — «Да». Смех мы объяснили первым искусом. Прочитали вопросы; на вопрос: «Не принадлежите ли Вы к тайному обществу?», он ответил, что принадлежит к обществу присяжных поверенных. Оставили его одного с предс<едателем> перед зеркалом для письменных ответов. Он очень испугался вопроса об эпилепсии и некрофилии, вопрос о тайных пороках оставил без ответа. Был трогательно точен. Опять позвали нас, он залпом выпил бурду с перцем, мы прочитали гимн, подняв руки, я вдруг завертелся волчком. Завязали глаза, надели наволочку и опять привели носом к стене, где прочитали на коленях ту же галиматью, разули и неожиданно ввели в таз с водою; потом, вытирая ноги, палили их свечами, — он не пикнул. Приведши в гостиную, сняли повязку и все поздравили его и друг друга с успешным искусом. Раппапорт остался, якобы исповедуя Потемкина, мы же за чаем убеждали его разговорами. Все подписались и приложили печать. Потом пошли прощаться с председателем, который становился на колени и целовал собственную руку, а он поцеловал celle du Rap<p>aport*, хотя заявил, что Ольга Ник<олаевна> поцеловала

---

* Руку Раппапорта *(франц.)*.

свою. Успокоили. Только мы принялись за еду и питье, стук в двери (не звонок); оказалось, не добившись Антона, просился через черный ход. Леман дал ему список книг Рочестера для выяснения[22]. Его всего больше убедило купанье ног. Кто мог предположить такую чистоту души? Мы очень смеялись. Голова моя совершенно прошла.

18

Ездил в Гостиный двор. У букиниста видел отличных «Фоблаза» и Casanova, но дорого. Были гости, еще до обеда; играл танцы. Вечером ездил к Сомову, от Ивановых отглашение на субботу, это жалко. У К<онстантина> А<ндреевича> были Званцевы, Семичевы, Аргутинский, Добуж<инский> и Лебедевы. Было уютно. Сомов, провожая, танцовал на улице. Вернулся смутный, но не недовольный; в комнатах какой-то хаос и грязь.

19

В типографии еще ничего нет. «Цветник» идет хорошо, «Крылья» тихо, в «Мире Божьем» ругают меня, называя «модным в известных слоях романистом»[23], Сологуба и т. д. Покупал бумагу. Денег очень мало; в четверг едем. Телефонировал Леману, зовя его к себе, но не застал его. Штейнберги звали сегодня. Страшно тянуло в «теплые края» на 9-ю <линию>, но не зашел, будучи без денег; стригся, заходил к Леману, в Таврич<еский> сад, но видел там только Пуца; был вечер без дождя и сносный; поехал по набережной мимо богатых милых домов к моим идиотам; Зинаиды не было, княгиня больна, сидели en 3 и болтали злой и бессильный вздор. Когда господин, услав Корвовскую, хотел говорить со мной приватно, я уехал домой. Сплетню о Наумове усиленно распускает Венгерова. Болела голова. Был Потемкин, но, узнав, меня не дома, не поднимался.

20

Приехал зять; отправились с Сережей к тете; там был Вяча Шакеев, уходящий скоро в плаванье; т. к. он стал красивый, разговорчивый и не все время проводит с девицами, то мне было приятно. Пошли к Андриевич; о, скука и пошлость дач! Там было неплохо, belle soeur Ек<атерины> Эд<уардовны> приняла меня за студента; качался в качелях один, о чем-то думая, и подходила сладкая тошнота. Поговорил о делах с зятем, это облегчило. К Добужинскому решил не ехать. И вдруг у Гофманов, куда пошел Сережа, — Наумов? Но ведь я же не думаю о нем! Возвращались с детьми поздно, вонючие вагоны, набитые полупьяными людьми, дымно, пыльно, на остановках поют «Разлуку» безобразные корявые

мальчишки, кто-то валился, ругался, хохотал. Не поехал к Добужинскому. Дома был уже Сережа, не нашедший ни Гофманов, ни Городецкого; письмо от Нувеля, приезжающего в среду[24], телефон от Пильского; был Леман, читали «Мелкого беса» — отличная вещь[25]. Заходил еще Павлик, кажется понявший, что его не принимают. Хоть бы этот дурак «фон» мне денег дал в долг. Теперь, поговорив с зятем, вижу, что еще не так плохо дело.

21

Днем сидел дома, кажется, или ходил в типографию, не помню. После обеда поехал к Семичевой, где теперь находится Званцева. Было мило, м<ожет> б<ыть>, я буду жить на будущий год у Ел<изаветы> Никол<аевны>[26]. Пришла старая Мартынова, мне очень понравилась эта выдержанная, светская, до сих пор красивая старуха. Вся ее болтовня казалась чем-то приятным и аппетитным. Был теплый, теплый дождь. Поехал к Зинаиде, там были, кроме галерных, Сазонов, Слонимская и 2 Поляковых. У Венгеровой, по ее словам, невралгия лица; по-моему, отдала чинить челюсть попросту. Совсем поздно приехал Сомов, бывший имянинником.

22

Зашел к Леману, киснет дома; посидев, пошли вместе в типографию; страшная жара, предчувствуется гроза. На Знаменской встретили Потемкина и Броцкого в сопровождении 3-х татар, которым последний продавал мундир. Зашли к Потемкину; торг происходил не у него в комнате, где сломана печь, а у хозяйки. Татары торговались, уходили, возвращались, Потемкин истерически веселился, Броцкий фатоватил. П<етр> П<етрович> чуть не сел на ребенка 2-х недель под подушками на диване, хозяйка все просила большую цену, т. к. это, мол, «мужские вещи». Пошли в «Café Central», где ели мороженое, оттуда Леман поехал домой, а мы в типографию. Там был Вяч<еслав> Ив<анович>. «Эме Лебеф» вышел очень изысканно. Назад поехал с Ивановым, он просил «Алексея» для след<ующего> «Цветника Ор» и не помещ<ать> раньше мистерий где-нибудь. Спрашивал, с кем я целовался в последний раз. «С Вами, в типографии». Думает, связь между мною и Наумовым. Из «Весов» обиженное письмо: где же «Эме», «Цветник» и т. д., неужели я забываю московских друзей. После обеда пошли к Ремизовым, которых не было дома. Посидели, подождали, но, не дождавшись, отправились к Ивановым. Мило беседовали, я играл серенаду, Сережа читал «Севераж»[27], пришел Сомов с отличной обложкой для «Cor ardens» и Чулков. Чулков хотел бродить, хотели проехаться выпить вина, но т. к. Сережа был в блузе, то решили ехать в сад; сначала было выбрали «Аквариум», но проехали в «Славянку», идилли-

ческую и милую. Было очень приятно, купили по розе. Сережа был очень доволен, кажется. Была хорошая белая ночь, так все необычайно четко, близко и странно. Взошло солнце. Без меня телефонировала Корвовская. Сережа все убеждал Чулкова, что я аристократ захудалый, и бессознательно, смутно стремлюсь к таковым.

23

Встал не поздно; много нужно сделать сегодня, и столько придут людей, приятных сердцу. Ездил в типографию и к des Gourmet<s>[28]. Приехал Сомов и потом Нувель из Парижа, бодрый и оживленный. В «Figaro» и «Correspondent» упомянуто обо мне как о музыканте нов<ой> фракции, за что «Новое время» собир<ается> ругаться, вероятно, думая, что Дягилев подкупил газеты (ему-то что?); расспрашивал о Наумове, был, кажется, не очень доволен. Потом читали «Мелкого беса», пришел Потемкин и поздно Леман. С Галерной отчаянные телефоны, но я все-таки поехал к Нувелю. Были в «Вене», где он рассказывал о Париже.

24—[25]

Страшный хаос и грязь, не знаю, куда поставлю вещи. Был Леман, приехал Нувель, зовя меня к Каратыгину, но не поехали, а пошли вчетвером в Тавриду; там мне очень понравился один высокий мореходец, и, будь деньги, я бы пошел с ним. Долго еще укладывался.

25

Встал рано, целый день ездил к Чичер<иным>, в типографию, обедал у Ивановых, у Званцевой, дома был Потемкин. Вечером был у Ремизовых, надававших нам всяких подарков. Я был не скучен. Сережа еще остается; я еду завтра*.

26

Утром отправлял бандероли[29], письмо Наумову, заезжал к Маковскому и Трубникову; квартирный и перевозочный вопросы уладились через Антона. Провожать пришли Анна Ник<олаевна>, Мих<аил> Яковл<евич> Томилин и Потемкин. Ехать было просторно, почти весело, все время почти пили чай; молодая зелень, цветущая черемуха, яблоки настраивали идиллически и любовно, хотелось на траве любить кого-нибудь простого: пастуха, семинариста, телеграфиста. Приятность ехать в 3-х экипажах на своих, огромный дом, свое молоко, расторопная Вера, большой сад, — все было очень приятно и почти заставляло забывать фабрику[30] и пр<очие> невзгоды.

* Окончание тетради II дневника

27

Постоянный шум фабрики, напоминая пароход, привел мне на память Волгу: лето проводили у сестры; большой же дом, свои лошади, обилие молока, вид обильной жизни — привели на память семьи вроде Бехли. И весь день я колебался памятью между Щелкановым и Алешею Бехли, несчастные и скудные подробности короткого романа с которым мне казались особенно милыми и свежими. Эти воспоминания преследовали меня и за едой, и за игрой в крокет, и за прогулкой в лесничество; окрестности не очень хороши, кажется все далеко, близко все грязно, рабочие, служащие — все это не из приятного.

28

Воспоминания о Бехли продолжают меня преследовать; я очень мирно, несколько кисловато настроен. Идущее лето мне представляется 3-мя веками, несколькими эпохами, разделяющими 2 сезона; как в городе казалось все скорым и быстрым, так здесь наоборот. Сестра с зятем уезжали, я гулял с детьми и бонной, искал выхода в лес, но, перелезши через 3 забора, все равно очутились в загородке, все время жилье и фабричные. После крокета пошли в другую сторону на гористое и лесное место; фабрика гипнотизирует. Но сколько времени, буду читать много. Все думаю о Бехли. Зять нервничает. Держусь, будто мое дело — сторона; заводские интриги, сплетни, тишина.

29

Сегодня 3 события: пришли вещи, приехал Сережа и Лидия Степановна. В «Понедельнике» напечатано: «Кузмин уехал в провинцию»; меня это занимает[31]. У Сережи болят зубы, что мешает ему воспринимать все как следует; барышня тоже приехала потрясенная дорогой так, что ее потихоньку даже рвало. Веригина пишет Сереже, как она теперь вдруг поняла мое творчество etc. Гуляли вечером вдвоем, было туманно, сыро и печально. От Лемана письмо и книга, в продаже их нет[32]. Гржебин предлагает купить их Вольфу. Чорт знает что такое!

30

Холодно, временами дождь; была m-me Бене с кучей мальчиков, от Брюсова письмо с похвалой «Эме», оно меня очень ободрило[33]. У Сережи болят зубы, Л<идия> Ст<епановна> с лихорадкой; читал мало; сочинял песеньку Мастридии[34]. Что мне послать в «Весы»? Отчего остальные персонажи мне не отвечают; до сих пор не могу собраться послать бандероли друзьям. Пьем молоко, едим масло; сегодня все дети объезжали лошадей, и даже бонна прока-

тилась верхом. Вынули некоторые книжки, бумагу, сургучи. Никуда не ходили.

31

С утра толклись Бене, затевая пикник после обеда на озере. Пришел и старший Вилли. Письмо от милого Наумова, просит, если я приеду летом в Петербург, известить его заранее, чтобы он мог эти дни пробыть со мной, не уезжая за город. На пикнике было 23 человека, присутствие 2-х молодых немцев все же делало прогулку приятной; все время почти идти по жилью; под деревьями на берегу пили чай и бегали в горелки; был вид plaisirs champêtres*. Напротив на лужайке усадьба Трубниковых, не тех ли? Сережа мучается зубами. Отелилась вторая корова. Солнце и ветер.

Июнь

1

С утра поехал с зятем в лес за 10 верст. Поездки молча по пустынным холмистым дорогам со вдруг открывающимися далями напомнили мне поездки в скиты или прогулки с каноником в Muyello[1], и по воспоминаниям так же защемило сердце, так же захотелось быть после большого крушения, слабым, отдающимся, хрупким. Покуда он ходил по делам, я спал в избе, где плакали дети, говорили бабы, обедали, ложились спать. Потом пошел дождь. После обеда зажгли камин и в пустой комнате танцевали польку. Читаем «Мелкого беса» и я Barbey d'Aurevilly[2]. Писем нет, и отчего им быть?

2

Не выходил почти из дому вследствие серой и дождливой погоды; опять топили камин, будто в сентябре, расставили перевезенную мебель и все приняло жилой, несмотря на пустоватость, вид. Будто «Война и мир». Ходили в баню вечером. Сережа очень подурнел телом за эти 4—5 лет. Письма от Лемана, Ликиардопуло, Павлика. В Москве опять распри с «Руном», собираясь выходить из которого приглашают и меня присоединиться. Что же, лишивши меня «Перевала», хотят лишить и «Руна»?[3] Павлик пишет, что видел того студента на «стрелке», пронзив меня этим словом. Написал сцену из «Алексея».

* Сельских радостей *(франц.)*.

3

Жаркий солнечный день; дали покрыты дымкой, сулящей долгую жару. Целый день у нас пробыл Гершанович, гулял с нами, играл в крокет, споря с Сережей. Писал стихи к «Алексею», план для рассказа. Дома разные конфликты с коровами, прислугой etc. Вечером нас позвали Бене; у них было много народа, время проводили по-немецки, как проводили, я думаю, лет 70 тому назад; танцевали, показывали семейные таланты, играли, пели (я — по-нѣмецки Шуберта), в 4 р<уки>, плясали, и сама m-me Бене, русскую; молодые люди любезны и почтительны со мною. Приехавший поздно Пр<окопий> Ст<епанович> привез манифест о роспуске Думы[4], но сейчас же стали толковать о коровах. Белые ночи и здесь, но не такой остроты, как в Петербурге.

4

Письма от Мейерхольда[5], Наумова и повестка на письмо из Ливерпуля. От кого? От Юши Чичерина, наверное[6]. Жарко; гулял один в полдень. Кончил «Алексея». Лошади все больные, кто засекает ногу, кто стер живот, кто чихает, поят их спиртом, они раскрывают рот с большими желтыми зубами, и пена идет из их ртов; ветеринар снимал со спин коров больших червей, темных, вроде еловых шишек, и Катя убивала их крокетным молотком. Бобка побил Варю, и его наказывали, он совал голову в дверь и не давался запирать его. Вечером потащили нас к Венедиктовым. Там были всё те же, публика скучала и расходилась, было адски скучно, это не должно входить в обычай. Было холодновато, и луна, молодая, краснела у башни фабрики. Меня утешили ноты «Вертера» и приложение к «Illustration»[7], но играть их, при особенно наших, я не рискнул. Сегодня в первый раз мимолетно меня прорезала скука. Как жаль, что получил сегодня письмо от милого Наумова, теперь, значит, долго не получу. Читаю путешествие le Vaillant, жалко, что нет матерьялов для путешествия своего Фирфакса и для 30-х годов, но зато есть прелесть предстоящих занятий[8].

5

Жарко, болит голова, лечат лошадей; письма от Нувеля[9], Лемана и Юши; ходили гулять, ходили на новую квартиру; тол<к-лись> ребята Бене и Бенедиктовых, потом приплелись и дамы и 2 кавалера; затеяли винт, чай; мы провожали сначала Бене, потом Бенедиктову, долго с ней беседовали и заперли ее снаружи, чтобы отдать ключ мужу, игравшему у нас. Когда мы прощались, возвращался из гостей механик, это напоминало чеховские пьесы в Худож<ественном> театре. Сегодня уезжает зять в Петербург.

6

Встали поздно; то дождь, то солнце, воздух тепел и размягчен. Начал новый рассказ. Долго ждали зятя, приехавшего поздно с кучей домашних новостей. В «Руси» пишут, что мои друзья декаденты-эстеты зовут меня maître[10]. Гуляя сегодня по саду, я вспоминал увлечения Гофманом и лето в Сестрорецке[11]. Это сад со смоченной дождем травой и слабое солнце между туч мне привели на память это время. Видел тревожные и нелепые сны, будто мы со всеми детьми делаем пикник в публичном доме. Писем не было. Я думаю книгу стихов назвать «Amor Victor»[12]; когда-нибудь напишу жизнь Александра и M-me Guyon[13].

7

Ходили в лесничество, 2 раза пережидали дождь; неровная плоскость, покрытая мхом и низкими соснами, напомнила мне вершины Giuogo и каноника. Воздух был живителен и свеж после дождя. Встретил зятя с Бене и Рябушинским, бродящих по лесу. Я смотрю на встречные лица, думая, хотел ли бы я иметь того или того, по большей части говорю: «нет». Потемкин прислал «Танец мертвых»[14]. Писал «Кушетку»[15] и много писем. Entrefilet* в «Руси», очевидно, внушенный «Шиповником», но объявлений нет[16]. Сегодня можно будет писать в Усть-Ижоры, пожалуй[17]. Белый в «Перевале», вознося Соловьева, лягает меня и Городецкого[18].

8

Сестра и зять уехали. 2 раза гуляли, день тянулся, будто 4 дня. Леман пишет, что «Эме» хорошо идет. Читали письма Пушкина, он хвалит некоторых современников; где теперь Кюхельбекер, Погодин etc.? Интересно, кем будут для потомства Иванов, Блок, Белый? И кем бы я хотел быть: непризнанным и великим или прославленным и брошенным, как Кукольник, Бенедиктов. Написал письмо в «Весы»[19]. Читал Саллюстия и Гофмана. От кого завтра могут быть письма? Прошлый год в это время я еще не знал Павлика: какая старина! К Троице задумали сделать пасху и кулич сюрпризом для сестры.

9

Целый день вне дома. Наших нет. Читал письма Пушкина. Прислали «Mercure», «Il Marzocco»; письмо от Тастевена, мои стихи приняты[20], просят сотрудничества. Хорошо, что я написал Ликиардопуле так неопределенно. Ходили в баню, там мылись конторщики. Украсили комнаты березками, завтра Троица; жда-

* Заметка *(франц.)*

ли наших пить чай; они приехали часов в 11. Послал бандероли остальн<ым> в Москву. Будут ли завтра письма? Пишу «Кушетку», мог бы кончить скоро. Стихов в «Руно» вышло 22 строчки. Это оплатит долг Рябушинскому, если он его не забыл, на что я надеюсь.

10

Троица, все принаряжены. Пасха и мороженое. Приехали 2 таксатора[21]. Вечером были у Бене, опять танцы, jeu aux 4 mains*; был младший Ревицер, петербургский реалист, тип хулиганистого красавца. Мне, м<ожет> б<ыть>, жалко, что я не танцую хорошо. Когда гуляли, Сережа ехал верхом, я думаю, что это большое удовольствие, но если бы я и ездил, столько претендентов, что было бы неловко и некогда ездить. Письма от Павлика, Нувеля и Мейерхольда[22]. Павлик опять видел того студента в Летнем саду с дамами. «Весы» заняты «Паном» Лерберга с рисунком Фео<филактова>. Жена управляющего оказалась, как Варя выразилась, «декаденткой» и гутирует** «Крылья». Мне было не несносно. Я, кажется, толстею.

11

Играли в крокет, был пикник в лесничестве, опять было человек 30. Сережа был одет «пешим амазоном», но декоративен. Под вечер мы дома сели играть было в карты, как от Венедиктовых прислали за Гурвичем и за мною. Там были Бене, опять игра, à 4 mains «Carmen», прогулки в 3 пары в туманном <дожде?>, причем толстая дама жаловалась, что все ей надоело, что любовь — это все одно и то же, чтобы я выдумал для нее что-нибудь новое и т. д. Наши обиделись за похищение кавалеров. Во время прогулки Ревицеры купались, а я с Вилли смотрели. Кончил «Кушетку».

12

Варино рожденье. Дождь льет весь день. Днем были Бене, уходившие на обед и вечером опять пришедшие. Забавлялись посельски: пили шеколад, играли в жмурки, в свои соседи, в карты, танцевали под пение, ели мороженое, опять танцевали, играли в письма и рекруты. Дождь шумел все время. Думалось в такую погоду ехать в карете из балета домой, где приготовлен чай и ужин, сидеть вдвоем, втроем у камина, дружески болтая, куря, за вином. В промежутках читали Брюсова и письма Пушкина. Когда-нибудь и наши письма и дневники будут иметь такую же незабываемую свежесть и жизненность, как все живое.

---

* Игра в четыре руки *(франц.)*.

** Смакует (от *франц.* «gouter»)

13

Письмо от Потемкина[23]; новостей мало; отчего мне кажется, что давно нет писем? Давно нет от Наумова — вот и все. Сегодня целый день сидим мы дома, хотя погода и отлична. Написал стихи. В «Mercure» прочитал, что «Monde artistique» цитируют мои «Крылья», находя там германский лиризм. Я очень спокоен, но с удовольствием думаю о Невском, Морской, друзьях, «Вене», библиотеке. Что-то сулит этот новый сезон, не думаю его более блестящим. Мне кажется, я лажу этот год с нашими. Вечером играли в карты, была огромная оранжевая луна, и я все проигрывал.

14

Целый день дождь; письмо от Модестика. Продолжаем читать письма Пушкина. Сережа ездит верхом. Топили камин, вспоминали с Варей Саратов, ходя по комнатам, ожидая зятя, играли в рамс; зять рассказывал об офицере, молодом, вышедшем в отставку и живущем в запущенной усадьбе одиноко. Все напоминало осень, и это было приятно. Составил план «Мартиньяна»[24]. Жаль, что ничего нельзя будет писать: или приняться за «Красавца Сержа»[25]? Все другие планы требуют подготовки. Как-то представляется лето еще длинной, длинной эпохой, а потом неожиданно наступит осень. Что-то замолкли петербургские.

15

Сегодня сразу ответили Леман, Наумов и Нувель[26]. Прислали книг о Пушкине; мне очень хочется вина. Повестка на письмо из Лондона; от Юши несколько слов опять, наверно; прислали разные лошадиные принадлежности. Гоняли на корде* Красавчика, татары смеялись и улюлюкали. Играли в крокет, день солнечный; в ожидании сна тихонько гуляли, потом дневник, потом сон, потом утро, возможность писем, какое-нибудь писанье, длинный, длинный день и опять вечер в ожидании ночи и ночь в ожидании утренних писем. Не начать ли мне «Красавца Сержа», не думая о цензуре?

16

Жаркий отличный день, качался на качелях тихонько, я люблю это легкое колебанье; стол в зале — мой приют — занят писарем. Составлял план «Красавца Сержа». Это будет вещь не для печати. В баню не ходил. Вечером наши поехали в лес с Сережей верхом, мы же пошли им навстречу. Да, получил архимилое письмо от Наумова и приятное письмо от Юши насчет «Евдокии». Ве-

* У Кузмина — «на хорде».

чером играли в карты. Порадую Чичерина, старого друга, перепишу и пошлю ему серенаду Филострата. Как-то устроюсь на будущий год? В «Кружке» раздоры и страсти — к добру или ко злу? Я думаю, к лучшему. Травля всегда помогала и это — без <голосов?> стариков.

17

«Белые ночи». Я онемел от негодования. Вместо 16<-ти> глав напечатано 11 с вопиющими опечатками[27]. Чулкова прямо побить мало. Праздная скука. Дамы в полной распре. Пикник не удался: ходили в березовый лес по болотам, ссорясь и пререкаясь. Купались. Играли в крокет. Вечером провожали таксатора, рожь цветет с удушливым запахом, река 2-мя рукавами стремится быстро, уже отравленная фабрикой, блистающей и шумящей. «Белые ночи» интереснее «Кошницы», пожалуй[28]. «Картон<ный> дом<ик>» очень другой, чем «Крылья» и чем «Кушетка», люблю ли я его, не знаю.

18

Сегодня, получив повестку на заказн<ую> бандероль из Москвы, подумал, не «Кушетка» ли моя вернулася обратно. Оказывается, оттиски «Любви этого лета». После завтрака пошли на станцию с Сережей; было очень приятно идти быстро вдвоем и к определенной цели. Сидели на вокзале, ожидая поезда, который не пришел; проходили и вертелись служащие, телеграфные шерамуры[29] и т. п. Пришла мысль о новом египетском рассказике[30]. Купались с кучей подростков, выкуривших у меня все папиросы. Опять на новую квартиру, где рассаживали левкои и я играл lieder Mendelsohn'a. Вечером бродили вдоль реки и играли в винт. Такой день еще прошел, как проходят дни вдали.

19

Уже переносят вещи на новую квартиру; писал «Мартиньяна» и письма. Сережа томится «Шарлотой». Письма от Милиоти, что они ждут от меня прозы и т. д., и от Мейерхольда[31]. Какое-то беспокойство передается и мне. Денег нету ни капли. Вечером ездили дети верхом. Сережа в белой рубашке наклонялся, держа лошадь под уздцы, будто Персей или Орландо. Наши ушли в гости; ужинали одни и втроем играли в рамс. Заря была розовая, будто в Китае. Сережа очень хотел спать. В деревне орут песни и играют на гармонии. Есть что-то захватывающее в частушках. Вечер тёпел и сыр.

20

День переезда. То дождь, то солнце. Последний раз обедали в старом доме; писем не было. Очень быстро устроились на

новый лад; вид оживленный на пруды, где ловят дрова, на проезжую дорогу, на цветник, на огород. Целый день развала, ничего не писал. Будто лето сначала. Вечером были у Бене, там играли молодые люди в городки, Коля подрался с Юрой, смотрели пахучие пионы, дом, построенный мальчиками, пили чай. Пошли погулять; Виля, Женя и Юра ходили с нами. Дома еще пили молоко и закусывали. Наняли нового татарина с лицом Аммалата Бека[32] или Али-Бабы. Вот первый день на новом месте. Завтра будут письма.

21

Письмо от Ликиардопуло с корректур<ой> отзыва Белого о «Евдокии», где он меня хвалит до некоторой степени. Считает, что придется подсчитывать сторонников[33]. Писал «Мартиньяна»; что-то будет с «Кушеткой»; завтра буду писать «Филлиду». Гуляли за земляникой, потом вечером по деревне мимо дома Ревицер и через нижнюю фабрику. Вечером долго ходили по саду под тополями и кленами. Я теряю соображение: начало, половина или конец лета, т. е. прихожу в наиболее летнее состояние. Я рад был письму из «Весов» и, м<ожет> б<ыть>, даже открытому бы раздору разных партиек.

22

Ни перевода, ни писем ни от кого; начал «Филлиду»; Сережа кончил «Шарлоту». Целый день сидел дома, пройдясь только до конторы опустить письмо. Были Женя, Ив<ан> Вас<ильевич>, М-me Солюс. Мне не очень здоровится, что-то с сердцем и общее беспокойство. История с татарами, с коровами, с ватером, с мужиками. Вечером орали пьяные, девки визжали и бегали, было холодно и светло. Пробовал писать музыку на слова Брюсова и учил Debussy «Chansons de Bylitis». М<ожет> б<ыть>, я начинаю скучать? Нет. Но я не могу указать ни места, куда бы с удовольствием думалось пройтись и при отсутствии потребности в прогулках, но обязательности их: это неприятно. М<ожет> б<ыть>, это от купанья.

23

В «Руси» фельетон Боцяновского «В алькове г. Кузмина» о «Карт<онном> домике», конечно, пошлость какая-то[34]. «Руно» прислало любезное письмо, просит повести; «Алая книга», «В мире искусства», где мои старые стихи[35]. Купались, гуляли в новый чудный бор, где чуть не заблудились, наконец, вышли на свистки локомотива; пел Debussy, французов и Шуберта, написал автобиографию[36]. Что же не пишет Виктор и не шлют ниоткуда денег? Теперь я опять хотел бы, чтобы журналы ссорились. Вечером был дождь, играли в рамс. Зять уехал. Потемкин прислал письмецо. Спокойнее я сегодня.

24

Снова плохо спал. Письмо от Чулкова[37]. Сереже он пишет, будто Андреев его, т. е. Сережу, приглашает в «Знание»[38]. Писал «Филлиду»; Александрия меня снова охватывает, и даже в лесу я о ней думал, в лесу с цветоч<ными> лужайками, лесными озерцами, болотами и холмами. Целый день болтался Гершанович. Провожали его вечером на лошадях, в леснич<естве> темно, заря за густым лесом; вчера были воры, лают собаки, было приятно и печально так ехать, будто отвозимому в скиты. Завтра письмо? И когда повестки? Меня что-то беспокоит. И от кого я жду писем? От Наумова, кажется, единственное теперь прибежище. Целый день в пруду перед балконом купаются парни.

25

Утром опять ничего, ни повесток, ни писем. A demain, alors!* В «Руси» опять пробирают, говорят, то же и в московском «Утре»[39]. Целый день плещутся в воде, кричат и смеются; посередине пруда палка, куда сплываются на мель, и брызги летят под ногами и руками плавающих. Взяли пастуха к коровам, Павла, 15<-ти> л<ет>, вчера приводил его старик, и сестра качалась в гамаке, сегодня он сидел на кухне и ел маленькими глотками кашу, а все ребята, прислуга, татары, бонна и Лидия Степановна смотрели на него. После обеда поехали кататься, доехали до Полищ, лошади дожид<ались>, и девочки в шляпках собирали землянику, на небе была половинная радуга. Встретили попа, по традиции нужно бы с ним кланяться. Со стороны, м<ожет> б<ыть>, мы имели вид беспечных и гуляющих людей. Мне бы хотелось быть богатым, наглым, утонченным и бессердечным. Сережа и Варя долго не возвращались с пикника, и Вилли поехал за ними верхом в темноте. Был какой-то романтизм. Читаю «1001 ночь». Мне нравится, что дети растут, и это не делает старее, а как-то странно, почти наоборот, молодит старших. Что ж, завтра письма? Сегодня Сережа получил письмо от m-me Блок, спрашиваю, в качестве музы или дачной дамы? Письма от муз особенные, очень приятные.

26

«Руно», письмо от Лемана, повесток нет. Ходили за земляникой. Вечером ездили втроем с Сережей и Л<идией> Ст<епановной> в имение Вонлярлярских, где купили розы «Magna charta» и овощей. Там чудно устроено; садовник нас водил по парникам с дынями и ананасами, по розам и партерам. И дорога туда весела, полями и березовыми рощами, было очень приятно. У «Руна» вид

* Что ж, до завтра! *(франц.)*

тощий, статья Сюннерберга самоубийственной длины и скуки, выходка против «Весов» детски ничтожная. Лучше всего эскиз Сапунова к «Королю на площади»[40]. Выходить, я думаю, не из-за чего. Что-то будет завтра?

27

Опять ничего нет. Прислали «Перуна», ровнее «Яри», но тусклее и менее свежо[41]. Наши рано уехали. Писал «Филлиду» и переписывал ее, не желая повторения истории с «Карт<онным> домиком». Осенью буду заниматься к путешествию M-m Guyon и Александру, пиша «Сержа» в то же время. Что-то даст этот сезон? Читали Пушкина, «Перуна» и мой дневник. Ходили гулять, купались, играли в крокет, всё как всегда. Пел французов. Теплый отличный день; меня беспокоит, что ниоткуда не шлют денег, но не очень. Что замолкли Наумов и Нувель? Но, конечно, ожидание писем этот год не то, что было прошлое лето. Я сам запускаю письма, будучи без денег.

28

Письмо от Никол<ая> Вас<ильевича>, что деньги посланы. Ну и слава Богу; писал и переписывал «Филлиду»; купались 14 человек прямо в озере. В «Утре» Брюсов отвечал, в «Утре» защищал меня и Гиппиус, не знаю, для чего, но важно то, что он считает себе выгодным роль защитника. Статья очень пошлая[42]. Был у Бенедиктовых, потом ждали наших, они приехали, полные рассказов, расспросов и оживления. Завтра могут быть письма и повестки. И Леман даже замолк. Играл «Вертера», милая, трогательная в корнях, латинская музыка. Хочу со временем написать «Нового Плутарха»[43].

29

В «Руси» перепечатали письмо Брюсова и опять целые россказни о «Карт<онном> домике», некоторые ключи, ожидают разговоров[44]. Очень жарко; купались, бегали на гиганах[45], играли в крокет, после обеда ходили к озеру, где катались на лодке по тихой воде, вдоль тростников и рощ. Кончил «Филлиду». Получил повестку и письмо от Павлика, жалуется, конечно, пишет, что в Летнем гуляют Дягилев и Нувель. Отчего последний не пишет, не понимаю. Что теперь буду писать, не знаю. Тихо и мирно бегут дни к желанной осени, без печали и без радости — как подобает дням вдали.

30

Сегодня получил деньги через Ник<олая> Вас<ильевича>, письма от Ликиардопуло, что из «Весов» послали мне 22-го, от милого Наумова и Модеста. Страшно ветреный день, в окна несет сажу кусками и запах с завода. Ходили в баню. Катался с девоч-

ками недалеко; сестра хандрит. Жарко и тревожно от ветра. Читал «Истлевающие личины»[46] и «1001 ночь». Что-то меня беспокоит, не знаю что. Нужно кончать «Мартиньяна». Все-таки это лето пишу больше, чем прошлое. Очень хочется осенью заниматься. Что-то принесет с собою будущая зима? En fait de l'amour, en fait de la gloire, en fait de l'argent?*

Июль

1

Жара перед грозой; в самый пёклый час ходили за земляникой, я никогда так не обливался потом. Лидия Степ<ановна> получила головную боль и раскисла, на прогулке ее несколько раз рвало. Потом была гроза и дождь, я смотрел, как лягушки прыгали по огороду, покуда Сережа читал мне Пушкина. Перед ужином играл «Куранты» и Шуберта, после Варя с Сережей пошли гулять, я же остался на балконе курить, слушая, как Катя что-то наигрывала в темноте, потом беседовал с детьми в детской, где горела большая светлая лампа, об операх. Сидели еще в зале. Первый намек на осень, все время молнии. Я не кисну, хотя в вечере было нечто чеховское.

2

Приехал зять, привез 2 №№ «Сегодня», где и в стихах и в прозе пародируют и издеваются над «Карт<онным> дом<иком>» и «Крыльями»[1]. Зять хорошо настроен, привез вишень, вина. Отправил бандероли и проч. После обеда ходил на станцию за «Понедельником» и стригся, причем мастер оказался знающим петербургских парикмахеров; пили чай с ромом и ели пирожное. По дороге к нам пристал старик, рассказывал о совершаемых в изобилии окрест убийствах. Дома играл несколько ребятам, ждали наших, ужинали. Огромное белое облако ползло по вечернему серо-голубому небу. Роман<ы> уличных газет меня не волнуют, но осадок оставляют. Впрочем, не хотел ли я этого?[2]

3

У сестры кухарочный вопрос опять остреет. В «Руси» опять статья Боцяновского обо мне в ответ на письма, защищающие меня[3]. Меня радует, что есть какие-то неведомые поклонники. День как вчера, как завтра; писал письма, «Мартиньяна», ходили за земляникой; я рад, что я обстрижен. Купались, играли в крокет, катались на гигантских, ели ягоды, что еще? Думаю об осени. Писем не

* По части любви, по части славы, по части денег? *(франц.)*

было, значит, будут завтра. Меняют татар, ссорятся с Верой. Сережа уже лег, бонна, кажется, шьет на машинке, я ни о ком не мечтаю, фабрика шумит через открытое окно. Я не думал, что «Карт<онный> домик» вызовет толки.

4

Письмо от Лемана; вспомнился город; спал плохо; писал; после завтрака ходили за земляникой — я никогда не думал такого изобилия красных ягод; холодно и солнце; первый раз необыкновенная осен<няя> ясность далей. Настроены все хорошо. Еще гуляли в лесу под вечер. Лес был очень немецкий, с озерцами, лесными гиацинтами, лучами солнца на холмах, лужайками сплошь в цветах. Хочется опять читать много на языках. Сережа читал главу из «Луки Бедо»[4] в комнате, уже со свечой, при затворенной двери. Очень было хорошо. Потом опять играли в карты, смеясь и составляя программу дня имянин Прок<опия> Ст<епановича>.

5

Сегодня уже не августовский, а прямо сентябрьский день. Т. к. у Солюс Рябушинск<ий> и Карпов, все как-то стеснены, к тому же у Пр<окопия> Ст<епановича> нарыв на руке, он не может писать, ходит к доктору и трусит. Писал за него письма, переписывал какие-то отчеты. Письмо от верного Renouveau; оказывается, Marcel Thellier, вступившийся за меня, — франц<узский> вице-консул в Петербурге[5]. Наши пошли за ягодами, я же сидел, переписывая «Алексея». Идут приготовления к 8-му, сегодня резали теленка и свежевали, я в первый раз видел, как вытаскивают внутренности и голова с еще не мутными глазами. Собирались ехать с Сережей к Гершановичу, как вдруг известие, что его увольняют, будто бы за пропаганду на фабрике. Поехали его приглашать на завтра Сережа и Лидия Степановна, мне же, узнавшему, зачем и почему его зовут, не захотелось ехать. Пошли к Бене, были все немцы. Играли в колдуны, в карты, в 4 р<уки>. Катерина Ив<ановна> была без голоса, с распухшим носом, но любезна. Дала нам Фета. Возвращались совсем в холоде, дома еще ели, рассуждая о Гершановиче. Днем зять с сестрой ссорились; опять какая-то тревога овладевает мною. Яков весело и жестоко заколол теленка, отрезал почки и потом хотел их пришить, Султан лизал кровь, коровы тыкались на запах, и Бобка в красной рубашке что-то лопотал все время.

6

Сегодня целый день почти был дома, пиша письма под диктовку зятя, читая с давно не бывшим удовольствием «1001 ночь». Приезжали уволенные таксаторы, объяснялись, что всегда непри-

ятно и тяжело. Кончил «Мартиньяна». После обеда слонялись на плоту, в подвале. Ужинали в комнатах, у Солюс был фейерверк жалкий, но самый факт его меня восторг и поднял необыкновенно. Любовь к радугам и фейерверкам, к мелочам техники милых вещей, причесок, мод, камней, «сомовщина» мною овладела[6]. Я заиграл «Орла» Grétry и Dalayrac'a, какой ресурс музыка для любви, для дружбы, для всего. Что-то сулит мне осень и зима?

7

Утром дети играли в 4 руки арии из «Figaro», «Oberon» и «Гугенот<ов>», и милые, с детства знакомые мелодии настроили меня на жизнь в городе, театры, на умирающую культуру[7]. Весь день стряпают и готовятся к завтрему. Писал письма к зятю. Ездили на станцию с Сережей за покупками. От Грифа вторичное приглашение в «Перевал». Согласился. К вечеру погода разгулялась. Были в бане, вечером играли в карты. Что еще? Так незаметно, без новостей, но без страданий подходит осень. Буду видаться с друзьями, заниматься, писать, ходить в театр. Завтра м<ожет> б<ыть> несносно, но скоро пройдет и необыкновенно.

8

День имянин прошел, как эти дни проходят. С утра приехали гости, ели, гуляли, бездействовали дома, опять ели, опять сидели, гости спали, вечером пришли местные обитатели, опять ели, бегали в горелки, дети танцовали, мужчины играли в карты, ужинали, пили, долго ели, опять пили чай. Вилли все ухаживал за Сашей, старый Бене и мне и ему говорил, чтоб он больше не пил. Было лучше, чем предполагалось, но все-таки слава Богу, что день прошел. Мих<аил> Як<овлевич> хотел взять татарина в слуги, староста привел молодого и [очень] красивого, и все мы его осматривали. Смешные вопросы: «Он грамотный?» — «Нет, это долго разве сделать, а теперь он ничего еще не знает».

9

После имянин все кислы, кто с головой, кто с животом, кто с чем. Писал стихи, писем нет, день серый, то дождь, то бледное солнце, то тучи с просветами. Ходили гулять под вечер, Ваня и Володя Ревицер охотились в мокром лесу, переговариваясь, зовя собаку, стреляя. Я думаю, это <приятно?>, охота: и прогулка, и спорт, и общество, и закуска, и жестокость, и робинзонство. Сережа ходил на станцию, потом ездил верхом и, не сняв больших сапог, бегал на гигантских; как высокая обувь делает стройнее человека. Вечером опять проливной дождь. Не знаю, начинать ли «Красавца Сержа» здесь?

10

Прислали «Весы»; бранят Чулкова, но и Иванова и Блока, объявляют мои книги[8]. Антон мои вещи перевез к Званцевой — me voilà rétabli*[9]. Франке ездят на 5<-ти> экипажах веселыми бандами, много молодых людей, смеющихся в собственной купальне. Под боком м<ожет> б<ыть> привольное, хотя и немецкое житье. Наши ходили на фабрику осматривать, но я не пошел. Вечером гуляли с сестрой и Сережей втроем по деревне; загоняли стадо, у домов мирно беседовали, дети бегали по улицам, из окна звали ужинать, большая, еще прозрачная луна всходила на светлом после туч небе. Писем не было. Вот я утвержден несколько у Званцевой. Письма завтра?

11

Чем дольше нет писем, тем больше их будет вскоре. День имянин: у Шотц, у Бене, у Ревицер. Кто куда. Я с сестрой и Сережей пошли к Бене, дети к Шотц. У Бене никого не было, Вилли пришел забрызганный бумагой[10], сел за детский стол; играли в крокет, мальчики боролись. Погода разгулялась и была приятна. Обедали очень поздно, ожидая зятя и детей, вечером играли в карты. В «Руси» я помечен в числе предполагаемых участников «Вечера нового искусства» Мейерхольда[11]. Читал сестре «Мартиньяна» и стихи. Стихи в «Мартиньяне» менее острые, чем в «Алексее», но, м<ожет> б<ыть>, лучше, чем в «Евдокии».

12

День, как все дни, ничего особенного; письмо только от Лемана; писал какие-то стихи; целый день то дождь, то солнце; гуляли, ели, играли. Скорее бы уже осень, на этой квартире я меньше пишу и значительно меньше читаю. Разучивал романсы Debussy, совершенно очаровываясь ими. Завтра Сережа пойдет встречать Филиппова из «В мире искусства» и, м<ожет> б<ыть>, привезет его домой. Сегодня теплее, кто-то купался. Татары с детьми пускали по реке зажженную солому. Болтались у воды. Теперь лунные ночи, я рад, что приедет Леман. Я потерял крест и сегодня во сне видел, что на сердце у меня мышь, я дышу и она шевелится. Я делаюсь ленивее и беспокойнее; это от спокойной жизни.

13

Утром приехал Филиппов, 26 лет, помесь Рафаловича, Кены Помадкина, Штейнберга и, увы! Судейкина. Он нам значительно надоел, будучи целый день, говоря о журнале etc. Мы води-

* Вот я возвращен *(франц.)*.

ли его и гулять, под дождем и без дождя, и по лесу, и по деревне, и по фабрике. Сестра с зятем уезжали до позднего вечера. Приехал Гершанович, прибавляя собою еще предмет для занимания. Купили поросенка. Письма от Наумова, не получившего самого главного письма, от Нувеля, Чичерина. Я, кажется, слишком много наобещал Филиппову. Мы вздохнули облегченно, когда господин уехал. Завтра за обычные занятия. Могут быть еще письма. Самое важное было то, что Фил<иппов> вынес впечатление от Брюсова как благоволящего ко мне[12].

14

Отличный день, солнце и не холодно. Отдыхаем от Филиппова. Писал мало. Если бы «Эме» был не моей книгой, он был бы из любимейших. Послал в «Перевал» «На фабрике»[13]. Ничего особенного, ходили в баню, в бор, играли. Читал сказку об «Ali Nour et Douce Amie»*. Право, что-то больше ничего не помню. Здесь не так уютно писать, как на той квартире, как значит комната. Что-то будет зимой? Я бы хотел, чтобы или все помирились, или ясно разделились и распределились по журналам, вроде художников, не имеющих почти права участвовать в различных выставках. Письмо Наумова, какое-то странное. К нам может приехать Татьяна Алипьевна, это приятно.

15

Целый день продолжающаяся головная боль несколько мешала мне воспринимать как следует прогулку на сенокос за 8 в<ерст>, в 3-х бричках, с Яковом, с самоваром, пирогом и пр. Дорога и место около речки были отличны. Мы купались в темном заливчике с широкими листьями цветов, будто «купальня нимф». Пришли косцы, пели, шалили с Яковом, на кустах росла смородина. Было ясно и тепло, жгли костер, лошади бегали на воле. Но у меня болела голова, хотя из мальчиков, убиравших сено, один был очень красивый, трое ничего себе, все приветливы и любопытны. Пришли «Лицейские стихи Пушкина» от Брюсова[14]; в объявлении «Весов» я помещен в числе ближайших сотрудников.

16

Всю ночь болела голова. Венская «Kunst und Bücherfreud» говорит о «Картонном домике», хотя и не весьма одобрительно[15]. Так как голова была не свежа, оставался дома, бросая «блинчики» на пруду с Сашей и Бобкой. Сережа ходил на станцию за газетой, зять уезжал, был дождь поздним вечером, днем было солнце и на

* «Али Нуре и сладкой подруге» *(франц.)* — сказка «1001 ночи».

пруду купались. К управляющему приезжал какой-то молодой в синей рубашке, он долго, часа с полтора, ждал, лёжа и ходя, и потом стал вытаскивать пакеты через сад и уехал. У него были белые тонкие руки и приятное лицо. Он мог бы приятнее прождать эти полтора часа. Написал романс на слова Брюсова и кончил цикл стихов XVIII века[16]. Деньги из «Весов» на станции уже с неделю.

17

Была приятность излеченной головной боли, которая была очень сильна с утра. Письмо из «Сириуса», так написанное, будто я собираюсь издавать на свой счет. Гуляли по местам, где давно не были, под вечер; я люблю возвращаться вечером с еще более далеких прогулок. К нам пришли Солюс, беседовали, пили чай, музыканили, побранивали «Голубую розу» и статью в «Белых ночах»[17], ночь была звездная, с ущербающей луной. Написал Брюсову могущее иметь значение письмо[18]. Даже странно, что голова не болит. Что еще? Этот период дневника будет казаться бледным потом.

18

Наши уехали; ходили за грибами в какое-то новое место леса, очень темное и глухое, опять плутали; играли в карты, рано ляжем спать. Как очаровательны сказки «1001 ночи». В городе много буду читать, это должно входить в круг ежедневности, как при маме. Написал нужные письма, не получив никаких. Вспоминались лета, в Василе первое, в Черном. В «Руси» опять какая-то пошлость, даже не смешная, о «Карт<онном> домике»[19]. Пел «Winterreise»; какой-то тягучий, предлинный день. Кончили перечитывать дневник. Нужно приниматься за «Сержа», он пропишется месяца три. Заняться бы музыкой. Зимой почти необходим инструмент. Завтра будут письма.

19

Целый день дождь и серость, но я получил письмо от Наумова, сделавшее мне ясным этот день. Все было написано, будто я диктовал, безукоризненно. Целый день читал «Элексир Сатаны»[20], часто блестяще и увлекательно, хотя грубо, местами пошлый романтизм и потом у каждого персонажа по 2 двойника, так что ничего не поймешь, кто мать, кто бабушка, кто внучка. Очень хочется писать, но, м<ожет> б<ыть>, не «Красавца Сержа». Мне приятно, что Леман может приехать. Вечером приехали наши в дождь. Просидев целый день, даже устал. Да, эта зима во многом обещает быть интересной. Что-то будет.

20

Очень хочется писать и почти нечего. Хотелось бы быть сознательным и сознательно отказываться от некоторых сторон, хотя бы и доступных мне, творчества. Хотелось и в авторах и в себе иметь только легкое, любовное, блестящее, холодноватое, несколько ироническое, без au delà*, без порывов вдаль, без углубленности[21]. Были цыганки, табор которых наши встретили вчера. Позднее мы пошли отыскивать их версты за три, дорогу нам указали мальчишки и парень с бабьим голосом, скурильный. Это было в красивом леске; 4 семьи, 4 палатки, красивейшие мужчины, очаровательные мальчики, засморканные ребята, черные женщины, вид отнюдь не нищий, приветливы, первобытно-гостеприимны, лукаво-ласковы. Плясали; я пил чай, ведя разговоры, пока дамы ходили по другим аулам. Гадали. В воскресенье важное в матерьяльном отношении известие, щедрость, ничего про любовь и невест. Мальчик был прямо удивительно красив. Звали вечером <прийти> одному. Решили идти всем в воскресенье. Дома пошли к Венедиктовым, от которой получил просьбу книг. Уютные разговоры о детях, о делах, о фабрике. Большие августовские звезды, фабрика блистает. Писем не было; перечитывал Рое.

21

Известия из «Весов» и «Руна». «Филлида» принята, из «Весов» более личное и дружеское[22]. Ликиардопуло осенью едет в Константинополь, и воспоминанье об этом незабвенном, очаровательном городе наполняет меня почти какою-то тоскою[23]. Ездили в лесничество, и Сережа верхом, что-то напомнило большие дороги Сервантеса. Встретили знакомых цыган. Когда я играл, приползли в комнату 4 татарки меня слушать. Вечером были Венедиктовы, часа 3, играли в 4 р<уки> квартеты Mozart'a, Haydn'a, танцы Glück'a. Камерная музыка в 4 руки мне была несколько скучна, хотя бы и этих мастеров. Очень хочется писать.

22

Цыганка сказала неожиданно верно: утром я получил перевод, не невероятный, но странно совпадающий <с> днем, указанным ею. Кислое письмо от одной из Элоиз — от Лемана и от Соколова — взял 3 стихотворения «На фабрике»[24]. После завтрака большой компанией с гостинцами отправились к цыганам; пошел дождь, мы бежали бегом через болотистый луг, как передовые ребята со смехом нам кричали, что цыгане уже уехали; вот и «балок», на который нас зазывали, было довольно печально быть tellement

* Потустороннего *(франц.)*.

plaqués*. На обратном пути беседовал с братом Екат<ерины> Ив<ановны>, немного барбосистым, но милым; мне было приятно, как всякое общество молодых людей, я понимаю, что любители женщин оживают и видят сразу повышенный интерес единственно от их присутствия, независимо от возможности флирта. Дома заснул, т. к. болела голова; приятно сознательное ощущение засыпания. Начал «Красавца Сержа», но писать его, вероятно, буду лениво. «Перевал» тоже просит к осени рассказ, а я все концепирую длинные для журналов повести. Молодой человек мне рассказывал про Маньчжурию и Москву, и ожившие воспоминания снова меня наполнили жаждой новых стран, Китая, моря, Леванта. Читаю По; все-таки это — не из любимейших, хотя отлично и остро.

23

Ходили за грибами, что еще? Пересматривая «Весы» параллельно «Mercure de France», заметил всю значительность и культурное значение для русской литературы этого первого журнала. Ничего не делал. Что еще? Читал По, писал ответ Наумову. Вечером пошли к Венедиктовым, там вышла неудача с винтом. К Бене пришли Алимон, и их всех вытребовали домой. Игроки не пришли. Поиграли à 4 mains, поболтали. Возвращались при звездах в холодный и с туманом над водой вечер. Гости к нам не приехали. Как даже Юша <ожил?> после немцев! Что еще? Завтра будут письма, но от кого?

24

Целый день дома; у сестры опять расстройство из-за грозящей возможности переселения в дом Ревицера. Приглашение от Чеботаревской на «Вечер Искусства»[25]. «Руно», стихи Городецкого, очень слабые, рассказ Ремизова, статьи Иванова и Блока (очень странная, хвалящая от Горького до Каменского, до Сергеева-Ценского вплоть, кем вдохновленная: Аничков<ым>, Чулковым?)[26], снимки с «Голубой розы». Вечером были Бене и Солюс, бегали с мальчиками в горелки, в жмурки, дурачились. Завтра провожаем Лидию Ст<епановну> и Сашу, а сам еду в виде помощника зятя к 3-м старым девицам за 25 в<ерст>. Придумал анекдотический рассказ.

25

С утра поднялись рано, легши поздно, не выспавшись. Проводили наших на вокзал, отправились дальше; мне было приятно ехать в человеческом виде, а не в рубашке. Местность, считающаяся очень красивой, исключая большого озера, или даже и с

* Столь «подкованными» (в смысле — обманутыми) *(франц.)*.

ним, была вроде ближайшей Финляндии. Поместья Ле<й>хтенбергских, Ольденбургских и др<угих> имен. Приехали, будто Чичиковы; послали карточки; расспросы: откуда, кто, зачем. Пустили; из-за занавески, где черный массивный силуэт в нижней юбке, густой бас нас пригласил в залу. Чистота, духота, затхлость; фортепьяно, на нем кофейная мельница, подсвечники, бра, люстры — все без свечей, масса стоящих часов, вышитые подушки, старая мебель, премии из «Нивы» по стенам, для наполнения рамок вставлены и повешены рядом совершенно одинаковые фотографии[27]. После долгого ожидания, хлопанья дверями, скрипа шкапами, тяжких шагов по верхним покоям и лестнице, явилась одна из барышень Мерлин<ых?>, пудов на 8, лет 50<-ти>, в кремовом платье с редкими, по трое, веночками — лиловом, розовом, зеленом, на голове светлый шарф пышным бантом, приседает, резва, говорит басом, делая движения огромной рукой с крошечным кружевным платком. Т. к. дело было об наносимых фабричной плотиной <убытках> их береговым землям и барышня сознательно и настойчиво просила 500 р. или прибавки ежегодной по 50, мягко ударяя кулаком по столу, то разговор принимал еще более гоголевский характер. Называла зятя «господин», говорила: «аграрные беспорядки», громким басом переговаривалась секретно с сестрами, находящимися где-то невидимыми, по-французски. Угостила чаем и вином, с утра-то. Пошла осматривать лес с парнем 19<-ти> л<ет>; идя сзади, я смотрел на его шею, зная, что кожу всего тела, и цвет, и характер можно узнать по шее, где кончается загар, и по щекам или рукам; проходили часа 2. Барышня теперь сидела в затворенных комнатах в шляпе, ничем нас не накормила и не удерживала. Когда запрягали лошадей, раздались бряцания фортепьяно. Они ездят только в церковь, на лодке, подымающей 30 чел<овек>; скопидомно и скучно. В молодости была красива, верно. Мне на прощанье даже присела как-то в два приема. А торгуется как кулак и на фортепьяно играет. Хорошо, что из дому захватили еды. Пошел дождь. Приедет Татьяна Алипьевна. Письмо от Юши. Всё дождь, все киснут дома. Болела голова, потом прошла.

26

Ездили за малиной за 12 в<ерст>, с утра, всесемейно. Эскортировал нас лесник, а другие с ружьями пошли с зятем проверять лесосеки. Пили чай в избе, где роженица, недавно родившая, сидела бледная и слабая, но хозяйственная, за пологом. Вымыто к празднику Пантелеймона. Болтали с ребятишками, собаку зовут <«блест...»?>, котенка «шкилет»; убили зайчонка, ехали по другой дороге мимо праздн<ующей> деревни. Все ждали Татьяну Ал<ипьевну>, встречать которую поехал Сережа. Зять и сестра засыпали в передней, я же бродил по темному двору с детьми и бонной, болтая о звездах,

гренадерских казармах, где фрейлен прежде служила, о забастовках, прислушиваясь к стуку колес. Сережа вернулся один, барышня не приехала. Одни поужинали с засыпающими детьми в первом часу. Написал какие-то глупости для шарад. Письмо Чичерина меня чем-то обеспокоило, напомнив живо его суетливую настойчивость; день опять прошел даром, т. к. утро пропало без занятий. Что-то будет осенью. Звезды падают ночью обильно. Татарин говорил: «Сколько ночью перепадает, а все больше половины остается».

27

Барышня приехала ночью, нежданно. С половины дня дождь. Написал крошечный и ничтожный рассказец. Очень томились дома, все в комнатах, не зная, что делать, наконец, поиграв в карты и поужинав, рано-рано легли спать. Писем не было. Хочется тряхнуть стариной и пописать как следует музыку, м<ожет> б<ыть>, и сделаю это. Как-то все возлагается на осень; нужно выработать тактику отношений, это и скучно, и трудно, и заманчиво. Я страшно давно не получаю личных дружественных писем; долгие отсутствия приучают обходиться без себя и это грозит действительною опасностью.

28

Почти безвыходный дождь. Встали рано, письма из «Шиповника» и от Лемана, очень печальное. Составлял планы для музыкальной пьесы к «Plaisirs champêtres»[28], довольно пакостно, как почти всегда бывает у меня без слов, какой-то старый, довольно плоский романтизм. А м<ожет> б<ыть>, и ничего. Учил Debussy. Нужно много, много читать. Это меня радует, но как-то все относится на осень. Вечером после бани приехала Лидия Степановна, оживленная, полная рассказов. Кажется, я попал в «Буффское обозрение» — «33 урода»[29]. Скоро и в город, это меня уже начинает привлекать.

29

Встал очень рано, задолго до почты. «В мире искусства» не только не поместил меня в числе «обновленных» сотрудников, но даже не напечатал моих стихов. Смешная ли это неприязнь Л. Андреева, собственная ли наглость, не знаю[30]. Весь день дождь, писем нет, марок нет, читал целый день По; у Солюсов живые картины и репетиции; барышни несколько меня бойкотируют и отчитываются. Сережа, который фыркает и хулиганит. Белый опять лягает Блока; когда все выяснится?[31] Наумов долго и странно не пишет. Леман полон страха, от Юши беспокоящие и беспокойные письма, что мне не очень все приятно. М<ожет> б<ыть>, перед лучшим. У По известная начитанность, которая так пленяет и вле-

чет быть книжником. Жалко, что у меня плохая память, требующая выписок[32]. Теперь некоторое большее отшельничество имело совсем другой вид, чем при прежней неизвестности, особенно при дружбе, увы, не всегда надежной, не всегда равнодушной. Я жажду заниматься и без конца читать; вспомнить языки, быть книгоглотателем. Меня влекут детали и мелочи. Времени, собственно говоря, строго регламентируя, очень много, особенно при одиночестве. Но чья нежность будет давать мне сил? Интересно было бы всех посмотреть. И потом деньги.

30

Ходили за грибами, болела голова; думаю об осени, начиная беспокоиться бюджетом. Приняв лекарство, освободился от головной боли, но не пошел к Солюсам на праздник. Сидели втроем дома, мирно и скучно беседуя, ужиная, играя в кабалу. Сережа привез «Понедельник», где уже пропечатан список отчужден<ных> из «Знания»: Арцыбашев, Куприн, Лазаревский, Каменский и я, будто я стремился попасть или был там[33]. Пришел Сережа с confetti на волосах. Я чувствую к нему какую-то неприязнь, не знаю отчего. Писем не было. Хотелось бы играть итальянцев 30-х годов: Rossini, Bellini. Ах, близкая осень, что даст она мне?

31

Маленькая записка из «Весов» привела меня в лучшее настроение. Читаю По, убеждаясь в его общности с Уайльдом и с французскими романтиками. Но он предвосхищает и позднейшее. Читал Лукиана, и ясность, бодрость, улыбка снова вливались в меня. Возможны и письма завтра. Целый день был какой-то гость у Прок<опия> Степ<ановича>; пел в сумерках арии Раёr и Sacchini, думая без трагедий о нежных дружбах, о возможных бедствиях, о больших городах. Искусство и все прошлое мира всегда со мною и во мне. Какая радость, ясная светлость. Я хотел бы одного идеала: начитанность. С вожделением думаю о своих каютах у Званцевой.

Август

1

От Ликиардопуло письмо, чреватое новостями: раскол с Петербургом, я — москвич, Брюсов будет хвалить «Эме», Белый пощадит меня в «Бел<ых> ночах», статью Гиппиус парализирует послесловие редакции[1]; Нувель в Москве, куда — Сережа? Ходили часа 4 по лесу, мокрому, но отличному, потом в сумерках гуляли втроем с Сергеем и Татьяной Алипьев<ной> мимо Чепухи и леса,

вечером играли в рамс, Сережа хулиганил, несколько раздражая меня чем-то. Читал Лукиана, По и Пушкина, мог бы продолжать «Сержа». Напишу пьесу «Орест»[2]. Скоро, скоро «я полечу по улицам знакомым», без трепета встречи. Не Meisterjahre ли это, предсказываемые Вяч. Ивановым?

2

Письмо от обеих Элоиз зараз. Ездили за малиной по невообразимому болоту мимо деревень, в ясный осенний день, 12 верст на 3-х экипажах. Вечером читали Пушкина, был молодой месяц над прудом. Потом пришли к нам Венедиктовы, играли в винт и à 4 mains Гайдна и Глюка. Игроки кричали и шлепали картами, будто по носам друг другу, Сережа с Татьяной Алипьевной* сидели на диване. Зимою напишу «Сержа», «Фирфакса», «Ореста» и «Разговор о дружбе», кроме стихов[3]. Меня радует, что есть что писать. Положительно центр тяжести переносится в творчество. А м<ожет> б<ыть>, я и ошибаюсь.

3

Сегодня как-то раздражались и сердились, м<ожет> б<ыть>, я сам был таков и потому все мне освещалось таким образом. На крокете поссорились с Л<идией> Ст<епановной>, на прогулке пикировался с сестрой и т. д. Бобка заболел и лежал, в сумерках я сидел с ним, говоря, как говорят с больными детьми. На прогулке встретили молодого (по-моему, еврея), с которым раза три мылись в бане, он мне нравится лицом и фигурой. Ходил по саду, позвав собаку; не привыкшая к вниманию, она послушно и медленно, благодарно ходила за мной взад и вперед, останавливаясь, когда я останавливался, большая и старая. Зять уехал в Петербург. Скоро и нам пора, т. е. мне, и это не неприятно.

4

Нувель прислал мне из Москвы утешительные новости о Брюсове и т. д., про себя мало[4]. Ходили за рыжиками, очень тепло, ночью была гроза; после бани ездили кататься, дали уже в дымках, было приятно прокатиться так себе, а не за тридевять земель с целью. В газетах известия о готовящихся вещах Д'Аннунцио опять наполнили меня старой любовью к этому пламенному мастеру. «Сержа» не пишу, помышляю об осени, о работе, о друзьях; какими-то я их встречу? И милый «Фирфакс», и «Орест», и музыка, и все. У нас новый подпасок. Вечером играли в рамс. Подпишусь у Поповой еще в библиотеке. Завтра отпишу все накопившиеся письма.

* У Кузмина — Липовной.

5

Ответ от Брюсова, сдержанный, но крайне благоприятный. В дипломатии литературы большой важности[5]. Целый день почти сидели дома, но делать ничего я не делал. Сережа начал новый рассказ. С какою радостью осенью буду писать «Ореста» и «Путешествие», посвящаемое Брюсову. Скоро придут «Весы», жду их теперь с особенным нетерпением. Осенью свижусь со всеми друзьями. Вечером Варя и Сережа пошли к Бене, мы без них и ужинали и играли в винт, не жалея о большом том обществе. Что еще? Письмо Брюсова мне кажется чрезвычайной важности. Что-то милые Сомов, Renouveau, Диотима, бестолковый Бакст?

6

Ходили далеко мимо дач Трубникова к железнодорожному мосту. Все растеряли друг друга. Я с Лид<ией> Степ<ановной> долго ждали наших, пошедших на станцию; гуляли офицеры и гимназисты, проходил курьерский поезд, было солнце и далекий вид на леса. Возвращались вдвоем, беседуя о Крекшине и Василе. Чулков безыменно ругает Брюсова, Белого и меня, выставляя Иванова, Блока, Сологуба, Бальмонта и Городецкого. Ну, что же, à la guerre comme à la guerre[6]. Все меня влечет уже в город. Завтра могут быть письма. Чулков противопоставляет «Скорпиону» «Оры», о которых не может быть и речи, как о серьезно поставленном в денежном отношении предприятии. Какая каша, в общем.

7

Так долго не писал, что даже писать дневник приятно, помимо самого факта дневника. Ходили за грибами с Солюсами и Бенедиктовыми, 16 чел<овек>, Сережа, ездивший верхом за 25 в<ерст>, был вроде всадника из Майн Рида[7]. В сумерках, по будто заведенному обычаю, пел Debussy, Шуберта, себя и французов. Что же это я ленюсь, в самом деле. За «Сержа» приниматься большое отсутствие аппетита; если бы я был достаточно осведомлен, сейчас же принялся за «Ореста», хотя главные мои aspirations* к «Фирфаксу». Пересматривая «Эме» вижу, что везде положительно насмешливость, которая отсутствуют у Сережи. Вот коренная разница. Ночью видел нелепый сон про каких-то евнухов.

8

Т. к. наши барышни с Сережей поехали к Вонлярлярским за розами, я один с Варей и детьми гуляли в лес. Мы сидели, а девочки за лужайкой собирали грибы, и хотя нас было пятеро,

* Устремления *(франц.)*.

чувствовалось какое-то одиночество. Сестра все чаще напоминает мне маму, и какая-то черта тихой старости делает ее ближе и трогательнее. Так же она бегала с Аней в Ярославле, и мама сидела и звала их домой. И это лицо изменится, схваченное внезапной и непривычной смертью. Под вечер еще гуляли. Письмо от Сапунова меня подбодрило и даже, я скажу, взбудоражило: полон планов etc., нашел какого-то Амура, дружествен[8]. Как вспомнилась зима. Павлик пишет, что видел того студента в Павловске. Но деньги...

9

С утра поехали в Хорино, далеко: я очень люблю так далеко ездить, мимо полотна реки, озер. Посреди дикого леса вдруг встретили настоящего студента, будто тотчас от парикмахера. Барышня таксатора одна дома, в избе со Страшным судом, Фомой и Еремой и т. д., недорогие духи, помада, цветочки, конфеты, которые можно достать на станции, семячки, горох. Читает песенники, дружит с девками, скучает, смотрит из окна на озеро за полями. Покуда зять ездил в лес, мы ходили за грибами, 6 чел. Набрали полную корзину. Взяли Лидке живого зайчонка, возвращались мимо милых дач Трубникова и Вонлярлярских. Дома ждало письмо из «Весов» о выходе из «Руна» Брюсова, Мережковского и т. д.[9] Первое испытание верности. Болела голова.

10

Званцева приезжает только 24-го, хотя и предлагает мне поселиться без стола и прислуги, что не очень-то меня устраивает. Чулков прислал конец «Карт<онного> домика»[10]. «Весов» еще нет. Я почему-то чувствую более, чем когда-либо, что я вступаю in harenom historiae*. Как делил Пушкин свое пребывание между 2-мя столицами. Сережа в письме к Городецкому написал отзыв о нем Брюсова, узнанный из письма ко мне[11], но потом вынул письмо из ящика обратно. Пел весь «Winterreise» подряд. Видели в лесу большого зайца. Ночи лунные и холодные. Вилли приходил прощаться, завтра отправляясь на 3 года за границу, милый, хотя и похожий на пивовара.

11

Письмо от Наумова, смутное и тревожное; куда-то его везут, несколько писем не получал, скучает, надоело. Если не драма, то какие-то пертурбации явно чувствуются. «Весы». Гиппиус обрушилась и на меня, хотя это и замазано послесловием, но мне

* На арену истории *(лат.)*.

было неприятно[12]. Белый похваливает, Брюсов даже весьма. Ходили за грибами, в баню, так просто гуляли; читал новеллы, играли в карты, ничего не писал. В город бы. Какими-то я всех найду? Что-то сулит мне год? Что за предложение у «Скорпиона» ко мне?[13] Как-то все выйдет? Начинаю подкисать и скучать бездействием. Нотной бумаги нет, «Сержа» писать не хочется, другого не могу. Все до осени. Покуда подчитаю к «Фирфаксу», буду писать «Ореста».

12

Письмо Диотимы, пересланное мне Нувелем, живо напомнило мне петербургских друзей, и захотелось их видеть и быть в городе. Письмо самого Нувеля — какое-то кисленькое[14]. Ездили на Хоренку пикником, на 3-х и потом 4-х экипажах. Гуляли в березовой роще, ели, пили чай, жгли костер. Был временем дождь, зато была радуга, всегда наполняющая меня каким-то трепетом. Ямщик наемный был пьян, и та компания, которая была с ним, все время держала его за шиворот и не давала кнута. Послезавтра барышни уезжают. Вечер опять хороший, с осенней луной над прудом, с ветром. Я как-то устал это лето. Скорей бы в город. Отчего я чего-то жду от сезона?

13

Сережа получил за «Вафилла» гонорар, но «Перевал» мы еще не видели; там могут быть интересные рецензии. Ездили втроем на станцию. Я стригся, покупали марки, яйца, фонарь, отправляли письма, пили чай в буфете. Был дождь. Играли в карты, читали письма Пушкина. Сережа вдруг решил ехать в Москву с барышнями. Это, конечно, удобней всего, покуда есть деньги и попутчицы. Что еще? не помню. Начинаю томиться бездействием, но, может быть, лучше назреет, как в прошлую осень и «Эме», и «Куранты». Что-то будет?

14

Все дождь. Наши собираются в Москву, зять в Петербург. Сережа дописывал свой рассказ, потом переписывал его вместе с Татьяной Алипьевной. Я делал ему наставления для Москвы. Провожать не поехали. Опять заблудились коровы, и были разосланы гонцы искать их. В страшную грязь и холод, но уже при ясном вечернем небе пошли по дороге, теряя калоши, и встретили Якова едущим в тарантасе, перед которым шли найденные коровы. Вернулись домой в экипаже, а Яков перед нами гнал коров, так мы ехали с волами, рабами, чадами и домочадцами. Вечером был Гурвич, переехавший сюда. Читал Musset и думал о Павлике, как это ни странно.

15

Сегодня я уже с часа на час ждал этапов дня, приближавших меня к городу; вот чай, вот чтение, курение, вот завтрак, вот прогулка, вот обед, вот катанье через празднующую деревню с пьяными, дерущимися, вероятно, убитыми, к Вонлярлярским, вот музыка, вот ужин, вот в гости, вот возвращение домой, при луне, по невозможной грязи, вот сон — так день, и завтра, и послезавтра. Поедем, вокзал, дорога, опять вокзал и «башня», дорога к Нувелю, к другим друзьям, в библиотеку, осенняя жизнь. Поминутно шел дождик, открывая голубые небеса с белыми облаками, которые, отражаясь в плоском пруду, напоминали мне почему-то Китай. Писем нет.

16

Проснулся рано; все было тихо, барабанил заяц, разговоры детей, чей горшок больше воняет, вставали. Писем не было; ясно; скоро в город. Вдвоем с сестрой ходили гулять. Опять праздник в другой деревне, один убит, несколько ранено. После обеда катались. Пошли к Бене, играл с юнкером на скрипке. Он томен, дешево элегантничает, перстеньки, белокурые усы, любит трогательную и медленную музыку. Я все смотрел, за что Венедиктов перестал пускать своих детей к Бене, выставляя что-то несказуемое причиной. Мальчики по-прежнему вешаются на меня и на Жениного жениха, целуют и мнут друг друга, объявили, что в городе ко мне придут. На обратном пути нас нагнал татарин от Солюс. «Только что приехала из Петербурга, завтра уезжаю, необходимо Вас видеть, ноты готовы». Конечно, вышел вздор, никого не было, кроме инженера и Екатер<ины> Ивановны. Сидели до второго часа, болтая, играл «Орфея» и «Вертера». Луна волшебна, но холодно. Солюсы пошли провожать гостей. Попил молока и лег спать, не писавши. Непомерная лень мною овладевает. Скорей бы в город. Писем не было и сегодня. Сережа теперь разгуливает по Москве, зять по Петербургу, а я сижу с окуловскими барынями и жду общего «выхода»!

17

От Сережи отписка, ничего еще важного. Москва, кажется, не очень нравится. В «Сером волке» проекты памятника мне и Ремизову, достаточно похожие[15]. На «Вечере совр<еменного> искусства» выведены Диотима, я и Городецкий; хорошо еще, что мои искания считаются увенчивающимися успехом, чем не хвастается Аннибал. Зять приехал: тетя нас ждет, приезжает мой другой племянник в медицинскую академию, я его не видел с младенчества. Привезли шабли. Солнце и не холодно. Ходили за рыжиками. За-

ходили дамы, ели арбуз, вечером сестра шила; попел «Die Schöne Müllerin», читал в столовой же новеллы, будто зимою, ожидая времени идти в гости. Рано легли спать, хотя спал плохо, не то от холода, не то от близкого свидания с друзьями.

18

Письмо только от Сережи о его пребывании в Москве. Целый день сидели дома, был Гурвич, m-me Бене, вечером пришли Солюс и Ек<атерина> Ив<ановна>; играл «Куранты» и французов, было будто зима. Зять уехал в Петербург. Сережу ждали, ждали, но он не приехал. Проводив уже Екат<ерину> Иван<овну>, говорившую, как она любит меня и Сережу, вернувшись домой мимо дымящегося туманом пруда, я еще ждал Сережу. Приехавший одним Яков сказал, что его не встретил. Ночью переселяли зайца из детской в умывальную, искали его без света под кроватями, шептались. Скоро и все уедем.

19

Сережа и утром не приехал; не может поймать он Брюсова, что ли, или закрутился в «Перевале»? Читаю пасквили и инвективы Гейне, называемые его «критическими статьями»; чем это лучше Белого и Гиппиус? Он очень закрыт для меня, даже как поэт. Ходили за грибами. Уйдя в глубину леса, вдруг очутились в глубоких долинах между холмами, поросшими брусникой, мхом и теперь уже разноцветно-желтым папоротником. Отойдя в сторону, я вдруг почувствовал такую тишину, будто что-то нечеловеческое. После обеда начали собираться дети. Пришла и Женя с своим Борисом, с которым я вскоре отправился за его скрипкой и нотами. Было много народу, дети бесновались, потом мы занимались музыкой. Приехал зять и Сережа, усталый с дороги. Проводив Екат<ерину> Ив<ановну>, мы еще долго беседовали с Сережей о Москве, уже лежа в темноте. Предложение «Скорпиона» есть издание вместе «Карт<онного> дом<ика>», «Крыльев», «Красавца Сержа». Москва утомила Сережу «делами», шумом, распрями, интригами. Был одновременно с ним там Ремизов, которого он, однако, не видал. Писем нет; или все считают меня возможным уже в Петербурге? Ночью была гроза, которой я не слыхал, хотя и спал плохо.

20

Встали поздно; зять уехал. Рассказы Сережи как-то смутили меня, не знаю чем. После завтрака пошли на станцию и возвращались мимо Трубниковых дальней дорогой. Было очень славно. В «Понедельнике» Пильский восхваляет меня, с оговоркой редакции, и Чуковский пишет что-то про всех нас, неясное и лов-

кое[16]. К Варе пришли отцы будущих ее учеников, Сережа уехал верхом, я же смотрел в окно, думая о будущих вещах, об осени, строя планы. И потом вечером все напев<ал> из опер Meyerbeer'a и Rossini, которые захотелось видеть очень. Никто не пишет. Решил «Алексея» отдать в «Перевал». Бене сегодня уезжают. Выпитое шабли напомнило мне город.

21

Письмо от милого Наумова. Последние дни. Собираюсь. Ходили за грибами, опять в ту долину. Ничего делать не хочется, скоро едем. Читали письма Пушкина. Вечером были гости, играли в карты. Днем пел «Гейшу»[17]. Скоро я полечу по улицам знакомым к милым друзьям. Некоторый вопрос за деньгами может быть. Пока играли, Сережа занимал Ек<атерину> Ив<ановну>, показывая ей статьи «Весов» и «Понедельника», причем она заявила себя большою моею почитательницею. Гадали, смеялись, было не очень плохо. День ясный, теплый, с четкими далями.

22

Письмо от Рябушинского, смешное до трогательности. Нувель ждет меня[18]. Рябушинский пишет, что человек с черными глазами, духами по всем направлениям не может делать некрасивых поступков, и вдруг бойкот и т. д. Днем ходили прощаться с лесом далеко, далеко, пили воду, черпая моей соломенной шляпой. Вечером ходили прощаться к Солюс и Венедиктовым. Вот и едем. В городе долго не смогу устроиться, наверное.

23

Поехали; фрейлен плакала, банки с вареньем разбились, было очень жарко и много багажу. Вот проехали мост, где мы гуляли, вот мост, где мы катались, вот озеро — все промчалось. Пьяные мужики, дети, кого-то высаживали. Я стоял все почти время в проходе с воспитанником ж<елезно>д<орожного> училища, похожим и на Бехли, и на Гришу Муравьева. Убежден, что грамотный и, будь посмелее и остановки менее часты, пригласил бы меня в уборную, на которую многозначительно и жадно смотрел. В городе все разъехались в разные стороны. Ни Званцевой, ни Кармин нет, я так был аффрапирован этим, что, не подымаясь, не решив, где ночевать, отправился в парикмахерскую и к Нувелю, которого не было дома и который в записке просит зайти к Сомову. Тот только вчера приехал, слегка надутый, кажется, полный Бенуа, ворчит и ругается. От него я отправился в pays chauds к Степану и после nos ébats* за-

* Забав *(франц.)*.

кусить в «Вену», где сразу попал в объятия Пильского, Каменского, Маныча и какого-то армянина, за другим столом были Лазаревский и Муйжель; литература без конца. Оказывается, и в «Нов<ом> врем<ени>» был ряд статей против меня и Пильского[19]. Пильский потащил в шахматный клуб, пригласив к себе ночевать: он, я, Каменский, Маныч и армянин. Расплатились, представились, пили кофе с коньяком. Маныч рассказы<вал>, будто, начитавшись меня, он и худ<ожник> Трояновский захотели попробовать; покуда обнимались и т. д., все было ничего, но как стали вставлять и двигать, все опадало и ничего не выходило. Его наивность меня почти пленила. Каменский очень ласков. Вдруг князь (старшина) Выдбольский, Николадзе, Блюменталь-Тамарин, какие-то армяне затеяли литерат<урный> вечер. Потащили вниз, угощали фруктами, Тамарин пел и орал, я бренчал из «Балаганчика» и декламировал, Пильский ругался и топал ногами. У меня очень болела голова. Посылали за пирамидоном, не помогшим. Пильский так обращался со мною, будто я его petite maîtresse*. Что подумала публика, я не знаю. Поехали на вокзал пить кофе, я, Пильский, Маныч и князь. Солнце было уже высоко. Толковали о литер<атурном> клубе с картами, как в Москве[20], что-то наладится. Рядом сидели две еврейки, пили чай, вертелись и писали будто предсмертные письма. Пришла к Пильскому маленькая, взволнованная и строгая барышня, м<ожет> б<ыть>, его невеста. Я ушел до них, часов в 10, поспав дома, заходил к Леману, не застал, не нашел «Шиповника»; Наталья Дмитриевна зовет сегодня после пяти. Долго ждали Ник<олая> Вас<ильевича>, мирно беседуя за чаем. Наконец он пришел, я же поехал в Удельную. У бабушки наши, Балуевы, ждут Толю, я, Сережа; она всех размещала, бодра; ходили по темной улице, будто летом, и рано легли спать. Сережу отыскал Чулков, и театр, и всё. Устроился.

25

Утром приехал Толя с барышней. Вместе поехали в город, причем он был мрачен и ворчлив. Видел Потемкина, приехал Модест, Городецкого арестовали[21]. От Чулкова, сидевшего без денег, отправились в «Шиповник», где видел Сологуба, Гржебина и Волынского. Зашел в Café Central, причем обнаружил, что забыл в Удельном кошелек. Я провел неприятные секунды, пока не нашел серебра прямо в кармане. Придется ехать в Удельную. «В мире искусства» прислано с моими стихами, мною в числе сотрудников[22]. Занял у швейцара 60 коп., покатил к тете. Варя и Марья Ник<олаевна> сидели на балконе и печально беседовали; приплелся Толя,

* Любовница *(франц.)*.

недовольный Петербургом, делами; я сидел очень недолго и, не обедая, поехал в театр. Всех почти видел; репетировали «Беатрису» без костюмов, и были смешны эти люди в пиджаках, говорящие трогательные вещи. Мейерхольд не мог со мной ехать, условились на завтра и с Сережей пошли в «Вену», куда хотя и пришли рано, но досидели до публики. С нами был Лазаревский. Ночевал.

26

Утром приехали Званцевы, прислали мне кофею, было солнце, звонили колокола, из церквей шел народ. Сережа пришел очень поздно, т<ак> что к Модесту не поехали и отправились прямо к тете. Фабрика вчера вся сгорела. Приехала Ольга Петр<овна> с мальчиками, ходили смотреть футболистов на лужку, есть красивые 3, 4 фигуры, лица, — прочие затрапезки, но все-таки приятно. После игры они пили воду из перкали, брызжась, смеясь, догоняя друг друга, думая себя интересными для публики и милыми[23]. Проехал в театр. Шло «Пробуждение весны»[24]. Было скучно. С Мейерхольдом вышли в «Вену», хотя он и боялся газетчиков. Нашли на нас Лазаревский, Абрамович и Каменский, потом пришел Потемкин. Вс<еволод> Эм<ильевич> был в отчаяньи. «Евдокию» Коммиссаржевская не очень-то хочет, вероятно, имея что-нибудь против меня, выражаясь о ней как о «изящной безделушке», в которую Мейерхольд хочет вложить содержание[25]. Дома письмо от Юши[26], посылка из театра. Денег очень мало. Печально. Приготовлен умывальник, вода, постель, горшок. Это приятно. Ничего не надо думать. Я ни о ком, ни о чем не мечтаю, вот что плохо.

27

Встал поздно. Узнав, что уже около часу, поехал к Нувелю, которого не было дома. Он так же бодр и оживлен, рассказывает невообразимые вещи про Тавриду. Поболтали, пошли гулять по Невскому, видели моего студента, Серафиму Павловну. Заходили в café, отделываемое Лансере, и в кафе Рейтер[27]. Вернулся домой, обедал, ел дыню, пришла Кармин, беседовала о литерат<уре>, как вдруг является и Потемкин с новыми стихами. Начали таскать мои вещи, выехали вместе, швейцар подсаживал и меня и Потемкина на хромую лошадь. П<етр> П<етрович> поехал в «Буфф»[28], я же к Сомову. Туда приехали также Бенуа и Аргутинский, было приятно, Сомов пел, Бенуа рассказывал о балетных интригах. Потом они ушли, мы же читали дневник. В пятницу пойдем на «Китеж» ложей, в среду в Тавриду, завтра Нувель просто придет поболтаться ко мне. Завтра нужно еще быть в Удельной. Нувель говорил, что Брюсову «Кушетка» меньше понрави<лась> и что вообще он меньше любит мои современные вещи. Очень всегда меня защищает.

28

Утром Сережа телефонировал мне, что зайдет за мною ехать на дачу; пили чай на вокзале; тетя мила и благодушна, там тоже пили чай. Варя завтра не едет. Было мирно и не без приятности. Заезжал к Черепенникову за чаем и проч. Дома устроил чай. Нувель долго не приходил, и я играл Rameau. Читал ему все, ему очень понравились «Ракеты». Вернулись откуда-то Званцевы, гулять мы не пошли, а я рано лег спать. Как-то тупо и без блеска все мне представляется.

29

Утром зять мне телефонировал прийти к нему в 7 ч. Хотел пойти к Верховским посмотреть словарь. Через Неву переезжал со мной какой-то юноша, попросивший было разменять 10 р., но за которого я заплатил, и пошли вместе, разговаривая, по-моему, очень грамотный. Верховских не оказалось, зашел в Central выпить чаю, вдруг встретил Павлика, посвежевшего за лето. Поехали ко мне. Была fatalité, обедал с девами, с ними же пил чай, поиграл на фортепьяно и поехал к Сереже. Просили подождать; прочел 2 письма ко мне, рассказ Каменского и, не дождавшись, снова поехал домой. Вскоре пришли Сомов и Renouveau. Зная, что Таврида заперта, мы пробежали битком набитый Reiter, пили чай в Central и добрались до «Вены». На Невском были встречи 2, был Валентин, какой-то длинный армянин etc. Гричковский забавно рассказывал, как Шурочку Дубровского выселили из комнаты и багаж его состоял из маленького чемодана и громадного бидэ. Были Потемкин, Пильский, Аничков, Каменский, Ходотов — у нашего стола. Было очень приятно. Пильский совсем таял, когда обращался ко мне. Каменский очень мил. Трубников говорил Аничкову свои восторги по поводу «Эме Лебефа». Нужно бы его отыскать.

30

Что было утром? Был у Сомова, играл Гретри, тогда как он рисовал эмблемы жизни в виде Амура, держащего отраженными в зеркале влюбленных. Денег не платить, что ли? Гржебин просит до среды. Обедал в «Вене», почему-то вспоминая Дягилева; оттуда проехал к Сереже, и мы пошли к Сологубу. Его не было дома, напились чаю у меня, Нувель долго не шел, никуда не шли, просидев у меня, и потом потащились зачем-то в «Вену», чувствуя какую-то тяжесть, неохотно. Было пусто, к нам подсаживался только Потемкин, хотя были и Каменский, и Ю. Беляев, и Маныч, и Гордин, и Гога Попов. Довольно скверно. Денег нет. Жалели, что пропустили Тавриду.

31

Ждал Сережу, который не зашел, пиша музыку к «Ослу». Пошел в парикмахерскую и в Central. Сережа видел Блока. «Руно» действительно предлагало ему быть редактором, но отказался, чтобы предоставить Иванову, если тот не откроет собственного <журнала>[29]. Потемкин к Сереже не пришел, и я, посидев, отправился обедать в «Вену», где беседовал с Косоротовым; в театре были Аргутин<ский>, Бенуа и Анна Петровна. «Китеж» — невообразимая скука, но сидеть было приятно[30]; видел Трубникова, в антракте ходил с Нувелем, ища пищи для глаз. Пошли с В<альтером> Ф<едоровичем> в «Вену», где сегодня у нашего стола сидели Каменский, Пильский, Потемкин, Гога, Цензор и еще кто-то. Насилу наскребли денег, Гога налил в кофе зельтерской и уверял maître d'hotel, что это за кофе; потребовал деньги обратно. Все целовались, мы не были отринуты и покинуты, как вчера. Пильский потащил меня и Потемкина в шахматный клуб без денег, П<етр> П<етрович> мне шепнул, чтобы уезжал, как только он скажет, а то у Пильского есть такая манера покидать, завезши без денег. Пили очень вкусный кофе и коньяк, закусывая лимоном с сахаром. Дали мне билет. Пильского не отпускали ни на шаг. Когда он куда-то вышел, мы ушли, смеясь. Дома я нашел у себя еще 85 коп.

Сентябрь

1

Ходил в библиотеку, денег ни гроша, переезжаю в другую комнату. Вечером был у Дягилева. Там были Бенуа, Аргутинский, Серов и Нувель. Приехал Рябушинский. Таврида сияла, когда я проходил мимо. Дягилев ужасно мил, хотя и сообщил мне, что мой студент, за которым и он бегал уже года 2, — Поклевский-Козел, имеющий 4 миллиона и равнодушный к этому вопросу. Рассказывал про гимназиста Руслова в Москве, проповедника и casse-tête, считающего себя Дорианом Греем, у которого всегда готовы челов<ек> 30 товарищей par amour, самого отыскавшего Дягилева etc. Возможно, что вместе поедем в Москву.

2

Чуть встал, приплелся Павлик. Quel type! Стал разбирать книги, вдруг стук в двери — Рябушинский. Просидел 1 ч. 20 м., очень любезен и т. д., заказал мой портрет Сомову. Просил меня стихов о Венецианове[1]. У Сережи же были Тастевен с Чулковым. Балет был не плох номерами двумя-тремя[2]; бесподобна Павлова; был Курбатов; была в ложе настоящая Таис, подле которой все ка-

зались тетушками. Она была одна, в громадной rose forée шляпе, в драгоценн<остях>, и молча печально смотрела. В «Вену» пришли Тастевен, Гога, Потемкин и Нувель из la princesse[3].

3

Кто-то приходил, когда я еще спал; из «Перевала» прислали аванс, тот же почтальон, что на Суворовском. Поехал купить кое-чего к вечеру; без меня был Наумов, какая досада! какая жалость, где его найти? Все прибрал в комнате. Пришел Потемкин, Сережа и Нувель, приходил Костя звать меня наверх. Марья Мих<айловна> в оживлении и волнении, что не видела Рябушинского, вся в «Руне», в «Орах» и т. п. Костя очень вырос и стал похож на Юсина. У нас читали разные вещи, пили чай, сидели на диване. Первый вечер на новом месте.

4

Письмо от Сологуба, обиженного на «Карт<онный> домик»; ответил как следует[4]. Ездил в почтамт отправлять книги Соколову и рассказ в «Столичное утро»[5]. Написал письма Наумову. Приплелся после обеда Павлик; что мне с ним делать? Сейчас же вышел, чтобы, зайдя за Сережей, идти к Ремизовым. Они живут в двух больших комнатах, ходят молодые люди, студенты, играют цыганские песни, вальсы. Одевались идти ко мне. Все такие же. Ремизов читал новый рассказ, я — стихи. Т. к. утром я потерял 10 р. и был давно не мыт, то решил истратить и остаток, пойдя в pays chauds. Потому я торопился. Простился на Невск<ом> с Сережей и было в 9<-ю> л<инию>, но, увидя, что 11 час. уже, повернул на Конюшенную, посмотреть Алексея. Лучший лицом, чем Степан, он безучастен, непредприимчив, печален и грубее телом и кожей. Девы еще не совсем спали. Вот без денег опять, но чист и более бодр, имею папиросы, сыр и печенье. И марки в изобилии. Писать письма, произведения, se tenir coït*. Начну «Ореста». Когда же увижу Наумова?

5

Не дождавшись Ремизова, на последний полтинник в 2 ч. поехал в «Шиповник». Потемкин, выходящий оттуда, сказал, что Гржебина нет, что и подтвердила Коппельфраулейн и какой-то невежливый господин, сидевший там же. Я не уверен, что Гржебин не прятался. На Невском попал в обьятья Павлика, видевшего вчера Сомова в Тавриде. Оказывается, он был вчера у нас, потом, не нашед ничего в Тавриде, встретил Нувеля и Гричковс<кого> на Нев-

* Удерживаться от совокуплений *(франц.)*.

ском и зашел с ними в Café Reiter. У Нувеля было очень мило: 3 плана: 1) журнал, где редактором был бы Дягилев, 2) общество вроде Гафиза, без Ивановых, наше, 3) дело Наумова, — довольно для начала. В «Бирж<евых> ведом<остях>» Брешко-Бреш<ковский> уже изображает Валентина[6]. Вечером застал у Renouveau С<ергея> Павл<овича>, играющего «Бориса». С ним поехал в карете к Бенуа. Нувель, кажется, подозревает, что я неравнодушен к Дягилеву. У Бенуа были еще Аргутинский, надутый Сомов и Черепнин. Играл «Куранты», видел Дягилева, болтали, смеялись. Завтра пойдем открывать новое Café, в пятницу к Нувелю, где будет Птичка, в понедельник к Сомову, во вторник ко мне. Вчера у меня был Ю. Верховский, сегодня Ремизов.

6

Утром явился злополучный Павлик, принесший «Весы» и печальное письмо от сестры. Думая от него отвязаться, зашел к Чичериным, уезжающим сегодня же в Монрепо. Они укладывались при мне, дружественные и радушные. Завтракал, болтал, поехал с Ник<олаем> Вас<ильевичем> по дороге в Сенат. В Мошковом встретил Поклевского-Козла, повернувшего на Мойку, очаровательного и равнодушного. В «Супаннике» Гржебина опять не оказалось[7]. На Невском попал опять к Павлику, караулившему меня. Что за наказанье! он хныкал и приставал. Насилу отстал. Швейцару велел его не пускать. Дома пришел Юраша, читал стихи, пил чай, пыхтел и жаловался. Пописав и прочитав «Весы», после обеда отправился к Сереже. Тот кончил свою статью, ждет Нину Петровскую[8]. Теперь я знаю, как зовут сапуновского Амура, — Чурикин. Он написал в «Весах» статью о моск<овском> балете, описывая красоту танцоров с красноречием настоящей тетки[9]. Café, оказывается, открывается только 8-го. Сомова не дождались и пошли втроем в Рейтер. Скука в этом café адская. Меня ангажировал Толстой, знакомя со своей дамой и делая художественные справки. Пошатавшись по Невскому, встретив Аргутинского из Алекс<андринского> театра; пошли к Дягилеву. Там вся комиссия была в сборе: Шаляпин, Головин, Санин и т. д. Шаляпин интересен, хотя и похож на Гогу Попова. Смешон и остроумен. Говорит, что у баритона Смирнова такое лицо, будто он им несет яйца. Оставшись втроем, беседовали о Наумове, о любви, о журнале, о моей музыке. Дягилев завтра не едет в Москву, а прямо в воскресенье или понедельник в Венецию. Что же Виктор-то нейдет ко мне? я сам о нем соскучился, хотя это — не passion, a intrigue* и желание добра Нувелю, или, м<ожет> б<ыть>, Дягилеву? Сам же я все без романа,

* Страсть... интрижка *(франц.)*.

пронзенный платонически Козлом, мечтая о московских. Очень надеюсь, что с Мейерхольдом приедет Сапунов.

7

Утром поехал в «Шиповник», застав там Гржебина, Билибина и Ритмана. Гржебин денег не дал, говорил, что книга продалась немного, будут к 20-му. Оказывается, студ<ент> Бегун, написавший вослед меня гомосексуальный роман и через Фогеля пославший его в «Шиповник», получил письмо от Ритмана: «Не те же ли они Фогель и Бегун, что были в Парижском университете?» Что же он — тоже тетка? Торопился домой, думая застать Ремизова, но его не было. Сидел Добужинский, сказавший, что Серов нарисовал на меня карикатуру. Памятники в «Сер<ом> волке» рис<овал> Городецкий. Выпив очень крепкого чая, поиграл Шуберта и стар<ых> французов. Барышня, все еще страдающая носом, не выходила к обеду; рано пошел к Нувелю, зашедши в парикмахерскую и за папиросами. У В<альтера> Ф<едоровича> еще никого не было; попели «Figaro», болтали. Пришла Птичка, больше мне понравившаяся теперь. Пили чай, болтали, опять играли Cimarosa, «Figaro» и Шуберта. Сомов не пришел; он дуется за что-то на меня. За Дягилева? Я все время думал, вдруг без меня был Наумов? Пошли вместе, я проводил Фогеля до дому, откровенничая и, м<ожет> б<ыть>, ухаживая, он был тоже достаточно откровенен. Звал его к себе. Виктора не было. Очень кашляю.

8

Утром проник ко мне Павлик, а я рассчитывал просидеть дома, занимаясь. Поневоле вышел, но поднялся наверх, чтобы не идти с ним. Был один Костя, который куда-то собирался; подождал его, думая благочестиво навестить тетю и Ек<атерину> Ап<оллоновну>, как швейцар мне объявил, что телефон от Наумова — будет в 3 часа. Телефонирую Нувелю и Дягилеву, еду за конфетами. Рад необычайно. Первый явился В<альтер> Ф<едорович> с «Руном» и «В мире искусств» (раньше еще мне прислали снимки с Венецианова). Пришел m-eur en question*, похорошевший, такой же скромный, поцеловались. Беседовали, пили чай. Нувель ушел, Наумов стал сразу серьезен и скучен, условие помнит. Вдруг является Дягилев, оживленный, шумный, любезный. Не помня моего адреса, послал раньше слугу по всем домам Таврической спрашивать, не здесь ли живу я. Опять читали «Ракеты», «На фабрике». Наумов был весел и мил. Я предлож<ил> Дягилеву подвезти его, но тот ехал в Лесной к Гофманам. Дягилев не верит, что у нас ничего нет, гово-

* Тот самый господин *(франц.)*.

рит, что не сегодня-завтра будет, жаловался на Нувеля, который скрыл, что едет ко мне, и т. д., сделал ему сцену на улице; расспрашивал, был мил. Когда я убирал, карточка Наумова, лежавшая на туалетном столе, была на круглом, около того места, где сидел Наумов, с надписью: «Как приятно получать такие карточки». Кто это сделал, Нувель или Дягил<ев>, — не знаю. Пообедал и стал долго одеваться. Ел<изавета> Ник<олаевна> больна, лежит. Сережа был у Гофманов и Городец<кого> на днях. Гофман объявил, что статью обо мне мог бы отлично написать Наумов[10]. Что сей сон значит? Пошли к Нувелю, в café, народу куча, самого неинтересного, слуги служат плохо, жарко. Видел Чуковского, он очень извинялся, просил позволения принести письма, которые он получил как анкету[11]. Сочувственное <отношение> ко мне студентов etc. Пришел Дягилев, поздравлял с победой (не насмешка ли?), говорил, что я изменился к лучшему. Из café поехали к Аргутинскому, где были Бенуа и Добужинский, Сомов не приехал, от ноги ли, от проводов ли отца — не знаю. Болтали, вкусно ели, злословили. Дивные ночи, со звездами, синейшее небо, холодно и ясно. Что-то сулит все это? Денег ни копейки, а то пошел бы в балет, где будут и Бенуа, и Аргутинский, и, главное, Серг<ей> Павлович. Какая пища сарказмам Renouveau!

9

Какая-то тяжесть и осадок горечи меня преследуют сегодня: от безденежья, от простуды, от холодности Наумова? Отчего? Было бы много денег, я бы не горевал, сшил бы платья, пошел бы в балет, в театр, в «Вену», что я знаю? Взял бы тапетку, поехал бы кататься. Или лучше опять засесть за греков, никуда не ходить, писать, сидеть дома — и все приложится. Ах, если бы Наумов был другой! я погибаю без романа. Утром опять проник Маслов. Поехал к Сомову, туда приехал Renouveau, оживленный, идущий в ложу Бенуа, полный более вероятных планов на Vittorio. Я был грустен чуть не до слез. Поехали в Café, не севши отправились к Сергею Павлов<ичу>, которого не было дома. Читали «Перевал»: мои стихи, А. Белый о «Эме», о «Бел<ых> ночах»[12]; пришедший Маврин сказал, что Дягилев приедет поздно. Пошел домой; Чулков, не заставший меня, сидел наверху, спустил<ся>, пил чай; пришел Сережа от Тамамшевых, у меня чуть не делалось обморока от тоски, чисто физической. Ушли рано, Елиз<авета> Ник<олаевна> больна, барышни скучают, голова кружится, хоть с Татьяной беседуй. Пошел наверх, проговорил с Мар<ьей> Мих<айловной> до 11 $^1/_2$ и пошел спать, прямо будто умираю. Это не от одних денег. Придет ли Наумов в воскресенье?

10

Сидел дома. Елиз<авета> Ник<олаевна> издали кашляет и делается как-то близка. Лежал на диване, увлекшись очаровательной «La double inconstance» Мариво[13]. Пил крепкий чай, разбил сахарницу. Написал Наумову. Когда же он придет, и действительно ли я о нем думаю? Мне он кажется очень недоступным, хотя друзья и утверждают противное. Ах, друзья, я все-таки intrus* меж них, ну что ж, тем лучше! Обедал с девами, Елиз<авета> Никол<аевна> просила говорить громче, чтобы слышать из соседней комнаты, просила поиграть; пел «Il Barbiere». Пошел к тете, думая попросить денег, — в Удельной. Были гости; посидевши, отправился к Тамамшевым. Была тетушка и женщины; несколько подкисли, но милы. Где взять денег до понедельника? Где милые, любимые, позволяющие любить? Как мне жить, как мне писать без этого? Лил дождик, но было тепло. Нужно определенно, carrement объясниться с Виктором, это мое глубокое убеждение. Что-то будет? И как хочется писать, у меня зудят руки на все. «Перевала» не прислали, хорошо, что марки и все прочее есть. До Званцевых в этих комнатах жили какие-то «озорники», провертевшие дыры в соседнюю спальню; надеюсь, что их дух более, чем дух Волошиных, почиет над моим жильем.

11

Как я соскучился о милом Renouveau; вчера, чуть не плача с тоски, утешился, переписывая «Ракеты», посвященные Наумову, для Нувеля. Павлик не явился, очевидно найдя место. Написал стихотв<орение>, посвящ<енное> Венецианову[14]. Письмо от Рябушинского с жалобой на «Весы»; будет 11-го или 12-го. После обеда поплелся к Сереже, которого не застал дома; к Сомову пришел рано, мирно беседовали; пришел оживленнейший Валечка, все танцовавший; потом Бенуа с Аргутинским, пели «Предосторожность», читали «Ракеты»; Бенуа меня стесняет, Сомову «Ракеты» не нравятся: противный брюзга. Неужели с Мейерхольдом не приедет Сапунов? В<альтер> Ф<едорович> сообщил, что Дягилев очень жалел, что не видел меня в балете, и просил прислать «Эме Лебеф», это меня подбодрило. Пели «Barbier», и «Figaro», и другое. Дома милое письмо от Наумова: придет 13<-го> вечером или 14<-го> днем, сам собирался, хочет без гостей, что-то в письме, что меня обрадовало: общий тон. Завтра же пошлю Сергею Павловичу; придет Нувель. Послезавтра милый Наумов и т. д. Любит ли он меня, полюбит ли? Что он таит, чего боится?

---

* Втершийся хитростью *(франц.)*.

12

Спросив по телефону, приехал ли Рябушинский, и узнав, что нет, отправился в почтамт отправлять посылку С<ергею> П<авловичу>. Встретил Сережу, с ним пошли долго в «Русь», ко мне. Читали, беседовали. Я читал «1001 ночь», прямо переводя по-русски. Пришел Нувель, рассуждал об обществе, где будет, что и как. Опять читали «1001 ночь», про Ганема Бен Айюб, хотел прийти Сомов, очевидно, не попал, брюзга несносный. Нувель был очень мил. Денег совсем нет. Завтра, завтра увижу Наумова. Думаю ли я об этом?

13

Сегодня большой день: я говорил откровенно с Наумовым и узнал, что: 1) любит совершенною любовью другого; 2) допускает другую любовь; 3) допускает любовь с лицом старше его; 4) меня боится; 5) ни любит, ни не любит; 6) мог бы по-другому полюбить, если бы не боялся найти во мне не себя; 7) скорей бы мог отвечать «à un m-eur quelconque*, понравившемуся и хорошему человеку». Был очень мил, желанен и близок, но что<-то> стоит между нами. Я бы никогда не позволил себе с ним ни малейшей фривольности. Просто наказание моя chasteté**! Пошел его проводить, мне он чувствовался бесконечно близким, будто мы уже любим друг друга, и он великолепен видом. На прощание он сказал: «Я Вам глубоко благодарен, это вечер дал мне очень много» — и поехал, не обернувшись, юношеский и martial***! Какое было бы безмерное счастье и источник радости и творчества, если бы он позволил себя любить! Утром был у Лемана, видел там Модеста, предложившего мне приехать к нему с Наумовым. Почему он сует мне всегда его? Условились с Викт<ором> Андр<еевичем> на субботу вечером. Радостно ждал его, у печки читая Marivaux. Он был ласков, почти заботлив. От Дягилева карточка из Вержболова, не новый ли это друг? Сегодня очень счастлив, и отчего?

14

Дивная погода; был у Нувеля с докладом, взволновал его; пошли бродить, познакомился с Бегуном, поехали в Летний сад. Народу масса, и много интересного. Видели Юсина; поравнявшись, он сказал мне: «С приездом»; погода несравненная. Попив чаю, зашел к девам, оказывается, у них так все слышно, что некоторые

---

* Какому-нибудь господину *(франц.)*.

** Целомудренность *(франц.)*.

*** Воинственный, молодцеватый *(франц.)*. В дальнейшем Кузмин использует русскую кальку «марциальный».

из новых стихов они знают наизусть — tant mieux. Поехал к Сереже. Рябушинский приехал, но у меня еще не был, был Тамамшев. Пошли к Блоку, они были кислые, но милые, читали стихи. Придя домой — записка от Наумова, страшно перепугался: вдруг «никогда не приду, прощайте». Оказывается, перемена Лесного на воскресенье. Завтра иду в театр.

15

Утром сидел дома, писал музыку; приехал В<альтер> Ф<едорович> радостный, выбритый и, увы, напрасный. Он тоже почти написал 1<-е> №№, такой Sängerskrieg*. Пили чай, я обедал, макийировался**; поехали вместе при романтической заре с лиловой тучей. В театре меня устроили на режиссерский стул. Все были налицо, кроме Городецкого и отсутствующих. Бецкий, одеваясь при мне, рассказывал, что из Москвы мне поклоны, и поклонился от актера Ракитина из Худ<ожественного> театра, знающего Судейкина и Сапунова; c'est déjà beaucoup dire***. Скоро приедет сюда Брюсов. Пьеса была очень скучна, филистерская и претенциозная, хотя могла бы быть интереснее; было несколько hommages à Кузмин, когда молодые люди лезли друг на друга, чего по пьесе и не полагается[15]. Потом пошли к Бенуа пить чай, потом пошли вчетвером, втроем, потом Аргутинский довез меня, потом я дошел пешком; по программе. Говорил с Верой Федоровной в уборной, она была благосклонна, вся в прыщиках и пудре, что ее очень молодило. В театре, в саду, на улице я <не> вижу ничего красивее Наумова. Завтра вместе за городом — это ли не радость?

16

Я ставлю все на карту; огромное счастье, безмерное солнце и вдохновение или какая-то пустота, дыра темноты, смерть нравственная. Теперь я понял, что́ для меня Наумов и как люди могут умирать не от детского легкомыслия, не от безденежья, а от отвергнутой любви. Какой стыд! будто мальчишка. Господи, я в Твои руки себя предаю, я даже молился перед милым, так помогавшим некогда Эммануилом. Я предложил Наумову прочитать ему свой дневник. Я могу потерять и возможность видеть его, и знакомство, и все, а что я могу иметь? Мы ездили к Гофманам, дивный день, куча гостей. И вот я не буду больше ни видеть, ни слышать, ни чувствовать его, не говорить о голубях, не рассуждать, не играть музыки. К чему тогда писать будет, жить, стремиться к известности? После

---

* Война певцов *(нем.)*.

** Делал макияж, гримировался.

*** Это уже много говорит *(франц.)*.

смерти князя Жоржа, после измены Судейкина у меня не было надежды, где бы вкусы, развитие так совпадали. Мы возвращались вместе, я его провожал. Я завидовал Модесту, делавшему ему семейные сцены, свободно его трогавшему, целовавшему на прощанье. Вот всё на ставке. Где советы друзей? где планы? где рассудок? где сдержанность? Что-то огромной серьезности стоит между нами, стена это или мост? Без меня были Чичерины, Леман телефонировал, что не может быть, пришли В<альтер> Ф<едорович>, Тамамшев и Сережа. Строили планы общества «розовых». Что-то будет?

17

Я всю ночь не спал, встал поздно. Пришел Тамамшев, читал стихи, я читал все, что у меня, пили чай, одевался к Чичериным. Обедал у них, опять читал комедии, засидевшись, не заехал за Сережей, а прямо отправился к Renouveau. Там был уже Сомов, В<альтер> Ф<едорович> играл свой романс, приехал Нурок. Пели «Фигаро», строили планы, болтали, я чуть не засыпал на плече Сомова; шутили и изводили меня тем, что у меня влюбленный вид. Говорили много о Наумове. Написал ему письмо сегодня, зовя в субботу. Придет ли? Он говорил, что рискует не менее меня. Какой канун! Я не верю, что это канун несчастья.

18

Ездил за покупками; какая-то тоска мною владеет; туман; отправлял «Детские песни» Дягилеву, от Наумова ответа нет еще, придет ли в субботу, пойдет ли на «Предосторожность». Приплелся Павлик, я ему отказал carrement, м<ожет> б<ыть>, это наконец конец. В<альтер> Ф<едорович> лежал под одеялом, у них проводят электричество. Как я лентяйничаю, ничего не пишу — это ужасно. Опять почти всю ночь не спал; В<альтер> Ф<едорович> составлял письмо при мне. Пошли побродить, зашли в «Café de France», ничего и никого не было; съел плохого мороженого и поехал домой; девы еще не спали, попросили у меня книг, были в кофтах. Что со мною делается? Не знаю. А что-то будет, я пря...*

19

Заснул под утро; ночью и курил, и читал Marivaux, и писал стихи, утром тоже писал. День был ясный, но я не выходил, ожидая Ремизова. Он пришел на минуту, выпросил коробочку из-под духов, жаловался, кляузничал. Обедал с девами, играл arie antiche, от Наумова ответа нет. Одевался; пришел Сережа, принес груши, пил чай; пошел вместо «Кружка мол<одых>» со мною к Тамамшевым. Там

* Фраза не дописана.

никого, кроме домашних, не было. Играл новое и «Куранты». Уходя, позвали Тамамшева пройтись; зашли к Леману, вызвали его, думая призвать и его, но у него был народ. Пробежались по Невскому. Café запиралось, т<ак> что мы просто прошлись и вернулись. Дома письмо от Наумова: в субботу будет, но в балет не попадет, это досадно, но все заливается светом увидеть его через 2 дня, хотя, м<ожет> б<ыть>, и в последний раз. Как я неразумен, упреждая события! Но почему-то я не верю, чтобы он ошибался во мне, я никогда, ни в писаниях, ни в письмах, ни в словах, не лицемерил, и, видя меня, он почти не мог составить ложного мнения. Идти ли мне самому на «Предосторожность»? Суббота 22-го сентября исторический день не только для меня, но, поскольку я что-нибудь значу, для других.

20

Утром восторженное письмо от Нувеля, вчера встретившего Наумова, гулявшего с ним в Летн<ем> саду и т. д. Радуясь за него, позавидовал. Поехал в «Шиповник»; отчет, как на смех: круглые цифры без подробностей; от Вольфа, «Скорпиона», Складчины отчетов еще нет[16]. Видел Билибина и Бунина, менее олимпийского, чем прежде. Прошелся по Невскому. Прислали «Перевал», письмо от Сергея Павловича из Венеции, очень милое. Все это меня очень подбодрило, хотя денег и нет. Обедал дома, играл «L'Inganno Felice». Зашел наверх, Ивановы приедут еще очень не скоро. Поехал с М<арьей> Мих<айловной>, едущей к Коммиссаржевской. В<альтер> Ф<едорович> разбирал очаровательные «Vielles chansons de France», «Chansons de XVIII s<ièсle>» Severac'a для Ivette Guilbert — все-таки отличны французы и их певицы. Поехали к Бенуа, где были Сомов, Аргут<инский>, Шервашидзе, Нурок, Боткин, Добужинс<кий> и Фокин. Мило болтали, Анна Карловна смеялась и была очень мила. Назад ехали втроем с Ботки<ным> и Аргутин<ским> (вот позор для него!). Звездные ночи. В<иктор> А<ндреевич> говорил Нувелю, что он ничего не делает, не читает, а лежит на кровати и думает. О чем? Бакст, чтобы видеть в первый раз сына, одел белый костюм, голубой галстук и legion d'honneur*, причем одевался час.

21

Сегодня странный день: такая томность, такая лень, какой давно не бывало. Никого не хочется видеть и хочется писать очень, очень. Просматривал планы будущих вещей и рвусь к ним, но покуда что только написал романс и приготовил бумагу. День был ликующий, но я не выходил, играл «Пеллеаса»[17] и «Joseph» без аппетита, устало что-то курлыкал. Принесли белье, теперь все есть,

* Орден Почетного легиона *(франц.)*

кроме денег. Читал девам «Алексея» и «Мартиньяна», так не хотелось идти куда-нибудь и не сиделось. Одевшись, пошел было к Верховским, или к Эбштейн, или к Чичериным, куда бы нужно, но дошел только до Лемана, думая позвать его к себе. Зачем? я будто умираю. Он писал статью обо мне, обещал, кончив, прийти. Это дало мне предлог вернуться, ждать, пить крепчайший чай, читая Marivaux. Он не пришел, я был почти рад; кончил том, тихо, уютно, свечи горят — неужели завтра почти смерть? Certainement je suis plus amoureux que je n'y pence, plus que jamais*. В ушах звенит: вот время, вот час, вот состояние для работы. А прогулки, друзья, известность, которую я должен иметь не для себя? Quelle douceur inouie m'innode et pourquoi?** Почему я не волнуюсь, не горю, а трепещу и падаю? Что мне будет, если «нет»? Опять друзья, прогулки, легкие постылые любви, творчество без осмысленности, светская жизнь и скандальная известность?

22

Ну вот и этот день. Подвинул ли он нас в этом пути, будто предначертанном Бальзаком или Мюссе? Были и слезы, и поцелуи, и паузы. Читал дневник. Он мне сказал, что теперь ему все равно, что бы я ни сказал, что я враг ему, но что он меня не боится и любит меня. В конце опять повторил, что любит, что не мог бы существовать без меня, но если бы он был мною, то не для меня. Что ж, будем храбры! будем видеться часто, я буду весел, чист, покуда могу, не буду покуда писать: к чему? Потом будет видно. Я очень плохо себя чувствую, и эти поцелуи меня разбили, будто три ночи любви.

23

Приплелся Тамамшев. Я будто умираю; поехал к Нувелю; гуляли; он погнался за каким-то гимназистом, я поехал домой l'ayant laissé à son sale histoire***. Обедал, пел, пришел Сережа. Пошли в «Луч»[18], деньги завтра или послезавтра. У Сережи пил чай, заходил к Сандуленко, смотрел новые романсы Черепнина. Поехали зачем-то в «Вену»; Шабли, давно не питое, меня опьянило. Подсел Абрамович и какой-то студент, вольно говоривший с Сережей. Шел дождик на обратном пути. Я будто умираю.

24

В туманный день поплелся в Удельную. Ехал на гимназическом поезде. Но что мне до этого. Какой глупый Сомов, говоря,

---

* Конечно, я влюблен больше, чем думал, больше, чем когда-либо *(франц.)*.

** Какая неслыханная радость затопляет меня и почему? *(франц)*

*** Оставив его его грязной истории *(франц.)*.

что любовь XVIII в. была более весела, de Grieux, Marivaux — разве там не на каждом шагу слезы и отчаянье? Отличен лес, так пестро раскрашенный осенью. У тети строят лестницы, Толя с зубами киснет, говорит, что поступит в приказчики; тетя жаловалась на него и, не давши денег, была сердечна. Пили чай, темно, сыро. Пошли под руку с тетей до угла, на вокзале ждал полчаса; моросило, был Вася Балуев, какие-то бедные люди, рабочие, мелкие чиновники скандалили с жандармом. Человеческая мизерия гипнотизировала; в темноте приехал домой, не обедал, было то холодно, то жарко. Пришел один Нувель, пили чай, читали «1001 ночь». Всю ночь не спал, туша и зажигая свечу, читая, плача, мечтая, умирая. Я болен, вероятно. Сережа не пришел: вероятно, приехала Петровская[19]. От Наумова извещений нет. Кончив «Manon», принялся за Бальзака.

25

Никуда не выходил. Играл Берлиоза, смотря на закат над городом. Поднялся наверх, где был Юраша, спустившийся ко мне. Почти ничего не ел. Заехал в «Луч», где взял деньги. Дягилев уже в Париже, но как его адрес? У Медема были «современники», игравшие скучного Duparc'a и милого Ladmirault. Утром заходил Добужинский. Поехали в «Вену», где был какой-то раньше виденный студент с Кассандром. Первый очень недвусмысленно переглядывался с нами, второй волновался и нервничал и, уходя, поручил слуге, по-моему, узнать, кто мы. Тот отказывался, и, когда по их уходе мы спросили, что они от него спрашивали, тот соврал, что спрашивали про даму, на которую те не смотрели и старую уже. Милый инцидент. Были Абрамович, Чесноков, Каменский, Гржебин, Ходотов, Цензор etc. Я чуть не умирал. Письма нет. Какая-то пустыня впереди, даже будь деньги. Маврин говорил, чтобы Нувель привел меня к нему. Сережины имянины сегодня, а я не зашел к нему. Как-то все все равно.

26

Письма нет, разбудил меня Сережа, не спавшего всю ночь, вместе пошли по знакомым улицам к Гельману под дождем. Поехал к Сомову, встретив по Екатерининготофскому вчерашнего студента с его Кассандром. У Сомова был Нувель, передавший приглашение от Бенуа, сегодня у Маврина. Обедал у Сомова, много играл, взял книги. Сережи не было, извлек его из лечебницы. Нина Ив<ановна>, одеваясь, говорила через дверь. У Сережи белые лилии и ветка туберозы, сам в белой рубашке, такая — конфирмация. Н<ина> Ив<ановна> несколько скучноватая, но милая; пили чай, медленно болтали[20]. Кажется, я выздоравливаю, ем, по крайней мере. Завтра чета придет ко мне. У Бенуа был Черепнин с женою,

Шервашидзе, Добужинский, князь <Сапега?> и Нувель, сговорившийся было идти завтра к Маврину. Было лениво. Тепло и звезды, опять втроем с Аргут<инским> везли Валечку на коленях, потом ехали вдвоем, потом я плелся пешком. Писем нет и никого не было, значит, не было besoin urgent*. Сел писать сам.

27

Ездил к des Gourmets; заходил наверх; письмо от Брюсова относительно «Кушетки»[21]. Обедала Христина Нильсен; пришли Потемкин, Нина, Сережа, друзья и М<арья> Михайловна. Играл «Куранты». Было скучно, кажется. Сидели недолго. Совсем не спал, читая «Fanchette»[22], думая почему-то о Валааме, о св. Артемии Веркольском. Я стал молиться, вспоминая не забытые молитвы. Это успокоило, но сна не привело. Опять читал «Fanchette». Какая-то заброшенность, апатия.

28

Письмо от Наумова, милое: придет в субботу. Приплелся Павлик, немного устроившийся, кажется. Как он проник, не знаю. Сидел дома, перечитывая короткую записку В<иктора> А<ндреевича>. Обедал один, намереваясь просидеть дома вечер, но закат был так хорош, что вышел пройтись. Попал к старым Верховским, там киснут, менее интересуются, будто надуты. Был Владимир. Дети лезли мне на голову. Взял Стерна и приехал домой рано; ничего не писал.

29

Встал очень поздно. Не выходил до после обеда, когда пошел к Сереже; письмо от Сапунова[23] и от какого-то студента с просьбой рекомендовать его в «эротическое общество». Когда я пришел, уезжала Нина Петровская, но я ее не видел. Было приятно повидаться с нашими. Пошли к Мих<аилу> Яковл<евичу> пить чай. Я торопился домой и, купив папирос и конфет, поспел раньше В<иктора> А<ндреевича>. Приехал он очень ажитированный, долго говорили о занятиях и т. д., я был скучен и moussade**. Ему тяжело, что он причиняет мне тяжесть, но ничего поделать он не может будто бы. Уговорились гулять в понедельник. Звал к себе и обещал познакомить с сестрами. Был расстроен и, кажется, растроган. Говоря, что ничего сделать не может, поцеловал меня несколько раз. Ушел в первом часу, я поехал его проводить до моста, вернувшись рано. Какой-то осадок есть, мне кажется, я не так себя

* Спешной нужды *(франц.)*.

** Отупевший *(франц.)*.

веду, как нужно. С Модестом он с тех пор не виделся, уж это хорошо. Мозгологствовали, но немного, все переходит на чувствительность и сентименты и на путанность настроений. Долго еще сидел, писал письма и т. п. Пугнул его возможностью загула.

30

Утром приплелся Павлик, потом Тамамшев. Читал стихи. Вышли вместе; прекрасный день. Нувель недоволен моей тактикой. Обедал вдвоем с Кармин; милое письмо от Дягилева. «Хованщина», неважно исполненная, отлична, но бесконечно длинна; в публике интересного никого. Варя и Сережа поехали к Эбштейн, я в «Вену», где ждал меня В<альтер> Ф<едорович>. Там теснота, нет столов, скучнейшие компании, рвавшие меня друг от друга, Моргенштерн, по почерку говоривший мне то, что известно из газет. Quelle corvée*, куда бы ходить. Не спал, конечно. Днем гуляли в Летнем саду. Завтра...

Октябрь

1

Встал не поздно, ездил за покупками. Телеграмма от 4<-х> гимназистов, благодарящих «милого автора „Ал<ександрийских> пес<ен>“ и пьес»[1]. Волнуюсь ужасно. Отмены нет покуда. Встретил Нувеля. Прибежал В<иктор> А<ндреевич>, очень взволнованный, будто прошлый год. Болтали втроем, говорили вдвоем, позволил вызывать его телефоном когда угодно; на этой неделе, во всяком случае, придет. Жалел, волновался, старался быть последовательным. Сейчас после обеда пришли Сережа, сестра и девочки. Пили чай. Пришел Блок, я одевался при нем; он ожидал более грандиозного: «А то Вы даже жилетки не снимали». Болела голова, поехал в Café de France, куда вскоре явился и Нувель. У Маврина очень мило, уютно, он сам тоже очень милый. Болтали. В<альтер> Ф<едорович> был влюблен, писал письмо, все рассказал. Голова болела. Немного прошлись, спал хорошо. Денег нет.

2

Голова почти прошла. Слышал, как утром принесли письмо: встал, думая, что от В<иктора> А<ндреевича>, оказывается, от Каратыгина. Жеребцов хочет спасать мою репутацию, исполняя что-нибудь самое невинное из меня. Студент с Гороховой телефонировал, что придет завтра <между> 5—7<-ю>. На почте сказали, что

* Что за каторга *(франц.)*.

узнавать нужно в главн<ом> почт<амте>. Святополк-Мир<ские> живут там же. Тамамшев слышал только фамил<ию> Покровского[2]. Что-то будет? Смогу ли я стать некоторым центром? Но кроме меня кто же таким именно? У Каратыгиных была скука; денег нет ни гроша; все пел из «Fille de m-me Angot», спал хорошо.

3

Был гороховый эротоман; конечно, чучела; говорил, что на <Анненск.> вечере в Кисловодске у Яворской одна дама ему сказала про петерб<ургские> собрания у баронессы до 150 чел<овек>, где я — главный, но она меня не видала, т. к. я всегда был занят; хотел присылать[3]. Послал книг гимназистам, назад не вернули, вероятно, угадал[4]. Был Сомов у дев; поплелся к Нувелю, Маврин был уже там, интересного на Невском ничего не было, кроме Валентина и Пуца, которых мы еще имели удовольствие видеть в аллее около цирка.

4

Приплевшись от Сережи в дивный день, был голоден; пил чай с ситником. Остался дома. Что делать? К чему все это? Где уют семейных, с молодежью, домов? Затопили печку, были звезды и, вероятно, луна. Пил чай один, Сережа не пришел. Разбирал письма до поздней ночи, часов до 2-х; вот молодость, как глупы юноши без руководителей, не ценящие того, что улетает. Вот письма Юши Чичерина, идеологическая дружба, музыка, неизвестность, скорлупа; бедные письма мамы, потом сестры, письма любовные, деловые и другие. Целая жизнь, целая жизнь. Я будто умираю, но это пройдет, конечно.

5

Сидел дома; приплелся Павлик. Сережи не было. Ушел; я лежа читал Goldoni. Добужинский поднял меня и повел к девам, где была жена его. Пришел Наумов, поразивший меня будто бы плохим видом, едущий к Гофманам. Проводил его; он предложил идти в балет, был мил и ласков. Пришел Нувель; я был очень ему рад; поехали, я к Чичериным; обедал; С<офья> В<асильевна> вышла замуж, Юша от Караула отказался[5], скучновато, но не плохо. Играл «Coppeli'ю» и «Werther»[6]. От Брюсова письмо: «Кушетка» будет напечатана, «Крылья» просто перепечатаются, о стихах напишут[7]. Крандиевская в школе говорила про меня, что я три года жил в пещере в скиту и писал подношение Богородице, потом — обратно, кокетничаю с мужчинами, ломаюсь, пудрюсь, подвожу глаза, на женщин не обращаю внимания. Вернулся рано, девы еще не спали. Ел<ена> Ив<ановна> обомлела от красоты Наумова. Что

они думают? В среду Сережа опять притащит какую-то даму с концертом и «Курантами любви». Телефон от милых гимназистов: завтра придут. Мне все это веселее окрашивает будущее.

6

Сегодня день не только рожденья, но и крещенья, но и обрученья. Я со слезами благодарю Небо, пославшее мне такое счастье. В<иктор> А<ндреевич> благословил меня на любовь к нему, чистую и уничтожающую другие амуретки. Он был ласков, нежен, трогателен до крайности. Принес вино и насилу решился сказать об этом, сказал потом; мы в темноте бегали за ним вниз, отыскали штопор, пили, смеясь, плача, целуясь, с открытым окном. Будто Италия, Musset. Стук далеких извозчиков, тепло в окошко, вино, разговоры, поцелуи и слезы — незабвенно. Такой ange gardien* мне послан. Меня трогала его ласковость, chasteté, candeur** и какая-то борьба. Перед ним было 6 гимназистов, беседовали, курили, ели конфеты. Один другого уродливей, только Покровский еще ничего, немного мордальон, но приятный и резвый. Что еще? Играл «Пеллеаса» и, взволновавшись, лежал на диване, ожидая Наумова. Утром ездил за покупками. Забегал к Марье Михайловне, где узнал, что сегодня — день рожденья и Лидии Дмитриевны: [какой ужас,] в один день!

7

Был у Renouveau, растрогал его рассказом. Вчера они были у Сомова. Заехали к Сомову, пели, пили чай; купил билет на «Мелизанду»[8]. У нас был Шервашидзе. Заезжал зять. Вечером пошел к Эбштейн, где были Сережа и Прок<опий> Ст<епанович>. Анна Ник<олаевна> кислая и нервная, Сережа, по-моему, дуется на меня, еле говорит, Юра очень мил, играл «La petite tonquinoise»[9] и матчиши. Вернулся рано. «Перевал» с «Алексеем»[10]. У Куропаткиных гости: всё фуражки, фуражки...

8

Что было? Сидел дома: писал стихи, думал о Викторе Андреевиче. Пришел Городецкий, оживленный, несуразный и будто стесняющийся. Опять будут карикатуры. Зашел в «Луч», согласился на статью, дополучил деньги. Renouveau был меланхоличен; мирно беседовали, мечтали, строили планы. Вернулся не поздно, спал хорошо. Не написать ли повесть «Опасные конфиденции», «Влюбленный наперсник»[11]?

---

* Ангел хранитель *(франц.)*

** Чистота, искренность *(франц.)*

9

Пришел Сережа; он все хороводится с Зайцевыми, Чулковыми, Андреевым и «Супанником»; делает карьеру. Вышли вместе: сухой, серый день, писем нет. Добужинский звал к себе, где будут Званцевы, Сомов и Нувель, которого я ждал к себе; болела голова; поднялся наверх, Ивановы будут около 18-го. Письма от В<иктора> А<ндреевича> нет, придет в четверг, вероятно. Я очень скучаю о нем. Голова болела. Помчался к Нувелю, узнавать, как решили с Добужинским. Дождались Сомова и поехали втроем ко мне. М<арья> П<етровна> была дома. Играли Россини, пили чай, беседовали, бранили меня, строили планы. Кажется, было скучно. Тотчас после их ухода лег спать и долго крепко спал.

10

Сидел дома; играл «Пеллеаса»; собирался в театр с девами; деловые письма; от него нет: верно, придет. Аничков телефонировал, что встретил на улице Брюсова. И действительно, в театре я видел его и Белого. Из «Пеллеаса», интимного, трогательного и нежного, сделали лубочную феерию — прямо ничего не осталось, не было живого места. У Закушняка красивый рот. Видел моих гимназистов, собирающихся очень скоро ко мне. Поехали с Сомовым и Renouveau в «Вену», опять все полно. Даме, сидевшей рядом за столом, кто-то бросил письмо, которое слуга отдал нам. Дома письмо от Виктора, «до субботы». Как долго, Боже, как долго. Денег не прислали.

11

Совсем не спал; сидел дома; денег не прислали; заходил Чулков; прислали пьесу переводить, очень приятная работа[12]. Все думаю о Викторе Андреевиче: скорей бы! Пошел к Бенуа, там была куча народа: я не люблю теперь Сюннерберга; был б<а>р<он> Врангель и Бурнашев; было не весело, и я с Сомовым ушли раньше, не прощаясь. Луна и звезды через облака. Если бы В<иктор> А<ндреевич> был со мною. И все-таки я знаю его поцелуи, объятия, я гладил его руку — разве я не счастливый человек? Пришлют ли завтра деньги наконец? Сегодня сам себе дал обещанье чистоты.

12

Не помню, что было. Шлепал к Нувелю, где был Белый; дома узнал, что был перевод, принесут завтра утром. Приехали Сережа с Тамамшевым, пошли в Café de France, никого не было. Вернулся рано, посидел с девами и лег рано спать. Но сон не шел. Павлик выдумал новый truc, чтобы проникнуть ко мне: написал письмо, что хочет со мной через него познакомиться какой-то [че-

ловек] студент и т. д. Но я не такой идиот, чтобы поддаться на эту удочку. Что-то во мне умирает; вероятно, скоро не буду никуда ходить etc.

13

Встал рано; прислали деньги, больше, чем я думал; купил папирос, марок, бумаги, галстухи, перчатки, чай и почти ничего не осталось. Заезжал в «Луч»; выйдет через неделю; деньги во вторник. В<альтер> Ф<едорович> сообщил кучу новостей: познакомился с вен<ским> студентом[13], хлопочет о нем, уже написал письмо. При этом рассказе пришел В<иктор> А<ндреевич>; имея его в виду, В<альтер> Ф<едорович> заводит шашни направо и налево, меня это почти оскорбляет. Пришел и Сомов; играли «Figaro»: В<иктор> А<ндреевич> со мной почти ни слова, глядит только через зеркало. Вообще он был молчалив, особенно с приходом Маврина. Возвращались вместе, я проводил его, потом поехал один. Просил последние стихи переписать ему, был странен и суховат, говорил, что очень занят, что долго не придет, что это очень важно, чтобы не попасть в Сибирь или на запад. Что-то мне сулит все это? Я, кажется, становлюсь неприятен à mes amis*, не верный ли это признак? Нужно много работать это время. Ну, будь что будет.

14

Сидел дома, переводя, переписывая для милого Наумова «Обманщика»[14]. Письма от Ликиардопуло, Фео<филактова> и Вари. «Крылья» возможны в ноябре, сейчас заплатят 100 р. Согласился, конечно. Поехал к Наумовым, уютно, мило, несколько буржуазно; он был в кителе, сам возился с самоваром, подавал его. Пошли в балет. Куча знакомых. Очаровательная «Жизель», рядом Наумов и грустный Нувель, который чуть не плакал. Проводил В<иктора> А<ндреевича> до угла Вознес<енского проспекта> и Екатер<ининского канала> и поскакал к Бенуа, куда собрались наши. Назад ехал с Боткиным, очень холодно. В<иктор> А<ндреевич> мало говорит со мною, будто стесняется, а разве хотел бы я, чтобы он болтал со мною? Может быть.

15

Что было? Скучаю; ездил за провизией, были гимназисты, Сомов, Нувель; Белый надул. Пили чай, болтали, я читал; молодые люди еще оставались. Какой-то осадок есть во мне. Спал очень плохо.

---

* Моим друзьям *(франц.)*

16

Переводил, писал в несчастный «Луч», там всё неустройства, денег не дали. Предлагали месячные 100 рубл. Меня бы это стесняло: какой я газетчик? У Нувеля был Нурок; поплелись в Café de France, пришел Сомов, я был очень скучен. Друзья пошли aux pays chauds. Сегодня Наумов у сестер: с другом? Мне не телефонировал. Я будто умираю, и почему? Я толстею, кажется. Я не знаю, чего бы я хотел.

17

Я вижу ясно, что я болен и что люблю, томлюсь, скучаю. Фима пропустила Павлика; ушел в типографию, куда Чулков не приехал. Обещают не раньше месяца. Корректуры «Кушетки», ругательное письмо из Киева. У Сомова были Добуж<инский> и Лансере, скоро ушедшие, Нурок, Нувель, Бенуа и Ремизов, читавший свою новую вещь, пьесу[15]. Было сильное сердцебиение, и я лег с компрессом на сердце; я ни минуты, ни секунды не перестаю думать о Наумове. Вернулся поздно, правил корректуры, что еще?

18

Умерла Диотима: трудно привыкать к мысли, что нет человека, живого еще недавно[16]. Но, значит, Вяч<еслав> Ив<анович> скоро приедет. Хандрил, лениво переводил, написал письмо Наумову. Получил от Сергея Павловича письмо. Поехали к Коровину; со вкусом отделанная квартира: позавидуешь жить в ней. Коровин был рад нам, но звал, по-моему, одного Сомова. Чувствовал себя плохо и к «современ<никам>» не поехал, отправившись в pays chauds на 9<-ю> л<инию>. Вместо Степана дали Матвея, большого сквернословца, но веселого и неплохого телом. Теплота, доступность, род бардака — приятны. Какой-то цинизм Шекспира, особенно при любви к В<иктору> А<ндреевичу>. Проехал в «Вену», где со мной болтал Аничков. Оказывается, «реалисты» мне объявили бойкот и не пожелали мои вещи в концерте 23-го у Коммиссаржевской. Ну, что же? à la guerre comme à la guerre. Написал письмо Блоку, прося его отказаться[17]. Писал письмо, дневник, не ложась и зная, что не засну.

19

Ездил к парикмахеру, к Нувелю, к Сомову. Агитировал против Аничкова и Андреева, не знаю, что выйдет из этого. Письма нет, что это значит? «Кушетка» друзьям очень понравилась. Вечером отправлял телеграмму. Поехал к Ан<не> Петр<овне>. У них отлично устроено, я очень чувствителен к этому. Пели, читали, пили чай, болтали. Домой до Адмиралтейства шли вместе пешком. Я не

могу равнодушно видеть, когда едут учащиеся с кем-нибудь вдвоем. Письма нет.

20

Письмо: придет часов в 5. Еду купить конфет, жду, играю; в соседней комнате остался ученик, — сейчас стараешься играть лучше, чем при девах. Нет, не приходит; самовар кипит, пишу письмо, жду; телеграмма: простите, не мог быть. Еду к Нувелю, слегка болит голова, но весел, даже наждавшись. Заехали к Маврину, не бывшему дома, и поехали в цирк. Опоздали, конечно. Атлетки bonnes pour la haine des femmes*, акробат. В<альтер> Ф<едорович> говорит: «Вон В<иктор> А<ндреевич>»; смотрю, откуда; говорю: «Нет, гораздо хуже». Оказывается, действительно он, в антракте: вот судьба! Приехал его beau-frère на несколько часов, оттого всех надул и попал в цирк. Сговорились встретиться на вокзале. Поехали за вином: все заперто. У Романова ни за что не хотели давать, но буфетчик узнал В<альтера> Ф<едоровича>; спросили 2 б<утылки> в кабинет, отпили и запихали в пальто. Летим на вокзал; поезд только в 12 ч. 5 м. Видим В<иктора> А<ндреевича>, он уже искал нас: милый, высокий и тонкий. Я поехал с ним вперегонку с В<альтером> Ф<едоровичем>. Было очаровательно весело. Т. к. он пил еще с beau-frèr'ом, то был очень возбужден и болтлив. Я иногда уходил в ту комнату и, м<ожет> б<ыть>, несколько ревновал. Со мной — очень мало говорил и пил. Наконец В<альтер> Ф<едорович> ушел лежать; я встал и поцеловал В<иктора> А<ндреевича> в затылок, он сказал: «Дайте, я Вас поцелую» и поцеловал в губы; простился тоже целуясь; был очень любезен и, кажется, доволен, премилый! Вот вечер, очаровательный своею импровизованностью. Бедный Сомов, что не был с нами. Что подумали девы, не знаю. От Дризена чек[18]. Вопрос с Аничковым усложняется. В<иктор> А<ндреевич> говорил, что ему как-то особенно нравятся последний цикл моих стихов <*так!*>[19], но с Нувелем был прямо сиреной, хотя и пикировались. Я очень рад вечеру, и за милого Renouveau, и вообще за существование и у нас одного хотя <из> молодежи, и какого!

21

Валечка на извозчике признался В<иктору> А<ндреевичу>; тотбылочень мил, жал ему руки и поцеловал на прощанье. Что ж это, одно и то же procédé со всеми Puttana!** Смерть мне в сердце. Он меня ненавидит или слишком любит, результаты одни и те же. Все померкло мне. И потом, я не могу жить, не видя его: теперь я

---

* Хорошие для <возбуждения> ненависти к женщинам *(франц.)*.

** Поведение... девками! *(франц. и итал.)*.

это сознал. Сомов ему сочувствует, остались одни, чтобы сплетничать обо мне или сообщить о Наумове, что мне не надо знать. Смерть в сердце: любовь, прощай! друзья, прощайте! Вечером будут у Бенуа, ая куда пойду? Поплелся домой. Обедал Шервашидзе, предлагал мне билеты на «Горбунка»[20], но я отказался. Поехал к Верховским, там были дамы, старик с серебрян<ым> горлом и Конради. Проезжая Выборг<скую>, увидел бегущим, по-моему, В<иктора> А<ндреевича>; я так смотрел, что тот оглянулся, даже приостановился, но, вероятно, не узнал в темноте: м<ожет> б<ыть>, и не он был. Смерть в сердце! ревность и отчаянье. Поехал к Тамамшевым в томленьи; одни дамы; я будто умирал. Приехал студент с барышн<ей> на «Пеллеаса»; поплелся домой. Никого, ничего. Барышня вернулась из балета, ее кажется, растирали. Написал письмо Наумову, глупое, грубое и сумасбродное. Что мне до того, что дело идет более чем о жизни. Теперь я это вижу ясно.

22

Кто-то пустил ко мне Павлика, еще когда я спал. Насилу спровадил его, неблагоразумно дав ему опустить письмо В<иктору> А<ндреевичу>. Лежал на диване в унылости; вставляли окна; тепло прошло; день рожденья, вид Италии Мюссе, с юношей, плачущим на окне, прощай! У Чичериных играли Моцарта, обедали, беседовали, у Ремизовых было скучно, бойкот мне не состоялся, ставят «Выбор невесты» А. Н. Бенуа. «Три пьесы» конфисковали. У маленькой Вари припадок. В<альтер> Ф<едорович> уж накатал два письма. Придумал преподлые стишонки. О, Наумов, что-то он таит в себе?

23

Проспал часов до двух, девы боялись, не умер ли я, Добужинский стучался. Прошелся до Aux Gourmets, поручив посыльному банк завтра. Играл «Elisire»[21], пришел Сомов; болтали у дев, болтали у меня с пришедшим Нувелем, выясняя отношения к Наумову. Было очень дружески и мило, хотя я и ревную, м<ожет> б<ыть>. Спустился вниз, ища письма: неужели Павлик не опустил? Мне бы не хотелось быть на похоронах Диотимы. Что еще? Чувствую себя менее плохо. Восторги Валечки мне неприятны. Вот оригинальнейшая comedie de moeurs*.

24

Решительно не помню, что было; писем нет, ничего не делал. Пошел в café, в «Луч», к Валечке и к Маврину. Дягилев приезжает в пятницу; понятно, все время разговор был о Наумове.

---

* Комедия нравов *(франц.)*.

25

Утром письмо: ответит в пятницу, письма получил, выйдет не раньше той недели. Похороны бедной Диотимы; только близкие и родные, отличный стрелок, племянник. Городецкий горько плакал, закрывшись рукою. Часть публики нарочно опоздала, часть дезинфицировалась[22]. Сережа и Тамамшев заехали ко мне, второго сплавили раньше. Сережу я подвез по дороге к Аничкову, там обедал еще Каратыгин. Говорили о делах, потом толковали с Аничковым. Поехал к «современникам», играли сонату Акименки, неплохую. У Бенуа была куча народа, «Сириус», «Старые годы», «Стар<инный> театр», художники etc. Беседовал с Тройницким, играли Auber'a и детские франц<узские> песенки. Было скорее хорошо. Теток было явных штук 6 и скрытых шт<уки> 4. Завтра у нас Забела. Скоро письмо: какое-то?

26

Утром не выходил; днем был у Мясковского в больнице: как больные делаются ближе; я, впрочем, теперь знаю, отчего я был так тронут им лежащим: в этот же час Наумов при верховой езде вытянул себе связки и слег в лазарет дней на 5. Прислали перевод из «Руна». Была Забела, манерная и не очень приятная; читал, играл, кажется, не очень понравилось. Поехал aux p<ays> ch<auds>, это в последний раз, хотя Петр на 5-й и очень мил, весел и предприимчив. Долго сидел, пили листовку[23], закусывая яблоком, он рассказывал похабные сказки, возбужд<енно?>. Конечно, взяли втридорога. Вернулся рано и сидел с девами, легши тоже рано.

28

Сегодня получил письмо от В<иктора> А<ндреевича> с печальным известием. Читаю Oberman[24]. Проснулся рано. В<иктор> А<ндреевич> болен, это тело, эти ноги — страдают, — возможно ли. В<альтер> Ф<едорович> получил письмо вчера — раньше меня, — что будет извещен о выходах, кто же будет надут: он или я, или оба будем приглашены? Андрей Иванович бодры<й>, самодовольный, рассказывает громким старческим голосом о путешествиях. Сегодня друзья у Бенуа, ну и пусть. Покупал обувь. Поднимался к Иванову. М<арья> М<ихайловна> сказала, что лучше его не видать. На «Балаганчике» Сережа не был, был лишь Блок, отказавший «Супаннику» в пьесах[25]. Мейерхольд мрачен, Бецкий мил и не унывает, Закушняк тоже мил. Поплелся в «Вену», битком набитую, пил с каким-то жестоким наслаждением кофей один, подходил Каменский, звал меня в среду. Дягилева я не видел, к друзьям холоден, о В<икторе> А<ндреевиче> вспомнить не могу — смерть в сердце, пусть его друг, пусть Дягилев, пусть

Гофман, наконец, но Нувель, Нувель — непереносно. Давно я не чувствовал себя так покинутым: «пришло время умирать тебе, бедный Алексей»[26].

28

Опять почти без денег. На «совр<еменной> музыке» была куча знакомых. Насилу вспоминаю, кого когда звал, куда обещал. Был Св<ятополк->Мирский, Трубников. Нурок сказал, что В<альтер> Ф<едорович> болен, значит, не проник в замок, как я того боялся. Но на концерт он пришел. Пошли с ним и 2-мя грациями в «Вену», куда пришел Сомов и вдруг откуда-то Сережа, было не плохо. Сережа получил уже «Руно». Т. к. кроме кофею я пил еще вино, то заснул хорошо. Ах, умереть бы; перебираю, чего мне жаль: ничего, ничего, раз Наумов отходит.

29

Утром не выходил и не писал, так болтался; пришел Сережа, вышли вместе, заехав к нему посмотреть «Руно»; Блок пишет о мне очень трогательно[27]. На концерте опять была куча знакомых. Очарователен Le Sueur, очень интересен. Поздно приехал и Серг<ей> Павлович. Нувель болен. Забежали с Нуроком к нему и поехали к Бенуа, где знали быть и Дягилева. С ним я возвращался, разболтав, конечно, все: он, кажется, ревнует меня к Маврину. Ах, Наумов, Наумов, что-то выйдет из всей этой каши, не мной ли заваренной?

30

Письмо, крайне расстроенное, от Наумова: бедный мальчик! Что с его бедным умом без equilibre*. Был у больного Валечки, беседовали о В<икторе> А<ндреевиче>; у Жеребцовой был Иованович, ноты оставил, «Луч» прекратился. Камень с плеч, но денег не доплатили. По-моему, Гарт живет со своим мальчиком; они пили чай вместе и сунули один стакан поспешно на окно. Ремизовых не застал; купил пастилы, пахнущей одеколоном, и поехал домой пить чай. Читал Пушкина, ходил, мечтал; так стало тяжело; пошел к М<арье> П<етровне>, которая одна была дома: просто хотелось уйти от слез к кому-нибудь. Попросила поиграть «Куранты». Приехали девы; М<арья> П<етровна> проворчала: «Черт принес», я удалился. Но так скорбно и страшно было одному, что я, слыша голоса, опять к ним попросился. Сидели, рассказывали о прошлом, о пожарах, о родных, о Нижнем, о гадалках: я успокоился. Я не могу быть один иногда. Выдержать бы карантин.

* Уравновешенности *(франц.)*.

31

Проснулся страшно поздно с головной болью. От швейцара записка: «просят быть в лазарете Инж<енерного> училища» в 4 $^{1}/_{2}$ ч. Хотел заехать к Мясковскому, вдруг приходит какой-то военный; думал, не начальство ли В<иктора> А<ндреевича>, оказывается, пристав, по поводу «3-х пьес». Пошел пешком, зайдя к Шалье заказать цветок Ел<изавете> Ник<олаевне>. В лазарете был его брат, очень мне понравившийся; В<иктор> А<ндреевич>, не хотевший говорить при больных, поехал в приемную, но, услышав там посетителя, поехал обратно. В белье, халате он мне казался дальше и почти не желанен, но и не трогателен, как простые больные. Опять выехали, говорили часа 1 $^{1}/_{2}$ о необходимости выбора, рассудительно и сухо, он был неприятен; последние его слова были: «Все будет по-старому, но Вы будете знать, что выбор сделан. Вы понимаете, что я говорю?» Я сухо его поблагодарил и вышел нерадостный. Обедал, пошел к Нувелю, было приятно сидеть и болтать, что-то от пушкинской прелести. Голова болела. У Каменского была куча поющих гостей, à qui mieux mieux*. Играл «Куранты». Ехал назад с Чеботаревской, денег ни сантима. В<иктор> А<ндреевич> как-то отходит, и возвращается легкость. Наумов, очевидно, хочет совещаться с Гофманом. Напрасно, но мне это все равно. Ходят сплетни обо мне и Дягилеве. Quel farce**.

Ноябрь

1

Письмо от Руслова — вот судьба![1] Ходил к Сомову — нет дома; зашел к Сереже: Гофман выходит, это надо принять к сведению. После обеда зашел к Чичериным — нет дома. Зашел к Гофману, бывшему у меня и оставившему книгу. Пополнел, спотыкающаяся походка, вид идиотический, ненужные лжи о свадьбе[2] и т. д., все очень подозрительно: что может советовать этот будущий паралитик юноше sans equilibre*** ?Зашел к Вяч<еславу> Ив<ановичу>, там эта баба Минцлова водворилась[3]. Вяч<еслав> томен, грустен, но не убит, по-моему. Беседовали. Мои мысли к будущему. Валечка прислал трогательное серьезное письмо, чтобы я не играл Наумовым.

---

* Чего лучше *(франц.)*.

** Какой фарс *(франц.)*.

*** Неуравновешенному *(франц.)*.

2

Завтракал у Чичериных, уговорился обедать у них в свои имянины. Заезжал к парикмахеру, за папиросами, конфетами etc. От Сомова и Ремизова письмо[4] — не придут, от Валечки и Наумова — благодарит за то, что написано во втором письме. Не зная еще, что в тот же час он назначил Нувелю свидание на понедельник, я был очень обрадован. Приплелся Тамамшев, приехал Сережа, пришли гимназисты. Они все хотят ко мне приводить разных юношей; что же, в час добрый; описывали мне кандидатов: красивый, из хорошей семьи и т. д. Сидели долго. Нужно бы их звать поодиночке. Покровский, несмотря на мордальонность, очень мне нравится.

3

Приглашение от Зинаиды[5]; письмо от злосчастного Павлика[6]. Заезжал к Renouveau, счастливому будущим свиданьем, ревную несколько, хотя и легок. У Сомова посидел, пил чай, играл Adam. Приехала сестра, просила к 11-ти в лечебницу. Поднялся к Иванову, где была Чеботаревская, читал стихи, понравившиеся ему sub specie mortis*. Спустился, затопил печку; писать ли? Да, да, конечно. Долго ждали Мих<аила> Як<овлевича>, поехали к Палкину, тотчас встретив там Белого. Пили, ели, было не плохо, был приятный один из румын. Очевидно, В<иктор> А<ндреевич> решил делать очередь, или он хочет решительно объясниться с Валечкой? Посмотрим.

4

Ясный, ликующий день. Зимнее солнце так хорошо бы дробилось на окладах темной часовни. На минуту заехала Варя с девочками и мужем. Поехал к Валечке, оказывается, еще раньше В<иктор> А<ндреевич> звал его в училище, чтобы выслушивать важное, но тот не приехал. Ретроспективной ревности я не питаю, тем дальше от меня этот юноша, желающий всех осчастливить. У Изабеллы была Зинаида, какая-то жидовинка и господин. Оттуда поехали к Дягилеву, где были его отец, брат с женой и Маврин. С<ергея> П<авловича> я не дождался. Письмо от Лемана, больше ничего; поехал к Каратыгиным разбирать новые сборники фр<анцузских> песень. Великолепная луна, звезды, я свободен, весел, хотя и без денег, все более и более мне нужных.

5

Такое же солнце, сижу дома. Обедала глухая Маклецова. Перед грациями заехал к Renouveau выслушать отчет, оказавшийся довольно плачевным: незначительность разговора, холод, кокет-

* Под знаком смерти *(лат.)*.

ство, внешняя любезность, стена. В<альтер> Ф<едорович> был в мрачной меланхолии. Я утешал его, чувствуя себя почти исцеленным. Свидание у них на субботу. Que le bon Dieu les bénisse!* Болтали, играли Cimarosa. У Венгеровых была зеленая скука. Сомов пел, Изабелла играла, Зинаида говорила глупость за глупостью, я читал, Валечка хандрил. Чудные ночи, гулять бы, кататься, пить вино с тем, кого любишь на время. Дягилев говорит, что Руслов — некрасив, но мне часто нравятся рожи больше красавцев[7].

6

То же солнце, те же дома; заходил Добужинский, писем нет. По телефону звала Чеботаревская, чего этой суке от меня надо — не понимаю. Письмо от Руслова, длинное и милое, резвое[8]. В театре, конечно, куча людей, дела и пр. Все тащили в «Вену», но я, Сомов, Нувель и гимназисты поехали к Палкину. Было премило, и Св<ятополк->Мирский очень понравился моим друзьям. Был там Рачалев, которого Нувель макротировалдля Сомова. Да, на днях Валечка слышит диалог у чайной: «Ну, Ванька, пойдем, полно педерастничать». — «А вот и черный барин». — «А спина-то у него какая крепкая». — «Барин, а барин, выеби его, право». Нувель поспешно ретировался.

7

С утра были сложности: пришли клопоморы, звонкопроводчики, приплелся невпущенный Павлик, приехал Воротников из Москвы. Толстый, une tante crachée**, знает и Руслова и его товарищей (Колю Фирсова, Лари), Судейкина etc.; был, конечно, очень любезен, просил зайти часов в 5, чтобы выслушать какую-то вещь. Телефон из театра: зовут в 7 ч. к Добужинскому[9]. Зашел отгласить Лемана, к Тамамшевым, где видел его товарища и его двоюродн<ого> брата (вроде Ликиардопуло), и к Воротникову, куда пришел томный студент Пикар. Спешил обедать и к Добужинскому; везли под мостами по Обв<одному> каналу, где чернь и ломовые; повеяло Александрией, au delà***, восторгом: ночь, вид торговой части, подонков столицы. Я очень попался, ругая Будкевич при ее муже. У Валечки посидели, он в восторге от вчерашнего вечера, от Мирского, от молодежи — не я ли это все делаю друзьям, а разве В<иктора> А<ндреевича> не я изобрел? У Сомова были Бенуа, Аргутинский, Яремич, Нурок и Добужинский — было скучно, во всяком случае, скучнее, чем с гимназистами, которые милы даже молча, будучи молодыми. Нашел письмо от Костриц и от Наумова, зовущего завтра в 3 ч.[10]

---

* Да благословит их Господь! *(франц.)*.

** Вылитая тетка *(франц.)*.

*** Дальше — больше *(франц.)*.

8

Поздравительная телеграмма от Воротникова. В серый день шел к В<иктору> А<ндреевичу>; так как в приемной была дама, принимал меня в палате, болтая о всякой всячине пусто и внешне; звал навещать, когда угодно; о Нувеле ни слова. Расстались вежливо и далеко. Пришел Тамамшев, принес цветы; обедал у Чичериных; хотят меня показывать почтенным людям. Pierre Мейендорф, которому меня указали, сказал: «Il a l'air très intéressant»*. У «современников» был Гнесин со своими романсами. В<альтер> Ф<едорович> предложил мне приехать к Маврину, ждавшему Дягилева из Народного Дома. Тот был в очень короткой студенч<еской> куртке, assez excitant**. Приехал С<ергей> П<авлович>, оживленный, как всегда, полный рассказов; иронически, по-моему, хвалил мои бандо и жилет. Меня возбуждало видеть людей, которые, вероятно, по нашем уходе лягут вместе. Без меня был Верховский. Да, получил письмо от Мирского, очень милое, просит их позвать скорее, что они уже соскучились etc. Это лестно, что молодые не скучают с нами, ищут, и приходят, и хотят приходить. С<ергей> П<авлович> читал какое-то анонимное письмо, по-нашему, от Юрочки. Скоро ли будут деньги: я что-то очень много проживаю.

9

Сидел дома, писал, играл; пришел Леман, очень скучный, просидел до того, что я опоздал к Кондратьеву, куда был зван, и поехал просто к Нувелю. Он спал на диване, был будто недоволен спросонья. Явился Сомов, и, посидев, потащились в «Вену», где никого не было. Друзья вспоминали молодость, первые влюбленности, признания etc, было что-то вроде «Serapionsbrüders»[11]. Неплохо. Дягилев остается еще до середы. Ночью накануне у меня все были кошмары, огромная лошадь вскакивала в окно и ложилась на меня, бушевала вода вокруг утлой лодки, кто-то умирал. Но я совершенно здоров и настроен.

10

Заезжал Валечка из замка, полный надежд и упований. Завидую ли я ему? Свидание у них на среду. Вечером был у Верховских, где были Каратыгина, Черикова, Репины и офицер Швецов. К Ремизовым не попал. Завтра нужно ехать к Фокину. Какая тоска. Каждый день Чеботаревская дважды звонит меня по телефону.

---

* «У него очень интересный вид» *(франц.)*.

** Довольно возбуждающий *(франц.)*.

11

К Фокину не поехал, а прямо к Нувелю и Сомову, где и просидели. Наверно, Бенуа будет злиться, оказавшись у Фокина вдвоем с Каратыгиным. Сидела Анна Андреевна оживленная и en train*. Прислали «Весы». Вечером был у Тамамшевых, играл Debussy; был Сережа и их кузен, очень приятный и не без кокетства.

12

Денег не прислали; топил печку, было как-то грустно. Каратыгин телефонировал, что Бенуа обиделся и отказался ставить балет[12]. Писал письма. Пошел к Нувелю; было тепло и скользко; вчера у него был Дягилев, сегодня он у него и т. д. Нашел у меня таинственный вид и вымотал-таки, что я сознался в посещении Покровского. Я ничего рассказать не мог, т. к. разговор с этим милым юношей, хотя и сердечный, был самый обыкновенный. Пришел Сомов, пели «Figaro», болтали; совсем тепло. Придумал стихи.

13

Встал очень поздно, денег опять не прислали; письмо от Чеботаревской, потом она и сама явилась en personne. Письмо от милого Руслова, длинное и сердечное. После обеда зашел к Чичериным и за кое-какими покупками. Был вечер, руки были заняты, насилу влез на извозчика. Вечером были Сережа и Нувель. Письмо от Бенуа, этот инцидент с балетом как-то приблизил ко мне его. Читал новеллы, стихи, начал «Мейер»[13]. Спал очень плохо.

14

Пришел политехник приглашать меня завтра в концерт, на афише которого я уже пропечатан. Уверен, что многие студенты брали билеты исключительно на меня. Переписываю для этой суки «Куранты». Идет снег, слегка болит голова, денег не шлют. Пришел Валечка, объяснившийся с В<иктором> А<ндреевичем> и принесший приглашение на завтра. Говорит, что мои шансы очень велики, но это меня как-то не радует и не верится этому. Поехали с ним к Чеботаревской и к парикмахеру. У Блоков была куча народа, скучнейшие актрисы, 3-ое Городецких[14], Сологуб, Ремизов etc. Ремизов выражал свои восторги по поводу «Кушетки», и Городецкий тоже, но было скучно. Положительно, мне в тягость обилие женщин. Мейерхольд говорил мне комплименты, что я похож на гимназиста: «Молодой и прекрасный Мих<аил> Ал<ексеевич>» и т. п. Хотелось бы съездить в Москву в половине декабря и, заехав в Окуловку на обратном пути, пробыть там праздники. В<иктор> А<ндреевич> тоже уедет. Шел снег,

* В духе *(франц.)*.

и было тепло; долго дожидаясь на крыльце, я чертил по свежему снегу машинально палкою «В. Н.», хотя не думаю о нем нисколько.

15

Сегодня узнал я, что выбран В<иктором> А<ндреевичем> я, и был им поцелован печально и серьезно; звал меня непременно в субботу с Вальтером Федоров<ичем>. Не наполнило меня все это ни радостью, ни гордостью. После обеда поехал к Валечке с докладом, потом к Кострицу, приехавшим через $^1/_2$ года из Парижа. Вспоминали старину, нашли, что я очень похудел и помолодел. У Бенуа был соверш<енно> расстроенный Аргутинский, Сомов, Нувель, Нурок и Яремич. Завтра попадем на репетицию «Павильона»[15]. Возвращался почти всю дорогу пешком, страшная грязь.

16

Чудный день. На репетиции было отлично, актеры уже в костюмах, между публикой громкие переговоры, остановки. Раньше шла репетиция глазуновских «Времен года», причем кавалеры танцевали в городских платьях — забавно. Вечером пошел к Ремизовым, там были Перемиловский и Нувель. Сер<афима> Павл<овна> пришла поздно. Ал<ексей> Мих<айлович> говорил, что многие меня ненавидят до того, что готовы бы были убить меня, и что их всё будет увеличиваться, а друзей уменьшаться. Ненавидят люди политики. Потом с Нувелем и С<ерафимой> П<авловной> говорили о моем эгоизме, легкости, готовности все перенести и т. д. Что-то будет завтра, свидание dei due illustri rivali*.

17

Поехал за папиросами, бумагой и т. п., пил кофей в Café, говорил оттуда по телефону, вспоминая рекомендации Маврина, купил билет на Баха. Наши просят приехать после концерта в «Вену». У В<иктора> А<ндреевича> был уже Нувель, потом пришла подруга сестры с мальчиком. В<иктор> А<ндреевич> был весел и тёпел, будто все в порядке вещей. Вскоре приехал ко мне Валечка, довольно бодрый. Концерт был скучен, но множество знакомых занимало. В «Вене» было сумбурно, жарко и так себе. Сестра, кажется, была рада видеть моих друзей. Нувель меня провожал, потом я его, вспоминая, болтая, строя планы.

18

Утром проник Павлик. По письму Веры Федоровны поехал в театр; беседовали, торопят с музыкой[16]. Видел Бецкого и др.

* Двух блистательных соперников *(итал.)*.

Сережа с похмелья лежал у себя; прочитал его рассказ для «Весов»[17]. Мальчик делает карьеру. Вместе вышли к В<альтеру> Ф<едоровичу>, пишущему стихи. Посидели. Пошли в Café выпить чаю. После обеда зашел к Чичериным; тихо, мирно, поиграли Баха. У Эбштейн застал полусонных наших, кислую Анну Ник<олаевну> и кислых Марусю и Юру; у него был товарищ; после отъезда наших пили кофе и ликеры. Было уютнее, чем всегда. Прислали «Перевал», где Нина посвящает Сереже очень компрометантную вещь[18]. Сережа как-то очень отдален от меня.

19

Утром ездил стричься, в Café; долго не куря, выпив черного кофе, видя одного из мордальонов, сделавшего мне глазки, надевая пальто, вдруг почувствовал, что колени у меня подгибаются. В типографии Чулкова не было, деньги обещают во вторник; видел там Ремизова. Закупил провизии. Ремизов пришел рано, усталый и обиженный. Были гимназисты, Дмитриев, Сережа, Сомов, Нувель и неожиданно только что приехавший Бакст. Сомов страшный рохля, двух слов не сказал с Мирским. «Куранты» ставит Дмитриев, что сразу повысило мой интерес к ним[19]. Сережа меня сердил фырканьем в присутствии молодежи, развязностью и, м<ожет> б<ыть>, тем, что он нравится Мирскому. Но как все фантастично: молодежь, письма, любви, ненависть. Мне кажется, что что-то из-под меня уходит, не знаю отчего. Долго убирал после гостей. В<альтер> Ф<едорович> рассказывал про посещение какой-то трущобы с фотографиями и т. п. Спал тяжело, проспав почти до 2-х часов, болела голова.

20

С утра явился ко мне Бер, une tante crachée, потом Юраша, так до обеда. Потом Дмитриев толковал о «Курантах», он милый и нежный, но несколько моллюск. Заехав за Валечкой, отправились к Сомову. Говорили с Андр<еем> Ив<ановичем> о старости, о предполагаемой поездке в Москву и т. п. Бакст и Сережа не пришли, но приехали Бенуа, Аргутинский и Фокин со своим билетом. Мейерхольд приглашен в императорские, думает, в доме Эльстон устраивать cabaret etc.[20] Что-то меня гложет: безденежье? Тепло. Письмо из Москвы от Руслова и еще 3-х господ из ресторана, написанное на прейскуранте[21].

21

Что было, не помню. С утра явился еще не уехавший Воротников. Длиннейшее письмо от Руслова. Писал музыку. Пришел il principino, посидевший с час мило. Заехав за Сережей, отправи-

лись к скучным Костриц. Потом домой; у Вольф<а> в окне второе издание «Крыльев»: что же денег-то мне не шлют?

22

Вышел к Воротникову, болтавшему всякий вздор, поехали вместе; он обещал сделать в Москве мне встречу[22]. В<иктор> А<ндреевич> был сама прелесть: ласков, доверчив, нежен, будто что-то условленное между нами. Он сидел у окна и видел, как я приехал: уж не ждал ли? Будто fiancés*. Оттуда к Чулкову, обедать в «Вену» и, гонимый каким-то злым роком, в pays chauds на 4 л<инию>. Это — форменная обираловка. Клянусь, что это —последний раз. Валечка показывал мне фотографии очень миленького Леонида, с которым он сегодня был, играл романс, посвященный В<иктору> А<ндреевичу>, и писал ему письмо при мне. У «современников» была какая-то певица и певец. Поехали к Бенуа, где были Фокин, Сомов и Лансере, всё о балете; Валечке хотелось есть, и мы поехали в «Вену», где я оставил последние рубли. Был Пильский, Чеботаревская и разная шушера. Чеботаревская развесила афишу, где «Куранты» напечатаны шрифтом с ее лицо, — прямо неловко[23]. Слезкин, сбривший усы, вертелся very tapeticamente**. Что-то меня гложет: безденежье? Или завтра начало?

23

Опять пустили Павлика. Сидел безвыходно дома; видел Бакста; был очень весел, и все хотелось танцевать. Приплелся Тамамшев. Сережа, телефонировавший, что придет, надул; приехал один Нувель, получивший уже сегодня быстрый и ласковый ответ от В<иктора> А<ндреевича>. Я был несколько шокирован и быстротой ответа, и приглашением на понедельник со мною вместе. Давно я писал ему и не получал от него ответов. Читали Пушкина отрывки, прямо упиваясь современностью его прозы. Денег ни гроша. Писал «Анну Мейер» усердно. Что-то будет завтра, в понедельник, в Москве?

24

Конечно, денег не прислали. Утром гулял; вечером зашел к Гофману, только что вернувшемуся из Москвы; он получил от В<иктора> А<ндреевича> письмо; вдруг он тоже вздумает припятить в понедельник! От него направился к Ремизову, где должен был быть Дмитриев. Ал<ексей> Мих<айлович> куда<-то> ушел, оставив меня караулить Дмитриева и ждать Серафиму Павловну. Видел

* Помолвленные *(франц.)*.

** Очень тапетисто *(англ. и франц.)*

иллюстрации к «Пруду», не без Клингера, но приятные[24]. Пили чай, болтали, гадали; шел с гимназистом до Дворцового моста, потом далеко домой. Написал 3 стихотв<орения>.

25

Денег все нет; прямо ни копейки — буквально. Зашел к Вяч<еславу> Ив<ановичу>, который спал с дороги, охраняемый Марьей Мих<айловной>, кумой и Гофманом. Пришел Сережа; с ним вместе пошли к Тамамшевым, где и провели вечер. Я, кажется, простужен. Завтра увижу В<иктора> А<ндреевича>, что еще? Ремизов просил Дмитриева привести Покровского и principino, отбивая от меня клиентов. Но это ничего — пусть вращается молодежь между нами.

26

Утром зашел к Нувелю, вместе поехали; у В<иктора> А<ндреевича> был товарищ; был нежен, но и с Нувелем очень любезен. На вопрос о нарциссе, условленном, отвечал, что любит тот цветок, который у него в руках. Был у меня Чулков, пошли к Ивановым, где я и остался. На квартет опоздал; была куча народа. Il principino ехать отказался, и мы направились к Лебедевым. Бенуа сказал, что эскизы Дмитриева ему не понравились, но что Локкенберг их поправит. Это еще что за контроль? Принять к сведению и поговорить завтра за репетициею.

27

Был на репетиции, видел и Дмитриева, и Локкенберга, последний просил, будто ничего не зная, ничего не менять в эскизах. Обстановка даже любительской репетиции меня волнует. В типографии ничего не дали, конечно, обещали в три дня. С Чулковым поехали в Café de France. Заехал к Баксту, у которого были Сенилов и Коровин. После обеда зашел к Чичериным попросить денег и поехал к Нувелю, куда пришел и Сомов, но не Маврин. Страшно болела голова. Утром было важное, но неопределенное письмо из замка, чем-то расстроившее меня. Читали «Satyricon»[25].

28

Был Бер, Тамамшев, Сережа, Глеб Верховский, Ремизов, Иванов — прямо Содом и Гоморра. Глеб хочет ко мне привести Зарецкого; узнав, что ему 32 года, я значительно охладел к этому предприятию. Поднялись к Вяч<еславу> Ив<ановичу>; Костя очень вырос и скоро станет милым. Вместо Анны Петровны поехали к Ремизовым; я — с Сераф<имой> Павл<овной>, Сережа с Алекс<еем> Мих<айловичем>. Заезжали за сыром и т. п., дома вдруг на-

шли Юрашу. Болтали, смеялись. На извозчике я проболтался, кажется, Серафиме Павловне. Столько дела!

29

С утра был на репетиции, страшный беспорядок, распоряжаются все, кому не лень, но я люблю атмосферу репетиций. Провожал Дмитриева, на обратном пути купил булок и проч.; пил чай, вспоминая житье на Вас<ильевском> Острове, сидел с Кармин. Поднялся наверх, отнести ноты Вяч<еславу> Ив<ановичу>, у которого был Верховский, обедали при мне, Костя очень вырос и скоро станет мил. Юраша зашел ко мне, очень холодно; от «современников» потащил хоть Сенилова в «Вену», куда попал и Нувель, решивший не ехать к Боткину. К нам засели Куприн, Маныч, Потемкин, было забавно; рядом сидел студент очень подозрительного вида. Вчера, как я ехал домой и ветер холодил лица, мне представилось, как сладко умирать на снегу застреленным; именно на снегу; мне ничего не было бы жалко[26]. Эдинька у Нувеля ругал меня на чем свет стоит, и отчего?

30

Ездил в театр: даже без костюмов «Действо» жутко. Накупил билетов на Dunkan и старинный театр[27]. Встретил Сережу, с которым и зашел пить чай в de France. В типографии никого не было. Поехал в замок, но В<иктор> А<ндреевич> уже вышел из лазарета. Думая, что будет еще репетиция, пошел на Моховую к 6-ти часам, там были только Локкенберг и Сенилов, репетиции не было; ходили, шутили, будто прошлый год у Коммиссаржевской; одевались и т. д. Начали очень поздно, публика волновалась, знакомых была куча. «Куранты» провалились под смех и шиканье[28]. Рядом сидел Сомов и Мирский. Были и Покровский и тамамшевский Витя, имевший ко мне какую-то просьбу. После поехали к Палкину впятером; мол<одые> люди положительно приручаются. Позвал их в понедельник. Они очень милы, шутили, пили, болтали свободно; они бы были даже прелестными друзьями, помимо всего прочего. Назад шел я с Корнилием даже под ручку. Ремизов попросил меня познакомить Сер<афиму> Павл<овну> с гимназистами, а она их позвала к себе. Очень хорошо проведенный вечер.

Декабрь

1

Страшный холод. Ездил в эту дурацкую типографию: просят до середы, но я от них не отстану. У парикмахера встретил По-

знякова, plus tantique que jamais*. Был в отчаянии, не бывши вчера с нами; будто его не хватало. «Ничего мне не удается в жизни», — говорил он. Бранил Дмитриева, говорил, что маменьки меня боятся. Письмо от Руслова очень трогательное. Был Тамамшев; Каратыгины зовут завтра. Вера Федор<овна> прислала билет. У Фокина была Павлова, Рутковская, разные господа. Молодой балетчик читал реферат дифирамбический Фокину, испещренный «eo ipso, conditio sine qua non, etc, mutatis mutandis»** и другим[1].

2

Целый день сидел дома; ясно, холодно, репетицию проспал, к Каратыгиным не поехал, застрял у Ивановых, где был Гофман и Минцлова. Гофман сказал, что видеть Наумова не хочет, но напишет ему несколько слов в моем письме. Написал на бумажке, дома я, конечно, прочитал: «Целую тебя; скоро надо будет тебя видеть, очень скоро, но не сейчас; в феврале я уйду. Если ты в силах и знаешь, откуда эти силы, помоги Кузмину». Что сей сон значит? Как мне помочь? Только отдаться. Без денег был меланхоличен. Играл и пел у Вячеслава. Даже у Наумова не был. Соберу ли имеющие быть собранными деньги? Сидел дома, пил чай, курил. Завтра придут милые юноши. Поездка в Москву; если бы были деньги, я был бы счастливейший человек. Перечитывал прошлогодний дневник, это был разгар судейкин<ской> эпопеи. 3-го — «счастливый день»[2]. Ну, будь что будет. Я ничего не пишу и, м<ожет> б<ыть>, нервничаю и преувеличиваю все. Давно я не видел милого Виктора Андреевича. Что-то выйдет из всего этого? Я, мудрый Machiavelli, знаю ли сам, что делаю? часто очень знаю. Луна и ясное холодное небо. Прибежал Гофман, приписать к записке, но написал новую: «Дорогой, люблю тебя и целую. Скоро тебя увижу, очень захочется. Хотел бы сегодня быть в Москве». Не совсем то же самое.

3

Теплее; ездил за конфетами; от Покровского записка, что не может быть. Поскакал на репетицию, которой не дождался, т. к. она начиналась в 9 ч.; прослушал только музыку. Был в мастерской, вспоминая прошлый год. «Мне всё здесь на память». Тот же Володя, тот же диван, то же кресло, тот же балкончик. Сомов не пришел, были только Нувель, Мирский и Позняков. Мирский ушел рано. Студент говорил, топая ногой, что ему нужно, чтоб его любили, хотя бы Сатана, что ему ничто не удается, и наконец лег на ди-

---

* Более теточного, чем когда-либо *(франц.)*.

** Ряд латинских выражений: тем самым; необходимое условие; и так далее; соответствующие изменения.

ван. Бранил Мирского, говорил, что Покровский любит проституток, что он хочет познакомиться с Огарковым и Табельской, что ничего не знает о половой жизни князя. Мирский идет в кавалерийское училище.

4

Днем сидел дома, отчего-то скучая, топил печь, дремал в полумраке, ничего не делая. Находят, что я сердит эти дни. Заходил к Ивановым. Поплелся к Коровину, у которого, оказывается, умерла бабушка, и обед отложен на субботу. Предупрежденный Бакст не известил нас. Поехал к Нувелю, где семейно и обедал. Позняков ему удивлялся, зачем я их зову. «Ну, а теперь Вы поняли, зачем Мих<аил> Ал<ексеевич> Вас зовет?» — «Да». На пьесе были Дмитриев, Позняков и Померанцев; Гога прицеплялся все ко мне. Свистали и хлопали, вызывали больше Добужинского; мне скорее не понравилось; есть какая-то немощь, а в постановке аккуратность Билибина[3]. Гулял какой-то доступный юноша, которого В<альтер> Ф<едорович> так и не абордировал*, к своему сожаленью. <Огия?> была крайне скучна, но лучше, м<ожет> б<ыть>, предыдущей. Зинаида упрекала меня за свиту гимназистов; хорошо, что есть впечатление свиты. Мне важнее, что говорят, чем что есть на самом деле. Позвал Дмитриева на пятницу. Был сердит и раздражителен, и отчего? Опять холодно. Денег ни копейки.

5

Билет на Дёнкан отдал деве; зашел к Чичериным, где девочка играла со мной в 4 руки, а потом танцевала с высоким уланом, их кузеном. На Изаи не попал[4], поплелся на «Действо», при пустом театре и шиканье. Все время сидел и ходил с некиим Фроловым из шахматного клуба, с красивыми и наглыми глазами юношей. Зашел в «Вену», где попал в объятья Толстого, Рукавишникова и Гидони. Дома насилу дозвонился Павла, звал дворника, пока не вышли кто-то от графини и швейцар их выпустил. На «Действе» надеялся видеть il principino с Корнилием.

6

Был в замке; все время сидел какой-то юнкер из кавалерийского, которого нельзя было выжить. Вчера был Гофман. В<иктор> А<ндреевич> стал похож на boy'я из Café de France. Обедал у Тамамшевых, юноши не было. От Руслова отличное письмо. Заезжала Волохова с m-me Блок звать меня к Озаровской, где будет Дункан, петь «Куранты» в греческом костюме. Черт знает, что за

* Зацепил (от *франц.* «aborder»).

ерунда. У Кондратьева был только Бер и кн. Гагарин. Тепло. Почему-то вспомнилось детство и жизнь на Острове.

7

Ездил за покупками. Пришел ненадолго Покровский, еще до меня. Я очень его люблю; не обещал скоро прийти. Поднявшись наверх, где были Гофман и Минцлова, прозевал Бера. Пришел Ауслендер и Позняков, оставшийся с твердым намерением довести дело до конца, в чем он и успел. Вот случай. Но я не скажу, чтобы это было без приятности. Опять закусывали и пили неодетыми. В рубашке, без pince-nez у него милый вид очень мальчика. Опять одеванье, проводы в 4 часа, прощанья. Он и не надеется, что это не для времяпрепровождения.

8

Что было, не помню. Обедали у Коровина. Да, был у Блок, причем застал только его жену. Вечер у Озаровских сегодня, но я не поеду, хотя друзья и отправились. Думая застать гимназистов, полетели на Офицерскую, но двери уже были заперты. Поплелись в «Вену», где никого не было. В<альтер> Ф<едорович> достал билет себе и Principino на балет; меня это очень шокировало: отказался от ложи и взял вдвоем, сунулся к Наумову, теперь к Principino, будто у него мало своих. Но, конечно, это зуб небольшой. У Коровина новая хозяйка с большим контральто и поганым ртом.

9

Сидел дома, никуда не выходя, скучал, не писал; поднимался к Иванову, но он был занят; письмо от Руслова; позировал девам. Поздно послал записку Гофману наверх: «Милый Гофман, спуститесь сейчас минут на 10, мне страшно, зову Вас, т. к. перед Вами мне не стыдно». Он прилетел, стал меня целовать, говорить, что все знает, что я его люблю, что скоро мне будет большая радость, и лез на меня. Я плакал, делал des yeux fayards*, клялся в любви к Наумову и, находя минуту удобной, сказал: «Помните, я не буду повторять этого: что бы Вы ни слышали, что бы Вы ни видели, что бы я сам ни говорил про себя — моя душа всегда чиста, я не изменяю своей любви». Когда он сидел на мне, обнявши, вошла Фима с карточкой Вяч<еслава> Ив<ановича>, зовущей Гофмана. Прилетел опять, целуя и трясь об меня животом в темной комнате, лопоча: «Теперь Вы понимаете etc.». Т. к. меня это не особенно импрессионировало, то мне не трудно было представить chaste et pure**.

---

* Мрачные глаза *(франц.)*

** Целомудренным и чис...м *(франц.)*.

Пошли к Иванову, играли, пели, читал «Мартиньяна», Иван<ов> ругался, я спорил, был нервен. Это не дорогого стоит. Гофман, увлекши меня в комнату и затворивши двери, опять делал попытки меня насиловать. Сказал, что каждый день будет ко мне приходить. Я бы обошелся и без этого. С Наумовым у них что-то было; главное, сказал, что Наумов ему сказал, что меня любит, что потерять меня не может, что вначале мог бы отдаться мне, но боролся, теперь не может, любя глубже, потом, если придется, опять сможет, не теряя любви и отношений. По-моему, Гофман не врал, и к чему бы!?

10

Утром телефонировал Нувель, когда я только что вставал. Principino был рассеян и небрежен. Прибежал Модест с объятьями и закрытием дверей. Приходил Вяч<еслав> Ив<анович>, я топил печку, читал ему Пролог, казался таинственным и переживающим кризис, пусть расскажет Модесту, тот Виктору, которого собирается теперь аккапорировать*. Звал к себе. Пришел Тамамшев, я одевался, у Ивановых пел Дон Жуана. Телефон от Principino, придет с Дмитриевым. Был мил, любезен, весел; я пел им, сплетничали, звал его к Сомову. Да, Позняков телефонировал, что сегодня не может быть, когда я звал его завтра.

11

Утром поехал к Нувелю и Сомову предупредить и звать их. К Блоку; оказывается, послал деньги по почте. Страшный холод. Заехал к Чичериным, ждал их, разговаривая с девочкой, что-то наигрывая. Дома уже был Потемкин, пришел Сережа и старейшины, забегал Модестик, звал завтра в училище. Все уселись на диван, и поднялась щупка, как в танцульке Народного Дома. Я стал целовать П<етра> П<етровича> и наконец нащупался до конца при всем честном народе, хотя и в темноте. Вот так случай. Прощаясь, я спросил: «Вы не сердитесь?» — «Нет, я был рад». В<иктор> А<ндреевич> прислал премилый ответ на стихотворение В<альтера> Ф<едоровича>.

12

Наумова в лазарете не было, но его вызвали из класса на минуту; говорил все с Модестом, но был, видимо, рад. Звал вечером. Заехал в цирюльню и к князю. Поехали: страшный мороз. К Сомову пришел и Валечка, хваливший меня за вчерашнее. Сомов позвал нас в воскресенье. Заехав за папиросами, насилу добрался домой, не пойдя ни к Кострич, ни к Ремизовым. Пришли Глеб Верхов<ский> и Зарецкий, почтительные и скромные. У дев был Са-

* Завладевать, присваивать (от *франц* «accaparer»)

шурок. Поднялся к Ивановым. Вяч<еслав> Ив<анович> уже спал. Я посидел, не говоря с Модестом, и ушел. Вдруг Анна Рудольфовна является ко мне и зовет наверх, в спальню Вячеслава. Какое-то двойное шарлатанство: мой кризис, провидение Минцловой, но, кажется, я не сбрендил. Гофманенок уже ждал меня с объятьями в «башне», потом утешение Марьи Михайловны — занятно. Ответа мне нет, не так торопится.

13

Проснувшись, я почувствовал кого-то в соседней комнате и испугался. Оказывается, проник Павлик. В<иктор> А<ндреевич> говорил по телефону, что ответить хотел вчера, письма же не писал. Просил в субботу днем или вечером. У Чичериных Кострич не было, но было неплохо: тихо, мирно, семейно. Играл Чайковского. Поднялся к Иванову поймать Модеста. Был Леман и Странден. Читал «Алексея». Модест спустился со мною, говорил, что это он отстранял Наумова от меня, теперь же за хорошее поведение сводит, что тот меня любит, но слабо. Выражал ему свое возмущение по поводу отношений В<иктора> А<ндреевича> к Нувелю; тот объяснял простою вежливостью. Недурно: очевидно, тут его запреты недействительны. Он глуп, но может пригодиться.

14

Позняков не пришел. Посылал за Гофманом, которого не оказалось. Пришла Минцлова, утешала меня, целовала в лоб, говорила, что полюбила меня, что не может быть, чтобы мне не помогли. Наверху у меня нашли вид аббата и шарлатана; пел, новые стихи посвятил Вяч<еславу> Иван<овичу>[5]. Минцлова взяла обещание, что завтра ей дам отчет после свидания. М<ожет> б<ыть>, я действительно на новой дороге. Завтра у Виктора. Что-то будет. Буду заниматься. Читал Bréviair[6], старательно делал ночной туалет.

15

Проснулся от мужских голосов, будто прямо у меня в ухе. Один говорил: «Те, что я надевал вчера, — не новые, а старые». Другой отвечал: «Слушаюсь». Писал, читал разные разности, бродил, курил, писал письма. Пошел снег, теплее, Сомов завтра отглашает[7]. В замке узнал, что Наумов еще в лазарете. У него была мать, он никуда не едет. Был душевен, но упорен, говорил, что может мне помочь, что уходить не надо, будем видаться каждый день, что это — и его путь, целовал, жал руки, плакал, на бумажке чертил «Мишенька, Мишенька». Это, конечно, лучшая помощь, но достаточная ли? но такая сладкая. Покровский не пришел. Поднялся, там была Герцык. Вышла книга Городецкого, кажется, плохая[8]. Модесту дал от-

чет; тот завтра хотел послать записку со мною. Завтра опять увижу, это сладкие обоюдные сети. Поехал в «Вену», как условились, друзья казались мне далекими. Были Потемкин, Платер и Раппапорт. Я сидел, как бонза, друзья сердились и смеялись, предполагая комедиантство. В<альтер> Ф<едорович> меня провожал, он тоже достаточно несчастен, но кто же виноват? Не сам ли сунулся он в эту кашу?

16

У него был Анненков, я чуть не засыпал, слушая рассказы о маневрах и смотря на Виктора. Заехал к Жеребцовой, домой. Вечером пришел Валечка и гимназисты. Позняков болен, получил от него письмо. Он бранил меня Огаркову, меня отовсюду ругают. Прибегал Модест, утром он тоже был, дал письмо (где говорилось, что В<иктор> А<ндреевич> не может не нуждаться во мне). Затворился от гимназистов со мною. В<альтер> Ф<едорович> пошел наверх, он наделает des gaffes. Откровенным я могу быть лишь с самим собою, как это ни тяжело. Прочитал Валечка свои стихи юношам, очень их шокировав и спугнув. Слушался бы лучше меня. Я его тревожу, и это меня радует, я и его могу провести. Завтра увижу моего ангела. Вяч<еслав> Ив<анович> выпытал у Нувеля почти все положение дел, причем был уверен, что я живу с Наумовым. Было почему-то очень, очень грустно. Планы опять начинают привлекать. Засяду в библиотеку, работа, свидания с милым Виктором, будущий год — все светло влечет меня. Я мог бы быть бесконечно счастлив: читать около него, когда он занимается, — разве это не счастье? И Модест, и Минцлова — христианские друзья.

17

Тепло, хорошо. В типографии ничего. От сестры милое письмо. У Наумова было беспокойно, но бесконечно мило и любовно. Несколько раз он был готов вдруг целовать меня, но сидел дежурный юнкер. Кончаю «Анну Мейер». Просматривал старые планы: тихо, мирно, зовет к работе. Сидел с Ел<еной> Ив<ановной> и Ольг<ой> Павл<овной>; пришел Сомов; только что я поднялся, пришли сказать, что пришел Потемкин. Пришел, чтобы быть со мною еще раз, говорит, что давно этого хотел, не хотел, чтобы я уходил. Наверху читал рассказ, пели. Мои друзья мне дороги; с такими костылями можно идти на небо[9]. Спал неплохо, но проспал; не могу наладиться.

18

Ездил, будто к вечерне, в замок. Что-то лесковское есть теперь в моем положении. Пришел Тамамшев. Марья Петровна уехала в Нижний. Поднялся наверх на минуту, поехал все-таки к

Валечке. Были Бакст и Потемкин, потом Сомов и Дягилев; я все вспоминал вчера, когда здесь сидел В<иктор> А<ндреевич> и все было по-другому, и мне было грустно почти до слез. Что все мне без него! держит он меня крепкими цепями. Уехал с Дягилевым, Сомов сбежал раньше.

19

Был опять у своей вечерни; я бы не мог теперь не видеться каждый день. Ехал с Елиз<заветой Н<иколаевной>. После обеда ходил к Чичериным просить шубы, которые оказались отправленными в Покровское; болтали; едят постное, в черном. Заходил купить кое-что, поднялся к Ивановым, играл «Алекс<андрийские> песни», Бетховена. Минцлова просила купить ей ладану. Модест спустился ко мне, благословлял меня, я же подарил ему складень литой. У меня теперь есть братья и сестры. Но неужели я не попаду к Варе? Не надо никого обижать, но это и дорого, и как же без шубы? Сережа уехал еще в воскресенье. Завтра, клянусь, начну по-новому. Vita nuova. Ни минуты <не> терять.

20

Встал поздно; это — не дело. Видел Бакста, вчера меня ждали у Бенуа. Поехал к вечерне. Хотя у него болела голова, был мил и близок; передал поцелуй Модеста. Поехал к Ремизовым, которые уже обедали. Не ел, пили чай, болтали, читал повесть. Сер<афима> Павл<овна> поехала со мной, было весело, заезжал за баранками. Затопил печку, пили чай, пошли наверх. Все музицировали. Анна Руд<ольфовна> хотела мне что-то сказать хорошее. М<ожет> б<ыть>, Виктор уедет — это лучше. Я очень мучаюсь, обижая сестру. Я очень светел и спокоен. Письма от Ликиардопуло и Познякова; стихи возможны к Пасхе. То-то было бы хорошо!

22

Куда-то пропал день из дневника. Не могу понять, куда я его дел. Встал под колокольный звон рано; ходил к парикмахеру, за папиросами и к милому Наумову, где были брат и мать, было истерически беспокойно. Потом он был мил, как всегда. Открытка от Модеста. После обеда заехал к Нувелю, разболтал ему все, он был импрессионирован, плакал в мой жилет; потом ненадолго зашли в «Вену», где Липкин спрашивал у меня адрес Судейкина. Ехал оба раза мимо милого замка. Что-то будет?

23

Опять мороз и солнце. Был ласков и укреплял меня. Но вечером опять напала тоска, звонил три раза к Леману, видел Веру

и Сергея. Несколько успокоился, писал письма. Пришел Леман, говорил поразительные вещи по числам, неясные мне самому. Дней через 14 начнет выясняться В<иктор> А<ндреевич>, через месяц будет все крепко стоять, в апреле—мае огромный свет и счастье, утром ясным пробужденье. Очень меня успокоил. Написал сестре и тете. Завтра пойду наверх. Оба хотим ко всенощной. Да, Леман советует не видеться дней 10, иначе может замедлиться, но это очень трудно. Апрельское утро придет, что бы я ни делал. Проживу до 53 л<ет>, а мог бы до 62—<6>7<-ми>, если бы не теперешняя история. Безумие не грозит.

24

Утром заходил к Чичериным, их не было дома; ждал, сидя на полу у шкапа и разбирая книги. На подъезде ветки от елок, будто кто умер. Видел нашего ангела. Поднялся наверх. Была елка, было неплохо, но сидел недолго, чувствуя себя нездоровым[10]. Встретил m-me Бенуа, звавшую на елку, но отказался. Там, оказалось, Нувель напропалую сплетничал обо мне и моем отшельничестве. От Модеста открытка. Ивановы очень милы и ласковы, это большое счастье, что они такие соседи.

Без...*

25

Забегал Леман. Был у В<иктора> А<ндреевича>, он светел, тих, вчера сидел с лампадой в пустой камере, ухаживает за больными, подарили ему новую неудобную палку. Приехал Нувель, сказавший, что Бенуа очень зовут, что у Дягилева ко мне дело и т. д. Поплелся, но плохо сделал. Все мне казались чужими. Сергей Павл<ович> хвастался Нижинским, спрашивал советов, которым не последует. Читал рассказ и стихи, не понравившиеся. Без меня был Позняков, обещавший прийти завтра. Спал плохо, с кошмарами; еще не могу выходить один, без anges gardiens.

26

Видел Лемана. В замок не ездил. Боль в голове; неприятно после вчерашнего. Забегал наверх, играл с Сергеем в войну, мирно беседовал. Позняков пришел во время обеда, ждал меня, пил чай, был нежен, обещал прийти завтра вечером. Расположился у дев писать письма, как пришла за мной Вера сверху. Там были Беляевские и потом вся семья Курдюмовых. Ан<на> Руд<ольфовна> говорила, что чистота отношений — деталь, не обязательная всем, но главное не в том. В конце января она вернется. Болела голова. Что-то в замке?

* Фраза не дописана.

27

Был в замке. Он читает «Идиота», был нежен, но смутен, поцеловал на прощанье. В балет не пойдет, я очень рад; просил принести музыки на время, хотел бы слышать Баха. Какое будет счастье, когда он будет выходить! Обедал вдвоем с глухой барышней. Расспрашивала о Наумове. Поднялся наверх. Когда пришел Позняков, за мною послали. Как все-таки человек делается бесконечно ближе и милее после обладания. Иванов предполагает у меня нечто вроде «Огненного Ангела»[11] и, м<ожет> б<ыть>, не ошибается.

28

Был, где бываю. Заходил князь Св<ятополк->Мирс<кий>. На 3<-м> «Вечере совр<еменной> музыки» продавали кустарн<ые> блюдечки с моей персоной. Посидели тихо-мирно. Наверху была Герцык, потом Сомов, Нувель и Бакст, это до смешного все идет теперь мимо меня. Но мне было очень хорошо и светло. Мар<ья> Мих<айловна> нездорова. Милый мой огненный ангел всего меня наполняет и ведет к тропам неведомым. Молился. Нужно возобновить лампады. Укладывали Костю спать.

29

Стриг меня молодой Георгий, я буду всегда его спрашивать. В замке было не очень хорошо, хотя и не плохо: слишком весел и резов, все время хохотал. Очень холодно. Пришел Леман с предсказаниями. Я будто в сказке или романе. Не портит ли он нам? ведь и он был в меня влюблен. Поднялись наверх. Были Чулков и Перемиловский, скучные батюшки. Вернулся, пил чай и что-то долго рассматривал. Спал спокойно. Молился. Днем видел ангела в золот<исто->коричневом плаще и золот<ых> латах с лицом Виктора и, м<ожет> б<ыть>, князя Жоржа. Он стоял у окна, когда я вошел от дев. Длилось это яснейшее видение секу<нд> 8.

30

Пошли часы, стоявшие больше 4-х месяцев; теплее, встал рано. В замке было очень приятно, хотя не тяготят ли его мои посещения? Видел на лестнице Минцлову. Торопился от Чичериных, думая попасть еще наверх, но не поспел. Посещение Захарьевской, хотя там были только Кострицы и Врасский, отозвалось плохо. Кто-то ругает, кто-то хочет меня петь. Вчера в Вергилии мне вышло: «Nulla meis sine te quoratus gloria re...»[12], как это верно. Что-то меня тяготит. Фиксирую апрельское утро. Я очень оторван, и будто уходит почва из-под ног.

31

Был в замке. Хорошо. Ангел хранит меня. Церковь Павла, Михаила Архангела[13]. Дома показывал лестовки etc., лил воск, беседовал с бедной Ольгой Павловной. Около 12-ти ушел и стал молиться. Наверху была будто Пасха, свечи, цветы, поцелуи; вернулись дети, забегал Леман, приехали Герцык. Играл 4-ю симфонию. Просидел до 6-го часа. Вот и новое лето Господне, благоприятно[14]. Високосный год. Письмо от Модеста утешительное. Что-то сулит мне все это? Часы идут — это чудо.

КОММЕНТАРИЙ

Первый том дневника М. А. Кузмина включает записи с 22 августа 1905 по 31 декабря 1907 г. (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 51—53. По авторской нумерации тетради №№ I, II и половина III)*. Публикуется также начало машинописной копии первой тетради, сделанной в 1920-е гг. (Ед. хр. 50а). Копия начинается с 22 августа 1905 г., тогда как первая рукописная тетрадь дневника начата 2 сентября того же года. Это позволяет предположить существование не дошедших до нас вкладных листков в первую тетрадь. (Подобным образом на вкладных листках сделаны записи с 4 по 9 марта 1906 г., которые Кузмин вел во время поездки с П. С. Мошковым по Новгородской губернии.) Отметим, что 18 июля 1906 г. Кузмин писал Г. В. Чичерину: «Дневник я веду с сентября, и Сомов, В. Ив<анов> и Нувель, которым я его читаю, находят не только лучшим моим произведением, но вообще каким-то мировым „факелом" вроде Confessions Руссо и Августина. Только мой дневник чисто реальный, мелочной и личный» (*Перхин*. С. 216).

В тетради за 1906 г. сложенными треугольником листками, наподобие того, как Кузмин отделял в дневнике один год от другого, выделен текст, озаглавленный «Histoire édifiante de mes commencements» («Поучительная история моих начинаний»). Эта запись выбивается из общей хронологии и служит своего рода вступлением к дневнику, описывая события с самого раннего детства автора до переезда в сентябре 1905 г. на квартиру сестры и зятя. «Histoire...» написана Кузминым летом 1906 г. в Васильсурске.

Принципы передачи текста приняты следующие:

— орфография и пунктуация Кузмина, в дневнике крайне неустойчивые, приведены в основном к современным нормам правописания. Сохранено авторское написание лишь отдельных слов, если Кузмин придерживался его постоянно (галстух, имянины, мятель, песеньки, пьянино и др.);

— недописанные и сокращенные слова (кроме общераспространенных сокращений) раскрываются в угловых скобках. Предположитель-

*Список принятых сокращений см. на с. 443—444 наст. изд

ное чтение дается также в угловых скобках, но со знаком вопроса. Публикаторские конъектуры (в угловых скобках курсивом) сведены к вставке пропущенных, но необходимых по смыслу слов и обозначению неразобранных мест. В квадратных скобках восстановлены отдельные зачеркнутые в дневнике слова и фразы — когда их удалось прочитать и восстановление зачеркнутого имеет смысловое значение. Авторские подчеркивания переданы курсивом;

— поскольку дневник иногда заполнялся задним числом, иногда после длительных пропусков (в ряде случаев до 1—2-х недель), встречаются сбои в датировке, которые Кузмин своевременно не замечал. Спустя несколько дней автор приходил к правильной хронологии, но не утруждал себя исправлением датировок прежних записей. Таким образом появляются две записи под одним и тем же числом, встречаются ошибки в днях недели и т. п. Эти погрешности исправлены без оговорок.

Переводы иноязычных текстов и текстологические пояснения помещены под строкой. Перевод, как правило, дается один раз, при первом употреблении слова или выражения. Распространенные иностранные слова и выражения, часто сохраняющие в русской печати свое написание (madame, monsieur, tête-à-tête, rendez-vous, pince-nez и т. п.) оставлены без перевода. Искаженные Кузминым фамилии, которые он со слуха или по небрежности записывал то так, то этак (Гжебин и Гржебин, Соллогуб и Сологуб, Анджакович, Анжикович и Инжакович и т. п.), даны в традиционной транскрипции. За консультации при переводе и расшифровке иноязычных текстов публикаторы приносят благодарность М. Л. Гаспарову и Н. В. Котрелеву.

Частично текст первой тетради дневника по машинописной копии, хранящейся в *РНБ*, был опубликован Ж. Шероном (*WSA*. 1986. Bd. 17), фрагменты, связанные с именем А. А. Блока, — К. Н. Суворовой (см.: *Суворова*), «Histoire édifiante de mes commencements» — С. В. Шумихиным (полностью — *МКиРК*, с купюрами — Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 232—248). Чрезвычайно разросшийся объем комментария заставил отказаться от попытки сделать его исчерпывающим и исключить сведения, легко добываемые из справочной литературы.

В опубликованном «Дневнике 1934 года» (СПб., 1998; *ДК-34*) Кузмин ретроспективно описывал события, упоминаемые на страницах публикуемого дневника. В комментарии в таком случае дается отсылка к соответствующей странице *ДК-34*.

Указатель имен включает все упомянутые в дневнике имена реальных лиц (исключая литературных, библейских и мифологичеких персонажей, а также владельцев фирм и торговых предприятий, типа: «Жорж Борман», «Палкин», «Филиппов»).

Ввиду большого объема самого текста и громадного количества событий, там упомянутых, комментаторы отдают себе отчет, что далеко не все обстоятельства удалось откомментировать, равно как и не удалось собрать сведения о многих людях, имена которых попали на страницы дневника. Комментаторы будут признательны всем, кто сообщит любые дополнения или исправления к примечаниям и именному указателю.

Принятые сокращения

Блок — Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960—1963.

Блок в воспоминаниях — Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. В. Н. Орлова. М., 1980.

Богомолов — Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995.

ГРМ — Сектор рукописей Государственного Русского музея.

ДК-34 — Кузмин М. Дневник 1934 года / Под. ред., со вступ. ст. и примеч. Г. Морева. СПб., 1998.

ЗиП — Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890—1910-х годов: Записки очевидцев. Л., 1991.

Иванов — Иванов Вяч. Собр. соч. / Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель, 1971—1986. Т. 1—4.

ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы РАН.

Кузмин — Кузмин М. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова. СПб., 1996 («Новая библиотека поэта»).

ЛН — Литературное наследство (с указанием тома и книги).

МКиРК — Михаил Кузмин и русская культура начала XX века: Тезисы и материалы конференции 15—17 мая 1990 г. Л., 1990.

НЛО — Новое литературное обозрение (журнал).

Переписка с Мейерхольдом — Переписка М. А. Кузмина и В. Э. Мейерхольда 1906—1933 / Публ. и примеч. П. В. Дмитриева // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1996. Т. 20.

Перхин — Перхин В. В. Шестнадцать писем М. А. Кузмина к Г. В. Чичерину (1905—1907) // Русская литература. 1999. №1. Цитируется с исправлениями многочисленных неточностей по автографам (*РЦХИДНИ*).

Пяст — Пяст В. Встречи. М., 1997.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (бывшей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (бывшей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Рудницкий — Рудницкий К. Л . Режиссер Мейерхольд. М., 1969.

РЦХИДНИ — Письма М. А. Кузмина к Г. В. Чичерину 1905—1907 гг. // Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 159. Оп. 1. Ед. хр. 48.

Сомов — Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Воспоминания современников / Вступ. ст., сост., примеч. и летопись жизни и творчества К. А. Сомова Ю. Н. Подкопаевой и А. Н. Свешниковой. М., 1979.

Суворова — Письма М. А. Кузмина к Блоку и отрывки из дневника М. А. Кузмина / Предисловие и публ. К. Н. Суворовой // ЛН. М., 1981. Т. 92. Кн. 2.

Театр — Кузмин М. Театр: В 4 т. (в 2 кн.) / Сост. А. Г. Тимофеева. Berkeley Slavic Specialties, [1994].

WSA — Wiener slawistischer Almanach. Wien (с указанием номера тома).

ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.

1905

Август 1905

1. Кузмин вернулся из Щелканова, имения Верховских, где он проводил лето 1905 г., в начале августа и оказался в положении, о котором сообщал 5 августа Г. В. Чичерину: «У Казакова пустота и пыль, в Удельной теснота и скука, наше дело затянулось на самое неопределенное время, т. к. деньги признаны не отцовскими, а матернеми <*так!*>, после которой я хотя и единственный по завещанию, но совершенно еще не утвержденный наследник» (*РЦХИДНИ*. Л. 64—64 об). *Чек* — денежный перевод от Г. В. Чичерина. Об обстоятельствах денежных взаимоотношений Чичерина и Кузмина см. письмо Чичерина к его невестке от 22 ноября (5 декабря) 1904 г.: «Многоуважаемая Наталия Дмитриевна, обращаюсь к Вам, так как Вы с самого начала отлично отнеслись к Кузмину и сумели оценить его выдающуюся натуру. Умоляю Вас теперь заняться им. Продолжавшаяся почти $^1/_4$ столетия жизнь разрушилась. Он с детства жил вдвоем с матерью и теперь остается совершенно один. Он несомненно вполне беспомощен и растерян. Нельзя его так оставить без содействия. <...> Как устроить его? Как устроить его ноты, вещи, книги, фортепиано? <...> Он „менестрель на готовых хлебах", он таким создан и таким должен быть. Я считаю для себя возможным уделять на него 100 руб. в месяц <...>. Может ли он на 100 руб. в месяц иметь комнату с пансионом и все остальное? Больше 100 р. было бы мне затруднительно. Это все надо серьезно постепенно обдумать. М<ожет> быть, он предпочтет устроиться как-нибудь иначе. Главное сейчас — поддержать его в *первое время* катаклизма. Еще раз умоляю Вас заняться им! Глубоко Вас уважающий Ю. Чичерин». (*РНБ*. Ф. 1030. Ед. хр. 16. Л. 5—5 об.). И в дальнейшем (до какого времени — нам неизвестно) эта помощь продолжалась. 1 (14) февраля 1907 г. Чичерин писал ей же: «У меня значится, что в 1905 было передано Николе <*Н. В. Чичерину*> для Кузмина 1200 р. от 1/X 905 до 1/X 906; в 1906 было передано Николе для Кузмина 1200 р. от 1/IX 1906 до 1 /IX 907» (*Там же*. Ед. хр. 58. Л. 3).

2. Имеется в виду ресторан при Мариинской гостинице (Чернышев пер., 3), бывший в то время одним из любимых мест Кузмина. «Ресторан <...> был рассчитан на своих постояльцев — гостинодворских купцов, промышленников, коммерсантов, старших приказчиков. Здесь можно было заказать чисто русскую еду, официанты были в белых брюках и рубахах с малиновым пояском, за который затыкался кошель — „лопаточник". <...> По вечерам здесь играл русский оркестр, музыканты были в вышитых рубахах» (*ЗиП*. С. 103).

3. Речь идет, по-видимому, о желании Кузмина продать свои старопечатные духовные книги. С. Т. *Большаков* и И. С. *Макаров* — знакомые Кузмину торговцы иконами и киотами в Апраксином рынке. *Скро-*

ботов — вероятно, редактор «Петербургского листка» Н. А. Скроботов, собиратель древностей; *Академии* — здесь: духовные.

4. *«Pierre Nozière»* («Пьер Нозьер») — вторая часть автобиографической тетралогии А. Франса. Первое издание вышло в 1899 г.

5. Имеется в виду введение Кузмина в наследство после смерти матери, о чем многократно упоминается в дальнейших записях.

6. Вероятно, речь идет о письме Чичерина от 18 (31) августа 1905 г. с денежными распоряжениями (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 143—144).

7. *«Лимонарь»* («Луг духовный», в древнерусских списках часто называется также «Синайский патерик») — агиографическое сочинение византийского духовного писателя Иоанна Мосха (конец VI—начало VII в.), представляющее собой собранные в монастырях Палестины, Сирии, Египта, Каира, Константинополя и Рима повествования о жизни христианских подвижников, а также их изречения и нравоучения.

8. *«Аида»* (1870) — опера Д. Верди.

9. Вероятно, ноты оперы В. А. Моцарта *«Свадьба Фигаро»*.

10. Об А. Бехли, знакомом Кузмина, см. в «Histoire édifiante...» и в указателе имен.

11. В письме Чичерина от 21 августа (3 сентября) 1905 г. говорилось: «И кусты в цвету, и Ра-Гелиос великолепны. Это такое *воскрешение целого мира*, с деталями, и именно деталями, воскрешающими l'âme des choses <душу вещей>, — как будто ты там был! — и так морбидно, такие выразительные стихи, размеры, распределение строки, что прямо великолепно» (Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 145). Речь идет о стихотворениях из «Александрийских песен» — «Сегодня праздник: / все кусты в цвету...» и «Солнце, солнце / божественный Ра-Гелиос...» (*Кузмин*. С. 116—117, 124).

12. *«Миньона»* (1866) — опера А. Тома; *«Pêcheurs de perles»* («Искатели жемчуга», 1863) — опера Ж. Бизе.

13. Речь идет о репродукции с картины С. Боттичелли «Весна» (ср. запись от 26 сентября 1905 г., где говорится о присланном Чичериным снимке с этой картины).

Сентябрь 1905

1. Письмо такого содержания от Г. В. Чичерина не сохранилось, однако смысл его высказывания понятен: нужно продавать все ценные бумаги, пока они не обесценились. Ср. примеч. 12, ноябрь 1905 г.

2. Имеется в виду повесть в трех частях «Крылья», которую Кузмин здесь и далее в дневнике называет романом. Впервые была опубликована в «Весах» (1906. № 11), где заняла весь номер журнала.

3. Магазин по продаже шоколада фирмы «И. Крафт» (владелец — фирма Е. И. Крафт и наследники) находился на Итальянской ул., 10/5.

4. *«Лоэнгрин»* (1848) — опера Р. Вагнера.

5. *Жюссеран* (Jusserand) Жан Адриан Антуан Жюль, советник французского посольства в Лондоне, автор трудов по истории анг-

лийского театра и литературы: «Le théâtre en Angleterre depuis la conquête jusqu'aux prédécesseurs immediats de Shakespeare» (1877), «Les Anglais au moyen âge: la vie Nomade et les routes d'Angleterre au XIV siècle» (1884), «Le roman anglais: origine et formation des grandes écoles de romanciers anglais du XVIII siècle» (1886), «Le roman au temps de Shakespeare» (1888).

6. Вариант стиха из «Заключения» к циклу «Александрийские песни» (окончательный текст: «Ах, покидаю я Александрию <...> Ах, покидаю я тебя, моя радость»). См.: *Кузмин*. С. 133.

7. *«Livre de morts»* («Книга Мертвых») — памятник древнеегипетской священной литературы. Кузмин мог иметь в виду также исследование французского египтолога Г. Масперо (Maspero) «Le livre des Morts» (1887).

8. *«Гармахис и Клеопатра»* (1905) — опера Кузмина. Клавир 1-й картины см.: *РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 17. См. в письме к Г. В. Чичерину от 25 сентября (7 октября) 1905 г.: «Я <...> начал музыку „Гармахиса", как на имевшиеся слова в наличности. Написал больше половины первой картины, хотя я теперь увлекаюсь больше Италией и XVIII веком...» (*Перхин*. С. 208).

9. *«Снегурочка»* (1881) — опера Н. А. Римского-Корсакова; *«Manon»* («Манон», 1884) — опера Ж. Массне.

10. *«Scialti di tutte qualitate amanti»* (в переводе Евг. Солоновича: «Иной устав, чем у других людей») — последняя строка сонета XV Петрарки на жизнь мадонны Лауры.

11. Возможно, имеются в виду работники живописной мастерской Ивана Андреевича Пашкова (помещалась на М. Охте, Сборная ул., 17).

12. Имеется в виду книга: Einstein Lewis. The Italian Renaissance in England. New York; London, 1902.

13. Обыгрывается название комедии Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро».

14. 25 сентября (7 октября) Кузмин писал Чичерину: «Я сбрил бороду и усы и сам еле узнаю себя, я стал похож на Casanov'у или Калиостро» (*Перхин*. С. 208).

15. *«Евлогий и Ада»* (1904), *«Грех да Беда на кого не живет»* (по А. Н. Островскому; 1901) — оперы Кузмина. О соотношении первой из них с ныне опубликованной «Комедией из Александрийской жизни» см. в коммент. А. Г. Тимофеева (*Театр*. Т. IV. С. 384).

16. *«Самсон и Далила»* (1877) — опера Ш.-К. Сен-Санса. *«Буря»* (1612) — драма У. Шекспира.

17. *«Троил и Крессида»* (1602) — комедия У. Шекспира.

18. Посвящение «А. Б.» — очевидно, Алеше Бехли. С этим посвящением опубликован цикл стихотворений Кузмина «XIII сонетов» (Зеленый сборник. СПб., 1905 — первая публикация стихов Кузмина без музыки), инициалы «А. Д. Б.» упоминаются в 5-м и 7-м стихотворениях цикла «Сонеты» (см.: *Кузмин*. С. 594, 608—609).

19. Ср. в позднейших воспоминаниях о Кузмине О. Н. Гильдебрандт-Арбениной: «Рассказывал со смехом о Римском-Корсакове. Как он стал писать „римскую" оргию. Кто-то спросил его: „Но ведь вы

же не пьете?" — он объяснил, что выпил как-то немного портвейна или мадеры» (Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Т. 1. С. 267).

20. *«Германия»* — опера Альберто Франкетти, на премьере которой при открытии театра «Новая опера» был С. А. Ауслендер (см. запись от 1 октября).

21. *«Двенадцатая ночь, или Как вам угодно»* (1600) — комедия У. Шекспира.

22. «Историко-художественная выставка русских портретов», устроенная С. П. Дягилевым, открылась в марте 1905 г. в Таврическом дворце при содействии великого князя Николая Михайловича, добившегося высочайшего покровительства выставке и ставшего председателем ее Комитета. Выставка устраивалась «в пользу вдов и сирот павших в бою воинов»; по ее материалам великий князь осуществил пятитомное издание «Русские портреты XVIII—XIX столетий» (СПб., 1905—1909).

23. Речь идет о репродукциях Боттичелли и английского художника-прерафаэлита Э. Берн-Джонса. 28 сентября 1905 г. Кузмин писал Чичерину: «Милый Юша, я получил посланные тобою снимки с Primavera и пр.: Как мне тебя благодарить? <...> Я несколько скучаю, пишу „Гармахиса" и читаю итальянских кватрочентистов. Я написал еще 3 александрийских песни (слова)» (*РЦХИДНИ.* Л. 30).

24. Имеются в виду писчебумажный магазин Н. В. *Гаевского* и магазин перчаток Германа-Вильгельма *Книгге*, размещавшиеся на Литейном пр. (д. 28 и 38).

25. *«Фиделио»* (1805) — опера Л. ван Бетховена.

26. Подразумевается нотный магазин П. И. *Юргенсона* (Морская ул., 9/13).

27. Вероятно, имеется в виду итальянский искусствовед и историк Адамо *Росси*, автор книг о Данте, Перуджино, Пинтуриккьо.

28. Роман Э. Гонкура *«La Faustin»* (1882; в рус. пер. «Актриса Фостэн») — одно из любимых произведений Кузмина. Ср.: «Иль то страницы из Гонкура, / Где за стеной звучит орган?» (*Кузмин.* С. 239).

Октябрь 1905

1. Ректор Московского университета *С. Н. Трубецкой*, член «Союза освобождения», скончался от сердечного приступа в возрасте 43-х лет в Петербурге после приема у министра народного просвещения, продолжавшегося свыше двух часов, где получил выговор за допущенные в университете студенческие волнения. Смерть Трубецкого в печати называли «чрезвычайно чувствительным ударом по освободительному движению».

2. Описываются проводы тела С. Н. Трубецкого на Николаевский вокзал от Еленинской больницы по Суворовскому пр., где жил Кузмин. Похороны Трубецкого состоялись в Москве.

3. Речь идет о письме Чичерина от 30 сентября (13 октября) 1905 г., где говорилось: «Крайне интересно, что ты приступил к „Гармахису" (а „Асторре"?). Но если душа теперь не там, вряд ли выйдет. Когда-то существовал миф, будто ты можешь писать только элементарно и бед-

но, <...> и в этом усматривался особый смысл. <...> Когда-то ты мог хорошо писать только совсем маленькие вещи. <...> Даже — вещи *средней* обширности и развитости. <...> Но „Гармахис" построен так мистерийно и требует симфонического развития!» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 155—156).

4. См.: Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. *Домициан*, 22.

5. Письмо Кузмина к Чичерину, о котором идет речь, с подробным разбором музыки Регера см.: *РЦХДНИ*. Л. 24—25.

6. Вероятно, имеется в виду период 1903—1904 гг., когда Кузмин писал музыку к сонетам Шекспира.

7. *Symphonia Domestica* — известная «Домашняя симфония» Р. Штрауса (1903). О присланных партитурах Регера, Малера и Штрауса см. подробное письмо Кузьмина к Чичерину от 7 октября (*РЦХИДНИ*. Л. 26—28).

8. «*Meistersingers*» («Нюрнбергские мейстерзингеры», 1867) — опера Р. Вагнера.

9. «*Современники*» — участники музыкального кружка «Вечера современной музыки», существовавшего в Петербурге в 1901—1911 гг. В состав дирекции кружка входили композитор И. Кржановский, музыкальные критики В. Каратыгин, А. Нурок, пианист А. Медем и др. Кружок устраивал концерты, на которых исполнялись произведения русских и западноевропейских композиторов, преимущественно модернистского направления.

10. Об этих планах см. в письме к Чичерину от 7 октября: «Теперь я гастролирую со чтением своего романа „Крылья"; на днях читаю у Нурока, где очень хочет со мной познакомиться Сомов художник. Собираюсь продолжать александрийские песни, написать сцены (драматические) из той же эпохи, что „Евлогий", — „Возвращение Филострата" и прозой: „Поучительная повесть об Елевсиппе, рассказанная им самим"». (*РЦХИДНИ*. Л. 28). Несколько позже, в недатированном письме, следовал рассказ об успехе «Крыльев»: «Чтение „Крыльев" произвело такой фурор, что Сомов, заявляя, что „ничего лучшего не читал", ловит всех, кто не всецело занят политикой, на улицах, говоря об открытии, и куча народу хочет еще собираться у Нурока (между прочими, обещают Л. Андреева слушать. Печатать хотят устроить в „Грифе", м<ожет> б<ыть>, с Сомовской обложкой» (Там же. Л. 74 об; ср. запись от 13 октября).

11. Автоцитаты из стихотворений «Что ж делать...» и «Сладко умереть...», включенных в раздел IV («Мудрость») цикла «Александрийские песни» (*Кузмин*. С. 121—124).

12. См. примеч. 11, май 1906 г.

13. *В. Р. Менжинский* был одним из участников «Зеленого сборника стихов и прозы» (1905), где дебютировал в печати Кузмин. Менжинский поместил в сборнике «Роман Демидова». Подробнее см.: Дворникова Л. Я. Автор одного романа: Письма В. Р. Менжинского к В. Н. Верховскому // Встречи с прошлым. 2-е изд. М., 1987. Вып. 4. С. 103—107. Следует отметить, что «Роман Демидова» не был единственным известным произведением Менжинского; так, он печатался в «Проталине» (СПб., 1907), также вместе с Кузминым.

14. *«Азбука в картинах Александра Бенуа»* была роскошно издана Экспедицией заготовления государственных бумаг в августе—сентябре 1905 г. (факсимильное переиздание: М., 1990).

15. *Щелканово* — имение Верховских в Смоленской губ. Кузмин гостил там летом 1905 г. (см. «Histoire édifiante...»). «Зеленый сборник» имеет на титульном листе обозначение фиктивного издательства «Щелканово».

16. Несколько измененная автоцитата из стихотворения «Не во сне ли это было...», примыкающего к «Александрийским песням», но не вошедшего в основной текст (*Кузмин.* С. 615). В оригинале: «И пахло чесноком и рыбой».

17. Е. Иванов приводит примеры профессионального жаргона московских и нижегородских цирюльников (возможно, отличавшегося от аналогичного петербургского). Можно предположить, что *«коробка»* равнозначна выражению «картонка» — т. е. клиент, не дававший на чай; «сесть в картонку» (коробку?), по Иванову, означало остаться без чаевых; «сквозной» посетитель — тот, о котором у Иванова говорят «пролетел», т. е. опять же клиент, не дающий чаевых (см.: Иванов Е. П. Меткое московское слово. М., 1989. С. 190, 217, 220). Не исключено также, что Кузмин неточно воспроизвел в дневнике выражения парикмахера, поскольку записи нередко делались не сразу после событий.

18. *«Le lys rouge»* («Красная лилия», 1894) — роман А. Франса (рус. пер. — 1901).

19. *«Содружество»* — книгоиздательское предприятие 1905 г. (им были выпущены «Собрание стихотворений» Л. Д. Семенова, «Собрание стихов» С. К. Маковского и др.). Подробнее см.: *ЛН.* Т. 92. Кн. 4. С. 394.

20. Имеется в виду персонаж «Крыльев», которому Кузмин дал имя Ларион Дмитриевич *Штруп.* В адресной книге «Весь Петербург» значится несколько жителей с такой фамилией. В круг общения Кузмина и Чичерина входил музыковед Н. М. Штруп (см. запись от 17 января 1906 г.).

21. Нелюбовь Кузмина к созданию запасов была существенной чертой его характера, которую можно определить как «принципиальную беспечность», «жизненный фатализм», пренебрежение «заботами о завтрашнем дне» (возможно, опирающиеся на слова Христа о «птицах небесных»). До конца жизни Кузмин определял беспечность не как недостаток, а как дар Божий. Ср. в записи от 22 августа 1905 г. о Г. М. Казакове: «Беспечность этого человека феноменальна и действует очень ободряюще». В воспоминаниях И. В. Одоевцевой (впрочем, сильно беллетризированных и не всегда достоверных) есть позднейшее свидетельство, отнесенное к 1921 г.: «Другая — уже житейская, бытовая — странность Кузмина: он не позволяет делать запасов. Никаких продовольственных запасов. К отчаянию ведущей его и Юрочкино <*Ю. И. Юркуна*> хозяйство матери Юрочки. Как-то ей удалось выменять на предметы своего скромного гардероба несколько фунтов сахара и четыре бутылки подсолнечного масла, но Кузмин тут же, несмотря на ее слезы и мольбы, вылил масло в раковину умывальника, оставив

только одну бутылку, и, выйдя на улицу, раздарил встречным детям сахар — кроме одного фунта. Фунт не представляет собой запаса» (Одоевцева И. Избранное. М., 1998. С. 535—536).

22. *«Гриф»* — московское символистское издательство, возглавлявшееся поэтом С. А. Соколовым (псевд. — С. Кречетов), в литературных кругах также часто именовавшимся Грифом. Ср. также примеч. 10.

23. *«Гелиос»* (впоследствии — Санкт-Петербургское общество электрических сооружений) — одна из шести электрокомпаний, обслуживавших Петербург. Здесь имеется в виду забастовка ее работников.

24. С 1 октября 1905 г. в Петербургском университете шли еже-дневные митинги, в которых принимали участие члены различных партий. 12 октября 1905 г. днем в Петербурге был расклеен приказ Д. Ф. Трепова войскам: «Патронов не жалеть. Холостых залпов не давать». Совет профессоров решил под влиянием этого приказа закрыть университет, но совет старост ответил на это намерение категорическим отказом, оставив за собой право устройства митингов. Занятий, разумеется, никаких не велось. Собравшееся 13 октября 1905 г. в Технологическом институте заседание Совета рабочих депутатов объявило всеобщую забастовку. В последующие дни антиправительственные митинги шли в университете, окруженном войсками, и других учебных заведениях ежедневно, до тех пор, пока после грандиозного общего митинга в субботу 15 октября, окончившегося за полночь, «университет и столовая оказались закрытыми. Кругом — бессменно войска охраняли здание. Проникнуть внутрь не было никакой возможности. Однако по собственной инициативе и за свою ответственность совет старост <...> на другой день открывает столовую, вынося после совещания резолюцию, что закрытие университета является исключительно актом самозащиты умирающего режима» (Д. [Дьяконов А.] 1905 и 1906 год в Петербургском университете: Сходки и митинги (хроника). Совет старост (очерк). [СПб.], 1907. С. 69).

25. *«Сервилия»* (1900—1901) — опера Н. А. Римского-Корсакова.

26. Смысл этого высказывания неясен.

27. *Louÿs* — Пьер Луис, автор книги «Песни Билитис» (1894). Кузмин читал ее в 1896 г. и с раздражением отозвался в письме к Г. В. Чичерину: «За Bilitis я тебе очень благодарен, но ею крайне раздосадован и даже до некоторой степени возмущен. Во всем этом — ни капельки древнего духа, везде бульвар, кафе-шантан или еще хуже; и тем недостойней, что античность треплется для прикрытия подобной порнографии. Ну какой это VI-ой век! Там какая-то улыбка золотого утра, так все чисто и солнечно, нагота вследствие наивности; здесь же полуобнаженность на диванах отд<ельных> кабинетов для возбуждения. Гимн Астарте очень хорош, но он так похож на автентичные и на воззвания Флобера и Леконт де Лилля *<так!>*, что несколько теряет. Мне больше всего нравятся купающиеся дети, и проходящие верблюды, и затем картина зимы, когда он смотрит сквозь куски льду на бледное небо, — это тонко и поэтично; многие вещи, сами по себе грациозные и милые, он пачкает и портит безвозвратно» (Цит. по: *Кузмин.* С. 704).

28. В ночь с 17 на 18 октября 1905 г. был опубликован подготовленный С. Ю. Витте и подписанный Николаем II манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», по которому народу даровались «незыблемые основы гражданской свободы», а именно: свобода совести, слова, собраний и союзов, расширение избирательных прав и т. п. «В полночь от редакции „Правительственного вестника" побежали газетчики с манифестом... Город ожил...» — писал очевидец (Д. [Дьяконов А.] 1905 и 1906 год в Петербургском университете... С. 69). На следующий день с утра начались манифестации.

29. *«Русское Собрание»* — общественная организация охранительного толка, включавшая правую профессуру и более интеллектуальную и респектабельную публику, нежели черносотенные «Союз русского народа», «Союз имени Михаила Архангела», «Союз русских людей». Согласно уставу, «Собрание» имело целью «содействовать выяснению, укреплению в общественном сознании и проведению в жизнь бытовых особенностей русского народа». Учреждено стараниями литератора В. Л. Величко. Среди членов — Н. П. Кондаков, Н. К. Рерих, М. Г. Савина, Б. В. Никольский, В. М. Пуришкевич и др. Членом «Русского собрания» был и Г. М. Казаков. О *Борисе Никольском* — поэте, филологе, юристе и политическом деятеле, с которым одно время был дружен Г. В. Чичерин (в бумагах Никольского, хранящихся в *РНБ*, имя Чичерина встречается неоднократно, в том числе — среди близких друзей, а в Гос. архиве Российской федерации хранится множество писем Чичерина к Никольскому), — см. подробнее: Шумихин С. В. Монархист и Советы: Письма Б. В. Никольского Б. А. Садовскому. 1912—1918 гг. // Звенья: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Т. 2. С. 340—377.

30. Рефрен «Баллады о дамах былых времен» Ф. Вийона, входящей в «Большое завещание»: «Mais où sont les neiges d'antan?»

31. Принятие Манифеста 17 октября 1905 г. сопровождалось еврейскими погромами, во многих случаях спровоцированными полицией и местной администрацией. Особенно зверский характер погромы приняли в южных губерниях — в Кишиневе, Киеве, Одессе, Феодосии. См., например, корреспонденцию, подписанную криптонимом Е-р-ъ: «Феодосийская резня и ауто-да-фе не поддаются описанию. <...> Живые факелы „христианствующей", „православной" России были заж-жены в трех местах: это, во-первых, местное общественное собрание, куда собрались жители города, без различия пола и возраста, для празднования „дня свободы". Собрание зажгли со всех сторон, а спасавшихся калечили и добивали. Число сгоревших еще не установлено. Другой факел — городская управа, сгоревшая до основания. Число жертв не установлено. Наконец, Петербургская гостиница, против собора (православного). Число жертв неизвестно, но там останавливаются исключительно евреи. Далее сожжен дом Айзенберга, на которого полиция „точила зубы"» (Новая жизнь. 1905. № 10. 11 ноября). Ср. также заметку «Феодосийские ужасы» (Новое время. 1905. 22 октября (4 ноября)).

32. 17 (30) октября 1905 г. финские рабочие для поддержки революции в России объявили всеобщую забастовку. К стачке примк-

нули сторонники пассивного сопротивления, она послужила началом революционных событий в Финляндии.

33. *Корнет Фролов* командовал эскадроном кавалерии, который утром 18 октября напал на толпу манифестантов у Технологического института, откуда накануне в разъезд жандармов была брошена бомба, легко ранившая лошадь и часового. Возможно, Кузмин был свидетелем этой атаки и его впечатления отразились в записи от 18 октября 1905 г.

34. Роман Д. С. Мережковского «*Петр и Алексей*» (1904; отд. изд. 1905).

35. Имеется в виду вокальный цикл Кузмина «*Времена года*» (или «Времена жизни»; 1900—1903), где этапы человеческой жизни уподоблены временам года. 7 пьес этого цикла впоследствии были включены в цикл «С Волги» (отд. изд.: СПб.: Циммерман, 1914). В *РНБ* хранятся неопубликованные произведения из этого цикла.

36. *Евлогий* — герой «Комедии из Александрийской жизни» и «Повести об Елевсиппе...» Кузмина.

37. Герои различных произведений Кузмина, как написанных, так и ненаписанных: «*Повесть об Елевсиппе...*», «*Возвращение Филострата*», «*Александрийские песни*» (и задумывавшаяся, но не осуществленная опера «*Антиной*»).

38. См. в письме к Чичерину от 1 ноября: «И как царь не понимает, что только два исхода: или широкий демократический монарх с социалистическим идеалом впереди, или на время романтично и прекрасно прямо объявить себя за черную сотню и голытьбу и хулиганским царем с частью верных войск запереться в каком-нибудь Ярославле и среди пожаров, резни и ужасов, сам как Тушинский вор, как Пугачев вернуть на последнее время монархию, погибнуть великолепно среди обломков? <...> Впрочем, русское настроение пришло не от политики, а само по себе, и даже привело планы русских вещей» (*Перхин.* С. 209).

39. Имеется в виду письмо Чичерина от 27 октября (9 ноября) 1905 г. с предложением: «Не можешь ли ты сделаться постоянным сотрудником какого-нибудь журнала грифо-скорпионского типа — это дало бы тебе un surplus <излишек — *франц.*> сверх нынешних бюджетных рамок? А в будущем это может доставить горы золота» (*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 163).

40. *Пашковцы* — религиозная секта, возникшая среди столичного высшего общества под влиянием проповедей лорда Г. Редстока, выступавшего в Петербурге с 1874 г. Отставной полковник В. А. Пашков (племянник известного толстовца В. Г. Черткова), проникшись идеями Редстока, основал «Общество поощрения духовно-нравственного чтения». Пашковцы отвергали церковную иерархию, таинства, иконы. Сам Пашков по повелению Александра III был выслан из России, жил в Англии, умер в 1902 г. Этот «великосветский раскол» интересовал Н. С. Лескова (чтение у Чичериных его одноименного очерка упомянуто Кузминым в записи от 22 ноября 1905 г.). См. также «Histoire édifiante...» (Наст. изд. С. 267). Отец Г. В. Чичерина, Василий Николаевич, не порывая официально с православием, находился под влиянием Редстока в

бытность свою советником посольства в Париже в 1860-е гг. В 1905—1906 гг. деятельность пашковцев в Петербурге активизировалась. См.: «...мы находим возрожденный в высших словях общества редстокизм или секту пашковцев, которые, впрочем, стремятся теперь отделаться от этого названия и именуют себя „новыми евангелистами". Эта новая религиозная община в настоящее время имеет в С.-Петербурге 5 официальных мест для молитвенных собраний, не считая нескольких других, которые официально еще не зарегистрированы. Всего община пашковцев или новых евангелистов насчитывает в настоящее время до 12000 членов...» (Л. Е. О[боленский]. Религиозно-мистические брожения в современной России // Ребус. 1906. № 8—9. С. 4).

41. *«Демон»* (1871) — опера А. Г. Рубинштейна.

42. *Народный Дом* императора Николая II был открыт в Петербурге в 1900 г. Петербургским попечительством о народной трезвости. При Народном Доме были созданы Драматический театр, Оперный зал, аудитории.

Ноябрь 1905

1. *«Simplicissimus»* — немецкий сатирический еженедельник. Издавался в Мюнхене Альбертом Лангеном с апреля 1896 г. (См.: Гессе Г. Письма по кругу: Художественная публицистика. М., 1987. С. 145—147). Журнал славился своей графикой (художники Т. Гейне, Р. Вильке, Б. Пауль и др.). Его распространение в России было запрещено цензурой, но, несмотря на это, журнал достаточно свободно проникал через границу и был популярен в интеллигентских кругах. В 1905 г. «Симплициссимус» публиковал много рисунков на тему русской революции (Кузмин мог иметь в виду рисунки на обложках №№ 25, 26, 29, 33—35 с сюжетами на эту тему).

2. *«Травиата»* (1853) — опера Д. Верди.

3. Ср. с запиской Н. Чичериной: «Суббота. Многоуважаемый Михаил Алексеевич. Очень жаль, что не могу сообщать Вам имени „второго Минина", т. к. тетушка знает о нем только, что он живет на Сенной. На мою просьбу узнать его имя она сказала: „Вот еще мне нужно интересоваться всякими хулиганами". Всего хорошего. Н. Чичерина» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр.148. Л. 3. Сообщено П. В. Дмитриевым).

4. Речь идет о письме Чичерина от 5 (18) ноября 1905 г.: «Спасибо за письмо, где снаружи еще Антиной <*т. е. печать с изображением Антиноя*>, а внутри поворот к другой точке. <...> Что касается тебя лично и твоих превращений, ты знаешь, что я провозглашаю: „все благо" <...> Что кас<ается> черносотенников, мне кажется, это не старые лики, а скорее лубочные. Первые разбойники Чуркины, и Картуши, и Монтекристо. Это народный балаган, а не старые культуры. <...> А Иоанн Кронштадтский! Разве не балаган? <...> Вандея есть, м<ожет> б<ыть>, в Мологе, В. Устюге и т. п., но ее и теперь мало, и она будет быстро исчезать. В твои эпохи старых ликов, когда они будут возвращаться, тебе будет все труднее. У старообрядцев ты будешь находить радикально-демократических депутатов <...>. Что кас<ается> твоих эпох, *все благо*; но экономические требования *бюджета*, увы! непреоборимы...»

(*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 167—170). *Антиной* — возлюбленный римского императора Адриана (нач. II в.), часто упоминаемый в стихотворениях и прозе Кузмина. В начале века Кузмин запечатывал письма печатью с его профилем.

5. *«Союз русских людей»* — монархическая партия, учредительный съезд которой состоялся в июне 1905 г. в Москве. Историк Н. П. Лихачев был членом «Русского Собрания». Когда в 1930 г. он был арестован по «делу Академии наук», это стало одним из пунктов обвинения (см.: Звенья. М., 1991. Т. 1. С. 216).

6. *Поморцы*— старообрядцы так называемого «поморского согласия». *«Сенновцы»* (от названия Сенного рынка в Петербурге) — петербургские торговцы, опора черносотенцев (аналогично московским «охотнорядцам»).

7. В обширном письме Чичерина от 9 (22) ноября 1906 г. отчасти повторялись и развивались идеи предыдущего: «...твое письмо 1/XI <...> — не то, не проникновение в цельную квинтэссенцию цельной жизни, а скорее какая-то жажда трагических столкновений. <...> Но вот теперь самое интересное, самое живое, и вопрос в том, что собирательно наз<ывается> „черная сотня". Это, так сказать, охотнорядчество, сеннорыночный национализм. Он несомненно имеет будущее. Но это не древняя народная культура, не старые лики, не Вандея. Это — народный балаган, лубочная книжка Сытина, кровавый фельетон в грошовой газете. <...> Это трактир с запахом дешевой монопольки, органом или граммофоном и газетой с кровавыми романами. Иоанн Кронштадтский относится к Зосиме Достоевского и лесковскому Малафию как новейшее балаганное православие и лубочно-трактирный национализм к традиционной старой народной культуре и к древлему благочестию» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 171, 174; в большем объеме (хотя весьма неточно) цитируется: *Перхин*. С. 201). Сравнение Чичерина с А. Бенни, вероятно, кроме прочего, связано с чтением Кузминым накануне повести Н. С. Лескова «Загадочный человек» (1870).

8. Речь, очевидно, идет о воинской повинности, действовавшей на основании Устава от 1 января 1874 г. Призывались (по жребию) лица, достигшие совершеннолетия (21 года), тогда как Г. Муравьеву, по словам Кузмина, было всего 18 лет (см. запись от 9 октября 1905 г.).

9. Неоднократно упоминаемый далее в дневнике музыкальный цикл Кузмина «Города», который писался им в это время. Тексты трех песен «Углич» и двух — *«Москва»* с некоторыми неточностями опубликованы: *Перхин*. С. 209—211. В авторском списке произведений (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 4 об.) указано: «Углич (3 №№), Москва (3 №№), Петербург (3 №№), Мезень».

10. Имеется в виду ставшая крылатым выражением фраза Панглоса в философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм»: «Все к лучшему в этом лучшем из миров» (подробнее см.: Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 1987. С. 63).

11. *«Некуда»* (1864) — роман Н. С. Лескова.

12. Всероссийский съезд землевладельцев проходил в Москве 18—20 ноября 1905 г. Ср. следующую корреспонденцию: «Всерос-

сийский съезд 200 землевладельцев продолжает свои заседания днем и вечером, но под строжайшим секретом. <...> До чего заседания съезда ведутся тайно, видно из того, что сегодня отказали в выдаче сведений даже представителям черносотенных газет» (Русь. 1905. № 25. 20 ноября (3 декабря)). На съезде было выдвинуто предложение «обратиться к государю с челобитной об увольнении Витте и замене его Дурново и о необходимости созвать в Москве Земский собор перед созывом Думы — от всех истинных русских состояний: духовного, служилого, торгового, земледельческого, ремесленного и войск казачьих» (см.: Русская газета. 1905. № 394. 22 ноября (5 декабря)).

13. Т. е. Кузмин нашел, что священник подражает известному священнику Григорию Петрову, ставшему впоследствии, после снятия сана, публицистом либерального толка.

14. Имеются в виду расстрел 9 января 1905 г. шествия с петицией к царю и восстание матросов и солдат в Кронштадте в конце октября 1905 г. «Правыми» кронштадтское выступление характеризовалось как бунт, с грабежами, поджогами, разгромом кабаков и притонов и сравнивалось с октябрьскими черносотенными погромами, прошедшими в Одессе, Киеве, Ростове, Феодосии, Томске (см., например: Меньшиков М. О. Кронштадтский бунт: (Письма к ближним) // Новое время. 1905. № 10646. 30 октября (12 ноября)).

15. «*Млада*» (1890) — опера-балет Римского-Корсакова.

16. *Кучкисты* — участники «Могучей кучки», творческого содружества русских композиторов, известного также под названиями «Балакиревский кружок» и «Новая русская музыкальная школа». Кружок начал формироваться в Петербурге в 1857 г. и окончательно сложился в 1862 г. В него входили: М. А. Балакирев, А. П. Бородин, Ц. А. Кюи, М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков.

17. В газетах появились сообщения «Совета всероссийского старообрядческого съезда» (приемлющих священство Белокриницкой епархии, т. е. единоверчество) за подписями Мих. Бриллиантова, Павла Рябушинского и др., где говорилось, что никакого участия в «Союзе старообрядцев» съезд не принимает. О митинге «Союза русского народа» в Михайловском манеже 21 ноября, где выступал «новый Минин», мясник Вас. Андреев, см., например, заметки: «Черносотенный митинг» (Русская газета. 1905. № 395. 23 ноября (6 декабря)); «Митинг черной сотни 21 ноября» (Русь. 1905. № 28. 23 ноября (6 декабря)).

18. 15 ноября 1905 г. началась почтово-телеграфная забастовка. Связи было лишено даже правительство: по всей России действовал только один телеграфный провод, находившийся в исключительном распоряжении Петербургского Совета рабочих депутатов. «Разборку и разноску писем в почтамте пытались взять на себя великосветские дамы, профессора, титулованные особы. Профессор Мартенс оставил лекции в Петербургском университете и с сумкой почтальона через плечо ходил по городу, вызывая всюду насмешки» (Сверчков Д. Ф. На заре революции. 4-е изд. Л., 1926. С. 175—176).

19. *Правоведы* — воспитанники Императорского Училища правоведения, привилегированного закрытого учебного заведения. Наря-

ду с Александровским (б. Царскосельским) лицеем Училище считалось наиболее элитарным учебным заведением царской России.

20. Еженедельная газета «Голос средне-учебных заведений», издавалась студентами Института гражданских инженеров Я. М. Арданским и Д. Е. Клименченко. В записи Кузмина, очевидно, идет речь о замысле издания, т. к. три номера вышли в январе—феврале 1906 г. Приговором Петербургской судебной палаты от 8 марта 1911 г. газета была запрещена. В газете сотрудничал С. А. Ауслендер.

21. См. сообщение «Русской газеты»: «Саратов. 22 ноября. Сегодня в половине первого дня, в доме губернатора, неизвестная женщина тремя выстрелами из револьвера убила генерал-адъютанта Сахарова. Убийца задержана и заявила, что исполнила приговор летучего боевого отряда партии социалистов-революционеров» (23 ноября (6 декабря). № 395). Застрелившая В. В. Сахарова А. А. Быценко была приговорена к повешению, но помилована. В 1937 г. репрессирована; расстреляна по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

22. *«Новая жизнь»* — легальная большевистская газета, фактически — центральный орган РСДРП. Выходила ежедневно с 27 октября по 3 декабря 1905 г. в Петербурге. Речь идет о падении курса государственной 4% ренты, сообщения о котором публиковались в рубрике «Биржевой отдел». Государственная рента была наиболее распространенным видом ценных бумаг в России. Во время всероссийской забастовки, особенно после забастовки почтово-телеграфных служащих, рента упала до $78^{1}/_{2}$ руб. и множество мелких капиталистов, обративших свободные капиталы в ренту, понесли значительные убытки (ср. с упоминанием в записи от 8 декабря 1905 г. о том, что мать Кузмина, останься жива, принуждена была бы получать половинную пенсию).

23. Видимо, имеется в виду молельня нетовцев (*Спасова согласия*).

24. Речь идет о концерте из произведений Кузмина на «вечере современной музыки» (см. запись от 30 декабря 1906 г. и примеч. 10, март 1907 г.).

25. *Хрусталев* Петр Алексеевич (наст. фамилия и имя — *Носарь* Георгий Степанович; псевд. Ю. Переяславский; 1879—1919) — председатель Петербургского Совета рабочих депутатов в октябре—ноябре 1905 г. Арестован 26 ноября 1905 г. О точных датах жизни см.: «Комитет решил уничтожить врага диктатуры»: Как погиб Хрусталев-Носарь // Источник. 1996. № 4. С. 93—96.

26. Вероятно, ошибка Кузмина и *«Гольдштейн»* он написал вместо «Гольденберг». Тогда речь идет об Иосифе Петровиче Гольденберге, уроженце Нижнего Новгорода (что для Кузмина было небезразлично), социал-демократе (см. о нем в Указателе имен).

27. Священник Георгий Аполлинариевич *Гапон*, как и упомянутый в примеч. 25 Хрусталев-Носарь, не был евреем.

28. Имеется в виду издание *«Иллюстрированная и литературная неделя, или Литературно-научное приложение к газете „Наша жизнь“»*.

29. Имеется в виду вызов наследников, который производился через троекратную публикацию. Если в течение шести месяцев со дня послед-ней публикации отсутствующие наследники своих прав на наследство не предъявляли, то во владение вступали наличные наследники.

Декабрь 1905

1. П. С. Мошков по профессии был лесоводом.

2. 2 декабря 1905 г. Петербургский Совет рабочих депутатов, вместе с Крестьянским Союзом, социал-демократами, социалистами-революционерами и всеми входившими в Совет партиями опубликовал *«Финансовый манифест»*. В нем предлагалось «отказаться от взноса выкупных и всех других казенных платежей. Требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалованья уплаты золотом, а при суммах меньше пяти рублей — полновесной звонкой монетой. Брать вклады из ссудно-сберегательных касс и из государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом» (ср. с записью от 29 ноября). Современница (Л. В. Хейсина-Щегло) вспоминала: «Я помню, как растерянно выглядел обыватель. И революционером не хочет быть, и денег жалко. А ну как пропадут. И он потянулся к кассам, и по всей России — та же картина, и выдача выразилась в огромной цифре» (*РГАЛИ*. Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 159). В результате в декабре 1905 г. население взяло из сберегательных касс на 90 млн. руб. больше, чем внесло.

3. Перечислены следующие издания: «*Зритель*» — литературно-художественный и сатирический журнал, издававшийся художником Ю. К. Арцыбушевым. В 1905 г. после № 25 издание журнала было приостановлено и возобновилось в 1908 г., когда вышло еще 11 номеров; «*Стрелы*. Журнал саркастический, бесстрашный и беспощадный» (со 2-го номера без слова «бесстрашный») — приложение к журналу «Театральная Россия». Издавался в 1905—1906 гг. И. М. Кнорозовским. Определением Петербургской судебной палаты от 11 января 1906 г. издание было запрещено; «*Пулемет*» — сатирический журнал Н. Г. Шебуева, против которого было возбуждено судебное преследование за напечатание Манифеста 17 октября с отпечатком кровавой ладони и подписью «Трепов руку приложил». Ненадолго был возобновлен после Февральской революции.

4. См. в письме Кузмина к В. В. Руслову от 8—9 декабря 1907 г.: «Люблю спать под мехом без белья» (*Богомолов*. С. 210).

5. Имеется в виду булочная известной фирмы Д. И. *Филиппова*.

6. Церковь *Рождества Христова* на 6-й Рождественской ул., вблизи от Суворовского пр. Построена в 1781—1789 гг., арх. П. Е. Егоров. Разобрана в 1984 г.

7. Имеется в виду новелла из «Декамерона» Д. Боккаччо (день шестой, новелла 9).

8. Кузмин смешивает в одной фразе обращения на «вы» и на «ты».

9. 18 декабря 1905 г. Кузмин написал Чичерину письмо, в котором сообщал о своей жизни этого времени: «...весной я хочу пере-

ехать в провинцию в какой-нибудь старинный город, чтобы недорого жить своей квартирой <...> удовлетворяет всего больше Псков. Хозяин квартиры буду безусловный — я, но жить буду с товарищем, человеком отлично мне известным и приятным, но совсем простым и нестеснительным (это — не Казаков и не могущий быть эксплуататором). <...> У Современников исполнялись некоторые из первой серии Александ<дрийских> песен. Теперь пишу музыку на „Города". Москва" вышла великолепна (3 №№), написано 3 „Углича", 3 „Петербурга" и 1-ая „Мезень" (предполагаются Саратов, Киев). Хочу писать сторую современную повесть „Шлюзы" и текст оперы давней из времен Аввакума» (*РЦХИДНИ.* Л. 34 об. — 35 об.).

10. В октябре 1905 г. окончательно оформилась идея создания роскошного журнала символистского толка «*Золотое руно*». Журнал начал выходить с января 1906 г., финансировался Н. П. Рябушинским. Кузмин активно сотрудничал в этом издании до его прекращения в 1909 г. Желание Кузмина «пристроиться» в журнал очевидно связано с недавним обсуждением планов «Золотого руна» с петербургскими литераторами и художниками, о чем А. М. Ремизов записывал 30 ноября: «Собрание „Золотого Руна": С. А. Соколов-Кречетов („Гриф"), Торопатый („Искусство") — это главные. А проч. — Блок, Сологуб, Мережковский, Кондратьев, Дымов и Бакст. Издатель же Н. П. Рябушинский, но его не было» (Ремизов Алексей. Кукха: Розановы письма. Берлин, 1923. С. 23—24).

11. В Петербурге было несколько трактиров с таким названием, и какой имеется в виду здесь, сказать затруднительно.

12. «*Zauberflöte*» («Волшебная флейта», 1791) — опера В. А. Моцарта. Это было одно из любимейших музыкальных произведений Кузмина. Ее мотивы отразились в его позднейшем творчестве (цикл «Пути Тамино» в сборнике 1923 года «Параболы» и др.).

13. Имеется в виду книга «*Крылатые слова: По толкованию С. В. Максимова*» (СПб., 1890).

1906

Январь 1906

1. *Мать Манефа и Фленушка* — персонажи дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» (1871—1881).

2. На следующий день Кузмин написал Чичерину письмо (ошибившись в годе — стоит дата «1905»): «Дорогой Юша, спасибо тебе за письмо из Гамбурга. Прости, что все еще не послал нот: у меня не только „Города", но и вторые Александрийские песни не все переписаны, и это меня задерживает. Лучше всего вышла 3-я „Москва", за нею 3 №№ „Мезень", но музыка к 1 № только, потом я написал стихи так просто, ни к чему и одно из них положил на музыку. Это время я очень скучаю, человеконенавистничаю и не дождусь весны и Пскова. Когда-то это было бы полным идеалом для меня, но и теперь „ликов" рубашек, больших сапог, кудрей из-под картуза, родительских суббот, кулачных драк.

И как ни балаганны противники, но в опошленном, извращенном виде там старое зерно, и потом оно здоровые, веселые, красивые. И старушонок на папертях, о-в Тубероззовых, чистого понедельника, бань не будет? нет, нет. А политика — это для меня, правда, закрытая книга.

Прости меня,
целую тебя.
М. Кузмин.
С Новым Годом, милый».

(*РЦХИДНИ*. Л. 4—5)

17 (30) января 1906 г. Чичерин отвечал ему: «Спасибо за письмо 7 января. Не начнется ли в Пскове другой вид скуки, другая тоска, другое человеконенавистничество?» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 184).

3. *«Петр»* — роман Д. С. Мережковского «Петр и Алексей», незадолго до того прочитанный Кузминым. *«Мирович»* (1879) — роман Г. П. Данилевского.

4. *Козуля* — обрядовое печенье в виде животных, которое в севернорусских губерниях пекли на Рождество и давали коровам, чтобы они лучше плодились (см.: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 94; Журавлев А. Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. М., 1994. С. 14—15).

5. Речь идет о книге И. Е. *Забелина «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях»* (1862), трижды до этого времени переиздававшаяся.

6. *«Факелы»* — название журнала, задуманного Г. И. Чулковым совместно с Л. Н. Андреевым (издание не осуществилось). Под этим названием в трех книгах в 1906—1908 гг. вышел под редакцией Чулкова альманах.

7. Имеется в виду концерт «Вечеров современной музыки» 16 января 1907 г. Описание см.: В. К<аратыгин>. Вечера современной музыки // Весы. 1906. № 3/4. С. 70—72.

8. «*Entführung*» — опера В. А. Моцарта «Бельмонт и Констанца, или Похищение из сераля» («Belmont und Constanza, oder Entführung aus dem Serail», 1782). «*Die Shöne Müllerin*» («Прекрасная мельничиха», 1823) — цикл из 20 песен для голоса с фортепиано Ф. Шуберта на слова В. Мюллера.

9. Эту «среду» подробно описывает Л. Д. Зиновьева- Аннибал в письме к М. М. Замятниной от 19 января (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 235—236; там же опубликован составленный Вяч. Ивановым список присутствовавших). См. также: Шишкин А. Симпосион на петербургской Башне в 1905—1906 гг. // Русские пиры. СПб., 1998. С. 321—324 (Альманах «Канун». Вып. 3).

10. По всей видимости, речь идет о С. М. Городецком и его стихотворении «Ставят Ярилу» (1905). Это было первое посещение Городецким «башни» (см.: Городецкий С. М. Жизнь неукротимая: Статьи, очерки, воспоминания. М., 1984. С. 9, 51—52).

11. В альманахе «*Зеленый сборник стихов и прозы*», кроме М. А. Кузмина и В. Р. Менжинского, приняли участие Ю. Н. Верховский, Вл. Волькенштейн, К. Ф. Жаков, П. П. Конради. Альманах рецензировали А. А. Блок (*Блок*. V. С. 586—587) и В. Я. Брюсов (Брюсов В. Среди стихов: Манифесты, статьи, рецензии 1894—1924. М., 1990. С. 133—134).

12. 19 января 1906 В. Я.Брюсов сообщал С. А. Полякову: «Поиски „молодых" и „новых" идут очень успешно. — Во-первых, нашел очень юного и очень интересного поэта Городецкого; во-вторых, нашел весь состав Зеленого сборника, из которых Верховский и Кузмин могут быть полезны как работники в разных отношениях» (*ЛН*. Т. 98. Кн. 2. С. 109). 3 февраля он писал Ю. Н. Верховскому: «Мне хочется верить, что Вы не забыли нашего Петербургского разговора. Обращаюсь к Вам еще раз с просьбой и с предложением — сотрудничать в „Весах". От Вас мы ждем не только стихов, но и прозы. <...> Передайте, прошу, мой привет Мих<аилу> Алекс<еевичу>. От него мы ждем, для одного из №№ „Весов" — Александрийских стихов, ибо прозы он, кажется, не пишет. (А что, если бы он попытался написать что-либо о музыке?) От П. Конради, по-прежнему, как пять лет тому назад, ждем рассказа» (*РНБ*. Ф. 8. Ед. хр. 20. Л. 1).

13. *Сплошная седмица* — неделя без постов в среду и пятницу. В переносном смысле упоминается в стихотворении Кузмина «Сегодня что: среда, суббота?..» из второй книги стихов «Осенние озера» (1912).

14. *Филипповская моленная* — молельня Филипповского согласия, общины беспоповцев, не приемлющих брака, последователей инока Филиппа (1674—1742), довольно многочисленная в Петербурге.

15. Вероятно, речь идет о произведении из вокального цикла «Детские песни» (см.: примеч. 7, май).

Февраль 1906

1. *«Primavera»* («Весна») — картина С. Боттичелли, хранящаяся в галерее Уффици во Флоренции. См. с. 446 прим. 13.

2. *«Arlesienne»* («Арлезианка», 1872) — оркестровая сюита из музыки Ж. Бизе к спектаклю по одноименной пьесе А. Доде. *«Erlkönig»* («Лесной царь») — песня Ф. Шуберта на стихи Гёте.

3. Имеется в виду ресторан «Россия» (Загородный пр., 1/14), содержавшийся А. Ф. Морозовым.

4. В этот день Кузмин получил письмо от Нувеля, обещавшего зайти на следующий день, чтобы вместе отправиться на «среду» к Вяч. Иванову, и тут же ответил, что «раздумал идти» (*Богомолов.* С. 219—220).

5. Имеется в виду № 1 «Весов» за 1906 г., где был помещен цикл стихов Бальмонта «Над вечным морем» и рассказ Брюсова «Республика Южного Креста».

6. 24 февраля Ю. Н. Верховский сообщал Брюсову: «Кузмина мне случилось видеть только на днях. Кроме своего романа, он написал прозой „Повесть об Елевсиппе, рассказанную им самим", которую я слушал недавно. О музыке он вряд ли что-нибудь напишет; разве о старых итальянцах: Палестрина etc. Конради пишет для Вашего журнала, насколько я знаю — не рассказ, а статью» (*РГБ.* Ф. 386. Карт. 80. Ед. хр. 3. Л. 2).

7. Речь идет о рыбной лавке Д. Ф. *Баракова* в Чернышевом пер.

8. Названы деятели культуры, в творчестве и общественной позиции которых были сильны национальные, «неославянофильские» мотивы (иногда с охранительным оттенком): С. В. *Максимов,* А. А. *Голенищев-Кутузов,* М. П. *Мусоргский.*

9. Письмо В. Ф. Нувелю от этого дня не сохранилось, но речь в нем, видимо, шла о желании занять денег.

10. *Вернисаж «Мира искусства»* 23 февраля 1906 г. был организован С. П. Дягилевым. Были выставлены произведения Л. С. Бакста, М. А. Врубеля, А. Я. Головина, К. А. Сомова, В. А. Серова, Б. И. Анисфельда. Ф. А. Малявина, П. В. Кузнецова и др. См.: Сюннерберг Конст. Выставка «Мира искусств» // Весы. 1906. № 3/4. С. 64—69.

11. Имеется в виду торговля пряниками под фирмой *«Абрамов Николай Родионович»* (Литейный пр., 24).

12. Подразумевается героиня повести Н. С. Лескова *«Воительница»* (1866). Ср.: «А знакомство у Дарьи Платоновны было самое обширное, по собственному ее выражению даже «необъятное» и притом самое разнокалиберное» (Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1956. Т. 1. С. 144).

13. Этот проект, неоднократно упоминаемый в дневнике, так и не осуществился.

14. *Дерябинские казармы* принадлежали Морскому ведомству. Получили свое название в XIX в. из-за соседства с винокуренным заводом купца Дерябина. Были расположены на берегу Финского залива (точнее — Галерной гавани). Использовались как тюрьма и после революции; в частности, в казармах содержались арестованные в августе—сентябре 1918 г. заложники, взятые после убийства Л. И. Каннеги-

сером М. С. Урицкого, в том числе и постоянный спутник Кузмина того времени Ю. И. Юркун (см.: Морев Г. А. Из комментариев к текстам Кузмина («Баржи затопили в Кронштадте...») // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 28—29).

15. Историк *Н. П. Лихачев* владел ценной коллекцией икон. На основе подаренных Музею Александра III (Русскому музею) его и Академии художеств собраний была создана Иконная палата (Отдел христианских древностей) музея. О намерении Кузмина ее посетить во время пасхальных праздников см. в записи от 9 апреля 1906 г.

16. Письмо Кузмина к Нувелю с просьбой одолжить 31 рубль (*Богомолов.* С. 220).

17. Ежедневная газета *«Петербургский листок»*, в те годы низменно «черносотенного» направления (ред. Н. А. Скроботов, изд. В. А. Владимирский).

18. Имеется в виду *Громовское* (белокриницкого согласия) старообрядческое кладбище в Петербурге, вблизи Московского пр.

19. Кузмин довольно точно передает содержание письма В. Ф. Нувеля от 28 февраля (*Богомолов.* С. 221).

20. Перечисляются пьесы М. Горького.

21. Это и другие упоминания свидетельствуют о том, что дневник, с согласия Кузмина, регулярно читался его племянником.

Март 1906

1. В списке музыкальных произведений Кузмина обозначено, что в 1906 г. им был написан романс «Три камня» на стихи К. Д. Бальмонта.

2. Книготорговец и букинист Иван Сергеевич *Трусов* держал магазин на 7-й линии Васильевского Острова, 24.

3. В Петербурге существовало несколько трактиров средней руки под таким названием. Здесь речь идет о *«Любиме»* на Невском пр., 127, против *Балабинской гостиницы.* Название всем *«Любимам»* давалось по имени заштатного городка Ярославской губернии «откуда наезжали расторопные молодцы, начинавшие с „половых" (официантов), постепенно богатевшие и нередко открывавшие свои заведения. Кормили щами, горохом, кашей, поджаренным вареным мясом и луком, дешевой рыбой — салакой, треской. <...> Здесь обедал трудовой люд, вечером собирались компании, играла машина или гармонист, затевались скандалы и драки, слышались свистки, появлялся городовой, кого-то вели в участок, прочих вышибали. Часто сюда заходили только попить чай, можно было не снимать верхнего платья даже за столом» (Нева. 1987. № 7. С. 198—199).

4. Может иметься в виду лавка *П. И. Терентьева* (мануфактурная торговля) на Лиговской ул., 38.

5. *«Thaïs»* («Таис», 1894) — опера Ж. Массне.

6. В длинном недатированном письме к Чичерину (вероятно, именно том, что имеется здесь в виду) Кузмин, повествуя о планах самоубийства, между прочим, сообщал: «Мы ехали с зятем в Новгор<од-

ской> губернии, куда он был по делам, длинный 70-верст<ный> путь зимней ночью, когда все видно в мутном свете от снега, будто сквозь закоптевшее стекло, сквозь ряд занавесей, где-то светает оранжевая заря солнца. Я расспрашивал, как действует револьвер, и на станции вытащил его из шубы, хватились дома, он считается потерянным, я смотрю его каждую ночь и какой-то покой сходит на меня. Но вот я был за всенощной на Громовском и ужас обуял меня: никогда не видеть милых, нежных и ярких красок старых икон, не слышать, как запоют Хс. Вс. <*Христос Воскресе*>, не чувствовать весеннего воздуха, — страшно, страшно» (*РЦХИДНИ*. Л. 38 об.).

7. *«Аглавэна и Селизетта»* (1896) — пьеса М. Метерлинка. От кого исходило предложение, неизвестно.

8. Вероятно, ответ был передан Кузмину через Н. В. Чичерина. Г. В. Чичерин писал 15 (28) марта: «...поправляюсь после операции. Трудно сидеть, трудно писать. Сестре писал уже. <...> Какое теперь течение? Евлогий, Алексей Михайлович? Опера из XVII в.? Для меня история остановилась на „Городах". Что Псков? Что раздражение против интеллигентности?» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 186). Ответное письмо Кузмина, упоминаемое им в следующей записи, неизвестно.

9. Имеются в виду выборы в Первую Государственную Думу, проходившие в феврале—марте 1906 г. Выборы проводились по многоступенчатой системе; П. С. Мошков, как явствует из дневника, имел ценз выборщика. Наибольшее число голосов собрала конституционно-демократическая партия.

10. 24 марта Кузмин благодарил Чичерина за присланные деньги (*Перхин*. С. 213).

11. Вероятно, какой-то из магазинов фирмы аптекарских товаров и парфюмерии *«Келлер Р. и К.»*.

12. Имеется в виду список с явленной иконы Богоматери из *Толгского* (Толгского Пречистыя Богородицы) мужского монастыря в девяти верстах от Ярославля, на левом берегу Волги при впадении в нее речки Толги (основан в 1314 г.).

13. Имеется в виду булочная В. Г. или Г. А. *Кузнецова,* одна из двух на Надеждинской ул. (д. 11 или 48/13).

14. В Петербурге было около десятка колбасных фирм *«Братья Парфеновы»*; скорее всего, здесь имеется в виду колбасная на Невском пр., 53.

15. Имеется в виду заметка В. К. <В. Каратыгина> «Вечера современной музыки», где автор пишет: «Мне осталось сказать еще несколько слов о музыканте, имя которого, за исключением посетителей В<ечеров> С<овременной> М<узыки>, едва ли известно кому-нибудь, о М. Кузмине. Да впрочем, музыкант ли он, этот самый непостижимый из композиторов? У Кузмина нет напечатанных музыкальных произведений (кроме 2—3 ранних романсов), но я имел возможность познакомиться с некоторыми его произведениями, сверх тех Александрийских песен, которые были исполнены на втором Вечере С<овременной> М<узыки> и возбудили такое единодушное негодование пуб-

гики и критики. Я знаю, что Кузмин пишет не только музыку, но и крайне интересные, стильные стихи, вернее, он пишет вокальную музыку на свои же стихи. И все же я вторично спрашиваю себя, музыкант ли он? Современные произведения Кузмина „несоизмеримы" ни с какими другими вещами каких угодно авторов. В одном я уверен, однако: что находящие в его музыке проблески гениальности, по всей вероятности, впадают в меньшее преувеличение, чем отрицающие всякую возможность уразумения основных „принципов" его техники» (Весы. 1906. № 3/4. С. 72—73).

Апрель 1906

1. Речь идет о Никольской единоверческой церкви на *Николаевской* ул., 22. Кузмин сравнивает церковный хор Никольской церкви с хором церкви *Громовского старообрядческого кладбища.*

2. *«Убежище»* — здесь приют или ночлежный дом.

3. Т. е. сутенеру.

4. Ср. в письме Кузмина к Г. В. Чичерину из Васильсурска от 11 июля 1902 г.: «В большой, светлой, кругом в окнах комнате сидят за работой и поют:

Милый Ваня, разудалая голова.
Слышу, едешь ты далеко от меня.
С кем я буду эту зиму зимовать?
С кем прикажешь лето красное гулять?
Гуляй, мила, лето красное одна —
Уезжаю я во дальни города.

И Ваня, кудрявый, в синей сибирке, вроде Сорокина, и едет куда-нибудь в Кунгур, и она тоненькая, в темном сарафане и платке в роспуск одиноко гуляет на горах, смотря на леса, за которыми скрылся ее Ваня» (*РНБ.* Ф. 1030. Ед. хр. 20. Цит. по: Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э., Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. М., 1996. С. 74).

5. Из романса «Очаровательные глазки» (слова и музыка народные).

6. Ср. описание свидания Иосифа Пардова и Александра Броскина в «Нежном Иосифе» (Кузмин М. Вторая книга рассказов. С. 290—298). О связи повести и ее персонажей с реальными событиями и лицами см. ниже, примеч. 17.

7. 7 апреля Н. В. Чичерин сообщал брату, Г. В. Чичерину: «Миша вчера был у нас. Он был веселый, играл новую оперу Корсакова — „Китеж", к<о>торая понравилась ему только местами, а в общем — не понравилась. За чаем Наташа в разговоре старалась узнать планы Миши. Он сказал, что с сестрой жить не будет, что планы имеет, но о них ничего не сказал; Наташа беспокоится, что он устроится у лиц нежелательных, но тут едва ли можно что-нибудь сделать, т. к. он не ребенок, нам не сообщает своих планов и, очевидно, хочет быть самостоятельным.

Мы думаем пригласить его летом в Покровское, если сами туда поедем. Но Минета заметила мне, что это довольно рискованно с

той стороны, что Миша может развращать деревенских мальчиков. Как ты думаешь об этом?

„Крылья" Миши пока не напечатаны, и я думаю, что это лучше, т. к. он рассказывает там о некоторых вещах совершенно откровенно. Не знаю, сообщил ли он тебе содержание? он прямо изображает роль старообрядцев в посредничестве по противуестественным делам. Оканчивается рассказ тем, что молодой человек решается сделаться „интимным приятелем" одного господина» (*РЦХИДНИ.* Ф. 159. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 42—43).

8. Имеется в виду письмо В. Ф. Нувеля от 7 апреля 1906 г. (*Богомолов.* С. 222). Ответ Кузмина с согласием: *Там же.* С. 223.

9. 13 апреля Кузмин отвечал Чичерину: «...я получил без затруднения посланное. <...> Теперь я скоро поеду в Череповец, а по возвращении в Петербург, в июле, съезжу в Васильсурск, где сестра уже наняла дачу и зовет меня гостить» (*Перхин.* С. 214).

10. Вероятно, речь идет об обряде дачи обета против пьянства (см. запись в дневнике на следующий день, 12 апреля, а также упоминание о том, что Броскин, протрезвев, забыл клятву, в записи от 14 мая 1906 г.). Церковь *Божией Матери Всех Скорбящих Радости*, стоявшая на Шлиссельбургском пр., была снесена в 1932 г. (осталась одна часовня).

11. *Спасо-Преображенский собор* находится поблизости от Спасской ул.

12. Имеется в виду один из магазинов фирмы «*В. И. Черепенников и сыновья*», торговавших бакалеей, колониальными товарами, чаем и сахаром; скорее всего — на углу Невского и Литейного пр., 61/79.

13. «*Опасная предосторожность*» — «комедия с пением» Кузмина, музыку к которой писал он сам и Нувель. См. коммент. А. Г. Тимофеева (*Театр.* Кн. 2. С. 349—351). 8 мая 1906 г. Кузмин сообщал Чичерину: «Пьесу думают поставить у Современников с моею же почти конченною музыкою» (*Перхин.* С. 216), а 31 августа писал ему же: «...к моей „Предосторожности" написал музыку и Нувель, более в стиле, веселую и злую, и я, пожалуй, стоял бы за постановку с его музыкой» (*Там же.* С. 221). Ср. также упоминание в письме К. А. Сомова к А. П. Остроумовой-Лебедевой от 21 июня 1906 г. (*Сомов.* С. 94).

14. Об истории Hafiz-Schenken («Вечеров Гафиза») подробнее см.: *Богомолов.* С. 67—98.

15. Среди других участников «Вечеров Гафиза» (о чем см. в дневнике далее) были С. А. Ауслендер, Л. С. Бакст и Л. Ю. Бердяева.

16. Речь идет об инциденте с М. Горьким, которому в Нью-Йорке не разрешили поселиться в гостинице вместе с М. Ф. Андреевой на том основании, что их брак не был зарегистрирован. Этот случай оживленно комментировался русской прессой.

17. Имеется в виду письмо от 15 (28) апреля 1906 г., где Чичерин писал об «Александрийских песнях»: «Пожалуй, это наиболее ровная, наиболее зрелая и уравновешенная в смысле изящества и мастерской сделанности из твоих вещей — нет французистостей и чисто наружных мест, как в „Харикле", нет более слабых, как в „Вр<еменах>

Года". Все мастерски, содержательно, настояще, 1-й сорт» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 189). Там же Чичерин сообщает: «Прилагаю картинки (у Вакха нос башмаком, сказала бы Ал. Конст.), попавшиеся по случаю».

18. *А. М. Броскин* сделан одним из действующих лиц повести Кузмина «Нежный Иосиф» (1908—1909), причем почти дословные совпадения в описаниях визита Иосифа Пардова к Броскину с текстом дневника (наиболее полно — в записях от 7 февраля и 4 апреля) позволяют спроецировать жизненный путь персонажа романа на реального человека: «Из рассказов пасынка Иосиф знал хорошо историю Броскина. Москвич, веселым и расторопным мальчиком поступил он к купцу Жолтикову, торговавшему древними иконами и всяческой другой стариной. Вдовый хозяин, женившийся второй раз, седым уже, на молодой женщине, брал в свои дальние поездки за стариной пригожего Сашу, и вскоре тот сделался почти главным помощником, не считая косого Зыкова, старшего приказчика <по всей видимости, в реальности ему соответствовал Г. М. Казаков. — *Н. Б., С. Ш.*>. Ему даже сходили с рук кутежи и гульба, на которые неизвестно откуда добывались деньги. Даже когда старик Жолтиков умер и молодая вдова вышла за Зыкова, Броскин продолжал служить у них по старой памяти, пока дело, поднятое родственниками покойного, не заставило его оставить темную лавку с древностями. Молодая Зыкова оправдалась в отравлении мужа и мирно заторговала с новым супругом, но Саша, бывший главным свидетелем на суде, был уволен. Он тотчас женился на Марье Ильиничне, отдававшей комнаты не строгим девицам и состоявшей их руководительницей, переехал в это тихое пристанище, продолжая, уже на свой страх, торговлю вразнос иконами по знакомым. За товаром отчасти он ездил сам, отчасти продавал оставшийся каким-то образом у него на руках жолтиковский. Говорили кое-что про то время, когда лицо Саши еще не опухло от пьянства и женщин, когда любил его бездетный и скупой на ласки хозяин, но и рассказывать-то про то не хочется: мало ли чего со злобы наболтать можно» (Кузмин М. Вторая книга рассказов. М.: Скорпион, MCMX. С. 289—290). В дальнейшем в романе более открыто говорится о гомосексуальной связи старого купца и Броскина. Ср. также: *Богомолов*. С. 144—150.

19. См. в письме Кузмина к Нувелю от 21 апреля: «...я не уехал и в самом ближайшем будущем не собираюсь, проводив своего друга вчера. Я непременно с крайним удовольствием в понедельник повидаю Вас и Сомова. Дневник захвачу, хотя боюсь, чтоб это не было нехорошо. Но, вероятно, Сомов будет последним искушением читать свой дневник. Конечно, я несколько расстроен отъездом Броскина, но думаю, что к понедельнику скорее приободрюсь, чем обратно» (*Богомолов*. С. 224). Это письмо было ответом на предложение Нувеля: «Жду Вас непременно в понедельник вечером около 9-ти. Будет один Сомов. Захватите, если можно, дневник. Он очень рассчитывает, что вы из него почитаете» (*Там же*. С. 223).

20. Имеется в виду последняя «*среда*» на «башне» в сезоне 1905—1906 гг.

21. В фонде Кузмина сохранилась эта открытка от Броскина (рукой его жены). Текст гласит (сохраняем орфографию и пунктуацию подлинника): «Много уважаемый Михаил Алексеевич по получении нашего письма просим вас приезжайте пожалуста к нам в Гости поскорее будем ждать с нитерпением, а новой дорогой нам не понравилось я вам советую ехать через Рыбинск. Устроились мы очень хорошо и будем вас ждать с нетерпением у нас очень весело. Известный вам Александр Броскин». (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 128).

22. *«Адская почта»* — сатирический беспартийный журнал левого направления, выходивший в 1906 г. Редактор П. Н. Троянский, издатель Е. Е. Лансере. Издание прекратилось на 4-м (конфискованном) номере (см. запись от 9 июля 1906 г.). В журнале были помещены произведения В. Брюсова, И. Бунина, М. Горького, Вяч. Иванова, Л. Зиновьевой-Аннибал, А. Ремизова, Ф. Сологуба с иллюстрациями И. Билибина, З. Гржебина, Е. Лансере, Д. Кардовского, Б. Кустодиева.

23. См. описание этой «среды» на «башне», посвященной вопросу: «В чем состоит красота жизни?», в письме Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной: «Поставил Вячеслав вопрос, к какой красоте мы идем: к красоте ли трагизма больших чувств и катастрофе или к холодной мудрости и изящному эпикуреизму. Это то, что все это время занимает меня как проблема душевная и художественная. Много виноваты в столь острой ее постановке во мне — Сомов, Нувель и их друг, поразительный александриец, поэт и романист Кузьмин *<так!>* — явление совсем необыкновенное, с тихим ядом изысканных недосказанностей приготовляющий новое будущее жизни, искусству. Есть у нас заговор, о котором никому не говори: устроить персидский, Гафисский кабачок: очень интимный, очень смелый, в костюмах, на коврах, философский, художественный и эротический» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 18. Л. 14—15).

24. Выражение «jardind' Epicure» («Сад Эпикура») относится к философской школе, поскольку Эпикур основал ее в Афинах в саду, который перешел в собственность школы после его смерти. Возможно, впрочем, что здесь имеется в виду сборник А. Франса «Le jardin d'Epicure» (1894). Предисловие Кузмина к неосуществленному изданию перевода книги Франса — *ИМЛИ*. Ф. 192. Оп. 2. Ед. хр. 7.

25. Точнее, *«Весна (Монастырская)»* — одно из самых известных стихотворений Городецкого, написанное 15 апреля 1906 г.

26. *«Солнце, солнце...»* — 5-е стихотворение из раздела «Мудрость»; *«Кружитесь, кружитесь...»* — заключительное стихотворение из раздела «Канопские песенки» цикла «Александрийские песни».

27. Имеется в виду стихотворение Вяч. Иванова *«Терцины к Сомову»* (сборник «Cor ardens», 1906).

28. Ср. в «Крыльях» слова Штрупа: «Люди ходят, как слепые, как мертвые, когда они могли бы создать пламеннейшую жизнь, где все наслаждение было бы так обострено, будто вы только что родились и сейчас умрете» (Кузмин М. Первая книга рассказов. М., 1910. С. 219).

29. Первая Государственная Дума открылась 27 апреля 1906 г. и работала одну сессию, до 8 июля 1906 г.

30. Открытка от В. Ф. Нувеля, датированная 28 апреля, опубликована: *Богомолов.* С. 225.

31. *«Kater Murr»* («Lebens-Ansichten des Katers Murr nebst fragmentarischer Biographie des Kapellmeisters Johannes Kreisler») («Житейские воззрения кота Мурра», 1820—1822) — незавершенный роман Э.-Т.-А. Гофмана.

Май 1906

1. *«Прозрачность»* (1904) — второй сборник стихотворений Вяч. Иванова.

2. Речь идет о замысле повести «Приключения Эме Лебефа».

3. В «Вечерах Гафиза» из женщин участвовали лишь Л. Д. Зиновьева-Аннибал и Л. Ю. Бердяева (вскоре исключенная — см. запись от 8 мая). Несколько позже Л. Д. Зиновьева-Аннибал устроила в параллель «Гафизу» женский кружок «Фиас».

4. У Кузмина нам известны два стихотворения, посвященные «Гафизу»: «Друзьям Гафиза» (Кузмин М. А. Собрание стихов: В 3 т. / Под ред. Дж. Мальмстада и В. Маркова. München, 1977. Т. III. С. 446—447) и «Нежной гирляндою надпись гласит у карниза...» (*Кузмин.* С. 618—619). В данной записи речь, вероятно, идет о втором стихотворении.

5. Аналогичное занятие (сравнение «гафизитов» с растениями) описано В. И. Ивановым в дневниковом письме к жене от 4 августа 1906 г.: «...Вышли сравнения друзей с деревьями и цветами. Оказалось, что Сережа <Городецкий> сам — береза. И он же — василек, что было в прошлое свидание в один голос найдено Бакстом и Сомовым. Renouveau был провозглашен можжевельником, Бакст найден кактусом, Сомов остался без удовлетворительного определения; я — как дерево, сначала ольхой, потом финиковой пальмой, — как цветок т. н. мимозой...» (*РГБ.* Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 3. Л. 48 об.— 49).

6. Н. А. Бердяев вспоминал: «В. Иванов был виртуозом в овладении душами людей. Его пронизывающий змеиный взгляд на многих, особенно на женщин, действовал неотразимо. <...> Его отношение к людям было деспотическое, иногда даже вампирическое, но внимательное, широко благожелательное» (Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М., 1991. С. 139). Ср. также: «Он <Иванов> мастерски ставил вопросы, провоцировал у разных людей идейные и интимные признания» (Бердяев Н. А. Ивановские среды // Русская литература XX века / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. III. С. 97).

7. *«Детские песни»* — музыкальный цикл Кузмина. Об отправке их С. П. Дягилеву см. в записи от 18 сентября 1907. Копия цикла, переписанная К. А. Сомовым, — *ГРМ.* Ф. 133. Ед. хр. 374. *«Равнодушные объятья»* и *«Обладанье без желанья»* — первые строки двух песен Кузмина, написанных 30 декабря 1905 г. и 10 января 1906 г. (*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 17); опубликованы: *Богомолов.* С. 191—192.

8. Имеется в виду рассказ С. Ауслендера «Колдун» (Золотое руно. 1906. № 6. С. 41—42), датированный в журнале 5 мая 1906 г. В

чем заключается упомянутый «анекдот с Федоровым» и кто имеется в виду, неясно.

9. *«Diable boitieux»* («Хромой бес», 1707) — роман Ф. Лесажа, одно из любимых произведений Кузмина, неоднократно упоминаемое в дневнике.

10. См. письмо Чичерина от 5(18) мая 1906 г. с вопросами: «Ты писал мне, что скоро известишь меня о твоих дальнейших адресах, что скоро поедешь в Череповец <...> между тем времени прошло много, а до сих пор ничего от тебя не получено. По нынешним временам ужасно беспокоюсь. Пожалуйста, напиши мне о твоих передвижениях и адресах. И как успехи твоей литературной карьеры? Не можешь ли прислать мне экземпляры журналов, где будут твои статьи или повести? И как твои театральные пиэсы? Скоро ли будут напечатаны Алекс<андрийские> Песни?» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 191 об.). Кузмин отвечал на него 8 мая: «Дорогой Юша, прости, что я подверг тебя такому понятному беспокойству. Дело в том, что я каждый день собирался ехать, у меня был даже билет, каждый день прощался с друзьями и досидел до того, что тот, кого мне нужно было в Череповце, возвращается на днях сюда, так что я могу уже прямо ехать на Волгу в конце мая» и т. д. (*Перхин*. С. 215). Письмо от В. Ф. Нувеля неизвестно.

11. О внешнем облике Кузмина в то время см. в воспоминаниях Е. С. Михайлова о К. А. Сомове: «Из окна бабушкиной дачи я увидел уходящих дядиных гостей. Необычность одного из них меня поразила: цыганского типа, он был одет в ярко-красную шелковую косоворотку, на нем были черные бархатные штаны навыпуск и русские лакированные высокие сапоги. На руку был накинут черный суконный казакин, а на голове суконный картуз. Шел он легкой эластичной походкой. Я смотрел на него и все надеялся, что он затанцует. Моих надежд он не оправдал и ушел, не протанцевав. Был это поэт Михаил Кузмин» (*Сомов*. С. 493). Ср. с записью в дневнике от 18 мая: «Опять меня принимают за песельника».

12. Итальянский перевод сочинения греческого поэта Парфения (I в. до н. э.) *«Любовные страдания»*, многократно издававшегося как в оригинале, так и в переводах на европейские языки.

13. Альбом *«Константин Сомов»* (изд. князя С. А. Щербатова и В. В. фон Мекка под ред. И. Э. Грабаря; СПб., 1903).

14. Имеется в виду стихотворение Вяч. Иванова «Друзьям Гафиза. Вечеря вторая. 8 мая 1906 года в Петробагдаде. *Встреча гостей*» (*Иванов*. Т. II. С. 738).

15. *Гиперион* — гафизитское прозвище Вяч. Иванова.

16. См. в письме Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 5 июня 1906 г.: «Идет огромный спор „за души" между Вяч<еславом> и Кузминым. Вячеслав требует энергетики, влияния преобразовательного excelsior zum höchste Dasein <ввысь, к высшему бытию — *лат.*, *нем.*>, а Кузмин потворствует Смерти, Страсти и своим желаниям, и своей роковой. минуте, ибо он глубокий философ. Я его определяю как ангела-хранителя Майи — покрова цветного мира, как единственно данного, любящего „эти хрупкие вещи" просто за *хрупкость* их. И что же было

бы с жизнью, если бы никто не любил бы ее покорно благословляющею любовью, готовой *пассивною* волею и на любовь и на смерть? Но Вячеслав определяет это как „горницу прибранную", в которую „поселился Сатана", как одержимого и сам себе неведомо творящего дела Духа Тьмы и Смерти» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 19. Л. 49—50).

17. *Борисоглебская церковь* находилась на Калашниковской наб., в створе Калашниковского пр. Окончательно снесена в 1975 г. *Никола* — т. е. Николин день (Никола летний).

18. Открытка от В. Ф. Нувеля опубликована: *Богомолов*. С. 226. В тексте: «...жду Вас завтра вечером...»

19. Может иметься в виду один из рыбных магазинов А. Н. Рузанова, но не исключено, что Кузмин таким образом записал фамилию Ф. Ф. *Русанова*, ведшего большую фруктовую и гастрономическую торговлю в Гостином дворе по Зеркальной линии. В записи от 7 октября 1905 г. Кузмин упоминает также покупку румян в парфюмерном магазине Саблукова и Рузанова в Гостином дворе.

20. *Воловятка* — Управление строительством Вологодско-Вятской железной дороги, располагавшееся в Ярославле. В этом Управлении служил В. Р. Менжинский (см.: Встречи с прошлым. М., 1987. Вып. 4. С. 104).

21. См. в письме Кузмина к Нувелю от 14 мая 1906 г.: «Брюсов на днях писал Верховскому, что мои вещи будут напечатаны в июльской или, самое позднее, в августовской книжке. Теперь мне присылают из „Весов", чтобы воспроизвести факсимиле фототипией. Просят ответ. Если это все, что выйдет из планов Феофилактова, то это очень грустно; или это помимо? Можно ли в официальном ответе (писал мне секретарь „В<есов>" Ликиардопуло) говорить об предполагаемом издании нот как о вещи решенной. Если помещать не из тех, что выбраны, то какое? из первой серии нельзя, т. к. слова не посланы для печати» (*Богомолов*. С. 226—227). План воспроизведения автографа фототипией исполнен не был (так же, как и план издания «Александрийских песен» с рисунками Н. П. Феофилактова).

22. Рассказ С. А. Ауслендера «*Колдун*» был опубликован в «Золотом руне» (1906. № 6).

23. «*Тридцать три урода*» (СПб.: Оры, 1907) — повесть Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, оконченная в начале мая 1906 г. (5 мая она писала М. М. Замятниной: «А я вчера написала рассказ: „Тридцать три урода". Это моя мука высказалась в очень странной форме. Задуман он давно» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 18. Л. 25 об.)). Воспринималась критикой как «женская» параллель к «Крыльям».

24. *Петроний* — «гафизитское» прозвище Нувеля.

25. *Аладин* — «гафизитское» прозвище Сомова.

26. У Вяч. Иванова есть ряд стихотворений, связанных с собраниями «гафизитов» — «Палатка Гафиза», «Встреча гостей» (*Иванов*. Т. II. С. 342—343, 732—739). См. также выше, примеч. 4.

27. См. это письмо (с сохранением орфографии и пунктуации): «Многоуважаемый Михаил Алексеевич. Ниско Вам кланиюсь желаю быть здоровым Михаил Алек. Аднако вы мне ловко надули. Я Вас

ждал 1 $^1/_4$ у Морозова и вы ни пришли потом пошел к магазину Козакову он Оказался закрытым. Тогда я поплелся домой в душе ругая Вас. Михаил Алек. в пятницу 19 числа приходите к Морозову только в 8 часов вечеру. Я буду ждать До 8 $^1/_2$ 9-го, т. е. до полчаса девятого и принисите деньжонок. Я себе к Троице костюм белый шью затем пожалуй Остаюсь известный Г. Муравьев. 1906 года. Мая 18-го. Жду ответа. Только пожалуйста ответьте» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Ед. хр. 162. Л. 9).

28. Возможно, имеется в виду письмо Чичерина от 16 (29) мая с еще одним отзывом об «Александрийских песнях» (*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 192 об.).

29. Обмен Кузмина и Нувеля письмами от 17 мая см.: *Богомолов.* С. 227—228.

30. Имеется в виду картина К. А. Сомова «Поэты» (1898). Репродукция опубл.: К. А. Сомов: 1869—1939. М., 1973. Илл. 6.

31. Ср. в стихотворении Городецкого «Ставят Ярилу»: «Дубовый Ярила / На палке высокой».

32. Роман «*Северный Гафиз*» задумывался Вяч. Ивановым (предполагалось также, что он будет писать его вместе с С. Городецким), однако написан он не был. О замысле см. в письме Иванова к Зиновьевой-Аннибал от 20 июля 1906: «Решили вместе <с С. М. Городецким> писать роман (хотя он вначале испугался, что будет мною порабощен) „Северный Гафиз"; причем <он> желает изображать судьбы старшего героя, а мне даст младшего, — и никак не наоборот. <...> Зэйн <С. М. Городецкий> разделяет мое мнение, что молодой герой романа (т. е. он сам) должен быть звероподобен, бессердечен, пожалуй, в смысле характерной для нового поколения безжалостности и легкости в отношении к жизни. „Быть в природе", — называет он это. А старый герой романа (Эль-Руми), по его мнению, таков: он как Данте — с двумя ликами, один обращен вперед к возрождению; его характеризует „хороший авантюризм". Из младшего героя старший хочет сделать худож<ественное> произведение, отчасти по своему замыслу. Это — его канва» (*РГБ.* Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 3. Л. 15 об. и 16 об.).

33. Из стихотворения Кузмина «Что ж делать, что ты уезжаешь...», примыкающего к «Александрийским песням» (*Кузмин.* С. 616). В оригинале: «Как светел весны приход...»

34. Начало «Приключений Эме Лебефа».

35. Слова Елисаветы, обращенные к Богородице (Лк. I, 43).

36. Какие *комедии Данкура* имеются в виду, нам неизвестно.

37. Эта задуманная Ивановыми поездка не состоялась.

38. «*Στεφανος*» («Венок») — книга стихов В. Я. Брюсова (М., 1906).

39. Ср. с тем, как Ремизов впоследствии вспоминал о своем знакомстве с Кузминым: «И когда заговорил он, мне вдруг повеяло знакомым — Рогожским, уксусные раскольничьи тетки, суховатый язык, непромоченное горло. И так это врозь с краской, глазами и розовым благоуханием. А какое смирение и ласка в подскакивающих словах» (Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 181).

40. Взгляды Вяч. Иванова на проблемы пола в это время изложены в его статье «О любви дерзающей» (Факелы: Кн. вторая. СПб.,

1907. С. 231—238; впоследствии вошла в статью «Спорады» сборника «По звездам»).

41. См. описание этого вечера в письме Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 26 (?) мая: «Дурачился Бердяев, его выбрали председателем, он лег на ковер на пунцовую занавесь <...> к его ноге прикрепили колокольчик и так он председательствовал. Тема — „о поле". Сначала Ремизов говорил ужасно забавно страшно смелые вещи, потом В<ячесла>в перевел все на физико-мистико <часть текста утрачена>, и стал диспут серьезным очень. Были писатель датчанин и скрипачка датчанка, его подруга, с которой умеющие говорили по-английски. Она играла. Когда ушли не Гафизцы и Бердяев, остался состав Гафиза и <...> продолжали тему на вопрос о том, что такое поцелуй. Диспут шел на полу, по латыни, ибо уже говорилось все до конца. И было многое сказано хорошо, и много вышло наружу правды» (*РГБ.* Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 18. Л. 37 об. — 38).

42. Т. е. сочинения *Кребийона-сына* — Клода Проспера Жольо Кребийона, сына французского драматурга П. Ж. Кребийона.

43. См. в цитированном в примеч. 41 письме: «А вечер провели у Кузьмина *<так!>*, где слушали его песни Александрийские, подарившие мне мир, ощутимый <?> гармонический мир красоты, слитого с душою *<нрзб.>* верно тела, покорного Майа, и мудрого отречение от познания. <...> Кстати, и красив экзотично Кузьмин, которого я назвала (и все друзья приняли) Антиноем» (Л. 38 об. — 39). Вероятно, к этому же вечеру относится и другое описание, в письме от 5 июня: «До этого еще мы были с В<ячеславом> <...> до 11 $^{1}/_{2}$ ночи у Кузьмина. Он играл и пел нам свои поразительно изящные и неожиданные композиции. Между прочим, и на стихи В<ячесла>ва „Виноградник свой обходит", который он написал уже давно. Он человек сложный бесконечно и вместе с тем цельный, как вылитый, со своими глазами-звездами и ласковою речью древнего Александрийца» (*Там же.* Ед. хр. 19. Л. 11—11 об.).

44. Музыкальное сочинение Кузмина «*1001 ночь*» (1903—1906) не сохранилось.

45. Имеется в виду трехтомный фривольно-авантюрный роман Ж.-Б. Луве де Кувре «*Любовные похождения кавалера де Фобласа*» (1787—1790), рисующий нравы дворянского общества накануне Великой Французской революции.

46. «*Прометей*» — трагедия Вяч. Иванова, писавшаяся, по крайней мере, с 1906 г., но оконченная лишь к концу 1914 г. (опубликована: Русская мысль. 1915. № 1. Отд. изд.: Пг., 1919).

47. «*Риголетто*» (1851) — опера Дж. Верди.

48. Что имеется в виду — не ясно. Пьеса Кузмина «Зеркало дев» (по-французски — «Le miroir des Vierges») с собственной музыкой была написана им только в 1915 г. (текст опубликован А. Г. Тимофеевым: *НЛО.* 1993. № 3; Театр. Т. IV).

49. *Торцы* — части торцовой мостовой из шестигранных деревянных шашек, которая укладывалась на главных улицах и по направлениям возможных царских проездов.

50. Полный текст этих стихотворений С. М. Городецкого неизвестен.

51. См. запись в дневнике Вяч. Иванова: «Утром вчера — на кладбище Новодевичего монастыря, на похоронах матери Сомова» (*Иванов*. Т. II. С. 744).

52. В журнале «Зори» за 1906 г. подобная публикация не разыскана.

53. См. запись в дневнике Вяч. Иванова от 1 июня: «Вчера я проповедовал Гафизитам „мистический энергетизм". Они сердятся на „моралиста" и думают, что это одно из моих девяти противоречий. („В чем мудрость Муз?" спросили меня. Я сказал: „В том, что их девять: поэзия — девять противоречий".) Между тем, это — мое настоящее и верное. Стихотворение Городецкого из Эль Руми было предостережением и напоминанием. — Вчера С. Котляревский и Струве у нас пророчили грядущее варварство и noctem longam <долгую ночь — *лат.*>; одна мистика, говорили они, будет хранительницей культурного предания в распаде России" <...> Антиноя я бы любил, если б чувствовал его живым. Но разве он не мертв? и не хоронит своих мертвецов, — свои „миги"? Ужели кончилась lune de miel <медовый месяц — *франц.*> эротико-эстетического „приятия" и его, и других Гафизитов. По Гафизу, — это — творчество. Esperons <Будем надеяться — *франц.*>» (*Иванов*. Т. II. С. 744).

Июнь 1906

1. Обязательный осмотр проституток проводился полицейским врачом по субботам.

2. В дневнике Вяч. Иванова от 2 июня: «Вечером Сомов, Бакст, Кузьмин *<так!>*, Нувель; итальянские арии XVII в. и Grétry. Пение Сомова. Музыка Нувеля. Так до солнечного восхода» (*Иванов*. Т. II. С. 746).

3. В дневнике Вяч. Иванова от 3 июня: «Обедают у нас Харикл и Renouveau. Есть „максималисты" и „минималисты" в жизни. Они — последний тип, их житейская философия — pis aller <на худой конец — *франц.*>. Романтики — максималисты. Петроний замечает, что наибольшего достигают однако выступающие с программой-minimum. Он находит, что я неисправим, не понимает башенного уединения и пр. Мы с Диотимой чувствуем себя часто нерасторжимо скованными — нашим глубоким одиночеством среди людей. Речь шла о жизни Харикла: отравление лавровишневыми каплями, лечение от истерии, Александрия, похождения в Италии, каноник Мори, письмо которого к матери Харикла прочитано вслух» (*Иванов*. Т. II. С. 746).

4. Речь идет, по-видимому, о необычном наряде Кузмина, удивившем городового.

5. На Галерной ул., 12, жил В. Ф. Нувель.

6. Кузмин пишет то Гречковский, то Гричковский. Возможно, имеется в виду Николай Осипович Гришковский, которого К. А. Сомов в письме к сестре из Нью-Йорка от 17 января 1924 г. упомянул как «слу-

жившего когда-то у Дягилева, устраивавшего выставки в Нью-Йорке Бакста и знающего великолепно город и его обычаи» (Сомов. С. 228).

7. *«Кормчие звезды»* (1903) — первый сборник стихотворений Вяч. Иванова.

8. *«Woche»* — иллюстрированный еженедельник, издававшийся в Берлине с 1899 г.

9. Речь идет о книге: «Mémoires de Hyppolite Clairon et reflections sur l'art dramatique» (Paris, 1798, либо другое издание).

10. *«La belle Hélene»* («Прекрасная Елена», 1864) — оперетта Ж. Оффенбаха. *«Fille de m-me Angot»* («Дочь мадам Анго», 1872) — оперетта Ш. Лекока.

11. На жаргоне круга Кузмина *«мозгология»* — нудные, бессодержательные рассуждения с претензией на откровение.

12. В этот день Кузмин виделся с Вяч. Ивановым (см.: *Иванов*. Т. II. С. 748).

13. Ср. записи в дневнике Иванова за это число: «...усталость прошла, как только мы завидели у подъезда одновременно прибывших Сомова и Кузмина. К счастью, мы подоспели как раз вовремя. Аладин улыбался своей милой улыбкой, ласково дарящей и как бы приглашающей к танцу Харит. А в глазах Антиноя было щедрое солнце и он возвестил о своем желании прочитать, наконец, свой знаменитый дневник. Когда мы сели за чайный стол, прибыл и Renouveau. Замуртуд <Зиновьева-Аннибал. — *Н. Б., С. Ш.*> легла на кушетку, придвинутую к столу. Аладин протянул ноги на стулья. Я сидел между Антиноем и Замуртуд. Renouveau наблюдал меня en face, чтобы кидать мне иронические упреки, в роде: „Он ведь мертвый человек" и т. п. Чтение было пленительно. Дневник — художественное произведение. <...> После чтения — скучноватые разговоры и споры на темы пола. Если бы Антиной не упрямился и не рефлектировал раньше, боясь прочесть мне дневник, — не пришлось бы и мне насчет его упрямиться и рефлектировать, подчас абсурдно, и томить его анализами и полемиками» (*Иванов*. Т. II. С. 749—750. Здесь дано с исправлениями по автографу: *РГБ*. Ф. 109. Карт. 23. Оп. 1. Ед. хр. 19).

14. Поскольку Кузмин носил поддевку («ходил по-русски», как сказал узнавший его банщик 5 апреля 1907 г.), вход в рестораны высшего разряда (кроме отдельных кабинетов) был ему заказан. В Петербурге существовало несколько трактиров под названием «Москва», и какой упоминается здесь, сказать затруднительно.

15. Магазин гастрономической и фруктовой торговли С. А. *Смурова* помещался на Морской ул., 25/11.

16. Ср. в дневнике Вяч. Иванова 16 июня: «Пятая вечеря Гафиза (без Городецкого). — *Я устремляюсь к вам, о гафизиты! Сердце и уста, очи и уши мои к вам устремились. И вот среди вас стою одинокий. Так, одиночество мое одно со мною среди вас*». И далее: «Правда, я был плохой архонт. Гафиз должен сделаться вполне искусством. Каждая вечеря должна заранее обдумываться и протекать по сообща выработанной программе. Свободное общение друзей периодически прерываться исполнением очередных нумеров этой программы, обращаю-

щих внимание всех к общине в целом. Этими нумерами будут стихи, песни, музыка, танец, сказки и произнесение изречений, могущих служить и тезисами для прений, а также и некоторые коллективные действия, изобретение которых будет составлять также обязанность устроителя вечери — εὐρυθμος᾽α (или архонта). Необходимость покоя и промежутков между свиданиями продолжительностью от 3 до 5 недель» (*Иванов*. Т. II. С. 751, 752. Здесь дано с исправлениями по автографу: *РГБ*. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 19). Ср. также запись Кузмина от 19 июня.

17. Вероятно, имеется в виду артист балета Мариинского театра Сергей Густавович *Легат*, талантливый художник-акварелист. Вместе с братом Николаем был автором альбома «Русский балет в карикатурах» (СПб., 1903). Сергей Легат был женат на Марии Мариусовне Петипа, вдвое старше его. В октябре 1905 г. он покончил с собой, перерезав горло бритвой. Это самоубийство долго обсуждалось в петербургском свете.

18. См. запись от 17 июня в дневнике Вяч. Иванова: «Загадочное письмо Гермеса-Зэйна о таинственных и нежных причинах, его задержавших» (*Иванов*. Т. II. С. 752; здесь дано с исправлением по автографу). Эти причины разъясняются Ивановым в письме к жене от 3 августа: «Признался, что нежнее всего на свете, — хотя втайне, оставляя разоблачение для Гафиза. Он влюбился в березу, которую мне покажет. На ней разорвана им кора. Я сказал, что он многообещающий юноша и идет дальше меня, с моей влюбленностью в картину» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 3. Л. 46 об.).

19. *Гаэтано* — действующее лицо «Опасной предосторожности» Кузмина, к которой Нувель писал музыку.

20. Речь идет о несостоявшемся московском издании нот и текста к «Александрийским песням» с рисунками Феофилактова.

21. Имеется в виду анонимный роман «Aventurier hollandois, ou la viet les aventures divertissantes et extraordinaires d'un Hollandois» (изд.: Amsterdam, 1729, 1767; Paris, 1801).

22. Ср. в письме Кузмина В. В. Руслову от 20 января 1908 г.: «Мушки черные я имел вырезанные Сомовым, потом сам вырезал по трафаретам его и Сапунова. Золотые были не мушки, а просто раскраска по щеке по этим трафаретам. Формы: сердце, бабочка, полумесяц, звезда, солнце и фаллос. На боку большой Сомовский Чертик» (*Богомолов*. С. 212).

23. *«Славянка»* — ресторан на Новодеревенской наб., 4. Ср. также выше, примеч. 14 — о русском платье Кузмина и проблемах с посещением ресторанов из-за этого.

24. *«Антэрос»* — стихотворение Вяч. Иванова из цикла «Симпосион» в книге «Эрос».

25. *«Роберт Дьявол»* (1830) — опера Дж. Мейербера; *«Жизель»* (1841) — балет А. Адана.

26. «Таврический сад был разделен на три части: в прилегающую ко дворцу никого не пускали; вдоль Потемкинской улицы протянулся платный увеселительный сад; остальная часть, в запущенном состоянии, была открыта для публики» (*ЗиП*. С. 29).

27. Имеются в виду корректуры цикла «Александрийские песни» из журнала «Весы».

Июль 1906

1. Дневник Вяч. Иванова 1906 г. опубликован: *Иванов.* Т. II. С. 744—754 (с отдельными неточностями).

2. Ср. стихотворение Кузмина «Из поднесенной некогда корзины...» (1906; *Кузмин.* С. 61). Упоминаемая там и в записи «*ария Розины*» — каватина из второго акта оперы Д. Россини «Севильский цирюльник».

3. См. в воспоминаниях Д. Ф. Сверчкова: «... в Дом предварительного заключения привезли и посадили на первый этаж неизвестного с.-р., убившего в Петергофе по ошибке генерала Козлова (он принял его за Трепова, так как Козлов был очень похож на этого „героя" 9 января). Убийцу судили военным судом и приговорили к повешению. Неизвестный с.-р., убивший Козлова, казнен под именем „Виктора Васильева"» (Сверчков Д. Ф. На заре революции. 4-е изд. Л., 1926. С. 215).

4. В начале июля Н. Д. Чичерина дважды писала Г. В. Чичерину о Кузмине. 2 июня она сообщала: «С Мишей ничего нельзя сделать. Нельзя спасать человека от самого себя. От его друзей отделить его невозможно; Козаков *<так!>* и компания никогда из своих рук не выпустят Миши. Сестра его давно уж уехала в Васильсурск, а он еще в Петербурге; раньше было решено, что М. Ал. скоро после ее отъезда отправится вслед за ними. Денег М. Ал. все недостает, и он просит вперед. Я очень боюсь, что Вам спустя некоторое время придется снова платить за него большую сумму. Дай Бог, чтобы мое предположение было неверным» (*РЦХИДНИ.* Ф. 159. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 114 об—115). Через несколько дней после визита, 10 июля, она писала: «М. Ал. был у нас один раз и довольно долго. Он еще не уезжал в деревню. Из его слов мне казалось, что его удерживали здесь друзья, но кто — он не рассказывал. Кажется, что был болен, хотя вид у него был недурной. Было бы хорошо, если бы я ошибалась относительно его друзей и они не мешали бы ему жить» (*Там же.* Л. 95).

5. Речь идет об отъезде Л. Д. Зиновьевой-Аннибал в Швейцарию к детям.

6. «Скурильность» — словечко, изобретенное А. Н. Бенуа и введенное им в круг мирискусников. Происходило от латинского «scurra» (шут), обозначало забавные своей нелепостью и безвкусицей вещицы, которые Сомов коллекционировал (современный аналог — «кич»). Подобное коллекционирование описано К. Вагиновым в романе «Козлиная песнь». Собирал «скурильности» позднее и Ю. И. Юркун.

7. См. в письме Вяч. Иванова к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от 8—10 июня: «В 9-м часу „кушал" свое жаркое и яичницу, а подле сидели и смотрели Reonuveau и Антиной. Первый позвал меня с собой в Павловск, и я согласился. Потом присоединился и Антиной, вознамерившийся везти с собой Павлика. Но настроение мое было самое подавленное. Только что узнал от Нувеля о роспуске Думы, введении чрезвычайной

охраны в Петербурге и — вчера не заметил в двух просмотренных мною газетах этой печальной вести — о конфискации № 4 „Адской почты". Спорили вяло о политике, потом зашли к Кузмину, куда приехал его Павлик. Но ехать я отказался, п<отому> ч<то> хотелось зайти в редакцию» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 3. Л. 1—1 об.).

8. *«Barbier de Seville»* («Севильский цирюльник», 1816) — опера Дж. Россини.

9. См. письмо Вяч. Иванова к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от 13 июля: «...вечером был у меня Чулков — обычный Чулков со своею тревогой и нервным дерганьем и себе-на-уме. Мы спускались по лестнице, когда встретили Renouveau, заехавшего за мной в предположении, что я их обманул. У Кузмина сейчас же началась целая опера — „Севильский Цирюльник", т. е. разыгрывание партитуры с пением. Завидно было любоваться на такое мастерское обладание роялью и ритмами. Целый мир de la gaité d'antan <веселья былых времен — *франц.*> непринужденно развертывался в быстрейших темпах и с великолепным brio <живость, блеск — *франц.*> — Сомов сидел и радовался, но не пел. Я ему объяснил, что нужно было: но обижаться он и не думал, а совершенно естественно счел, что прошлый вторник был для всех неудобен. Стал я уверять Нувеля, что задача его жизни воскресить эту gaité d'antan в большой опере, но все же новой и разнообразной, напр<имер> в опере „Северный Гафиз". После „Цирюльника" я имел большой успех (как и у Чулкова) своей „Змеей", которую находят замечательно сделанной: правда, ценят главным образом именно die Mache <выделку — *нем.*>. Далее, начались фрагменты из Carmen, и пришел Павлик, конечно несколько вульгарный в своей социальной угловатости — от желания быть интеллигентного вида молодым человеком и даже comme il faut. Он молчит, как рыба, и Антиной тает, посылая ему влюбленные улыбки и ocellades <строя глазки — *франц.*>. Они нечто в роде скромных и занятых собою внутренне jeunes mariés <молодоженов — *франц.*> со всесоответствующей и досадной fadeur <пошлостью — *франц.*>. По поводу Кармен возгорелся между мной и Reonuveau с слабым и брезгливым аккомпанементом Антиноя и вдумчивым участием Сомова, большой эстетический спор, который выводил очевидно чету из себя. Павлик ушел спать, а мы трое, очутившись на улице, с прискорбием конста-тировали очень поздний час, 2 $^1/_2$ ч.!» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 3. Л. 3—4).

10. См. в письме Иванова к жене описание этой поездки к Сомову в Мартышкино: «Отправился к двухчасовому поезду в Петергоф с Антиноем; на вокзале присоединился Нувель. В Мартышкине на платформе встретил очаровательный Аладин. Пришли на их милую тихую дачку. Отец был в городе, в Эрмитаже. Анна Андреевна <сестра Сомова. — *Н. Б., С. Ш.*> нашла, что мы подробно комплиментируем друг друга. Потом брат и сестра очень мило пели. Я слушал под окнами, а в окне рисовалась голова пригорюнившегося Антиноя, в которого я не замедлил страстно влюбиться. <...> Потом Сомов повел в свою комнату, где показывал уже воспроизведенный фронтиспис к Reisebücher <Путевым дневникам — *нем.*> Гёте, и писалось завещание Антиноя, уезжа-

ющего сегодня на Волгу, — или точнее договор, которым Сомов и Нувель обязуются, во время его отсутствия из Александрии, пещись о Павлике и предостерегать его от увлечений и покушений. Была приложена гербовая марка и потребована моя подпись в качестве свидетеля. <...> Подпись моя на завещании их очень забавила: „известной Вячеслав Иванов". Это — подражание показанному мне Нувелем безграмотному billet d'amour <любовной записке — *франц.*>, где назначалось свидание „в старом месте, где в сегда" и которое было подписано: „Известной Вячеслав N.". <...> По дороге был влюблен в Антиноя, а дома нашел кучу дальнейших корректур из тип<ографии> „Общ<ественная> Польза"» (*РГБ.* Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 3. Л. 5 об.—7 об.).

11. Ария Ифигении из 1 акта «Ифигении в Тавриде» К.-В. Глюка. Далее в арии следует обращение к богине *Диане*.

12. См. в письме Иванова к жене от 15 июля 1906 г.: «В четверг, 13-го, пришел ко мне Антиной, очень грустный, и пел, прекрасно и трогательно, из Глука, Моцарта, Шуберта — все о смерти. Еще при составлении вышеописанного завещания, он сказал: „а, может быть, я и вправду не вернусь?" Я же был опять в него страстно влюблен, чуть не плакал над этой хрупкой и изящной, нежно-покорной и не знавшей счастия pauvre âme emprisonné <бедной пленной душою — *франц.*>. Он и сам согласен, что в нем пленная душа женщины. Ты знаешь, как к нему идет большая нежная печаль. Дал ему опять в долг 25 р., которые ему тяжело было брать, и он сам не решился попросить, но я видел, что его положение критическое. — Я поцеловал его в страдальчески-улыбающиеся щеки (знаешь ту линию около рта) — и отпустил до свидания на вокзале. <...> в 8 $^1/_2$ вечера был на Николаевском вокзале, где было нововведение — на платформу не пускали провожающих, т. к. боялись демонстраций при отъезде депутатов. Встретил Кареева, который был подавленно растерян и сказал, что в Выборге он не был, но подпись свою к депутатскому манифесту присоединил <речь идет о так называемом „Выборгском воззвании" депутатов Первой Государственной Думы. — *Н. Б., С. Ш.*>. Антиной сидел в буфете с похоронным лицом, в обществе миловидного, белобрысенького Павлика. Нувель острил: „Vous Nous compromettez en parlant avec des députés" <„Вы нас компрометируете, говоря с депутатами" — *франц.*> — потому нас и не пускают на платформу"» (*РГБ.* Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 3. Л. 9—10).

13. *«Записки Ганимеда»* — рассказ С. Ауслендера (опубл.: Весы. 1906. № 9), связанный с «Обществом Гафиза». См. в письме З. Н. Гиппиус к В. Я. Брюсову от 15 ноября 1906 г.: «...от кого же, как не от вас, будет нескучно услышать о новом „тайном" обществе Вячеслава Иванова, о котором мне уши прожужжали его (общества, а не Вячеслава) члены, попавшие в Париж? Правда, они говорят-говорят — и вдруг остановятся: „секрет". Далее уж им позволено указывать на „Записки Ганимеда"» (*РГБ.* Ф. 386. Карт. 82. Ед. хр. 38. Л. 40).

14. Письма Кузмина к Сомову от 17 июля и к Нувелю от 18 июля см.: *ГРМ.* Ф. 133. Ед. хр. 231. Л. 4 и об.; *Богомолов.* С. 230—231.

15. См. письмо к Чичерину от этого числа: «Я очень о тебе соскучился, хотя боюсь, не слишком ли мы разойдемся, даже и со сос-

кочившей бесследно моей черносотенностью. Как бы нам увидаться скорее» (*Перхин.* С. 216).

16. Подобные сборники анекдотов (*«Anecdotes de la cour de France»*) были весьма распространены, и выяснить, какой именно здесь имеется в виду, затруднительно.

17. Имеются в виду мемуары знаменитой Эммы *Гамильтон* (1763—1815), возможно — «Memoires de lady Hamilton, ambassadrise d'Angleterre à la cour de Naples, on Choix d'anecdotes curieuses sur cette femme» (Paris, 1816, или другое издание).

18. См. в письме Кузмина к Г. В. Чичерину от июля 1903 г.: «...когда мы ездили в женский монастырь через леса вчетвером: сестра моя, племянник Сережа, я и Сережин товарищ Алеша Бехли, среди самой неестественной обстановки мне захотелось вдруг изобразить ряд сцен из Итальянского возрождения, страстно» (*РНБ.* Ф. 1030. Ед. хр. 54. Л. 29).

19. Имеется в виду № 6 «Золотого руна» с рассказом С. Ауслендера «Колдун».

20. Имеется в виду репродукция портрета работы Л. С. Бакста (Золотое руно. 1906. № 6. С. 17).

21. Письмо не сохранилось, однако его содержание восстанавливается по письму Иванова к жене от 29—31 июля: «С Антиноем — целая история. Во-первых, телеграмма: „умоляю исполнить скорее просьбу письмом". Потом получаю письмо с описанием невероятной тоски, отчаянья и angoisse <тревоги — *франц.*> и мольба вернуть его из ссылки, дав до сентября еще 35 р., — если возможно, переведя по телеграфу. Сегодня другое письмо с упреками за мою проповедь прежней меры, прежнего строя, прежней покорности. Утром, после ванны, пошел на почту и послал по телеграфу 35 р.» (*РГБ.* Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 3. Л. 38 об. — 39).

22. Письмо Иванова Кузмину от 24 июля 1906 г. сохранилось: «Милый Антиной, благодарю Вас, что помните Вашего любящего друга. Мне несказанно больно знать, что на Вашем прекрасном лице та же скорбная тень, та же печать душевного страдания, как в день отъезда. Часто я думаю о возможностях и условиях счастия для Вашей слишком изящной и нежной души, устремленной из себя в жизнь, глядящей в жизнь слишком большими, слишком прекрасными глазами, влюбленной в жизнь с покорностью женской. (Кажется, впрочем, что жизнь сама — женщина и хотела бы покорствовать и подчиняться). Много имен у счастия; Ваше счастие, кажется, зовется Гармонией. Друг мой, знаете ли, что Вы, мнится мне, изменили самому себе? Не в этой ли измене — πρῶτονψεῦδος <«перволожь» — *греч.*>, не отсюда ли и отмщение душевных мук? Кто так любит, как Вы теперь, тот уже не покорствует. Это уже голод, ропот, неутоленная, домогающаяся воля. Я не знаю, имеете ли Вы право на страстные алканья любви. Вы, в своей сущности, — красота, милостивая, нисходящая, кроткая победительница, ничем не победимая, но свободно покорствующая, любимая, желаемая — и не желающего желанием человеческого голода, — царственная и потому осчастливливающая и сама, б<ыть> м<ожет>, несчастливая, во всяком

случае, не знающая острого счастия голодных и жадных, когда они насыщены. В первую пору нашего знакомства Вы производили впечатление исполненной гармонии и внутреннего обилия, успокоенного в себе и обусловливающего для Вас тот „мир" с людьми и вселенной, о котором любит говорить словами Гёте наш Renouveau. А теперь Вы далеко ушли от этого внутреннего строя, от этой гармонии. Вы стали алкать. Целительно было бы Вам вернуться к этому интимному строю. Помните, как Вы вносили какую-то меру и порядок во всю свою жизнь: как Вы любили быть обрядовым в любимых формах душевного сосредоточения, как Вы распределяли свой внутренне занятый день, как в Вашем отношении к жизни неизменно сопутствовали Вам три хариты — харита, приемлющая дар, харита дарящая и харита благодарящая. Ваша душа была стыдливой, умильной, пленительной харитой — и так ждала она от жизни даров, и так принимала их, и так благодарила мгновение за его легкий дар. И в этом строе была Ваша верность себе и залог возможного для Вас счастия. Быть может, и тот длительный кризис, который Вы переживаете в настоящую минуту с такою болью, опять вернет Вас этому прекрасному строю, показав Вам уклон Ваш и закалив Вашу истинную волю благословляющего покорства и радостного приятия. Быть может, чары любимого Вами Поволжья восстановят Вашу душевную ясность и с нею истинное вдохновение Вашего творчества. В последнее время Вы злоупотребляли разными stimulants: они Вам не нужны.

Renouveau, вероятно, уже писал Вам. Он говорит, что видит Павлика.

Передайте мой привет милому Ганимеду. Любящий Вас Вячеслав.

Рябушинскому я писал: „прошу о внимательном рассмотрении повести из античной жизни, кот<о>р<ую> Вам пришлет поэт М. А. Кузмин; это — истинно художественное произведение, по моему эстетическому убеждению". Заезжайте-ка на возвратном пути в Москву!

В. И.» (*WSA*. Bd. 17. S. 437—438; публ. Ж. Шерона. Сверено с оригиналом: *РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 1793).

23. В письме от 27 июля Иванов сообщал жене: «Мои хлопоты письменные все же немного помогают. Мирэ Рябушинский писал и приглашал. Кузмина повести ждет» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 3. Л. 25 об.). Очевидно, это произошло значительно ранее, т. к. уже 22 июля Нувель сообщал Кузмину: «Иванов в письме к Рябушинскому горячо рекомендует Вашу Александрийскую повесть. Где она? Нельзя ли мне ее получить, чтобы отправить в „Руно"» (*Богомолов*. С. 232). 25 июля Кузмин отвечал ему: «„Елевсиппа" посылаю завтра; я думаю, возможно послать, не переписывая» (*Там же*. С. 234). Однако еще 13 апреля Кузмин писал Чичерину: «...нужно будет переписать для Полякова и отдать переписать „Повесть об Елевсиппе" для „Руна", т. к. оттуда сказали, что „Крылья" хотя то-то и то-то, но слишком объемисты, и просили прислать что-нибудь другое» (*Перхин*. С. 214).

24. Телеграмма опубликована: *Богомолов*. С. 236.

Август 1906

1. Письма К. А. Сомова к М. А. Кузмину хранятся в *РНБ* (Ф. 124. Ед. хр. 4084). Письма Кузмина Сомову — в *ГРМ* (Ф. 133. Ед. хр. 231—233). Три письма Сомова Кузмину от 31 июля, 1 и 10 августа 1906 г., о которых упоминается в дневнике, опубликованы с купюрами и неточностями (*Сомов.* С. 94—96). Письмо Нувеля от 1 августа 1906 г. см.: *Богомолов.* С. 236—237. В тот же день Кузмин отправил Нувелю телеграмму: «Телеграфируйте что с Павликом. Кузмин» (*Там же.* С. 236).

2. Р. Вагнер, будучи капельмейстером оперы в Дрездене, принимал участие в майском восстании 1849 г., после чего был вынужден бежать и провел в изгнании 13 лет.

3. Имеется в виду вступление к дневнику, написанное Кузминым в той же тетради.

4. В тот же день написано большое письмо к Нувелю (см.: *Богомолов.* С. 239).

5. См. в письме Кузмина к Нувелю от 5 (18) августа: «Павлик это время несколько закутил с гр. Шереметьевым *<так!>*» (*Богомолов.* С. 239).

6. Пароходная компания, чьи пассажирские суда курсировали по Волге. *«Самолет»* конкурировал с другой волжской компанией — «Кавказ и Меркурий», упомянутой в записи от 10 августа.

7. Первая строфа стихотворения Ф. Сологуба, только что опубликованного (Золотое руно. 1906. № 6). Оно было положено Кузминым на музыку (см. запись от 3 сентября 1906 г. и примеч. 37, февраль 1907 г.).

8. Упомянутое письмо Нувеля не сохранилось, поэтому трудно сказать, какую встречу гафизитов он имеет в виду. Судя по письмам Иванова к жене, дошедшим до нас без пропусков, они встречались не у Сомова, а у Иванова или Нувеля (что выглядит гораздо вероятнее, т. к. встреча у Сомова, жившего на даче, потребовала бы слишком больших усилий). Городецкий был на этой встрече 3 августа, что описано Ивановым в письме от 4 августа (*РГБ.* Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 3. Л. 48—49 об.).

9. Упоминается эпизод из главы 46 романа Э. и Д. Гонкуров «Жермини Ласерте» (1865).

10. Музыку на стихи А. С. Пушкина «Черная шаль» (1820) писали более двадцати композиторов, в том числе Верстовский и Алябьев.

11. Очевидно, имеется в виду письмо от 10 августа (*Сомов.* С. 95—96).

12. Неточная цитата из начала «Каменного гостя». У Пушкина Дон Гуан говорит:

Дождемся ночи здесь. Ах, наконец
Достигли мы ворот Мадрита! Скоро
Я полечу по улицам знакомым,
Усы плащом закрыв, а брови шляпой.

13. Обыгрывается название книги Н. А. Лейкина «Наши за границей: Юмористическое описание поездки супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых в Париж и обратно».

14. *«Armide»* («Армида», 1777) — опера К.-В. Глюка.

15. Недатированные письма Н. П. Феофилактова к Кузмину хранятся в *РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 4488. Речь идет все о том же не осуществившемся издании «Александрийских песен» с рисунками Феофилактова. Ср. с записью от 5 сентября 1906, где Кузмин передает слухи о задуманной Феофилактовым «порнографии».

16. См. в письме к Чичерину от 31 августа: «...пишущийся мною роман „Приключения Эме Лебеф" хотело заказать мне издательство „Шиповник", которое предлагало мне перевести для издания изящного с рисунками „Kater Murr"» (*Перхин*. С. 221).

17. Ситуация, сложившаяся в доме Ивановых после возвращения Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, отразилась в двух ее открытках к М. М. Замятниной: 1. «В эти 5 дней рухнули две судьбы и воскресли две новых. <...> два раза сидели ночь Гафизиты: Сом<ов>, Нув<ель>, Кузм<ин>. Они трогательно и нежно любят меня» (Почтовый штемпель 27.VIII.1906); 2. «*Ничего* не известно и какой-то вихрь, все висит в воздухе, кроме нашей любви с В<ячеславом> и нашего тройственного союза, но весь союз в воздухе, а вокруг рушатся судьбы» (Почтовый штемпель 29.VIII.1906. *РГБ*. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 19. Л. 28—29).

18. *«Каменный гость»* — неоконченная опера А. С. Даргомыжского, завершена в 1872 г. Ц. А. Кюи и Н. А. Римским-Корсаковым.

19. Возможно, имеется в виду недатированная записка Кузмина к Баксту, хранящаяся в фонде Сомова (*РГАЛИ*. Ф. 869. Оп. 1. Ед. хр. 44). Ср. в письме Бакста к Сомову и Нувелю: «Дорогие Костя и Валя, Сейчас получил это отчаянное письмо от Кузьмина *<так!>*. Что делать! Я сам без гроша и avec toute bonne volonté <при всем желании — *франц.*> не могу ничего поделать. Не придумаете ли вы что-нибудь?» (*Там же*. Ед. хр. 10).

20. «И когда дух от Бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гусли, играл, — и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него» (1 Цар. 16, 23).

21. См. открытку Нувеля от 28 августа 1906 г.: «Приходите к 9-ти и принесите дневник. Музыку к „Александрийским песням" я просмотрел и отправил в Москву сегодня. Завтра напишу Феофилактову» (*Богомолов*. С. 244).

22. Неточно процитирована первая строка стихотворения Пушкина «Из Анакреона» («Узнают коней ретивых...») (1835).

23. Имеется в виду магазин колониальных товаров (чая, кофе, фруктов) В. М. *Ветчинкина* по адресу: Рождественская ул., 17/23.

Сентябрь 1906

1. Телеграмма сохранилась (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 195). Ср. письмо Кузмина от 31 августа и 1 сентября (*Перхин*. С. 221—224).

2. *«Майская ночь, или Утопленница»* (1879) — опера Н. А. Римского-Корсакова.

3. *«Richard Coeur de Lion»* («Ричард Львиное Сердце», 1784) — опера А.-Э.-М. Гретри.

4. Имеются в виду стихотворения из цикла «Любовь этого лета». В списке гостей на этом вечере, кроме упомянутых Кузминым, Сологуб отметил еще В. И. Корехина, Л. Шестова, К. А. Сюннерберга (*ИРЛИ*. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 48).

5. Упомянутое письмо неизвестно.

6. См. в письме Кузмина к Брюсову от 5 (18) сентября: «...тождество адресов и некоторое внешнее сходство письма г. Ауслендера и меня объясняется тем, что этот совсем молодой (20 л.) еще автор хорошо знает меня и мои вещи, будучи сыном моей сестры, с которой я живу вместе. Тем более я не считаю возможным воспользоваться столь лестно, столь незаслуженно предложенным мне правом свое удовольствие или неудовольствие представлять на усмотрение редакции при решении этого вопроса. <...> Свои вещи я решил подписывать исключительно своим полным и настоящим именем» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 91. Ед. хр. 11. Л. 3—3 об.).

7. Очевидно, ноты композитора А. А. *Оленина*.

8. В дневнике Вяч. Иванова и его письмах к жене нередки упоминания о признаках психического расстройства у Мирэ. Судя по этой записи, Иванов предполагал, что они связаны с изменениями в сексуальной жизни (в молодости Мирэ некоторое время была во Франции проституткой, о чем рассказывала Н. Г. Чулкова: «Она много увлекалась, много пережила любовных встреч и разлук, попадала в низы Парижской жизни, была прачкой, привыкла пить абсент и вино и, попав в Гавр, побывала даже в доме терпимости, где кутила с матросами» (Чулкова Н. Г. Воспоминания о моей жизни с Г. И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми // *РГБ*. Ф. 371. Карт. 5. Ед. хр. 1. Л. 35). Ср. также: Чулков Г. И. Валтасарово царство. М., 1998. С. 461).

9. Лидия Вяч. Иванова впоследствии стала композитором.

10. См. в письме к Брюсову от 6 (19) сентября: «...обращаюсь к Вам с большою просьбой написать Ваше мнение о посылаемом мною ряде стихотворений, тесно связанных между собою и которые я хотел бы назвать „Любовь этого лета", если бы это не звучало так некрасиво» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 91. Ед. хр. 11. Л. 5).

11. «*Тетки*» — жаргонное название активных педерастов.

12. «*Joseph*» («Иосиф», 1807) — опера Э.-Н. Меюля.

13. «*L'Inganno felice*» («Счастливый обман», 1812) — опера-буфф Дж. Россини.

14. Дочь С. М. Городецкого родилась 5 августа 1906 г. (см. упоминание об этом в записи от 29 августа). На ее матери Городецкий не был официально женат.

15. Ср. в воспоминаниях Л. В. Ивановой: «Мама обожала красивые ткани. Большей частью гладкие, но всевозможной окраски. Когда ей случалось проходить мимо распродажи материй, она обязательно покупала отрезы, без всякого намерения шить из них что-либо — просто за красоту цвета. Со временем образовалась целая корзина этих тканей. <...> Для себя мама из своих тканей делала хитоны, как она их называла. Хитон состоял из двух кусков материи, длинных, до полу, скрепленных на плечах брошками. Сверху она накидывала ткань в виде длинного и

широкого шарфа, спускающегося с плечей вдоль рук» (Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. [Paris, 1990]. С. 15).

16. *«Cenerentola»* («Золушка», 1812) — опера Дж. Россини.

17. *«К звездам»* (1906) — драма Л. Н. Андреева.

18. *«Вена»* — ресторан на М. Морской ул., содержавшийся И. С. Соколовым. «Ресторан этот был знаменит. Основными его посетителями были художники, актеры, писатели. Писатели главным образом. Они собирались сюда, как в клуб, часам к восьми-девяти, а после полуночи приходили, прямо из театра, актеры и их почитатели. <...> Все стены <...> были украшены картинами, сделанными здесь же, экспромтом, по заказу бражничающей компании, с натуры, небрежно, карандашом чаще всего. На стенах висели окантованные автографы знаменитых, известных и только желанных здесь гостей. Скатерть на одном столе — он стоял посередине зала — вся была покрыта подписями, рисунками, сделанными химическим карандашом, чернилами, акварелью. Некоторые подписи были дополнительно прошиты золотистым шелком» (Борисов Л. И. За круглым столом прошлого: Воспоминания. Л., 1971. С. 148). См. также альбом «Десятилетие ресторана „Вена“» (СПб., 1913).

19. В эти дни Кузмин исполнил принятое еще в Васильсурске решение: переменил русское платье на европейское («штатское»). Ср. в письме к К. А. Сомову от 13 (26) сентября: «Теперь я хожу в европейском платье, хотя предвижу сожаление друзей, любовь к которым не стала другой от измененного костюма» (*ГРМ.* Ф. 133. Ед. хр. 20. Л. 1—1 об.).

20. Имеются в виду иллюстрации и виньетки Феофилактова к сентябрьскому (1906) номеру «Весов».

21. Драма А. И. Косоротова *«Коринфское чудо»* (на сюжет Гёте в переводе А. К. Толстого) была 15 декабря 1906 г. поставлена в Петербургском Малом театре. Пристрастный отчет Юр. Беляева см.: Новое время. 1906. № 11051. 17 (30) декабря. Ср. также отчет М. А. Волошина: Молодая жизнь. 1906. № 2. 18 декабря.

22. *«Revue des deux mondes»* («Двухмесячное обозрение») — французский журнал, выходящий с 1828 г. до настоящего времени.

23. Выразительные портреты швейцара Павла с Таврической оставили в своих воспоминаниях В. А. Пяст (*Пяст.* С. 121) и И. фон Гюнтер (у мемуаристов речь идет о 1908 и 1910 гг., т. е. времени уже после смерти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал): «Швейцар Павел в длинном синем одеянии, усеянном металлическими пуговицами (не то шинель, не то пальто, не то халат), отворил мне дверь. „Господа дома“, — сказал он, поднес руку к козырьку и — дабы оказать мне особую честь — поднялся вместе со мной на лифте и высадил меня между пятым и шестым этажами» (Гюнтер И. Жизнь на восточном ветру / Пер. К. М. Азадовского // Наше наследие. 1990. № 6. С. 63).

24. Вероятно, имеется в виду стихотворение «Любви утехи длятся миг единый...» — к рассказу Ауслендера «Вечер у г-на де Севираж» (впервые опубликован в альманахе «Белые ночи»; затем в сборнике Ауслендера «Золотые яблоки» — М., 1908). В книге Кузмина «Сети» стихотворение датировано «ноябрь 1906». С небольшими изменениями оно было включено Ауслендером в переделанную из рассказа од-

ноактную пьесу «Песенка г-жи Монклер» (Полон: Литературный сборник. Пг.: Издание Всероссийского общества помощи военнопленным, 1916. С. 79—100).

25. Какой водевиль и пародии Городецкого имеются в виду, неизвестно.

26. С. К. Шварсалон учился в Дерптском (Юрьевском) университете.

27. Строка из стихотворения Кузмина, вошедшего в повесть «Приключения Эме Лебефа».

28. Парфюмерный «Магазин à la toilette» торгового дома Ф. *Кноп* находился на Невском пр., 14.

29. Приглашение на «вечер поэтов», посланное Ивановым и Городецким А. М. и С. П. Ремизовым, опубликовано: Переписка Иванова и А. М. Ремизова / Публ. А. М. Грачевой и О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1995. С. 89.

30. Речь идет об ор. 10 В. А. Сенилова, где упомянутые Кузминым произведения названы: № 1 «Колыбельная песня (медвежья)» и № 2 «Калечина-малечина». Либретто, обещанное Городецким, действительно не было написано, и в результате Ремизов дал Сенилову «Действо о Георгии Храбром» на которое тот написал музыку.

31. Письмо Сомова нам неизвестно, однако сохранилось ответное письмо Кузмина (не датировано; штемпель 30 сентября 1906 г.): «...очень жаль, что Вы не можете сегодня идти со мною к Ивановым, тем более, что билет на „Лебединое озеро“ я могу взять только в воскресенье утром, так что и это короткое свиданье весьма сомнительно. Сейчас встретил Городецкого, который сообщил, что Ивановы ждут Вас сегодня (почему?), что им только что привезли целый транспорт мебели (огромные шкапы, комоды, столы), т<ак> что Диотима и Эль-Руми в самых трагикомических хлопотах. Я все думаю о Вас, как ни стыдно это говорить, и просто о Вас, о Вашем лице, голосе, глазах, которые мне стали милее, чем когда бы то ни было <...> Вчера я был у „современников“. Нурок спрашивал меня, когда я у Вас буду, ему хочется быть в то же время. Играли французов (Ravel, Severac, Albeniz, последний S. Saëns), Регера и Скрябина. Сегодня писал немного музыки и обдумал совсем подробно план четвертой части „Эме Лебеф“, так что теперь дело за писаньем. Если Вы позовете меня вместе со Гржебиным, было бы очень хорошо...» (*ГРМ*. Ф. 133. Ед. хр. 231. Л. 15—16).

Октябрь 1906

1. См. в письме к К. А. Сомову от этого числа: «Городецкий нашел, что со стриженными усами у меня страшный вид, и все крестился левой рукою. Вяч<еслав> Ив<анович> нашел, что лучше, plus troublant; inquétisant <более волнующе; беспокойнее — *франц.*> и пикантнее, но он комплиментарист. По-моему, лицо неприятное, м<ожет> б<ыть>, несколько отталкивающее, но страннее и интереснее, едва ли моложе» (*ГРМ*. Ф. 133. Ед. хр. 232. Л. 8 об.). В перечне гостей на этом вечере Сологуб отметил также В. И. Корехина и М. Н. Карвовскую и

зафиксировал чтение стихов Я. Годиным, Вяч. Ивановым, Ю. Верховским, Кузминым, а также свое (*ИРЛИ*. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 51).

2. И. А. Бунин не раз выражал отрицательное отношение к «новой» поэзии, в частности, к стихам Блока (См., например: *ЛН*. Т. 84. Кн. 1. М., 1973. С. 346, 351; Бунин И. А. Воспоминания. Париж, 1950. С. 43, 216; Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 8. С. 286, 297—298, 302—303).

3. Кондитерская *«Berrin»* («Берен») (владельцы С. Ф. Угрюмов и А. А. Бремер) находилась на ул. Гоголя (М. Морской), 8.

4. Музыкальное произведение *«Echo de temps passé»* («Эхо прошедшего времени»), вероятно, дало тему одноименной акварели Сомова (1903); (хранится в *ГТГ*, репродукция в кн. *Сомов*. № 23). *«Le jongleur de Notr'Dame»* («Жонглер Богородицы», 1900) — опера-миракль Ж. Массне.

5. *«Знание»* — издательство и книготорговое товарищество, существовавшее в Петербурге в 1898—1913 гг. В 1900 г. в «Знание» вступил М. Горький, вскоре ставший его идейным руководителем.

6. Ср. открытку В. А. Сенилова от этого числа (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 369).

7. См. письмо Брюсова от 1 октября 1906 г.: «От всей души приветствую Вашу „Любовь этого лета". Читал и перечитываю этот цикл Ваших стихов как близкую и давно любимую книгу. Как читатель, приношу Вам свою благодарность за эти 12 стихотворений. „Весы" охотно напечатают „Любовь", но принужден поставить два условия: 1. Стихи эти появятся не ранее февральской книжки 1907 г. (но не позже мартовской), так как стихотворный материал для №№ 10—12 и для № 1 уже намечен. 2. Гонорар будет уплачен в том же размере, как за „Александрийские песни" (5 р. со страницы), так как „Весы" не могут оплачивать такие длинные произведения тем же гонораром, как отдельные стихотворения» (Cheron G. Letters of V. Ja. Brjusov to M. A. Kuzmin // *WSA*. Bd. 7. S. 72. Печ. с уточнениями по автографу: *РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 675).

8. М. Л. Гофман познакомился с Вяч. Ивановым летом 1906 г. и с начала осени стал регулярно бывать в его доме. О «башне» и о Кузмине он оставил краткие воспоминания (Гофман М. Л. Петербургские воспоминания // Новый журнал. 1955. № 43. С. 120—133; перепеч.: Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993).

9. См. в письме Кузмина от 5 (18) октября 1906 г.: «Я был несказанно обрадован Вашим сочувственным отношением к „Любви этого лета"; это — лучшая мне награда, за которую я Вам чрезвычайно благодарен. Радуюсь, что эти стихи увидят свет опять в „Весах", оба условия которых всецело мною предполагались и принимались заранее при посылке вещей» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 91. Ед. хр. 11. Л. 7).

10. *«Argus de la presse»* — французское бюро газетных вырезок.

11. Речь идет о рассказе С. Ауслендера «Бастилия взята!» (Корабли. М., 1907).

12. Имеются в виду воспитанники Пажеского корпуса.

13. *«Пробуждение Флоры»* — анакреонтический балет в одном действии (сценарий М. Петипа, Л. Иванова, муз. Р. Дриго). М. Фокин писал об этом балете: «О, как далеки были и Флора, и Аполлон от того мира

античных богов, который уже ясно сложился в моем воображении!» (Фокин М. Против течения: Воспоминания балетмейстера. Л., 1981. С. 57).

14. Вероятно, можно отождествить этот замысел балета с будущим «Выбором невесты». 1 июля 1907 г. Кузмин рассказывал: «К „Выбору невест“ <...> я и не писал музыки. Это предполагалось набрать из готовых номеров старых балетов. Исполнители предполагались: Сабашникова (Пипет), Зиновьева-Аннибал (Гюльнара), Добужинский (Кадеди), Нувель (Мирлитон), Сомов и я (турки). Но потом это расстроилось» (*Переписка с Мейерхольдом*. С. 351—352).

15. Имеется в виду пьеса Ф. Сологуба «Дар мудрых пчел» (опубл.: Золотое руно. 1907. № 2—3).

16. «Σρος» («Эрос», 1906) — книга стихов Вяч. Иванова. О ее выходе в свет Кузмин записывает в дневнике 4 января 1907 г. Об «*Антэросе*» см. примеч. 25, июнь 1906 г.

17. Имеется в виду рассказ С. Ауслендера «Записки Ганимеда» (см. примеч. 12, июль 1906 г.).

18. Приводим отрывок из этого письма: «Милый Аладин, не считайте это письмо за выражение каких-нибудь желаний, за ропот, за стремление к „grande passion“ <„великой страсти“ — *франц.*>, но дело в том, что я трепещу ежеминутно за целость, за хотя бы минутную длительность и будущность моих хотя бы эфемерных привязанностей. Теперь я мучаю себя мыслями, не тягостна ли Вам, не несносна ли, не утомительна ли хотя бы camaraderie amoreuse <любовное товарищество — *франц.*>? Мне довольно, если Вы позволяете, допускаете Вас любить, как я Вас теперь люблю, м<ожет> б<ыть>, иначе, чем любил Павлика, который так отошел, но не менее, если не больше. Да и есть ли одинаковое чувство?» (*ГРМ*. Ф. 133. Ед. хр. 232. Л. 13).

19. Первые строки (с перестановкой двух первых слов) стихотворения Кузмина из цикла «Любовь этого лета» (*Кузмин*. С. 61).

20. «*Cephae et Procris*» («Цефал и Прокрис», 1775) — опера А.-Э.-М. Гретри.

21. Имеется в виду Елисавета-Шарлотта, герцогиня Орлеанская. Ее письма неоднократно издавались на французском и немецком языках.

22. «Журнал свободной мысли» «*Перевал*» выходил под редакцией С. А. Соколова (Сергея Кречетова) в 1906—1907 гг. В недатированном письме Н. П. Феофилактов писал Кузмину: «Я совершенно случайно узнал, что Вас хотят пригласить участвовать в новом журнале г. Соколова „Перевал“. Понимая и ценя очень Вашу индивидуальность, и Ваш талант, я очень бы просил Вас не участвовать в этом журнале, потому что этот журнал социалистический и очень безвкусный и вульгарный. <...> Я думаю, что с моими словами будет вполне совершенно согласен Вальтер Федорович. Кстати, он, вероятно, приехал из Парижа. Я пленен Вашими Александрийскими Песнями и скоро начну оканчивать к ним рисунки» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 4488. Л. 2—2 об.). В тот же день Кузмин сообщил Сомову: «Сегодня получил несколько нелепое, но очень трогательное письмо от Феофилактова, где он просит меня не соглашаться на участие в новом журнале Грифа „Перевал“, т. к. это жур-

нал социалистический и безвкусный» (*ГРМ*. Ф. 133. Ед. хр. 232. Л. 15). Письмо Феофилактова было, по всей видимости, вызвано инспирациями Брюсова, опасавшегося встретить в «Перевале» серьезного конкурента своему изданию — «Весам». На приглашение сотрудничать в «Перевале» Кузмин откликнулся только летом 1907 г., напечатав в журнале несколько стихотворений и «Комедию об Алексее Человеке Божьем». Подробнее о журнале см.: Лавров. А. В. «Перевал» // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 174—190.

23. См. примеч. 24, сентябрь 1906 г.

24. Речь идет о литературных вечерах в театре В. Ф. Комиссаржевской в октябре 1906 г. (всего состоялось три вечера). Подробнее о них см. далее, а также: Дьяконов (Ставрогин) А. А. Александр Блок в театре Комиссаржевской // О Комиссаржевской: Забытое и новое. М., 1965. С. 81—116.

25. Речь идет о стихотворении Вяч. Иванова «Сирена» (*Иванов*. Т. II. С. 367).

26. Т. е. посещавшие «башню» Вяч. Иванова на Таврической, 25.

27. Ср. в воспоминаниях В. П. Веригиной: «...Блок читал свою пьесу „Король на площади". <...> Поэт сидел за столом, голова его приходилась между двумя красными свечами. Лицо, не склоненное над рукописью, только опущенные глаза» (*Блок в воспоминаниях*. Т. 1. С. 412; ср. также: *Блок*. Т. 4. С. 574).

28. Имеется в виду не осуществившееся тогда отдельное издание «Александрийских песен».

29. *«На узелки»* — способ бросать жребий (здесь — кому с кем рассаживаться на извозчике).

30. Ср. в начале рецензии М. А. Волошина на «Александрийские песни»: «Когда видишь Кузмина в первый раз, то хочется спросить его: „Скажите откровенно, сколько вам лет?", но не решаешься, боясь получить в ответ: „Две тысячи". Без сомнения, он молод и, рассуждая здраво, ему не может быть больше 30 лет, но в его наружности есть нечто столь древнее, что является мысль, не есть ли он одна из египетских мумий, которой каким-то колдовством возвращена жизнь и память» (Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 471; впервые: Русь. 1906. 22 декабря).

31. Конкурс литературных и художественных произведений на тему «Дьявол» проводился журналом «Золотое руно» (условия были объявлены в № 5 за 1906 г. и повторены в №№ 6—10). Первой премией были отмечены рассказы Кузмина «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютельмейер» и А. М. Ремизова «Чортик».

32. См. примеч. 6, сентябрь 1906 г.

33. *«Salon d'automne»* (Осенний салон) — крупнейшая ежегодная парижская художественная выставка. В 1906 г. Сомов участвовал в устроенной С. П. Дягилевым выставке русского искусства в Осеннем салоне. См. его письмо к А. П. Остроумовой-Лебедевой от 17 августа 1906 г. (*Сомов*. С. 96—97).

34. Вероятно, имеются в виду рисунки Сомова для немецкого издания «Книги Маркизы» («Das Lesebush der Marquise»), вышедшей в мюнхенском издательстве «Hans von Weber». О них писал Сомов А. П. Остроумовой-Лебедевой 20 августа 1907 г.: «Мне жаль, что я не решусь показать Вам многое из оконченных рисунков, они сделаны для издания, которое не будет продаваться открыто и будет печататься в небольшом количестве экземпляров. <...> показать их Вам, „даме", было бы непростительно» (*Сомов*. С. 101). Подробнее см.: Бессмертных Л. В. Библиографическая заметка по поводу изданий «Книги Маркизы» К. Сомова // Эрос и порнография в русской культуре. М.: Ладомир, 1999. С. 396—402.

35. *«Гуревичи»* — прозвище учеников частной петербургской гимназии Я. Гуревича.

36. Кому принадлежат упомянутые Кузминым стихи «Товарищ рабочий, товарищ солдат...», прочитанные Городецким на митинге, неизвестно.

37. *«Весна»* — название первого раздела вокально-инструментального цикла Кузмина *«Куранты любви»* (М.: Скорпион, 1910).

38. Письмо от А. М. Ремизова с приглашением на воскресенье сохранилось. В нем, в частности, говорится: «Ф. К. Сологуб приглашать будет, но ведь он свою эту драму будет читать в одну из суббот у Коммиссаржевской» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 3617. Л. 1). Кузмин отвечал ему: «...с восторгом приду к Вам в воскресенье, хотя и собирался к Сологубу. Константина Андреевича, которого сегодня увижу, буду просить еще со своей стороны пробыть с нами» (*РНБ*. Ф. 634. Ед. хр. 133. Л. 1).

39. Речь идет о поездке на «субботу» в театре В. Ф. Коммиссаржевской.

40. Такое заглавие в первой публикации (Факелы. СПб., 1906. Кн. 1) имела кантата Вяч. Иванова «Огненосцы (Дифирамб)» (См.: *Иванов*. Т. II. С. 239—243).

41. Ср. в воспоминаниях В. П. Веригиной: «Собрание было многолюдно. Все присутствующие читали свои стихи. Кузмин пел „Александрийские песни". Вера Федоровна <Коммиссаржевская. — *Н. Б., С. Ш.*> пела и декламировала. <...> Был поставлен „Дифирамб" Вячеслава Иванова. Все наши актеры, скрытые занавесом, изображали хор. Я читала слова пифии. В промежутках между декламацией и пением весело болтали группами, завязывались знакомства» (*Блок в воспоминаниях*. Т. 1. С. 411).

42. В этот день Сологуб читал (повторно) свою трагедию «Дар мудрых пчел», и Зиновьева-Аннибал действительно была на его «воскресенье» (см.: Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. С. 108). Иванов уже слушал это чтение 8 октября.

43. В недатированном письме к Блоку Т. Н. Гиппиус сообщала со слов своего соученика по Академии художеств В. В. Кузнецова: «Ученики Академии (некоторые) устраивают литературно-художественный журнал, где будут принимать участие молодые художники (Анисфельд, Милиоти, Павел Кузнецов и т. под.). И молодые поэты и писатели. Плененные Вашими произведениями — они намереваются

просить Вас взять на себя редакторство литературным отделом» (*РГАЛИ*. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 18—19; *Суворова*. С. 165).

44. Имеется в виду замысел издательства «Оры», выпустившего в 1908 г. книгу Кузмина «Комедии». Первоначально оно должно было называться «книгоиздательство „Трех“» (см. в письме Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к В. К. Шварсалон от 6 ноября (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 23), позже название изменилось на «Становие» (см. запись от 15 ноября) потом — «Ярь» (запись от 19 ноября).

45. Намек на название труда И. С. *Забелина «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях»*. Книга была в библиотеке Кузмина (см. примеч. 5, январь 1906 г.).

46. С. П. Ремизова (урожд. Довгелло) происходила из польского княжеского рода.

47. Ресторан товарищества *«О. Лейнер»*, где в 1890—1900-е гг. любили собираться представители свободных профессий, артисты, художники, литераторы (Невский пр., 18). Позднее центр сбора литературно-художественной богемы Петербурга переместился в «Вену». На месте «Лейнера» открылся ресторан «Французский», который Кузмин называл «Амбер» (по имени владельца).

48. Ср.: «Изысканность модного костюма и европейской прически Николая Петровича Феофилактова странно противоречила его грубости в обращении и приемах» (Садовской Б. А. «Весы»: Воспоминания сотрудника / Публ. Р. Л. Щербакова // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Т. 13. С. 26).

49. Имеется в виду Большая *Северная гостиница* на Невском пр.

50. Речь идет о 3-й «субботе» театра В. Ф. Коммиссаржевской, где Ф. Сологуб читал трагедию «Дар мудрых пчел». Этот вечер был описан Кузминым в повести «Картонный домик» в ироническом свете, на что Сологуб обиделся (см. запись от 4 сентября 1907 г.). Оформление вечера описано В. П. Веригиной: «Художника Н. Н. Сапунова попросили как-нибудь украсить нескладную длинную комнату с узкой эстрадой. Он удивил всех своей изобретательностью. Голубое ажурное полотно, напоминающее сети или, скорее, паутину, окутало сцену. Это была часть декораций для „Гедды Габлер“. Невзрачная дешевая кушетка закрылась ковром. На покрытом сукном столе стояли свечи. Комната преобразилась» (*Блок в воспоминаниях*. Т. 1. С. 410—411; разноречие в именах художников объяснить затрудняемся).

51. Вечер в пользу недостаточных студентов-грузин. Участвовать в вечере Блок приглашал также Г. И. Чулкова (см.: Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 131; *Суворова*. С. 166).

52. *«Сестра Беатриса»* (1900) — драма М. Метерлинка, премьера которой прошла в Драматическом театре В. Ф. Коммиссаржевской 22 ноября 1906 г. (режиссер — В. Э. Мейерхольд, декорации С. Ю. Судейкина).

53. Имеется в виду вторая часть цикла «Куранты любви».

54. *Ия* — дочь С. М. Городецкого (см. примеч. 14, сентябрь 1906 г.).

55. *«Ярь»* — первый стихотворный сборник С. Городецкого (на титуле 1907 г.; вышел в конце 1906 г.). Был издан не в «Орах», где планировался (вероятно, из-за расхождения Городецкого с Вяч. Ивановым), а в «Кружке молодых». План издать «Эме Лебефа» (после «Эроса», «Тридцати трех уродов», остающейся нам не известной книги Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Тени сна» и «Яри») осуществлен не был. О наиболее ранних планах издательства см. информацию в письме Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к В. К. Шварсалон от 6 ноября (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 24).

56. Ср. стихотворение Кузмина «Мой портрет» (из цикла «Прерванная повесть»):

Глаза глядят, одной мечтой плененны,
И беспокоен мертвый их покой.
Венок за головой, открыты губы,
Два ангела напрасных за спиной.

(*Кузмин*. С. 67)

Портрет написан не был. Позднее С. Ю. Судейкин сделал карандашный портрет Кузмина. См.: Кравцова И. Забытый портрет Кузмина // *НЛО*. 1993. № 3.

57. Этот диалог (в других обстоятельствах) воспроизведен Кузминым в повести «Картонный домик».

58. С. Ю. Судейкин действительно оформлял номер «Весов» (1907. № 3), где был опубликован цикл «Любовь этого лета».

59. Имеется в виду рассказ «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер», посланный на конкурс «Золотого руна» на тему «Дьявол» (см. запись от 16 октября и примеч. 31, а также примеч. 44, ноябрь 1906 г.).

60. Письмо к Ремизовым сохранилось: «Дорогие друзья мои, Серафима Павловна и Алексей Михайлович, не будете ли Вы свободны прийти ко мне в четверг вечером? Будут Волошины, Константин Андреевич и московские мои приятели Судейкин и Феофилактов, м<о-жет> б<ыть>, еще кто-нибудь. Буду очень счастлив видеть Вас у себя» (*РНБ*. Ф. 634. Ед. хр. 133. Л. 2).

Ноябрь 1906

1. Подполковник корпуса жандармов Г. П. Судейкин, ближайший сотрудник директора Департамента полиции, в начале 1881 г. был назначен заведующим агентурой Петербургского охранного отделения. Казнен по приговору «Народной Воли» 16 декабря 1883 г. на квартире С. П. Дегаева народовольцами Н. П. Стародворским и В. П. Конашевичем.

2. См. примеч. 2, декабрь.

3. Речь идет о произведении Ремизова *«О безумии Иродиадином, как на земле зародился вихорь»* (В его кн.: Лимонарь сиречь: Луг духовный. СПб.: Оры, 1907. С. 5—25). Приглашение на этот вечер: *РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 3617. Л. 2. Среди ожидавшихся гостей Ремизов назвал также К. А. Сомова.

4. О пожаре, случившемся на «башне», Иванов писал в стихотворении «Пожар», включенном в книгу «Эрос» (*Иванов*. Т. II.

С. 381). 11 ноября Л. Д. Зиновьева-Аннибал сообщала М. М. Замятниной: «Вчера было событие у нас: в три часа загорелись чердаки, смежные с нашей квартирой, и огонь, необыкновенно могучий и прекрасный, ворвался цветым морем в кухню. <...> Среда не состоится. Интимнейший кружок, однако, собрался таки у Званцевой» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 19. Л. 38—39). См. также обмен письмами по этому поводу между С. П. Ремизовой и Ивановыми (Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 108, 90). Е. П. Иванов так описывал случившееся: «...был пожар и у Вячеслава Иванова. Сейчас с Сашей <братом А. П. Ивановым> ходили туда в 12-ом часу ночи. И швейцар сказал, что квартира выгорела. Просят приходить в следующую среду» (Блоковский сборник. Тарту, 1964. С. 414; публ. Э. П. Гомберг и Д. Е. Максимова).

5. *«Апраксиничность»* — презрительное обозначение низкого, невзыскательного вкуса (от Апраксина двора — сгоревшего в 1862 г. петербургского центра рыночной книготорговли «низовой», бульварной литературой). См. также: *ДК-34*, с. 113, где Кузмин именует «Амфитеатровым из Апраксина» писательницу Е. А. Нагродскую.

6. Речь идет о премьере «Гедды Габлер» Г. Ибсена в театре Коммиссаржевской. Постановка В. Мейерхольда, декорации Н. Н. Сапунова. Ср. отзыв Блока: «„Гедда Габлер“, поставленная для открытия, заставила пережить только печальные волнения. Ибсен не был понят или по крайней мере не был воплощен — ни художником, написавшим декорацию удивительно красивую, но не имеющую ничего общего с Ибсеном; ни режиссером, затруднившим движения актеров деревянной пластикой и узкой сценой, ни самими актерами, которые не поняли, что единственная трагедия Гедды — отсутствие трагедии и пустота мучительно пркрасной души, что гибель ее — законна» (*Блок*. Т. 5. С. 97). Занавес «Элизиум», выполненный Л. С. Бакстом для театра Коммиссаржевской для открытия нового сезона в театре на Офицерской ул. (воспроизведение композиции по сюжету занавеса см.: Власова Р. И. Русское театрально-декорационное искусство начала XX века: Из наследия петербургских мастеров. Л., 1984. С. 9), вызвал разноречивые толки. См. примеч. 21, декабрь.

7. Имеется в виду письмо от М. Ф. Ликиардопуло, датированное 11 ноября (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 47; публ. А. Г. Тимофеева). Отметим неточность публикации: гонорар, предгагавшийся «Весами», был не 300—500 рублей, а 300—350 (*ИРЛИ*. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 276).

8. Одно из «воскресений» (возможно, именно это) у Сологуба было описано: Маска. Литературный мир: У Федора Сологуба // Газета Шебуева. 1906. № 2. По предположению К. М. Азадовского, под псевдонимом скрывался Я. В. Годин (Азадовский К. М. Эпизоды // *НЛО*. 1995. № 10. С. 118). Судя по записям Сологуба, помимо упомянутых Кузминым, на этом вечере присутствовали В. И. Корехин (читал стихи), С. Ю. и В. Е. Копельман, К. А. и В. М. Сюннерберг (*ИРЛИ*. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 54; отметим, что Сологуб называет В. Е. Беклемишеву по фамилии ее мужа — С. Ю. Копельмана).

9. См. письмо М. Ф. Ликиардопуло от 12 ноября (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. С. 48).

10. Пьеса С. С. Юшкевича «В городе» в постановке В. Э. Мейерхольда и П. М. Ярцева.

11. *«Tintagile»* («Смерть Тентажиля») — драма М. Метерлинка, поставленная В. Мейерхольдом в Москве, в студии на Поварской (1905) с декорациями Н. Н. Сапунова и С. Ю. Судейкина; показана на публике в марте 1906 г. в Тифлисе, оставалась в планах Мейерхольда в 1908 г., когда он стал режиссером Императорских театров (*Рудницкий*. С. 115). *«Cloître»* — вероятно, драма Э. Верхарна «Монастырь» (1900), постановка которой осуществлена не была; первый русский перевод ее появился только в 1908 г.

12. Речь идет о корректурах повести «Крылья».

13. Этого письма Н. А. Бердяева к Вяч. Иванову в архиве последнего не сохранилось (см.: Из писем к В. И. Иванову и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал Н. А. и Л. Ю. Бердяевых / Публ. А. Б. Шишкина // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996). О парижских сплетнях по поводу «Вечеров Гафиза» см. письмо З. Н. Гиппиус к Брюсову от 15 ноября 1906 г.: «Письмецо ваше из СПб получила, но обещанных „петербургских впечатлений" нет. А я жду с нетерпением, потому что уж от кого же, как не от вас, будет нескучно услышать о новом „тайном" обществе Вячеслава Иванова, о котором мне уши прожужжали его (общества, а не Вячеслава) члены, попадавшие в Париж? Правда, они говорят-говорят — и вдруг остановятся: „секрет". Далее уж им позволено указывать на „Записки Ганимеда" (см. „Весы"). Но так как забыть об этом обществе они мне все-таки не дают, и так как мы с вами одинаково презираем „секрет" (зная „тайны") — то я думала, что вы меня как раз этими секретами позабавите. <...> Предполагать же, что вы остались чужды этому обществу — я никак не могу... — Оно насчитывает много членов: кроме Mr et Mme Вячеслав Иванов — Нувель, Бакст, Сомов, Ауслендер и т. д.» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 82. Ед. хр. 38. Л. 40 и об.). Об этом же писал А. А. Смирнов В. Ф. Нувелю (оба были в Париже) 16 ноября 1906 г.: «...Не рассчитывайте меня залучить в Ваше общество. До меня дошло, что там танцуют голые женщины из хорошего общества, недавно вышедшие замуж. Это отвратительно и даже хуже, чем то, что написал Ганимед. А вот еще рассказ М. N* о вечерах у В. Иванова: „Очень хорошо там. В других местах сидят на стульях да в креслах. А там приходим и садимся прямо на пол. Ну, кто хочет, рассказывает там что-нибудь. Другие слушают. Пьем что-нибудь. Курим что-нибудь... чудесно!" И Вы, Вы могли!!.» (Ф. 781. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 13 об.).

14. Имеется в виду один из цветочных магазинов И. А. *Шалье* (на Моховой либо на Сергиевской ул.).

15. Одно из предполагавшихся названий будущего издательства «Оры».

16. Речь идет об университетском «Кружке молодых», среди наиболее активных деятелей которого были М. Л. Гофман, С. М. Городецкий, В. А. Пяст и др. См., напр.: *Пяст*. С. 88—99.

17. *Выставка «Союза русских художников»* была открыта в Академии художеств с 27 декабря 1906 г. по 23 января 1907 г. С. Ю. Судейкин в ней не участвовал (см.: Лапшин В. П. «Союз русских художников». Л., 1974. С. 221—222).

18. Очевидно, альманах «Факелы».

19. Имеется в виду ресторан *«Кин»* (в Фонарном пер.,); об этом вечере см. также: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 260—251; Кн. 4. С. 397—398.

20. Имя *Клингера* неоднократно упоминается в «Крыльях». Письмо Н. П. Феофилактова с этим вопросом: *РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 4488. Л. 6 (не датировано).

21. Об этом вечере сохранились воспоминания В. А. Зоргенфрея и Вл. Пяста (*Блок в воспоминаниях*. Т. 2. С. 17—18 и т. 1. С. 376—377). Строки из буриме (принадлежащие либо П. П. Потемкину, либо А. А. Кондратьеву) Кузмин цитирует неточно; в оригинале: «Милый, ты нравишься мне: как попик болотный, ты сладок, / Блока задумчивей ты, голосом — сущий Кузмин!» (*Блок*. Т. 2. С. 364). На следующий день Блок писал матери: «Вчера у Пяста было скучно» (Письма Александра Блока к родным. Л., 1927. [Т. 1]. С. 159).

22. Вероятно, имеется в виду недатированное письмо: «Дорогой Михаил Алексеевич. Не придете ли Вы сегодня вечером к нам. Все время я была в деревне и в понедельник уезжаю опять надолго. Очень хотелось бы Вас повидать. У нас будет Константин Андреевич и Минслова <так!>, о кот<орой> я рассказывала Вам, когда мы ехали с Вами <к?> Коммиссаржевской. Приходите пораньше, часов в восемь. М. Волошина» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 153)

23. На этом вечере, помимо названных Кузминым, были также Л. И. Андрусон, П. А. Бархан (возможно, именно он назван плохо разобранной нами фамилией), А. А. Блок, Я. В. Годин, Н. Н. Евреинов, В. И. Корехин, М. Н. Карвовская, супруги Умановы-Каплуновские, читали свои произведения Андрусон, Ауслендер, Блок, Вилькина, Верховский, Годин, Гофман, Корехин, Карвовская, Кузмин, Потемкин и Сологуб (*ИРЛИ*. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 54 об.).

24. Очевидно, с этим визитом связано недатированное письмо Маслова к Кузмину (приводим с сохранением орфографии и пунктуации): «Многоуважаемый Михаил Алексеевич! Простите что я Вас беспокою своими делами. Обращаюсь к Вам с покорнейшей прозьбою будьте так добры не откажите моей прозьбе одолжите мне пятнадцать рублей до 15-го Декабря. С благодарностью Вам заплочу. Я поступил на старое место пока и мне нужно дать за хлопоты одному человеку 10 руб. обязательно, иначе дело нечего не выдет. Надеюсь что вы не откажете моей прозьбе если вы только не позабыли меня совсем. Будьте добры выручите не откажите. Хотелось бы очень с Вами мне увидеться, да наверное уже теперь, вы страшно влюблены в Г. Судейкина, мнебы очень хотелось его посмотреть хоть одним глазком. Дорогой Михаил Алексеевич простите меня, что я Вас так беспокою, у меня сейчас в денежном отношении дела крайне скучны. Постарайтесь как нибудь пожалуйста устроить это дело. Вы недумайте я Вас ведь не забыл и не забуду. Готовый к услугам Вашим П. Маслов. Надеюсь что

не задержите насчет ответа» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 1—2).

25. «Histoire...» писалась Кузминым в Васильсурске в июле—августе 1906 г. (см. запись в дневнике за 4 августа). К. А. Сомов в письме Кузмину из Мартышкина 10 августа 1906 г. писал: «Жду с нетерпением и уже написанное Вами — как скоро! — вступление к дневнику» (*Сомов.* С. 95).

26. Мать Кузмина Надежда Дмитриевна (урожд. Федорова) родилась в 1834 г., так что при рождении Кузмина ей было 38, а не 40 лет.

27. *«Беляевские концерты»* — учрежденные музыкальным деятелем М. П. Беляевым (1836—1903) общедоступные «Русские симфонические концерты» для пропаганды творчества русских композиторов. Проводились в Петербурге до лета 1918 г.

28. О лете в Ревеле подробнее см.: Тимофеев А. Г. Совсем другое, прошлое солнце: Михаил Кузмин в Ревеле // Звезда. 1997. № 2; Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 547—561.

29. О пребывании Кузмина в Карауле Тамбовской губ. у Чичериных см.: Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999. С. 561—568.

30. Поиски офицера Конногвардейского полка с такими данными окончились безрезультатно.

31. Подробнее об этом см.: Тимофеев А. Г. «Итальянское путешествие» Михаила Кузмина // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1992. М., 1993.

32. Т. е. бань.

33. *«Пролог»* — сборник кратких житий святых, патериковых легенд, поучений и назидательных рассказов, расположенных по месяцам и дням года. Его сюжеты использовались в русской литературе.

34. См. также: *ДК-34.* С. 57—59, ретроспективный отрывок «Мама».

35. Кузмин пробыл в имении Верховских Щелканове с начала мая по начало августа 1905 г. Отметим, что там была написана большая часть повести (если не вся) «Крылья».

36. Описание квартиры своих родственников Кузмин сделал в письме к Чичерину от 29 августа 1905 г.: «Адрес ты мой знаешь: уг<ол> Сув<оровского> и Тавр<ической>, д. 34. кв. 10, страшно светло, высоко, вид на небо, крыши домов, Охту, рядом Таврич<еский> сад, новый громадный дом, с цветными мозаиковыми стеклами на лестнице, электр<ичеством,> телефоном, ваннами, зеркальными окнами. Комната на улицу. Вся квартира в 7 комнат» (*Перхин.* С. 207).

37. Речь идет о прогоне «Сестры Беатрисы» в театре Коммиссаржевской, премьера которой состоялась на следующий день (см. примеч. 38).

38 Премьера *«Сестры Беатрисы»* М. Метерлинка в театре Коммиссаржевской (постановка В. Мейерхольда, декорации С. Судейкина). О спектакле см.: *Рудницкий.* С. 82—87.

39. Ср. стихотворение Кузмина «На вечере» (из цикла «Прерванная повесть»):

Вы и я, и толстая дама,
Тихонько затворивши двери,
Удалились от общего гама.

Я играл Вам свои «Куранты»,
Поминутно скрипели двери,
Приходили модницы и франты.

Я понял Ваших глаз намеки,
И мы вместе вышли за двери,
И все нам вдруг стали далеки.

У рояля толстая дама осталась,
Франты стадом толпились у двери,
Тонкая модница громко смеялась.

Мы взошли по лестнице темной,
Отворили знакомые двери,
Ваша улыбка стала более томной.

Занавесились любовью очи,
Уже другие мы заперли двери...
Если б чаще бывали такие ночи!

(*Кузмин.* С. 68—69).

40. *«Белый медведь»* — ресторан на 9-й линии Васильевского острова.

41. Пьеса М. Метерлинка *«Пеллеас и Мелизанда»* была поставлена Мейерхольдом в театре Коммиссаржевской только в октябре 1907 г. с декорациями В. И. Денисова.

42. Вилькина Л. Н. Мой сад / С пред. В. В. Розанова. М., 1906.

43. Из писем Вилькиной к Сомову 1907 г. (ГРМ) очевидна ее влюбленность в последнего, доходившая до больших степеней близости.

44. Стихотворение Кузмина из цикла «Любовь этого лета» (*Кузмин.* С. 61).

45. Имеется в виду отъезд Блока на заседания жюри конкурса литературных и художественных произведений на тему «Дьявол», проводившегося журналом «Золотое руно» (об этом конкурсе см., например: *ЛН.* Т. 85. С. 687—689; Т. 92. Кн. 3. С. 262—263). Представленные произведения жюри рассмотрело в трех заседаниях (2, 3, 4 декабря 1906). См. также примеч. 59, октябрь 1906 г.

46. Письмо к Чичерину опубликовано: *Перхин.* С. 224—225.

Декабрь 1906

1. Этот эпизод стал одним из центральных в повести «Картонный домик» и в одноименном стихотворении из цикла «Прерванная повесть».

2. Письмо В. Э. Мейерхольда до нас не дошло. 3 (16) декабря Кузмин отвечал ему: «Я горд и счастлив, если смогу быть чем-ни-

будь полезен Вашему театру, который мне необыкновенно дорог совершенно независимо от каких-нибудь личных отношений. Я очень люблю эту вещь Ал[ександра] Алекс[андровича] и с радостью попробую сделать музыку к подобающим местам» (*Переписка с Мейерхольдом.* С. 341).

3. Каватина Графини из 2-го действия «Свадьбы Фигаро» Моцарта.

4. На вечере у Сологуба присутствовали также: Л. И. Андрусон, С. А. Ауслендер, Е. В. Аничков, П. А. Бархан, Л. С. Бакст, Л. Н. Вилькина, В. П. Веригина, З. А. Венгерова, Ю. Н. Верховский, Я. В. Годин, В. И. Корехин, А. А. Кондратьев, О. М. Мейерхольд (Мунт), Е. М. Мунт, П. П. Потемкин, С. Г. Пти (Балаховская), супруги Ремизовы, К. А. Сомов, супруги Сюннерберг, П. С. Соловьева и Г. И. Чулков, читали стихи Годин, Гофман, Потемкин и Чулков, две сказки — А. М. Ремизов (*ИРЛИ.* Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 55 об.).

5. «Балаганчик» был действительно поставлен в оформлении Н. Н. Сапунова.

6. См. письмо Кузмина к В. Э. Мейерхольду от 3 (16) декабря 1906 г.: «Я слышал, что в каком-то концерте будет читаться моя „Весна“, даже будто бы под мой аккомпанемент. Т. к. эта вещь предполагалась на одну из Ваших суббот и рукопись только находится у Вас, то я считаю нужным сказать, что обладание рукописью никак не дает права исполнять где угодно и как угодно, и если Вам случайно известно, кто и где это хочет сделать, то будьте добры сказать, что я совершенно не даю разрешения на это...» (*Переписка с Мейерхольдом.* С. 341).

7. *«Вечная сказка»* — спектакль по пьесе Ст. Пшибышевского, поставленный Мейерхольдом (см.: *Рудницкий.* С. 86—87).

8. Имеется в виду упомянутый выше, в примеч. 44, ноябрь 1906 г., конкурс «Золотого руна» на тему «Дьявол».

9. Лирические сцены Блока «Балаганчик» были напечатаны в 1-й книге альманаха «Факелы» (СПб., 1906).

10. «Утром 6 декабря в театре В. Ф. Коммиссаржевской состоялась репетиция пьес М. Метерлинка „Чудо святого Антония“ (в программах „Чудо странника Антония“) и Г. Гейберга „Трагедия любви“ <...>. Работа над „Балаганчиком“ началась 10 декабря» (*Суворова.* С. 167).

11. Вечером этого дня Волошин писал жене: «Сегодня Вяч. Иван<ова> не видел. Сейчас, верно, увижу его у Кузмина, который приходил меня звать к себе сегодня вечером» (Максимилиан Волошин в Петербурге: осень 1906: Письма к М. В. Сабашниковой / Публ. В. П. Купченко // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1997. Т. 21. С. 330).

12. Имеется в виду письмо Чичерина от 3 (16) декабря 1906 г. (*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 196; Ед. хр. 433. Л. 90—92).

13. Ср. в письме В. Ф. Нувеля к Кузмину от 11 июля 1907 г. о стихотворении Белого «Панихида»: «В ней есть что-то нехудожественное, хамское, чего нет, напр<имер>, в Потемкине, несмотря на принадлежность к тому же типу „хулиганского“ поэта» (*Богомолов.* С. 274).

14. 7 декабря М. А. Волошин сообщал жене: «Потом я был у Кузмина. Он пел все „Куранты любви“ <...>. Я теперь буду писать статью о нем. Уйдя от него в 2 часа ночи, Городецкий зашел ко мне. <...>

Ремизов у Кузмина читал свою новую вещь „Илью Пророка" с описанием Ада. Она поразительна и потрясает. По общему признанию она лучше „Иродиады"» (*Минувшее*. Т. 21. С. 332).

15. Детские стихи Городецкого составили книгу «Ия: Стихи для детей и рисунки сочинял и рисовал целых два года С. Городецкий» (М., 1908).

16. Это письмо Мейерхольда неизвестно.

17. О каком переводе *Д'Альгейма* идет речь, неизвестно.

18. В двух письмах, написанных 7 декабря 1906 г. (второе — ночью) Волошин писал жене: «Только что я написал начало статьи о Кузмине, которым очень доволен <...>. Я целый день работал и закончил статью о Кузмине. Сейчас пойду ее прочесть ему» (*Минувшее*. Т. 21. С. 333—334). В статье говорится об «Александрийских песнях» и о внешности Кузмина, по мысли Волошина в одном из предыдущих воплощений бывшего александрийцем (Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 471—477; ср. примеч. 30, октябрь 1906 г.). О театре в печатном тексте статьи ничего не сказано. Возможно, речь шла о появившейся на следующий день в газете «Русь» статье Волошина «Лики творчества. I. Театр — сонное видение. II. „Сестра Беатриса" в постановке театра В. Ф. Коммиссаржевской» (Там же. С. 349—355 и 382—385).

19. Ср. в письме Кузмина от 22 декабря: «Не скрою, что музыка была бы гораздо удачнее, гораздо окрыленнее, если бы я сработал с Сергеем Юрьевичем, и мне кажется, что это было *не* невозможно, и, может быть, я несколько огорчен на судьбу за не столь удавшуюся музыку — вот, м. б., тайная причина моего несколько печального лица» (*Переписка с Мейерхольдом*. С. 346). Ср. также письмо Судейкина к Мейерхольду (*ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 263).

20. С этих слов Доминго, духовника испанского короля, начинается трагедия Ф. Шиллера «Дон Карлос, инфант Испанский». Речь идет о пребывании Дон Карлоса в увеселительном дворце Филиппа II в Аранжуэце (точнее — Аранхуэс) близ Мадрида. Выражение употребляется в значении «прошло беззаботное время».

21. 9 (22) декабря 1906 г. Кузмин писал Мейерхольду: «Не далее как вчера, будучи у моего милого друга Сомова в обществе Бакста, Нувель и Добужинского, опять слушал о Вашем театре, который мог бы быть „довольно симпатичным" при небольших реформах, а именно:

1. убрать Веру Федоровну;
2. перемена необходимая режиссера;
3. переменить труппу;
4. переменить художников;
5. переменить Ваших советников (?);
6. изменить репертуар;

тогда при оставшихся здании, занавесе Бакста и средствах театра могло бы что-нибудь выйти порядочное, вроде некоторых постановок балетов («Феи кукол») или театра Яворской» (*Переписка с Мейерхольдом*. С. 343).

22. См. в коммент. К. Н. Суворовой: «10 декабря 1906 г. в театре В. Ф. Коммиссаржевской началась работа над „Балаганчиком". В дневнике театра помощником режиссера Б. К. Прониным помечено:

„Беседа о «Балаганчике»“ — Г. Ив.Чулков читает о „Балаганчике“» (*Суворова*. С. 167). Статья Г. И. Чулкова «О новом театре: (По поводу новых постановок в Театре В. Ф. Коммиссаржевской)» была напечатана 27 декабря 1906 г. в газете «Молодая жизнь».

23. Стихотворение из раздела «Она» цикла «Александрийские песни» (*Кузмин*. С. 116—117).

24. Имеется в виду цикл «Прерванная повесть».

25. См. свидетельство А. М. Ремизова: «...конкурс — я получу первую премию за рассказ „Чертик“ <...> первую премию за стихи М. А. Кузмин, а вторую — Потемкин. Мне и Кузмину по 100 рублей, а Потемкину — 50» (Ремизов А. М. Встречи. Петербургский буерак. Paris, [1981]. С. 59). Верно называя сумму приза, Ремизов путает распределение мест (он и Кузмин получили первую премию за прозу, а П. П. Потемкин и А. А. Кондратьев — вторую за стихи).

26. Цикла подражаний Б. А. Лемана о ногтях мы не знаем, однако сохранилось его подражание Кузмину из цикла «В сундуке». которое здесь приводим:

Ах, сундуки начиненные столькими,
Столькими поколениями предков,
Ваши стенки мне кажутся жесткими,
Жесткими для нас, подобных субъектов.
Мы сидели неподвижно во мраке,
Во мраке с «амфофилом стенящим»,
Разбирая любовные знаки,
Невидимые нас не находящим.
Ах, сундуки, где мои предки жили послушно,
Где они любили и любя умирали.
В вас сидеть так отрадно, мудро и так душно.
В вашей тиши с амфофилом
Мы счастье узнали.

Перевод с Александрийского.

(*РГБ*. Ф. 109. Карт. 42. Ед. хр. 53. Л. 5—5 об.)

27. С. П. Ремизова (так она названа в стихотворении «На вечере» — см. примеч. 31, октябрь 1906 г.).

28. Автоцитата из «Курантов любви».

29. Имеется в виду доклад, сделанный А. В. Луначарским на тему «О реализме и мистицизме в современном искусстве» (отчет см.: Новая газета. 1906. 15 декабря). См. также: *Пяст*. С. 91.

30. Имеются в виду статьи А. Блока «Драматический театр В. Ф. Коммиссаржевской» (Перевал. 1906. № 2) и О. Дымова «Петербургские театры: Театр В. Ф. Коммиссаржевской» (Золотое руно. 1906. № 11—12). Статьи Е. В. Аничкова, посвященной театру Коммиссаржевской, в «Весах» не было. О замысле Волошина см. его письмо к В. Я. Брюсову от 9 или 10 декабря (*ЛН*. Т. 98. Кн. 2. С. 367).

31. А. А. Кондратьев получил вторую премию конкурса «Золотого руна» за сонет «Пусть Михаилом горд в веках Иегова...».

32. Речь идет о первых трех главах романе Ф. Сологуба «Навьи чары». *«Кольца»* — драма Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. На вечере при-

сутствовали также: Л. И. Андрусон, П. А. Бархан, Тэффи, И. М. Василевский, Я. В. Годин, Л. Е. Габрилович, В. И. Корехин, П. П. Потемкин, В. Пяст, супруги Умановы-Каплуновские. Кроме Сологуба, читали также Тэффи, Василевский, Годин, Габрилович, Кондратьев, Кузмин и Потемкин (*ИРЛИ*. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 56).

33. В недатированном письме Кузмин сообщал: «...я так тебе благодарен за Debussy и мадригалы, я совсем не стою такого баловства. Mon âme était triste <моя душа была печальна — *франц.*> по случайной и несущественной причине. Просто в тот день я узнал, что мой друг Судейкин вернулся накануне из Москвы и не был еще у меня. Вышел XI № „Весов", целиком и исключительно занятый моими „Крыльями"» (*РЦХИДНИ*. Л. 84).

34. Могут иметься в виду стихотворения из книги К. Д. Бальмонта «Стихотворения» (СПб.: Знание, 1906), конфискованной полицией.

35. См. примеч. 12, ноябрь 1906 г.

36. Автоцитата из заключительного стихотворения раздела «Любовь» «Александрийских песен» (в стихах: «Счастливей всех живущих в Египте» (*Кузмин*. С. 114)).

37. Обыгрывается название «готического» романа Анны Радклиф «*Удольфские тайны*» (1794).

38. Кузмин приглашал Блока принять участие в этом вечере письмом от 16 декабря (см.: *Суворова*. С. 147). 21 декабря Блок писал матери: «Ночь у Кузмина была хорошая, я обговаривал костюмы с Сапуновым, Кузмин пел и играл (Балаганчик). Ремизов читал рассказ, который мы премировали (мне понравился еще больше). Бакст сплетничал о Мережковских» (Письма Александра Блока к родным. Л., 1927. [Т. 1]. С. 161). На вечер к Кузмину был приглашен также В. А. Пяст, но он прислал отказ (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 3544).

39. Очевидно, обед по поводу завершения первого года издания «Золотого руна». Описание обеда см. в письме В. Я. Брюсова к З. Н. Гиппиус от 27 декабря 1906 г. (*ЛН*. Т. 85. С. 688).

40. Имеется в виду статья Волошина об «Александрийских песнях» (Русь. 1906. № 83. 22 декабря).

41. Ср. в статье Волошина «„Александрийские песни" Кузмина»: «Несомненно, что он умер в Александрии молодым и красивым юношей и был весьма искусно набальзамирован. Но пребывание во гробе сказалось на нем, как на воскресшем Лазаре в поэме Дьеркса» (Волошин М. А. Лики творчества. Л., 1988. С. 472).

42. Возможно, имеется в виду кофейная Н. А. *Андреева* (Садовая ул., 32).

43. На вечере присутствовали также: П. А. Бархан, А. А. Кондратьев, В. И. Корехин, М. Н. Карвовская; помимо рассказа Сологуба «Страна, где правит зверь», читали стихи Годин, Гофман, Городецкий, Иванов, Кондратьев, Кузмин и Сологуб (*ИРЛИ*. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 57).

44. Имеются в виду фельетоны «Оргиасты. Новая симфония (Плагиат из Андрея Белого и др.)» (Газета Шебуева. № 3 [ноябрь]) и «Оргиасты» (Там же. № 4), подписанных псевдонимом «Вакх», а также, возможно: «Литературный мир: У Федора Сологуба» (Там же. № 2; подпись:

Маска). Эти издевательские статьи с прямыми оскорблениями в адрес Вяч. Иванова, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал и ряда других символистов вызвали довольно шумный литературный скандал, еще более обостренный тем, что поэт Я. В. Годин, уличенный в авторстве статей, поначалу решительно от них отрекся, и понадобились усилия Ф. Сологуба, чтобы заставить его написать покаянное письмо Сологубу и Иванову. Подробнее см.: Азадовский К. Эпизоды // *НЛО*. 1994. № 10. С. 116—121.

45. Речь идет об издании: *Хризопрас: Художественно-литературный сборник изд-ва «Самоцвет»*. 1906—1907 гг. М., 1907. Анонсированные сборники «Гранат», «Лал», «Яспис», «Феонит», «Берилл» и др. в свет не вышли. В редакционном предисловии к сборнику указывалось, что «взгляды редакции на черты художественного творчества» в «общих чертах приближаются к взглядам „Весов“ и „Золотого руна“» (См.: *ЛН*. Т. 85. С. 691).

46. Оригинал письма неизвестен. По копии из собрания М. С. Лесмана опубликовано А. В. Лавровым и Р. Д. Тименчиком: Кузмин М. Избранные произведения. Л., 1989. С. 505. Ср. также извещение в хронике: «Первые шаги в области исканий нового театра у Коммиссаржевской уже закрепились свадьбой: художник Судейкин женится на артистке О. Глебовой» (Родная земля: Понедельник. 1907. № 2. 15 (28) января).

47. Приводим полный текст этого письма: «Многоуважаемая Людмила Николаевна, по просьбе Кузмина, который не в состоянии писать лично, находясь в положении близком к смерти, сообщаю Вам, что С. Ю. Судейкин женится на О. А. Глебовой. Мне кажется, несчастный Кузмин, хотя несомненно скоро имеющий возродиться, в данную минуту являет вид достаточно плачевный и нуждающийся в участии и утешении. Извиняюсь за беспокойство, думая все-таки, что Вам, как его „приятелю“, это небезынтересно. Искренно уважающий Вас Сергей Ауслендер. 26/XII. 1906. 10 ч. вечера» (*ИРЛИ*. Ф. 39. Ед. хр. 818; см. также: Кравцова И. Г. Забытый портрет Кузмина // *НЛО*. 1993. № 3. С. 130). Ср. также письмо Мятлева к Демьянову в повести «Картонный домик».

48. Имеется в виду эпилог к стихотворному циклу «Прерванная повесть» — «Что делать с вами, милые стихи?..» (*Кузмин*. С. 73).

49. Ср. в последней главе повести «Картонный домик»: « — Ну как Валентин <под этим именем в повести выведен С. А. Ауслендер. — *Н. Б., С. Ш.*> всех напугал своим письмом, особенно Матильду Петровну! — Да, я уже имел удовольствие сегодня по телефону быть названным бездушным, бесчувственным, мумией и т. п. Вероятно, она думала видеть меня уже выбросившимся из окна» (Кузмин М. Проза. Berkeley, 1990. Т. VII. С. 276)

50. «*Il fuoco*» («Пламя», 1900; в переводах начала XX в. — «Огонь») — роман Г. Д'Аннунцио.

51. Утром 28 декабря состоялась вторая генеральная репетиция «Балаганчика».

52. «*Черевички*» (1876) — опера П. И. Чайковского.

53. См. письмо К. А. Сомова к Л. Н. Вилькиной от 29 декабря 1906 г.: «Милая Людмила Николаевна, я в огорчении! Простудился и у

меня жар, боюсь, несмотря на большое желание услышать наконец Вяльцеву и провести вечер с Вами, показаться сегодня на воздух. Посылаю Вам билет, может быть, еще не поздно его кому-нибудь предложить. Если я не поеду завтра и на „Балаганчик", то будьте милой и посетите меня en amie <по-дружески — *франц.*> или просто как soeur de charité <сестра милосердия — *франц.*>. А может быть сегодня после концерта Вы приедете, конечно, если у Вас не предстоит ничего лучшего, ко мне пить чай? Приглашаю Вас, разумеется, с тем или с той, кто Вас будет сопровождать в концерт» (*ИРЛИ*. Ф. 39. Ед. хр. 930. Л. 1—2 об.).

54. *«Прерванная повесть»* — стихотворный цикл, в котором отразились взаимоотношения Кузмина и С. Ю. Судейкина. Впервые: Белые ночи: Петербургский альманах. [СПб.], 1907. С. 209—219.

55. Подробнее о премьере «Балаганчика» см.: *Блок в воспоминаниях*. Т. 1. С. 424—426; *Рудницкий*. С. 88—95; *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 264—266.

56. Речь идет о детали декорации второй картины «Балаганчика»: позади скамьи, на которой сидел Пьеро, стояла тумба с амуром.

57. Подробнее о «вечере бумажных дам» см.: Веригина В. П. Воспоминания. Л., 1974. С. 107—108. Он (в несколько измененном виде) описан Кузминым в повести «Картонный домик».

58. Ср. эпизод в главе IX «Картонного домика».

59. *«Квисисана»* — ресторан на Невском пр., 48. «Особый характер приобрел ресторан «Квисисана» на Невском возле Пассажа. Там был механический автомат-буфет. За 10—20 копеек можно было получить салат, за 5 копеек — бутерброд. Его охотно посещали студенты, представители небогатой интеллигенции» (*ЗиП*. 102).

1907

Январь 1907

1. Очевидно, имеется в виду повесть «Картонный домик».

2. «Куранты любви» вышли в свет в издательстве «Скорпион» только в 1910 г. (2-е изд. — 1911 г.) с рисунками Судейкина и Феофилактова.

3. Роман Городецкого с таким названием неизвестен. Замысел статьи о Кузмине не был осуществлен в те годы. См. более позднюю статью «Прекрасная ясность», где Кузмин только упомянут, помещенную вместе со статьей Юрия Дегена «Михаил Кузмин» под общей шапкой «Поэт прекрасной ясности» (Кавказское слово. 1918. 26 января).

4. Первое упоминание о выходе в свет сборника «Эрос» Иванова относится к чуть более раннему времени. В открытке со штемпелем 1 января 1907 г. Зиновьева-Аннибал сообщала М. М. Замятниной: «„Эрос" вышел вчера в магазины. „Уроды" через дней 5» (*РГБ*. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 20. Л. 1). 8 января Иванов писал Ремизову: «Посылаю „Эрос" <...>. Книжка только сегодня появилась в магазинах и доставлена мне» (Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1995. С. 91), а на следующий день — Брюсову: «Сегодня лишь он появился в свет. Брошюровщик подвел» (*ЛН*. Т. 85. С. 485).

5. *«Соборный индивидуализм»* — теоретическая брошюра М. Л. Гофмана, вышедшая в 1907 г. в изд-ве «Кружка молодых».

6. *О выставке М. Нестерова* см. статьи: Грабарь И. Две выставки // Весы. 1907. № 3. С. 101—105; Волошин М. Выставка М. В. Нестерова // Там же. С. 105—107. О планах Вс. Мейерхольда на постановку *Гольдони* см. в его письме к Ф. Ф. Коммиссаржевскому: «Выписали ли вы, Федор Федорович, „Serva amorosa" <«Преданная служанка» — *итал.*> Гольдони? Надо же решить относительно Гольдони» (Мейерхольд В. Э. Переписка. М., 1976. С. 89).

7. Речь идет о часто повторявшемся в то время в творчестве П. В. Кузнецова мотиве.

8. Сборник К. Д. *Бальмонта «Злые чары»* (М., 1906) оценивался современниками весьма невысоко (см., например: Брюсов В. Я. Среди стихов: Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990. С. 219—220). 26 октября 1906 г. Московским цензурным комитетом на книгу был наложен арест, а автор обвинен в богохульстве, однако в день ареста 300 экземпляров книги было распродано. Подробнее см.: *ЛН*. Т. 98. Кн. 1. С. 176—177; Цехновицер О. В. Символизм и царская цензура // Ученые записки ЛГУ: Серия филологических наук. Л., 1941. Вып. 11. С. 310—311.

9. Открытка сохранилась. Текст гласит: «Друг мой, если найдете, то принесите Musset к Сологубу. И рассказ С<ергея> А<брамовича>. Да? Ваша Людмила» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 146. Л. 1).

10. Имеется в виду пьеса С. Л. *Рафаловича* «Отвергнутый Дон-Жуан» (ср.: *Блок*. Т. 5. С. 180—181). На вечере присутствовали также П. А. Бархан, Н. А. Бердяев, З. А. Венгерова, Ю. Н. Верховский, В. П. Веригина, Н. Н. Волохова, Л. Е. Габрилович, М. Л. Гофман, В. В. Иванова, В. И. Корехин, М. А. Карвовская, Н. И. Манасеина, В. Ф. Нувель, Тэффи, В. И. Уманов-Каплуновский, А. Н. Чеботаревская. Помимо Рафаловича читали также В. П. Веригина (стихи Сологуба) и сам Сологуб (стихи и прозаический этюд «Человек человеку дьявол»)» (*ИРЛИ*. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 58).

11. В этот день в театре Коммиссаржевской прошла премьера «Трагедии любви» Г.-Э. Гейберга.

12. Ср. письмо П. С. Соловьевой к Кузмину от 6 января 1907 г.: «Посылаю Вам тетрадь с моими стихами и очень прошу, по прочтении, сообщить, захотите ли Вы написать к ним музыку, когда приблизительно она может быть готова, а также Ваши условия» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 384. Л. 1 и об.). Речь идет о сказке «Свадьба Солнца и Весны» (см. далее, примеч. 19).

13. Экземляр книги «Земная ось» Брюсова с инскриптом Кузмину неизвестен. 10 января Кузмин благодарил за книгу письмом (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 91. Ед. хр. 12. Л. 1).

14. *«Яр»* — ресторан на Петербургской стороне (Большой пр., 18).

15. Какие стихи прислал Городецкий, неизвестно. См. его открытку Кузмину от этого числа: «Дорогой Михаил Алексеевич. Посылаю Вам стихи, которые не Вам еще посвящаются, но которые и про Вас написаны. Написаны тогда же, не посылал до сих пор за недостатком времени для переписки» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 1291. Л. 3). Ср. также запись от 11 января 1907 г.

16. Пьеса Г. фон Гофмансталя *«Свадьба Зобеиды»* была поставлена В. Э. Мейерхольдом 10 февраля 1907 г. Ср. в экспромте Блока и Н. Н. Волоховой: «Мы пойдем на „Зобеиду“/ Верно дрянь, верно дрянь» (*Блок*. Т. 2. С. 365; *Блок в воспоминаниях*. Т. 1. С. 408—409). Музыку к спектаклю Кузмин не писал, сообщая об этом 13 января 1907 г. режиссеру: «...подумав, я решил, что принимать участие в постановке „Зобеиды“, как бы оно ничтожно ни было <...> я не хочу, хотя и люблю Гофмансталь. Условия „Балаганчика“ были совсем иные: там было место соработать очень высоко ценимым друзьям» (*Переписка с Мейерхольдом*. С. 346—347). Об оценках Кузминым этого спектакля см. в коммент. П. В. Дмитриева к этой публикации.

17. Воспоминания С. В. Троцкого об Иванове (где упоминается и Кузмин, в том числе чтение дневника) см.: *НЛО*. 1994. № 10 (Публ. А. В. Лаврова). Позже, в 1913 г., о нем в дневнике записывала актриса Л. Д. Рындина: «Помню лицо женское без лет Троцкого, и вот я была у него, я еще не знала, а он мучился чем-то, а потом стал просить позволить снять с себя маску, и я узнала, что „Я Вам сестра, а не брат“, и вдруг я увидела человека, не женщину и не мужчину. Это меня как-то поразило, и я заговорила с ним, и какой жутью веет от этой непривычности. Он — или оно — да тонкая нитка жемчуга на шее, эк-

стаз религиозный, христианство — евангелие и любовь однополая, и слова о том, как это мучительно. Да, Сергей Виталиевич, Вы женщина, Вы средний род; страшно и то еще, что многие физические признаки женщины у него есть» (*РГАЛИ*. Ф. 2074. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 23 об. — 24). Извест-но также, что какие-то формы оккультного лечения (или послушания) применяли к нему А. Р. Минцлова и, под ее руководством, Иванов.

18. *«Возврат»* — «Третья симфония» Белого (М.: Гриф, 1905; вышла в свет в ноябре 1904 г.).

19. Песня к «Свадьбе Солнца и Весны» П. С. Соловьевой.

20. *«Табак»* — повесть А. М. Ремизова «Что есть табак (Гоносиева повесть)». Написана на Святках 1906 г., опубликована в 1908 г. тиражом 25 экз. Сохранилось приглашение Ремизовым на этот вечер: «Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович, не хотите ли пожаловать сегодня вечером ко мне? будут все близкие друзья. Вы бы сделали большое удовольствие мне и Сомову, принеся „Табак" в первой редакции и переделанный. Пожалуйста, придите. Надеюсь, что и Серафима Павловна придет. Искренне Ваш М. Кузмин» (*РНБ*. Ф. 634. Ед. хр. 133. Л. 3). Ремизов отвечал ему в тот же день: «Пойдем на именины — сегодня Татианин день. А после именин к Вам. Табак принесу» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 3617. Л. 3).

21. Речь идет о совладельцах типографии «Сириус» — С. Н. Тройницком, А. А. Трубникове, М. Н. Бурнашеве (последние двое — выпускники Училища правоведения). О знакомстве Кузмина с ними у Ремизовых см. в записи от 17 января. В типографии печатались книги, ориентированные на изысканный библиофильский вкус.

22. Ср. описание поисков материй для цветных жилетов Демьянова совместно с Темировым в повести «Картонный домик».

23. Имеется в виду ресторан «К. П. Палкин» (Невский пр., 47/1).

24. *«Тропинка»* — детский журнал, издававшийся П. С. Соловьевой и Н. И. Манасеиной. В № 3 за 1907 г. были опубликованы ноты музыки Кузмина к пьесе Allegro (П. С. Соловьевой) «Свадьба Солнца и Весны», напечатанной в том же номере (отд. изд. — СПб., 1912; переизд. — М.: Скорпион, 1991). Ср. письма Соловьевой к Кузмину от 16 и 17 января 1907 г. (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 384).

25. *«Эрнест»* — ресторан (Каменноостровский пр., 60). Ср. в письме Кузмина к В. В. Руслову от 15 (28) ноября 1907 г.: «Я не люблю <...> теплого жареного миндаля к шампанскому» (*Богомолов*. С. 203).

26. На вечере были также Л. М. Василевский, В. М. Грибовский, В. И. Корехин, И. Н. Корякин, А. А. Кондратьев, М. А. Карвовская, супруги Сюннерберг, Тэффи. Стихи читали Блок, Василевский, Корякин, Кондратьев, Кузмин, Тэффи и Сологуб (*ИРЛИ*. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 58 об.).

27. Очевидно, эта поездка сделана фоном разговора Мятлева и Демьянова в 7-й главе «Картонного домика».

28. Имеется в виду один из книжных магазинов братьев Митюрниковых: на Литейном пр. либо на Итальянской ул.

29. Повесть Л. Д. Зиновьевой-Аннибал *«Тридцать три урода»* (СПб.: Оры, 1907; см. о ней примеч. 21, май 1906 г.) сразу же после

выхода в свет была изъята из продажи по обвинению в безнравственности, но вскоре арест был снят (подробнее см.: *ЛН.* Т. 98. Кн. 2. С. 372); *«Нечаянная радость»* — второй сборник стихотворений А. А. Блока (М.: Скорпион, 1907).

30. Имеется в виду произведение Ремизова *«Отчего нечистый без пят и о сотворении волка: Слово Егория Волчьего пастыря Николе Угоднику»* (Ремизов А. Лимонарь, сиречь: Луг духовный. СПб.: Оры, 1907. С. 63—71). Ср. также его апокрифическую повесть «Страсти сатанинские» (Собр. соч. Т. 7. СПб., [б.г.]. С. 113—115).

31. *«Старые годы»* — ежемесячный иллюстрированный журнал для любителей искусства и старины. Издавался в Петербурге в 1907—1916 гг.; фактическим издателем был П. П. Вейнер. Журнал отличался изяществом оформления и высоким качеством репродукций. В числе сотрудников: А. Н. Бенуа, В. А. Верещагин, Н. Н. Врангель, Н. К. Рерих, С. Н. Тройницкий.

32. См. примеч.11, февраль 1907 г.

33. В конце 1906 — начале 1907 г. Л. Д. Зиновьева-Аннибал долгое время пролежала в постели из-за болезни ног (закупорка вен).

34. Видимо, Е. В. Аничков предлагал Кузмину написать главу для «Истории русской литературы».

35. На вечере были также С. А. Ауслендер, Л. С. Бакст, З. И. Гржебин, Е. П. Иванов, А. А. Кондратьев, В. И. Корехин, Б. А. Леман, Линдеман, В. Ф. Нувель, П. П. Потемкин, Н. Н. Сапунов, супруги Сюннерберг, К. А. Сомов, К. И. Чуковский, Г. И. и Н. Г. Чулковы, В. А. Щеголева, И. И. Ясинский. Рассказ, читавшийся Сологубом, — «Царица поцелуев». Помимо него, «Илью-Пророка» читал А. М. Ремизов, стихи — Блок, Городецкий и Потемкин (см.: *ИРЛИ.* Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 59).

36. Редакция «Золотого руна» помещалась на Новинском бульваре в Москве, в доме Рогожина.

37. Ср. в «Записках» Б. А. Садовского: «По четвергам на вечерних приемах сотрудникам предлагалось шампанское, красное и белое вино, ликеры, сигары, фрукты, чай и лакомства. Мне Н. П. Рябушинский всегда наливал шампанского, уверяя, что оно мне „идет". Для входа на четверги необходимо было иметь каждый раз особое печатное приглашение. Иногда Тастевен и секретарь „Весов" Ликиардопуло, с перьями за ухом, исполняли под пианино „танец секретарей"» (Российский архив. М., 1991. Т. I. С. 154; публ. С. В. Шумихина).

38. Имеется в виду Литературно-художественный кружок.

39. См.: «...Литературная молодежь, воспитанная индивидуализмом и символизмом, распускает теперь перед нами причудливые, точно павлиньи, хвосты своего творчества. <...> Глядеть бы да радоваться. А что-то скучно. <...> Один поет про „Барыбу": „Барыба, Барыба!" Написал одну *Барыбу*, другую *Барыбу*, третью *Барыбу*. Может написать еще много десятков *Барыб*. Другой воспевает *„Волжско-Камское пароходное общество"*. А скучно! Ей-Богу, скучно — восхищаешься, да и зевнешь украдкой» (Белый А. [Рец. на:] Вилькина (Минская) Л. Мой сад.// Перевал. 1907. № 3 (январь). С. 52. В рецензии имеются в

виду стихотворения С. М. Городецкого и стихотворение Кузмина «Каждый вечер я смотрю с обрывов...»).

40. Кафе при знаменитой булочной Филиппова на Тверской.

41. Трактир и ресторан И. Я. *Тестова* находились в Москве на Воскресенской площади, против Кремля.

42. *«Резвым»* назывался извозчик-лихач, стоивший намного дороже обычного, поэтому Кузмин отмечает для себя дополнительный расход.

43. Имеются в виду ученики пианиста, дирижера и педагога В. И. Сафонова, председателя Московского отделения Российского музыкального общества и директора Московской консерватории, руководившего в течение 20 лет фортепианным классом.

44. *«Альпийская роза»* — московский ресторан на Софийке (владелец — А. А. Михайлов).

45. Возможно, имеется в виду художник Дени (В. И. Денисов; 1893—1946), однако уверенности в этом нет.

46. *Испанка* — любовница Н. П. Рябушинского.

47. Имеется в виду статья А. В. Амфитеатрова «Цветы невинности» (Русь. 1907. № 24. 24 января (6 февраля)), где автор писал: «...я сошлюсь на моего поэтического друга Максимилиана Волошина: он еще недавно свидетельствовал печатно, что знал некоего господина Кузьмина *<так!>* за две тысячи лет тому назад в Александрии». Далее, упомянув среди порнографических изданий: «*Кузмин. Крылья.* Роман, плагиатируемый из „Весов" для протеста против статьи уложения. С предисловием Валерия Брюсова. Рисунки художников журнала „Весы"», Амфитеатров писал: «Русская изящная литература всегда страдала чрезмерным усердием к психологии. Физиологические же и анатомические изыскания в ней сравнительно редки. Крупных открытий <...> было сделано едва ли не всего два.

Первое — некогда — Авксентием Поприщиным <...>: — А знаете ли, что у алжирского бея под самым носом — шишка?

Второе — в наши дни — г. Кузьминым (он же александрийский обыватель и, быть может, выборщик 2 000 лет тому назад).

— А знаете ли, что на той части, которою человек садится на стул, имеются крылья?.. Помилуй Бог!.. И вдруг г. Кузьмин улетит?!»

48. *«Бранд»* (1865) — драма Г. Ибсена. Шла в Московском Художественном театре; постановка В. И. Немировича-Данченко и В. В. Лужского. Премьера состоялась 20 декабря 1906 г.

49. Имеется в виду статья Розанова, подписанная псевдонимом «Maestro»: «То же, но другими словами» (Золотое руно. 1907. № 1).

50. Этот замысел не был осуществлен.

51. *«Голубая роза»* — выставка одноименного художественного объединения, прошедшая в Москве с 18 марта по 29 апреля 1907 г. Организатором выставки был Н. П. Рябушинский.

52. Имеется в виду статья М. Волошина «Венок из фиговых листьев» (газетные гранки — *ИРЛИ.* Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 209), оставшаяся неопубликованной. В тексте статьи есть прямая полемика с «Цветами невинности» А. В. Амфитеатрова. За сообщение приносим благодарность А. В. Лаврову.

53. Имеется в виду *драма Г. И. Чулкова* «Тайга», вышедшая отдельным изданием в издательстве «Оры» в январе 1907 г. См. извещение в хронике: «У Ф. Сологуба Г. И. Чулков читал свою драму „Тайга“» (Родная земля: Понедельник. № 5. 5 (18) февраля). На вечере также были: Ю. К. Арцыбушев, С. А. Ауслендер, Е. В. Аничков, П. А. Бархан, Ю. Н. Верховский, Н. Н. Волохова, В. П. Веригина, Л. М. Василевский, С. М. Городецкий, М. Л. Гофман, В. М. Грибовский, О. Дымов, Н. Н. Евреинов, В. И. Корехин, М. Н. Карвовская, П. П. Потемкин, С. Н. Сергеев-Ценский, Тэффи, Н. И. Фалеев, Г. И. Чулков, К. И. Чуковский. Сологуб также прочел «Песни Билитис» П. Луиса в переводе А. А. Кондратьева (см.: *ИРЛИ*. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 59 об.).

54. См. выше, примеч. 34.

55. Имеется в виду книжный магазин «Товарищества М. О. Вольф». Причина недовольства Кузмина не ясна.

56. 30 января В. П. Веригина первый раз играла роль Сванхильды в «Комедии любви» (1862) Г. Ибсена вместо заболевшей Е. М. Мунт (см.: *Блок в воспоминаниях*. Т. 1. С. 438; ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 270).

Февраль 1907

1. 1 февраля 1907 г. в Петербургском университете состоялся «Вечер искусства», организованный «Кружком молодых». См. о нем в воспоминаниях В. А. Зоргенфрея: А. А. Блок: (По памяти за 15 лет, 1906—1921 гг.) // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 134 (перепеч.: *Блок в воспоминаниях*. Т. 2. С. 19). Ср. также в газетной хронике: «Последний „Вечер искусства“ в „Кружке молодых“ был посвящен лирической драме А. Блока „Незнакомка“ и музыке М. Кузмина „Куранты любви“. Дебатов не было и вопроса о дебатах президиум не ставил» (Родная земля: Понедельник. 1907. № 5. 5/18 февраля).

2. К. Н. Суворова (*Суворова*. С. 155) предположила чтение «Жилкин», т. е. публицист Иван Васильевич Жилкин (1874—1958), однако мы не уверены в правильности ее решения.

3. Имеется в виду «Два пастуха и нимфа в хижине (пастораль для маскарада)». Была напечатана в сборнике Кузмина «Три пьесы» (СПб., 1907).

4. На вечере у Сологуба были Л. И. Андрусон, И. Я. Билибин, Л. С. Бакст, П. А. Бархан, Н. Н. Вентцель, Л. Н. Вилькина, М. А. Волошин, М. Л. Гофман, З. И. Гржебин, С. М. Городецкий, Б. М. Кустодиев, А. А. Кондратьев, В. И. Корехин, М. Н. Карвовская, супруги Копельман с дочерью, М. К. Куприна-Иорданская, П. П. Потемкин, К. А. Сомов, С. Н. Сергеев-Ценский, супруги Сюннерберг, Тэффи, А. Н. Чеботаревская. К. И. Чуковский читал свои переводы из У. Уитмена, рассказ Сергеева-Ценского «Мертвецкая» и стихи. Кроме того, стихи читали Андрусон, Волошин, Потемкин, Тэффи и Сологуб (см.: *ИРЛИ*. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 60).

5. 26 января 1907 г. В. Брюсов писал К. Чуковскому: «В Москве все петербургские гости. Вы начали. Далее были: Аничков, В. Иванов, Блок, Добужинский, Чулков, Городецкий, Верховский, арх<иманд-

рит> Михаил, Кузмин. Сей последний только вчера уехал. Участвовал он в буйном пьянстве „скорпионов", в тупом собрании „Свободной эстетики" и на томительном четверге „Золотого Руна", т. е. видал „всю Москву". „Свободная эстетика", как и подобало учреждению свободному, встретила его за все новаторства насмешками и чуть не свистками (он пел свои „Александрийские песни", „Куранты" и т. п.). Нет, право же, Ваш Петербург куда культурнее нашей Москвы с ее „Провалами"» (Чуковский К. Из воспоминаний. М., 1959. С. 442. «Провал» — язвительное обозначение журнала «Перевал»).

6. Имеется в виду статья Волошина «Венок из фиговых листьев» (см. примеч. 52, январь 1907 г.).

7. К. Н. Суворова предположила, комментируя данное место, что речь идет о масках в «Балаганчике» (*Суворова.* С. 168), однако, по крайней мере, не менее вероятным представляется, что речь идет о цикле «Снежная маска», печатавшемся как раз в эти дни в издательстве «Оры».

8. *«Il Marzocco»* — итальянский еженедельный литературный журнал, издававшийся с 1895 г. во Флоренции (Marzocco — лев в гербе Флоренции). *«Mercure de France»* — французский литературный журнал, поначалу символистской ориентации (выходил в 1889—1963 гг.). См. в письме Кузмина к Чичерину от 16 августа 1905 г.: «Я думал подписаться на библиографические журналы <...>: „Mercure d<e> Fr<ance>", „Il Marzocco", „Zentralblatt", „Athenaeum" <...> как я был подписан июль—дек<абрь> 1904 г.» (*РЦХИДНИ.* Л. 23 об).

9. См. в письме Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 4 февраля 1907 г.: «С Маргаритой Сабашниковой у нас обеих особенно близкие, любовно-влюбленные отношения» (*РГБ.* Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 20. Л. 7 и об.).

10. В № 1 журнала «Весы» за 1907 г. были опубликованы начало романа Брюсова «Огненный Ангел», «Флорентийская трагедия» О. Уайльда и статья Андрея Белого «Художник оскорбителям». Кузмин дает искаженную сборную цитату. В оригинале: «На вас, либералы, буржуи, эстеты, кадеты, блудницы и блудники, бездельницы и бездельники многие, на вас, межеумки, растеряхи, невежды, циники и меценаты, на вас, вампиры, себялюбцы и сластолюбцы, оргиасты и педерасты, садисты и прочие — как бы вы себя ни называли, — на вас опрокинули мы слово наше строгое <...> вы, зависящие от нас во всем самом нужном, — сумеете ли вы в решительную минуту обмыть наши усталые от странствий ноги, чтоб утереть их власами вашими? Прочь от нас, блудные вампиры, цепляющиеся за нас и в брани и в похвале своей, — не к вам обращаемся мы со словом жизни, а к детям. Мы завещаем им нашу поруганную честь, наши слезы, наши восторги...» (С. 54, 56). Этот «манифест» Кузмин запомнил надолго. См.: *ДК-34.* С. 89.

11. По заказу «Золотого руна» М. В. Сабашникова писала портреты Кузмина и Ремизова. «Я рисовала углем Ремизова — кутающегося в свой платок, с его висячими чертиками на заднем плане — в манере натуралистического гротеска; Кузмин стилизован под фаюмский портрет. Оба рисунка в натуральную величину удались...» (Волошина М. (Сабашникова М. В.) Зеленая змея: История одной жизни. М., 1993.

С. 157). Портрет Кузмина был закончен 22 февраля. О портрете Ремизова, не понравившемся Сомову, см. в записи от 11 февраля; о том, что Н. П. Рябушинский вернул портреты как не подошедшие — в записи от 3 марта 1907 г. Подробнее об этом эпизоде см. также дневниковую запись М. А. Волошина от 1 марта 1907 г. (Волошин М. А. Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991. С. 262).

12. Имеется в виду обложка Добужинского к сборнику рассказов «Трагический зверинец» Л. Д. Зиновьевой-Аннибал.

13. Имеется в виду статья: «„Елеазар", рассказ Леонида Андреева» (Русь. 1907. 16 февраля; перепечатано: Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 450—456).

14. *Гимназист* — князь Д. П. Святополк-Мирский, сын министра внутренних дел, впоследствии известный литературный критик. О неосуществленной гимназической постановке «Балаганчика» см.: *ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 271—272.

15. Речь идет о поставленной В. Э. Мейерхольдом пьесе Г. фон Гофмансталя «Свадьба Зобеиды» в переводе О. Н. Чюминой, художник Б. И. Анисфельд. См. примеч. 16, январь 1907 г.

16. На вечере у Ф. Сологуба были, кроме названных, И. Я. Билибин, П. А. Бархан, Ю. Н. Верховский, Е. П. Иванов, В. И. Корехин, Н. И. Манасеина, П. П. Потемкин, А. С. Серафимович, П. С. Соловьева, Тэффи, супруги Чулковы, В. А. Щеголева. Сологуб читал цикл «Змий» из 18 стихотворений (см.: *ИРЛИ.* Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 60 об.).

17. Т. е. о старой русской нотной системе и о крюковом пении.

18. Здесь фиксируется первый замысел «Комедий», вскоре реализовавшийся.

19. Имеется в виду иллюстрированное литературно-художественное приложение к газете «Русь» (1907. № 7. 13 февраля), где на с.128 был помещен рисунок И. М. Грибовского «На вечере искусства у „молодых" (при СПб университете) М. А. Кузмин исполняет свое произведение „Куранты любви"» (воспроизведен также: Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. М., 1996; оригинал рисунка — Музей ИРЛИ).

20. Подробные воспоминания об этой «среде» и о выступлении думского депутата из Одессы оставила В. П. Веригина (*Блок в воспоминаниях.* Т. 1. С. 422—423). Вероятно, о ней же идет речь в кн.: Волошина М. (Сабашникова М. В.) Зеленая змея... С. 152—153.

21. Имеется в виду статья А. Измайлова «Литературная ноздревщина» в рубрике «Литературные заметки», где автор писал: «Я брал газеты и там читал <...> „Вечер поэта такого-то посетил г. Кузмин" — без мягкого знака. <...> Мне трижды в неделю напоминают о Зайцевых и Векшиных, Блоках, Айзманах, Чулковых и Сапожковых, Кузминых без мягкого знака и Муйжелях с ударением на ель» (Биржевые ведомости. Утр. вып. 1907. № 9746. 14 февраля). Отметим. что К. Чуковский откликнулся на этиу статью репликой «Золотушная любовь»: «...что плохого, по г. Измайлову, в том, что Кузмин, поэт-музыкант, сочинил песни и, обладая голосом, поет их с эстрады?» (Родная земля: Понедельник. 1907. № 7. 19 февраля (4 марта)).

22. Речь идет о стихотворении для «идиллической повести» С. А. Ауслендера «Флейты Вафила» (Перевал. 1907. № 8—9; перепеч.: Ауслендер С. Золотые яблоки: Рассказы. М., 1908). Впоследствии под заглавием «Флейта Вафилла» стихотворение вошло в книгу Кузмина «Сети» (*Кузмин.* С. 75—76).

23. Книга М. Л. Гофмана «Соборный индивидуализм».

24. Описание этого собрания у Ивановых см. в письме Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 17 февраля 1907 г. (*Богомолов.* С. 95). Реферат М. А. Волошина «Пути Эроса», прочитанный также 27 февраля в заседании московского Литературно-художественного кружка (подробнее см.: *ЛН.* Т. 98. Кн. 2. С. 374—375, а также запись от 3 марта и примеч. к ней), при жизни опубликован не был. Посмертная публикация — Неизданные лекции М. Волошина / Предисловие, публ. и примеч. А. В. Лаврова // Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. II. СПб., 1999. С. 13—38 (фрагмент о повести Кузмина в окончательный текст не вошел). О браке Пяста см.: *Пяст.* С. 94.

25. См.: Maestro. То же, но другими словами; Белый Андрей. О проповедниках, гастрономах, мистических анархистах и т. д. // Золотое руно. 1907. № 1.

26. Имеется в виду открытие Второй Государственной Думы.

27. Ремизовы пришли, несмотря на отказ, присланный Кузмину в этот день (*РНБ.* Ф. 124. Ед. хр. 3617. Л. 4).

28. П. П. Потемкин переводил сцены Ф. Ведекинда «*Tadtentanz*» («Пляска мертвых») (см. примеч. 14, июнь 1907 г.).

29. Имеются в виду статьи Розанова под псевдонимом «Maestro» (Весы. 1907. № 2; Золотое руно. 1907. № 1 и 2).

30. Портрет Кузмина Н. Н. Сапунов написал в 1908 г.

31. Имеется в виду статья «Моя собственная дума. Заседание второе», подписанная псевдонимом «Граф Алексис Жасминов» (Новое время. 1907. № 11118. 23 февраля (8 марта)) по поводу конкурса «Золотого руна» на тему «Дьявол» (в том числе о рассказе «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Мейер» и о статье Maestro о «Крыльях»).

32. *Штруп* — персонаж повести Кузмина «Крылья», своего рода идеолог гомосексуализма. О Б. В. Бере см. в «Записках» Б. Садовского: «В крещенье 1893 г. у дяди был костюмированный вечер. Был тут и гимназист Борис Бер, небезызвестный стихотворец. Одетый дамой, он ловко заинтриговал Н. Р. Остафьева, красивого белого старика-помещика. Остафьев нежно целовал ручки мнимой незнакомки и промчался с нею в вальсе» (Российский архив. М., 1991. Т. I. С. 130). Адрес Бера сообщил Кузмину А. А. Кондратьев в письме от 1 мая 1907 г. (*РНБ.* Ф. 124. Ед. хр. 2113).

33. Вероятно, имеется в виду пассаж из письма от 21 февраля: «В № 2 передо мною худшая задача: писать о „Яри". Каково, после похвал Ваших и Макса» (Чуковский К. Из воспоминаний. М., 1959. С. 445). Возможно, что в месте обозначенной в указанной публикации купюры находились слова, точнее соответствующие пересказу Кузмина.

34. Пародируется вошедшее в обиход название лубочной повести Н. И. Зряхова «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа» (М., 1840; встречались также несколько отличающиеся заглавия), выдержавшей до 1917 г. 40 переизданий, включая переделки.

35. Имеется в виду неосуществленный замысел журнала *«Житейский Вертоград»* под редакцией С. М. Городецкого (см.: Перевал. 1907. № 3 [январь]. С. 51). Ср. запись от 13 марта.

36. На вечере у Сологуба были также: С. А. Ауслендер, И. Я. Билибин, П. А. Бархан, Ю. Н. Верховский, Л. М. Василевский, Л. Е. Габрилович, В. И. Корехин, Б. М. Кустодиев, А. Ф. Мейснер, К. А. Сомов, супруги Сюннерберг. Сологуб прочитал стихи Селиванова (вероятно, знаменитого скопца К. Селиванова), а также свое стихотворение «Нюренбергский палач»; стихи читали также Мейснер, Кузмин, Верховский, Василевский, Тэффи, Городецкий (см.: *ИРЛИ*. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 61 об.).

37. Подразумевается романс «Влюбленность» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 17; здесь же находятся ноты романса на стихи Ф. Сологуба «Я к ней пришел издалека...» и песенки из «Приключений Эме Лебефа» («Прошло твое лето, / Колета, Колета...»)).

38. *На Английской набережной* жили Н. М. Минский и Л. Н. Вилькина.

39. О подготовке к этому вечеру говорится в недатированном письме В. Г. Каратыгина к Кузмину: «Дорогой Михаил Алексеевич. Приходите к нам *непременно* во вторник, будут „современники", необходимо решить окончательно вопрос о Ваших вещах, предполагаемых к исполнению 26 февраля. Захватите французские романсы из „Тысячи одной ночи". Если Вы во вторник не можете прийти, то сообщите сегодня же телеграммой, так как мне необходимо немедленно известить остальных современников, собираться ли ко мне во вторник или нет» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 1938. Л. 7).

40. Имеется в виду фельетон П. Пильского «Импотенты» (Родная земля: Понедельник. 1907. № 8. 26 февраля (11 марта)), где говорилось: «В милом обществе целый вечер я слушал милые „Куранты любви" Кузмина. Он пел их и аккомпанировал себе на рояли. <...> Я сидел, слушал и думал о том, что если б один Кузмин написал слова „Курантов", другой Кузмин написал к ним музыку, а третий Кузмин на другой день поместил о „Курантах" критическую статью, и в ней подробно, логично, серьезно и важно доказал, отчего и почему мне нравятся танцы в „Весне" и песнь прислужницы в „Зиме", я предпочел бы не дочитывать до конца статьи Кузмина III. Про все это мне объяснили раньше Кузмин I, написавший слова, и Кузмин II, написавший к ним музыку».

41. См. выше, примеч. 24.

42. *«Книга»* — еженедельный критико-библиографический журнал. Выходил в Петербурге в 1906—1907 гг.

43. *«Жизнь Человека»* — пьеса Л. Н. Андреева. Поставлена в театре В. Ф. Коммиссаржевской В. Э. Мейерхольдом (см.: *Рудницкий*. С. 95—99).

Март 1907

1. *«Café de Paris»* — ресторан на Б. Морской ул., 16. Владелец — Альмир Жуэн.

2. Ср. в воспоминаниях В. Ф. Ходасевича «Московский Литературно-художественный кружок»: «Дело было в 1907 году. Одна приятельница моя где-то купила колоссальнейшую охапку желтых нарциссов, которых хватило на все ее вазы и вазочки, после чего остался еще целый букет. Вечером она взяла его с собою, идя на очередную беседу. Не успела она войти — кто-то у нее попросил цветок, потом другой, и еще до начала лекции человек пятнадцать наших друзей оказались украшены желтыми нарциссами. <...> На ту беду докладчиком был Максимилиан Волошин. <...> В тот вечер вздумалось ему читать на какую-то сугубо эротическую тему — о 666 объятиях или в этом роде. О докладе его мы заранее не имели ни малейшего представления. Каково же было наше удивление, когда из среды эпатированной публики восстал милейший, почтеннейший С. В. Яблоновский и объявил напрямик, что речь докладчика отвратительна всем, кроме лиц, имеющих дерзость открыто украшать себя знаками своего гнусного эротического сообщества. При этом оратор широким жестом указал на нас. Зал взревел от официального негодования. Неофициально потом почтеннейшие матроны и общественные деятели осаждали нас просьбами принять их в нашу „ложу". Что было делать? Мы не отрицали ее существования, но говорили, что доступ в нее очень затруднен, требуется чудовищная развратность натуры. Аспиранты клялись, что они как раз этому требованию отвечают. Чтобы не разочаровывать человечества, пришлось еще два раза покупать желтые нарциссы» (Ходасевич В. Колеблемый треножник. М., 1991. С. 376). Схожие мотивы есть в рассказе С. Ауслендера «Апропо» (Весна. 1908. № 4). О докладе Волошина см. отчет: Яблоновский С. В кружке // Русское слово. 1907. 1 марта. Ср. также: «О лекции Макса Вы, вероятно, слышали. Мое впечатление, „глупо". Со стороны Макса глупо, что он это читал этим. Со стороны же публики было глупо все, что они говорили. Судите сами, если умнее всех прочих был Потресов-Яблоновский» (Письмо В. Я. Брюсова к К. И. Чуковскому от 8 марта 1907 г. // Чуковский К. Из воспоминаний. М., 1959. С. 447).

3. Портрет Л. Д. Зиновьевой-Аннибал был задуман М. В. Сабашниковой еще в ноябре 1906 г. (см. в письме Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 11 ноября 1906 г. — *РГБ*. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 19. Л. 39 об.). Сама Сабашникова вспоминала: «В то время я начала писать портрет Лидии — в своей оранжевой комнате она лежит против меня, в позе сфинкса, опираясь на локти. Я писала ее en face» (Волошина М. (Сабашникова М. В.). Зеленая змея. М., 1993. С. 155). Однако работа над портретом была окончена уже после смерти писательницы. Ныне он находится у Д. В. Иванова (Рим).

4. Речь идет о ресторане «Французский» (Невский пр., 18), владельцем которого в те годы был выходец из Италии Альбер (в России — Альберт Альбертович) Бетан (позже ресторан унаследовал Джу-

зеппе Бетан). «Альбер» занимает одно из центральных мест в петербургском локусе Кузмина, упомянут в нескольких стихотворениях.

5. *«Часы»* (1907) — роман Ремизова.

6. Речь идет о фельетоне «Торжествующий Приап и соревнователи де Сада в русской литературе», где А. А. Измайлов, в частности, писал: «...в современной литературе замечается сейчас определенная болезненная струя, которую пускает явно нездоровый мозг и ведение которой наши критики, строго говоря, должны были бы передать психиатрам. <...> В „Весах" недавно напечатана повесть г. Кузмина „Крылья", рассказывающая — как бы деликатнее выразиться? — ну, о том, как мужчины любят мужчин. Как известно, есть такая аномалия <...>.

— Это показано там со всей откровенностью?

— Видите ли, сюжетец этот для русской литературы довольно необычен и потому автор, естественно, иногда предпочитает прибегать в читательской догадливости. Но, конечно, невозможно ошибиться в его понимании. <...>

Такие политически бурные времена, как наши, как нельзя более способствуют расцвету этой, с позволения сказать, литературы, и я не удивлюсь, если оно создаст у нас форменного маркиза Сада. И самое жалкое здесь то, что это приапическое пакостничество присасывается, как грибок, к молодому в литературе и хочет действовать под его фирмой, а люди мало осведомленные могут подлинно обобщить его с новым течением и с молодежью. Надо в самом начале сорвать с этого словоблудия его маску и сказать, что оно ничего общего не имеет и не должно иметь с настоящей литературой наших „молодых", среди которых есть несомненные дарования, есть даже и настоящие таланты...» (Биржевые ведомости. Утр. вып. 1907. № 9776. 3 марта).

7. Имеется в виду выставка «Нового общества художников», где участвовал К. А. Сомов.

8. *«Ariane»* — опера П. Дюка «Ариадна и Синяя борода» (1907).

9. Сохранилось приглашение В. Г. Каратыгина на этот день, датированное 3 марта (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 1938; Л. 3).

10. Имеется в виду пьеса *«Комедия о Евдокии из Гелиополя, или Обращенная куртизанка»*. Напечатана в сборнике «Цветник Ор. Кошница первая» (СПб., 1907).

11. *Матильда Петровна* — персонаж «Картонного домика», прототипом которой была Л. Н. Вилькина. Ср. в повести: «Если это забавно, когда Матильда вам садится на живот и говорит, что сон химера, <...> то мы очень забавлялись».

12. Кафе помещалось на Невском пр., 44.

13. На этом вечере были также П. А. Бархан, В. И. Корехин, Тэффи и Н. И. Фалеев (*ИРЛИ*. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 62 об.).

14. Имеется в виду спектакль «Передвижного театра» П. П. Гайдебурова в помещении «Нового театра» в оформлении Л. Бакста. Отзыв о пьесе см: *Блок*. Т. 6. С. 180—181. Ср. примеч. 10, январь 1907 г.

15. Магазин художественного фарфора, хрусталя, бронзы на углу Невского пр. и Б. Конюшенной ул. (владелец — Павел Петрович Марсеру).

16. Кондитерский магазин фирмы «Жорж Борман» (Невский пр., 30).

17. *«Нечаев»* — магазин колониальных товаров и фруктов Г. Р. Нечаева (Невский пр., 44); *«Вотье»* — шляпный магазин Г. Ю. Вотье (Невский пр., 46).

18. Речь идет о замысле альманаха, вышедшем под названием «Белые ночи» (СПб., 1907).

19. Имеется в виду произведение Ремизова «О страстях Господнех. Тридневен во гробе» (Лимонарь, сиречь: Луг духовный. СПб., 1907. С. 91—106), другой вариант — «отреченная повесть» «Страсти Господни» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 129—135).

20. Ср. описание этого эпизода в главе «Эротическое общество» в книге Ремизова «Кукха. Розановы письма» (Берлин, 1923. Репринт: Нью-Йорк, 1978. С. 99—102), а также в рассказе С. Ауслендера «Апропо» (Весна. 1908. № 4).

21. 15 марта Ремизов писал Кузмину: «Заходите к нам в субботу 17 марта часов в 5 дня. Вместе пойдем к Бердяевым обедать. В воскресенье, как предполагалось, невозможно, потому что в воскресенье первое собрание религиозного общества и начало собрания в 8 часов вечера» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 3617. Л. 5).

22. *«Красный паучок»* — рассказ Л. Д. Зиновьевой-Анибал, вошедший в сборник «Трагический зверинец».

23. См. в письме Брюсова от 14 марта: «„Весы“ обращаются к Вам с просьбой — написать для них очерк о театре В. Ф. Комиссаржевской *<так!>* за минувший сезон. Сколько мы знаем, Вы следили с вниманием за этим интересным предприятием и, конечно, у Вас есть что сказать об нем нашим читателям. Вы нас очень обязали бы, согласившись на нашу просьбу, так как „Весам“ стыдно своего молчания об этом театре. (Обещал было нам статью Е. Аничков, но не прислал.) Очерк желательно поместить не позже майской книжки, и рукопись Вашу нам хотелось бы поэтому получить в самом начале апреля» (*WSA*. Bd. 7. S. 72). Кузмин отвечал на это 19 марта: «...я охотно исполню просьбу „Весов“ относительно заметки о театре Коммиссаржевской. Вероятно, на будущей неделе я смогу ее доставить. Я заранее прошу ее сокращать, исправлять, отвергать, в чем она будет несоответствующей» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 91. Ед. хр. 12. Л. 3). Заметка Кузмина опубликована: Весы. 1907. № 5.

24. В том же письме Кузмина к Брюсову говорилось: «Нельзя ли попросить Вас приветствовать от меня „Голубую Розу“, о vernissage которой, не без некоторой занозы, я узнал вчера от многих (С. П. Дягилева, Блока, Сюннерберга), получивших приглашение?».

25. На вечере были также: П. А. Бархан, Л. Н. Вилькина, Л. Е. Габрилович, А. А. Кондратьев, В. И. Корехин, А. Ф. Мейснер, К. А. Сюннерберг, Тэффи и супруги Чулковы. Кроме названных Кузминым, стихи читали Гофман, Кондратьев и Мейснер (см.: *ИРЛИ*. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 63).

26. См. в воспоминаниях Гофмана об этом эпизоде: «...по поводу одного рассказа „Лимонаря“ произошел скандал, чуть было не

перешедший в настоящую ссору. <...> Я как-то пришел к Алексею Михайловичу, и он прочел мне новый рассказ — „О страстях Господних", который произвел на меня громадное впечатление. Я сейчас же побежал на башню и хотел прочесть эту вещь Вячеславу Иванову.

— А она действительно хороша? <...> Ну, так сдайте ее в набор, — сказал Вячеслав Иванов, очень бегло просмотрев рукопись. Я сдал ее в набор и вскоре принес корректуру. Вячеслав взял ее, пошел в свою комнату — и через четверть часа влетел в столовую, где сидел я, со страшным криком <...>

— Как вы смели без моего ведома сдать в набор такую гадость! Неужели эта ходячая истерика в синей рубашке (я всегда носил русские рубашки) не понимает, что этот рассказ богохульство, гадость и никак не может быть напечатан в моем издательстве! <...> Вячеслав Иванов покричал-покричал, потом успокоился, но остался при своем мнении. Я заказал отпечатать рассказ в нескольких экземплярах, кажется в 25-ти, заплатил за это и принес их А. М. Ремизову» (Новый журнал. 1955. Кн. 43. С. 130—131).

27. *Религиозно-философские собрания* в Петербурге существовали с осени 1901 г. до 5 апреля 1903 г. Здесь имеются в виду заседания «Санкт-Петербургского религозно-философского общества», официально открывшегося 3 октября 1907 г. См.: Мейер А. А. Петербургское Религиозно-философское Общество / Публ. Е. С. Полищука // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 107—115. Однако занятия общества начались уже с весны 1907 г. (см. примеч. 11, апрель 1907 г.). См. сведения в хронике: «По инициативе Бердяева, Булгакова и Розанова возрождается в Петербурге религиозно-философское общество» (Родная земля: Понедельник. № 6. 13 (25) февраля). О сложностях при организации: Там же. № 12. 26 марта (8 апреля).

28. Газета «Родная земля» извещала в хронике 17 марта: «В „Кружке молодых" состоится в среду обычный „Вечер Искусства", — посвященный немецкому поэту Франку Ведекинду». Очевидно, переводивший Ведекинда Потемкин должен был присутствовать на этом вечере.

29. Имеется в виду письмо от 17 марта 1907 г. Приводим его целиком: «Дорогой Михаил Алексеевич, простите, что мне хочется писать Вам и что, уступая желанию, я отнимаю у Вас время, заставляя читать эти, быть может, скучные для Вас строки. Вы сердились на меня за мое отношение к Вашей повести, но разве мог я отнестись иначе, видя, что Вы читаете ее другим, для которых то, что сквозило за каждым словом, было лишь „любопытно", лишь „забавно". А ведь это было глубоко Ваше.

Может быть, я неправ, не знаю, мне трудно относиться объективно. Я вообще плохо переношу людей, каждый человек так или иначе трогает меня психически, а я лишь немногим могу позволить это, вот почему, быть может, эти другие так часто мешают мне просто смотреть, как Вы говорите, читаете, думаете.

Мне так редко удается видеть Вас таким, как я хочу, таким, как на „портрете". Как часто мне больно от той маски, за которой скры-

вается Ваше другое настоящее лицо. Вот на миг видно оно, но нет, опять скрылось. Надолго ли? О, как часто слишком надолго.

Вот почему мне было тяжело сегодня от этого ожидания, от этих других, для которых была надета маска, или, быть может, она была для меня?..

Нет, скажите, что нет, мне было бы слишком тяжело это.

Но я боюсь надоесть Вам, боюсь, что страх получать подобные письма заставит Вас отложить среду, которую я так жду.

Ведь правда, Вы не сердитесь? Ваш Борис Леман.

Может быть, ответите.

S.P.B.

17.III.

MCMVII» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 266).

Судя по всему, между Леманом и Кузминым в эти месяцы разыгрался настоящий почтовый роман. В РГАЛИ сохранились три письма Лемана Кузмину этого времени (см. примеч. 6, апрель 1908 г.).

30. Имеется в виду «Осуждение Фауста» Г. Берлиоза (см. примеч. 4, апрель). Приводимые Кузминым с неточностью слова (в оригинале: «Nous verrons nous jamais dans cette vie... Foliel») поет Маргарита.

31. См. выше, примеч. 29.

32. По заказу «Золотого руна» Сомов писал портреты Блока, Белого и Вяч. Иванова.

33. В обзоре Брюсова «Новые сборники стихов» в «Весах» (1907. № 2) рецензировались сборники А. Блока «Нечаянная радость», С. Городецкого «Ярь», Вяч. Иванова «Эрос».

34. Имеется в виду роман Брюсова «Огненный Ангел», печатавшийся в «Весах» (1907. № 1—3, 5—12; 1908. № 2—8).

35. См. письмо Н. В. Чичерина от 23 марта 1907: «У нас гостит родственник Н<атальи> Д<митриевны>, а потому мы Вас просим принести с собой вместо дневника вещи из русского периода: „Времена года“ и „Духовные стихи“» (*ЦГАЛИ СПб*. Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 9).

36. В альманах «Белые ночи».

37. 24 марта 1907 г. М. А. Волошин приехал в Коктебель; М. В. Сабашникова присоединилась к нему только в августе.

38. В середине марта 1907 г. разгорелся конфликт между издателем «Золотого руна» Н. П. Рябушинским и секретарем редакции А. А. Курсинским, в результате которого Курсинский покинул редакцию. Подробнее см.: Лавров А. В. «Золотое руно» // Русская литература и журналистика XX века. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 153—155.

39. Имеется в виду альманах *«Корабли»* (М., 1907). В нем были опубликованы два стихотворения Ю. Н. Верховского.

40. Речь идет о 2-м выпуске альманаха (СПб., 1907).

41. Имеется в виду альманах *«Проталина»* (СПб., 1907). Там были опубликованы стихи Кузмина (см. запись в дневнике, сделанную на следующий день).

42. Имеется в виду книга: Сологуб Ф. Змий. СПб., 1907.

43. Слухи о конфискации «Факелов» не подтвердились.

44. Свидетельством этого визита осталось письмо Чулкова от 31 марта (получение которого не отмечено в дневнике, видимо, потому, что 1 апреля Кузмин с Чулковым увидались): «Многоуважаемый Михаил Алексеевич! Издательница „Белых Ночей" обязуется выплатить сумму денег, необходимую для издания и для уплаты гонорара, в несколько сроков. Таким образом, каждый из нас может получить половину своего гонорара вскоре по выходе книги, а другую половину через месяц. <...> Очень жалею, дорогой Михаил Алексеевич, что Вы не застали меня дома. Постараюсь на днях зайти к Вам. С Вами был и Ауслендер? Передайте, пожалуйста, привет ему и спасибо за рассказ» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 4784. Л. 1).

45. Блок писал о «Комедии о Евдокии» в статье «Письма о драме» (Золотое руно. 1907. № 7—9; *Блок*. Т. 5. С. 82—176). Ср. запись от 5 апреля.

46. *«Лионский кредит»* — санкт-петербургское агентство французского акционерного банковского общества. Помещался по адресу: Невский пр., 48.

47. Имеется в виду книжный склад *«Комиссионер»* (Садовая ул., 18).

48. См. в письме к Нувелю от 15 июня 1907 г.: «Если выйдут „Комедии" отдельно, „Евдокия" посв<ящена> Вам, „Алексей" — Потемкину и „Мартиньян", думаю, — Ремизову» (*Богомолов*. С. 261). Однако в отдельном издании посвящений не было.

49. За день до того, 30 марта, Б. А. Леман написал Кузмину очередное послание:

«Смотри, смотри: идет весна.
К. Бальмонт

Конечно, я буду у Вас в субботу. Я чувствовал, что для Вас не будет новым то, что я сказал в моих последних письмах. Но я не знаю, мучительно не знаю, что ожидает меня...

Впервые душа заглянула в эти бездны, до сих пор скрытые для нее, и страшен цветок, раскрывший свои лепестки желанием Рока. И я не знаю, что делать, и страшно мне, как одинокому путнику, застигнутому грозой среди поля, пугают далекие, все приближающиеся удары грома, и принесут ли они счастье, новое и неведомое, или б<ыть> м<ожет>, лучше было жить как раньше... но нет, уже диссонансом звучит это „раньше" с тем, что узнал сегодня.

Вот почему страшно, вот почему не верится тому, что близко...

Холодно было в душе, словно вековой, сверкающий ледник залег там: думалось, что так и будет всегда, что никогда не придет для нее то, что так обычно для других. Но ошибался печальный рассудок, пришло и для нее...

Необычайно и непривычно кажется все вокруг, и рвется душа к неведомому, и боится привыкнуть к молчанию...

Рушится холодная, ледяная равнина, и странные желания раскрывают свои лепестки там, где недавно еще царила холодная безмятежность покоя.

И нет сил удержать того, что так было привычно, перестало уже оно быть желанным. Новые звезды восходят на темном небе, новые тени ложатся вокруг лучей неизбежным...

Больше не буду.

Ваш

Борис» (*РГАЛИ*. Ф. 278. Оп. 1. Ед. хр. 66).

Два письма Лемана (от 30 марта и 5 апреля 1907 г.) находятся в фонде писателя Б. А. Лазаревского. Они атрибутированы самим Лазаревским (карандашом на первом письме написано: «Леман (Б. Дикс)»). Адресат не указан, и до подготовки настоящего комментария они числились в *РГАЛИ* как письма Лемана «неустановленному лицу». По нашему предположению, Кузмин просто-напросто продал эти два письма Лазаревскому (поскольку они не содержали обращения к адресату по имени, что в какой-то степени страховало его от чужого любопытства). Известно, что Лазаревский коллекционировал автографы писателей-современников.

50. *Извинительная записка* от Ремизова (нам неизвестная) была, видимо, связана с тем, что 26 марта Кузмин писал ему: «Хотим к Вам прийти в субботу: Сомов, Вяч<еслав> Ив<анович> и я (я после „Горя от ума“)» (*РНБ*. Ф. 634. Ед. хр. 133. Л. 4).

Апрель 1907

1. На вечере у Сологуба были также Е. В. Аничков, П. А. Бархан, Л. Е. Габрилович, М. Л. Гофман, А. А. Кондратьев, А. Ф. Мейснер, В. Э. Мейерхольд, Мирэ, П. П. Потемкин, А. С. Серафимович, супруги Сюннерберг, Тэффи, Н. И. Фалеев, В. Ф. Шишмарев. Е. В. Аничков читал свой рассказ, Кондратьев, Мейснер, Потемкин и Тэффи — стихи (см.: *ИРЛИ*. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 64).

2. Речь идет об отдельном издании повести «Крылья» (М., 1907).

3. Приглашение на вечер, отправленное Блоку, опубликовано: *ЛН*. Т. 92. Кн. 1. С. 559. Подробнее о вечере см.: *Там же*. Кн. 3. С. 277. Ср. также воспоминания С. В. Штейна (*Блок в воспоминаниях*. Т. 1. С. 191—193) и В. А. Зоргенфрея (*Там же*. Т. 2. С. 19).

4. *«Осуждение Фауста»* (1846) — драматическая легенда Г. Берлиоза для солистов, хора и оркестра.

5. Отправляя заметку (см. примеч. 18, март 1907 г.), Кузмин писал Брюсову: «Посылаю Вам „о театре Коммиссаржевской“, буду очень счастлив, если Вы не найдете эту заметку окончательно плохой и ничтожной: я совсем не умею писать таких вещей, у меня совершенно нет интересности мыслей и способа их излагать, и все мне кажется известным, ненужным, неинтересным. И я был бы рад, если бы заметка оказалась годной только потому, что я хотя таким несовершенным способом исполнил просьбу „Весов“» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 91. Ед. хр. 12. Л. 5). Отметим, что в заметке, перечисляющей всех художников, работавших в театре, ни разу не упомянуто имя Судейкина, хотя его оформление «Балаганчика» было особо замечено критиками и зрителями.

6. Узнав о визите Кузмина, Леман писал ему 5 апреля 1907 г.: «Вы заходили, я так бесконечно сожалею, что не был дома, я так давно не видал Вас, тогда мне было очень тяжело от других.

Я совсем болен, последнее время расшатались нервы и испортились глаза. Нельзя читать, писать и почти нельзя смотреть. Завтра опять свидание с окулистом. Когда же увижу Вас снова? <...>» (*РГАЛИ*. Ф. 278. Оп. 1. Ед. хр. 66). Кузмин не отметил в Дневнике получение этого письма, но определенную связь с ним имеет упоминание о болезни Лемана в записи от 7 апреля 1907 г.

7. По оригиналу записка опубликована: *Богомолов* С. 249 (с неточностью). Автограф — *РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 1792.

8. См. примеч. 45, март 1907 г.

9. См. примеч. 22, февраль 1907 г.

10. Имеется в виду статья, упомянутая в записи от 23 февраля 1907 (см. примеч. 31, февраль 1907 г.).

11. См. в хронике: «В недалеком будущем в Петербурге предстоит открытие „Религиозно-филосоского общества“ <...>. Одно из подготовительных заседаний состоялось 8 апреля. Она происходило под председательством С. Н. Булгакова. Докладчиком выступил известный религиозный мыслитель В. В. Розанов с рефератом на тему: „Отчего падает христианство“. В прениях приняли участие Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, С. А. Аскольдов, свящ. К. М. Аггеев, свящ. Я. Медведь, А. В. Карташов *<так!>* и др. <...> Большое количество публики, бывшее на собрании, показывает всю своевременность открытия в Петербурге религиозно-философского общества» (Век. 1907. № 15. 15 апреля. С. 208). Доклад Розанова опубликован в его книге «Когда начальство ушло» под за-главием «Отчего левые побеждают центр и правых». См. о нем в воспоминаниях В. П. Веригиной (*Блок в воспоминаниях*. Т. 1. С. 421—422).

12. Имеется в виду Инженерный (Михайловский) замок, где помещались Николаевская инженерная академия и Николаевское инженерное училище, юнкером которого был В. А. Наумов.

13. Возможно, в этот день Кузмин подарил Баксту отдельное издание «Крыльев» с надписью: «Дорогому Льву Самойловичу Баксту дружески и сердечно М. Кузмин. 1907» (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С. 121).

14. *«Новый путь»* — журнал, издававшийся в 1903—1904 гг., идейными руководителями которого были Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус. Вероятно, речь идет о его продолжении, журнале «Вопросы жизни», где Ремизов был секретарем.

15. Сохранилась открытка с приглашением от А. П. Верховской, датирующаяся по штемпелю 11 апреля 1907 г.: «Дорогой Михаил Алексеевич! Может быть, соберетесь к нам в эту пятницу. Если Вам можно, то, пожалуйста, захватите и ноты. Хорошо бы — „Города“ и милые „Алекс<андрийские> песни“. Конечно, и новое, что у Вас есть. Всего хорошего. Ваша А. Верховская». (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 1).

16. Сборник Блока *«Снежная маска»* вышел в издательстве «Оры» 8 апреля. М. Л. Гофман выполнял отдельные поручения по рабо-

те издательства. См. в его воспоминаниях: «Блок дарил меня своей дружбой и вниманием и, между прочим, дал мне свои университетские книги <...>, а в 1907 г. манускрипт своего сборника стихов „Снежная маска“» (Новый журнал. 1955. № 43. С. 121).

17. Ср. с тем, что писал Блок в статье «О драме» о «Комедии о Евдокии...»: «Это — наиболее совершенное создание в области *лирической драмы* в России, проникнутое какой-то очаровательной грустью и напитанное тончайшими ядами той иронии, которая так свойственна творчеству Кузмина» (*Блок.* Т. 5. С. 184). Книга Блока с инскриптом Кузмину — в собрании Р. Герра (Париж).

18. Именно к этому воскресенью относится описание в письме А. А. Кондратьева к Б. В. Беру: «Вечером в тот же день заходил к Сологубу, у которого последний раз в этом сезоне были гости. Встретил там Блока. <...> Последний <*Вяч. Иванов*> также читал в этот вечер свои сонеты. Их он написал очень много, читал же только 7» (*ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 277). Отметим неточность комментария: речь идет не о сонетах из книги «Эрос» (где сонетов нет вообще), а о «Золотых завесах». Помимо названных посетителей этого вечера были Л. И. Андрусон, С. А. Ауслендер, Л. С. Бакст, П. А. Бархан, Н. Н. Вентцель, В. М. Волькенштейн, Ю. Н. Верховский с женой и сестрой, Л. Е. Габрилович, В. И. Корехин (вероятно, именно его фамилия не дописана), Крандиевская (фамилия снабжена знаком вопроса), Мирэ, Сюннерберги, Тэффи, В. И. Уманов-Каплуновский. Стихи читали также Андрусон, Потемкин, Кузмин и сам Сологуб (см.: *ИРЛИ.* Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 64 об.).

19. См. извещение в хронике: «Вс<еволод> Эм<ильевич> Мейерхольд уезжал в конце марта за границу и смотрел в Берлине „условные“ постановки в „камерном“ театре Рейхарта <*так!*>. В это время шли пьесы Метерлинка и Ведекинда. В этом театре декораций нет совсем, их заменяют суконные и иные драпировки» (Товарищ. 1907. № 245. 18 апреля (1 мая)).

20. Очевидно, речь идет о реферате, известном из хроники: «В субботу <*14 апреля*> состоялся в помещении Высших женских курсов реферат Вяч. Иванова на тему: „Пути и цели современного искусства“. В прениях участвовали М. Гофман, Е. В. Аничков, Ал. Ветров и нек. др.» (Товарищ. 1907. № 245. 18 апреля (1 мая)).

21. «*Winterreise*» («Зимний путь», 1827) — песенный цикл Ф. Шуберта на стихи В. Мюллера.

22. Эти сведения оказались неверны: альманах «Белые ночи» вышел в свет. Подробнее см. в дальнейших записях дневника.

23. Открытка от 6 (19) апреля из Парижа — *РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 319. Л. 10. В тот же день Кузмин ответил на нее письмом, где сообщал сведения, отчасти дополняющие дневниковые записи: «Сам я очень скучаю, ничего не пишу и чувствую себя не перворазрядно. Павлик все в той же мизерии и изводит меня, продолжая быть в прогаре, невероятно. Он слышал от Юсина об интересной книжке „Крылья“. По-моему, ее надо бы продавать в Таврическом саду <...>. „Белые ночи“ лопнули, как и нужно было ожидать от этой чулковской затеи. Он теперь рассчитывает увлечь „Картонным домиком“ Гогу Попова, чтобы тот

дал денег на издание. Оказывается, этот саврас только и мечтает о грамотности и дерзновении. Дерзновении où veut-il donc se nicher? А на вопрос из „Весов", куда я дал повесть и не пришлю ли им, я ответил, что отдал ее Чулкову. Такая досада! „Альманах Ор" выйдет в начале мая. Там теперь и Пяст, и Allegro, и Юраша, и Волошин (Вакс Калошин), и первое действие (!) комедии Аннибал ритмической прозой! Там на башне провожают Сабашникову, у которой такой вид, будто ее кто-нибудь сосал, злы и капризны. Диотима вчера распила с Чулковым бутылку водки вдвоем, после чего могла его целовать, пока Вяч. Ив. спал в сосед<ней> комнате. В субботу были втроем (увы! уже не вчетвером) на Английской до 5-го часа. Завтра хотим в таком же составе ужинать у Albert'a» (*Богомолов.* С. 246—247).

24. Речь идет об обложке к книге Потемкина «Смешная любовь. Первая книга стихов» (издана в 1908 г. «иждивением книгопродавца Г. М. Попова»). Художник в выходных данных не обозначен.

25. По всей видимости, речь идет о церкви Святых Двунадесяти Апостолов (Обводный канал, 17) при Санкт-Петербургской Духовной академии.

26. Речь идет о статьях апрельского номера «Весов»: Бугаев Борис. На перевале. VI. Против музыки; Чуковский К. В защиту Шелли; Пентаур. «Золотое руно», 1907, № 1 и 2; Грабарь Игорь. Две выставки; Волошин М. Выставка М. В. Нестерова.

27. *«Родная земля: Понедельник»* — петербургская еженедельная политическая, общественная и литературная газета. Выходила в 1907 г.; издание было приостановлено на 15-м номере на основании Положения о чрезвычайной охране. Стихи Кузмина и проза Ауслендера в «Родной земле» опубликованы не были. *«Календарь* (а не «дневник»!) *писателя»* — раздел литературной хроники газеты, где появлялись сведения о Кузмине.

28. См. примеч. 4, март 1907 г.

29. См. рецензию Андрея Белого на «Крылья» (Перевал. 1907. № 6).

30. Ср. в воспоминаниях Лидии Ивановой: «...мы с Костей под предводительством Маруси поехали поездом в Петербург, куда прибыли в первый день Пасхи. <...> Первое, что мама сделала через час после нашего приезда, это — послала нас с Костей вдвоем к Сомову, Кузмину и (не помню, сразу ли) к Струве, которые жили на Суворовском проспекте. Заблудиться было трудно по прямой линии от Таврической. Мы должны были представиться сами как ее дети и пригласить их зайти вечером в гости. <...> Я помню, как пришли Сомов и Кузмин (кажется, порознь). Сомов мне очень понравился: круглый, мягкий и ласковый, как уютный кот. Кузмин пригвождал внимание своими странными глазами: огромными, темными и спускающимися от переносицы по наклонной линии» (Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. [Paris, 1990]. С. 25—26).

31. Имеется в виду комедия Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Певучий осел» (первое действие опубликовано: Цветник Ор. Кошница первая. СПб., 1907; второе — четвертое сохранились в рукописи: *РГБ.*

Ф. 109. Карт. 41. Ед. хр. 19—23). О том, что Кузмин работает над музыкой к комедии, он записал 31 августа 1907 г., однако дальше набросков дело не пошло. Пьеса не была поставлена. (Полный текст опубл.: Театр. 1993. № 5 / Публ. Н. А. Богомолова; Зиновьева-Аннибал Л. Д. Тридцать три урода. М., 1999).

32. Скурильность — см. примеч. 5, июль 1906 г.

33. Русский перевод «Песен Билитис» П. Луиса, сделанный А. А. Кондратьевым, вышел в свет в 1907 г.

34. Речь идет о гастрольном спектакле МХТ в Михайловском театре 28 апреля 1907 г. (см. запись в дневнике за этот день). Ср. рецензию, подписанную Ч. (Г. И. Чулков?), где говорится о том, что «руководители Московского Художественного театра <...> уходят все дальше и дальше от неподвижных рамок бытового театра» (Товарищ. 1907. № 250. 25 апреля (8 мая)).

35. К этому вечеру относится свидетельство Л. Д. Зиновьевой-Аннибал в письме к М. В. Волошиной от 2 мая 1907 г.: «А ближайшие дела таковы: „Осел" оказался очень ладным. Был вечерок для решения его судьбы: Сомов, Кузьмин *<так!>*, Сюннерберг, — и все они были премного ублажены. А Вячеслав, правя корректуры, решил, что он „Лучше Евдокии и лучше всего, что я написала"» (*ИРЛИ*. Ф. 562. Оп. 5. Ед. хр. 76. Л. 6).

36. Речь идет о замысле *«Комедии об Алексее Человеке Божьем»*.

37. 26 апреля Кузмин писал Ремизову: «Хотим к Вам прийти в субботу: Сомов, Вяч. Ив. и я (я после „Горя от ума"). Ауслендер Аничкова не видел» (*РНБ*. Ф. 634. Ед. хр. 133. Л. 4). На следующий день Ремизову писал Иванов: «Мы и К. А. Сомов (и М. А. Кузмин после спектакля) придем к Вам в субботу, если Вы свободны и мы Вам приятны» (Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1995. С. 93).

38. Письмо от Нувеля от 26 апреля (8 мая), где он сообщал: «Видел Людмилу только один раз. Были вместе в bar Maurice *<в кафе «Морис» собирались парижские гомосексуалисты>*. Минский, кажется, поражен свободой нашего обращения с нею и начинает побаиваться за целость и сохранность ее demi-virginité <полудевственности — *франц.*>. <...> Мережковские ругательски ругают всех наших поэтов и писателей — Сологуба, Иванова, Блока, Городецкого, Ремизова, Вас, словом — решительно всех, за исключением одного — как бы Вы думали? — Сергеева-Ценского!» (*Богомолов*. С. 250—251). Подробнее о посещении Нувелем Мережковских см.: Соболев А. Л. Мережковские в Париже: (1906—1908) // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 358—359.

39. Возможно, имеются в виду положенные Кузминым на музыку в 1903—1904 гг. сонеты Шекспира или его песни на слова Бомонта и Флетчера (1904).

40. Ср. в воспоминаниях Лидии Ивановой: «Кто только ни сиживал у нас за столом! Крупные писатели, поэты, философы, художники, актеры, музыканты, профессора, студенты, начинающие поэты, оккультисты; люди полусумасшедшие на самом деле и другие,

выкидывающие что-то для оригинальности; декаденты, экзальтированные дамы. Вспоминаю одну, которая приходила к Вячеславу, упрямо приглашала его к себе на какой-то островок, где у нее был дом. Она хотела, чтобы он помог ей родить сверхчеловека. Говорили, что она обходила многих знаменитых людей с этим предложением» (Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. С. 32). В воспоминаниях В. Беклемишевой «Встречи» рассказывается: «В эти годы в литературных кругах Петербурга можно было встретить молодую писательницу N. Она была замужем фиктивным браком и желала иметь ребенка от кого-нибудь из талантливых людей того времени.

Мысль, что от талантливого человека у нее родится гениальный ребенок, не давала ей покоя. Почти одновременно она написала по этому поводу и Леониду Андрееву, и Вячеславу Иванову, и Александру Блоку.

Разно было отношение всех трех, но особенно поразило меня отношение Александра Александровича.

К письму он отнесся необыкновенно просто. Когда он говорил об этом, видно было, что он ясно понимает, что такое материнство для женщины, и считает, что она имеет на него право любой ценою» (Книги. Архивы. Автографы. М., 1973. С. 53). Речь идет о малоизвестной писательнице Н. Д. Санжарь. Подробнее см.: «Задирать нос выше мозга», или «почему люди такие дряни?»: Письма Н. Д. Санжарь к А. С. Суворину, Вяч. И. Иванову, А. А. Блоку и А. С. Серафимовичу / Публ. А. А. Аксеновой // Philologica. 1996. Т. 3. № 5/7; Письма Н. Д. Санжарь к А. А. Блоку / Публ. А. Е. Заблоцкой // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1997. Т. 7.; *ДК-34*. С. 93.

Май 1907

1. О желании Бюцева познакомиться с Кузминым свидетельствует письмо В. Г. Каратыгина к последнему от 3 января 1907 г.: «Дорогой Михаил Алексеевич, не придете ли Вы в эту пятницу (5 января) к нам, вечером? Будет Бюцов, принесет свою двухактную оперу, которая, по-видимому, представляет известный интерес» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 1938. Л. 1). В. И. Качалов исполнил роль Чацкого в спектакле МХТ «Горе от ума».

2. Свидетельство об этом находим в воспоминаниях Л. Д. Блок «И были и небылицы о Блоке и о себе»: «Пришедшая зима 1906—1907 года нашла меня совершенно подготовленной к ее очарованиям, ее „маскам", „снежным кострам", легкой любовной игре, опутавшей и закружившей всех нас. Мы не ломались, нет, упаси Господь! Мы просто и искренно все в эту зиму жили, не глубокими, основными жизненными слоями души, а ее каким-то легким хмелем» (*Блок в воспоминаниях*. Т. 1. С. 178).

3. Об этом замысле говорит следующее объявление: «Товарищество „Вольная типография" выпускает ряд сборников окраинной литературы; первыми выйдут „Молодая Польша" под редакцией Троповского и „Молодая Армения" под редакцией Нимврода Бэла» (Сво-

бодные мысли. № 3. 1 (14) июня; аналогичное извещение — Русь. 1907. № 158. 20 июня (3 июля)). Замысел не был осуществлен.

4. Судя по всему, именно к этому визиту относится недатированная записка З. А. Венгеровой:

«Суббота.

Морская, 39.

Мне бы хотелось Вас видеть, Михаил Алексеевич — и послушать стихи и пение. Можно? Если да и если Вы свободны в *понедельник* вечером, то приходите ко мне в 8 $^{1}/_{2}$. Мы поболтаем, а потом — если Вы ничего не будете иметь против этого, — я хочу Вас затащить к Марии Ник<олаевне> Корвовской. Она-то без ума от Вашей „Любви этого лета" и страшно просит, чтобы Вы пришли — и я за это, потому что у нее рояль и можно будет Вас послушать... Согласны? Надеюсь, что да и что Вы принесете ноты, и александрийские песни, и русские, и другие.

Если не захотите, не пойдем. Жду ответа, будете ли Вы в понедельник — а если нет, то в четверг. Привет.

Зин. Венгерова» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 816. Л. 1; 3 мая как раз был четверг). Правильное написание фамилии имеющейся здесь в виду дамы — Карвовская, и Кузмин уже был с нею знаком по вечерам у Ф. Сологуба.

5. *Вильгельм Мейстер* — герой романов Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1793—1796) и «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1821—1829). *De Grieux* — герой романа аббата Прево «История кавалера де Грие и Манон Леско» (1733).

6. Речь идет о судьбе альманаха «Белые ночи».

7. Вероятно, повторяющиеся несколько раз упоминания о «желтых нарциссах» как-то связаны с записью от 3 марта 1907 г. об «оргийном обществе» в Москве.

8. Стихотворение из раздела «Весна» в «Курантах любви».

9. Князь (далее в дневнике именуется также Principino, il principino) — Д. П. Святополк-Мирский.

10. Эта история стала сюжетной основой одного из эпизодов не раз упоминавшегося рассказа С. Ауслендера «Апропо». Ср. также запись от 17 мая 1907 г.

11. См. письмо Г. М. Штейнберга, написанное на бумаге с фамильным гербом: «Вас, наверное, очень удивит мое письмо, т. к. мы условились говорить с Вами по телефону, но, может быть, прочтя это письмо, Вы придете к заключению, что нам говорить вообще больше с Вами не о чем. Я собираюсь поделиться с Вами моими мыслями и впечатлениями о вчерашнем вечере. Мистифицировали ли Вы меня? Если да, то не буду разбирать и оценивать роль и поведение Лемана и Потемкина, может быть, у Вас принято так обращаться с незнакомым, впервые встреченным человеком, это вопрос устава того или другого монастыря, кот<орый> может мне подойти или нет; но с Вами лично вопрос обстоит далеко не так; если это мистификация, то задуманная и подготовленная заранее, и если бы после всех наших разговоров (хотя бы на извозчике) я имел бы право осудить Вас за насмешку надо мной даже экспромтом, то Вы, надеюсь, поймете, что обдуманное издевательство надо мной в присутствии и при

помощи совершенно мне незнакомых людей должно было бы вызвать с моей стороны окончательный разрыв каких бы то ни было отношений между нами. Но этому верить я не могу и не хочу. Вы помните, я говорил Вам при нашей первой встрече, что мне приходилось всегда разочаровываться и ошибаться в людях мне симпатичных. Если бы в данном случае это было бы так, то ошибка в Вас была бы слишком груба и слишком жестока расплата за излишнюю экспансивность и доверие. Но даже если это мистификация, то Вы виноваты в том, что не предупредили меня хотя бы в общих, ничего не значащих словах, о том, что может произойти. Вы должны были бы (если я не стул и не стол для Вас) понять, насколько мне вначале у Вас было непонятно и чуждо; ведь, собственно, если во мне и есть задатки, благодаря которым я, может быть, и могу со временем жить в тон с Вами, то пока ведь я еще совершенно de l'outre Rhien <посторонний — *франц.*>, филистер, которому нужна была бы твердая и преданная рука, чтобы направить его через кладку на эту сторону реки. Если все это было серьезно, то, может быть, Вы не имели права предупредить меня? Вы видите, я ищу объяснений сам; мне было бы очень больно, если бы это оказалось на деле так грубо и недоброжелательно. Если Вы, по Вашему мнению, уже достаточно посмеялись надо мной и больше я Вам уже ни для чего не нужен, то Вы не постараетесь объяснить мне вчерашний вечер; но если Вы можете хоть что-нибудь сказать, чтобы выяснить его, я буду ждать; но, предупреждаю, — долго ждать тяжело, легче сразу решиться и вычеркнуть. Отчего Вы так меняетесь вообще? Вчера Вы были совершенно чужой и далекий; это выводит из равновесия, а попадая в совершенно незнакомую среду равновесие необходимо. Жду ответа. Жорж» (*ЦГАЛИ СПб.* Ф. 437. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 42—43).

12. Имеется в виду вечер, упомянутый в записи от 1 мая 1907 г. О его отмене Кузмин узнал из письма Г. Новицкого, полученного в тот день: «Глубокоуважаемый Михаил Александрович <*так!*>! Вечер в Лесн<ом> Инст<итуте>, вследствие неразрешения его нашим „советом профессоров", откладывается на осень. Очень Вам благодарны за оказанное Вами сочувствие и содействие. Студент Л<есного> И<нститута> Гр. Новицкий» (*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 316).

13. См. в письме Блока к жене от 13 мая: «Приходили сегодня Кузмин, Ауслендер и Чулков, но, к счастью, меня не застали» (*ЛН.* Т. 89. С. 193).

14. См.: Гр-ль. [Рец. на:] Кузмин М. Крылья // Сборник литературного кружка Николаевского Инженерного училища. СПб., 1907. № 1. С. 96—97.

15. См. в воспоминаниях Л. В. Ивановой: «...дня через 2 или 3 после нашего приезда мама отправила нас с Костей познакомиться с дядей Сашей, тетей Лизой и их сыновьями — нашими кузенами. Дядя Саша был братом мамы. Александр Дмитриевич Зиновьев был тогда губернатором петербургской губернии. Много позже, когда мы виделись в Риме, он сказал: „Я счастлив, что при мне не было ни одной смертной казни" (Город Петербург имел своего градоначальника и в управление губернии не входил)» (Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. [Paris, 1990]. С. 26—27).

16. *«Трагический зверинец»* (СПб., 1907) — сборник рассказов Л. Д. Зиновьевой-Аннибал.

17. Имеется в виду дневник натурщика Валентина (см. записи от 27 и 28 февраля 1907 г.).

18. Видимо, подразумеваются З. А. Венгерова, Карвовская, Штейнберг и пр. (см. запись от 19 мая 1907 г., где они названы «мои идиоты»).

19. См. приложение к «Комедиям» Кузмина (СПб.: Оры, 1908) — *«Песня Филострата, музыка автора „Комедий"»*.

20. Речь идет о статье Д. В. Философова «Разложение материализма», где говорилось: «Успеху „Жизни человека" на театре Комиссаржевской содействовали „неприемлющие мира мистические анархисты". <...> Ведь не будет же отрицать г. Горнфельд сплошное хулиганство всей этой обильной литературы „неприемлющих мира"? Они наводнили книжный рынок всякими „Тридцатью тремя уродами", „Крыльями" и другой половой, социальной и религиозной порнографией. <...> Характерно именно то, что в лоне мистического анархизма очутилась почти вся современная молодая литература. Здесь в каком-то свальном грехе объединились все до сих пор непримиримые тенденции русской литературы» (Товарищ. 1907. № 266. 15 (28) мая).

21. *«Цветник»* — альманах «Цветник Ор»; *«Предки»* — стихотворение Кузмина «Мои предки», открывающее его книгу «Сети» (М.: Скорпион, 1908).

22. Речь идет о книгах В. И. Крыжановской, написавшей ряд романов, как она утверждала, под воздействием духа графа Рочестера (английского поэта, 1647—1680). Они были подписаны: В. И. Крыжановская (Рочестер). В рассказе С. Ауслендера «Апропо», основанном на реальных событиях, персонаж по фамилии Туман (явным прототипом которого был Б. А. Леман) в качестве руководства к действию обязывает посвящаемого барона изучать сочинения Крыжановской-Рочестер.

23. См. статью В. Кранихфельда, где, в частности, говорится: «Вот, например, отвратительный роман г. М. Кузмина „Крылья", ради которого редакция „Весов" упразднила все отделы журнала, откинула поэзию и прозу, выбросила все статьи, чтобы освободить место этому сокровищу. <...> Но при чем тут Афины, столь излюбленные гг. Сологубами, Кузмиными и прочими <...>. В том-то и заключается проклятие мещанского индивидуализма, что он прикреплен к области половых эксцессов. В этом его начало, на этом он и закончит свой бесславный путь» (Кранихфельд Вл. Литературные отклики // Мир Божий. 1907. № 5. С. 133, 135).

24. Имеется в виду открытка В. Ф. Нувеля от 17 (30) мая 1907 г. из Парижа: «С грустью узнал, что к моему приезду Вас не будет в Петербурге. Неужели нельзя Вас чем-нибудь задержать? Приеду я в среду 23-го утром и очень прошу Вас, если только возможно, не уезжать до этого дня» (*Богомолов*. С. 253).

25. *«Мелкий бес»* — роман Ф. Сологуба, вышедший в издательстве «Шиповник» в 1907 г.

26. Переезд к Е. Н. Званцевой оказался переездом в дом, где жили Ивановы. 14 августа 1906 г. К. А. Сомов сообщал Званцевой о

том, что подобрал для ее школы две отдающиеся внаем квартиры в доме на Таврической ул., угол Тверской, № 25, в одной из которых была подходящая круглая зала (*Сомов.* С. 96). Художественная школа Званцевой работала по этому адресу до 1916 г. Впоследствии Кузмин перебрался непосредственно на «башню», находящуюся этажом выше.

27. Имеется в виду рассказ С. Ауслендера *«Вечер у господина де Севираж»*.

28. *«Де-Гурме»* — кондитерская (Невский пр., 76).

29. В тот же день А. А. Блок писал жене: «Кузмин мне прислал свои две книжечки — очень красивые» (*ЛН.* Т. 89. С. 199). Это были «Приключения Эме Лебефа» (с надписью: «Александру Александровичу Блоку — высокому и милому поэту. М. Кузмин» — см.: *Там же.* С. 200) и «Три пьесы» (с надписью: «А. А. Блоку М. Кузмин» — см.: Библиотека А. А. Блока: Описание. Л., 1985. Вып. 2. С. 41).

30. В Окуловке находилась бумагоделательная фабрика (основана в 1856 г.); ныне Окуловский целлюлозно-бумажный комбинат. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона в статье «Николаевская железная дорога» (т. 41. С. 103) кроме бумажной упомянута фабрика по изготовлению мешков. Владельцем фабрик был купец Рябушинский.

31. Цитируется фраза из хроникального раздела «Календарь писателя» (Свободные мысли. 1907. № 2. 28 мая (10 июня)).

32. Имеется в виду книга: Дикс Б. Ночные песни. СПб., 1907.

33. Письмо от Брюсова неизвестно. См., однако, в недатированном письме к Нувелю: «От Брюсова получил Высочайшее одобрение за „Эме": „Благодарю особенно за самый роман, читаю с истинным наслаждением. Это именно то, что я больше всего люблю в прозе. Не забывайте «Весы»"» (*Богомолов.* С. 254). «Эме Лебефа» Брюсов рецензировал (Весы. 1907. № 7. С. 80—81).

34. *Мастридия* — жена Алексея в «Комедии о Алексее Человеке Божьем». Ее песенки см.: Кузмин М. Комедии. СПб., 1908 (на обложке — 1909). С. 59, 77—78.

Июнь 1907

1. *Каноник* — каноник Мори, с которым Кузмин близко общался во время итальянской поездки 1897 г. *Mugello* (Муджелло) — область в Тоскане.

2. Произведения французского писателя *Barbey d'Aurevilly* (Ж.-А. Барбе д'Оревилли) высоко оценивались Кузминым в те годы. Позднее Кузмин написал предисловие к переводу книги Барбе д'Оревилли «Дэндизм и Джордж Брёммель» (М.: Альциона, 1912).

3. См. в письме М. Ф. Ликиардопуло к Кузмину от 1 июня: «У „Золотого Руна" дела очень неважные, никак дальше № 3 не могут пойти. Говорят, что Ряб<ушинский> собирается ликвидировать дело и „рассчитать" или вернее „уволить" своих сотрудников. Т. к. надежд на возобновление „Руна" в прежнем его виде по-видимому нет никаких и ввиду слухов о появлении в след<ующем> № „Руна" (если он появится) весьма бранной статьи (написанной Рябушинским пополам с Тастевеном) про-

тив „Весов" и, кажется, Брюсова в частности — небольшая группа москвичей: Брюсов, Балтрушайтис, Белый, я и Сергей Соловьев, а также, по всей вероятности, З. Гиппиус — решили демонстративно выйти из состава сотрудников „З<олотого> Р<уна>" Т. к. Вы не мало подвергались „немилости" Рябушинского и ввиду того, что надежд на возобновление беллетристики в прежнем своем виде — нет, то, может быть, и Вы к нам примкнете? Если согласны, то уполномочьте или меня или В. Я. Брюсова в случае нашего коллективного ухода из „Руна" присоединить и Ваше имя» (*Богомолов*. С. 194). Отказ ведущих сотрудников «Весов» от сотрудничества в «Золотом руне» появился в августе: 21 августа — Д. Мережковского, З. Гиппиус и В. Брюсова, 22 августа — Ю. Балтрушайтиса, М. Кузмина и М. Ликиардопуло (опубликованы в газете «Столичное утро», перепечатаны: Весы. 1907. № 8. С. 78—79). Подробнее обо всех обстоятельствах полемики «Весов» и «Золотого руна» летом 1907 г. см.: Лавров А. В. «Золотое руно» // Русская литература и журналистика XX века. 1905—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 157—163; см. также предисловие к публикации трех писем М. Ф. Ликиардопуло к Кузмину (*Богомолов*. С. 184—187).

4. Роспуск Второй Государственной Думы правительством П. А. Столыпина, арест социал-демократической фракции, обвиненной в подготовке заговора, изменение избирательного закона (в нарушение Манифеста 17 октября 1905 г.) в советской историографии квалифицировались как «Третьеиюньский государственный переворот», ознаменовавший поражение первой русской революции.

5. Речь идет о неизвестном ответе Мейерхольда на письмо Кузмина от 31 мая (*Переписка с Мейерхольдом*. С. 348).

6. Может иметься в виду письмо от Г. В. Чичерина из Ливерпуля от 29 мая (10 июня) или от 1 (14) июня (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 203 или 205—206).

7. «*Вертер*» (1892) — опера Ж. Массне; «*Illustration*» — французский еженедельный популярный журнал, в приложении к которому печатали произведения современной французской литературы.

8. Речь идет о незаконченом романе «Путешествие сера Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам» (впервые напечатан: Аполлон. 1910. № 5. Вошел в книгу: Кузмин М. Третья книга рассказов. М., 1913).

9. Письмо от 3 июня сохранилось (*Богомолов*. С. 255—256).

10. См. хроникальную заметку, поразившую Кузмина невероятной путаницей: «Автора нашумевшей повести „Крылья" в среде его близких приятелей в шутку называют „maître" <...>. В только что вышедшей маленькой, чрезвычайно изящно изданной книге его „Приключения Эмиля Эбефа" галантно обрисованы веселые нравы средневековья» (Русь. 1907. № 145. 6 (19) июня).

11. Лето в Сестрорецке Кузмин проводил в 1893 г. См. в его письме к Чичерину от 29 мая этого года: «Я обожаю Вебера и Мейербера, но Берлиоз стоит для меня вне категорий. С ним может сравниться только Гофман, к которому я питаю *совершенно такой же* энтузиазм» (*РНБ*. Ф. 1030. Ед. хр. 18. Л. 69).

12. Книга стихов «*Amor Victor*» написана не была. С влюбленностью в В. Наумова связана третья часть книги Кузмина «Сети».

13. Один из этих проектов реализовался в книге «Подвиги Великого Александра». Повесть о мадам Гюйон написана не была.

14. Имеется в виду книга: Ведекинд Ф. Пляска мертвых: Три сцены / Пер. Потемкина. [СПб.]: Eos, [1907]. Обложка работы Л. Бакста.

15. Имеется в виду рассказ «Кушетка тети Сони» (в печати посвящен В. А. Мошковой). Впервые: «Весы». 1907. № 10.

16. В газете «Русь» упомянутой Кузминым заметки обнаружить не удалось.

17. В Усть-Ижорах находился летом 1907 г. в лагерях В. Наумов.

18. В рецензии Андрея Белого на сборник стихов С. Соловьева «Цветы и ладан» (Перевал. 1907. № 7. С. 58—60) «лягания» Кузмина впрямую не обнаруживается. Возможно, имеется в виду некий непонятный нам намек (может быть, во фразе: «И когда многоголосый хор эпигонов вопит о дерзновении, чуде, увлекая на новые твердыни, — из-под строгих образов его поэзии раздается предостережение: „Ваши твердыни — облачные!“» (с. 60)).

19. Текст письма неизвестен, но его смысл выясняется из записи от 9 июня и письма к Нувелю от 15 июня: «...„Скорпионы“, ожидая ругательной статьи против них, предлагают и мне участвовать в их демонстративном выходе из „Руна“. Думаю отмолчаться» (*Богомолов.* С. 260).

20. Речь идет о стихотворениях «Мои предки» и «„Люблю“, сказал я не любя...» (Золотое руно. 1907. № 5).

21. *Таксаторы* — лесные техники, занимавшиеся устройством и оценкой лесных насаждений и порубок.

22. На письмо Мейерхольда (не дошедшее до нас) Кузмин отвечал 15 июня (*Переписка с Мейерхольдом.* С. 349).

23. Очевидно, имеется в виду недатированное письмо: «Дорогой Михаил Алексеевич. Кажется, вы были в Олонецкой губ. и на Киваче, если не были, то все-таки я туда еду завтра в 4 часа дня. Ужасно скучно, но и хорошо у нас в Петербурге, вышли „Белые Ночи“ (я их еще не видел), Гофман в Алупке, зачинателей не видно — одни только штукатуры. Ходишь по садам, смотришь на борьбу (в этом году удивительно ловкий, красиво сложенный японец-борец), заговариваешь с разными шляпками и ничего умного не делаешь. И все-таки часто вас вспоминаешь, Михаил Алексеевич. Ваш „Эме“ очень понравился Гоге Попову. Он прямо в восторге от него. Если хотите узнать еще новости, спросите у Ауслендера, я пишу ему. До августа я думаю побродить в Олон<ецкой> губ., а может быть, заберусь и дальше на север. Захотите писать, — пишите: Петрозаводск, дом Ялгубцева, П. П. Потемкину. Буду очень благодарен, если получу от вас весточку. Потемкин» (*РНБ.* Ф. 124. Ед. хр. 3474. Л. 1—2). Об этой поездке сообщалось в хронике: «Поэт П. П. Потемкин отправился пешком на Кивач и дальше по Олонецкой губернии. Цель — собирание былинного эпоса. Поэт имеет в виду знакомство с местными сказителями» (Календарь писателя // Свободные мысли. № 6. 25 июня (3 июля)).

24. Имеется в виду *«Комедия о Мартиниане»* (впервые — в книге: Комедии. СПб.: Оры, 1908).

25. Повесть *«Красавец Серж»* написана не была. О планах ее см. далее в Дневнике, а также в письме к Нувелю от 15 июня 1907 г.: «...кончивши „Мартиньяна" (очень короткого, всего 2 картины), я буду лишен возможности осуществлять далее мои планы, требующие подготовки, хоть приниматься за „Красавца Сержа" по дневнику Валентина — так впору. Но это вещь большая и имеющая шокировать всяческую цензуру (мир — натурщиков, шантажистов, хулиганов)» (*Богомолов.* С. 250). Сохранившиеся в рабочей тетради Кузмина (*ИРЛИ.* Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 321) планы повести делают возможным высказать соображения о ее содержании. См.: Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999. С. 517—533.

26. Письмо от Нувеля от 14 июня 1907 г. опубликовано (*Богомолов.* С. 259).

27. Речь идет о книге: «Белые ночи: Петербургский альманах». «Картонный домик» был опубликован там без последних глав, впервые напечатанных: Кузмин М. Проза. Т. VIII. Berkeley, 1990 (с неточностями). Наборная рукопись сохранилась (*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 21; по ней текст повести подготовлен к печати Н. А. Богомоловым). О реакции Кузмина на происшествие с его повестью в «Белых ночах» см.: *ЛН.* Т. 92. Кн. 3. С. 286; *Богомолов.* С. 265—266; Кузмин М. Письмо в редакцию // Весы. 1907. № 6. С. 74 (с датой: 25 июня 1907 г.). Отметим, что по крайней мере некоторыми современниками письмо было воспринято как выпад в адрес Чулкова. Так, Б. А. Садовской писал 24 сентября 1907 г. Ю. А. Сидорову: «Какова свалка идет в „Весах"! Товарищ Герман, он же Антон Крайний, прямо так землю роет. Я не уверен, что Чулков остался жив после такой передряги. Беднягу бьют по морде все — и Валерий Як<овлевич Брюсов>, и Гиппиус, и Белый, и даже Кузмин. Попадает порой и Вячеславу Ивановичу. Это хорошо — декадентство очищается? и если бы Валерий Як<овлевич> прозрел, наконец, что за птица Кузмин, дело было бы еще лучше» (*РГАЛИ.* Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 40. Л. 12—12 об.). Ср. также примеч. 6, август 1907 г.

28. *«Кошница»* — обозначение первого выпуска альманаха «Цветник Ор».

29. *Шерамуры* — словечко из произведений любимого Кузминым Н. С. Лескова.

30. Речь идет о замысле рассказа «Тень Филлиды», писавшегося в следующие несколько дней (опубл.: Золотое руно. 1907. № 7/9).

31. Письмо от Мейерхольда опубликовано (*Переписка с Мейерхольдом.* С. 350). Кузмин отвечал на него с большим опозданием лишь 1 июля (*Там же.* С. 351—352).

32. Герой одноименной «кавказской были» А. А. Бестужева-Марлинского.

33. Письмо от М. Ф. Ликиардопуло неизвестно. О корректуре статьи Белого по поводу «Цветника Ор» (Весы. 1907. № 6. С. 66—69) Кузмин сообщал Нувелю 3 июля: «Мне из „Весов" прислали кусочек корректур Белого о „Цветнике", где он очень хвалит „Евдокию" и „Лю-

бовь этого лета", хвалит Городецкого и Ремизова с выпадом против Вяч. Ив<анова> и Блока» (*Богомолов.* С. 267). Имеются в виду следующие оценки Белого: «Грустью и неуловимо тонким ароматом иронии пропитана „Комедия о Евдокии из Гелиополя"; автор ее — М. Кузмин, один из наиболее ярких молодых талантов. Он дал нам „*Александрийские песни*" и незабываемую „*Историю любви этого лета*", где юмор и красота стиха оспаривают друг друга. <...> Свежи стихи С. Городецкого. <...> Как всегда хорош А. Ремизов. <...> Остальные? Хотелось бы умолчать. <...> Ведь тут дорогие нам имена Бальмонта, Вяч. Иванова, Сологуба, Блока! <...> Хотя бы Блок. Он неустанно кощунствует. <...> Еще нагроможденнее Вяч. Иванов. У него слова лучше строчек, а строчки лучше целого» и т. д. (С. 67—68).

34. Фельетон В. Ф. Боцяновского «В алькове г. Кузмина» был напечатан в газете «Русь» 22 июня 1907 г.

35. «*Алая книга*» (М., 1907) — сборник стихов С. Кречетова (С. А. Соколова). «*В мире искусств*» — киевский журнал, где в № 9—10 за 1907 г. были опубликованы стихотворения Кузмина «Утро», «Высокий холм стоит в конце дороги...», «Sine sole sileo». Когда написано первое, неизвестно, два других — в 1904 г.

36. Имеется в виду, очевидно, автобиография для «Книги о русских поэтах последнего десятилетия» (СПб., [1909]), где она помещена в факсимильном воспроизведении, с датой «1907 год».

37. В письме от 22 июня 1907 г. Г. И. Чулков писал, имея в виду историю с «Картонным домиком»: «Я понимаю и разделяю Ваше негодование! Я в ужасе от того, что произошло. Дело было так: когда было решено, что сборник выходит на товарищеских началах — без редактора — я послал Вашу рукопись в типографию, не дочитав ее до конца, надеясь прочесть ее уже в наборе. Очевидно, гнусная типография затеряла конец рукописи. Как только приеду в Петербург, наведу возможные справки. Должен признаться: получив гранки, я спрашивал метранпажа, уверен ли он, что это конец, но он мне клялся, что рукопись оканчивается на этом месте» (*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 2). Следует отметить, что ошибка типографии до некоторой степени объяснима: росчерк Кузмина после окончания главы они приняли за росчерк в конце всей повести.

38. О приглашении С. А. Ауслендера в «Знание» см. в письме Кузмина к Нувелю от 5 июля 1907 г.: «Чулков теперь путает Сережу, уверяя, что Л. Андреев, пленясь „Вечером у Севиража", предлагает ему поступить заживо в „Знание"» (*Богомолов.* С. 273—274). Такое предложение действительно обдумывалось Л. Н. Андреевым. 22 июля он писал Горькому: «Нужно собирать материал для сборника, вообще начать редакторствовать. Нужно приглашать новых <...>, а я не знаю, насколько в этом случае я могу быть самостоятелен. По-моему, например, необходимо пригласить теперь же: Блока, Сологуба, Ауслендера, еще кой-кого», — на что Горький отвечал 26—30 июля: «Мое отношение к Блоку — отрицательно, как ты знаешь. <...> Склонный к садизму Сологуб — фигура лишняя в сборниках „Знания". <...> Нельзя понять, что скажет Ауслендер далее, но я ничего не имею против <н>его, как ни-

чего не имею против Сомова, например. <...> Читаю много „новой" литературы — Кузмина, „Северные альманахи", „Белые ночи", „Весы" и все прочее. Уверен, что двадцать пять лет тому назад мне это доставляло бы удовольствие» (*ЛН*. Т. 72. С. 284, 287—288). Сотрудничество Ауслендера в «Знании» не состоялось; возможно, отчасти причиной этого было открытое недовольство Кузмина. См. в газетной хронике: «С. Ауслендер, А. Блок, Ф. Сологуб и Г. Чулков получили приглашение в сборники „Знания"» (Свободные мысли. 1907. № 8. 9 (22) июля).

39. Имеются в виду заметка в разделе «Книги и писатели»: «Повесть Кузмина „Картонный домик" была уже отмечена в нашей газете. Не довольствуясь этой повестью — Кузмин оповещает читателя о псевдо-рафинированных, ненормальных наклонностях своих героев еще и в стихотворениях» (Русь. 1907. № 162. 24 июня (7 июля)), а также фельетон Т. Ардова «Отмежевывайтесь от пошляков» (Столичное утро. 1907. № 22. 25 июня).

40. В № 4 «Золотого руна» за 1907 г. были помещены *статья К. Сюннерберга «Безвластие»*, заметка в хронике о погрешностях художественного оформления журнала «Весы» (подписанная Z.) и эскиз декорации Н. Сапунова к драме Блока *«Король на площади»*.

41. *«Перун»* (1907) — второй сборник стихотворений С. М. Городецкого. 3 июня 1907 г. Нувель сообщал Кузмину: «„Перун" мне мало нравится. Зато очень хороши его <Городецкого> стихи в „Цветнике"» (*Богомолов*. С. 256). 3 июля 1907 г. Кузмин делился с ним своими впечатлениями: «Городецкого стихи в „Кошнице" похожи на плохого Бальмонта, но в „Бел<ых> ночах" мне очень нравятся. „Перун" — слабее „Яри", хотя и ровнее, но как он быстро сделал свою карьеру» (*Там же*. С. 267).

42. Речь идет о полемике Брюсова с фельетоном Т. Ардова в «Столичном утре» См.: «Валерий Брюсов в защиту декадентов: (Письмо в редакцию)» (Столичное утро. 1907. № 23. 26 июня). Там же ответ Т. Ардова. Ср. цитируемый в примеч. 12, июль 1907 г. отрывок из письма Кузмина к Нувелю от 16 июля 1907 г., где говорится, что Брюсов — один из главных защитников Кузмина.

43. Замысел *«Нового Плутарха»* был лишь частично осуществлен значительно позже (роман «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро», две первые главы «Жизни Публия Вергилия Марона, Мантуанского кудесника»). Обширные планы обдумывались Кузминым в начале 1920-х гг.

44. Речь идет о хроникальной заметке, где приводится письмо Брюсова в редакцию газеты «Столичное утро» (см. выше, примеч. 42) и далее говорится: «По существу, конечно, Брюсов прав. Частная жизнь писателя, как и вообще всякого человека, должна быть избавлена от того, чтобы в ней копались чужие грязные руки. <...> Но разве сам Кузмин не ввел в свою повесть портретов, списанных с натуры? Кто хоть раз видел Вяч. Иванова, тот без труда узнает его <...>. Не менее удачно передана манера чтения Фед. Сологуба...» (Русь. 1907. № 166. 28 июня (11 июля)).

45. Т. е. на гигантских шагах.

46. *«Истлевающие личины»* (1907) — сборник рассказов Ф. Сологуба.

Июль 1907

1. Имеются в виду: неподписанная заметка «Около искусства»: «Валерий Брюсов в „Ст<оличном> Утре" взялся защищать от нападок критики пресловутого Кузмина, воспевающего „любовь" между мужчинами. <...> Когда сам Кузмин выводит в своих сказаниях „портреты" Вяч. Иванова, Фед. Соллогуба <так!> и др., то гг. Брюсовы безмолвствуют. Конечно, публике нет дела до того, любит ли г. Кузмин мальчиков из бани или нет, но автор так сладострастно смакует содомское действие, что „смеяться, право, не грешно над тем, что кажется смешно"... Все эти „вакханты, пророки грядущего", проще говоря — нуждаются в Крафт-Эбинге и холодных душах, и роль критики сводится к этому: проповедников половых извращений следует вспрыскивать холодной водой сарказма» (Сегодня. 1907. № 259. 28 июня), сатирическое стихотворение Сергея Горного (А. А. Оцупа) «Чемпионат»:

Кузмин всемирный взял рекорд:
Подмял Маркиза он де-Сада
Александрийский банщик горд...
Вакханту с крыльями отрада!
Де-Саду сделав два «parade»'а,
Кузмин всемирный взял рекорд.
(Сегодня. 1907. № 260. 30 июня)

и фельетон «Шапка», подписанный «Сверчок» (Там же). Ср. также пародию: Карандаш. На крыльях (По сочинению Кузмина «Крылья») // Там же. № 252. 20 июня.

2. В газете «Свободные мысли» 2 июля 1907 г. была напечатана пародия Авеля (Л. М. Василевского) на стихи Кузмина из «Комедии о Евдокии». 3 июля Кузмин писал Нувелю: «Милый друг, что Вы меня совсем забыли? или Вы думаете, что я уничтожен всеми помоями, что на меня выливают со всех сторон (и «Русь», и «Сегодня», и «Стол<ичное> утро», и «Понедельник»)? Вы ошибаетесь. Приятности я не чувствую, но tu l'as voulu, Georges Dandin <Ты этого хотел, Жорж Данден — *франц.*>» (*Богомолов.* С. 267). Ср. в письме от 9 июля: «...теперь почти ежедневно получаю свою порцию помой в газетах» (*Переписка с Мейерхольдом.* С. 353).

3. Имеется в виду второй посвященный Кузмину фельетон В. Ф. Боцяновского «О греческой любви» (Русь. 1907. № 170. 2 (15) июля). В нем автор писал: «У него *<Кузмина>* оказывается не мало поклонников. Я получил целый ряд писем, авторы которых меня упрекают за то, что я недостаточно оценил новый chef d'oeuvre <шедевр — *франц.*>, за то, что я приложил в своей статье старую буржуазную мерку к новым течениям в русской жизни. <...> Приведу одно из наиболее обоснованных писем, автор которого Marcel Thellier (вероятно, псевдоним) обнаруживает весьма серьезную эрудицию в этой области и горячее других ополчается на защиту новой повести Кузмина».

4. Имеется в виду повесть С. Ауслендера *«Некоторые достойные внимания случаи из жизни Луки Бедо»* (Факелы. СПб., 1908. Кн. 3.). См. о ней в письме Кузмина к Нувелю от 5 июля 1907 г.: «Теперь он *<Ауслендер>* пишет своего „Эме Лебефа". Заглавие дано мною, как и имя: „Некоторые замечательные случаи из жизни Луки Бедо"» (*Богомолов*. С. 272). Кузмин написал к повести Ауслендера стихи.

5. Нувель в письме Кузмину от 4 июля 1907 г. комментировал: «Marcel Thellier вовсе не псевдоним, а подлинное имя здешнего французского вице-консула (отчаянной тетки), хорошо владеющего русским языком. Боцяновский оказал ему хорошую услугу, раскрыв его инкогнито!!» (*Богомолов*. С. 269).

6. Результатом этих впечатлений был цикл стихов Кузмина «Ракеты» (впервые: Весы. 1908. № 2).

7. Имеются в виду оперы Моцарта *«Свадьба Фигаро»* (1786), К. М. фон Вебера *«Оберон»* (1826) и Дж. Мейербера *«Гугеноты»* (1836). Ср. в письме Кузмина Г. В. Чичерину от 18 июля 1893 г.: «Первая музыка была, конечно, Вебер, Россини и Мейербер, милая музыка 30-ых годов. Особенно я любил „Barbier de Séville", „Huguenots", „Frei-Schütz"» (*РНБ*. Ф. 1030. Ед. хр. 19. Л. 18 об.).

8. В № 6 «Весов» за 1907 г. были напечатаны статья Эллиса «Пантеон современной пошлости» и рецензия А. Белого на «Цветник Ор» (Кошница первая), направленные против петербургских символистов. В этом же номере журнала объявлялись следующие книги Кузмина: «Крылья» (М.: Скорпион, 1907), «Приключения Эме Лебефа» (СПб., 1907), «Три пьесы. „Опасная предосторожность", комедия с пением; „Два пастуха и нимфа в хижине", пастораль для маскарада; „Выбор невесты", мимический балет» (СПб., 1907).

9. В недатированном письме Кузмину Е. Н. Званцева сообщала ему: «Многоуважаемый Михаил Алексеевич, квартиру свою и ключи я поручила моей знакомой, живущей по след<ующему> адресу: Эртелев пер., д.11, Надежда Федотовна Любавина. Вот к ней и пошлите Вашего швейцара, и она все устроит. Мне же это нисколько не трудно и места, должно быть, теперь много. <...> От Вас как от жильца не отказываюсь, только сама приеду в конце августа, но Елена Ив<ановна>, которая будет числа 15 в Питере, заменит меня. Надеюсь, что мы настолько познакомимся зимой, что будущее лето Вы приедете ко мне сюда на новоселье» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 201. Л. 1—2). Очевидно, результатом этого письма и был перенос вещей на квартиру Званцевой.

10. Т. е. целлюлозной массой с бумажной фабрики.

11. См. газетную корреспонденцию: «К „Вечеру нового искусства", который состоится в пятницу, 13 июля, под руководством гг. Мейерхольда и Неволина, предполагается участие г-ж Крандиевской, Пашинской, гг. Блока, Городецкого, Кузмина, Чулкова, Чуковского и др.» (Русь. 1907. № 178. 10 (23) июля; см. также: Обозрение театров. № 141. 11 июля). Видимо, Кузмин получил от Мейерхольда приглашение участвовать в этом вечере (15 июня он отвечал на неизвестное письмо: «Не знаю, удастся ли мне выбраться отсюда: я зади-

чал и заработался». 17 июня Мейерхольд писал: «Дорогой Михаил Алексеевич! Неужели не приедете? Если нет, может быть, найдете возможным прислать мне „Куранты Любви" — тексты и ноты? Хорошо бы здесь сделать ряд опытов. А к „Выбору невесты" уже написана музыка? Пришлите. А то приехали бы!?» — на что 1 июля последовал ответ Кузмина: «Я все-таки не теряю надежды попасть летом и к Вам» (*Переписка с Мейерхольдом*. С. 349—350, 352)), однако поехать не смог или не захотел. О вечере см. отчет: А. Легри [А. Л. Дембо]. Териокский театр. «Вечер нового искусства» // Русь. № 183. 15 (28) июля. Ср. также: *Пяст*. С. 96—97.

12. 16 июля Кузмин сообщал Нувелю: «Был у нас Филиппов из Киева, знакомящийся в Москве и Петербурге с декадентами, говоривший, что Брюсов — один из главных моих защитников. Этому нельзя верить, но верно то, что эту позу он считает теперь наиболее выгодной. Сам Филиппов 26 л<ет>, вид тантический, но неинтересен, помесь Рафаловича, нашего „фанэ" <Штейнберга — *Н. Б., С. Ш.*> и, увы! Судейкина» (*Богомолов*. С. 277).

13. Цикл стихотворений *«На фабрике»* появился в № 10 журнала «Перевал» за 1907 г. (с. 51—54). Получив ответ Кузмина на приглашение участвовать в «Перевале», его редактор С. А. Соколов 12 июля писал Кузмину: «Радуюсь Вашему согласию участвовать в „Перевале". Разумеется, *органическое* объединение общественного и эстетического элементов в каждой вещи, помещаемой в „Перевале", было бы недостижимым, и часто органическое объединение на страницах „Перевала" замещается механическим, и тогда это покрывается центральной идеей „Перевала" о единстве революционной ломки догм, на каких бы путях она ни протекала. Посылайте несколько стихотворений. Может, к осени соберетесь дать нечто из области изящной прозы? В Вашем письме в словах о „наименьшем эротизме" Вы угадали мои тайные желания. Желать „наименьшего эротизма" заставляет — увы — стратегия и сознание, что круг наших читателей далеко не совпадает с кругом, скажем, „Весов"» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 2233. Л. 1).

14. Имеется в виду книга: Брюсов Вал. Лицейские стихи Пушкина: По рукописям Московского Румянцевского музея и другим источникам. К критике текста. М.: Скорпион, 1907. См. в письме Кузмина к Брюсову от 15 июля 1907 г.: «...я радуюсь новой причине и поводу в виде присланной Вами книги высказать постоянную мою благодарность и совершенной нежности преданность» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 91. Ед. хр. 12. Л. 12).

15. См. в хронике «Книги и писатели»: «Оказывается, что о „Картонном домике" М. Кузмина известно кой-кому и за границей. В последней тетради венского „Kunst und Bücherfreund" напечатана без подписи длинная заметка об этой повести: „<...> вина автора не в том, что обнажил углубляющуюся все более и более на теле общества язву, а в том, что он обнажил ее как невежественный санитар, а не как хирург <...>. К таким рискованным вопросам имеет право подходить художник, только художник, г. Кузмин же, очевидно, не имел на то права"» (Русь. 1907. № 183. 15 (28) июля).

16. В 1907 г. Кузмин написал два романса на стихи Брюсова (на какие именно — нам не известно). Под циклом стихов подразумеваются «Ракеты».

17. *Статья в «Белых ночах»* — вероятно, эссе Е. Иванова «Всадник. Нечто о городе Петербурге».

18. Приводим текст этого письма: «Дорогой и многоуважаемый Валерий Яковлевич, беру смелость написать Вам не только искренне, но и откровенно, не только откровенно, но и дружески. О, дружески, конечно, как Борганьоне к Винчи и даже более снизу вверх, но с нежностью, будто на минуту писанья заполняющею пропасть. Я осенью или зимой хотел бы написать „Путешествие" в стиле рассказов баснословных или adventureux <приключений — *франц.*>, род, но другой, „Эме Лебефа". Не позволите ли Вы мне думать при писании его, что я могу его Вам посвятить? Это была бы лучшая шпора и лучшая узда мне, и было бы, хотя неполное, бедное и слабое, выражение моей безусловной преданности к Вам. Посылаю Вам „Ракеты", новые 9 стихотворений, Ваше мнение о которых мне бы крайне важно было знать. Если Вы найдете их достаточно удачными и если в „Весах" 1908 г. найдется место для моих стихов, то, м<ожет> б<ыть>, это и могут быть „Ракеты"? С полной преданностью М. Кузмин» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 91. Ед. хр. 12). В данном письме имеется в виду «Путешествие сера Джона Фирфакса», написанное значительно позже, в связи с чем Брюсову были посвящены «Подвиги Великого Александра».

19. См.: Д'Ор О. Л. Картонный домик (окончание) // Русь: Иллюстрированное приложение. 1907. № 27. 16 июля. С. 381—382. Ср. в письме М. Ф. Ликиардопуло от 19 июля: «Что за гадости выкидывают Петербургские газеты. Я не знаю, как охарактеризовать выходку г. О. Л. Д'Ора (кто это?) в приложении к „Руси", который сочинил нехватающие главы и подписал их Вашим именем. Это больше наглости, это форменное хулиганство» (*Богомолов*. С. 196).

20. *«Эликсиры Сатаны»* (1816) — роман Э. Т. А. Гофмана.

21. Ср. в письме к В. В. Руслову от 15 (28) ноября 1907 г.: «...я не люблю „бездн и глубинности"» (*Богомолов*. С. 203).

22. В письме от 19 июля М. Ф. Ликиардопуло сообщал: «Стихи Ваши В<алерий> Я<ковлевич> получил, но об этом он Вам сам напишет. Рассказ Ваш взял для прочтения С. А. Поляков и когда он его вернет мне, не премину сообщить Вам о результатах. Скоро же окончательно решится вопрос о „Алекс<андрийских> Песнях". Вот, кажется, все дела. <...> Мне очень понравилась „Прерванная повесть". Когда я купил „Белые Ночи", я сейчас же прочитал ее Брюсову, Белому и Эллису, кот<орые> были все в восторге. Отзыв о „Белых Ночах" написан для „Весов" Белым, приблизительно в том же духе, как и о „Орах". С „Руном" мы прекратили всякие отношения, хотя еще не выходили» (*Богомолов*. С. 196).

23. В этом письме М. Ф. Ликиардопуло, в частности, писал: «Про себя мало что могу написать, — работы, как всегда, по горло. Жду не дождусь сентября, когда уеду на месяц в мой любимый „Город", как мы, греки, называем Константинополь. А пока приходится томиться в

Москве, читать корректуры, ругаться с типографией и т. д.» (*Богомолов*. С. 196).

24. См. в письме С. А. Соколова от 18 июля: «Большое спасибо за стихи. Беру из них 3 и пущу их в августе, всего вернее. Под общим названием „Фабрика". 2 возвращаю: стихотворный запас „Перевала" настолько велик, что приходится брать не помногу» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 2233. Л. 2).

25. См. в хронике: «В субботу, 28 июля, в Ермоловском театре (пл<атформа> Ермоловская, около Сестрорецка) повторится "Вечер нового искусства", с успехом прошедший недавно в Териоках. На этот раз программа будет расширена. В 1-м отделении проф. Е. В. Аничков прочтет лекцию „Русская эстетика". 2-е отделение замечательно авторами своих произведений. Принимают участие: Сергей Городецкий, Вячеслав Иванов, Анатолий Каменский, Н. Крандиевская, Рукавишников, Федор Соллогуб *<так!>*, Дмитрий Цензор, Георгий Чулков, артистка Щеголева. Приглашены также гг. Кузьмин *<так!>* и Ауслендер» (Русь. 1907. № 194. 26 июля (8 августа); сходные объявления — Обозрение театров. № 155. 27 июля; Биржевые ведомости. 1907. Веч. вып. № 10021. 28 июля).

26. См. в коммент. К. Н. Суворовой: «В № 5 журнала „Золотое руно" за 1907 г. были напечатаны: цикл стихотворений С. Городецкого „Стихи о святой любви", рассказ А. Ремизова „Занофа", статьи Вяч. Иванова „О веселом ремесле и умном веселии" и А. Блока „О реалистах", а также репродукции картин, экспонировавшихся на выставке группы художников „Голубая роза" в марте 1907 в Москве. <...> Блок высоко оценил творчество М. Горького и Л. Андреева. О писателях-знаньевцах он писал: „Эта литература нужна массам, но кое-что в ней необходимо и интеллигенции. Полезно, когда ветер событий и мировая музыка заглушают музыку оторванных душ и их сокровенные сквознячки" (V, 114). Статья Блока была враждебно встречена символистами. Она стала поводом к разрыву отношений между Блоком и А. Белым. Против нее выступили Д. Мережковский, Д. Философов» (*Суворова*. С. 170). Реакция Кузмина отразилась в письме к Нувелю от 31 июля: «Какие плохие стихи Городецкого в „Руне", а Блок, попав в „Знание", прямо с ума сошел, и читая его статью в том же „Руне" то слышишь Аничкова, то Чулкова, то, помилуй Бог, Луначарского» (*Богомолов*. С. 279).

27. Упоминание Кузминым развешанных по стенам премий из «Нивы» подчеркивает невзыскательность художественного вкуса хозяев; сравнение себя и зятя с Чичиковым — реминисценция из «Мертвых душ», где гостиная Собакевича была украшена картинками подобного рода.

28. Музыка Кузмина к *«Plaisirs champêtres»* («Сельские радости») неизвестна.

29. 17 июля в летнем театре «Буфф» состоялась премьера «злободневного обозрения», в котором были затронуты, как сообщалось в хронике, «политические злобы дня: блоки ка-детов, октябристов, декаденты, эспроприации и т. д.» (Биржевые ведомости. 1907. Веч. вып. № 10001. 17 июля). «Кроме того, в этом обозрении затронут гвоздь ны-

нешнего литературного сезона — эротические произведения поэтов новейшей формации» (Там же: Веч. вып. № 10005). Согласно хронике «Обозрения театров», «„Тридцать три урода“ Л. Зиновьевой-Аннибал послужили темой для обозрения» (№ 146. 17 июля). В рецензии на спектакль, автором текста которого был «молодой поэт Василий Р...», писалось: «Злобы в этом обозрении было мало. Но автор на это смело может ответить: „Не моя в том вина“ <...>. Кадетский блок с октябристами, воспетый им, вызвал аплодисменты публики, хотя гг. Милюков, Милютин и кн. Трубецкой стараниями артистов вышли не очень-то похожими на них. Более всех досталось декадентам. Это — цель, в которую дозволяется бить и где можно попадать метко. Г. Кошевский, загримированный Рукавишниковым, блестяще пародировал чудачества и курьезы новых течений в поэзии. Известное стихотворение Бальмонта: „Хочу быть дерзким. Хочу быть смелым. Хочу упиться роскошным телом!..“ — нашло, наконец, себе мотив. Это — „матчиш“! Обидно, но верно. Удачны были сценки на атлетическую злобу дня» (А. Легри [А. Л. Дембо]. Буфф — Бенефис Кошевского // Русь. № 189. 21 июля (3 августа)). Пасынок Вяч. Иванова С. К. Шварсалон писал ему и матери: «Когда вы будете в П<етер>б<ур>ге, то узнаете, какой фурор произвели „33 Урода“. В Театре „Буфф“ каждый день, оказывается, шло „Злободневное Обозрение“, в которое включили как подзаголовок „33 Урода“: были представлены вы, Бальмонт и Кузмин. Других подробностей я ни от кого не мог узнать» (Отрывок из недатированного письма // РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 55. Л. 53). Появление этого спектакля для современной критики выглядело симптоматичным. Так, А. А. Измайлов писал: «Гении, вроде Кузмина или Зиновьевой-Аннибал, как Байрон, в одно утро просыпаются знаменитыми. До чего грандиозна эта известность, вы можете видеть из того, что именами их повестей называются даже пьесы, идущие в „Буффе“» (Литературные заметки // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1907. № 10008. 21 июля).

30. См. в коммент. К. Н. Суворовой: «В упоминаемом июльском номере (№ 11—12) киевского журнала „В мире искусств“ за 1907 г. были напечатаны стихотворения В. Брюсова, А. Белого, А. Блока <...> и др. Стихотворение М. Кузмина „Апулей“ <...> появилось в следующем номере (№ 13—14) журнала; с этого же номера он объявлялся в числе лиц, принимающих участие в журнале (О неприязненном отношении Л. Андреева к Кузмину см.: *ЛН*. Т. 72. С. 309, 528)» (*Суворова*. С. 170).

31. См. в коммент. К. Н. Суворовой: «М. Кузмин имеет в виду напечатанную в журнале «Перевал» *<Перевал. 1907. № 8—9. С. 94>* рецензию А. Белого на вторую книгу альманаха „Шиповник“. Характеризуя участников альманаха, А. Белый писал: „Первенствует А. Блок. Это, быть может, наиболее интересный и законченный поэт после В. Брюсова. Он часто неуклюж, часто дает в звучных строфах скорей материал для построения образа, а не самый образ, который требует такой же отточенности, как и форма стиха, у Блока в отточенной форме часто неотточенные картины. Но у него все — подлинное“» (*Суворова*. С. 170—171).

32. Ср. признание Кузмина из предисловия к «Чешуе в неводе»: «Обладая слабою памятью, я принужден не только работы, но и простые ежедневные чтения сопровождать выписками» (Литературная учеба. 1990. № 6. С. 115).

33. Имеется в виду заметка в «Календаре писателя»: «Не будут участвовать в „Знании“: М. П. Арцыбашев, А. И. Куприн, Б. А. Лазаревский, А. П. Каменский, М. К. Кузьмин *<так!>*; из них первые два по своему желанию, остальные по несоответствию характера их творчества со взглядами редактора „Знания“ <Л. Андреева>» (Свободные мысли. 1907. № 11. 30 июля (12 августа)).

Август 1907

1. Это письмо от М. Ф. Ликиардопуло неизвестно, однако смысл его очевиден и, видимо, может быть сопоставлен с письмом Нувеля Кузмину от 2 августа, написанным после разговоров в Москве с Брюсовым, Белым, Ликиардопуло, С. А. Поляковым, Эллисом: «Разумеется, все москвичи ругательски ругают Петербуржцев. Вы составляете почти единственное счастливое исключение. Ярость направлена главным образом против Чулкова, Блока, Вяч. Иванова, Леонида Андреева, Лидию Дмитриевну *<так!>* и Городецкого. <...> „Руно“ и „Перевал“ скоро погибнут естественной смертью. Это факт достоверный. Останутся одни „Весы“» (*Богомолов*. С. 281). Брюсов хвалил «Эме Лебефа» в рецензии на повесть и «Три пьесы» (Весы. 1907. № 7. С. 80—81). О перемене в рецензии Белого на «Белые ночи» Кузмин писал Нувелю еще 16 июля: «В корректурах, когда временно Брюсова не было в Москве, было: „К сожалению, он напечатал плохо отделанный, очевидно наспех написанный роман «Крылья»“. После прибытия Валер<ия> Як<овлевича> это обратилось в скобки („Мне не нравятся его «Крылья»“), поставленные, как объясняют, в оправдание перемены Белого сравнительно со статьей в „Перевале“» (*Богомолов*. С. 277). Написанное Брюсовым «Послесловие редакции» к статье З. Н. Гиппиус (Антона Крайнего) «Братская могила» содержало такие слова: «Наше глубокое убеждение — что М. Кузмин идет в рядах передовых борцов за ту самую культуру, за которую ратует и Антон Крайний. Именно как такому культурному деятелю (а не только как талантливому поэту) „Весы“ до сих пор широко открывали М. Кузмину свои страницы и намерены столь же широко открывать их впредь» (Весы. 1907. № 7. С. 55). По поводу этого послесловия Гиппиус писала Брюсову: «...против „Послесловия“ ничего не имею, хотя упорно не вижу культурной работы Кузьмина *<так!>*. Если бы так, — какая задержка для культурного развития России, что в „Белых Ночах“ потеряли целых пять глав его повести и мир еще не узнал, что было с Дементьевым и Парфентьевым после того, как они целовали иконы и сапоги и улеглись на кровать!» (Письмо от 16 июля // *РГБ*. Ф. 386. Карт. 82. Ед. хр. 39. Л. 30).

2. Пьеса «*Орест*» написана Кузминым не была. План ее, сохранившийся в рабочей тетради, см.: Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века. С. 516—517.

3. О своих дальнейших творческих планах Кузмин сообщал Нувелю 11 августа: «„Кушетка тети Сони“ — современна. Там как раз 2 студента, институтка, старый генерал и старая дева. Но все мои планы — на „удаления“, как Вы их называете, и начатый современный „Красавец Серж“ без аппетита отложен. Планов куча: „Путешествие“, „Разговор о дружбе“ (ряд рассказиков), „Александр“, „M-me Guyon“, „Орест“ (пьеса; вероятно, первое, что буду делать, готовясь в то же время к сэру Фирфаксу) и что-нибудь из юнкеров» (*Богомолов*. С. 284). Из этих планов были реализованы только «Путешествие сера Джона Фирфакса» и «Подвиги Великого Александра».

4. Письмо Нувеля из Москвы от 2 августа 1907 г. опубликовано: *Богомолов*. С. 280—281.

5. К сожалению, письма Ликиардопуло, Брюсова и Кузмина, обращенные друг к другу, известны нам далеко не полностью. Очевидно, Кузмин отвечал Ликиардопуло на письмо, пришедшее 1 августа (см. запись от этого числа), однако Кузмину прислал ответ на это письмо (а также на процитированное выше письмо от 17 июля) не Ликиардопуло, а сам Брюсов: «В июльском № „Весов“, который Вы получите на днях, Вы найдете краткую заметку, написанную мною о Ваших книгах. Я очень извиняюсь за беглость своих суждений, но моей целью было установить ту точку зрения, с которой, кажется мне, должно смотреть на Ваше творчество. <...> М. Ф. Ликиардопуло читал мне отрывки из некоторых Ваших писем к нему. Мне кажется, что Вы совершенно верно определяете и свое значение как писателя, и свое место в ряду современных литературных школ. Вне всякого сомнения, Вы душою, психологически, принадлежите нам, к нашему поколению, к нашему отряду, к созидателям, а не разрушителям. Мы тоже разрушаем, — но оковы, мешающие нам свободно двигаться, и стены, закрывающие нам дороги. Но мы не имеем и не можем иметь ничего общего с теми „молодыми“, которым хочется сокрушать античные статуи за то, что это статуи, и поджечь дворцы за то, что это дворцы. Конечно, и в варварстве, как во всем в мире, есть своя прелесть, но я не колеблясь поставлю скорострельную пушку для защиты Эрмитажа от толпы революционеров, предводительствуемых Сергеем Городецким. Впрочем, утешение в том, что наши „молодые“ разрушители ничего разрушить в действительности не в силах и что Сергей Городецкий никакой толпой революционеров не предводительствует и предводительствовать не будет» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 49—50; публ. А. Г. Тимофеева). 5 августа Кузмин отвечал ему: «Из предыдущих писем к Вам Вы можете предположить чувства, одушевляющие меня при получении Вашего столь жданного, столь драгоценного мне письма. В моих словах М. Ф. Ликиардопуло о безусловной преданности Вам, о готовности быть scientae cadaver <трупом в анатомическом театре — *лат.*> нужна поправка: это — не готовность, это — пламенная просьба, сокровеннейшее желание. Но кроме необходимости руководящих инструкций для внешних действий в этой области мне изредка нужны будут несколько дружеских слов, как связь с далекой и любимой „митрополией“ *<так!>*, как благословение Рима. Теперь меня дол-

го будет питать Ваше письмо, каждое слово которого для меня безмерной цены. Я теперь как солдат, радостно знающий свой полк, идущий на веселые завоевания. Радость известий о том, что Вы напишете о моих книгах, что Вы принимаете посвящение задуманной вещи, радость письма от Вас заставляет меня менее печалиться от того, что, сообщив мне опять-таки столь утешительное известие о помещении моих стихов в 1908 г., Вы воздерживаетесь от Вашего мнения, будто не оно было мне важно прежде всего» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 92. Ед. хр. 12. Л. 15—16). Из этого письма очевидно, что речь шла о линии поведения Кузмина в отношении к «Золотому руну».

6. См. в коммент. К. Н. Суворовой: «Речь идет о статье Г. Чулкова „Молодая поэзия" (Товарищ. 1907. № 337. 5 августа). Указывая на раскол среди символистов и противопоставляя петербургских символистов москвичам, Чулков утверждал: „Если бы не выступление молодых поэтов и не новые эстетические принципы, провозглашенные кружком «Ор», декадентству как таковому пришлось бы повторять себя". Высоко оценивая стихи К. Бальмонта, А. Блока, С. Городецкого, Ф. Сологуба, Чулков отмечал: „в современной литературе возникло течение явно порнографическое, претендующее иногда на связь с новым искусством. Само собой разумеется, что такое течение никогда не получит санкции поэзии"...» (*Суворова*. С. 171). Прочитав эту статью, Кузмин откликнулся весьма обиженным письмом к Г. И. Чулкову, требуя возвращения окончания «Картонного домика»: «...покорнейше прошу, если действительно Вы нашли конец моей рукописи, прислать мне ее с возможной скоростью. Полагаю, что Вам нет никакой необходимости удерживать этот образчик „явно порнографической литературы, не имеющий получить санкции искусства". Упоминая о высылке этих глав в третий раз, считаю вопрос исчерпанным и, не получив их и теперь, предоставляю себе право думать, как надлежит, о Ваших действиях» (*РГБ*. Ф. 374. Карт. 4. Ед. хр. 6. Л. 17).

7. Имеется в виду популярный в России роман Т. М. Рида (Майн-Рида) «Всадник без головы» (1866).

8. См. в письме Н. Сапунова от 30 июля 1907 г.: «Будучи в Москве, я познакомился с одним красивым юношей... Он, между прочим, пишет в „Весах" о балете. Дело в том, что он великолепный танцор и обладает дивной фигурой и к тому же „грамотный". Это прекрасный Амур для Ваших „Курантов любви". И вообще его можно эксплуатировать для многого» (Letters of N. N. Sapunov to M. A. Kuzmin / Publ. of John E. Malmstad // Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin. Wien, 1989. S. 155). См. также примеч. 9, сентябрь 1907 г.

9. См. недатированное письмо М. Ф. Ликиардопуло Кузмину: «Ваше письмо меня бесконечно обрадовало, но должен признаться: я именно и ожидал от Вас такой ответ. Мы никогда не сомневались в том, что Вы наш, но за последнее время нам пришлось не раз ошибиться, вдруг открывая, что люди, которых мы привыкли считать своими, — становились нашими противниками. И я лично более всех отстаивающий Вашу верность „Весам" вызвался получить от Вас определенное окончательное заявление. Вы просите дать Вам каких-либо инструкций?

Пока — мы с петербуржцами еще не порвали окончательно и не приходится предпринимать никаких шагов. Вот только „Руно". Мы недавно сделали попытку снова стать с ним в дружеских отношениях — предложили им составить редакционную комиссию, куда вошли бы из москвичей Брюсов и Белый, но вместо этого пришлось выслушать кучу дерзостей, и к тому же вышла новая грязная история — на этот раз с Белым. Подробности Вы найдете в прилагаемой вырезке из „Столичного Утра". После этой нахальной выходки „Руна" оставаться в нем нет возможности. Сегодня мы получили согласие на коллективный выход от Д. Мережковского и З. Гиппиус, т<ак> ч<то> составляется большая группа: 2 Мережковских, Брюсов, Балтрушайтис, Сологуб, я и, надеюсь, Вы. Если Вы сейчас рассчитались с Рябушинским и согласны присоединиться к нашей демонстрации, то, пожалуйста, пошлите или прямо в „Руно" (или нам, а мы передадим со всеми остальными, одновременно) заявление о Вашем выходе, и уполномочьте нас присоединить Вашу подпись к различным заметкам и письмам, которые мы пошлем в разные газеты» (*Богомолов*. С. 197—198).

10. В письме от 8 августа Чулков писал: «Конец Вашей рукописи — как я уже писал Вам — нашелся. Я боялся посылать Вам рукопись по почте: одна из бандеролей, мною Вам посланная, пропала. Сегодня посылаю Вам ее заказной бандеролью» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 5).

11. Отзыв Брюсова о поэзии С. М. Городецкого в письме к Кузмину см. выше, примеч. 5.

12. Откликаясь на рецензию Брюсова об «Эме Лебефе» и «Трех пьесах», а также на его послесловие к статье Гиппиус «Братская могила», Кузмин писал: «...я Вам безмерно благодарен за Ваш отзыв о моих книгах. Конечно, Вы сознаете сами, что некоторых слов Вашей заметки мне невозможно было читать без гордого и счастливого волненья, имея в виду, что эти строки писаны Вами. Благодарю Вас же как душу „Весов" за послесловие редакции к статье З. Гиппиус, так беспощадно меня поцарапавшей. Хорошо, что она „ничего не имеет против моего существования" („я ничего не имею против существования мужеложного романа и его автора"), но напрасно она перевирает стихи Пушкина (мои-то — Бог с ними), которые, помнится, идут так: „Я любовников стыдливых", а <не> „Мы юношей влюбленных"» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 91. Ед. хр. 12. Л. 18 и об.). В свою очередь, Гиппиус писала Брюсову по поводу его «Послесловия»: «Кузьмина *<так!>* я совсем не осуждаю как „данное", но „тенденцию" его глубоко отрицаю. А тенденция его — пережиток. Это — Нувель с литературными способностями, с нувелиным je m'en f... измом (хулиганством) и без нувелиного, хотя и внешнего, лоска, навычности» (Письмо от июля 1907 // *РГБ*. Ф. 386. Карт. 82. Ед. хр. 39. Л. 31 об.).

13. Речь идет о заключительной фразе из процитированного в примеч. 9 письма Ликиардопуло: «На днях напишу об одном плане — для будущего — котор<ый> имеет предложить Вам „Скорпион"» (*Богомолов*. С. 198). См. разъяснение в записи от 19 августа 1907 г. Отметим, что план этот стал достоянием газетной хроники: «Осенью выйдет

в издательстве „Скорпион" второе издание „Крыльев" М. Кузмина; в книгу, кроме того, войдут „Картонный Домик" (с концом) и „Красавец Серж"» (Свободные мысли. № 15. 27 августа (9 сентября)).

14. Письмо Зиновьевой-Аннибал (*Богомолов.* С. 301—302) было переслано вместе с письмом Нувеля от 11 августа 1907 г. (*Там же.* С. 282—283). Откликаясь на эти два письма, Кузмин сообщал Нувелю: «Очень жаль, что Ивановы медлят в своем уединении, хотелось бы их обнять и посмотреть на образовавшийся „экстракт" от Диотимы от ежедневных 20-минутных ее плаваний. К стыду, я музыки к „Ослу" не писал ёще и вряд ли летом буду. <...> Ваше письмо чем-то кисленькое, лето всех утомило, по-видимому, кроме Диотимы» (*Там же.* С. 284). Ответ Нувеля на письмо Зиновьевой-Аннибал: *Там же.* С. 303—304.

15. См.: Серый волк. 1907. № 5. 5 августа. Проект памятника А. М. Ремизову — С. 80; проект памятника М. А. Кузмину (надпись на «пьедестале», которым являются бани, — «Кузмину поклонники») — С. 83. Оба рисунка подписаны «Крючек». Об авторстве С. М. Городецкого см. запись в дневнике от 5 сентября.

16. Имеется в виду статья П. Пильского «О красоте и пустоте», противопоставляющая «Картонный домик» творчеству Зиновьевой-Аннибал и пьесе Ф. Сологуба «Любви», сопровожденная редакционным примечанием: «Точка зрения редакции на г. Кузмина и Кузминых диаметрально противоположна взгляду г. Петра Пильского» (Свободные мысли. 1907. № 14. 20 августа (2 сентября)). В опубликованой там же статье К. Чуковского «Чудо» говорилось: «И вот все эти стукающие так или иначе лбами в те или иные плиты — оглянулись и увидели г. Кузмина. Он стоял в жеманной этакой позе — губы сердечком — и лепетал, жантильничая:

Все только мелочи,
Все только мелочи.

За ним другие озорники, г. Ауслендер, сюсюкающий — ну, совсем по-французски, г. Чулков с шаманским бубном, г. Городецкий хлыстовствующий, и другие — эти ужасные „и другие", которые плодятся ежедневно, пожирают друг друга с неимоверной быстротой и умудряются одновременно и шаманить, и хлыстовствовать, и сюсюкать — точь-в-точь как их учителя и наставники». Пильский же в своей статье, словно отвечая Чуковскому, говорил: «...я очень любил, люблю и всячески защищаю и хвалю талант и, значит, темы М. Кузмина и совсем не люблю и не выношу измышлений госпожи Зиновьевой-Аннибал. И не оттого, конечно, что Зиновьева-Аннибал наперекор всем своим желаниям и стремлениям до удивительности и чрезвычайности добродетельна, М. Кузмин же из рук вон порочен, а только потому, что Кузмин настоящий, редкий, смелый и искренний художник, в то время как Зиновьева-Аннибал могла бы с большим успехом вышивать по канве, быть начальницей института или торговать калужским тестом. <...> Кузмин, например, в своем „Картонном домике" подкупает и трогает своим лиризмом, нежностью и редкой тонкостью. Словом: или автор „Крыльев" — настоящий и большой художник, и тогда все, чем живет его поющая и творящая душа — свет, святость, любовь и чистота; или это

модник, подражатель и ничтожество, и тогда с ним не о чем и не для чего говорить».

17. *«Гейша»* (1896) — оперетта С. Джонса.

18. Письмо Н. П. Рябушинского неизвестно. Письмо Нувеля от 20 августа опубликовано: *Богомолов.* С. 287—288.

19. См.: А. Ст-н <А. А. Столыпин>. Заметки // Новое время. 1907. № 11293. 21 августа (3 сентября). Автор писал: «„Дело очень простое: потеряв жену, отец очень просто влюбляется в собственную дочь..." — так отзывался г. Петр Пильский о пьесе Федора Соллогуба *<так!>*. Он же восхваляет до небес поборника грехов содомских, г. Кузьмина *<так!>*. Бумага, которая все это терпит, гордо носит на своем заголовке титул „Свободные мысли". Уж куда свободнее: дальше-то и обнажать нечего».

20. Имеется в виду Литературно-художественный кружок, в Москве известный, кроме прочего, процветавшей там азартной карточной игрой (см., например, воспоминания В. Ф. Ходасевича «Литературно-художественный кружок» в кн.: Ходасевич Вл. Колеблемый треножник. М., 1991. С. 374—383).

21. С. М. Городецкий был арестован в августе 1907 г. за нелегальный провоз из Финляндии в Петербург запрещенного «Историко-революционного альманаха изд-ва „Шиповник"» и 10 дней провел в тюрьме «Кресты», где написал цикл стихов «Тюремные песни». См.: Городецкий С. Стихотворения и поэмы. Л., 1974. С. 23, 172—186. В хронике сообщалось: «Арест Сергея Городецкого пока объяснений не получил. Матери Городецкого в свидании отказано. При обыске на квартире ничего не найдено» (Календарь писателя // Свободные мысли. № 15. 27 августа (9 сентября)).

22. Имеется в виду № 13/14 киевского журнала «В мире искусств», где было опубликовано стихотворение Кузмина «Апулей».

23. 26 августа состоялись футбольные матчи на кубки Санкт-Петербургской лиги (см.: Русь. 1907. № 226. 26 августа (9 сентября)).

24. *«Пробуждение весны»* — пьеса Ф. Ведекинда в постановке В. Э. Мейерхольда в театре Коммиссаржевской (премьера состоялась 15 сентября 1907 г.). Ср. письмо Мейерхольда Кузмину за это число (*Переписка с Мейерхольдом.* С. 364).

25. Первоначально В. Э. Мейерхольд собирался ставить «Комедии» Кузмина как трилогию, в возможности чего Кузмин выражал сомнение в письме к нему от 15 июня (*Переписка с Мейерхольдом.* С. 349) и в письме к Нувелю от того же числа (*Богомолов.* С. 261). Тогда Мейерхольд остановил свой выбор на «Евдокии» (*Переписка с Мейерхольдом.* С. 350), но план не был осуществлен и в таком варианте. Подробнее см.: Дмитриев П. В. Эпизод из петербургской театральной жизни 1907 г. // Записки Санкт-Петербургской театральной библиотеки. [СПб.], 1999. Вып. 2.

26. Вероятно, имеется в виду письмо от 24 августа (6 сентября) 1907 г. с денежными расчетами (*РГАЛИ.* Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 211—212).

27. *Кафе «Рейтер»* (владелица — В. Н. Рейтер) располагалось на Итальянской ул., 31. О кафе, отделываемом Е. Е. Лансере, см. в

хронике «Обозрения театров»: «Вчера нам довелось осмотреть новое, еще не открытое „Café de France“ в доме армянской церкви на Невском, на художественную отделку которого, по сообщениям газет, затрачено около 150 000 рублей. На этот раз газеты близки к истине. Роскошь, действительно, поразительная. Всей постройкой этого богатого Café заведует архитектор-художник А. И. Тименев. Все панно и фигуры выполнены художниками Е. Е. Лансере и В. М. Щуко. <...> Устраивается и „артистическая“ комната для актеров, писателей, художников и проч.» (№ 160. 2 августа).

28. О летнем театре оперетты «Буфф» (наб. Фонтанки, 114) с садом и рестораном см. подробный очерк: *ЗиП.* 116—124. 27 августа там шло обозрение «33 урода», упоминаемое Кузминым.

29. См. в коммент. К. Н. Суворовой: «5 сентября 1907 г. Блок писал Вяч. Иванову: „...я обещал «Золотому руну» просить Вас очень быть редактором его, т. е. взять весь журнал внутренно в свои руки. Внутренно потому, что официального отказа от редактирования Рябушинский ни за что не даст“ (Блоковский сборник. Тарту, 1972. Вып. 2. С. 373)» (*Суворова.* С. 171). Суждения Кузмина основывались на хроникальных сообщениях того времени, вроде подобного: «А. Блока пригласили редактировать „Золотое Руно“; от приглашения Блок отказался в пользу Вяч. Иванова. Этим последним приглашение принято под условием полной автономии журнала от Н. Рябушинского, т. е. лишения его всех прав на просмотр рукописей и на какие бы то ни было отношения к сотрудникам» (Календарь писателя // Свободные мысли. № 17. 3 (16) сентября). В те же дни сообщалось, что Иванов будет стоять во главе нового журнала «Вершина» (план не осуществился).

30. См. открытку К. А. Сомова, датированную этим числом: «Ложа взята № 4 с левой стороны во втором ярусе. Начало в 8 часов» (*РНБ.* Ф. 124. Ед. хр. 4084). Речь идет об опере Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» в Мариинском театре.

Сентябрь 1907

1. Имеется в виду замысел номера «Золотого руна», посвященного творчеству А. Г. Венецианова. 11 сентября 1907 г. (см. соответствующую запись) Кузмин написал для него стихотворение «В старые годы» (см. ниже, примеч. 14).

2. Речь идет о постановке балета Л. Ф. Минкуса «Дон Кихот» (1869) в Мариинском театре.

3. Смысл выражения неясен. Возможно, имеется в виду какое-нибудь театральное представление с таким названием или же ресторан или кафе — но Кузмин никак не выделяет эту «принцессу».

4. Письмо Сологуба известно: «Многоуважаемый Михаил Алексеевич. В Вашем „Картонном домике“ есть несколько презрительных слов и обо мне, — точнее о моей наружности и моих манерах, которые Вам не нравятся. Художественной необходимости в этих строчках нет, а есть только глумление. Эти строчки я считаю враждебным по от-

ношению ко мне поступком, мною не вызванным, ни в каком отношении не нужным и, смею думать, случайным» (*WSA*. Bd. 9. S. 373; публ. Ж. Шерона). Ответ Кузмина неизвестен. Ср. также письмо Сологуба от 5 сентября (*Там же*. S. 373—374).

5. Об отправке книг С. А. Соколову см. в его письме Кузмину от 28 августа 1907 г.: «Адресую к Вам просьбу: пришлите обещанные „Крылья“ и, если не трудно, еще 1 экз. „Эмэ Лебефа“. Несчастье! У меня украли присланный Вами» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 1). В *«Столичное утро»* Кузмин отправил рассказ «Похороны мистера Смита», который не был опубликован из-за расстроившегося сотрудничества Брюсова с газетой. По автографу из собрания Л. А. Глезера рассказ впервые напечатан: Богомолов Н. А. Неизданный Кузмин из частного архива // *НЛО*. 1997. № 24. (То же: Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999. С. 535—536).

6. Имеется в виду роман Н. Н. Брешко-Брешковского «Петербургская накипь», печатавшийся в «Биржевых ведомостях». Натурщик Валентин изображен в главе 4 под именем Клавдия (Биржевые ведомости. 1907 г.: Веч. вып. № 10084. 5 сентября и далее).

7. *«Супанник»* — ироническое название издательства «Шиповник».

8. Роман С. А. Ауслендера и Н. И. Петровской в 1907—1908 гг. был многим известен. Весной 1908 г. они вместе ездили в Италию (см.: Богомолов Н. А. Итальянское путешествие Нины Петровской // Русско-итальянский архив. Trento, 1997).

9. См.: Чурикин Н. Московский балет: Постановки 1906 года // Весы. 1907. № 7. С. 97—104. См. также примеч. 8, август 1907 г.

10. По всей видимости, речь идет о замышлявшейся М. Л. Гофманом «Книге о русских поэтах последнего десятилетия». В ней статью о Кузмине написал Б. А. Леман (под своим обычным псевдонимом «Б. Дикс»).

11. Извинения Чуковского, очевидно, связаны с тоном его статей, упоминающих Кузмина: рецензии на «Белые ночи» (Речь. 1907. 16 (29) августа), ранее цитированной статьи «Чудо» (см. примеч. 16 к августу) и — на следующий день после записи в дневнике Кузмина — «В бане. Спермин и Кузмин» (Свободные мысли. 1907. 9 (16) сентября). О какой анкете идет речь — нам неизвестно.

12. См.: «Талант М. Кузмина находится в явном соприкосновении с Сомовым. Та же пикантная, изящная ирония, та же изысканная простота формы, скрывающая сложность переживания. <...> Я должен сознаться, что последнее время неизменно отдыхаешь на Кузмине после чтения претенциозных, крикливых и пестрых „глубинных произведений“. <...> Спасибо ему» (Бугаев Борис. [Рец. на:] М. Кузмин. Приключения Эме Лебефа // Перевал. 1907. № 10. С. 51—52). «Наиболее интересными в „Белых ночах“ являются вещи Блока, Кузьмина *<так!>* и Ауслендера. <...> Оригинальна повесть Кузьмина „Картонный домик“. Пленяет то смелое дерзновение, с которым, точно шутя и смеясь, отбрасывает Кузьмин все существующие формы литературной прозы и пишет маленькую хронику нескольких дней своей интим-

ной жизни» (К. Л. [Рец. на:] Белые ночи. Петербургский альманах // Там же. С. 53). Что заставило Кузмина считать эту рецензию принадлежащей Белому, нам неизвестно. Среди статей Белого в библиографиях она не значится.

13. *«La double inconstance»* («Двойное непостоянство»,1723) — комедия П. Мариво.

14. Стихотворение «В старые годы». Было напечатано в «Золотом руне» (1907. № 7/9) под загл.: «Из старых лет (Посвящается Венецианову и его современникам)».

15. Речь идет о постановке «Пробуждения весны» Ф. Ведекинда в театре Коммиссаржевской. Пьеса, несмотря на откровенный по тому времени эротизм, была встречена публикой очень холодно. См.: *Рудницкий*. С. 104; *Блок*. Т. 5. С. 194—106, 727—728. Подробное описание спектакля см.: *ЛН*. Т. 92. Кн. 3. С. 303—304.

16. Имеются в виду сведения о продаже «Приключений Эме Лебефа» и «Трех пьес».

17. *«Пеллеас и Мелисанда»* (1902) — опера К. Дебюсси.

18. *«Луч»* — петербургский общественно-политический и литературно-художественный еженедельный журнал. В октябре 1907 г. вышло два номера (первый конфисковывался), после чего издание прекратилось (см. запись от 30 октября 1907 г.). В № 1 была напечатана статья Кузмина «Открытие сезона», а в № 2 — «Москва и Петербург» (обе перепечатаны: Кузмин М. Проза. Berkeley, [1997]. Т. X. Критическая проза).

19. См. в письме Н. И. Петровской В. Я. Брюсову от 25 сентября 1907 г.: «Нигде не была, даже с Владей *<В. Ф. Ходасевичем>* не пошла обедать, сидела одна, сонная, и кашляла. Так до сумерек. А потом, только не в „золотой час“ (в Петербурге ужасная погода), а в серый пришел Ауслендер. <...> Это свидание не было таким, как мы шутя с тобой говорили. Не говорил „дай“, „будь моей“, вел себя скромно, как ребенок. Он по-настоящему хороший мальчик. Я в Москве этого и знать не могла. Мы тогда немножко прикинулись, говорили декадентские слова. И вдруг вся эта глупость пропала. <...> И вот смешно, — клялся мне — (хотя я этой клятвы не спрашивала), что с Кузминым никогда *этого* не было, что ему это органически противно. А Кузмин чуток и обидчив, понял невозможность и не стремился. <...> Вот самая опасная точка письма. Но я скажу, все равно. Мне очень скучно в Сев<ерной> Гост<инице>. Не может же Ауслендер сидеть со мной целые дни, а Владька для меня пропал, потому что приехала Марина *<М. Э. Рындина, жена Ходасевича>*. Так вот, Ауслендер нашел мне комнату в том же меблир<ованном> доме, где он живет. Не думай, честное слово, отдельную комнату и даже в другом этаже. Ты сердишься? Ну что же тут по существу дурного? Ну что? Я знаю твои мысли. Зверь, не правда» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 98. Ед. хр. 19. Л. 25—26 об.).

20. См. в письме Н. И. Петровской к Брюсову от 27 сентября 1907 г.: «Вчера вечером был Кузмин. Я очарована им. У него действительно есть легкость, настоящая лучезарность души, от которой каждое сказанное слово, даже пустое и обычное, чем-то озаряется. С ним

можно говорить долгое, приятное, без всякого утомления, особенно после Эллисов и даже Б. Н. *<Андрея Белого>*. Они совсем запутались и уж вот не знают простоты. Мы сидели втроем долго, и это первое вполне Петербургское впечатление было очаровательно. Нет, право, они живут иначе, чем все мы, и нет у них нашего змеиного яда. Вместо него веселая нежность и простота. Сегодня пойду в 5 ч. к Блок. Не хочется, но они очень звали. А вечером к Кузмину слушать его музыку и стихи» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 98. Ед. хр. 19. Л. 27).

21. В письме к Кузмину от 26 сентября 1907 г. Брюсов писал: «Нам очень хотелось бы дать в октябрьской книжке „Весов" Ваш рассказ. У нас есть Ваша рукопись „Кушетка тети Сони". Нам этот рассказ не кажется на уровне Ваших лучших произведений. Поверьте, это вовсе не „редакторское" замечание. После „Александрийских песен", „Любви этого лета", „Элевзиппа" и мн<огих> и мн<огих> — Вы приобрели себе право решать самовольно, что должно напечатать из Ваших вещей, что нет. <...> Мы только еще раз спрашиваем Вас: настаиваете ли Вы, что „Кушетку" напечатать должно? Если „да", — рассказ будет помещен в № 10 „Весов". Если „нет", если Вы с нами согласитесь, что он слабее других Ваших произведений, — мы будем ждать новой Вашей рукописи, и будем очень рады, если она придет вовремя, чтобы быть напечатанной в том же 10 №» (*WSA*. Bd. 7. S. 72—73). Поскольку ответ Кузмина на это письмо среди его писем к Брюсову не сохранился, он, очевидно, просил передать его устно Н. И. Петровскую, уезжавшую вскорости. Суть ответа Кузмина очевидна и могла бы быть выражена словами из письма к В. В. Руслову от 2 декабря 1907 г.: «Я сам питаю большую нежность к этой вещи» (*Богомолов*. С. 207). И далее, в письме к нему же 8—9 декабря: «Технически (в смысле ведения фабулы, ловкости, простоты и остроты диалогов, слога) я считаю эту вещь из самых лучших. <...> Как слог считаю это большим шагом и против „Домика" и против, м<ожет> б<ыть>, „Эме", не говоря о других» (*Там же*. С. 209). О судьбе рассказа «Кушетка тети Сони» в «Весах» см. запись в дневнике от 5 октября.

22. Очевидно, выпущенный анонимно роман *«Fanchette, danseuse d'Opera suivie du „Quart-d-heure d'une jolie femme"»* (Londres [Paris], 1796), на деле являющийся романом Л.-Ш. Фужеле де Монброна «Margot la ravadeuse», неоднократно переиздававшимся в XVIII в.

23. Очевидно, письмо от 21 сентября (опубликовано Дж. Малмстадом: Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin. Wien, 1989. S. 157—158).

Октябрь 1907

1. Текст телеграммы неизвестен. Среди ее авторов — кн. Д. П. Святополк-Мирский, К. П. Покровский. О знакомстве Кузмина с ними см. далее. Сводка известных материалов: *Богомолов*. С. 99—116 (статья «Кузмин осенью 1907 года»).

2. Речь идет о поисках авторов телеграммы, упомянутой в предыдущей записи дневника.

3. Вероятно, появление этой записи каким-то образом связано со статьей Будимира «Клуб порнографии» (Столичное утро. 1907. № 45. 2 июля; под измененным заглавием — Матюшевский А. И. Половой рынок и половые отношения. СПб., 1908), в которой рассказывается об эротическом клубе в Петербурге, председательницей которого и хозяйкой дома, где проходят собрания, названа баронесса Ш..... Имя Кузмина несколько раз упомянуто в статье. О визите «эротомана» рассказано в упоминавшемся выше рассказе С. Ауслендера «Апропо». Судя по нему, «присылать» тот обещал людей разного рода, интересующихся эротическим обществом.

4. Т. е. угадал адрес авторов телеграммы.

5. *Караул* — имение В. Н. Чичерина в Тамбовской губ., которое наследовал Г. В. Чичерин. 17 сентября 1907 г. он отказался от наследства в пользу Б. А. Чичерина. Подробнее см.: Кизельштейн Г. Молодые годы Г. В. Чичерина // Прометей. М., 1969. Т. 7. С. 230—235.

6. *«Coppelia»* («Коппелия», 1870) — балет Л. Делиба. *«Werther»* («Вертер», 1892) — опера Ж. Массне на сюжет И.-В. Гёте.

7. Письмо от Брюсова от 3 октября 1907 г. опубликовано (WSA. Bd. 7. S. 73). Кузмин ответил на него 6 (19) октября: «...мне очень жалко теперь, что рассказ *<«Кушетка тети Сони»>* будет помещен будто по моему капризу <...>. Относительно „Крыльев" Ваше решение мне кажется лучшим и наиболее простым. Какое сотрудничество желательно московским газетам? <...> Октябристский характер газеты *<«Столичное утро», сотрудничать в которой предлагал Брюсов>* мне безразличен, т. к. я совершенно чужд политики, а в редкие минуты небезразличия сочувствую правым...» (*РГБ*. Ф. 386. Карт. 92. Ед. хр. 12. Л. 21).

8. Премьера «Пеллеаса и Мелизанды» в театре Коммиссаржевской в постановке В. Э. Мейерхольда состоялась 10 октября 1907 г. (см. запись в дневнике за это число).

9. *«La petite tonquinoise»* («Маленькая тонкинка») — популярная песенка того времени.

10. Имеется в виду № 11 «Перевала», где была напечатана «Комедия о Алексее Человеке Божьем».

11. Замысел был реализован лишь через год. Летом 1908 г. Кузмин написал повесть «Двойной наперсник», основанную на обстоятельствах, еще не существовавших в 1907 г. Подробнее см.: Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 211—224.

12. Речь идет о переводе пьесы для «Старинного театра» Н. В. Дризена. Дризен вспоминал: «На первый план была поставлена мистерия XII века, неизвестного автора, под названием Adamsspiel (Jeu d'Adam). Это изумительное по стилю произведение требовалось еще перевести с нормандского языка на французский, а потом уже на русский. Такую работу мастерски исполнил в Париже M. Champion, ученый палеонтолог из Сорбонны, а у нас М. А. Кузмин. Однако все эти труды пропали даром. Пьеса, в поэтическом пересказе изображавшая грехопадение первых людей, встретила жестокое противодействие в цензурном ведомстве, а главным образом у Синода. Напрасно я хлопо-

тал, ездил к тогдашнему обер-прокурору П. П. Извольскому, везде меня ждал один и тот же ответ: подобным произведениям не наступило еще время появляться на русской сцене. А жаль» (Дризен Н. В., барон. Старинный театр: (Воспоминания) // Столица и усадьба. 1916. № 71. С. 8—9). Ср. также обмен письмами между Кузминым и Дризеном. 1 октября 1907 г. Кузмин писал: «...если надо переводить Jeu d'Adam дальше, будьте любезны прислать мне с переводом на современный французский и подлинник, чтобы знать размеры и места рифм; покуда я поставил рифмованные строки там, где они, м<ожет> б<ыть>, случайно находились в переводе. Вознаграждение, о котором мне упоминал Ев<гений> Вас<ильевич> Аничков, я просил бы выслать или переводом, или посыльным до 1 ч. дня или 5—7 вечера» (*РНБ*. Ф. 263. Ед. хр. 189). Дризен отвечал ему 11 октября: «Вы, кажется, предупреждали Е. В. Аничкова о той работе, кот<орую> Вы столь любезно взяли на себя для „Старин<ного> Театра". Сейчас посылаю Вам 1/3 часть подстрочника, несколько измененного против оригинала по цензурным соображениям. По мере изготовления остальных частей, немедленно вышлю их Вам, однако не позже начала будущей недели» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 1556). Реакцией на это письмо и выводом из дневниковой записи стало письмо Кузмина от 13 октября 1907 г.: «...я с большим наслаждением делал эту интересную работу, переводя все заново и пользуясь первым переводом только чтобы знать, какие места нужно пропускать и изменять соответственно цензуре. Те же фразы, которые оказались опущенными явно по недосмотру, я восстановил. Был бы крайне рад, если бы моя работа удовлетворила Вас так же, как мне она доставила удовольствие» (*РНБ*. Ф. 263. Ед. хр. 189. Л. 2).

13. Т. е. студентом, бывшим в «Вене».

14. Имеется в виду раздел *«Обманщик обманувшийся»* из второй части сборника «Сети».

15. См. в открытке К. А. Сомова к А. М. Ремизову от 16 октября 1907 г.: «Не придете ли ко мне в среду вечером, у меня будут самые мои близкие друзья — Нувель, Бенуа, Кузмин, Добужинский?» (*РНБ*. Ф. 643. Ед. хр. 207. Л. 8). Видимо, записка Кузмина к Ремизову на следующий день свидетельствует о бывшем в тот вечер разговоре: «Дорогой Алексей Михайлович, стояние Марии Египетской бывает с Середы на Четверг 5-ой недели» (*Там же*. Ед. хр. 133. Л. 5).

16. Л. Д. Зиновьева-Аннибал умерла в имении Загорье в Могилевской губ., где Ивановы проводили лето. Хоронили ее в Петербурге, в Александро-Невской лавре. Подробный рассказ Иванова о ее смерти передан М. А. Волошиным. См.: Волошин М. История моей души. М., 1999. С. 188—189.

17. 18 октября Кузмин написал Блоку: «Я узнал от Ев<гения> Вас<ильевича> Аничкова, что часть писателей в вечере 23 октября, где предполагалась моя вещь, воспротивились этому, объявивши мне бойкот.

Если бы прямо и не предполагалось меня приглашать, дело было бы очень просто, но при такой постановке вопроса я считаю всех участвующих в этом вечере — сочувствующими бойкоту, а Вас лично очень прошу отказаться. < ..> я очень прошу, если Вы любите меня и

сколько-нибудь цените, отказаться не как от вечера, где меня не будет, а как от вечера, где предположивши меня, официально бойкотируют. <...> Не стесняйтесь поступать, как Вам кажется должным, личных отношений это, разумеется, не изменит» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 148). 19 октября Блок ответил Кузмину: «...я слышал о „бойкоте" Вашем только смутные речи и никак не думал, что это может как-нибудь не уладиться или иметь какое-либо практическое значение. Если же все это дело принимает действительно такой характер, то, *конечно, я всею душой отказываюсь от участия в нем* (я не давал еще определенного согласия), любя и ценя Вас высоко» (Блоковский сборник. Тарту, 1972. Вып. 2. С. 361; публ. Г. Г. Шмакова). Ср. написанное на следующий день письмо Мейерхольду (*Переписка с Мейерхольдом*. С. 357).

18. Вероятно, речь идет об оплате перевода, который Кузмин делал для «Старинного театра» (см. выше, примеч. 12).

19. Имеется в виду цикл «Обманщик обманувшийся» (авторская дата — октябрь 1907 г.).

20. *«Конек-горбунок»* (1865) — балет Ц. Пуни (Ч. Пуньи).

21. *«Elisire d'amore»* («Любовный напиток», 1832) — опера Г. Доницетти.

22. Дезинфекция была связана с тем, что Л. Д. Зиновьева-Аннибал умерла от скарлатины. О похоронах см.: *ЛН*. Т. 82. Кн. 3. С. 313—314; «...Неповторимый в своих сочетаниях момент»: Письма А. К. Герцык к родным и друзьям /Публ. Т. Н. Жуковской и Н. А. Богомолова // Новый мир. 1999. № 5. С. 162—163.

23. *Листовка* — здесь: водка, настоянная на смородиновых почках.

24. Из контекста неясно, о какой именно книге идет речь. Это может быть роман Э. де Сенанкура «Оберман» (1804) или же немецкое исследование: Oberman Bruno. Deutscher Minnesang: Lieder aus dem XII bis XIV Jahrhundert. Leipzig, 1887.

25. См. в коммент. К. Н. Суворовой: «*<Издательство>* „Шиповник" <...> вело с Блоком переговоры об издании его „Лирических драм". 5 ноября 1907 г. Блок писал матери: „Торгуюсь с «Шиповником» — насчет драм, я было отказал ему, но он набавил цену" *<Блок А. «Письма к родным». Л., 1927. Т. 1. С. 180>*. 7 ноября Блок сообщил владельцу издательства С. Ю. Копельману: „Вчера я получил Ваше письмо и переговорил с Кузминым. На условия Ваши мы согласны. Кузмин доставит Вам музыку. На днях зайду к Вам в «Шиповник», обговорим издание и заключим договор" (Книги, архивы, автографы. М., 1973. С. 48). Лирические драмы вышли в издательстве „Шиповник" в 1908 с приложением нот Кузмина к „Балаганчику", в обложке, выполненной К. А. Сомовым. „Обложка Сомова к драмам восхитительна и пестра (красная, желтая и черная)", — писал Блок матери...» (*Суворова*. С. 171).

26. Автоцитата из «Комедии о Алексее Человеке Божьем».

27. Имеется в виду статья Блока «О драме», где разбиралась «Комедия о Евдокии...» Кузмина. Блок, в частности, писал: «Кузмин — в настоящий момент — писатель единственный в своем роде. До него в

России таких не бывало, и не знаю, будут ли...», определял Кузмина как «*художника* до мозга костей, тончайшего лирика, остроумнейшего диалектика в искусстве» (*Блок*. Т. 5. С. 182, 183).

Ноябрь 1907

1. Письмо В. В. Руслова не сохранилось. Ответ Кузмина см.: *Богомолов*. С. 200—201.

2. М. Л. Гофман намеревался жениться на В. К. Шварсалон.

3. Об отношениях Вяч. Иванова с А. Р. Минцловой см.: Carlson M. Ivanov — Belyj — Minclova: the Mystical Triangle // Cultura e Memoria. Vol. I. [Firenze, 1988]. P. 63—79; Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм.

4. Письмо от Ремизова см.: *РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 3617. Л. 9 (по указателю).

5. Возможно, именно к этому визиту относится недатированное письмо З. А. Венгеровой к Кузмину, помеченное «пятница»: «Как видите, Михаил Алексеевич, у меня есть пристанище — небольшое, но в котором можно и думать, и писать, и беседовать *<адрес обозначен: Прачешный, 12, кв. 7>*. Приходите. Я дома всегда от 4—6. Затем, просим я и моя сестра Вас быть у *нее* (М. Подъяческая, 14, первый подъезд под воротами) в понедельник в 10 часов вечера. Можно? Непременно приносите стихи и прозу. Будем Вас ждать. Пока привет» (*РНБ*. Ф. 124. № 816).

6. Некоторое представление о письмах Маслова этого времени дает сохранившаяся недатированная записка карандашом, переданная через домового швейцара (сохраняем орфографию):

«Дорогой Миша!

Будь такой доброй, выручи сколько хоть можешь ради Бога, послать нужно паспорт и денег ни копейки, а срок уже прошел. Дорогой Миша, не откажи, был я у тебя сегодня утром, но не застал. Надеюсь, что если у тебя есть, то не откажешь. За ответом я зайду завтра, т. е. в субботу. Нахожусь, Миша, в ужасном положении.

Целую тебя. Павлик.

Оставь ответ у швейцара, пожалуйста» (*РГАЛИ*. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 462).

7. См. в письме к Руслову от 8 (21) ноября: «Дягилев меня заинтересовал главным образом общими сведениями о Вас и о молве, Вас окружающей <...> личные же впечатления другого человека, хотя бы и друга, хотя бы и нежно ценимого мною С<ергея> П<авловича>, для меня не так важны» (*Богомолов*. С. 201).

8. Письмо не сохранилось. Ответ см.: *Богомолов*. С. 201—202.

9. Речь идет о постановке «Бесовского действа» Ремизова, которую оформлял М. В. Добужинский.

10. В. А. Наумов, в частности, писал: «Ваше письмо от 1-го ноября где-то странствовало и получено мною позавчера — благодарю за него. Простите беспокойство. Зайдите завтра, если можете, <в> четверг. Часы — 3—4, 4 $^1/_2$, 7 вечера. Ваш В. Наумов. 7.XI.07. Замок» (*РГАЛИ*. Ф. 232. оп.1. Ед. хр. 310).

11. *«Serapionsbrüders»* («Серапионовы братья», 1820—1821) — сборник повестей Э. Т. А. Гофмана.

12. О каком именно плане постановки идет речь, установить не удалось. Судя по всему, к этому замыслу относится недатированное письмо Е. В. Аничкова к Кузмину: «Дорогой Михаил Алексеевич,

Надеюсь, Вы не забыли о Вашем добром намерении обедать у меня в четверг.

Очень прошу Вас пожаловать. Мы согласились с Каратыгиным, что он будет и мы совместно поговорим, как приступить к постановке Вашего балета, о чем я Вас предупреждал.

Зачем Вы рассказали о нашем с вами разговоре Вашим друзьям?» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 158. Л. 2). Сохранилась также переписка Кузмина и Бенуа по этому поводу. 12 ноября 1907 г. Кузмин писал: «...сейчас Каратыгин мне сообщил, что Вы отказались участвовать в вечере Аничкова и что будто бы мое крайне невежливое отсутствие вчера у Фокина было одной из причин этого.

Как бы мало мне ни было дела до вечера Аничкова, как бы мало ни верил я в осуществление данного предприятия, мне очень прискорбно, если Вы имеете против меня совершенно заслуженное неудовольствие. И я очень извиняюсь.

Вовсе не в целях оправдания я приведу следующие объяснения:

1) я вовремя совершенно не знал, что будете Вы и музыка;

2) знал, что будет только Каратыгин и я, что без нот, без Вас, без либретто делало бы совершенно бесплодным наш визит;

3) либретто отлично мог бы захватить Каратыгин и от Верховских, у которых он был накануне, и от Сомова, где он, оказывается, получил ноты;

4) моя роль либреттиста настолько незначительна, что мое присутствие на совещании мне совсем не представлялось такой важности;

5) я дел вести совсем не умею и не обещал этого уметь.

Теперь я вижу невежливость моего поступка и прошу у Вас извинения, но если возможно, чтобы вина Вашего отказа не падала всецело на меня, то я очень прошу Вас об этом» (*ГРМ*. Ф. 137. Ед. хр. 1108). Бенуа отвечал на это письмо 14 ноября 1907 г.: «Дорогой и милый Михаил Алексеевич Мне, действительно, хочется отказаться от постановки Вашего балета и Ваша воскресная измена в этом „не только" предлог. Когда я брался за это дело, то меня соблазняла лишь мысль быть Вашим сотрудником. Вас же это, очевидно, не интересует, а такое Ваше отношение расхолодило и меня. Вы поймете, что самая затея была скорее безумной, а перспектива работать для голодных депутатов — скорее скучной. Теперь я очень рад, что все могу свалить на Вас <...>, нашу же затею исполню в другой раз при более подходящем настроении...» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 410).

13. Имеется в виду рассказ Кузмина *«Решение Анны Мейер»* (опубл.: Весы. 1908. № 1).

14. С. М. Городецкий и его братья: Александр Митрофанович — художник и поэт и Борис Митрофанович — библиограф, редактор жур-

налов «На Кавказе», «Кубанская школа». На этот вечер Блок приглашал Е. П. Иванова письмом от 12 ноября 1907 (см.: Письма Александра Блока к Е. П. Иванову. М.; Л., 1936. С. 62).

15. Премьера одноактного балета-пантомимы *«Павильон Армиды»* в 3-х картинах (по новелле Т. Готье «Омфала» на музыку Н. Н. Черепнина), оформленного А. Н. Бенуа, прошла в Мариинском театре 25 ноября 1907 г.

16. Речь идет о музыке к «Бесовскому действу» по пьесе А. М. Ремизова.

17. О каком рассказе Ауслендера идет речь, неясно, т. к. после рассказа «Корабельщики» (Весы. 1907. № 11) в конце 1907 г. и в 1908 г. его произведения в «Весах» не появлялись.

18. Рассказ Н. И. Петровской «Осень» с посвящением Сергею Ауслендеру (Перевал. 1907. № 12. С. 51—53).

19. См. в письме Кузмина Руслову от 1 (14) декабря 1907 г.: «...ставил „Куранты" очень милый новоявленный художник Дмитриев (еще гимназист), картины которого нравятся даже ворчливым генералам А. Бенуа и Сомову, моим приятелям» (*Богомолов.* С. 206). В. А. Дмитриев участвовал в «Осенних выставках» 1906—1908 гг. См. в заметке А. А. Кондратьева, писавшего об общему невысоком уровне живописи: «Исключением является комната символистов, где выделяются Бальер, Дмитриев и Калмаков. <...> Дмитриев (по всей вероятности, самый молодой из художников этой выставки) дал целый ряд рисунков с эпиграфами из Вячеслава Иванова, Александра Блока и Андрея Белого. В умышленно-уродливых лицах его фигур с идиотски-блаженными улыбками есть что-то больное, детское и страшное. И невольно приходится признать, что, несмотря на всю неряшливость работы, манерные рисунки его с изломанными фигурами носят на себе печать оригинального и многообещающего в будущем дарования» (Перевал. 1907. № 12. С. 61).

20. Идея была реализована значительно позже, в 1912 г., в артистическом кабаре «Бродячая собака».

21. Об этом письме см. в том же письме Кузмина к Руслову от 1 (14) декабря 1907 г. (*Богомолов.* С. 205).

22. О беседах Кузмина и А. П. Воротникова можно составить представление на основании письма последнего от 27 ноября из Москвы: «Вчера я приехал в Москву, а сегодня уже принимаюсь за письмо к Вам, Михаил Алексеевич. Прежде всего просьба, снова, от Генриха Эдмундовича *<Тастевена>* о присылке Вашего рассказа <...> Я принимаюсь за разработку постановки „Комедии о Мартиниане", придумал новые детали. Хорошо бы поставить в январе. Займусь со всем усердием» (*РНБ.* Ф. 124. Ед. хр. 1001). Однако встреча, которую обещает здесь Воротников в Москве, скорее всего, относится к В. Руслову и отношения к литературным делам не имеет.

23. См. в письме Ан. Н. Чеботаревской к Кузмину со штемпелем 22 ноября: «Завтра четверт 6 $^1/_2$ ч. соберемся на часок для обсуждения костюмов, а то боюсь, что не возьмутся их приготовить к 30-му. Очень желательно, чтобы Вы оказались в расположении завтра прийти

туда (Бассейная, д. 35, кв. 8). А. Чеботаревская. Афиши готовы, билет тоже» (*РНБ*. Ф. 124. Ед. хр. 4675. Л. 1).

24. См. в очерке А. М. Ремизова «Моя литературная карьера»: «Художник Димитриев показывал свои иллюстрации к „Пруду“ — у него был целый альбом, штук двести. (Куда все это девалось и какая судьба Димитриева, не знаю)» (Ремизов А. М. Встречи. Петербургский буерак. Paris, [1981]. С. 74—76).

25. «*Satyricon*» («Сатирикон») — роман Гая Петрония (ум. в 66 г. н. э.).

26. Вероятно, эти переживания связаны с памятью о последней дуэли Пушкина. Ср. также в стихах Кузмина: «Я знаю, я буду убит / Весною, на талом снеге» (конец 1911 или начало 1912). Сходные размышления Кузмин впоследствии вложил в уста героя романа «Тихий страж» Родиона Павловича Митусова (см.: Кузмин М. Подземные ручьи: Избранная проза. СПб., 1994. С. 310).

27. См. в письме к В. Руслову от 2 декабря 1907 г.: «Эта неделя очень тяжка по театрам: старинный театр, пьеса Ремизова, Айседора Дёнкан, балет — каждый день» (*Богомолов*. С. 207).

28. См. в письме Кузмина к Руслову от 8—9 декабря: «„Куранты“ не имели успеха отчасти (и очень отчасти) от исполнителей очень „сознательных“, старавшихся осмыслить все мои бессмыслицы и певших чрез меру серьезно. Притом дамы были толсты, а кавалеры безобразны. Декорация была очаровательна. <...> Матерьяльный же успех был блестящ: $^3/_4$ желающих без билетов, высокие чрезмерно цены, барышники, блестящая публика...» (*Богомолов*. С. 209). Приводим также газетный отчет о вечере: «Стильный вечер нового искусства состоялся 30 ноября в театре „Комедия“, собрал совершенно полный зал публики и, конечно, не обошелся без курьезов. Первый выразился в том, что администрация заподозрила г.г. декадентов в неблагонадежности и попадать в зал приходилось через наряд полиции и длинный строй всевозможных контролеров, остальные курьезные сюрпризы преподносились исполнителями и авторами.

Представление началось вместо восьми час. в начале десятого, и все первое отделение, которое должно было состоять из лекции г. Андрея Белого о смволизме, было отменено, и приступили к исполнению пасторали г. Кузьмина *<так!>* „Куранты любви“. Тайна заглавия, почему произведение названо курантами, а не прейскурантами или транспарантами — оказалась неразгаданной: Куранты написаны очень плохими, подчас против желания автора вызывающими дружный смех стихами с скучной музыкой самого г. Кузьмина. Идея пьесы, по-видимому, выражена в заключительных стихах, которые звучат приблизительно так:

Любовью уколоться
Можно даже у колодца.

Пьеса шла при плохих декорациях и костюмах и в очень неудачном исполнении.

В дивертиссменте были показаны авторы, читавшие собственные труды: г.г. Ремизов, Алекс. Блок и Сергей Городецкий. Романсы

на стихотворение *<так!>* г. Бальмонта под музыку г. Сенилова пел Барышев, справедливо ошиканный, и тщетно пытались вызвать символические отголоски г-жи Ацкери и Волохов<а> и Щеголева пением и чтением.

Из объявленных программой, не объяснив причин неявки, уклонились от суда публичного г.г. Я. Соллогуб *<так!>*, Мейерхольд и И. Рукавишников, вызвав громкий, но заслуженный упрек в неделикатности.

Среди дам было несколько явившихся в стилизованных костюмах и прическах и вызывавших любопытное недоумение, г.г. авторы и их приятели дружно друг друга приветствовали, а в итоге можно признать доказанным, что среди петербуржцев есть беспечальный кружок лиц, цель и забота жизни которых сводится к жонглированию рифмами, идеями и смыслом». (Русь. 1907. № 323. 2 (15) декабря.)

Декабрь 1907

1. См. в письме к Руслову от 2 декабря 1907 г.: «Вчера провел вечер у Фокина, нового балетмейстера, с художниками и танцорами, с примой Павловой 2-ой и др., но скучны они, голубчики, когда не красивы» (*Богомолов*. С. 207). Этот вечер, по всей видимости, был связан с постановкой балета «Павильон Армиды», оформлявшегося А. Н. Бенуа.

2. См. запись от 3 декабря 1906 г.

3. Речь идет о постановке «Бесовского действа» А. М. Ремизова в театре Коммиссаржевской (постановка Ф. Ф. Коммиссаржевского и А. П. Зонова, декорации М. В. Добужинского, музыка Кузмина). Подробнее о постановке см.: Ремизов А. М. Встречи. Петербургский буерак. Paris, [1981]. С. 183—185.

4. Имеется в виду 3-й камерный концерт А. Зилоти с участием его, Эжена *Изаи*, и квартета герцога Г. Г. Мекленбургского в Малом зале Консерватории. В программе — фортепианный квинтент Кастильона и концерт Э.Шоссона для фортепиано, скрипки и струнного квартета. Отчет Кар *<В. Г. Каратыгина>* см.: Товарищ. 1907. № 445. 9 (22) декабря.

5. Речь идет о цикле стихов «Мудрая встреча» (*Кузмин*. С. 95—100).

6. *Бревиарий* — требник у католиков.

7. Вероятно, имеется в виду недатированная записка К. А. Сомова: «Дорогой Михаил Алексеевич! Вечер, назначенный у меня в воскресенье, откладывается из-за балета „Аленький цветочек", на который мне достали билет. Будьте милы, окажите услугу, напишите или протелефонируйте об этом сейчас же Мирскому. Сам я не знаю его адреса» (*РНБ*. Ф. 123. Ед. хр. 4084).

8. Имеется в виду книга С. М. Городецкого «Дикая воля» (на титульном листе год издания: 1908).

9. Ср. в «Мудрой встрече»: «О милые други, дорогие костыли, / К какому раю хромца вы привели!» (*Кузмин*. С. 98).

10. Описание этого дня сохранено для нас письмом М. Л. Гофмана к В. К. Шварсалон от 31 декабря: «Потом получил письмо от Кузмина, где он пишет: „В сочельник был в церкви, у В. А. и наверху, где

никого не было, Была елка, я пел «Христос рождается»... сейчас ходил было с Прологом по просьбе Веры Конст<антиновны>, но они все на елке где-то. Утром были в лавре"» (*РГБ.* Ф. 109. Карт. 17. Ед. хр. 1. Л. 8 об.).

11. *«Огненный Ангел»* — исторический роман В. Брюсова, с биографическим подтекстом. Подробнее об этом см.: Гречишкин С. С., Лавров А. В. Биографические источники романа Брюсова «Огненный Ангел» // Ново-Басманная, 19. М., 1990. Ср. также концовку третьей части сборника «Сети».

12. «Славы я никакой без тебя добиваться не буду» («Энеида», IX, 278. Пер. С. Соловьева). Так называемые «гадания по Вергилию» (sorets virgilianae) получили распространение со времен средневековья. Описание способа гадания см., например: Казанова Д. История моей жизни. М., 1991. С. 313.

13. Имеются в виду церковь Св. Апостолов Петра и Павла при Николаевской инженерной академии и церковь Св. Михаила Архангела в Инженерном замке.

14. Выражение «Лето Господне» восходит к Евангелию от Луки (Лк. 4, 16—21) и книге пророка Исайи (Ис. 61, 1—2). Звучит оно в церковных песнопениях, посвященных началу церковного года 1 сентября: «...благослови венец лета благости Твоея, Господи...» У Кузмина в сборнике «Сети» есть стихотворение «Лето Господнее — благоприятно» (*Кузмин.* С. 101, датируется январем 1908 г.).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Аббат — прозвище М. А. Кузмина в кругу Вяч. Иванова (см. также Антиной)

АБРАМОВИЧ Николай Яковлевич (псевд. Н. Кадмин; 1881—1922), литературный критик, публицист, поэт и прозаик 395, 407—408

АВВАКУМ ПЕТРОВ 459

АВГУСТИН Блаженный 441

Авдотья Арсеньевна, знакомая Г. М. Казакова (?) 115

АГАФОНОВ Павел Петрович, знакомый Мошковых 100

АГЕЕВ (Аггеев) Константин Маркович (1868—1921), священник, богослов, публицист 341, 521

АГРАНОВ Я. С. 18

Ада, Аля (Аделаида?), знакомая В. А. Мошковой 98

АДАМОВ, знакомый П. К. Маслова 347

АДАН (Adam) Адольф Шарль (1803— 1856), французский композитор 421, 476

Адольф — см. Ланге А.

АДРИАН, император 454

АДРИАНОВ, попутчик Кузмина в поезде 194

АНДРИАНОВ Самуил Константинович (Дементьевич, 1884—1917), танцовщик Мариинского театра 236

АДРИАНОВ Сергей Александрович (1871—1942), критик, публицист (?) 265

АЗАДОВСКИЙ К. М. 485, 493, 502

АЙЗМАН Д. Я. 511

АКИМЕНКО (Якименко) Федор Степанович (1876—1945), композитор, пианист и музыкальный писатель 418

АКСЁНОВА А. А. 525

АКУЛОВА (?) Марья Михайловна, петербургская знакомая Кузмина и Мошковых, соседка по даче в Васильсурске 33, 60, 103

АКУЛОВЫ, знакомые Мошковых 33, 53, 60, 103, 234, 337

Аладин — «гафизитское» прозвище К. А. Сомова

Александр — см. Корчагин А. И.

Александр, банщик с Бассейной 133

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ (Македонский; 356—323 до Р. Х.), 98, 105, 369, 375

Александр Иванович, продавец с 8-й Рождественской 98

АЛЕКСАНДР СВИРСКИЙ (ум. 1533) святой, основатель Александровского мужского монастыря в Олонецкой губ. 138

АЛЕКСАНДР III 453

Александр Феликсович, знакомый семьи Чичериных (возможно, их родственник А. Ф. Мейендорф) 51

Александра Николаевна — мать В. Г. Каратыгина (?) 103, 235—236, 242, 320—321

Александра Павловна — см. Верховские

АЛЕКСЕЕВ, поручик Лейб-гвардии Драгунского полка 80

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, царь 464

АЛЕКСЕЙ Петрович (1690—1718), царевич 97

* Знаком вопроса отмечены лица, идентификация которых вызывает сомнения. Указатель составлен при участии А. Ю. Балакина и П. В. Дмитриева. Аннотируются лишь имена, встречающиеся в тексте дневника. Общеизвестные имена оставлены без пояснений.

АЛЕКСЕЙ (Алексей Иоаннович Борисоглебский), протоиерей Лейб-гвардии Драгунского полка 80
Алексей — см. Кузмин А. А.
Алексей, служащий Г. М. Казакова 162, 209
Алексей, дворник 149, 152—153
Алексей, банщик с Конюшенной 398
Алёша — см. Бехли А.
АЛИМОН, соседи по Окуловке 383
АЛКИВИАД (ок. 450—ок. 404 до Р. Х.), афинский государственный деятель и полководец 32
АЛОИЗИЙ (Луиджи) ГОНЗАГА (Gonzaga) (1568—1591), святой, итальянский монах-иезуит 271
АЛЬБЕНИС (Albeniz) Исаак (1860—1909), испанский композитор и пианист 229, 486
АЛЬБЕР (Albert) Поль (1830—1880), французский историк литературы 38
АЛЯБЬЕВ А. А. 482
АМБРОЗЕВИЧ В. К. 11, 15, 450
АМФИТЕАТРОВ Александр Валентинович (1862—1938), писатель 313, 493, 508—509
АНДЕРСЕН (Andersen) Ханс-Кристиан (1805—1875) 203
АНДЖАКОВИЧ Ст. Ал. (Кузмин пишет также: Анжакович, Анджикович, Инжакович), знакомый Кузмина по Петербургу и сосед в Васильсурске (см. запись от 24 июля 1906 г.) 35, 36, 43, 52, 81, 86, 105—106, 113, 115, 123, 136, 144, 154, 156, 197—198, 204, 208, 213, 231, 265, 349, 442
АНДРЕЕВ Василий, мясник, оратор на митинге «Союза Русского народа» 75, 456
АНДРЕЕВ Василий Васильевич (1861—1918), музыкант-виртуоз, балалаечник (?) 330, 359
АНДРЕЕВ Леонид Николаевич (1871—1919) 57, 234, 256, 287, 337, 374, 385, 413, 415, 449, 460, 485, 511, 513, 525, 533, 539—541
АНДРЕЕВ Н. А. 291, 501
АНДРЕЕВА М. Ф. 466
АНДРЕЕВЫ, семья В. В. Андреева (?) 353—354, 356
Андрей Иванович — см. Дмитриев А. И.
Андрей Иванович — см. Сомов А. И.
АНДРИАНОВ Самуил Константинович (Дементьевич, 1884—1917), танцовщик Мариинского театра 236
АНДРИЕВИЧ Екатерина Эдуардовна (m—me Андриевич), знакомая семьи Мошковых 57, 62—63, 65, 71, 75, 88, 96, 109, 116, 137, 245, 316, 351—352, 363
АНДРИЕВИЧИ, знакомые Мошковых и Кузмина 63, 186
АНДРУСОН Леонид Иванович (1875—1930), поэт, переводчик; в 1903—1907 гг. секретарь редакции и один из постоянных авторов «Журнала для всех» 102, 262, 334, 354, 495, 498, 501, 509, 522
АНИСФЕЛЬД Борис (Бер) Израилевич (1878—1973), график и декоратор 246, 306, 462, 490, 511
АНИЧКОВ Алексей Иванович, знакомый (по гимназии?) Кузмина 139, 282
АНИЧКОВ Евгений Васильевич (1866—1937), историк литературы, критик, прозаик 102, 137, 140, 148, 216—217, 221—222, 232—234, 240, 243, 251, 255, 261, 275, 282, 286, 311, 315, 320, 328, 383, 396, 413, 415—416, 418, 498, 500, 507, 509—510, 516, 520, 522, 524, 539, 552, 555
Анна Андреевна — см. Сомова А. А.
Анна Григорьевна, участница панихиды по матери Кузмина 73
Анна Карповна — см. Бенуа А. К.
Анна Николаевна — см. Эбштейн А. Н.
Анна Петровна — см. Остроумова А. П.
АННЕНКОВ (Аненков), юнкер-сапер, сослуживец В. А. Наумова 435
АННЕНКОВА Ольга Николаевна (1884—1949), переводчица, теософка, двоюродная сестра

Б. А. Лемана 274, 282, 310, 329, 353, 359, 362
АННЕНСКИЙ Иннокентий Федорович (1855—1909) 11, 341
Аннушка, проститутка, содержавшаяся А. М. Броскиным, или прислуга Броскиных 128
АНТИНОЙ 454—455
Антиной — «гафизитское» прозвище Кузмина
Антон, швейцар дома на углу Суворовского и Таврической, где жили Мошковы и Кузмин 153, 193, 227, 239, 244, 247, 254, 258, 356, 363, 365, 379
АНТОНИЙ, священник со старообрядческого Громовского кладбища 129
АНЧАРОВ, посетитель Ремизовых 341
Аня (Анна), сестра Кузмина 138, 195, 389
Апеллес — «гафизитское» прозвище Л. С. Бакста
АПУЛЕЙ (ок. 125—ок. 180) 353
АРАПОВ Анатолий Афанасьевич (1876—1949), художник-график 304
АРБЕНИНА (Гильдебрандт) О. А. 15, 17, 19, 447
АРГУТИНСКИЙ (АРГУТИНСКИЙ—ДОЛГОРУКОВ) Владимир Николаевич, кн. (1874—1941), чиновник министерства иностранных дел, искусствовед и коллекционер 179, 281, 283, 288, 292, 307, 319, 323, 327, 329, 346, 350, 363, 395, 397, 399, 401—402, 404, 406, 409, 422, 425—426
АРДАНСКИЙ Я. М. 457
АРДОВ Т. 534
АРЕТИНО (Aretino) Пьетро (1492—1556), итальянский писатель 36
Аркадий — возможно, Руманов Аркадий (Абрам) Вениаминович (1878—1960), журналист 349
АРЛОТТО Пиовано (Arlotto Piovano; наст. имя Арлотто Майнарди, 1394—1484), приходской священник во Фьезоле, славился остроумием; после его смерти был издан сборник его шуток и рассказов 38
АРТЕМИЙ ВЕРКОЛЬСКИЙ (ок. 1520—1532), святой, память которого отмечается 20 января и 23 июня (ст. ст.) 409
АРЦЫБАШЕВ Михаил Петрович (1878—1927), писатель 386, 541
АРЦЫБУШЕВ Ю. К. 458, 509
АСКОЛЬДОВ (Алексеев) Сергей Алексеевич (1871—1945), философ 341, 521
Ассаргадон — «гафизитское» прозвище Н. А. Бердяева (см. также Соломон)
АУСЛЕНДЕР Михаил Яковлевич («доктор Ауслендер»), директор Вознесенской лечебницы, дядя С. А. Ауслендера 124
АУСЛЕНДЕР Сергей Абрамович (Сережа, 1886 или 1888—1937), писатель, племянник М. А. Кузмина (сын В. А. Мошковой от первого брака) 27, 30, 31, 33, 35—36, 38, 41—43, 45—47, 49, 53, 56, 58—60, 62, 66, 68, 70, 75—76, 79—80, 84—86, 95—96, 98—99, 102, 104, 112, 115, 119—120, 125, 128, 135, 139, 141—143, 147—149, 153—156, 158, 171, 177, 184, 193—196, 198, 203, 205—210, 212—219, 221—223, 225—230, 234—235, 237—238, 240—243, 247—253, 255, 257, 259—266, 269, 272, 274—275, 278, 280, 283—285, 287—294, 301, 303—310, 314—320, 322—334, 337—346, 348—349, 352, 354, 359—368, 370—374, 376—380, 382, 384—399, 401—405, 407—413, 418—421, 424, 426—429, 432—433, 436, 448, 457, 463, 466, 469, 471, 479—481, 484—488, 494—495, 498, 502, 504, 507, 509, 512—514, 516, 519, 522—524, 526—529, 531, 533—534, 536, 539, 545, 548—549, 551, 556
АХМАТОВА А. А. 19
АЦКЕРИ 558
АШУКИН Н. С. 455
АШУКИНА М. Г. 455
АЮХАНОВЫ, «покупщики» икон 230

БАЙРОН Дж. Н. Г. 540
БАКСТ (Розенберг) Лев Самойлович (1866—1924), живописец, график, театральный художник, педагог 82, 109, 143, 145, 153, 155, 158, 160—163, 165—166, 168—169, 172, 174—182, 190, 211—214, 260—261, 276, 279, 281—283, 285, 287—289, 291—292, 302—304, 306—309, 320, 322, 325—328, 333, 335, 338, 340, 344—346, 349, 388, 406, 426—428, 431, 436, 438, 459, 462, 466, 469, 474, 480, 483, 493—494, 498—499, 501, 507, 509, 515, 521—522, 531
БАЛАКИРЕВ М. А. 456
БАЛКИ (Пти Балки), знакомые Ивановых, Бердяевых, Венгеровых 334
БАЛЛЬЕР 556
БАЛТРУШАЙТИС (урожд. Оловянишникова) Мария Ивановна (1878—1948), жена Ю. К. Балтрушайтиса 329
БАЛТРУШАЙТИС Юргис Казимирович (1873—1944), поэт, переводчик, один из ведущих сотрудников «Скорпиона» и «Весов» 312—313, 530, 544
БАЛУЕВЫ (Мария Николаевна, Вася, Катя), знакомые семьи Мошковых 30, 32, 49, 75, 108—109, 228, 394, 408
БАЛЬЗАК Оноре де (1799—1850) 38, 209, 407—408
БАЛЬМОНТ Константин Дмитриевич (1867—1942), в 1905—1913 гг. жил за границей 103, 110, 115, 185, 288, 304, 334, 349, 357, 388, 462—463, 501, 504, 519, 533—534, 540, 543, 558
БАНДЕЛЛО Маттео (ок. 1485—1561), итальянский писатель 289
Барабашка (Барабошка) — см. Бурцев А. И.
БАРАКОВ Д. Ф. 111, 119, 462
БАРБЕ Д'ОРЕВИЛЬИ (Barbey d'Aurevilly) Жюль Амеде (1808—1889), французский писатель 367, 529
БАРКОВ Иван Семенович (1732—1768), поэт, переводчик 207
Баронесса — см. Таубе С. И. (?)
БАРХАН П. А. 495, 498, 501, 505, 509, 511, 513, 515—516, 520, 522
БАРЫШЕВ Н. М. 558
БАХ Иоганн Себастьян (1685—1750), 425—426, 438
БАХРУШИН Ю. А. 12
БЕБЕЛЬ Август (1840—1913), немецкий социал-демократ 77
БЕГУН, студент, писатель-дилетант, автор «гомосексуального романа» 400, 403
БЕЙЕР, неустановленное лицо 34
БЕКЕТОВА, БЕКЕТОВЫ, знакомые Верховских 54, 104
БЕКЛЕМИШЕВА Вера Евгеньевна (Коппельфрау, Коппельфрауляйн; 1881—1944), писательница, переводчица, секретарь и редактор изд-ва «Шиповник» 232, 398, 493, 525
БЕЛЛИНГ (у Кузмина Белинг) Эраст Евстафьевич (1878—после 1930), дирижер, капельмейстер. В 1907 г. был принят в группу первых скрипок Придворного оркестра, после революции заведовал МУЗО Наркомпроса в Витебске. После 1926 г. эмигрировал в Сирию вместе с женой, певицей Сандрой (Александрой Александровной, 1880—?), 323
БЕЛЛИНИ (Bellini) Винченцо (1801—1835), итальянский композитор 386
БЕЛОРОССОВА Екатерина Ильинична, владелица иконной лавки 126
БЕЛЫЙ Андрей (Бугаев Борис Николаевич, 1880—1934) 18, 216, 255, 282, 306, 312, 319, 322, 349, 369, 373, 385—386, 388, 390, 392, 401, 413—414, 421, 498, 501, 506, 507, 510, 512, 518, 523, 530—533, 536, 538, 539—541, 544, 548—550, 556, 557
БЕЛЯВСКИЙ Александр, приятель детства Кузмина 268
БЕЛЯЕВ Григорий Николаевич (1845—?), помещик Подольской

губ., член Второй и Третьей Государственной Думы, националист 60, 71, 75
БЕЛЯЕВ М. П. 496
БЕЛЯЕВ Юрий Дмитриевич (1876—1917), драматург, театральный критик 396, 485
БЕЛЯЕВСКАЯ Ольга Александровна, поэтесса, прозаик; сотрудничала в журнале «Тропинка» 228
БЕЛЯЕВСКИЕ Вера, Ольга, Юлия Александровны и их мать Софья Александровна, дочери и вдова генерал-майора, знакомые Вяч. Иванова 437
БЕЛЯШИН (у Кузмина: Беляшев) Василий Васильевич (1874—1929), художник-офортист 304, 307
БЕНАР Поль Альберт (1849—?), французский художник 47
БЕНЕ Екатерина Ивановна, Вилли, Женя, Коля, Юра и др., соседи Мошковых по Окуловке 366—370, 373—374, 377—379, 383, 388—389, 391, 393
БЕНЕДИКТОВ Владимир Григорьевич (1807—1873), поэт 369
БЕНЕДИКТОВЫ — см. Венедиктовы
БЕННИ Артур Иванович (1840—1867), революционер, журналист 68, 455
БЕНУА (урожд. Кинд) Анна Карловна (1869—1952), жена А. Н. Бенуа 406, 437
БЕНУА Александр Николаевич (1870—1960) 54, 136, 281, 283, 287, 307, 393, 395, 397, 399, 401—402, 404, 406, 408, 413—415, 417—419, 422, 424—428, 436—437, 449, 477, 507, 552, 555—556, 558
БЕР Борис Владимирович (1871—1921), поэт, переводчик 324, 426, 428, 432, 512, 522
БЕРДСЛИ (Beardsley) Обри (1872—1898), английский художник-график 236
БЕРДЯЕВ Николай Александрович (1874—1948) 102, 132, 139, 153, 155, 158, 263, 294, 309, 317, 321, 325—326, 328, 334, 336, 341, 353, 469, 473, 494, 505, 517, 521
БЕРДЯЕВА (урожд. Трушева, в первом браке Рапп) Лидия Юдифовна (1874—1945), переводчица, поэтесса, жена Н. А. Бердяева 143, 155, 159, 315, 333, 466, 469, 494
БЕРДЯЕВЫ Н. А. и Л. Ю. 143, 159, 303, 307, 314—315, 320, 334, 341, 516
БЕРИЯ Л. П. 14
БЕРЛИОЗ (Berlioz) Гектор Луи (1803—1869) 47, 206, 270, 408, 518, 520, 530
БЕРН-ДЖОНС (Burn-Jones) Эдуард (1833—1898), английский художник-прерафаэлит 47, 448
БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ А. А. 532
БЕТАН А. 514
БЕТАН Дж. 515
БЕТХОВЕН Людвиг ван (1770—1827) 210, 436, 448
БЕХЛИ Алёша, знакомый Кузмина по Васильсурску, сын управляющего технической конторой купцов Рукавишниковых в Нижнем Новгороде 30, 33, 45, 79, 178, 197, 201—203, 207, 272, 346, 366, 393, 446—447, 480
БЕХЛИ Сергей (ум. 1906), старший брат А. Бехли 203
БЕХЛИ Соня, сестра А. и С. Бехли 207
БЕЦКИЙ (Кобецкий) Михаил Александрович (1883—1937), драматический актер, работал с В. Э. Мейерхольдом в Товариществе новой драмы и в Театре В. Ф. Коммиссаржевской 265, 275, 277, 286—287, 302, 317—318, 335, 404, 418, 425
БИЗЕ (Bizet) Жорж (1838—1875) 178, 182, 270, 446, 462
БИЛИБИН Иван Яковлевич (1876—1942) 54, 240, 324, 334, 341, 400, 406, 431, 468, 509, 511, 513
БИЛИБИНЫ 247
БЛЕЙХМАН Юрий Иванович (1868—1909), композитор и дирижер, автор романсов 294

БЛЕХ, знакомая Кузмина 334—335
БЛОК Александр Александрович (1880—1921) 102, 228, 232, 240—241, 245—246, 251, 255, 266, 273—274, 278, 281—282, 284, 286, 289—290, 293—294, 308, 311, 315—316, 318—320, 329, 335—339, 341, 343, 345—347, 349, 351—355, 357, 360, 369, 379, 383, 385, 388, 397, 404, 410, 415, 418—419, 433, 442—443, 459, 461, 487, 489—491, 493, 495, 497—498, 500—501, 503, 505—507, 509—511, 515—516, 518—522, 524—525, 527, 529, 533—534, 536, 539—541, 543, 547—549, 552—554, 556, 557
БЛОК (урожд. Менделеева) Любовь Дмитриевна (1881—1939), жена А. А. Блока 274, 351, 354, 374, 431—432, 525, 527, 529
БЛОКИ — А. А. и Л. Д. 260, 294, 354, 424, 432, 550
БЛОХ Я. Н. 18
БЛЮМЕНТАЛЬ-ТАМАРИН Всеволод Александрович (1881—1945), актер, сценарист; член Санкт-Петербургского шахматного собрания 394
БОБОВСКИЙ, знакомый Е. А. Кудрявцевой и Мошковых 60, 72, 79, 80, 106, 116
БОГОМОЛОВ Н. А. 17, 443, 458, 462—463, 465—467, 469, 471—472, 476, 479, 481—483, 496, 498, 506, 511—512, 519, 521, 523—524, 529—539, 541—546, 548, 550—551, 553—554, 556—558
БОККАЧЧО Джованни (1313—1375) 32, 167, 170, 458
Болеслав, знакомый юности Кузмина 33, 171
БОЛЬШАКОВ Николай Сергеевич (ум. после 1918), торговец иконами и старопечатными книгами (в Апраксином рынке), имел магазин также в Нижнем Новгороде 28, 40, 42, 44, 49, 56, 58—59, 121, 206, 222, 233, 247, 445
БОМАРШЕ П. О. К. 447
БОМОНТ Ф. 524
Бонна — см. Валерия Готлибовна
БОНЧ-БРУЕВИЧ В. Д. 12—16, 18
БОРГАНЬОНЕ 538
БОРДЖИА Цезарь (Чезаре Борджа; ок. 1475—1507) 49, 278
Борис, жених (?) Жени Бене 391—392
Борис Алексеевич — см. Леман Б. А.
Борис Владимирович, вел. кн. (1877—1843), 178
БОРИСОВ Л. И. 485
БОРОВИКОВСКИЙ Владимир Лукич (1757—1825), живописец 47
БОРОВСКИЙ Кирилл Николаевич, присяжный поверенный 37
БОРОДИН А. П. 456
БОРОДИНА Мирра Ивановна, гостья В. Г. Каратыгина 34
Боря, Боба, Бобка — см. Мошков Б. П.
БОТКИН Сергей Сергеевич (1859—1910), профессор Военно-медицинской академии, коллекционер, близкий к «мирискусникам»; в 1906 г. был членом Совета Третьяковской галереи 292, 406, 414, 429
БОТКИНА (урожд. Третьякова) Александра Павловна (1867—1959), дочь П. И. Третьякова, жена С. С. Боткина 214, 292
БОТКИНЫ 212, 256, 325, 329
БОТТИЧЕЛЛИ (Botticelli) Сандро (Алессандро Филипепи; 1445—1510) 47, 206, 446, 448, 462
БОЦЯНОВСКИЙ Владимир Феофилович (1869—1943), драматург, критик 373, 376, 533, 535—536
БРАВИЧ (Баранович) Казимир Викентьевич (1861—1912), актер Театра В. Ф. Коммиссаржевской 275, 287
БРАЗ Осип Эммануилович (1873—1936), художник, академик, знакомый Н. В. Чичерина (?) 52, 245
БРАИЛКО Петр, поручик, знакомый Мошковых 98, 105, 108, 113—114, 116, 121, 123
БРАНДТ, контр-адмирал, попутчик Кузмина по дороге в Васильсурск 194
БРАУДЕ, актер Театра В. Ф. Коммиссаржевской 281, 305

БРАЧЧОЛИНИ (Bracciolini) Поджо Джан Франческо (1380—1459), итальянский писатель-гуманист, в 1453—1456 гг. флорентийский канцлер 53
БРЕМЕР А. А. 487
БРЕШКО-БРЕШКОВСКИЙ Николай Николаевич (1874—1943), прозаик, журналист 399, 548
БРИК Л. Ю. 17
БРИЛЛИАНТОВ М. 456
БРОМИРСКИЙ Петр Игнатьевич (1886—1920), скульптор и живописец 312—313
БРОСКИН (у Кузмина встречается написание «Бросскин») Александр Михайлович, торговец иконами, затем сутенер 100—101, 105—110, 112—139, 141—149, 153, 158—159, 161—164, 167—168, 170, 173—174, 188, 209, 215, 231, 233, 237, 347, 465—468
БРОСКИНА Александра Ильинична, жена А. М. Броскина 101, 107—108, 110, 113, 116—117, 126—128, 130—133, 135, 138, 148, 162, 468
БРОЦКИЙ (БРОДСКИЙ), знакомый П. П. Потемкина 364
БРЮНЕЛЛИ Ева Альфонсовна, композитор, дирижер оркестра Театра В. Ф. Коммиссаржевской 285
БРЮСОВ Валерий Яковлевич (1873—1924) 17, 102—103, 108, 110, 151, 177, 216—218, 235, 249—251, 254—255, 281, 305, 312—315, 317, 319, 322—324, 334, 336, 340, 342, 344, 348—349, 366, 370, 373, 375, 380—381, 386—390, 392, 395, 404, 409, 411, 413, 461—462, 468, 472, 479, 484, 487, 489, 500—501, 504—505, 508—509, 514, 516, 518, 520, 523, 529—530, 532, 534—535, 537—538, 540—542, 544, 548—551, 559
БРЮСОВА (урожд. Рунт) Иоанна Матвеевна (1876—1965), жена В. Я. Брюсова 312
БРЮСОВА Надежда Яковлевна (1881—1951), сестра В. Я. Брюсова, музыковед 312
БУБНОВ А. С. 13
БУДИМИР 551
БУДКЕВИЧ (в замужестве Унгерн-Штернберг) Наталья Антоновна (ум. 1928), актриса, переводчица 422
БУЗЫЦКАЯ Ольга Ивановна, знакомая Верховских 104
БУЛГАКОВ С. Н. 517, 521
БУНИН Иван Алексеевич (1870—1953) 226, 228, 232—233, 337, 406, 468, 487
БУРЕНИН Виктор Петрович (1841—1926), поэт, литературный критик 324, 343, 512
БУРЛЮКИ, братья: Давид Давидович (1882—1967), Владимир Давидович (1886—1917) и Николай Давидович (1890—1920), живописцы и литераторы
БУРНАШЕВ Михаил Николаевич (1882—1928), литератор, театральный деятель, член дирекции «Старинного театра», служащий Императорской Публичной библиотеки 413, 506
БУРЦЕВ Александр Евгеньевич ("Барабашка", 1863—1937 или 1938), потомственный почетный гражданин, владелец банкирской конторы, впоследствии библиограф, коллекционер 75, 107, 136
БУРЫЛИН, купец, знакомый Г. М. Казакова 83
БЫЦЕНКО А. А. 457
БЭЛ Н. 525
БЮЦЕВ (у Кузмина — Бюцов) Владимир Евгеньевич, композитор, сотрудник журнала "Мелос". Умер в эмиграции 354, 356, 525

ВАГИНОВ К. К. 11, 477
ВАГНЕР Рихард (1813—1883) 141, 200, 349, 446, 449, 482
Валентин (Valentin), натурщик 326—331, 334, 337, 339, 361, 396, 399, 411, 528, 532, 548
Валерия Готлибовна (фрейлен, фрейлейн), бонна у Мошковых 47, 203, 349, 366, 374, 377, 384—385, 393
Валечка, Вальтер, Вальтер Федорович — см. Нувель В. Ф.

ВАЛЬЗЕР Гуго (1884—1923 или 1924), немецкий художник 287
Ван ЛЕРБЕРГ Шарль (1861—1907), бельгийский поэт, драматург 370
Ван ЭЙК (у Кузмина — Ейк) Губерт (ок. 1370—ок. 1426) и Ян (ок. 1390—1441) 274
Ванечка, посетитель Таврического сада 180
Варвара Павловна, «тетя» — см. Кузмина В. П.
Варя — см. Мошкова В. А.
ВАСИЛЕВСКИЙ (псевд. Не-Буква) И. М. 501, 506, 509
ВАСИЛЕВСКИЙ Л. М. 513, 535
Василий, дворник с 7-й Рождественской, потом извозчик 107
Василий, Василий Степанович — см. Кудряшев В. С.
ВАСИЛЬЕВ В. 477
ВАСИЛЬЧИКОВА, знакомая С. В. Чичериной 167
ВАСНЕЦОВ Виктор Михайлович (1848—1926), художник 47
Вася, возможно, племянник Кузмина, сын В. П. Кузминой 249, 310
Васька, сын Лизы, прислуги Кузминых на Васильевском Острове 315
ВАТТО Антуан (1684—1721) 204
ВЕБЕР (Weber) Карл Мария фон (1786—1826) 105, 178, 268, 270, 530, 536
ВЕБСТЕР (Webster, Уэбстер) Джон (1580—1625), английский драматург 44
ВЕДЕКИНД Франк (1864—1918), немецкий драматург и актер, поэт, прозаик 323, 512, 517, 522, 531, 546, 549
ВЕДЕНИН, гармонист (чтение фамилии предположительно) 149
ВЕЙНЕР П. П. 507
ВЕЛИЧКО В. Л. 452
ВЕНГЕРОВ С. А. 469
ВЕНГЕРОВА Зинаида Афанасьевна (1867—1941), критик, историк литературы, сестра С. А. Венгерова, третья жена Н. М. Минского 264, 276, 305, 321—322, 325, 347, 349, 355—359, 361, 363—364, 421—422, 431, 498, 505, 526, 528, 554
ВЕНГЕРОВА Изабелла Афанасьевна (1877—1956), пианистка, сестра З. А. и С. А. Венгеровых 290, 324, 333, 349, 421—422, 554
ВЕНГЕРОВЫ З. А. и И. А. 251, 278, 288, 294, 322, 334, 341, 343, 347, 422
ВЕНЕВИТИНОВ Дмитрий Владимирович (1805—1827), поэт 349
ВЕНЕДИКТОВЫ (Кузмин пишет также Бенедиктовы), соседи по Окуловке. После Октябрьской революции жили в Сибири 368, 370, 375, 382—383, 387—388, 391, 393
ВЕНЕЦИАНОВ Алексей Гаврилович (1779—1847) 397, 400, 402, 547, 549
ВЕНТЦЕЛЬ Н. Н. 509, 522
Вера, прислуга в Окуловке (?) 365, 377
Вера Викторовна — см. Иванова В. В.
Вера Людвиговна — см. Гофман В. Л.
Вера Макаровна — см. Верховская В. М.
ВЕРГИЛИЙ (Публий Верлигий Марон, 70—19 до Р. Х.) 438, 559
ВЕРДИ Дж. 446, 454, 473
ВЕРЕЩАГИН В. А. 507
ВЕРИГИНА (в замужестве Бычкова) Валентина Петровна, 1882—1974), в 1906—1908 гг. актриса Театра В. Ф. Коммиссаржевской, близкая подруга Л. Д. Блок; корреспондентка С. А. Ауслендера, впоследствии автор воспоминаний 262, 265, 277, 280, 294, 304, 306, 310, 315, 318, 325, 336, 338, 366, 489—491, 498, 503, 505, 509, 511, 521
ВЕРН Жюль (1828—1905) 202
ВЕРСТОВСКИЙ А. Н. 482
ВЕРТЮ (Vertu) Луиза (?), знакомая Чичериных 56
ВЕРХАРН Э. 494
ВЕРХОВСКАЯ Александра Павловна, жена Ю. Н. Верховского 40, 151, 157, 329, 521—522
ВЕРХОВСКАЯ Вера Макаровна, жена Н. Н. Верховского 145, 151, 157
ВЕРХОВСКАЯ Лидия Никандровна 103, 290, 321, 522

ВЕРХОВСКИЕ («центральные Верховские»): Александра Павловна, Вадим Никандрович, Вера Макаровна, Глеб Никандрович, Лидия Никандровна, Ольга Никандровна Каратыгина 40, 52—54, 74, 77, 102—104, 110, 129, 145, 151, 157, 195, 225, 227, 235—236, 242, 247, 273, 293, 318, 336, 338, 346, 350, 352, 396, 407, 409, 417, 423, 445, 450, 496, 555

ВЕРХОВСКИЙ Вадим Никандрович (1873—1947), химик 235, 256, 290, 293, 321, 449

ВЕРХОВСКИЙ Владимир Никандрович, корнет 273, 354, 409

ВЕРХОВСКИЙ Глеб Никандрович 40, 215, 229, 258, 428, 433

ВЕРХОВСКИЙ Николай Никандрович 157

ВЕРХОВСКИЙ Юрий Никандрович (Юраш, Юраша; 1878—1956), поэт, историк литературы 34, 40, 46, 54, 103—104, 109, 124, 139, 145—146, 149, 151—152; 156—157, 209—211, 222, 226, 229, 231, 235, 242, 251, 253—255, 263, 266, 274, 290, 313, 319—321, 336—337, 344, 346, 352—353, 356, 399, 408, 423, 426, 429, 461—462, 471, 487, 495, 498, 505, 509, 511, 513, 518, 522—523

ВЕТЧИНКИН В. М. 214, 337, 483

ВЕТРОВ Ал. 522

ВИЙОН Ф. 452

ВИКТОР, священник с Васильевского Острова, иеромонах 62

Вилли — см. Бене

ВИЛЬКЕ Р. 454

ВИЛЬКИНА (в замуж. Виленкина; в дневнике также по псевдониму мужа — Минская) Людмила (Изабелла) Николаевна (1873—1920), поэтесса, вторая жена Н. М. Минского 243, 247, 250—251, 253, 257, 262, 264, 266, 274, 276—279, 286, 288, 290, 292—294, 302—306, 309, 312, 314—317, 319—321, 324—326, 329, 333, 336—337, 342, 353, 355, 495, 497—498, 502, 504, 507, 509, 513, 515—516, 524

ВИНКЛЕР, член «Вечеров современной музыки» 229

ВИНОГРАДОВ Николай, продавец церковных древностей 115

ВИНОГРАДОВЫ, знакомые Г. М. Казакова 114

ВИТТЕ, знакомые В. П. Кузминой 53

ВИТТЕ Сергей Юльевич (1849—1915), гр., государственный деятель, в октябре 1905 г.—апреле 1906 г. председатель Совета министров 64, 74, 452, 456

Витя, друг А. А. Тамамшева 429

Владимир — см. Верховский В. М.

ВЛАДИМИРСКИЙ В. А. 463

Владя — возможно, Вячеслав, знакомый В. Ф. Нувеля

ВЛАСОВА Р. И. 493

ВОЕЙКОВ, знакомый Чичериных 74

Володька, знакомый Кузмина 33

Володя, знакомый С. Ю. Судейкина, декоратор 287, 302, 308, 430

ВОЛОХОВА (урожд. Анцыферова) Наталья Николаевна (1878—1966), актриса 265, 294, 318, 320, 431, 505, 509, 558

ВОЛОШИН (Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877—1932) 226, 240—241, 245, 248, 250—251, 275, 277, 281—284, 286, 288, 290, 293, 310, 314—315, 318—310, 321—326, 328, 337, 349, 485, 489, 498—499, 500—501, 504, 508—509, 512, 514, 518, 523, 552

ВОЛОШИНА (урожд Глазер) Елена Оттобальдовна («старуха Волошина»; 1850—1923), мать М. А. Волошина 259, 266, 276—277, 315

ВОЛОШИНЫ — М. А. Волошин и М. В. Сабашникова 241, 244—245, 250, 252, 254, 258—259, 277, 285, 290—291, 323, 333, 402, 492

ВОЛЫНСКИЙ (наст. фамилия Флексер) Аким Львович (1861—1926), литературный критик, искусствовед 216, 275, 394

ВОЛЬКЕНШТЕЙН Владимир Михайлович (1883—1974), драматург, театровед 244, 248, 461, 522

ВОЛЬТЕР 455
ВОНЛЯРЛЯРСКИЕ, владельцы имения в Окуловке 374, 388—389, 391
ВОРОТНИКОВ Антоний Павлович (1857—1937), драматург, прозаик, переводчик 422—423, 427, 556—557
ВОТЬЕ Г. Ю. 516
ВРАНГЕЛЬ, Николай Николаевич, бар. (1880—1915), историк искусства и художественный критик, участник Кружка любителей русских изящных изданий 351, 413, 507
ВРАССКАЯ, неустановленное лицо 184
ВРАССКИЕ, семья Степана Борисовича Врасского, сенатора, члена Верховного уголовного суда (?) 352—353, 357
ВРАССКИЙ, знакомый Тамамшевых (возможно, он же — знакомый Чичериных) 349, 358, 360, 438
ВРУБЕЛЬ Михаил Александрович (1856—1910) 302, 462
ВЫДБОЛЬСКИЙ, кн., старшина Санкт-Петербургского шахматного собрания 394
ВЯЖЛИНСКИЕ: Елена Митрофановна, Егор (Егорушка), их дочь Лялечка, знакомые Кузмина и Чичериных 52, 105—106, 262, 288
ВЯЛЬЦЕВА Анастасия Дмитриевна (1871—1913), певица, исполнительница романсов 293, 503
Вячеслав, фельдшер, знакомый В. Ф. Нувеля и Кузмина по Таврическому саду 155—156, 160, 162—163, 166, 168, 170, 172—174, 176, 180—181, 191, 193, 217, 220, 245, 257, 337, 479

ГАБРИЛОВИЧ (псевд. Галич) Леонид Евгеньевич (1878—1953), публицист, приват-доцент Петербургского университета 102, 501, 505, 513, 516, 520, 522
ГАВАРНИ Поль (Сюльписа Шеваль; 1804—1866), французский художник, график 337
ГАГАРИН, кн., посетитель А. А. Кондратьева 432
ГАЕВСКИЙ Н. В. 448
ГАЙДЕБУРОВ Павел Павлович (1877—1960), руководитель Передвижного театра 305, 333, 515
ГАЙДН (Haydn) Франц Йозеф (1732—1809) 382, 387
ГАЛУШКИН А. Ю. 18
ГАМБОРОВ, посетитель Тамамшевых 353
ГАМИЛЬТОН (Hamilton) Эмма, леди (1760—1815), жена посла Англии при неаполитанском дворе, возлюбленная адмирала Нельсона 196, 480
ГАН (Hahn) Рейнальдо (1875—1947), французский композитор 355—356
ГАПОН Георгий Аполлинариевич (1870—1906), священник 77, 457
ГАРДЗОНИО С. 18
ГАРТ С. (Зусман Самуил Соломонович, 1880 — не ранее 1937), публицист, издатель журнала «Луч» 419
ГАСПАРОВ М. Л. 17, 442
ГЕ Николай Николаевич (1831—1894) 47
ГЕ Николай Петрович (1884—1920), в 1907 г. студент Петербургского университета, затем публицист, искусствовед 335, 337
ГЕЙБЕРГ Г.-Э. 498, 505
ГЕЙНЕ Генрих (1797—1856) 88, 392
ГЕЙНЕ Т. 454
ГЕЛЬМАН, знакомый П. С. Мошкова 118, 208, 408
Георгий, парикмахер 438
Георгий Михайлович — см. Казаков Г. М.
ГЕРРА Р. 522
ГЕРЦЫК (Лубны-Герцык) Аделаида Казимировна (1874—1925), поэтесса, прозаик, переводчица, критик 334, 434, 438—439, 553
ГЕРЦЫК (Лубны-Герцык) Евгения Казимировна (1878—1944), переводчица, критик, автор воспоминаний; сестра А. К. Герцык 334, 434, 438—439

ГЕРШАНОВИЧ, служащий на фабрике в Окуловке 368, 374, 377, 380
ГЕРШУНИ Григорий Андреевич (1870—1908), член ЦК партии социалистов-революционеров, один из основателей ее Боевой организации 77
ГЕССЕ Г. 454
ГЁТЕ Иоганн Вольфганг (1749—1832) 8, 175, 193, 462, 478, 481, 485, 526, 551
ГИДОНИ Александр Иосифович (1885—?), драматург, критик, сотрудник сатирических журналов, помощник присяжного поверенного. Последние сведения относятся к 1932 г. 275, 278, 284, 431
ГИЛЬБЕР (Guilbert) Иветт (1868—1944), французская шансонетная певица, исполняла также старинные и народные песни 406
ГИЛЬДЕБРАНДТ-АРБЕНИНА О. Н. 447
ГИЛЮКОВ, купец 126
ГИНЦЕ, гимназический знакомый Кузмина 36, 270
Гиперион — «гафизитское» прозвище Вяч. Иванова
ГИППИУС Зинаида Николаевна (псевдоним — Антон Крайний) (1869—1945) 237, 287, 375, 386, 389, 392, 479, 494, 501, 521, 530, 532, 541, 544
ГИППИУС Наталья Николаевна (1880—1945), художница, сестра З. Н. Гиппиус 361
ГИППИУС Татьяна Николаевна (1877—1957), художница, сестра З. Н. Гиппиус 361, 490
ГИРШМАН Владимир Осипович (1867—1936), предприниматель, меценат или его жена Генриетта Леопольдовна (урожд. Леон, 1885—1970) 312
ГЛАГОЛИН (Гусев) Борис Сергеевич (1879—1948), драматург, театральный критик, актер и режиссер; с 1906 г. режиссер петербургского Малого (Суворинского) театра 294
ГЛАЗЕНАП, инженер из Ярославля, поклонник творчества Кузмина 146—148, 151, 157, 161, 172, 206—207, 209
ГЛАЗУНОВ Александр Константинович (1865—1936) 151, 282, 425
ГЛЕБОВА-СУДЕЙКИНА Ольга Афанасьевна (1885—1945), актриса, художница, танцовщица; первая жена С. Ю. Судейкина 277, 287, 292—294, 314, 502
ГЛЕЗЕР Л. А. 548
ГЛОТОВ Яков Александрович (1877—1938), переводчик, двоюродный брат М. А. Волошина 240, 324
ГЛЮК (Glück) Кристоф Виллибальд (1714—1787) 209, 240, 382, 387, 479, 483
ГНЕСИН Михаил Фабианович (1883—1957) 347, 423
Гога — см. Попов М. В.
ГОДИН Яков Владимирович (1887—1954), поэт 231, 234, 262, 266, 291, 334, 354, 487, 493, 495, 498, 501—502
ГОЙЯ Франсиско (1746—1828) 332
ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ Арсений Аркадьевич, гр. (1848—1913), поэт 111, 462
ГОЛЛЕРБАХ Э. Ф. 16
ГОЛОВИН Михаил Николаевич, действительный статский советник, помощник статс-секретаря Государственного Совета 64
ГОЛОВИН Александр Яковлевич (1863—1939) 399, 462
ГОЛУБИН Петр Арсеньевич, председатель совета Громовского старообрядческого кладбища 73
ГОЛЬДЕБАЕВ (наст. фамилия Семенов) Александр Кондратьевич (1863—1924), прозаик, журналист 316, 320, 329
ГОЛЬДЕНБЕРГ (у Кузмина — Гольдштейн) Иосиф Петрович (парт. кличка Мешковский; 1873—1922), революционер, социал-демократ 77, 457
ГОЛЬДОНИ (Goldoni) Карло (1707—1793) 42, 177, 303, 411, 504
ГОЛЬДШТЕЙН — см. Гольденберг И. П.

ГОЛЬТИСОН Михаил Александрович (1874—1914), певец, музыкант, впоследствии — редактор журнала «Музыка и пение» 68, 76
ГОМБЕРГ Э. П. 493
ГОНЗАГА — см. Алоизий Гонзага
ГОНКУР, братья: Эдмон (1822—1896) и Жюль (1830—1870), французские писатели 49, 204, 212, 448, 482
ГОРБ М. С. 13—15
ГОРЕМЫКИН Иван Логгинович (1839—1917), государственный деятель; в апреле 1906 г. назначен председателем Совета министров 192
ГОРДИН Владимир Николаевич (1882?—после 1926), прозаик, журналист 396
ГОРНЕВА — неустановленное лицо 327
ГОРНФЕЛЬД А. Г. 528
ГОРНЫЙ С. 535
ГОРОДЕЦКИЙ Александр Митрофанович (1886—1914), художник и поэт, брат С. М. Городецкого 219, 237, 347, 424, 555
ГОРОДЕЦКИЙ Борис Митрофанович, библиограф, редактор журналов «На Кавказе» и «Кубанская школа», брат С. М. Городецкого 424, 555
ГОРОДЕЦКИЙ Сергей Митрофанович (1884—1967) 132, 137, 140, 143, 153, 155, 158, 160, 178, 188, 204, 209, 212—213, 215, 218—219, 222, 226—232, 234—235, 237, 240—241, 243, 247, 249—254, 260—261, 263—264, 266, 278, 282—284, 289—291, 294, 303—307, 311—312, 315—316, 318, 321, 324—325, 333, 336, 339, 353 —354, 364, 369, 383, 388—389, 391, 394, 400—401, 404, 412, 418, 424, 434, 461, 468—469, 472, 474—476, 482, 484, 486, 490—492, 494, 498, 501, 504—505, 507—509, 513, 518, 524, 533—534, 536, 539, 541—546, 555, 557—558
ГОРЬКИЙ Максим (Пешков Алексей Максимович; 1868—1936) 132, 383, 463, 466, 468, 487, 533, 539
ГОТЬЕ (Gautier) Теофиль (1811—1872), французский поэт, прозаик, критик 206, 556
ГОФМАН Вера Людвиговна, сестра М. Л. Гофмана 339, 353
ГОФМАН Модест Людвигович (1887—1959), поэт, критик, литературовед 234, 237—238, 243, 247—248, 252—254, 261—263, 266, 274—275, 277—278, 280, 282, 286—289, 291, 293—294, 301, 303, 306, 309, 314, 316, 318—327, 329—330, 335, 339, 341, 343, 346, 350, 352—354, 358, 360—361, 371, 375, 394—395, 401, 403, 405, 410, 419—420, 427—428, 430—437, 439, 487, 494—495, 498, 501, 504—505, 509, 512, 516 —517, 520—522, 531, 548, 554, 558
ГОФМАН (Hoffmann) Эрнст Теодор Амадей (1776—1822) 196, 206, 235—236, 270, 289, 369, 469, 530, 538, 555
ГОФМАНЫ М. Л., В. Л. и их родители 304, 332, 346, 361, 363—364, 400—401, 404, 411
ГОФМАНСТАЛЬ Г. фон 505, 511
ГОЦЦИ Карло (1720—1806) 270
ГРАБАРЬ Игорь Эммануилович (1871—1960) 349, 470, 504, 523
ГРАЦЦИНИ Ласка (Антон Франческо; 1503—1584), итальянский писатель 33
ГРАЧЁВА А. М. 486
ГРЕТРИ (Grétry) Андре Эрнест Модест (1741—1813), французский композитор 163, 178, 183, 234, 378, 396, 474, 483, 488
ГРЕЧИШКИН С. С. 559
ГРЕЧКОВСКИЙ (Гричковский) 165—166, 173, 175, 182, 396, 398, 474
ГРЖЕБИН (у Кузмина часто: Гжебин) Зиновий Исаевич (1869—1929), художник-график (в 1905 г. сотрудничал в сатирических журналах), затем издатель, совладелец изд-ва «Шиповник» 217, 229, 231—233, 236, 241, 244, 255—256, 263—264, 266—267, 283, 306, 309, 311, 316, 325, 327, 331, 333, 338—339, 341—343, 346, 348—350, 354, 356,

366, 394, 396, 398—400, 408, 442, 468, 486, 507, 509
ГРИБОВСКИЙ В. М. 506, 509
ГРИБОВСКИЙ И. М. 511
ГРИГ Эдвард (1843—1907) 54
ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ (Назианзин; 328—390), святой, один из Отцов церкви 85
Григорий, банщик с 9-й линии Васильевского Острова (возможно, Г. Муравьев) 343
Гриф — см. Соколов (Кречетов) С. А.
Гриша, Григорий — см. Муравьев Г. В.
Гр-ль 527
ГРУЗИНСКИЙ Алексей Евгеньевич (1858—1930), историк литературы 301
ГУМИЛЁВ Н. С. 11
ГУРВИЧ, сосед Мошковых по даче в Окуловке 370, 390, 392
ГУРЕВИЧ Яков Яковлевич (1869—1942?), писатель, драматург (лит. псевдоним Яков Крюковский), переводчик; сын директора частной гимназии Я. Г. Гуревича, впоследствии сам директор этой гимназии 353, 490
Густав (Густов?), акробат 201
ГЮЙОН (Guyon) Жанна Мария Бувье де ла Мотт (1648—1717) французская мистическая писательница 369, 375, 531
ГЮНТЕР Иоганнес фон (1886—1973), немецкий поэт и переводчик, автор книги воспоминаний 240, 485

ДАВЫДОВ Владимир Николаевич (Горелов Иван Николаевич; 1849—1925), актер Александринского театра (?) 353
ДАЛАЙРАК (Dalayrac) Николя (1753—1809), французский композитор и водевилист 378
Д'АЛЬГЕЙМ Пьер, бар. (1862—1922), французский журналист и романист, муж М. А. Олениной-Д'Альгейм 283, 499
Д'АЛЬГЕЙМ — см. Оленина-Д'Альгейм
ДАНИЛЕВСКИЙ Г. П. 460
ДАНКУР (D'Ancourt) Флоран Картон, господин д'Анкур (1661—1725), французский драматург 154, 472
Д'АННУНЦИО (D'Annunzio) Габриеле (1863—1938), итальянский писатель 43, 252, 272, 387, 502
ДАНТЕ Алигьери (1265—1321) 34—35, 448, 472
ДАРГОМЫЖСКИЙ А. С. 483
ДВОРНИКОВА Л. Я. 449
ДЕБЮССИ (Debussy) Клод Ашиль (1862—1918) 31, 34, 42, 47, 53, 56, 141, 169, 174, 180, 215, 229, 237, 286, 306, 346, 373, 379, 385, 388, 424, 501, 549
ДЕГАЕВ С. П. 492
ДЕГЕН Ю. Е. 504
ДЕЛИБ (Delibes) Клеман Филибер Лео (1836—1891), французский композитор 178, 181, 214, 270, 551
ДЕМБО А. Л. 537, 540
ДЕНИСОВ Василий Иванович (Дени; 1862—1922), художник 303, 497, 508
ДЕНКАН — см. Дункан А.
ДЕСЯТОВ, знакомый Мошковых 309
ДЕШАРТ О. А. 443
ДЖОВАННИ ФЛОРЕНТИЕЦ (Giovanni Fiorentino; Сер Джованни), итальянский писатель, автор книги новелл «Пекороне» (1378) 336
ДЖОЙС Дж. 8
ДЖОНС С. 546
ДЖУНКОВСКИЙ В. Ф. 13—14, 18
ДЖУНКОВСКИЙ Николай Федорович, управляющий Курской Казенной палатой, входил в круг знакомых Волошиных (?) 252
ДИОГЕН Лаэрций (Лаэртский, 1-я пол. III в.) 45
Диотима — прозвище Л. Д. Зиновьевой-Аннибал в кругу посетителей «башни» Вяч. Иванова
ДМИТРИЕВ Андрей Иванович, служащий Г. М. Казакова 116, 122, 134—135
ДМИТРИЕВ Всеволод Александрович (1889—1919), гимназист, художник, участник Осенних выставок в Петербурге, впоследствии искусствовед 426—431, 433, 556—557

ДМИТРИЕВ П. В. 443, 454, 505, 546
ДМИТРИЕВ-КАВКАЗСКИЙ Лев Евграфович (1849—1916), художник, офортист и гравер, профессор Академии художеств; имел «Мастерскую живописи и рисования для учащихся академии» 152
ДМИТРИЕВЫ: Таисия, Клавдия, их мать («старуха Дмитриева») — знакомые Кузмина и Мошковых в Нижнем Новгороде и Васильсурске 195, 207
Дмитрий Иванович (род. ок. 1887), петербургский продавец мануфактуры 147
ДОБРОХОТОВА Зина, подруга детства Кузмина 267—268
ДОБУЖИНСКАЯ (урожд. Волькенштейн) Елизавета Осиповна (1874—1965), жена М. В. Добужинского 411
ДОБУЖИНСКИЙ Мстислав Валерианович (1875—1957) 102, 236, 244—245, 262, 283, 294, 306, 308—309, 316, 319, 338, 349, 363—364, 400—401, 406, 408, 411, 413, 415, 417, 422, 431, 488, 499, 509, 511, 552, 554, 558
ДОБУЖИНСКИЕ М. В. и Е. О. 248, 253
ДОДЕ А. 462
ДОЛИВО-ДОБРОВОЛЬСКАЯ, знакомая Чичериных 64
ДОМИЦИАН Тит Флавий (51—96), римский император (с 81) 51, 449
ДОНИЦЕТТИ Г. 553
ДОСТОЕВСКИЙ Федор Михайлович (1821—1881) 320, 455
ДРИГО Р. 487
ДРИЗЕН (Остен-Дризен) Николай Васильевич, бар. (1868—1935), театральный деятель 416, 551—552
ДРИТТЕНПРЕЙС Владимир Петрович (1878—?), рисовальщик 323
ДУБНОВА (в замуж. Эрлих) София Семеновна (1885—1986), поэтесса, мемуаристка, член «Кружка молодых» 278
ДУБРОВИН Александр Иванович (1855—1921), врач, политический деятель, издатель газеты «Русское знамя», председатель «Союза Русского народа» 73, 76
ДУБРОВСКИЙ Александр (Шурочка), «тапетка» из Таврического сада 169, 173, 176, 178—181, 183—184, 187—188, 190, 215, 331, 335, 340, 396
Дунечка, монахиня в Васильсурске 197—198, 201
ДУНКАН (у Кузмина: Дёнкан) Айседора (Dunkan Isadora, 1877—1927), американская танцовщица; неоднократно гастролировала в России 429, 431, 557
ДУРНОВО П. Н. 456
ДЫМОВ Осип (Перельман Иосиф Исидорович; 1878—1959), прозаик, драматург; с 1912 г. жил в Америке 140, 286—287, 305, 347, 459, 500, 509
ДЬЕРКС Л. 501
ДЬЯКОНОВ А. А. 451—452, 489
Д'ЭНДИ (d'Indy) Поль Мари Теодор Венсан (1851—1931), французский композитор, дирижер, педагог и музыкальный писатель 66
ДЮКА (Dukas) Поль (1865—1935), французский композитор 34, 68, 330, 515
ДЮКЛУ, знакомый Верховских и Каратыгиных 34, 40, 151, 157, 161
ДЮПАРК (Duparc) Мари Эжен Анри (1848—1933), французский композитор; творческую деятельность прекратил в 1885 г. 408
ДЯГИЛЕВ Павел Павлович (1848—1914), отец С. П. Дягилева 421
ДЯГИЛЕВ Сергей Павлович (1872—1929) 56, 82, 109, 163, 165—169, 198, 213—214, 257, 260, 264, 281, 302, 304, 309, 311, 325—326, 330, 335, 342, 344, 365, 375, 396—397, 399—403, 405—406, 408, 410, 415, 417—424, 436—437, 448, 462, 469, 475, 489, 516, 554
ДЯГИЛЕВ Юрий Павлович, брат С. П. Дягилева, писал под псевдонимом Ю. Череда 344, 421

Евгения Владимировна — см. Сомова (Цемирова) Е. В.
Евлогий 464
ЕВРЕИНОВ Николай Николаевич (1879—1953), режиссер, драматург, историк и теоретик театра 288, 495, 509
ЕВРЕИНОВЫ 320
Егорка — см. Казаков Г. М.
ЕГОРОВ П. Е. 458
ЕГОРОВ, собиратель икон 110
Единька — см. Эдинька
Екатерина Аполлоновна — см. Кудрявцева Е. А.
Екатерина Ивановна, соседка Кузмина по Окуловке 383, 391—392, 392—393
Екатерина Эдуардовна — см. Андриевич Е. Э.
ЕКАТЕРИНА II (1729—1796) 54, 146, 267
Елена Ивановна — см. Кармин Е. И.
Елена Митрофановна — см. Вяжлинская Е. М.
Елена Николаевна — см. Мясоедова Е. Н.
Елизавета Алексеевна, знакомая Мошковых 135
Елизавета Николаевна — см. Званцева Е. Н.
Елизавета-Шарлотта, герцогиня Орлеанская (Princesse Palatine, 1652—1721) 238, 488
ЕЛЬЧАНИНОВ Александр Викторович (1881—1934), публицист, с 1926 г. — священник 341
ЕРШОВ Иван Васильевич (1867—1943), певец, драматический тенор, солист Мариинского театра 49
ЕФРЕМОВ Степан Леонтьевич, служащий Г. М. Казакова 48, 50, 68—70, 87, 100, 105—110, 112—113, 116—117, 119—123, 125—126, 128—131, 134—139, 143—144, 152—153, 158—159, 162, 164, 167, 170, 180, 188

ЖАКОВ К. Ф. 461
ЖАН ПОЛЬ (настоящее имя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер, Richter; 1763—1825), немецкий писатель и мыслитель 270
Женя — см. Бене
Женя, прислуга и кухарка Мошковых 43, 66, 78, 82, 201
ЖЕРЕБЦОВ, певец 410
ЖЕРЕБЦОВА (Жеребцова-Андреева, по первому мужу — Евреинова) Анна Григорьевна (1868—1944 или 1945), камерная певица, член Петербургского камерного общества 346—348, 350, 352, 419, 435
ЖИЛКИН И. В. 509
ЖОЛИ (?), немецкий художник 51
Жорж, кн., офицер Конногвардейского полка, знакомый Кузмина 10, 33, 40, 51, 231, 270—271, 292, 405, 438
Жоржик («тапетка» из Таврического сада), возможно, один из братьев Фогелей 187
Жоржина Егоровна — см. Чичерина Ж. Е.
ЖУКОВСКАЯ Т. Н. 553
ЖУРАВЛЕВ А. Ф. 460
ЖУЭН А. 514
ЖЮССЕРАН Жан Адриан Антуан Жюль (1855—1932), французский дипломат и писатель 36, 446

ЗАБЕЛА (Забела-Врубель; у Кузмина — Забелла) Надежда Ивановна (1868—1913), певица; жена М. А. Врубеля 68, 319, 418
ЗАБЕЛИН Иван Егорович (1820—1908), историк и археолог 99, 246, 460, 491
ЗАБЛОЦКАЯ А. Е. 525
ЗАЙЦЕВ Борис Константинович (1881—1972), писатель 337, 511
ЗАЙЦЕВ Валентин, гимназист, соученик Кузмина по Саратовской гимназии 268
ЗАЙЦЕВЫ: Б. К. Зайцев и его жена Вера Алексеевна (урожд. Орешникова, по первому мужу Смирнова; 1879—1965) 341, 413
ЗАКУШНЯК Александр Яковлевич (1879—1930), драматический актер, мастер художественного чтения, в 1907 г. в Театре В. Ф. Комиссаржевской 413, 418

ЗАМЯТНИНА Мария Михайловна (1862—1919), подруга Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, домоправительница Ивановых 350, 398, 401, 406, 409, 412, 418, 428, 434, 438, 461, 468, 470—471, 473, 483, 493, 504, 510, 512, 514, 523
ЗАРЕЦКИЙ Николай Васильевич (1876—1959), график, живописец; отставной драгун; выставляться начал с 1906 г.; с 1922 г. в Берлине 428, 433
ЗАСОСОВ Д. А. 443
ЗАХАРОВ Иван Иванович, купец, знакомый Г. М. Казакова 29
ЗВАНЦЕВА Елизавета Николаевна (1864—1921 или 1922), художница, организатор художественных школ в Москве и Петербурге (последняя, основанная в 1906 г., где вели занятия Бакст, Добужинский, Петров-Водкин, помещалась на Таврической улице, 25, в доме, где жили Ивановы, непосредственно под «башней», и Кузмин жил в этой квартире) 241, 249—250, 259, 276, 284—285, 288, 319, 325, 332—335, 337—338, 350, 364—365, 379, 386, 389, 393, 401—402, 420, 436, 493, 528—529, 536
ЗВАНЦЕВЫ Н. Н. и Е. Н. 248, 253, 354, 363, 395—396, 413
ЗВЕРКИН, служащий Г. М. Казакова 134—135
ЗВОНАРЕВЫ, знакомые Н. В. Чичерина 358
ЗЕЛЕНИН Д. К. 460
ЗЕЛИНСКИЙ Фаддей Францевич (1859—1944), филолог-классик 275
ЗЕНГЕР Николай Владимирович (ум. 1943), муж С. П. Зенгер 323
ЗЕНГЕР (урожд. Остроумова, 1874—1963) Софья Петровна, сестра А. П. Остроумовой-Лебедевой 323
ЗЕНФ (Senff) Бартольд (1815—1900), владелец музыкального издательства в Лейпциге, издатель (с 1843 г.) музыкальной газеты «Signale fur die musikalische Welt» 273
ЗИЛОТИ Александр Ильич (1863—1945), пианист и дирижер 275, 558
ЗИНОВЬЕВ Александр Дмитриевич (губернатор) (1854—1931), брат Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, губернатор Петербургской губернии 361, 527
ЗИНОВЬЕВ Николай Петрович, капитан, служил в Пажеском корпусе, знакомый В. Ф. Нувеля 188
ЗИНОВЬЕВА Е. 527
ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ Лидия Дмитриевна (урожд. Зиновьева, в первом браке Шварсалон, 1866—1907), писательница, жена Вяч. Иванова 101, 140—141, 147—148, 153, 155—158, 160, 166, 171, 174, 177, 180, 207—208, 210, 213—217, 219, 226—230, 235—237, 240, 244—245, 247, 249, 251—253, 255, 259, 261, 264, 266, 275, 280, 306, 310, 314—315, 318, 321—322, 328—329, 331, 333—334, 339—340, 342, 344, 346, 348, 350—351, 357, 361, 388, 390—391, 412, 415, 417—418, 461, 468—486, 488—494, 500—501, 504, 507, 510—512, 514, 516, 523—524, 527—528, 540—541, 545, 552—553
ЗОНОВ А. П. 558
Зор — псевдоним В. А. Зоргенфрея
ЗОРГЕНФРЕЙ Вильгельм Александрович (1882—1938), поэт, переводчик 341, 495, 509, 520
ЗРЯХОВ Н. И. 513

ИБСЕН Генрик (1828—1906) 261, 493, 508—509
Иван, половой ресторана при Мариинской гостинице 116
Иван, банщик с Бассейной 102
Иван Аполлонович — см. Кузмин И. А.
Иван Васильевич, сосед по Окуловке 373
ИВАНОВ А. П. 493
ИВАНОВ Вячеслав Иванович (1866—1949) 6—7, 17, 99, 101, 103, 106—107, 111, 131—134, 136—137, 139—143, 147—149, 153—158, 160—163, 166, 171, 177, 179—180, 187, 192—194, 196, 198—200, 207, 210, 212—213, 215—216, 226—228,

230—235, 237, 240—241, 245—247, 252, 255, 258, 260—261, 263—264, 266—267, 275—278, 281—282, 284—286, 290—291, 293, 301, 303, 306, 310, 315, 319—322, 324—325, 331, 333, 335—336, 339, 342—343, 347—348, 352—354, 360—361, 364, 369, 379, 383, 387—388, 397, 415, 418, 421, 428—430, 432—435, 438, 441, 443, 461—462, 468—484, 486—490, 492—494, 498, 501—502, 504—506, 509, 511, 517—518, 520, 522—525, 532—535, 538—541, 547, 552, 554, 556

ИВАНОВ Д. В. 443, 514

ИВАНОВ Евгений Павлович 493, 507, 511, 538, 556

ИВАНОВ Евгений Платонович 450

ИВАНОВ Л. 487

ИВАНОВ Михаил Михайлович (1849—1927), музыкальный критик, композитор, автор романсов (?) 84, 294

ИВАНОВА Вера Викторовна (1880—после 1917), актриса Театра В. Ф. Коммиссаржевской, затем Малого (Суворинского) театра 11, 277, 284, 287, 294—295, 304, 315, 318, 321, 505

ИВАНОВА Лидия Вячеславовна (1896—1985), дочь Вяч. Иванова и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, впоследствии композитор, автор мемуаров 218, 484—485, 523—525, 527

ИВАНОВА, неустановленное лицо 348

ИВАНОВЫ, родственники Кузмина и Мошковых 40, 48, 52, 58, 64, 67, 96—97, 327

ИВАНОВЫ — семья В. В. Ивановой 294, 306

ИВАНОВЫ — семья Вяч. И. Иванова 101, 140, 142, 144—145, 147, 155, 157, 161—163, 165—166, 168, 171, 174, 178—179, 182, 184, 185, 187—188, 190—191, 208—210, 212—213, 215—218, 221—222, 224, 226, 228—230, 232, 234, 237, 240—241, 243—246, 249—253, 258—261, 263, 274—276, 280, 289—290, 293, 306, 310, 314—315, 318—322, 324—326, 328—329, 331, 333—334, 336—337, 339—340, 342, 344, 346—348, 350—353, 357—358, 360, 362—365, 399, 406, 413, 428, 430—431, 435—437, 472, 483, 486, 493, 512, 528, 545, 552

ИВАНОВСКИЙ Владимир Николаевич (1867—1931), философ, профессор Казанского университета 102

Изабелла — см. Венгерова И. А.

ИЗАИ Эжен (1858—1931), бельгийский скрипач, композитор и дирижер 431, 558

ИЗВОЛЬСКИЙ, жених С. В. Чичериной (?) 361

ИЗВОЛЬСКИЙ П. П. 552

ИЗМАЙЛОВ Александр Алексеевич (1873—1921), критик, беллетрист 328, 511—512, 515, 540

ИКОННИКОВ Евгений Викторович, посетитель В. П. Кузминой 132

ИНЖАКОВИЧ, ИНДЖАКОВИЧ — см. Анджакович

ИННОКЕНТИЙ (Иван Григорьевич Усов, 1870—1942), старообрядческий епископ, член совета попечителей Громовского старообрядческого кладбища 73

ИОАНН, священник, приглашенный Верховскими 157

ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ 454—455

ИОАНН МОСХ 446

Иов — см. Макаров И. С.

ИОВАНОВИЧ Младлен Эммануилович, певец, пианист, композитор 111, 265, 346, 352, 354, 356, 419

Ия (род. 1906), дочь С. М. Городецкого 213, 218, 251, 484, 491, 498

К. Л. 549

КАВАЛЬКАНТИ (Cavalcanti) Гвидо (ок. 1255—1300), итальянский поэт 140

КАГАН А. С. 18

КАЗАКОВ Георгий Михайлович, владелец иконной лавки и иконописной мастерской (Загородный пр., 44) 28—30, 32—35, 37—41, 44, 48—50, 61, 66—68, 70, 74—

75, 78, 80, 82—84, 87—88, 96—105, 108—110, 112, 114—117, 119—121, 123—124, 126, 128—131, 134—137, 144—145, 153, 162, 164—165, 167, 170, 174, 176, 188—192, 209, 214—216, 222, 225, 230, 237, 255, 272, 347, 445, 450, 452, 459, 467, 472, 477

КАЗАКОВА Наталья Афанасьевна, жена Г. М. Казакова 28, 72, 126, 133, 139, 156, 447

КАЗАКОВЫ 28, 69, 75, 100, 106—107, 119—120, 136—137, 273, 314

КАЗАНОВА (Casanova) Джакомо Джироламо (1725—1798) 45, 61, 167, 363, 447, 559

КАЛИОСТРО (Джузеппе Бальзамо; граф Феникс; 1743—1795), итальянский авантюрист 45, 447

КАЛМАКОВ Н. К. 556

КАМЕНСКИЙ Анатолий Павлович (1876—1941), прозаик 305, 383, 386, 394—397, 408, 418, 420, 539, 541

КАННЕГИСЕР Л. И. 462

Капочка, прачка, случайная знакомая В. С. Кудряшёва 158—159

КАРАВАК (Каравакк, Караваккa) Людовик (ум. 1754), французский живописец-портретист, с 1716 г. работавший в России в качестве придворного живописца 47

КАРАТЫГИН Вячеслав Гаврилович (1875—1925), музыкальный критик, композитор, педагог, один из основателей «Вечеров современной музыки» 34, 48, 54—55, 99, 101—102, 106, 124, 149, 169, 171, 214, 234, 242, 259, 265, 321, 323, 348, 356, 365, 410, 418, 424, 449, 461, 464, 513, 515, 525, 555, 558

КАРАТЫГИНА Ольга Никандровна, художница, жена В. Г. Каратыгина, сестра Ю. Н. Верховского 56, 103, 149, 151—152, 157, 242, 338, 423

КАРАТЫГИНЫ 54, 56, 100, 102, 104, 151—152, 171, 227, 290, 293, 320, 330, 346, 354, 411, 421, 430

КАРВОВСКАЯ (Корвовская) Мария Николаевна, знакомая З. А. Венгеровой и Ф. Сологуба 355, 357, 363, 365, 486, 495, 501, 505—506, 509, 526, 528

КАРДОВСКИЙ Д. Н. 468

КАРДОНИ Луиджи (Луиджино), лифтер в римской гостинице, знакомый Кузмина 33, 271

КАРЕЕВ Н. И. 479

КАРМИН Елена Ивановна, художница, близкая подруга Е. Н. Званцевой 393, 395, 410—411, 429, 435, 536

КАРПЛИН, неустановленное лицо 105

КАРПОВ, по смыслу дневника, управляющий бумажной фабрикой в Окуловке 377

КАРСАВИНА Тамара Платоновна (1885—1978), балерина; в 1902—1918 гг. — в Мариинском театре 236

КАРТАШЕВ Антон Владимирович (1875—1960), профессор Духовной академии, богослов, историк церкви, публицист, общественный деятель 244, 341, 521

Кассандр — прозвище, данное Кузминым посетителю ресторана «Вена» 408

Кассандра — см. Чеботаревская Ал. Н.

КАСТИ (Casti) Джованни Батиста (1724—1803), итальянский писатель 218—219, 221, 227

КАСТИЙОН (Castillon) Сен-Виктор Алексис де (1829—1894), французский композитор 276, 558

КАТКОВ Семен Григорьевич (Сенька), приказчик из бельевого магазина в Гостином дворе, известный хулиган 122, 134—136, 142—143, 152, 158—160, 164

Катя — см. Мошкова Е. П.

Катя — прислуга Ивановых (?) 333

КАУЛЬБАРС Александр Васильевич, бар. (1844—?), генерал от кавалерии, в 1905—1909 гг. одесский генерал-губернатор 67

КАЧАЛОВ (Шверубович) Василий Иванович (1875—1948) 354, 525

КЕРЛОН (Querlon) Анн-Габриэль Мезнье де (1702—1780), французская писательница 58
КИЗЕЛЬШТЕЙН Г. Б. 551
КИРЬЯНОВ Михаил Федорович (?), торговец мехом и кучерским платьем в Апраксином рынке, чья лавка находилась по соседству с лавкой И. С. Макарова 121
КЛЕРОН (Clairon; наст. имя и фам. Клер-Жозеф-Ипполит Лерис де Латюд, 1723—1803), французская драматическая актриса и мемуаристка 167, 475
КЛИМЕНКО Василий Николаевич, приват-доцент Военно-медицинской академии, старший врач Николаевской детской больницы 271
КЛИМЕНЧЕНКО Д. Е. 457
КЛИМТ Густав (1862—1918), австрийский художник 51
КЛИНГЕР Макс (1857—1920), немецкий художник 133, 265, 428, 495
КЛЫШКИН, иконописец 122
КНИГГЕ Г.-В. 448
КНИППЕР-ЧЕХОВА Ольга Леонардовна (1868—1959) 352—353, 357, 361
КНОП Ф. 227, 310, 486
КНОРОЗОВСКИЙ И. М. 458
КОВАЛЕВСКИЙ Максим Максимович (1851—1916), историк общественного и государственного строя, статистик, социолог, этнограф 234
КОГАН И. Я., владелец «Вольной типографии», издатель сборника «Белые ночи» 343, 353—354
КОЗЛОВ Сергей Владимирович (ум. 1906), генерал-майор, убит эсером в Петергофе 188, 477
КОЗЛОВ, служащий Г. М. Казакова 50, 112, 114, 117, 119, 122—123, 126, 129, 134—135, 152, 158, 231
КОЗЛОВ, посетитель С. А. Ауслендера 216
КОЛЕНДА Виктор Константинович (1872—1945), живописец, театральный художник, работал с В. Э. Мейерхольдом в Театре В. Ф. Коммиссаржевской 287, 293, 304
КОЛОКОЛОВ Алексей Петрович, настоятель церкви Св. Георгия Великомученика в Петербурге, популярный в кругах интеллигенции конца XIX в. священник 272
КОЛЬ, неустановленное лицо (посетитель ресторана «Вена») 335
КОММИССАРЖЕВСКАЯ Вера Федоровна (1864—1910) (ее сестра — см. Скарская Н. Ф.) 240—241, 243—244, 253, 255—256, 262, 264, 266, 274, 277, 281—282, 284, 286, 293, 293—294, 305, 317, 395, 404, 406, 415, 425, 429—430, 489—491, 493, 495—500, 502, 513, 516, 520, 528, 546, 549, 551, 558
КОММИССАРЖЕВСКИЙ Федор Федорович (1882—1954), режиссер, педагог, теоретик театра, брат В. Ф. Коммиссаржевской; в 1906—1910 гг. — режиссер ее театра 304, 504, 558
КОМПАНЕЙЦЕВ, композитор — вероятно, композитор и исследователь старинной русской музыки Николай Иванович Компанейский (1848—1910) 99
КОНАШЕВИЧ 492
КОНДАКОВ Н. П. 452
КОНДРАТЬЕВ А., гимназический товарищ Кузмина 33, 218, 270
КОНДРАТЬЕВ Александр Алексеевич (1876—1967), прозаик, поэт 218, 231—232, 266, 288, 309, 324—325, 331, 341, 423, 432, 459, 495, 498, 500—501, 506—507, 509, 512, 516, 520, 522, 524, 556
КОНОВАЛОВ Павел, парикмахер 40
КОНОВНИЦЫН Эммануил Иванович, гр. (ум. 1915), товарищ председателя «Союза Русского народа» 340
КОНРАДИ Павел Павлович (ум. 1916), писатель, журналист театральный рецензент газеты «Новое время» 34, 104, 265, 346, 352, 417, 461—462
Константин Андреевич — см. Сомов К. А.

КОПЕЛЬМАН Соломон Юльевич (1881—1944), совладелец издательства «Шиповник» 231, 241, 493, 509, 553
КОППЕЛЬМАН, пианистка — возможно, В. Е. Беклемишева 239
КОППЕЛЬФРАУ, КОППЕЛЬФРАУ-ЛЕЙН — прозвище жены С. Ю. Копельмана В. Е. Беклемишевой
КОРЕХИН В. И. 484, 486, 493, 495, 498, 501, 505—507, 509, 511, 513, 515—516, 522
КОРЕЩЕНКО Арсений Николаевич (1870—1921), композитор, пианист, дирижер и музыкальный критик 312—313
Корнилий — см. Покровский К. П.
КОРОВАЙКОВ, знакомый Г. М. Казакова 75—76
КОРОВАЙКОВА, посетительница московского Литературно-художественного кружка 312—313
КОРОВИН Александр Александрович (1870—1922), владелец мануфактурных магазинов, коллекционер, художник-любитель 303, 415, 428, 431—432
КОРОВИНА («m-me Коровина», ум. 1906), жена (?) А. А. Коровина, покончила с собой 175, 182, 193, 285
КОРОВИНЫ 167—168, 171, 175, 178—179, 336
КОРСАКОВ — см. Римский-Корсаков Н. А.
Корсар — «гафизитское» прозвище В. Ф. Нувеля
КОРЧАГИН Александр Ильич (род. ок. 1884), банщик, знакомый Кузмина 85—88, 95—97, 100—102, 104—108, 110—112, 114—116, 119—120, 122—123, 130, 133, 137, 142, 146—147, 151, 162, 220, 229
КОРЯКИН И. Н. 506
КОСОРОТОВ Александр Иванович (1868—1912), прозаик, драматург 222, 226, 281, 283, 287, 316, 327, 397, 485
КОСТРИЦ, семья 40, 42, 45, 47, 52, 60, 70, 100, 108, 282, 422, 427, 433—434, 438
КОСТРИЦ Борис Михайлович (1874—1942), композитор, гимназический приятель Кузмина 37, 272, 425
КОСТРИЦ Лидия Михайловна, художница, преподавательница Благовещенского двухклассного художественного училища, сестра Б. М. Кострица 40, 45—46, 53, 56, 62, 109, 175
КОСТРИЦ Наталья Андреевна, мать Б. М. и Л. М. Кострриц 45
Костя, знакомый А. И. Броскина из Кронштадта 132
Костя — см. Шварсалон К. К.
КОТЛЯРЕВСКИЙ Сергей Андреевич (1873—1939), историк, земский деятель, член ЦК партии кадетов 161, 474
КОТРЕЛЕВ Н. В. 442
КОШЕВСКИЙ (Кошевский-Кричевский) 540
КРАВЦОВА И. Г. 492, 502
КРАЙНДЕЛЬ Софья Григорьевна, пианистка 263
КРАМСКОЙ Иван Николаевич (1837—1887), художник 47
КРАНДИЕВСКАЯ Анастасия Романовна (урожд. Кузьмичева, носила также фамилию отчима — Тархова, 1865—1938), прозаик, либо ее дочь Наталья Васильевна (1888—1963), поэтесса, в 1907 г. учившаяся в художественной школе Званцевой 411, 522, 536, 539
КРАНИХФЕЛЬД В. 528
КРАПИВИН, КРАПИВИНА, знакомые Мошковых 58, 80, 109, 141, 225, 247, 256
КРАСНОГОРСКИЙ, знакомый детства Кузмина 317
КРАСНОПЕВЦЕВЫ, хозяева квартиры, где жили Кострриц 282
КРАФТ-ЭБИНГ Р. 535
КРЕБИЙОН-сын (Crebillon) Клод Проспер Жольо (1707—1777), французский писатель 155, 473
КРЕБИЙОН П. Ж. 473
КРЕЧЕТОВ Сергей — см. Соколов С. А.
КРЖАНОВСКИЙ Иван Иванович (1867—1924), композитор, доктор

медицины, прозектор Петербургского медицинского института (работал в лаборатории И. П. Павлова); как и Кузмин, был учеником Римского-Корсакова по Петербургской консерватории; участник «Беляевского кружка», один из основателей «Вечеров современной музыки» 229, 449

КРИСТИ (у Кузмина: Криспи) Григорий Иванович (1856—1911), московский губернатор в 1902—1905 гг., сенатор 67

КРИЧЕВСКИЙ Юрий Борисович (1885—1942), студент юридического факультета Петербургского университета, поэт, член «Кружка молодых» 275, 278

КРЫЖАНОВСКАЯ Вера Ивановна (Крыжановская-Рочестер; 1861—1924), писательница 363, 528

КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ (урожд. Бекетова, в первом браке Блок) Александра Андреевна (1860—1923) переводчица, мать А. А. Блока 338, 355, 360, 495, 501, 553

КУБЛИЦКИЙ-ПИОТТУХ Франц Феликсович (1860—1920), офицер Лейб-гвардии Гренадерского полка, впоследствии генерал-лейтенант, второй муж матери А. А. Блока 360

КУДРЯВЦЕВ, купец в Усадье 118

КУДРЯВЦЕВ (ум. 1906), муж Е. А. Кудрявцевой 98

КУДРЯВЦЕВА Антонина, двоюродная племянница Кузмина 65, 67, 99, 216, 237

КУДРЯВЦЕВА (урожд. Кузмина) Екатерина Аполлоновна («тетя», ум. 1919), сестра сенатора И. А. Кузмина; после Октябрьской революции жила в Сибири 27—28, 30, 32—33, 35, 41, 44, 46, 52—53, 60, 64, 66—67, 70, 72, 75—78, 81—84, 87, 89, 97, 99—100, 103, 106, 110—112, 116, 119—120, 124—125, 128, 131, 135, 138, 142, 147, 158, 163, 184, 190, 214, 237—238, 243, 253, 255—256, 258, 276, 280, 284, 292, 301, 310, 322, 337, 342, 346, 350, 400

КУДРЯВЦЕВА Елена, двоюродная племянница Кузмина 31, 65, 216

КУДРЯВЦЕВЫ 30—31, 33, 62, 72, 75, 82, 95, 99, 116, 160, 183, 211, 223, 229, 284

КУДРЯШЕВ Василий Степанович, служащий Г. М. Казакова, потом Н. С. Большакова 83, 87, 100—101, 108—110, 112—114, 116—117, 119, 123, 125—127, 131, 134, 140, 152, 154, 158—159, 164—165, 188, 231, 233, 247

КУЗМИН Алексей Алексеевич (1812—1886), отец Кузмина 40, 62, 267—269, 357

КУЗМИН Алексей Алексеевич (ум. 1922) — брат М. А. Кузмина; покончил с собой 100—101, 327, 329

КУЗМИН Иван Аполлонович (1856—не ранее 1920), дядя Кузмина; тайный советник, сенатор, ученый-правовед. С 1878 г. служил по судебному ведомству, много лет был следователем Санкт-Петербургского Окружного суда 35

КУЗМИНА Варвара Павловна («тетя», «бабушка»), заведующая общеобразовательной школой 31—32, 37—39, 41, 43, 46—47, 53, 56, 60, 62, 67, 73, 75—76, 79, 82, 98, 100, 104, 116, 124—125, 132, 135, 145, 156, 160, 162—163, 183, 208—209, 211—213, 216, 219, 223, 228—229, 231, 234—235, 237, 239, 244, 245, 247, 249, 255—256, 258, 261, 268—269, 273, 276, 279, 281, 284—285, 287—288, 306, 310, 317, 319, 322, 324, 327, 329, 332, 337, 350, 356, 363, 391, 394, 396, 400, 402, 437

КУЗМИНА (урожд. Федорова) Надежда Дмитриевна (1834—1904), мать М. А. Кузмина 40, 58, 61, 71—72, 81, 104, 124, 163, 183, 267—273, 314, 381, 389, 411, 445, 457, 474, 496

КУЗМИНА Ольга, дочь В. П. Кузминой 276, 279

КУЗНЕЦОВ, гость Верховских 151

КУЗНЕЦОВ В. Г. 464

КУЗНЕЦОВ Г. А. 464

КУЗНЕЦОВ Василий Васильевич (1881—?), скульптор 246, 490
КУЗНЕЦОВ Павел Варфоломеевич (1878—1968), художник 113, 214—215, 304, 312—313, 317, 340, 462, 490, 504
КУЗНЕЦОВА О. А. 486
КУЗЬМИН Н. В. 12
КУКОЛЬНИК Нестор Васильевич (1809—1868) 369
КУПЕРЕН (Couperin) Франсуа (1668—1733), французский композитор 108
КУПРИН Александр Иванович (1870—1938) 216, 261, 386, 429, 541
КУПРИНА-ИОРДАНСКАЯ М. К. 509
КУПЧЕНКО В. П. 498
КУРАКИН Анатолий Андреевич, кн., тайный советник, шталмейстер 64
КУРБАТОВ Владимир Яковлевич (1878—1957), физик и химик, автор книг по истории архитектуры и истории Петербурга 54, 236, 247, 397
КУРДЮМОВЫ, посетители Вяч. Иванова — возможно, Валериан Иванович Курдюмов, проф. Института путей сообщения, а также драматург и актер, и его жена, помещавшая стихи и рассказы в журнале «Север» — родители поэта Вс. В. Курдюмова 437
КУРОПАТКИНЫ, соседи Кузмина (?) 412
КУРСИНСКИЙ Александр Антонович (1873—1919?), поэт, секретарь журнала «Золотое руно» 284, 290, 311, 313—314, 337, 518
КУСКОВ, знакомый Кузмина 86
КУСТОДИЕВ Борис Михайлович (1878—1927) 316, 468, 509, 513
КЮИ Ц. А. 456, 483
КЮНЕР Василий Васильевич (1840—1911), композитор, пианист, скрипач и педагог; в 1882 г. переселился из Германии в Россию, имел частную музыкальную школу в Петербурге 271
КЮХЕЛЬБЕКЕР Вильгельм Карлович (1797—1846) 369
ЛАБИНСКИЙ Андрей Маркович (1871—1941), певец, тенор; солист Мариинского театра 294
ЛАВРОВ А. В. 19, 489, 502, 505, 508, 512, 518, 530, 559
ЛАДМИРО (Ladmirault) Поль (1877—1944), французский композитор и музыкальный критик 408
ЛАЗАРЕВ, человек из петербургской гомосексуальной среды 331
ЛАЗАРЕВСКИЙ Борис Александрович (1871—1936), писатель; осенью 1905 г., выйдя в отставку, приехал в Петербург из Владивостока, где служил военным прокурором 216, 221, 264, 285, 327, 386, 394—395, 520, 541
ЛАНГЕ Адольф, типографский наборщик, знакомый С. Г. Каткова и Кузмина 158—159, 164—165
ЛАНГЕН А. 454
ЛАНДОВСКАЯ (Ландовска) Ванда (1877—1959), польская клавесинистка, исполнительница старинной музыки 336
ЛАНДАУ, гостья Каратыгиных 151
ЛАНСЕРЕ Евгений Евгеньевич (1875—1946), художник 395, 415, 427, 468, 546—547
ЛАПШИН В. П. 495
ЛАРИ, московский гимназист, приятель В. В. Руслова 422
ЛАРИОНОВ Михаил Федорович (1881—1964), художник 312—313
ЛАРИОНОВА Маруся, подруга детства Кузмина 267
ЛАРСКИЙ И., сотрудник журнала «Вестник Европы» (?) 288
ЛАССАЛЬ Фердинанд (1825—1864), деятель германского рабочего движения, социал-демократ 77
ЛЕБЕДЕВ Сергей Васильевич (1874—1934), ученый-химик, муж А. П. Остроумовой-Лебедевой 248, 293
ЛЕБЕДЕВЫ — С. В. Лебедев и А. П. Остроумова-Лебедева 253, 323, 363, 428
ЛЕБРЕН Шарль (1619—1690), французский художник 47

ЛЕВИТАН Исаак Ильич (1860—1900) 287
ЛЕВИЦКИЙ Дмитрий Григорьевич (ок.1735—1822), художник-портретист 47
ЛЕГАТ Н. Г. 476
ЛЕГАТ Сергей Густавович (1875—1905), художник-акварелист; покончил с собой 175, 476
ЛЕЙКИН Н. А. 482
ЛЕЙСТИКОВ Вальтер (1865—1908), немецкий художник, участник мюнхенского «Сецессиона» 51
ЛЕКОК Ш. 475
ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ Ш. 451
ЛЕМАН Борис Алексеевич (псевд. Б. Дикс; 1880—1945), поэт, критик, оккультист (его кузина — см. Анненкова О. Н.) 155, 219, 226, 228, 234, 263, 274, 278, 282, 285, 287, 293—294, 302, 306—307, 309—310, 314, 317—318, 323, 327, 330, 332, 335—336, 338—344, 348—349, 351—353, 356—357, 359—367, 369, 371, 374—375, 377, 379, 381—382, 385, 394, 403, 405—407, 421—423, 434, 436—439, 500, 507, 518—521, 526, 528—529, 548
Лена, кухарка и прислуга В. Ф. Нувеля 179
ЛЕНСКИЙ (наст. фам. Абрамович) Владимир Яковлевич (1877—1937), прозаик, поэт, фельетонист (?) 360
ЛЕОНАРДО да ВИНЧИ (1452—1519) 46, 61, 538
Леонид, знакомый В. Ф. Нувеля 427
ЛЕОНТЬЕВ К. Н. (1831—1891), писатель, публицист 9
ЛЕРБЕРГ — см. Ван Лерберг
ЛЕРНЕР Николай Осипович (1877—1934), историк, литературовед 341
ЛЕСАЖ Ф. 470
ЛЕСКОВ Николай Семенович (1831—1895) 59—60, 64, 68—74, 76, 81, 106, 273, 453, 455, 462, 532
ЛЕСМАН М. С. 502, 521
ЛЕСЮЭР (Le Sueur) Жан Франсуа (1760—1837), французский композитор, с 1814 г. придворный капельмейстер 419
Лида (Лидка, Лидочка) — см. Мошкова Л. П.
Лидия — см. Иванова Л. В.
Лидия Андреевна, знакомая Мошковых 72, 213
Лидия Михайловна — см. Костриц Л. М.
Лидия Павловна, знакомая Кузмина и Мошковых 44, 98
Лиза, знакомая Кудрявцевых 211
Лиза, прислуга Кузминых на Васильевском Острове 40, 61, 104, 315
ЛИКИАРДОПУЛО Михаил Федорович (1883—1925), переводчик, критик, секретарь редакции «Весов» 311—313, 326, 347, 367, 369, 373, 375, 382, 386, 414, 422, 436, 471, 493—494, 507, 529—530, 532, 538—539, 541—544
ЛИНДЕМАН 507
ЛИПКИН, посетитель ресторана «Вена» 436
ЛИСТ Ференц (1811—1886) 234
Листюшка (уменьшительное от Елистрат), по смыслу дневника — умерший сын Лизы, прислуги Кузминых на Васильевском Острове 61
ЛИХАРЕВ и его брат-студент, гости жильца Мошковых 156
ЛИХАЧЁВ Николай Петрович (1862—1936), историк, археограф, искусствовед, коллекционер, член «Русского Собрания» 68, 74, 114, 455, 463
Логин Семенович, старообрядец 124
ЛОККЕНБЕРГ (Лёкенберг) Вальтер Адольфович (1878—1929), художник 428—429
ЛОНГ (II—III вв.), древнегреческий писатель 42
Лоренцато — см. Медичи Лоренцо
ЛУВЕ ДЕ КУВРЕ Ж.-Б. 473
ЛУГОВСКАЯ, посетительница С. П. Дягилева 285, 344
ЛУЖСКИЙ В. В. 508
Луиджино — см. Кардони Л.

ЛУИС (Louÿs) Пьер Феликс (1870—1925), французский поэт и прозаик 58, 451, 524
ЛУКИАН (ок. 120—ок. 190), древнегреческий сатирик 386—387
ЛУНАЧАРСКИЙ Анатолий Васильевич (1875—1933) 243—244, 286, 500, 539
ЛЮБАВИНА Н. Ф. 536
Любовь, настоятельница монастыря в Васильсурске 202
ЛЮБОШ (Любош-Любошиц) Александр Семенович, член Императорского Русского театрального общества, сын С. Б. Любошица 301
ЛЮБОШИЦ Семен Борисович (1859—1926), журналист 312
Людмила, Людмила Николаевна — см. Вилькина Л. Н.
ЛЮТЕР Артур Федорович (1876—1955), немецкий филолог, критик, переводчик (?) 348
ЛЯДОВ Анатолий Константинович (1855—1914) 270

МАВРИН Алексей, график, секретарь С. П. Дягилева 213, 303—304, 344, 401, 408—411, 414, 416—417, 419, 421, 423, 425, 428
МАДЕЛУНГ Оге (1872—1949), датский и немецкий писатель, предприниматель, сотрудник «Весов» 155
МАЗЕЛЬ Матвей Осипович, студент-юрист, поэт, член «Кружка молодых» 278
МАЙН РИД — см. Рид
МАКАРОВ Иов Сампсонович (Самсонович), купец, торговец старообрядческими иконами, книгами, церковной утварью и принадлежностями (лавка в Большой линии Апраксина рынка) 28, 42, 77, 120, 124, 134, 141, 174—176, 178—179, 184, 215, 218, 221—223, 225—227, 229, 230, 233, 239, 247, 254, 445
МАКАРОВ Петр Сампсонович (Самсонович), купец, торговец церковной утварью, брат И. С. Макарова 75, 120—121, 133
Макаровна — см. Верховская В. М.
МАКАРОВЫ И. С. и П. С. 145
МАКАРОВЫ (Николай, шесть Нюточек), вероятно, соседи Верховских 211
МАКИАВЕЛЛИ (Machiavelli) Никколо (1469—1527), итальянский политический мыслитель, историк 430
МАКЛЕЦОВА Ольга Павловна («глухая барыня»), знакомая Е. Н. Званцевой 421, 435, 438—439
МАКОВСКИЙ, знакомый Мошковых 66, 69
МАКОВСКИЙ Сергей Константинович (1877—1962), поэт, искусствовед; впоследствии редактор журнала «Аполлон» 310, 315, 317, 335, 347, 365, 450
МАКСИМОВ, оформитель домашнего спектакля у Мошковых 301
МАКСИМОВ Д. Е. 493
МАКСИМОВ Сергей Васильевич (1831—1901), писатель, этнограф 89, 111, 459, 462
МАЛЕР (Mahler) Густав (1860—1911), австрийский композитор и дирижер 51, 449
МАЛМСТАД Дж. Э. 465, 469, 511, 543, 550
МАЛЯВИН Ф. А. 462
МАНАСЕИНА Наталья Ивановна (1869—1930), детская писательница, издательница журнала «Тропинка» 230, 305, 505—506, 511
Манечка, монахиня в Васильсурске 197—198, 202
МАНЫЧ Петр Дмитриевич (ум. 1918), журналист 261, 394, 396, 429
МАРГЕНШТЕРН (Моргенштерн, Моргенстиэрн) Илья Федорович, графолог, редактор-издатель журнала «Психографология», автор книги «Внутренний мир в почерке у псевдолюдей» (СПб., 1910) 410
МАРИВО (Marivaux) Пьер Карле де Шамблен де (1688—1763), французский прозаик, драматург и журналист 41, 45, 402—403, 405, 407—408, 549

Маркиан (Маркьян), служащий Г. М. Казакова, нижегородец 56, 115, 134, 206
МАРКОВ В. Ф. 469
МАРКС Карл (1818—1883) 77
МАРО (Marot) Клеман (1496—1544), французский поэт 239
МАРСЕРУ П. П. 332, 515
МАРТЕНС, проф. 456
МАРТИНИ (Martini) Джованни Баттиста (1706—1784), итальянский композитор, теоретик и историк музыки 108
МАРТЫНОВА Ольга Константиновна (1850—1928), мать художницы Е. М. Мартыновой, знакомая Сомовых 364
Марфинька, приемная дочь Победоносцевых 74
Марья Дмитриевна, знакомая Чичериных 85
Марья Ивановна, знакомая Мошковых 272
Марья Михайловна — см. Акулова М. М.
Марья Николаевна, видимо, Балуева М, Н.
Марья Петровна, видимо, жиличка Званцевых 413, 419, 435
Марья Яковлевна, родственница П. С. Мошкова 66, 201
МАСЛОВ Павел Константинович, знакомый Кузмина с июня 1906 г., адресат посвящения цикла «Любовь этого лета» 169—170, 172—173, 175—248, 250, 254—259, 263, 267, 286, 293—295, 303, 305—312, 314, 317, 319—323, 325—326, 328—330, 332, 334—343, 345—349, 351, 354, 356—359, 361, 364, 367, 370, 375, 389—390, 396—402, 405, 409—411, 413, 415, 417, 421—422, 425, 427, 434, 477—479, 482, 488, 495, 522, 554
МАСПЕРО Г. 447
МАССНЕ (Massenet) Жюль (1842—1912), французский композитор 31, 47, 169, 182, 270, 279, 286, 336, 356, 447, 463, 476, 487, 530, 551
Матвей, банщик с 9-й линии Васильевского Острова 142, 415
МАТЮШЕВСКИЙ А. И. 551
МАЯКОВСКИЙ В. В. 15—16
МЕДВЕДЬ Я. 521
МЕДЕМ Александр Давыдович, пианист, преподаватель Петербургской консерватории 52, 54, 169, 214, 229, 260, 293, 334, 408, 449
МЕДИЧИ (Medici) Лоренцо (у Кузмина: Лоренцатто; Лоренцо Великолепный; 1449—1492), флорентийский правитель, меценат и покровитель искусств, поэт 49, 252
МЕЙЕНДОРФ Петр Феликсович (Pierre), бар., камергер, родственник Чичериных (?) 423
МЕЙЕР А. А. 517
МЕЙЕРБЕР (Meyerbeer) Джакомо (наст. имя Якоб Либман Бер; 1791—1864), композитор; жил в Германии, Италии, Франции 268, 393, 476, 530, 536
МЕЙЕРХОЛЬД Всеволод Эмильевич (1874—1940) 102, 255, 258, 265—266, 275, 277, 279—280, 282, 284—287, 293, 303—304, 306—308, 321, 327, 347—348, 351—356, 368, 370, 372, 379, 395, 400, 402, 418, 424, 426, 443, 488, 491, 493—494, 496—499, 504—506, 511, 513, 520, 522, 530—532, 535—537, 546, 551, 553, 558
МЕЙЕРХОЛЬД О. М. — см. Мунт О. М.
МЕЙЕРХОЛЬДЫ — В. Э. Мейерхольд и О. М. Мунт 294
МЕЙСНЕР Александр Федорович (1865—1922), поэт 320, 513, 516, 520
МЕКК В. В. фон 470
Мельников П. И. — см. Печерский
МЕМЛИНГ Ханс (1433—1494), голландский художник 274
МЕНДЕЛЕЕВА Анна Ивановна (1860—1942), вторая жена Д. И. Менделеева, мать Л. Д. Блок 341
МЕНДЕЛЬСОН (Мендельсон-Бартольди; Mendelsohn) Якоб Людвиг Феликс (1809—1847) 356, 372
МЕНЖИНСКАЯ, жена В. Р. Менжинского, знакомая Верховских 104
МЕНЖИНСКИЙ Вячеслав Рудольфович (1874—1934), литератор,

впоследствии политический деятель, большевик 9, 17, 54, 158, 449, 461, 471
МЕНЬШИКОВ М. О. 456
МЕРЕЖКОВСКИЕ — Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус 140, 353, 501, 524
МЕРЕЖКОВСКИЙ Дмитрий Сергеевич (1865—1941) 103, 113, 177, 315, 389, 453, 459—460, 521, 530, 539, 544
МЕРЗЛОДКОВ, студент, участник митинга старообрядцев 73
МЕРЛИНЫ, владелицы земель в Окуловке, где находилась бумажная фабрика 384
МЕСТЕЧКИН, посетитель «Вечеров современной музыки» 350
МЕТЕРЛИНК Морис (1862—1949), бельгийский драматург, поэт, философ 103, 464, 491, 494, 496—498, 506, 522
МЕЩЕРСКИЙ Дмитрий Викторович, кн. (1875—1933), отчим Карповской; чиновник Министерства иностранных дел, с 1901 г. — дипломат в Китае; эмигрировал в 1919 (?) 355
МЕЮЛЬ Э.-Н. 484
МИКЕЛАНДЖЕЛО БУОНАРРОТИ (1475—1564) 215
МИКЛАШЕВСКИЙ, посетитель «Вечеров современной музыки» (возможно, Константин Михайлович (1866—1944), театральный режиссер) 229
МИЛИОТИ Василий Дмитриевич (1875—1943), график, живописец; сотрудник «Весов» 113, 246, 285, 304, 313, 327, 339, 372, 490
МИЛИОТИ Николай Дмитриевич (1874—1962), живописец, участник объединений «Мир искусства», «Голубая роза»; брат В. Д. Милиоти 328
МИЛЮКОВ П. Н. 540
МИЛЮТИН 540
Мина, знакомая Мошковых в Удельной 351
МИНАЙЛОВЫ, семья знакомый Мошковых в Удельной 351
Минета, родственница Чичериных 465
МИНИН Кузьма Минич (ум. 1616) 64—65, 67, 72, 75, 454, 456
МИНКУС Л. Ф. 547
Минская — см. Вилькина Л. Н.
МИНСКИЙ Н. М. 513, 524
МИНЦЛОВА Анна Рудольфовна (1865?—1910?), переводчица, теософка 7, 266, 277—278, 288, 420, 430, 432, 434—438, 495, 506, 554
Мирон, служащий иконной лавки Е. И. Белороссовой 79, 83, 125—126, 128, 132, 136, 138, 145—146, 158, 218, 221, 223, 225, 233
МИРЭ (Моисеева Александра Михайловна; 1874—1913), писательница 208, 217, 322, 481, 484, 520, 522
МИТЮРНИКОВЫ, братья, владельцы книжных магазинов 506
МИХАИЛ, архимандрит (в миру Павел Семенов; 1874—1916), церковный публицист, впоследствии старообрядческий епископ 275, 510
Михаил Федорович — см. Ликиардопуло М. Ф.
Михаил Яковлевич, сосед по Окуловке 378, 409, 421
Михайло, знакомый Г. В. Муравьева 29
Михайло, хулиган 165
МИХАЙЛОВ А. А. 508
МИХАЙЛОВ Е. С. 470
МИХАЙЛОВ Юрий, знакомый Кузмина 353
МИШЕЛЬ (Michel) Луиза (1830—1905), французская революционерка и писательница 30
Мишель (Michel), неустановленное лицо 302, 315
Модестик — см. Гофман М. Л.
МОИСЕЕВ Лаврентий Алексеевич (1882—?), студент юридического, затем историко-филологического факультетов Петербургского университета 335
МОЛЬЕР (Жан Батист Поклен, 1622—1673) 273
МОРГЕНШТЕРН — см. Маргенштерн
МОРЕВ Г. А. 19, 443, 463

МОРИ (Mori), флорейнтийский каноник, иезуит 18, 271—272, 367, 474, 529
МОРОЗОВ А. Ф. 462, 472
МОРОЗОВА (урожд. Соковнина) Феодосия Прокопьевна (ум. 1675), боярыня, сторонница старообрядчества 76
МОСОЛОВ Борис Сергеевич (1888—1941), литератор и режиссер 293, 294, 304, 306—307, 309, 317, 325—326, 339
МОСОЛОВЫ, семья Б. С. Мосолова 291, 318, 323
МОСТРИДИЕВ, посетитель московского Литературно-художественного кружка 312
МОЦАРТ (Mozart) Вольфганг Амадей (1759—1791) 138, 173, 178, 269, 273, 283, 310, 382, 417, 446, 459, 461, 479, 498, 536
МОШКОВ Борис Прокопьевич (Боба, Бобка; 1903—1968), племянник Кузмина 80, 84, 86, 89, 98, 135, 144, 201, 276, 345, 349, 368, 377, 380, 387
МОШКОВ Прокопий (у Кузмина: Прокофий) Степанович («зять»; 1865—1938), ученый-лесовод, служащий на бумажной фабрике в Окуловке, муж сестры Кузмина 30—32, 36, 39, 41, 42, 44, 47—49, 52, 56, 57, 60, 69, 71—72, 74, 76, 81—83, 86, 97, 105, 107, 109—111, 113—114, 117—118, 121, 123, 159, 161, 175, 181—183, 196—197, 199, 202—204, 208—212, 217, 222—223, 226, 230, 241, 246, 249, 256, 258, 272, 291, 295, 313—314, 318, 328, 330, 337, 342—343, 363, 366, 368—369, 371, 373, 376—380, 384, 387, 390—392, 396, 412, 421, 441, 458, 464
МОШКОВА Варвара Алексеевна (1857—1922) (Варя, «сестра»), старшая сестра Кузмина, в первом браке замужем за А. Я. Ауслендером, во втором — за П. С. Мошковым; училась на Бестужевских курсах, занималась в консерватории; окончила Педагогический институт; по профессии — учительница народных школ 28—31, 38—40, 42—44, 46—47, 53, 57, 66, 70, 75, 76, 79, 81—82, 88, 98—99, 104, 109, 113, 115, 118, 123, 125, 128, 142, 194, 203—204, 206, 212—213, 215—217, 223, 225, 230, 234, 238—240, 244, 269, 272—273, 275—277, 279—280, 284, 307—308, 318, 327, 329, 352, 356—357, 359—360, 369—371, 374, 376—377, 380, 384, 388—389, 391—394, 396, 399, 410—411, 414, 421, 425, 435—437, 465, 477, 480, 484, 531
МОШКОВА (в замужестве Мухортова) Варвара Прокопьевна (Варя, Варя маленькая; 1894—1979), племянница Кузмина 70, 196, 259, 280, 368, 417
МОШКОВА (в замужестве Калабина) Екатерина Прокопьевна (1896—1974), (Катя), племянница Кузмина 75, 196, 275, 368, 376
МОШКОВА (в замужестве Тезейкина) Лидия Прокопьевна (Лида, Лидочка, Лидка, род. 1900), племянница Кузмина 47, 52—53, 56—57, 60, 67, 110, 122, 201, 337, 389
МОШКОВА Лидия Степановна (Лида большая, Лидафья; ум. в 1940-х), сестра П. С. Мошкова 39, 181, 201, 203—205, 272, 366, 374, 377, 383, 385, 387—388
МОШКОВЫ 31, 33
МУЙЖЕЛЬ Виктор Васильевич (1880—1924), писатель 394, 511
МУНТ (Голубева) Екатерина Михайловна (1875—1954), драматическая актриса, в 1906—1907 гг. — в Театре В. Ф. Коммиссаржевской, сестра О. М. Мейерхольд 262, 265—266, 274, 286—287, 294, 304, 316, 318, 498, 509
МУНТ (Мейерхольд) Ольга Михайловна (1874—1940) жена В. Э. Мейерхольда 293—294, 498
МУРАВЬЕВ Григорий Васильевич (Григорий, Гриша), знакомый Кузмина, вероятно, банщик 27—30, 33—34, 36—39, 41—51, 53, 56, 58—60, 62—63, 65—67, 69—72, 75—76, 79—84, 86—88, 95—98,

100, 102—109, 111, 114—115, 119, 121, 123—125, 129, 131, 134, 136, 139, 142—143, 146, 149, 151, 158, 163, 167—168, 258, 273, 338, 346, 393, 455, 472
МУСОРГСКИЙ Модест Петрович (1839—1881) 111, 211, 214, 265, 456, 462
МУХИН С. А. 11
МЮЛЛЕР В. 461, 522
МЮССЕ (Musset) Альфред де (1810—1857), французский поэт и прозаик, тесно связанный со многими музыкантами-романтиками (Шопен, Лист, Паганини, Берлиоз и др.) 36, 38, 121, 206, 209, 304, 390, 407, 412, 417, 504
МЯСКОВСКИЙ Николай Яковлевич (1881—1950), композитор, друг и соученик по корпусу М. Л. Гофмана 234, 237—239, 241, 243, 275, 278, 418, 420
МЯСКОВСКИЙ Яков Константинович, генерал-лейтенант инженерных войск, управляющий делами инженерного комитета Главного инженерного управления, отец Н. Я. Мясковского 242
МЯСОЕДОВ Николай Николаевич (1839—1908), член дирекции Императорского русского Музыкального общества, знакомый Кузмина в юности 32
МЯСОЕДОВА (в замужестве Барбарова) Елена Николаевна, дочь Н. Н. Мясоедова, приятельница Кузмина в юности, певица 269—270, 334—335
МЯСОЕДОВЫ 32, 269

НАБОКОВ, неустановленное лицо, посетитель К. А. Сомова 339
НАГРОДСКАЯ Е. А. 493
Надежда Григорьевна — см. Чулкова Н. Г.
НАРЫШКИН Александр Алексеевич, тайный советник, сенатор, член Государственного Совета 64
НАРЫШКИНА Александра Николаевна (1839—1919), тетка Г. В. Чичерина 67, 189, 358, 454
Настасья, Настя, прислуга Мошковых 254
Настасья, прислуга Кузминых 269
Наталья Афанасьевна — см. Казакова Н. А.
Наталья Дмитриевна — см. Чичерина Н. Д.
Наташа — см. Ремизова Н. А.
Наташа, проститутка, содержавшаяся А. М. Броскиным 128, 133
НАУМОВ Виктор Андреевич, знакомый Кузмина, юнкер Николаевского инженерного училища, затем подпоручик 18-го саперного батальона 7, 321, 325—327, 330, 333, 335, 339—341, 343—348, 350—355, 358, 360—361, 363—365, 367—368, 371, 374—375, 380—384, 385, 389, 393, 398—406, 408—425, 427—438, 521, 531, 554—555, 559
НЕВОЛИН Б. С. 536
НЕЙДГАРТ (у Кузмина: Нейгарт) Алексей Борисович, бар. (1863—после 1928), гофмейстер, почетный опекун, член Государственного Совета, бывший нижегородский губернский предводитель дворянства. С 1903 г. — екатеринославский губернатор. Проявил большую жестокость при подавлении революционного движения в Екатеринославской губернии в 1905 г., был одним из инициаторов еврейских погромов в Одессе 67
Нелли («тетушка»), возможно, А. Н. Нарышкина 69
НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО Вл. И. 508
НЕСТЕРОВ Михаил Васильевич (1862—1942) 303, 349, 504, 523
НЕЧАЕВ Г. Р. 332, 516
НИЖИНСКИЙ Вацлав Фомич (1889 или 1890—1950) 437
Никита, извозчик-лихач с Васильевского Острова 40
НИКИТИНЫ (Любовь, ее муж, брат), знакомые Мошковых 52, 82, 223, 307
НИКОЛАДЗЕ, член Санкт-Петербургского шахматного собрания 394

Николай — см. Верховские
НИКОЛАЙ, священник с Валаама 208
НИКОЛАЙ, сторож яблочного сада в Васильсурске 201
Николай Васильевич — см. Чичерин Н. В.
НИКОЛАЙ II (1868—1918) 69, 451, 454
НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ, вел. кн. 448
Николай Николаевич — см. Сапунов Н. Н.
Николай Петрович — см. Феофилактов Н. П.
НИКОЛЬСКИЙ Борис Владимирович (1870—1919), историк литературы, поэт, критик, общественный деятель, профессор юриспруденции и филологии, педагог вел. кн. Олега и Гавриила Александровичей 58, 60, 72—75, 452
НИКОН (в миру Никита Минов; 1605—1681) 47
НИЛЬСЕН Христина — вероятно, может быть отождествлена с Христиной Нильсовной Степановой (1879—1942), женой профессора Технологического института А. И. Степанова 409
Нина Ивановна — см. Петровская Н. И.
НИЦШЕ Фридрих (1844—1900) 177, 234
НОВАЛИС (Фридрих фон Харденберг; 1772—1801) 184
НОВИЦКИЕ, знакомые Мошковых в Удельной 351
НОВИЦКИЙ Г. П. 527
НОГИН Виктор Павлович (1878—1924), революционер, член РСДРП(б) 75
НОСАРЬ Георгий Степанович (псевд. Хрусталев Петр Алексеевич, Ю. Переяславский; 1879—1919) — председатель первого Петербургского Совета рабочих депутатов во время революции 1905 года 77, 457
НУВЕЛЬ Вальтер Федорович (Валечка, Renouveau, Петроний, Корсар; 1871—1949), чиновник особых поручений канцелярии Министерства императорского двора, любитель музыки, композитор-дилетант, один из организаторов «Вечеров современной музыки», биограф С. П. Дягилева 7, 55, 68, 99, 101—103, 108—110, 113—115, 120, 129, 131—134, 136, 138—142, 144, 147—150, 152—153, 155—157, 159—163, 165—178, 180—194, 196—197, 199—200, 202, 204, 207—210, 212—215, 217, 226, 228—229, 236, 238, 240, 245—256, 258—263, 265, 273—274, 276, 279—283, 287—289, 291—292, 294, 302—303, 305—307, 309, 312, 314—320, 322—325, 327—331, 333—340, 342—345, 349, 353, 355, 358—359, 364—365, 368, 370—371, 375, 377, 380, 386—388, 391, 393, 395—406, 408—438, 441, 462—463, 466—472, 474—483, 488, 494, 498—499, 505, 507, 519, 524, 528—529, 531—537, 539, 541—542, 544—546, 552
НУРОК Альфред Павлович (1860—1919), один из организаторов «Вечеров современной музыки», сотрудник журнала «Мир искусства» (писал под псевдонимом Силен); по службе — ревизор Государственного контроля по Департаменту армии и флота 52, 54—55, 57, 61, 68, 76, 82, 103, 108—109, 169, 171, 175—176, 181—183, 185, 190, 214, 229, 240—241, 246, 256, 258, 260, 309, 330, 335, 354, 405—406, 415, 419, 422, 425, 449

ОБЕР (Aubert) Луи Франсуа Мари (1877—1968), французский композитор 418
ОБЕРМАН Б. 553
ОБОЛЕНСКИЙ Л. Е. 454
ОГАРЕВ Николай Платонович (1813—1877) 349
ОГАРКОВ, неустановленное лицо 431, 435

ОДИНЦОВ, купец, торговец иконами и церковной утварью 105, 119, 122
ОДОЕВЦЕВА И. В. 450, 451
ОЗАРОВСКАЯ (урожд. Мусина-Пушкина, по сцене Мусина, в др. браках, Глебова, Апушкина) Дарья Михайловна (1873—1947), актриса Александринского театра, жена Ю. Э. Озаровского 431
ОЗАРОВСКИЙ Юрий Эрастович (1869—1927), актер и режиссер
ОЗАРОВСКИЕ Д. М. и Ю. Э. 320, 432
ОЛЕНИН Александр Алексеевич (1865—1944), композитор, брат певицы М. А. Олениной Д'Альгейм 214, 217, 484
ОЛЬГА, княгиня (ум. 969) 240
Ольга Ивановна, знакомая или родственница А. М. Броскина 125
Ольга Никандровна — см. Каратыгина О. Н.
Ольга Павловна — см. Маклецова О. П.
Ольга Павловна, знакомая (сестра?) В. П. Кузминой 60, 135
Ольга Петровна — см. Рукавишникова О. П.
Ольга Петровна, знакомая Е. А. Кудрявцевой 64
Оля — см. Кузмина Ольга
ОРЛОВ В. Н. 443
ОРЛОВА, посетительница «реферата» М. Л. Гофмана 21 ноября 1906 г.; скорее всего — Александра Иосифовна Орлова (урожд. Бедункевич, во втором браке Лукьянчикова; 1876—?), учительница 274, 281, 324
ОРШЕР О. Л. 538
ОСТАФЬЕВ Н. Р. 512
ОСТРОВСКИЙ А. Н. 447
ОСТРОУМОВА (в замужестве Лебедева) Анна Петровна (1871—1955), художница 248, 266, 279, 285, 293, 357—358, 397, 415, 428, 466, 489—490
ОСЬМУШНИКОВА, знакомая Мошковых 120
ОФРЕН (наст. имя Жан Риваль [Aufresne; Jean Rival]; 1720—1804), французский актер; в 1785 г. приехал в Петербург, где служил в труппе французского театра, преподавал декламацию в Шляхетском сухопутном кадетском корпусе 267
ОФФЕНБАХ Ж. 475

ПАВЕЛ I (1754—1801) 47, 54
Павел, пастух в Окуловке 374
Павел, швейцар дома на Таврической, 25 225, 431, 485
Павел, банщик с Бассейной 137
Павел Павлович — см. Конради П. П.
Павлик — см. Маслов П. К.
ПАВЛОВ, купец, знакомый Г. М. Казакова 109, 141
ПАВЛОВА Анна Павловна (Матвеевна) (1881—1931), балерина 236, 397, 430, 558
ПАЛЕСТРИНА 462
ПАЛКИН 429, 554
Паля, знакомый Мошковых в Удельной 351
ПАНКРАТЬЕВ Георгий (Жорж), юнкер, застрелившийся зимой 1906 г. в Казани 197
ПАНОВ Сергей Николаевич (ок. 1876—1917), художник, гимназический товарищ А. А. Кондратьева, оформлявший обложки его книг 341
ПАРФЕНИЙ 470
ПАУЛЬ Б. 454
ПАШИНСКАЯ Е. Ф. 536
ПАШКОВ В. А. 453
ПАШКОВЫ, возможно, семья И. А. Пашкова, владельца иконописной мастерской на Малой Охте 105, 447
ПАЭР (Paër) Фердинандо (1771—1839), итальянский композитор 386
ПЕВЦОВЫ, супруги, знакомые Кузмина 185
ПЕЙКЕР Александра Ивановна, дочь Марии Григорьевны Пейкер, сторонницы секты «пашковцев», издательницы журнала «Русский рабочий»; издавала журнал по-

сле смерти матери с 1881 г. по 1886 г. 272
ПЕРЕМИЛОВСКИЙ Владимир Владимирович (1880—?), студент Петербургского университета, переводчик, близкий приятель А. М. Ремизова 425, 438
ПЕРЕПЛЕТЧИКОВ Василий Васильевич (1863—1918), живописец 312
ПЕРЕЯСЛАВСКИЙ Ю. — см. Носарь Г. С.
ПЕРУДЖИНО 448
ПЕРХИН В. В. 441, 443, 447, 453, 455, 464, 466, 480, 482—483, 496—497
ПЕТИПА М. И. 487
ПЕТИПА М. М. 476
ПЕТР, монах с Валаама 96
Петр, банщик с 4-й Рождественской 146
Петр, банщик с 5-й линии Васильевского Острова 151, 418
Петр Самсоныч — см. Макаров П. С.
ПЕТРАРКА Франческо (1304—1374) 39, 447
ПЕТРОВ, домовладелец, посетитель Таврического сада 180
ПЕТРОВ В. Н. 10, 17
ПЕТРОВ Григорий Спиридонович (1868—1925), популярный в кругах интеллигенции начала XX в. публицист, священник. Депутат Второй Государственной Думы; в январе 1908 г. указом Синода за общественную деятельность лишен сана 72, 275, 456
ПЕТРОВСКАЯ (в замуж. Соколова) Нина Ивановна (1879—1928), писательница 312, 399, 408—409, 426, 548—550, 556
Петроний — «гафизитское» прозвище В. Ф. Нувеля
ПЕТРОНИЙ Гай 557
ПЕЧЕРСКИЙ Андрей (Мельников Павел Иванович; 1819—1883), писатель 272, 460
ПИКАР (возможно, прозвище) студент, посетитель А. П. Воротникова 422
ПИЛЬСКИЙ Петр Моисеевич (1876—1941), литературный критик, прозаик, журналист 324, 326, 338—339, 349, 351, 353, 364, 392, 394, 396—397, 427, 513, 545—546
Пима, посетитель Таврического сада 172
ПИНТУРИККЬО 448
ПИСАРЕВ, купец, знакомый Г. М. Казакова 108, 307
ПИСАХОВ Степан Григорьевич (1879—1960), архангелогородский писатель (?) 98
ПЛАТЕР, посетитель ресторана «Вена»; видимо, его можно отождествить со знакомым К. А. Сомова в это время 435
ПЛЕХАНОВ Георгий Валентинович (1856—1918), деятель социалистического движения, публицист 187
ПО (Poe) Эдгар Аллан (1809—1849) 110, 382—383, 385—387
ПОБЕДОНОСЦЕВ Константин Петрович (1827—1907) 64, 68, 74, 195
ПОБЕДОНОСЦЕВА Екатерина Александровна, жена К. П. Победоносцева 74
ПОГОДИН Михаил Петрович (1800—1875), писатель, историк, археолог, журналист 369
ПОДГУРСКАЯ (в письмах Кузмина к Г. В. Чичерину — Подгорская) Ксения, знакомая Кузмина в молодости 270
ПОДКОПАЕВА Ю. Н. 443
ПОЗНЯКОВ Сергей Сергеевич (1889—1945?), литератор-дилетант, знакомый Кузмина; ему посвящены роман «Нежный Иосиф» (1909 г.) и ряд стихотворений 429—438
ПОКЛЕВСКИЙ-КОЗЕЛЛ («студент», «мой студент»), сын Викентия Альфонсовича Поклевского-Козелл, члена Государственного Совета, впоследствии посла России в Румынии 328—337, 339—340, 342—343, 352, 361—362, 367, 370, 389, 395, 397, 399—400
ПОКРОВСКАЯ (урожд. Ламанская) Екатерина Ивановна, жена И. В. Покровского 101

ПОКРОВСКИЙ Иван Васильевич, композитор, пианист 52, 54—56, 65, 99, 101, 229, 356
ПОКРОВСКИЙ Корнелий (у Кузмина: Корнилий) Павлович (1891—1938), гимназист, поклонник творчества Кузмина; после революции — инженер-электрик, близкий человек к семье А. Д. и С. Э. Радловых; покончил с собой в разгар репрессий 411—412, 421, 424, 428—432, 434, 550
ПОКРОВСКИЙ (ум. 1906), знакомый Чичериных 250
ПОКРОВСКИЕ 101
ПОЛЕТАЕВ, студент, участник митинга старообрядцев 73
Полина, служанка Каратыгиных (?) 103
Полина Ивановна, продавщица с 8-й Рождественской 98, 119, 123
ПОЛИЩУК Е. С. 517
ПОЛОЗОВ Алексей Михайлович, штаб-ротмистр Лейб-гвардии Драгунского полка (?) 80
ПОЛОЦКАЯ, приятельница Л. Н. Вилькиной 290
ПОЛУТИН, служащий Г. М. Казакова 112
ПОЛЯКОВ Сергей Александрович (1874—1943), переводчик, журналист, меценат, владелец издательства «Скорпион», издатель журнала «Весы» и альманаха «Северные цветы» 113, 120, 177, 217, 249, 254, 276, 312—315, 461, 481, 538, 541
ПОЛЯКОВЫ (два Поляковых), гости З. А. Венгеровой и Л. Н. Вилькиной 276, 364
ПОМАДКИН Кеня (Кена), знакомый Кузмина по Удельной 379
ПОМЕРАНЦЕВ, посетитель московского Литературно-художественного кружка 312
ПОМЕРАНЦЕВ, неустановленное лицо 431
ПОМПАДУР (Pompadour), маркиза де; наст. имя Жанна-Антуанетта Пуассон (1721—1764) 196
ПОПОВ Михаил Васильевич, владелец книжного магазина на Невском пр., 66; издатель альманаха «Белые ночи»; в кругу знакомых литераторов был прозван Гогой 348, 351, 356—357, 396—399, 431, 522—523, 531
ПОПОВА, библиотекарша в Окулов ке и знакомая Кузмина и Мош ковых в Петербурге 345, 387
ПОТЕМКИН Петр Петрович (ППП; 1886—1926), поэт, впоследствии сотрудник журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон» 262, 266, 274—275, 278, 280, 282, 317—318, 320, 323—326, 330—331, 333, 335, 338—342, 344—349, 354, 357—359, 361—365, 369, 371, 373, 394—398, 409, 429, 433, 435, 495, 498, 500—501, 507, 509, 511—512, 517, 519—520, 522—523, 526, 531
ПРЕВО (Прево д'Экзиль) А. Ф. 476, 526
Прокофий (правильно — Прокопий) Степанович — см. Мошков П. С.
ПРОНИН Борис Константинович (1875—1946), помощник режиссера и артист Театра В. Ф. Коммиссаржевской, впоследствии режиссер-распорядитель Дома Интермедий, основатель литературно-артистических кабаре «Бродячая собака», «Привал комедиантов», «Мансарда», «Странствующий энтузиаст» 265, 277, 294, 327, 353, 499
ПТИ (Petit) С. Г. 498
Птичка — см. Фогель
ПУГАЧЁВ Е. И. 453
ПУНИ Ц. 553
ПУРИШКЕВИЧ В. М. 452
ПУТЦ (или ПУЦ) Владимир Алексеевич, гимназист 189, 223, 227, 305, 337, 337—339, 351, 363, 411
ПУЧЧИНИ Джакомо (1859—1924) 50
ПУШКИН Александр Сергеевич (1799—1837) 54, 199, 205—206, 212, 219, 273, 286, 291, 369—371, 375—376, 380, 387, 389—390, 393, 419, 427, 482—483, 537, 544, 557
ПФИЦНЕР (у Кузмина: Фицнер) Ганс (1869—1949), немецкий композитор, эпигон Р. Вагнера 68

ПШИБЫШЕВСКИЙ Станислав (1868—1927), польский писатель 35, 498
ПЫЗИН В. А. 443
ПЬЕРНЕ (Pierne) Анри Констан Габриэль (1863—1937), французский композитор, дирижер, органист 226
ПЯСТ (Пестовский) Владимир Алексеевич (1886—1940), поэт, переводчик, мемуарист 216, 266, 274—275, 278, 291, 318, 322, 325, 335, 341, 361, 443, 485, 494—495, 500—501, 512, 523, 537

РАВЕЛЬ (Ravel) Морис Жозеф (1875—1937) 229, 239, 486
РАДКЛИФ А. 501
РАДЛОВА А. Д. 16
РАКИТИН (наст. фамилия Ионин) Юрий Львович (1880—1952), актер, режиссер 404
РАМО (Rameau) Жан Филипп (1683—1764), французский композитор и теоретик музыки 234, 242, 294, 336, 339, 353, 396
РАПП Лидия Юдифовна — см. Бердяева Л. Ю.
РАППОПОРТ (Раппапорт) Виктор Романович (1889—1943), режиссер, драматург 361—362, 435
РАТГАУЗ М. Г. 17
РАФАЛОВИЧ Сергей Львович (1875—1943), поэт и прозаик 266, 276, 279, 282, 304, 332, 379, 505, 537
Рахиль Семеновна, владелица дачи в Васильсурске, которую летом 1906 г. снимали Мошковы 130, 195, 197, 206
РАЧАЛЕВ, гимназист (?) 422
РЕВИЦЕР, соседи по даче в Окуловке 370, 373, 379, 383
РЕВИЦЕР Ваня, знакомый по Окуловке 378
РЕВИЦЕР Володя, ученик реального училища в Петербурге, брат предыдущего 370, 378
РЕГЕР (Reger) Макс (1873—1916), немецкий композитор, органист, теоретик музыки 50, 58, 66, 102, 146, 216, 229, 449, 486
РЕДСТОК Г. 453
РЕЙНХАРДТ М. 522
РЕЙТЕР В. Н. 495, 546
РЕМИЗОВ Алексей Михайлович (1877—1957) 102, 155, 163, 232, 234, 244—247, 258, 278, 281—282, 285, 289, 303, 309—311, 315, 317, 320—321, 323—326, 328, 333—334, 339, 341, 345, 347, 353—354, 357, 360, 383, 391—392, 398—400, 405, 415, 421, 424—429, 459, 468, 472—473, 486, 489—490, 492, 498, 500, 501, 504, 506—507, 510—511, 515—517, 519—521, 524, 533, 539, 545, 552, 554, 556—558
РЕМИЗОВА Наталья Алексеевна (1904—1943), дочь Ремизовых; жила у родственников матери на Украине 246
РЕМИЗОВА (урожд. Довгелло) Серафима Павловна (m-me Ремизова, толстая дама; 1876—1943), жена А. М. Ремизова 156, 163, 232, 239, 245, 247, 274, 278, 285, 287, 303, 309, 315, 321, 333, 339, 341, 344—345, 353—354, 360—361, 395, 425, 427—429, 436, 486, 491—493, 500, 506
РЕМИЗОВЫ А. М. и С. П. 155, 217, 246—247, 253, 254, 256, 258, 266, 278, 284—285, 287—288, 301, 303, 306, 309, 314, 320, 323, 325—326, 328, 333—334, 338—341, 345, 348, 350, 353—354, 356, 360—361, 364—365, 398, 417, 419, 423, 425, 433, 436, 492, 498, 506, 512
РЕПИНЫ, посетители Верховских 423
РЕПИНСКИЙ, гимназический товарищ Кузмина 40, 270
РЕРИХ Н. К. 452, 507
РИД Томас Майн (Майн-Рид; 1818—1883) 388, 543
РИМСКИЙ-КОРСАКОВ Николай Андреевич (1844—1908), композитор, профессор Петербургской консерватории 54, 270, 447, 451, 456, 465, 483, 484, 547
РИТМАН, приятель Кузмина 400
РОГОВ, студент, знакомый Мошковых 310

РОДИОНОВА Вера, подруга Варвары Машковой, сестры Кузмина 357
РОЗАНОВ Василий Васильевич (1856—1919) 282, 288, 314, 322—324, 333, 343, 497, 508, 512, 517, 521
РОЗОВ Василий Владимирович, частный поверенный, ведший дело по наследству Кузмина и его тети, знакомый Мошковых (?) 108—109, 111, 116
РОМАНОВЫ (компания Романовых), знакомые С. А. Ауслендера и Кузмина 33, 36
РОСЛАВЛЕВ Александр Степанович (1883—1920), прозаик, поэт 102
РОССИ (Rossi) Адамо, итальянский искусствовед и историк, автор книг о Данте, Перуджино, Пинтуриккио 49, 448
РОССИНИ (Rossini) Джоакино Антонио (1792—1868) 178, 218—219, 225, 267—268, 386, 393, 413, 477—478, 484—485, 536
РОСТОВЦЕВЫ: Михаил Иванович (1870—1952), историк античности, археолог; его жена Софья Михайловна (урожд. Кульчицкая; 1878—1963) 357
РОЧЕСТЕР — см. Крыжановская В. И.
РУБЕНС Петер Пауль (1577—1640) 249
РУБИНШТЕЙН А. Г. 454
РУБЦОВА Наталья, посетительница ресторана «Россия», знакомая С. Г. Каткова 159
РУДНИЦКИЙ К. Л. 443, 494, 496, 498, 503, 513, 549
РУЗАНОВ А. Н. 471
РУКАВИШНИКОВ Иван Сергеевич (1877—1930), поэт, прозаик 263, 338, 431, 539—540, 558
РУКАВИШНИКОВА Ольга Петровна, знакомая Тамамшевых 225, 228, 236, 265, 395
РУМИ Дж. (Эль-Руми) 174, 474
РУСАНОВ Ф. Ф. 471
РУСЛОВ Владимир Владимирович (ум. 1929), московский гимназист, знакомый С. П. Дягилева, завязавший заочное знакомство по переписке с Кузминым, впоследствии поэт и переводчик, коллекционер 397, 420, 422, 424, 426, 430—432, 458, 476, 506, 538, 550, 554, 556—558
РУССО Ж.-Ж. 441
РУТКОВСКАЯ Марта Феликсовна, актриса императорских театров 430
РЫНДИНА Л. Д. 505
РЫНДИНА М. Э. 549
РЯБУШИНСКИЙ Николай Павлович (1876—1951), издатель журнала «Золотое руно», миллионер-меценат, литератор и художник-дилетант 284—285, 289, 310, 313—314, 323, 328, 337, 339, 370, 393, 397—398, 402—404, 459, 481, 507—508, 511, 518, 529—530, 544, 546—547
РЯБУШИНСКИЙ Павел Петрович (1871—1924), глава Т-ва мануфактур П. М. Рябушинского с сыновьями (с 1900 г.), фабрикант, банкир и политический деятель, владелец бумажной фабрики в Окуловке (?) 369—370, 377, 456

САБАШНИКОВА Маргарита Васильевна (1882—1974), художница, поэтесса, первая жена М. А. Волошина 245, 251, 254, 266, 291, 310, 315, 318, 320—322, 324, 328, 331, 333, 337, 339, 348, 488, 495, 498—499, 510—511, 514, 518, 523—524
САБУРОВА Софья Васильевна, возможно, жена сенатора А. А. Сабурова, председателя Комитета Российского общества защиты женщин 73
САВИНА М. Г. 452
САД Донасьен Альфонс Франсуа, маркиз де (1740—1814) 223, 535
САДОВСКОЙ Б. А. 452, 491, 507, 512, 532
САЗОНОВ Аркадий Александрович, артист императорских театров, оркестрант Мариинского театра 364

САЗОНОВА-СЛОНИМСКАЯ (урожд. Слонимская) Юлия Леонидовна (1887—1957), литературный и театральный критик, литератор 364
САККИНИ (Sacchini) Антонио (1730—1786), итальянский композитор 386
САЛЛЮСТИЙ Крисп, Гай (84—34 до Р. Х.), римский историк, проконсул Африки при Юлии Цезаре 369
САЛУТАТИ (Salutati) Колуччо ди Пьетро (1331—1406), итальянский гуманист, канцлер Флорентийской республики 53
САМОЙЛОВ, знакомый Кузмина 42
Самсон, англичанин-теннисист 181
САНД Жорж (наст. имя Аврора Дюдеван; 1804—1876), французская писательница 30
САНДЕРС, супруги, знакомые Кузмина и Коровиных 172, 179
САНДУЛЕНКО Александр Прокофьевич, чиновник Департамента окладных сборов, любитель музыки 326, 407
САНЖАРЬ Н. Д. 525
САНИН (Шенберг) Александр Акимович (1869—1955), режиссер 399
САПУНОВ Николай Николаевич (1880—1912), живописец, театральный художник 113, 240, 246, 265, 275, 277—280, 282—285, 289—295, 301—311, 314—321, 323—324, 328—330, 375, 389, 398, 400, 402, 404, 409, 476, 491, 493—494, 498, 501, 507, 512, 534, 543
САФОНОВ В. И. 508
САХАРОВ Виктор Викторович (1848—1905), генерал-адъютант, военный министр; убит в Саратове 22 ноября 1905 г. эсеркой А. А. Биценко 74, 457
САЦ Илья Александрович (1875—1912), композитор, писал музыку для спектаклей МХТ и театра В. Ф. Коммиссаржевской 313
Саша — см. Броскин А. И.
Саша, сосед по Окуловке 378, 380, 383
Сашурок, посетитель Званцевых 433
СВЕРЧКОВ Д. Ф. 456, 477
СВЕТОНИЙ 449
СВЕШНИКОВА А. Н. 443
СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ Дмитрий Петрович, кн. (Principino; 1890—1939), гимназист 1-й Петербургской гимназии (прежде учился в Катковском лицее в Москве), впоследствии — поэт, критик и историк литературы 358, 411, 419, 422—423, 426, 428—429, 432—433, 438, 511, 526, 550, 558
СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ Петр Дмитриевич, кн. (1857—1914), генерал, министр внутренних дел в авг. 1904 г.—янв. 1905 г., отец Д. П. Святополка-Мирского 211, 430—431
СЕВАСТЬЯНОВ Николай Севастьянович, мастер-живописец, знакомый Кузмина по Удельной (?) 78
СЕВЕРАК (Severac) Деода де (1872—1921), французский композитор 174, 229, 406, 486
СЕВЕРОВЫ, знакомые юности Кузмина 32
СЕВИНЬЕ (Sevigne) Мари де Рабутен-Шанталь де (1626—1696), французская писательница 135
СЕЛЕЗНЕВ Л. А. 17
СЕЛИВАНОВ К. 513
СЕМЕНОВ (Семенов-Тян-Шанский) Леонид Дмитриевич (1880—1917), поэт, товарищ А. А. Блока по университету. В 1905—1906 гг. активный революционный деятель, с 1907 г. занимается крестьянским трудом, впоследствии оставил литературу (?) 293, 316, 450
СЕМИЧЕВА, СЕМИЧЕВЫ, знакомые Е. Н. Званцевой 337, 363—364
СЕНАНКУР Э. де 553
СЕН-ЖЕРМЕН, граф (ум. 1784), алхимик и авантюрист; в начале 1760-х г. жил в России; друг фаворитов Екатерины II братьев Орловых 142, 241

СЕНИЛОВ Владимир Алексеевич (1875—1918), композитор, автор романсов на стихи символистов 102, 229, 233, 241, 251, 254, 256, 258, 339, 428—429, 486—487, 558
СЕН-САНС (Saint-Saens) Камиль (1835—1921), французский композитор 229, 447, 486
Сенька — см. Катков С. Г.
СЕНЯВИН (Синявин) Александр Аполлонович, гимназический товарищ Кузмина 36—37, 40, 173, 270, 346
СЕРАО Матильда (1856—1927), итальянская писательница 292
СЕРАФИМОВИЧ А. С. 511, 520, 525
СЕРВАНТЕС СААВЕДРА Мигель де (1547—1616) 382
СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ Сергей Николаевич (1875—1958), прозаик 317, 353, 383, 509, 524
Сергей (Сергей Михайлович), служащий Г. М. Казакова 28, 30, 34, 96, 209
Сергей — см. Шварсалон С. К.
Сергей Сергеевич — см. Позняков С. С.
Сережа — см. Ауслендер С. А.
СЕРОВ Валентин Александрович (1865—1911), художник 47, 186, 256, 258, 292, 397, 400, 462
СИБЕЛИУС (Sibelius) Ян (1865—1957), финский композитор 260
СИВЕРС, знакомые Мошковых 46, 50, 66, 112, 216—217, 335
СИДОРОВ Ю. А. 532
СКАРЛАТТИ (Scarlatti) Алессандро (1660—1725), итальянский композитор 278
СКАРСКАЯ (урожд. Коммиссаржевская) Надежда Федоровна (1867—1958, актриса, сестра В. Ф. Коммиссаржевской, жена П. П. Гайдебурова 305
СКОТТ Вальтер (1771—1832) 268
СКРОБОТОВ Николай Александрович, редактор «Петербургского листка», коллекционер икон 28, 446, 463
СКРЯБИН Александр Николаевич (1871/72—1915) 229, 486
СЛЕЗКИН Юрий Львович (1885—1947), писатель; в 1910 г. окончил Санкт-Петербургский университет 427
СЛОНИМСКАЯ, посетительница З. А. Венгеровой (возможно, Ю. Л. Сазонова-Слонимская) 364
СМИРНОВ, СМИРНОВЫ, знакомые Г. М. Казакова («два Смирнова») 75, 107, 110, 123
СМИРНОВ Александр Александрович (1883—1962), поэт, впоследствии литературовед и переводчик 246, 322, 333, 494
СМИРНОВ Дмитрий Алексеевич (1882—1944, по др. данным 1870—1942), певец, тенор (в дневнике назван «баритоном»), солист Большого театра (?) 399
СМОЛЕНСКИЙ Степан Васильевич (1848—1909), знаток крюкового пения, музыковед, палеограф и хоровой дирижер; в 1888 г. разработал систему перевода крюков на линейные ноты 272, 294
СМУРОВ С. А. 174, 475
СОБИНОВ Леонид Витальевич (1872—1934), певец 33
СОБОЛЕВ А. Л. 524
СОКОЛОВ Александр Алексеевич (ум. 1913), журналист, артист (?) 265, 284
СОКОЛОВ И. С. 485
СОКОЛОВ (псевд. Кречетов, прозвище «Гриф») Сергей Алексеевич (1878—1936), поэт, владелец изд-ва «Гриф», издатель журнала «Перевал» 115, 241, 245, 328, 378, 382, 398, 451, 459, 488, 533, 537, 539, 548
СОКОЛОВА Вера Николаевна, знакомая Верховских 56, 104, 151, 321
СОЛОВЬЕВ Владимир Сергеевич (1853—1900) 320
СОЛОВЬЕВ Николай Феопемптович (1846—1916), композитор, профессор Петербургской консерватории, учитель Кузмина 270
СОЛОВЬЕВ Сергей Михайлович (1885—1942), поэт 255, 369, 530—531, 559

СОЛОВЬЕВА (псевд. Allegro) Поликсена Сергеевна (Голубая Соловьева; 1867—1924), поэтесса, издательница детского журнала «Тропинка» 102, 228, 230, 263—264, 302, 304—306, 308—309, 315—317, 320, 343, 348, 498, 505—506, 511, 523

СОЛОГУБ (наст. фам. Тетерников) Федор Кузьмич (1863—1927) 102, 203, 216, 218, 228, 231—232, 237, 240, 246, 251, 255—256, 262, 265—266, 275, 280, 287—288, 291, 293, 304, 307—308, 311, 314, 317, 320, 322, 324—325, 331, 335, 337—338, 341—342, 344, 347, 353—354, 363, 388, 394, 396, 398, 424, 442, 459, 468, 482, 484, 486, 488, 490—491, 493, 495, 500—502, 504—507, 509, 511, 513, 518, 520, 522, 524, 526, 528, 533—535, 539, 543—548, 558

СОЛОГУБЫ — Ф. Сологуб и его сестра О. К.Тетерникова 260

Соломон — «гафизитское» прозвище Н. А. Бердяева (см. также Ассаргадон)

СОЛОНОВИЧ Е. М. 447

СОЛЮС, соседи по Окуловке 373, 377—378, 381, 383, 385—386, 388, 391—393

СОМОВ Андрей Иванович (1830—1909), отец К. А. Сомова; с 1886 г. и до конца жизни — старший хранитель Эрмитажа 175, 227, 232, 235—236, 238, 248—249, 257, 306, 401, 418, 426, 478

СОМОВ Константин Андреевич (1869—1939) 52, 54—57, 59, 102, 109, 124, 132—133, 136—137, 139—141, 143, 145—148, 150, 152—153, 155—157, 159—160, 162—163, 165—166, 168—169, 171, 173—176, 178—181, 183, 186—189, 191—194, 196, 200, 203—205, 208—219, 221—251, 253—259, 261—262, 264, 266—267, 274, 276—283, 285—290, 292—294, 302—304, 306, 309—310, 314—315, 317—320, 322—323, 325, 327—329, 331—333, 335—337, 340, 342—343, 345—355, 357—359, 361—365, 378, 388, 393, 395—402, 405—408, 411—417, 419—430, 433—436, 438, 441, 443, 449, 462, 466—472, 474—476, 478—480, 482—483, 485—490, 492, 494—499, 502, 506—507, 509, 511, 513, 515, 518, 520, 523—524, 528—529, 534, 547—548, 552—553, 555—556, 558

СОМОВА (в замуж. Михайлова) Анна Андреевна (1873—1945), сестра К. А. Сомова 175, 193, 253, 288, 337, 343, 424, 474, 478

СОМОВА (урожд. Цемирова) Евгения Владимировна, жена брата К. А. Сомова 235, 248, 337

СОМОВА (урожд. Лобанова) Надежда Константиновна (1835—1906), мать К. А. Сомова 153, 159, 474

Софья Васильевна — см. Чичерина С. В.

СРЕДИНА, посетительница Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (возможно, жена художника А. В. Средина) 329

СРЕДНИКОВ, парикмахер 249

СТАЛИН И. В. 18

СТАНИСЛАВСКИЙ (наст. фам. Алексеев) Константин Сергеевич (1863—1938) 262

СТАРОДВОРСКИЙ Н. П. 492

Стася, знакомый С. П. Дягилева, «тапетка» из Таврического сада 168

Степан, служащий Г. М. Казакова — см. Ефремов С. Л.

Степан, банщик с 5-й линии Васильевского Острова 151

Степан, банщик с 9-й линии Васильевского Острова 343, 393, 398, 415

СТЕРН Лоренс (1713—1768), английский писатель 409

СТРАНДЕН Дмитрий Владимирович, теософ 434

СТОЛИЦА (урожд. Ершова) Любовь Никитична (1884—1934), поэтесса, прозаик 313

СТОЛИЦА Сергей Евгеньевич, гимназический товарищ Кузмина 33, 270

СТОЛЫПИН А. А. 546

СТОЛЫПИН Петр Аркадьевич (1862—1911) 192, 530
СТРУВЕ Петр Бернгардович (1870—1944), экономист, публицист, общественный деятель 161, 313, 474, 521, 523
СТУПИНСКИЙ, СТУПИНСКИЕ, знакомые Кузмина и Мошковых 79, 82, 96, 106, 108, 131, 136, 219, 221, 247, 291, 335
СУВОРИН А. С. 525
СУВОРОВА К. Н. 442—443, 491, 498—499, 501, 509—510, 539—541, 543, 547, 553
СУДЕЙКИН Георгий Порфирьевич (1850—1883), жандармский офицер, подполковник; убит народовольцами 257, 282, 492
СУДЕЙКИН Сергей Юрьевич (Георгиевич; 1882—1946), сын Г. П. Судейкина 6, 11, 240—241, 246, 248—267, 273—294, 303—304, 307—311, 320, 334, 341—342, 346, 379, 404—405, 422, 436, 491—492, 494—496, 499, 501—504, 520, 537
СУДЕЙКИНЫ — С. Ю. Судейкин и О. А. Глебова 301
СУДОВСКИЙ Н. Д., СУДОВСКИЕ, родственная ветвь фамилии Судейкиных 256
СУМАРОКОВ-ЭЛЬСТОН — см. Юсупов Ф. Ф.
СУРЕНЬЯНЦ Вардкес Акопович (1860—1921), живописец, график, театральный художник и переводчик 281, 295, 302, 304
Сысой, полотер 99, 113, 135, 138, 210, 230
СЫТИН 455
СЮННЕРБЕРГ В. М. 493
СЮННЕРБЕРГ (псевд. Эрберг) Константин Александрович (1871—1942), поэт и художественный критик 161, 240—241, 265—266, 294, 322, 325, 329, 351, 375, 413, 462, 484, 493, 516, 524, 534
СЮННЕРБЕРГ (супруги) 498, 506—507, 509, 513, 520, 522

ТАБЕЛЬСКАЯ, неустановленное лицо 431
ТАИРОВ (Корнблит) Александр Яковлевич (1885—1950) 320
Таисия Алипьевна, сестра Татьяны Алипьевны, «арзамассая барышня» 206
ТАМАМШЕВ Александр Артемьевич (1888—1940), поэт, гимназический приятель С. А. Ауслендера 112, 120—121, 135—136, 139, 146, 149, 216—217, 225, 234, 241, 251, 255, 259, 262, 275, 282, 316, 321, 327, 335, 337—338, 340, 353, 404—407, 410—411, 413, 421, 423, 427—428, 430, 433, 435
ТАМАМШЕВ (старший Тамамшев), отец А. А. Тамамшева (?) 349
ТАМАМШЕВА Нина Артемьевна, сестра А. А. Тамамшева, вместе с сестрой Софьей составила сборник стихов «Утренняя звезда» (1913), куда включила стихи символистов 225
ТАМАМШЕВЫ 129, 229, 237, 254, 263, 287, 294, 324, 334, 338, 343, 349, 353—354, 357, 361, 401—402, 405, 417, 422, 424, 428, 431
Таня (возможно, Тоня), прислуга Чичериных 96, 189
ТАРАСОВ Евгений Михайлович (1882—1943), поэт 333
Тарасович, знакомый Г. М. Казакова 104
ТАРТАКОВ Иоаким Викторович (1860—1923), оперный артист (?) 301
ТАСТЕВЕН Генрих Эдмундович (1880—1915), критик, сотрудник и секретарь редакции «Золотого руна» 311, 369, 397—398, 507, 529, 556
Татьяна, прислуга Званцевых 401
Татьяна Алипьевна («арзамасская барышня»), знакомая Мошковых; гостила у них в Петербурге и в Окуловке, жила в Васильсурске 181, 200, 203—205, 301, 380, 384—387, 390
Татьяна Васильевна (Танька), проститутка, содержавшаяся А. М. Брокиным 127—128, 130—133, 148—149

ТАУБЕ Михаил Фердинандович, бар., статский советник, инженер путей сообщения; член Главного совета «Союза Русского народа», член совета Русского Собрания; двоюродный брат баронессы С. И. Таубе (?) 77—78
ТАУБЕ (Аничкова) Софья Ивановна, бар. (1880—1957), журналистка, прозаик, поэтесса, редактор журналов «Весь мир» и «Альманах», сотрудница газеты «Новое время»; вероятно, она — «баронесса Таубе», упоминаемая Кузминым как соседка по даче в Васильсурске 178
ТЕНИШЕВ, кн. (?), «клиент» А. И. Корчагина 111
ТЕРЕНТЬЕВ П. И. 463
ТЕРНАВЦЕВ Валентин Александрович (1866—1940), чиновник Синода, церковный публицист 209, 217, 243, 319
ТЕРНАУ, знакомый Чичериных 294
ТЕСТОВ И. Я. 312, 508
«Тетя» — см. Кузмина В. П.
ТИК Людвиг Иоганн (1773—1853), немецкий писатель 184, 270
ТИМЕНЕВ А. А. 547
ТИМЕНЧИК Р. Д. 502
ТИМОФЕЕВ А. Г. 14, 18, 444, 447, 466, 473, 493, 496, 542
Тимофей, знакомый Г. В. Муравьева и Кузмина 39
Тимофей, банщик с 9-й линии Васильевского Острова 142
Тимофей, дворник 62
ТИХОМИРОВ, купец, знакомый Г. М. Казакова 41, 48, 218
ТИШИН Дмитрий Павлович, присяжный поверенный и стряпчий 48
ТОЛСТИКОВ Иван, художник-иконописец 98, 105
ТОЛСТОЙ А. К. 485
ТОЛСТОЙ Алексей Николаевич, гр. (1883—1945) 399, 431
Толя (Балуев?), родственник В. П. Кузминой, жил в Удельный 394, 408
ТОМА А. 446
ТОМА Ганс (1839—1924), немецкий живописец и график 133
ТОМИЛИН Михаил Яковлевич, петербургский знакомый Кузмина и Мошковых, сосед по Окуловке 136, 365
ТОНЧИ Николай Иванович (1756—1844), итальянский живописец и поэт, работал в России 47
Тоня — см. Кудрявцевы
Тоня — см. Таня, прислуга Чичериных
ТОРОВАТЫЙ (Тароватый) Н. Я. 459
ТОРОПИНЫ, знакомые П. С. Мошкова в Хилино 118
ТРЕГУБЕНКО Яков Иванович (род. ок. 1831), ямщик, знакомый П. С. Мошкова 86, 117
ТРЕПОВ Д. Ф. 451, 458, 477
ТРЕФИЛОВИЛОВ А., старообрядец из Москвы, знакомый Г. М. Казакова 104
ТРОЙНИЦКИЙ Сергей Николаевич (1882—1948), сотрудник Эрмитажа с 1908 г. по 1932 г. (в 1917—1927 гг. — директор); автор многих трудов по прикладному искусству, сотрудник журнала «Старые годы» 317, 330, 350, 360, 418, 506—507
ТРОПОВСКИЙ Евгений Наумович (1870—1942), член Императорского Русского театрального общества, переводчик 282, 286, 525
ТРОЦКИЙ (в 1930-е гг. Воложский) Сергей Витальевич (1880—1942), литератор-дилетант; малороссийский помещик, друг Вяч. Иванова 290, 306, 321, 328—329, 334, 336, 339, 505—506
ТРОЯНОВСКИЙ Иван Иванович (1855—1928), коллекционер живописи и художник 328, 394
ТРОЯНСКИЙ П. Н. 468
ТРУБЕЦКОЙ Сергей Николаевич, кн. (1862—1905), философ, публицист, общественный деятель, первый выборный ректор Московского университета (1905 г.) 50, 448
ТРУБЕЦКОЙ 540
ТРУБНИКОВ Александр Александрович (1883—1966), писатель, ху-

дожественный критик, сотрудник Эрмитажа 309—311, 315, 317, 330, 335, 351, 365, 396—397, 419, 506
ТРУБНИКОВЫ, соседи Мошковых по Окуловке, владельцы усадьбы 367, 388—389, 392
ТРУНОВ, мастер-иконописец, служащий Г. М. Казакова 98, 347
ТРУСОВ Иван Сергеевич, букинист 116—117, 119, 463
ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ Михаил Иванович (1865—1919), экономист 216
ТУРГЕНЕВ Иван Сергеевич (1818—1883) 320
ТУШИНСКИЙ ВОР (Лжедмитрий II) 452
ТЫШКЕВИЧ, петербургская «тапетка» 331
ТЭФФИ (урожд. Лохвицкая, в замужестве Бучинская Надежда Александровна; 1872—1952) 102, 325, 354, 501, 505—506, 509, 511, 513, 515— 516, 520, 522
ТЮЛИН Дмитрий Матвеевич, торговец иконами и церковной утварью 122
ТЮЛИН Матвей Васильевич, отец Д. М. Тюлина, знаменитый в Петербурге иконописный мастер, старообрядец 119

УАЙЛЬД Оскар (1854—1900) 45, 119, 166, 171, 326, 350, 386, 510
УГРЮМОВ С. Ф. 487
УИТМЕН У. 509
УМАНОВ-КАПЛУНОВСКИЙ Владимир Васильевич (1865—1939), поэт, прозаик, переводчик, секретарь литературного кружка «Вечера Случевского» 231, 505, 522
УМАНОВЫ-КАПЛУНОВСКИЕ 495, 501
УРИЦКИЙ М. С. 463
УСПЕНСКИЙ Владимир Васильевич (1876—1930), доцент Петербургской Духовной академиич, член Религиозно-философских собраний и Религиозно-философского общества, журналист 102, 178
УТКИН, купец, знакомый Г. М. Казакова 105
Уэбстер — см. Вебстер

ФАЛЕЕВ Н. И. 509, 515, 520
ФЕДОРОВ Александр Митрофанович (1868—1949), поэт, прозаик, драматург, переводчик (?) 228, 232
ФЕДОРОВ — неустановленное лицо 142
ФЕДОРОВ, двоюродный брат Кузмина 270
ФЕОНА Алексей Николаевич (1879—1949), актер и режиссер оперетты, в 1905—1910 гг. служил в Театре В. Ф. Коммиссаржевской 241, 275, 295, 302
ФЕОФИЛАКТОВ Николай Петрович (1878—1941), живописец, график, постоянный сотрудник «Весов» 113, 156—157, 210, 213, 217, 221, 239—241, 249—256, 263—265, 278, 281, 287—288, 290, 292—293, 303, 311—313, 320, 370, 414, 471, 476, 483, 485, 488—489, 491—492, 495, 504
ФЕТ (Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820—1892) 377
ФИЛИПП, инок 461
ФИЛИПП II 499
ФИЛИППОВ Александр Иванович (1882—1942), киевский журналист, издатель журнала «В мире искусств». После революции — в эмиграции 379—380, 536
ФИЛИППОВА Екатерина Васильевна, актриса Театра В. Ф. Коммиссаржевской 287
ФИЛОСОФОВ Дмитрий Васильевич (1872—1940), литературный критик, публицист 82, 338, 361, 528, 539
Фима, прислуга Званцевых 415, 432
ФИРСОВ Коля, приятель В. В. Руслова, московский гимназист 422
ФИЦНЕР — см. Пфицнер
ФЛЕТЧЕР Дж. 524
ФЛОБЕР Г. 451
ФОГАЦЦАРО (Fogazzaro) Антонио (1842—1911), итальянский писатель 292

ФОГЕЛЬ (Птичка), приятель В. Ф. Нувеля; возможно, имеется в виду упоминаемый в дневнике «Жоржик» 181—182, 186, 188, 261, 263, 330—331, 399—400
ФОГЕЛЬ-старший («брат Птички»), брат предыдущего 181, 184—185
ФОКИН Михаил Михайлович (1880—1942), балетмейстер и танцовщик, педагог 175, 333, 406, 423—424, 426—427, 430, 487—488, 555, 558
Фома Иванович, приказчик Г. М. Казакова 230—231
ФОРШ Надежда — вероятно, сестра О. Д. Форш 54
ФОРШ Эдуард Эдуардович, педагог, музыкант (?) 265
ФРАНК (Franck) Сезар Огюст (1822—1890), французский композитор и органист 68
ФРАНК Семен Людвигович (1877—1950) 282
ФРАНКЕ, соседи по Окуловке 379
ФРАНКЕТТИ А. 448
ФРАНС (France) Анатоль (Анатоль Франсуа Тибо; 1844—1924) 31, 42, 55, 71, 446, 450, 468
ФРЕЙГАНГ Андрей Андреевич, поручик Лейб-гвардии Преображенского полка, сосед Кузмина 356
ФРЕЙД З. 8
Фрейлен, фрейлейн — см. Валерия Готлибовна
ФРОЛОВ Александр Николаевич, корнет Лейб-гвардии Конного полка; командовал эскадроном кавалерии, разогнавшим 18 октября 1905 г. манифестантов у Технологического института 60, 64, 68, 453
ФРОЛОВ, посетитель Санкт-Петербургского шахматного клуба 431
ФУЖЕЛЕ ДЕ МОНБРОН Л.-Ш. 550
ФУКЕ Фридрих де ла Мотт (1777—1843), немецкий писатель 270
ФУТИН, купец, знакомый Г. М. Казакова 50, 99, 105, 108, 211, 214—215, 230, 347

ХАГГАРД Генри Райдер (1856—1925), английский писатель 196
ХЕЙСИНА-ЩЕГЛО Л. В. 458
ХОДАСЕВИЧ Владислав Фелицианович (1886—1939) 312, 514, 546, 549
ХОДОТОВ Николай Николаевич (1872—1932), актер Александринского театра, друг В. Ф. Комиссаржевской 233, 396, 408
ХОМЯКОВ, ХОМЯКОВЫ, офицер, которому сдавали комнату Мошковы, и его семья 82, 98—99
ХРУСТАЛЕВ — см. Носарь Г. С.

ЦАРЕВСКАЯ Катя, подруга детства Кузмина 268
ЦВЕТКОВ, лесной таксатор, знакомый П. С. Мошкова 99
ЦЕНЗОР Дмитрий Михайлович (1877—1947), поэт 278, 301, 316, 328, 354, 397, 408, 539
ЦЕНСКИЙ — см. Сергеев-Ценский С. Н.
ЦЕХНОВИЦЕР О. В. 504
ЦИММЕРМАН Ю. Г. 453

ЧАЙКОВСКИЙ Петр Ильич (1840—1893) 182, 211, 434, 502
ЧАПСКИЕ, польские графы, родственники Чичериных 345
ЧАПЫГИН Алексей Павлович (1870—1937), прозаик 331
ЧЕБОТАРЕВСКАЯ Александра Николаевна (Кассандра; 1869—1925), сестра Ан. Н. Чеботаревской, переводчица, критик; близкий друг Вяч. Иванова и его семьи 147—148, 244, 357, 383, 420—424, 427, 557
ЧЕБОТАРЕВСКАЯ Ан. Н. 505, 509, 556
ЧЕЛЛИНИ (Cellini) Бенвенуто (1500—1571) 175
ЧЕРЕПНИН Николай Николаевич (1873—1945), композитор и дирижер, профессор Петербургской консерватории 301, 328, 333, 399, 407—408, 556
ЧЕРИКОВА, посетительница Верховских 423
ЧЕРНОВ («старик Чернов»), возможно, отец композитора Михаила

Михайловича Чернова (1879—1938) 99
ЧЕРТКОВ В. Г. 453
ЧЕСНОКОВ Александр Григорьевич, композитор, преподаватель Придворной певческой капеллы (?) 280, 329—330, 408
ЧЕХОВ Антон Павлович (1860—1904) 38, 368
ЧЕХОВ Михаил Александрович (1891—1955) 282, 284
ЧИМАРОЗА (Cimarosa) Доменико (1749—1801), итальянский композитор, певец, скрипач 173, 400, 422
ЧИРИКОВ Евгений Николаевич (1864—1932), прозаик, драматург 275
ЧИЧЕРИН Б. А. 551
ЧИЧЕРИН Борис Николаевич (1828—1904), философ, историк, публицист и общественный деятель; дядя Г. В. Чичерина 270
ЧИЧЕРИН В. Н. 453, 551
ЧИЧЕРИН Георгий (Юрий) Васильевич (Юша; 1872—1936), один из ближайших друзей юности Кузмина; в эмиграции с 1904 г. (в 1905 г. вступил в Германии в РСДРП, вначале примыкал к меньшевикам); впоследствии — советский дипломат, член РКП(б) с 1918 г., народный комиссар иностранных дел СССР (1923—1930) 8—9, 27, 29—30, 36, 38, 43—45, 47, 49—52, 58, 62—65, 67, 69, 74, 82—83, 89, 115, 119—120, 122, 128, 130, 133, 142, 149, 160, 191, 195, 204, 211, 214—216, 218, 269—273, 278, 282, 285—286, 288—289, 342, 351, 368, 371—372, 380, 384—385, 395, 411, 441, 443, 445—449, 451—455, 458, 460, 463—467, 470, 472, 477, 479—481, 483, 497, 510, 530, 536, 551
ЧИЧЕРИН Николай Васильевич (1865—1939), надворный советник, помощник обер-секретаря Правительствующего Сената; композитор-любитель, старший брат Г. В. Чичерина 51, 56, 58, 69, 74, 99, 115, 189, 215, 221, 235, 239, 258, 284, 286, 375, 394, 399, 445, 464—465, 518
ЧИЧЕРИНА (урожд. Мейендорф) Жоржина Егоровна (1836—1997), мать Г. В. Чичерина 310
ЧИЧЕРИНА Наталья Дмитриевна, жена Н. В. Чичерина, невестка Г. В. Чичерина 56, 65, 67, 85, 96, 114, 189, 210, 215, 235, 262—263, 282, 394, 445, 454, 465, 477, 518
ЧИЧЕРИНА (в замуж, Бобровникова) Софья Васильевна, сестра Г. В. Чичерина 69, 73, 82, 85, 96, 114, 167, 169, 210, 213, 242, 245, 252, 282, 318, 345, 357—358, 361, 411
ЧИЧЕРИНЫ Н. В., Н. Д. и С. В. 34, 37, 41—42, 44, 47, 49, 51, 64—65, 72—73, 82, 85, 87, 102—103, 106, 110, 113—114, 128—129, 134, 141—142, 147, 149, 157, 189, 196, 200, 210, 212—213, 221—222, 240, 242, 245, 252, 262—263, 265, 282, 293—294, 301, 310, 315, 318, 322, 330, 333—334, 337, 342—343, 345, 347—348, 352, 357—358, 360—361, 365, 399, 405, 407, 411, 417, 420—421, 423—424, 426, 428, 431, 433—434, 436—438
ЧИЧИНАДЗЕ, кадет 168
ЧУКОВСКИЙ Корней Иванович (Корнейчуков Николай Васильевич; 1882—1969), критик, переводчик, впоследствии — детский писатель 304, 317—318, 324—325, 347, 349, 392, 401, 507, 509—512, 514, 523, 536, 545, 548
ЧУЛКОВ Георгий Иванович (1879—1939), поэт, прозаик, критик 180, 192, 216, 230, 232, 240, 251, 260, 265, 274—275, 284, 286, 305, 314—315, 321—322, 329, 333, 337, 341—342, 344, 346—348, 350, 352, 355—357, 360, 362, 364—365, 372, 374, 379, 383, 388—389, 394, 397, 401, 413, 415, 426—428, 438, 460, 478, 484, 491, 498, 500, 509, 511, 519, 523—524, 527, 532—534, 536, 539, 541, 543—545
ЧУЛКОВА (урожд. Степанова) Надежда Григорьевна (1874—1961),

жена Г. И. Чулкова 263, 280, 344, 484
ЧУЛКОВЫ Г. И. и Н. Г. 179, 319, 413, 507, 511, 516
ЧУРИКИН Н., танцовщик, балетный критик 389, 399, 548
ЧЮМИНА О. Н. 511

ШАКЕЕВ Вячеслав Евгеньевич (Вяча Шакеев), знакомый тети Кузмина, лейтенант флота, затем служащий Главного управления кораблестроения 363
ШАКЕЕВА, знакомая В. А. Мошковой, вероятно, жена предыдущего 52, 76
ШАЛЬЕ И. А. 264, 420, 494
ШАЛЯПИН Федор Иванович (1873—1938) 399
ШАМИНАД (Chaminade) Сесиль Луиза Стефани (1857—1944), французская пианистка и композитор 356
ШАПИР Николай Львович (1879—1919), журналист и поэт 321, 323
ШВАРСАЛОН Вера Константиновна (1890—1920), дочь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака; падчерица, затем жена Вяч. Иванова 436—437, 491—492, 554, 558
ШВАРСАЛОН Константин Константинович (1892 или 1893—после 1918), пасынок Вяч. Иванова. Учился в гимназии Гуревича, затем окончил 1-й Кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище; пропал без вести на германском фронте 353, 398, 400, 428—429, 438, 523, 527
ШВАРСАЛОН Сергей Константинович (1887—1940-е), пасынок Вяч. Иванова, студент Юрьевского университета, впоследствии чиновник 226, 436—437, 486, 541
ШВЕЦОВ, офицер, посетитель Верховских 423
ШЕБУЕВ Н. Г. 458, 493, 501
ШЕКСПИР Уильям (1546—1616) 8, 36—37, 41, 47, 49, 121, 268, 273, 343, 351, 359, 415, 447—449, 524
ШЕЛЛИ П. Б. 523
ШЕРВАШИДЗЕ (Чачба) Александр Константинович (1867—1968), живописец, театральный художник 406, 409, 412, 417
ШЕРЕМЕТЬЕВ (Шереметев), гр., знакомый П. К. Маслова 176, 202, 482
ШЕРОН (Cheron) Ж. 17, 19, 442, 481, 487, 548
ШЕСТЕРКИН Михаил Иванович (1866—1907), художник 287, 312
ШЕСТОВ Лев Исаакович (настоящее имя — Иегуда Лейб Шварцман; 1866—1938), философ 213—213, 217, 484
ШИЛЛЕР Ф. 499
ШИЛОВСКАЯ-ЛЕБЕДЕВА Эмилия Леонидовна, актриса Театра В. Ф. Коммиссаржевской 277
ШИШКИН А. Б. 461, 494
ШИШМАН, кредитор тети Кузмина 255
ШИШМАРЕВ В. Ф. 520
ШМАКОВ Г. Г. 17, 553
ШОССОН (Chausson) Эрнест (1855—1899), французский композитор, последователь Р. Вагнера 68, 558
ШОТЦ, семейство соседей по Окуловке 379
ШОШИН, иконописец, служащий Г. М. Казакова 110, 188, 231
ШПИЛЕВСКИЙ, знакомый П. С. Мошкова 118
ШПИЛЬГАГЕН Фридрих (1829—1911), немецкий писатель 155
ШТЕЙН Сергей Владимирович фон (1882—1951) 341, 520
ШТЕЙНБЕРГ Георгий Михайлович фон, бар., присяжный поверенный 355—357, 359—364, 379, 526—528, 537
ШТРАУС Р. 449
ШТРУП Николай Михайлович (Мартынович, 1871—1915), музыковед, сотрудник Н. А. Римского-Корсакова, родственник И. В. Покровского 55, 101, 324, 450, 468
ШТУК Франц (1863—1928), немецкий художник, скульптор, один из

основателей мюнхенского «Сецессиона» 51
ШУБЕРТ (Schubert) Франц (1797—1828), австрийский композитор 30, 76, 81, 106, 163, 170, 182—184, 209, 267—268, 285, 288, 318, 339, 346, 368, 373, 376, 388, 400, 461—462, 479, 522
ШУМАН Роберт (1810—1856), немецкий композитор 54, 88
ШУМИХИН С. В. 18, 442, 452, 507
Шурка, сожитель проститутки Татьяны Васильевны 130
Шурочка — см. Дубровский А.
ШУТОВЫ (Миша Шутов, Шутиха), купцы, знакомые П. С. Мошкова 119, 307

ЩЕГОЛЕВ Павел Елисеевич (1877—1931), историк, литературовед 216, 256, 558
ЩЕГОЛЕВА (урожд. Богуславская) Валентина Андреевна (1878—1931), актриса, жена П. Е. Щеголева 322, 507, 511, 539, 558
ЩЕГОЛЕВЫ П. Е. и В. А. 319, 344
ЩЕРБАКОВ Р. Л. 491
ЩЕРБАТОВ С. А. 470
ЩУКО В. М. 547

ЭБШТЕЙН (у Кузмина также: Эпштейн): Анна Николаевна, Маруся, Юра, знакомые Мошковых и Кузмина 181, 210, 227—228, 243, 251, 280, 284, 291—292, 295, 304, 317, 336, 339, 342, 348—350, 352, 365, 407, 410, 412, 426
ЭВАЛЬД Федор Константинович, мировой судья Санкт-Петербургского уезда (?) 78, 82
Эдинька (Единька), знакомый В. Ф. Нувеля, служащий Театра П. П. Гайдебурова 247, 256, 279, 286, 288, 325—328, 333, 429
ЭЛЛИС (Кобылинский Лев Львович; 1879—1947), поэт, переводчик 312, 536, 538, 541, 550
ЭЛЬ-РУМИ — см. Руми
Эль-Руми — «гафизитское» прозвище Вяч. Иванова; см. также Гиперион
ЭРНФЕЛЬД, супруги, музыканты, гости В. Э. Мейерхольда 356

Юлия Николаевна, учительница, знакомая В. А. Мошковой 88, 208
ЮОН (Жюон, Juon) Павел (Поль) Федорович (1872—1940), композитор, по национальности швейцарец; брат художника К. Ф. Юона. В 1906—1934 гг. — профессор по классу композиции Высшей музыкальной школы; в 1934 г. переселился в Швейцарию. Автор музыки к балету «Психея» (1906 г.) 276
Юраша — см. Верховский Ю. Н.
ЮРГЕНСОН П. И. 448
Юрий Павлович — см. Дягилев Ю. П.
ЮРКЕВИЧ, приятель Кузмина в молодости 270
ЮРКУН Ю. И. 11—12, 15—17, 19, 450, 463, 477
Юрочка, знакомый С. П. Дягилева 423
ЮСИН, гимназист, персонаж из Таврического сада 227, 305, 325, 328—333, 335, 337, 339, 343, 345—347, 351, 398, 403, 522
ЮСУПОВ Феликс Феликсович, кн., граф Сумароков-Эльстон (1887—1967), известен как один из участников убийства Г. Е. Распутина 47
Юша — см. Чичерин Г. В.
ЮШКЕВИЧ Семен Соломонович (1868—1927), прозаик, драматург 262, 494

ЯБЛОНОВСКИЙ С. В. 514
ЯВОРСКАЯ (урожд. Гюббенет, по мужу кн. Барятинская) Лидия Борисовна (1872—1921), актриса Малого (Суворинского) театра 411, 499
ЯГОДА Г. Г. 13
ЯКОБИ Валериан Иванович (1834—1902), художник 98
ЯКОБСОН, знакомые Мошковых по Удельной 31
Яков, банщик 131
Яков, работник в Окуловке 377, 380, 390, 392

Яков, ямщик — см. Трегубенко Я. И.
Яков Иванович, служащий Г. М. Казакова 105
ЯКУНЧИКОВ Владимир Васильевич (1855—1916), директор Товарищества Воскресенской мануфактуры, был вхож в московский артистический круг (?) 257
ЯНОВА Мария Владимировна, преподавательница музыки и пения на музыкальных курсах И. Гляссера и в гимназии Стеблин-Каменской (?) 357
ЯРЕМИЧ Степан Петрович (1869—1939), живописец и график, историк искусства, коллекционер, музейный работник, близкий к группе «Мир искусства» 422, 425
ЯРЦЕВ Петр Михайлович (1871—1930), театральный критик, драматург, режиссер; в сезоне 1906/1907 гг. — заведующий литературным бюро Театра В. Ф. Комиссаржевской 265, 277, 494
ЯСИНСКИЙ И. И. 507

ADAM — см. Адан А. Ш.
ALBERT Paul — см. Альбер П.
ALBENIZ — см. Альбенис И.
ALLEGRO — см. Соловьева П. С.
ANDERSEN — см. Андерсен Х.-К.
ANDRENE, певец (?) 68
ARETINO — см. Аретино П.
ARLOTTO Piovano — см. Арлотто Пиовано
AUBERT — см. Обер Л. Ф. М.

BELLINI — см. Беллини В.
BEARDSLEY — см. Бердсли О.
BERLIOZ — см. Берлиоз Г. Л.
BIZET — см. Бизе Ж.
BRACCIOLINI Poggio — см. Браччолини П.
BURN-JONES — см. Берн-Джонс Э.

CARLSON M. 554
CASTI — см. Касти Дж. Б.
CASTILLON — см. Кастийон Сен-Виктор А. де
CAVALCANTI — см. Кавальканти Г.
CELLINI — см. Челлини Б.
CHAMPION M. 551
CIMAROSA — см. Чимароза Д.
CHAMINADE — см. Шаминад С. Л. С.
CHAUSSON — см. Шоссон Э.
CLAIRON — см. Клерон
COUPERIN — см. Куперен Ф.
CREBILLON — см. Кребийон К. П. Ж.

D'ANCOURT — см. Данкур
D'ANNUNZIO — см. Д'Аннунцио Г.
DALAYRAC — см. Далайрак Н.
DELIB — см. Делиб К. Ф. Л.
DUKAS — см. Дюка П.
DUNKAN — см. Дункан А.
DUPARC — см. Дюпарк М. Э. А.

EINSTEIN L. 447
ESPINOSI MARATI, маркиза, знакомая Кузмина в Италии 271

FIORENTINO — см. Giovanni Fiorentino
FOGAZZARO — см. Фогаццаро А.
FRANCE — см. Франс А.
FRANCK — см. Франк С. О.

GAUTIER — см. Готье Т.
GUILBERT I — см. Гильбер И.
GIOVANNI FIORENTINO — см. Джованни Флорентиец
GLÜCK — см. Глюк К. В.
GOLDONI — см. Гольдони К.
GONZAGA LUIGI — см. Алоизий (Луиджи) Гонзага
GRÉTRY — см. Гретри А. Э. М.

HAMILTON — см. Гамильтон Э.
HAHN — см. Ган Р.
HARER K. 17
HAYDN — см. Гайдн Ф. Й.
HENRY, парижский знакомый С. Ю. Судейкина 258
HIVIER, парикмахер
HOFFMANN — см. Гофман Э. Т. А.

d'INDY — см. д'Энди П. М. Т. В.

LADMIRAULT — см. Ладмиро П.
LE SUEUR — см. Лесюэр Ж. Ф.
LEVAILLANT — см. Левайян Ф.

Louise, неустановленное лицо в Париже 228
LOUYS — см. Луис П. Ф.

MACHIAVELLI — см. Макиавелли Н.
MAHLER — см. Малер Г.
MAROT — см. Маро К.
MARTINI — см. Мартини Дж. Б.
MARIVAUX — см. Мариво П. К.
MASSENET — см. Массне Ж.
MENDELSOHN — см. Мендельсон Я. Л. Ф.
MEYERBEER — см. Мейербер Дж.
MICHELL — см. Мишель Л.
MONGAULTIER, бабка Кузмина 267
MOZART — см. Моцарт В. А.
MORI — см. Мори
MUSSET — см. Мюссе А.

PARKER, англичанин, знакомый Кузмина 349
PAËR — см. Паэр Ф.
PIERNE — см. Пьерне А. К. Г.
POE — см. По Э. А.
POMPADOUR — см. Помпадур
Princesse Palatine — см. Елизавета-Шарлотта
PRINCIPINO — см. Святополк-Мирский Д. П.

QUERLON — см. Керлон А.-Г. М.

RAMEAU — см. Рамо Ж. Ф.
RAVEL — см. Равель М. Ж.
REGER — см. Регер М.
RENOUVEAU — см. Нувель В. Ф.
RICHTER J. P. — см. Жан Поль
ROSSI A. — см. Росси А.
ROSSINI — см. Россини Дж. А.

SACCHINI — см. Саккини А.
SALUTATI — см. Салутати К.
SENFF B. — см. Зенф Б.
SAINT-SAENS — см. Сен-Санс К.
SEVERAC — см. Северак Д.
SEVIGNE de — см. Севинье М. де
SCARLATTI — см. Скарлатти А.
SHUBERT — см. Шуберт Ф.
SIBELIUS — см. Сибелиус Я.

THELLIER Marcel, французский вице-консул в Петербурге 377, 535—536

VAILLANT — см. Левайян Ф.
VERTU — см. Вертю Л.
Vittorio — см. Наумов В. А.

WEBER H. v. 490
WEBER — см. Вебер К. М.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

М. Кузмин. Дневник 1905 года 27

Дневник 1906 года 95

Дневник 1907 года 301

Комментарий 441

Указатель имен 561

По всем вопросам приобретения книги обращаться:
ООО «РЕТРО»
Санкт-Петербург, ул. Корнеева, д. 6.
Тел.: (812) 325-19-38;
E-mail: petropol.spb@mailbox.alkor.ru
Москва: тел. (095) 178-47-78, 919-96-00.
На территории США и Канады книги
«Издательства Ивана Лимбаха»
оптом и в розницу можно приобрести по адресу:
Petropol, Inc.
1428 Beacon Street
Brooklin, MA 02446
Tel.: (617) 232-8820 / (800) 404-5396
Fax: (617) 713-0418
E-mail: petropol@gis.net
Интернет-магазин: *www.petorpol.com*

М. КУЗМИН

Дневник 1905–1907

Дизайн
Д. С. Плаксин, С. Д. Плаксин
Научный рецензент *А. В. Лавров*
Редакторы *В. Н. Сажин, М. М. Павлова*
Корректоры *Р. Г. Запесоцкая, О. Э. Карпеева*
Компьютерная верстка
Н. Ю. Травкин
Компьютерная обработка шрифтов
Ю. Г. Огурцов

Лицензия ЛР № 064183 от 02.08.95. Подписано в печать 14.06.2000.
Формат 60×100 1/16. Гарнитура Newton, Helvetica.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 42,18.
Тираж 5000 экз. Заказ № 994.
Издательство Ивана Лимбаха

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГПП «Печатный Двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ISBN 5-89-059-025-1